

Институт экономики УрО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Уральский институт управления
РАНХ иГС при Президенте РФ
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Женский Парламент Свердловской области
Уральский государственный медицинский университет Минздрава России
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза
РОО «Форум женщин Урала»
при поддержке Законодательного Собрания Свердловской области

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРОСТРАНСТВЕННО-
ВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ**

VI Уральский демографический форум

Сборник материалов

Том II

Екатеринбург – 2015

УДК 314
ББК 60.7 (2Рос)

Оргкомитет форума выражает благодарность Федеральному агентству научных организаций России за субсидию на выполнение государственного задания по оказанию государственных услуг/выполнение работ в 2015 г.

Ответственные редакторы:

академик РАН А. И. Татаркин
доктор социологических наук, проф. А. И. Кузьмин

Рецензенты:

доктор экономических наук, проф. О. А. Козлова
зав. кафедрой управления персоналом Уральского института управления РАНХ и ГС при Президенте РФ,
доктор социологических наук, доц. Н. Г. Чевтаева

Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием: Том II. Экономико-демографическое поведение домохозяйств в условиях перехода на инновационный тип развития. Медико-демографические аспекты естественного и механического движения населения. Опыт демографической политики на постсоветском пространстве: риски пенсионной реформы (круглый стол) / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д. социол. н. А.И. Кузьмин.— Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. – 445 с.

ISBN 978-5-94646-524-3

В сборнике представлены доклады VI Уральского демографического форума с международным участием «Демографические процессы на постсоветском пространстве», посвященного актуальным проблемам социально-демографического развития России и регионов. Во втором томе опубликована работа основных дискуссионных площадок форума, на которых обсуждались экономико-демографическое поведение домохозяйств в условиях перехода на инновационный тип развития, медико-демографические аспекты естественного и механического движения населения, а также круглого стола, посвященного опыту демографической политики на постсоветском пространстве: риски пенсионной реформы.

Сборник представляет интерес для специалистов в области социально-экономической и демографической политики, историков, социологов, работников социальной защиты и охраны труда, медиков, преподавателей, аспирантов и всех интересующихся демографическими проблемами.

УДК 314
ББК 60.7 (2Рос)

ISBN 978-5-94646-524-3

© Институт экономики УрО РАН, 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

5. ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА ИННОВАЦИОННЫЙ ТИП РАЗВИТИЯ..... 7

Барашкова А.С., Неустроева А.Б. МОТИВЫ ПЕРЕМЕНЫ МЕСТА РАБОТЫ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ГЛАВ ДОМОХОЗЯЙСТВ ЯКУТИИ)	7
Беленкова Т.В., Бедрина Е.Б., Козлова О.А. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ПРИОРИТЕТНЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	13
Белехова Г.В. КРЕДИТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ: СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	19
Васильева Е.В., Наслунга К.С. УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	25
Воронина Л.Н. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО- ЛОКАЛИЗОВАННЫХ РЫНКОВ ТРУДА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	32
Глухих П.Л. БИЗНЕС И(ИЛИ) СЕМЬЯ: ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ ...	37
Журавлев Н.Ю. ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ПОСТАРЕНИЯ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ).....	41
Илинбаева Е.А. ЦЕННОСТИ И МОТИВАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ К ВОЗМОЖНОСТИ ЖИТЬ В ЗДОРОВОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ МО Г. ЗАРЕЧНЫЙ).....	46
Камарова Т.А. ТРЕНДЫ НЕСТАНДАРТНОЙ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА ИННОВАЦИОННЫЙ ТИП РАЗВИТИЯ	52
Кац И.С., Симонова В.Л. РОЛЬ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ	60
Коновалова В.С. СОДЕЙСТВИЕ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2015 Г.	66
Копалова О.С., Черкасова В.Ю. БЕЗРАБОТИЦА И РЫНОК ТРУДА В РОССИИ	69
Кривенко И.А., Никулина Н.Л. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБСКОГО ТРУДА В РЕГИОНАХ РОССИИ КАК ДЕСТРУКТИВНОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ.....	74
Кузьмин А.И., Носов А.А. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ И МОТИВЫ МАЯТНИКОВОЙ МИГРАЦИИ	78
Кузьмин А. И., Кузьмина А.А. ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ К ДОХОДАМ И ИСТОЧНИКАМ СРЕДСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВЫБОРОЧНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ 2015 ГОДА.....	87
Куприна Т.В. ДЕТСКО-ЮНОШЕСКАЯ МИГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ.....	91
Кучмаева О.В. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРВЫЕ ШАГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	98
Малыш Е.В. РЕНТООРИЕНТИРОВАННЫЕ ТРЕНДЫ ЭКОНОМИКО- ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ.....	107
Мельникова А.С. ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ, ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ	112
Оспанова С.С. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН НА ОСНОВЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА	116

Патрушева С.Б. ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА – ОДНО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ	123
Пациорковский В.В. ДОМОХОЗЯЙСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ СЕМЕЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ	127
Полкова Т.В. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ	134
Пышминцева О.А. МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ.....	141
Саранчук С.Ю., Чевтаева Н.Г. ТРУДОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ НА РЫНКЕ ТРУДА	147
Сергеева Л.В. ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ	153
Смирнов А.В. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА С УЧЕТОМ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ	158
Терентьева М.А. ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	163
Тонких Н.В. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА СФЕРУ ЗАНЯТОСТИ: НЕСТАНДАРТНЫЕ РЕШЕНИЯ	169
Черешова С.В. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СЕКТОРА ДОМОХОЗЯЙСТВ, ИМЕЮЩИХ ТРЕХ И БОЛЕЕ ДЕТЕЙ	175
6. МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЕСТЕСТВЕННОГО И МЕХАНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ.....	181
Акрамова Ш.Х. МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УЗБЕКИСТАНА	181
Акьюлов Р.И. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ ИММИГРАЦИИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	185
Андреева Е.Л., Кузьмин А.И., Ратнер А.В. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ КАК РЕГУЛЯТОР МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ В УРФО.....	191
Бедрина Е.Б., Неклюдова Н.П., Струин Н.Л. МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ГЛАЗАМИ СПЕЦИАЛИСТОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ВОПРОСАМИ ПРЕБЫВАНИЯ И РАЗМЕЩЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН	197
Бедрина Е.Б., Струин Н.Л. УГРОЗЫ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОМУ БЛАГОПОЛУЧИЮ АКТИВНО РАЗВИВАЮЩИХСЯ РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ РОСТА ТРУДОВОЙ ИММИГРАЦИИ	204
Безвербный В.А. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР: ТЕНДЕНЦИИ, ФАКТОРЫ, ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ.....	210
Безуглая Л. И. ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ РЕШЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ЗОНЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ	217
Боднар Э.Л., Шахматова Е.П. ТРУДНОСТИ ВУЗОВСКОЙ АДАПТАЦИИ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ	222
Власюк А.В., Темникова Ю.А. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОЭФФИЦИЕНТА ЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	228
Габдрахманов Н.К., Егоров Д.О. ВЛИЯНИЕ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ФАКТОРА НА ОЖИДАЕМУЮ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)	233
Гокова О.В. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ	241

Гордеева С.С., Хачатрян Л.А. ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ПРОМЫШЛЕННО-РАЗВИТЫХ РЕГИОНАХ РФ	247
Губина О.В., Проворова А.А., Кармакулова А.В., Воронина Л.В. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	253
Гурвич В.Б., Дерстуганова Т.М., Ярушин С.В., Козлова О.А. ОЦЕНКА СТРУКТУРЫ И ФАКТОРОВ РИСКА ПОВЫШЕНИЯ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЯНВАРЕ-АПРЕЛЕ 2015 Г.....	259
Игошев М.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОДХОДЫ..	264
Кондакова Н.А. ТЕНДЕНЦИИ И ПРИЧИНЫ СМЕРТНОСТИ МЛАДШЕГО ПОКОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)	272
Короленко А.В. СМЕРТНОСТЬ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	278
Макарова М.Н. ЭНТРОПИЙНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ТРУДОСПОСОБНОМ ВОЗРАСТЕ.....	285
Масленников М.И. ТРАНСГРАНИЧНАЯ МИГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ	289
Молчанова Е.В., Кручек М.М. ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗЕЙ МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ С ПОМОЩЬЮ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ	293
Нифантова Р.В. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.....	300
Носов А.А. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ МАЯТНИКОВЫХ МИГРАНТОВ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ УрФО	304
Павлов Б.С., Анисимов С.А., Сентюрина Л.Б. ЗДОРОВЬЕ УРАЛЬСКИХ ПОДРОСТКОВ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ	307
Петракова Ю.Н. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	313
Полкова Т.В. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ	320
Полкова Т.В., Нифантова Р.В. СРЕДНЯЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ В АНАЛИЗЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (на примере стран Таможенного союза)	330
Радостева Ю. В. ВЛИЯНИЕ ИНТЕНСИВНОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НА ТРЕНДЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СССР И В РОССИИ.....	334
Сафиуллина Р.М., Сафиуллин М.Р., Насырова Э.В. ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	342
Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. ТЕРРИТОРИАЛЬНО-СТРУКТУРНАЯ ОЦЕНКА ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ ..	349
Сухинин С.А. МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	355
Талалаева Г.В. ТИТУЛЬНАЯ ИЛИ ГИБРИДНАЯ НАЦИЯ: АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ДЕМОГРАФИИ УРАЛА	361
Тарасьев А.А., Тарасьева Т.В. ДИНАМИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОЗРАСТНОГО СОСТАВА МИГРИРУЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ.....	367
Тельнов В.И., Третьяков Ф.Д. МЕТОДОЛОГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНКИ ВКЛАДА ПОВЫШЕННОЙ И ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЙ СМЕРТНОСТИ	

В ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ В ПОПУЛЯЦИОННЫХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	374
Тухтарова Е.Х. ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА ЭКОНОМИКУ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	381
Хамитова Л.М. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СМЕРТНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН.....	387
Хасанова Р.Р. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО УРОВНЮ СМЕРТНОСТИ.....	389
Хилажева Г.Ф. МИГРАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	394
Шамсутдинова Н.К. КЛАССИФИКАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ПО УРОВНЮ СМЕРТНОСТИ ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН	400
Шевалдина Е.И.МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ В РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН.....	405
Шишкина М.А. СОХРАНЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ КАК ЗАДАЧА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	412
7. ОПЫТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РИСКИ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)	419
Варнавская Р.А. АНАЛИЗ ПЕНСИОННЫХ ЗАКОНОВ ЗА СОВЕТСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ПЕРИОДЫ	419
Коровкин А.Г., Единак Е.А., Королев И.Б. ПОВЫШЕНИЕ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА, РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА И СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ	431
Соловьев А.К. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	437

5. ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА ИННОВАЦИОННЫЙ ТИП РАЗВИТИЯ

УДК 316

Барашкова А.С., Неустроева А.Б.

МОТИВЫ ПЕРЕМЕНЫ МЕСТА РАБОТЫ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ГЛАВ ДОМОХОЗЯЙСТВ ЯКУТИИ)

Аннотация. *Раскрыты масштабы и мотивы трудовой мобильности глав домохозяйств Якутии. Чаще меняли прежнюю работу специалисты и квалифицированные рабочие-мужчины молодого возраста. Показан уровень потенциальной трудовой стратегии в зависимости от удовлетворенности работой. Преобладает стабильная стратегия.*

Ключевые слова: мотивы, смена места работы, удовлетворенность работой, домохозяйства.

Среди всех видов социальной мобильности наиболее значимой для улучшения экономического положения семей, социального статуса человека является трудовая мобильность. К трудовым (профессиональным) перемещениям относятся изменения уровня образования, перемещение по лестнице профессиональной иерархии и профессионального престижа, изменение уровня оплаты труда, перемена места работы, профессии, специальности. В докладе на базе материалов конкретного обследования раскрыты мотивы смены места работы глав домохозяйств, занятых в отраслях экономики Республики Саха (Якутия). При проведении опроса внимание было обращено к выбору поселений разного функционального типа, в выборке обследования были представлены: многофункциональный город со столичной функцией, Якутск; промышленный город – районный центр Нюрба; улусный центр – село Борогонцы; сельские поселения: Антоновка (Нюрбинский район) и Бэрия (Усть-Алданский район). Выборочная совокупность составила 302 домохозяйства. В анкету вошли вопросы, касающиеся профессии, образования, карьеры, материального положения, удовлетворенности трудом, социальной и профессиональной мобильности и т.д. При математической обработке данных использовались «матрица мобильности» или социально-демографический баланс с выпускающими и принимающими группами.

Необходимость изучения данного аспекта трудовой мобильности продиктована сохраняющимся интенсивным перетоком занятого населения как в отраслевом, так и в территориальном разрезах. С 90-х годов в Республике Саха (Якутия) происходят усиленные перемещения занятых в секторах разной формы собственности, между отраслями экономики и внутри социально-профессиональной структуры. Как видно из табл. 1, сокращение занятых из госсектора наблюдалось на протяжении 90-х годов и в настоящее время численность занятых на предприятиях государственной и муниципальной формы собственности меньше, чем в частном секторе. Весьма заметные колебания характерны для занятых на предприятиях смешанных форм собственности. Одной из основных причин столь значительного перетока работников из государственного в частный сектор является относительно высокий доход в частном секторе.

Таблица 1

Динамика доли занятого населения в секторах экономики по форме собственности, % [4, с. 79; 5, с. 111]

Доля занятого населения	1992 г.	1996 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.
На предприятиях государственной и муниципальной формы собственности	88,2	53,5	52,1	51,1	43,6	40,5
В частном секторе	10,0	24,1	29,1	32,5	40,3	45,9
В смешанных формах собственности	1,3	22,1	18,2	15,0	12,8	11,5
В общественных организациях	0,3	0,1	0,4	0,3	0,2	0,3
В иностранных, совместных российско-иностраных фирмах	0,1	0,2	0,3	1,0	3,1	1,8

Наблюдается тенденция, когда численность квалифицированной рабочей силы уменьшается, происходит увеличение численности среднеквалифицированных и неквалифицированных рабочих, а также служащих в сфере услуг. В то же время современная структура занятости дает больше шансов выхода на высокие позиции, увеличилась численность занятого населения на руководящих должностях. Отраслевая структура занятости по сравнению с 90-ми годами сместилась от первого (сельское хозяйство) и второго (промышленность и строительство) секторов к сектору услуг и социальному сектору (здравоохранение, образование, культура и искусство, управление). В то же время, снижение численности работников во втором секторе происходило за счет значительного уменьшения работников строительства, а промышленность республики характеризовалась ростом численности работников.

В течение трудовой жизни человек, а тем более глава домохозяйства, имеющий детей, использует различные трудовые стратегии: кто-то стремится к карьерному росту, другой – ценит стабильность. Перемещения глав домохозяйств с одного предприятия на другое за последние десять лет измерялись в нашем исследовании с помощью вопроса: «За последние десять лет сколько раз Вы меняли место работы?». Сменили место работы хотя бы один раз 53,5%, в т.ч. от одного до двух раз меняли место работы 31,6% опрошенных. Три-четыре раза поменяли место работы 17,6%, пять и более раз – 4,2%.

Гипотеза, что молодые более мобильны, нежели остальные работники, подтвердилась и в нашем исследовании. Самая высокая интенсивность смены места работы была зафиксирована в возрастных группах от 25 до 34 лет (65%). 35 – 44-летние также оказались достаточно мобильными (61%). Среди глав «возрастных» домохозяйств только 1/5 хотя бы один раз за весь трудовой стаж поменяли место работы.

Мужчины-главы оказались более мобильными, чем женщины: среди сменивших работу они составили 59%, хотя их доля в общем числе опрошенных равнялась всего 36,9%. Эта закономерность совпадает с результатами других российских исследований. Так, Е.И. Ольбикова видит причину этого в том, что мужчины меньше зависимы от источников дохода, от постоянного места работы, больше склонны к риску, а женщинам более присуща выжидательная, стабильная стратегия [2, с. 79].

Наиболее мобильными были наемные работники и владельцы или совладельцы предприятия (57 и 50% соответственно). Полная стабильность была у работающих без оплаты на семейном предприятии или в ремесле. В зависимости от

профессионально-должностного статуса наиболее часто меняли место работы специалисты и квалифицированные рабочие (71 и 71,4% соответственно). Стабильной позиции придерживались неквалифицированные и среднеквалифицированные рабочие (58,8 и 57,1% соответственно не меняли места работы ни разу).

Анализ направленности профессиональной мобильности показал, что для большинства глав семей было характерно сохранение своего социально-профессионального статуса. В то же время, у тех респондентов, которые имели мобильную трудовую стратегию поведения (в нашем случае она означала смену профессии (специальности), повышение квалификации, переход от одного предприятия на другое) чаще всего наблюдалась восходящая мобильность, выражавшаяся в повышении квалификационно-должностного статуса. Для респондентов со стабильным трудовым поведением на рынке труда, которая характеризовалась продолжительной работой на одном и том же предприятии без изменения профессии (специальности), профессиональная мобильность чаще имела «нулевой» характер, а в некоторых случаях была нисходящей.

Большинство глав семейств, которые после смены места работы повысили свой должностной статус, в основном совершили «короткодистанционные» перемещения, то есть перемещения в группы, смежные с группами, которые они до этого занимали.

В опросе была выявлена четкая зависимость между трудовой и профессиональной мобильностью и образованием главы домохозяйства: чем выше уровень образования, тем чаще респонденту приходилось менять место работы, профессию. То есть уровень образования существенным образом влиял на распределение работников на рынке труда, в особенности в отношении шансов попасть в безработные и неравенства оплаты труда.

Анализ потенциальной профессиональной мобильности проведен по ответам на вопрос: «Собираетесь ли Вы работать на данном месте через год?». Далее была составлена простая дихотомия «стабильная – мобильная стратегия», выявившая тенденцию к стабильности. 52% глав семей планируют остаться на том же месте, где они работали на момент опроса. Тенденция к мобильности, характеризующаяся стремлением сменить место работы, оказалась маловыраженной (только 16%); почти треть работников затруднилась с ответом. Таким образом, большинство глав обследованных нами домохозяйств намеревалось в будущем придерживаться стабильной стратегии поведения, но желало бы повысить свою квалификацию и должность. Это говорит о том, что на современном рынке труда требования к работнику повышаются и респонденты понимают это.

В таблице 2 показано распределение ответов опрошенных в зависимости от их удовлетворенности работой и потенциальной профессиональной стратегии. Внутри стабильной группы преобладало число «скорее удовлетворенных, чем не удовлетворенных работой» и «полностью удовлетворенных». Работников, которых не удовлетворяла их работа, в стабильной группе было мало. Внутри мобильной группы более половины респондентов были полностью удовлетворены работой – 61,7% и «скорее удовлетворены» – 17%. Сочетание достаточно высокой удовлетворенности местом работы и потенциальной мобильности может говорить о возобладании личностных стимулов: эти люди привыкли часто менять работу,

любят перемены. Данные исследования говорят также о вынужденной мобильности.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены Вашей работой в целом?» в зависимости от того, собирается ли глава семьи менять данное место работы, % к итогу

Группа семей по типу трудовой стратегии главы	Удовлетворенность работой			
	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен, чем нет	Больше не удовлетворен	Полностью не удовлетворен
Стабильная	34,9	44,6	6,6	13,9
Мобильная	61,7	17,0	10,6	10,6
Не определившиеся	35,4	28,3	19,2	17,2
Итого	39,1	35,3	11,2	14,4

Рассмотрим параметры места труда, по которым определялась степень удовлетворенности (неудовлетворенности): уровень оплаты труда, условия и тяжесть труда, режим работы, содержание труда, отношения с коллективом, отношения с руководством, жилищные условия, возможности для карьерного роста. Одним из важнейших факторов смены места работы является уровень оплаты труда на предприятии. С экономической точки зрения работник будет стремиться туда, где заработная плата будет выше. Доля удовлетворенных оплатой труда составила всего одну четверть опрошенных, 66% респондентов выказали свое недовольство уровнем получаемой заработной платы, остальные затруднились с ответом. Больше всего неудовлетворенных (70,9%) уровнем оплаты труда было внутри группы не определившихся в плане трудовой стратегии.

Условия и тяжесть труда также являются важным фактором при выборе работы. В основном опрошенные работники были удовлетворены условиями труда (59,1%), около одной трети не удовлетворены, 10,7% респондентов не смогли ответить на поставленный вопрос. Процент неудовлетворенных условиями и тяжестью труда был больше в группе мобильных работников (37%), как и ожидалось. Достаточно высокой оказалась доля удовлетворенных режимом работы, только 25,9% ответили, что им не нравится и не подходит режим работы. Больших различий по данной характеристике труда между мобильными и стабильными работниками не выявлено.

Неудовлетворенность содержанием труда, помимо прочих причин, может говорить об ошибке при выборе профессии. Не были удовлетворены содержанием своей работы 21,8% респондентов, удовлетворены 65,1%, не определились 13,1%. Среди мобильной группы неудовлетворенных было почти на 10% больше, чем среди стабильных работников. В оценке места труда немаловажны отношения в коллективе, которыми были удовлетворены 82,3% работников, не удовлетворены 11,9%, остальные затруднились ответить. Работники – главы семей со стабильной стратегией, в отличие от работников с мобильной стратегией или не определившихся, чаще удовлетворены отношениями в коллективе. Примерно такое же распределение наблюдается и в оценке отношения с руководством: удовлетворены 73,8%, не удовлетворены 16,4%, затруднились ответить 9,7%. И вновь работники с мобильной стратегией удовлетворены реже (на 13,5%).

Возможности для карьерного роста являются одной из важных характеристик места работы. Анализ вопроса показал, что большинство

респондентов (41,2%) не задумывались над этим, 30,4% ответили, что совсем не удовлетворены карьерным ростом, 28,4% были удовлетворены. В группе мобильных работников доля не удовлетворенных была выше на 5,1%. Таким образом, степень неудовлетворенности по всем аспектам труда в группе работников, которые хотели бы в течение года найти другое место работы, была выше примерно на 5 – 10%, чем в стабильной группе.

Анализ удовлетворенности трудом выявил высокие потребности среди молодых глав домохозяйств, имеющих высокое образование. Среди них было больше всего не удовлетворенных трудом, в частности, оплатой труда и возможностями для дальнейшего карьерного роста. Также дальнейший рост уровня образования среди молодежи может привести к перенасыщению рынка труда в одних поселениях и недостатку в других, что приведет к новым широким социально-профессиональным перемещениям.

Какие же изменения в трудовой деятельности хотели бы видеть опрошенные члены семей? Наиболее часто встречаемые варианты: «хотел бы получить другую профессию (специальность)», «повысить свою квалификацию», «поступить в вуз». Почти каждого четвертого респондента волновали перспективы карьерного роста на одном предприятии, без смены профессии или специальности. Хотели бы перейти на другое предприятие с изменением специальности и должности 12,3% и перейти на другое предприятие по той же специальности и должности 7%. Менее значимыми оказались варианты в связи с поступлением в аспирантуру, достижением пенсионного возраста.

Рассмотрим процесс профессиональной мобильности с точки зрения участвующего в нем индивида, который меняет прежнюю профессию и выбирает определенную стратегию будущего поведения. Несмотря на индивидуальный характер решения, у исследователя остается возможность выявить как общие особенности, присущие всей выборке, так и специфические, связанные с выраженностью локуса контроля. В связи с этим определим, кто и как меняет профессию?

Распределение мотивов, по которым респонденты хотели бы сменить специальность, профессию, выглядит следующим образом. Вновь на первое место вышел материальный фактор профессиональной мобильности, 27,4% глав семей сменили бы свою профессию по причине низкой оплаты труда. На втором месте – неудобное время работы (12,3%). Далее следуют мотивы несколько амбициозного характера: профессия не позволила проявить человеку своих способностей (10,9%), повышаться по службе (9,4%), достигнуть высокого общественного положения (7,4%), не имела творческого подхода (8,9%). Также было указано, что «Профессия не позволила повышать квалификацию» (7,1%). Таким образом, приведенные данные фиксируют реальные сдвиги в занятиях населения в переходный период и преобладание среди причин социально-профессиональной мотивации материальных соображений, что вполне согласуется и с другими исследованиями [3, с. 71-72].

Рассмотрим каналы, по которым осуществляется профессиональная мобильность. Наибольшее число респондентов (37,7%) трудоустроилось самостоятельно, обращаясь непосредственно в отделы кадров предприятий, организаций и учреждений. Чаще всего данный вариант выбирало старшее поколение. Если среди молодежи использовали данный канал 30%, то в группе

пенсионеров – 83%. Чаще всего к данному виду канала прибегали люди, не имеющие ни профессии, ни квалификации. Как правило, самостоятельно можно трудоустроиться только на низкоквалифицированные, малооплачиваемые места. Кроме того, самостоятельное трудоустройство было присуще работникам таких востребованных рабочих профессий на строительстве, горнодобывающей промышленности, дорожном строительстве.

На второе место по частоте использования (более 30% респондентов) выходят личные связи на почве землячества, родства, дружбы. Использование личных связей предполагает различные формы помощи: прямую помощь при устройстве на работу, предоставление информации о рабочем месте, профессионально – «знакомственное» трудоустройство, что было выявлено и в ходе изучения проблем трудоустройства выпускников Якутского госуниверситета [1, с. 150-151]. Особенно проблематично трудоустроиться молодежи, которая ныне активнее остальных групп обращается (или вынуждена обращаться) к протекции или рекомендации. Так, если 41% 18–35-летних респондентов признались, что устроились на работу по знакомству, то в возрастной когорте 56 лет и старше к этому прибегли в свое время только 16%. 12,1% ответили, что нашли работу по объявлениям о вакансиях в газетах и журналах. Такой формальный канал профессиональной мобильности, как служба занятости и биржа труда, использовали только 6,2% опрошенных нами респондентов. Интернет для поиска работы использовали только 1,6% респондентов, в основном это были мужчины. Таким образом, среди опрошенных более действенными оказались неинституционализированные каналы трудоустройства.

Библиографический список

1. Барашкова А.С., Кайгородова С.И., Кайгородов С.П. Мотивация трудоустройства и стратегии поиска работы в зеркале мнений выпускников ЯГУ (по результатам выборочного социологического опроса). Сборник научных работ. Вып. 12. /Институт социальных проблем труда АН Республики Саха (Якутия). Якутск: изд-во ЯНЦ СО РАН, 2006. С. 149-156.
2. Ольбикова Е.И. Влияние образовательных различий на характер трудовой мобильности работников (на российском рынке труда) // Экономическая социология (электронный журнал), www.ecsoc.mses.ru. 2003. Т. 4, № 5. С. 72-94.
3. Хлопова Т.В., Озерникова Т.Г. Трудовые ценности молодежи //Народонаселение. 2002, №4. С. 66-73.
4. Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия). Стат. сборник /[редкол.: Т.А. Торговкина (пред.) и др.]. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2004.
5. Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): статистический сборник / Федер. служба гос. статистики. территор. орган Федер. службы гос. статистики по Респ. Саха (Якутия); [редкол.: И.К. Гаевая (ред.) и др.]. Якутск, 2001-2014. Якутск: Якутский край, 2014.

© Барашкова А.С., Неустроева А.Б., 2015. Текст.

Информация об авторах

Барашкова Анастасия Спиридоновна (г. Якутск, Россия) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, НИИ региональной экономики Севера СВФУ им. М.К. Аммосова (677891, г. Якутск, ул. Петровского, д. 2; e-mail: asbarashkova52@mail.ru).

Неустроева Аиза Борисовна (г. Якутск, Россия) – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социальных проблем труда Академии наук Республики Саха (Якутия) (677007, г. Якутск, пр. Ленина, 33; e-mail: aizok@mail.ru).

Barashkova A.S., Neustroeva A.B.

MOTIVES CHANGE JOBS (BY THE RESULTS OF SOCIAL INTERVIEW OF HEADS OF HOUSEHOLDS YAKUTIA)

Abstract. *The scope and motives of labor mobility of heads of households in Yakutia are revealed. Experts and qualified young workers-males changed former work more frequently. The level of potential employment strategy depending on job satisfaction with work is shown. The stable strategy prevails.*

Keywords: motives, job change, job satisfaction, households.

Information about the authors

Barashkova Anastasiya Spiridonovna (Yakutsk, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Leading researcher of the Research Institute of the Regional Economy of the North of the M.K. Ammosov's North-Eastern Federal University (2, Petrovsky st., Yakutsk, 677891, Russia; e-mail: asbarashkova52@mail.ru).

Neustroeva Aiza Borisovna (Yakutsk, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Leading researcher of the Center for Social Problems of Labor of Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia) (33, Lenin Av., Yakutsk, 677007, Russia; e-mail: aizok@mail.ru).

УДК 330.32

Беленкова Т.В., Бедрина Е.Б., Козлова О.А.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ПРИОРИТЕТНЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ*

Аннотация. *Статья посвящена вопросам формирования и привлечения человеческого капитала. В статье анализируются последствия процесса «утечки умов». Основная цель – показать, что человеческий капитал является в современных условиях главным фактором экономического развития стран. Авторами делается вывод о необходимости противостояния данных процессов и важности проведения дифференцированной миграционной политики.*

Ключевые слова: человеческий капитал, утечка мозгов, дифференцированная миграционная политика, экономическое развитие.

Переход в 60-е гг. XX в. к новому индустриальному обществу, характеризующемуся гибкими производственными системами, превалированием «рынка покупателя» над «рынком продавца», технологичной сложностью производственных процессов, потребовал переосмысления взглядов на источники экономического роста, в связи с чем в этот период времени появились и получили широкую популярность теории «человеческого капитала». Их создатели, Т. Шульц в статьях «Образование как источник формирования капитала» [11] и «Инвестиции в человеческий капитал» [12] и Г. Беккер в статье «Инвестиции в человеческий

* Статья подготовлена в рамках исследований по Программе № 15-14-7-2 «Прогнозная оценка приоритетных направлений модернизации уральского старопромышленного региона для расширения импортозамещения».

капитал» [8] и в фундаментальном труде «Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ» [7], показали, что финансовый капитал, преобразованный в человеческий, может быть источником получения выгод не только для самого его владельца, но и для общества в целом. А вложения в человеческий капитал являются самыми выгодными из всех возможных.

Анализируя темпы и источники экономического роста в США и 8 странах Западной Европы за период 1929-1970 гг., Э. Денисон обратил внимание на тот факт, что экономический рост определяется не столько количеством затраченных факторов, сколько их качественными характеристиками и их приращением. Так, на первое место среди факторов развития он поставил качество рабочей силы, которое напрямую определяется уровнем образования и профессиональной подготовки. По его оценкам, доля фактора образования в приросте национального дохода для США составила 15 %, Бельгии – 14 %, Голландии – 5 %, Англии – 12 %, Италии и Норвегии – по 7 %, Франции – 6 %, Дании – 4 %, ФРГ – 2 % [1, с. 14]. Более поздние расчеты, выполненные А. Меддисоном на основе данных 1973–1984 гг., показали рост эффективности данного фактора. А именно: вклад фактора образования в экономический рост США составил 23,4 %, Великобритании – 30,2 %, Японии – 11,3 %, Франции – 27,5 %, ФРГ – 5,9 % [10, р. 675]. В связи с этим можно предположить, что по мере развития научно-технического прогресса отдача от образования возрастает и в инновационном обществе человеческий капитал является приоритетным фактором экономического развития.

Подтверждением этому является рост конкуренции на мировом рынке за человеческие ресурсы. Именно наличие и качество человеческих ресурсов определяет основные потоки инвестиций, и является первичным критерием выбора региона для потенциального инвестора. Иллюстрацией этому могут служить новые индустриальные страны первой и второй волны, создавшие благоприятные условия для инвестирования, в том числе и за счет улучшения национальной системы образования, и демонстрировавшие высокие темпы экономического роста благодаря притоку ПЗИ.

Вопрос качества человеческих ресурсов является болезненным для многих развивающихся стран, особенно для тех, которые неспособны самостоятельно сформировать эффективную образовательную систему, и в силу этого, имея высокую наделенность природными ресурсами, становятся сырьевыми придатками ТНК, не желающих вкладывать средства в создание на их территориях перерабатывающих производств.

Понимая важность человеческого капитала, большинство стран мира проводят селективную миграционную политику, в рамках которой создание благоприятных условий для миграции высококвалифицированных кадров является важнейшей задачей государства. Так, по аналогии с грин-картой США, в 2009 г. Европейская Комиссия приняла директиву о введении «голубой карты» для высококвалифицированных кадров, прибывших из стран, не входящих в ЕС и ЕПС и не являющимися жителями Швейцарии. Данная карта предназначается, в первую очередь, для высококвалифицированных специалистов из Индии и Китая и предусматривает определенные требования к ее получателю. Германия, перешедшая на использование блу-карты в 2012 г., приняла соответствующие критерии для претендентов на ее получение по уровню образования, опыту работы, уровню доходов и востребованности специальности на национальном рынке труда.

В 2010 г. Российская Федерация также выделила в особую группу высококвалифицированных работников, предусмотрев для них определенные льготы трудоустройства и натурализации.

Ряд европейских государств особо поддерживает иностранных студентов, получающих образование по техническим дисциплинам, проводя политику их привлечения и трудоустройства на национальные компании и компании, представляющие интересы их стран.

Результатом дифференцированной политики миграции является тот факт, что в большинстве развитых стран средний уровень образования мигрантов превышает уровень образования коренного населения. Так, в соответствии с данными ОЭСР, в 2000 г. в Великобритании мигранты с высшим образованием составляли 34,8 %, в то время как среди местного населения этот показатель составлял 20,1 %, в Канаде – 38,0 % и 31,5 %, в Австралии – 42,9 % и 38,6 % соответственно [2, с. 32–39]. В 2012 г. в Германии 43 % мигрантов в возрасте от 15 до 65 лет имели высшее и среднее специальное образование, в то время как среди коренных немцев этот показатель составил всего 26 % [3].

Мобильности высококвалифицированных специалистов способствуют: деятельность ТНК, унификация системы образования, рост научных обменов, развитие системы связи и телекоммуникаций, увеличение информационной доступности, деятельность научных фондов и общественных организаций различного профиля.

Рост миграционных процессов происходит, с одной стороны, вследствие роста социально-экономической дифференциации стран, с другой стороны – усиливает общественные дисбалансы, ускоряя экономическое развитие тех стран, которые смогли абсорбировать человеческий капитал, и замедляя развитие стран-доноров.

В середине XX в. процесс перемещения высококвалифицированных кадров из одних стран в другие приобрел массовый характер. К этому времени «пылесосом», притягивающим к себе специалистов, ученых, деятелей культуры стали США. Эта тема начала активно обсуждаться только после заявления министра Великобритании по делам науки лорда Хейлши о «паразитировании американцев на британских мозгах», в связи с масштабным перемещением после Второй мировой войны ученых из Великобритании в США и Канаду. В 1963 г. в газете «Evening Standard» впервые появился термин «*brain drain*», то есть «утечка мозгов», который вскоре приобрел широкую популярность [6].

Больше всего от отъезда квалифицированных кадров страдают малые периферийные страны, из которых таланты перебираются в бывшие метрополии. Активность данного процесса повышается в случае наступления экономической и политической нестабильности, роста национализма, прихода к власти реакционных правительств. Согласно данным Фонда African Capacity Building Foundation, каждый год примерно 20 тыс. высококвалифицированных жителей африканского континента отправляются искать счастья в индустриально развитые страны, вследствие чего в этих странах возникает хронический дефицит квалифицированных кадров, снижается конкурентоспособность национальных экономик, в связи с чем, иностранных специалистов приходится импортировать из-за рубежа и платить им намного больше, чем получали бы их местные коллеги [13]. Возникает эффект «домино», когда выехавшие на заработки специалисты

замещаются мигрантами из других стран. По оценкам Всемирного Банка, страны Африки ежегодно тратят около 4 млрд долл. на оплату труда иностранных программистов, преподавателей, инженеров, менеджеров и других специалистов [14].

Среди негативных последствий формирования глобального рынка специалистов для стран-доноров можно также назвать снижение налоговых поступлений и размывание среднего класса, вследствие чего усиливается дифференциация в доходах населения, растет социальное неравенство.

Некоторые страны мира поощряют эмиграцию, в том числе и людей с высшим образованием, которые, трудоустроившись за рубежом, перечисляют к себе на родину часть заработной платы. Кроме того, в случае высокой безработицы, тем самым снижается социальная напряженность. К примеру, Филиппины поощряют отъезд за границу квалифицированных специалистов, не имеющих работы.

Однако, испытывая дефицит высококвалифицированных кадров – медицинских работников, технических специалистов, учителей – большинство стран пытаются ограничить их эмиграцию. Если правительства Китая и Индии первоначально поощряли образовательную миграцию в развитые страны, то в настоящее время Индия и Китай сами становятся важными образовательными центрами, благодаря увеличению государственных расходов на систему вузов и росту их участия в исследовательских программах. Тем самым происходит закрепление специалистов у себя на родине и привлекается человеческий капитал из других стран.

Первоначально многие исследователи «утечку мозгов» рассматривали как однозначно негативное явление, связанное с целенаправленной политикой развитых стран и являющееся, по своей сути, продолжением колониализма. Позже появилось представление, что миграция специалистов при условии их обратного возвращения на родину может быть выгодна не только для стран-реципиентов, но и для стран-доноров. Так, в конце XX в. на глобальном рынке труда возникло новое явление – «циркуляция мозгов» (brain circulation). Под «циркуляцией мозгов» понимаются циклические перемещения за границу для обучения и дальнейшей работы, а затем – возвращение на родину и улучшение профессиональной позиции за счет преимуществ, полученных во время пребывания за рубежом [5, с. 53]. Возвращаются на родину специалисты, привозя с собой новые знания, умения и опыт. Сторонники концепции «циркуляции мозгов» считают, что такая форма миграции усилится в будущем, особенно если экономические различия между странами будут уменьшаться.

Примерами циклической миграции может служить процесс возвращения малазийцев, обучавшихся в Австралии, китайцев и индусов, получивших образование в США и вернувшихся на родину. Понимая важность «циркуляции мозгов», страны-доноры пытаются создать благоприятные условия для вернувшихся специалистов.

Более половины высокотехнологичных новых компаний Тайваня основаны тайваньцами, вернувшимися из США. В Китае большую часть наиболее крупных интернет-компаний основали этнические китайцы, получившие образование также в США [9]. Центр сравнительных иммиграционных исследований при Калифорнийском Университете в Сан-Диего пришел к выводу, что бурный рост

информационных технологий в Индии в 2000-е годы был обусловлен возвращением на родину специалистов, в 1990-1995-е годы перебравшихся в США. Из 20 крупнейших софтверных компаний Индии 10 были образованы «американскими индусами», еще 4 компании были совместными предприятиями. В этих 14 компаниях топ-менеджерами были бывшие эмигранты. В итоге возвращение «мозгов» на родину привело к тому, что индийские IT-компании ныне обеспечивают около 7,5% ВВП страны и позволили создать более 2 млн рабочих мест [9].

Представители различных стран мира, сделавшие карьеру за рубежом и занимающие высокие посты в странах-реципиентах, часто лоббируют интересы страны происхождения и помогают открывать у себя на родине филиалы международных компаний.

Формирование глобального рынка высококвалифицированных кадров привело к появлению еще одного нового термина – «научная диаспора» (scientific diaspora): многие государства мира пытаются использовать знания, опыт и связи своих «мозгов», оказавшихся за рубежом. Подобные инициативы предпринимают некоторые страны Латинской Америки, ЮАР, Индия, Китай и даже Швейцария [4, с. 32].

Таким образом, можно отметить, что в конкуренции за человеческие ресурсы выигрывают те страны, которые способны создать у себя благоприятные условия для проживания и трудоустройства высококвалифицированных кадров и активно проводящие дифференцированную миграционную политику.

Библиографический список

1. Денисон Э. Исследование различий в темпах экономического роста. М.: Прогресс, 1972.
2. Мундт Х.В. Миграция во времена глобализации *Internationale Politik*. 2005, №2. С. 32–39.
3. В Германию приезжают мигранты с более высоким уровнем образования, чем у самих немцев [Электронный ресурс]. URL: <http://wek.ru/v-germaniyu-priezzhayut-migranty-s-bolee-vysokim-urovнем-obrazovaniya-chem-u-samix-nemcev>
4. Шишов С.Е. Подготовка высококвалифицированных научных кадров в России и «утечка мозгов» // *Вестник Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Московский государственный агроинженерный университет им. В.П. Горячкина*, 2010, № 4. С. 28-32.
5. Шишов С.Е. Циркуляция «мозгов»: остановить... или ускорить процесс? // *Ценности и смыслы*, 2011, № 4. С. 45-53.
6. Balmer, B., Godwin, M. and Gregory, J. The Royal Society and the «brain drain»: natural scientists meet social science // *Notes and Records of the Royal Society*, 2009, Vol. 63(4). Pp.339–353.
7. Becker G.S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis*. N.Y.: Columbia University Press for NBER, 1964.
8. Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis// *Journal of Political Economy*. Supplement. Oct.1962.
9. Lowell B., Findlay A., Stewart E. Brain Strain: Optimising Highly Skilled Migration From Developing Countries 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ippr.org.uk/ecommm/files/brainstrain.pdf>
10. Maddison A. Growth and slowdown in advanced capital economies: techniques of quantitative assessment // *Journal of Economic Literature*, 1987, Vol. 25. Pp. 649–698.

11. Schultz T. Capital Formation by Education // Journal of Political Economy. 1960. Vol.68.

12. Schultz T. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961, №1, March.

13. African Capacity Building Foundation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.acbf-pact.org/>

14. Center for Comparative Immigration Studies at University of California, San Diego [Электронный ресурс]. URL: <http://ccis.ucsd.edu/%23%5d>

© Беленкова Т.В., Бедрина Е.Б., Козлова О.А., 2015. Текст.

Информация об авторах

Беленкова Татьяна Викторовна (г. Оренбург, Россия) – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин (Оренбургский филиал РАНХиГС, 460000 г. Оренбург, ул. Курача, д.26).

Бедрина Елена Борисовна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: bedrina1967@mail.ru).

Козлова Ольга Анатольевна (г. Екатеринбург, Россия) – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра исследований социоэкономической динамики Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: olga137@mail.ru).

Belenkova T.V., Bedrina E.B., Kozlova O.A.

HUMAN CAPITAL AS THE PRIMARY FACTOR OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. *The article is devoted to the formation and attraction of human capital. The implications of "brain drain" process are analyzed in the article. The object of the article is to demonstrate that human capital is the main factor of the economic development of the countries in modern conditions. The authors make conclusion about the necessity of "brain drain" restricting and differentiated migration policies realization.*

Keywords: human capital, brain drain, differentiated immigration policy, economic development.

Information about the authors

Belenkova Tatiana Victorovna (Orenburg, Russia) – Assistant Professor of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department (Orenburg branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration at President of Russia (26, Kurach st., Orenburg, 460000, Russia).

Bedrina Yelena Borisovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Centre for Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: bedrina1967@mail.ru).

Kozlova Olga Anatolyevna (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Centre for Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: olga137@mail.ru).

КРЕДИТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Аннотация. В статье предлагается социально-демографическая типология домохозяйств с различающимися параметрами кредитного поведения, а также исследуются особенности кредитного поведения в зависимости от детности. Выводы статьи базируются на результатах социологического опроса населения Вологодской области.

Ключевые слова: кредитное поведение, социально-демографические типы домохозяйств, число несовершеннолетних детей.

Жесткая конкуренция за привлечение и удержание лояльных клиентов является причиной того, что стратегическим приоритетом деятельности финансовых организаций становятся персонализированные финансовые услуги для физических лиц. Данный факт обуславливает потребность в научно-обоснованной сегментации потребителей по определенным параметрам. Логично, что ключевыми факторами принятия решения об использовании кредита выступают потребность в приобретении продукта и уровень денежных доходов семьи или отдельного индивида. Однако доходы и потребление домашних хозяйств существенно меняются параллельно стадиям жизненного цикла семьи, изменениям в демографическом статусе возрастных когорт, например в случае более позднего вступления в брак и рождения детей [2, 4, 5, 6].

Как показывают российские исследования, семейные граждане чаще пользуются финансовыми услугами, больше склонны к тратам, но не любят рисковать. Поэтому банкиры считают их самыми надежными клиентами. Одиночки зачастую более финансово «подкованы» и меньше поддаются на разнообразные маркетинговые ходы. Выходит, что поддержка семьи для государства не только вопрос демографической безопасности, но и способ поддержки потребительской активности, а следовательно, и экономики [3].

Поэтому, на наш взгляд, необходимым является изучение дифференциации кредитного поведения домохозяйств по социально-демографическим параметрам, в том числе в зависимости от числа несовершеннолетних детей, а также выявление однородных групп домохозяйств по социально-демографическим характеристикам для оценки влияния критерия детности на поведение семей на рынке кредитных услуг.

В нашем исследовании основное внимание сосредоточено на ключевых параметрах кредитного поведения: 1) наличие/отсутствие на момент обследования непогашенного банковского кредита; 2) размер ежемесячных выплат по кредиту (доля от среднемесячного семейного дохода); 3) цели кредитования; 4) критерии выбора банка; 5) случаи просрочки по кредитным выплатам; 6) препятствия для использования кредитов. Основанием для анализа выступают результаты специализированного социологического опроса «Качество жизни»¹, проведенного

¹ Опрос проводится методом раздаточного анкетирования по месту жительства респондентов на территории городов Вологда и Череповец и 8 районов Вологодской области. Объем выборки – 1500 человек в возрасте от 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские

в 2014 году Институтом социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) на территории Вологодской области при участии автора.

Ключевой методологической задачей нашего исследования явилось создание социально-демографической типологии семей, в которой основной дифференцирующей характеристикой выбрано число несовершеннолетних детей. Дополнительно были учтены следующие характеристики – семейное положение и возраст респондента, число членов домохозяйства.

В итоге были выделено шесть социально-демографических типов домохозяйств, которые объясняют 80% выборки (табл. 1). Тип 1 включает в себя домохозяйства пенсионеров, которые состоят из одиноких или семейных пенсионеров без других родственников. Типы 2 и 4 описывают полные нуклеарные и многопоколенческие семьи, в которых супружеское ядро составляют молодые люди или лица среднего возраста. Тип 3 представляет собой так называемое «пустое гнездо», состоящее из супругов среднего возраста и уже покинувших родительский дом детей. Тип 5 характеризует ситуацию молодой семьи без детей, а тип 6 объединяет самостоятельную, одинокую, бездетную молодежь.

Таблица 1

Домохозяйства различного социально-демографического типа
(% от общего числа опрошенных)

Тип домохозяйства (% имеющих кредит)	Критерии отбора			Всего, человек (% от общего числа опрошенных)
	Возраст	Семейное положение	Количество детей до 18 лет	
1. Домохозяйства пенсионеров (7%)	55(60) лет и старше	Не имеет значения	нет детей	281 (19%)
2. «Зрелые домохозяйства» с детьми (32%)	30 – 55(60) лет	зарегистрированный брак (в т.ч. раздельное проживание) или гражданский брак	1 и более детей	345 (23%)
3. «Зрелые домохозяйства» без детей (18%)	30 – 55(60) лет	зарегистрированный брак (в т.ч. раздельное проживание) или гражданский брак	нет детей	212 (14%)
4. «Молодые домохозяйства» с детьми (43%)	до 30 лет	зарегистрированный брак (в т.ч. раздельное проживание) или гражданский брак	1 и более детей	106 (7%)
5. «Молодые домохозяйства» без детей (33%)	до 30 лет	зарегистрированный брак (в т.ч. раздельное проживание) или гражданский брак	нет детей	66 (4,4%)
6. Бездетная молодежь (35%)	до 30 лет	разведен(а), холост (не замужем)	нет детей	63 (14%)

Прежде чем перейти к анализу особенностей кредитного поведения сформированных социально-демографических типов домохозяйств, рассмотрим общие закономерности данного вида финансового поведения в зависимости от числа детей.

населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения. Ошибка выборки не превышает 3%.

В среднем более половины жителей Вологодской области (57%) в прошлом уже пользовались банковским кредитом. Среди респондентов с одним или двумя и более несовершеннолетними детьми доля имеющих кредитный опыт существенно выше (по 70%), чем у респондентов без детей (48%).

На момент опроса (II квартал 2014 г.) непогашенные банковские кредиты имелись у 22% жителей Вологодской области что на 9% меньше, чем в 2013 году [1]. Наибольшую кредитную активность проявляют домохозяйства, имеющие двух и более детей (36%), чуть ниже включенность домохозяйств с одним ребенком (30%), наименее активны домохозяйства без детей (16%).

Приоритетными целями кредитования для домохозяйств с детьми являются долгосрочные стратегические ориентиры – покупка машины (43% для домохозяйств с двумя и более детьми и 45% – с одним ребенком) и приобретение жилья (26% и 22% соответственно; табл. 2). Стоит отметить, что в современном обществе собственная квартира и личный автомобиль уже не являются роскошью или престижными товарами. Это жизненно необходимые вещи для обеспечения нормальных условий воспитания детей. Тем более что для городской семьи факт обладания собственной жилплощадью можно рассматривать как потенциальный стартовый капитал для взрослых детей. В сельской же местности, принимая во внимание её значительную разрежённость и связанный с этим ограниченный радиус доступности социальных учреждений, необходимых для полноценного развития детей (школы, больницы, детские сады, культурно-досуговые учреждения), факт наличия в семье автомобиля становится крайне важным условием для достойного существования домохозяйств с детьми. Поскольку материальные возможности домохозяйств с двумя и более детьми ограничены², они реже используют заемные средства банка для удовлетворения среднесрочных нужд (например, для приобретения бытовой техники, мебели, проведения ремонта и т.д.): 13% по сравнению с 25% домохозяйств с одним ребенком и 22% домохозяйств без детей. Последние также активно кредитуются с целью покупки машины (34%) и финансирования непредвиденных или неотложных трат.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос о целях кредитования по домохозяйствам, имеющим банковский кредит, в зависимости от количества детей*, % (по данным социологического опроса «Качество жизни – 2014»)

Вариант ответа	Домохозяйства, имеющие банковский кредит		
	нет детей	1 ребёнок	2 и более детей
На покупку дорогих вещей длительного пользования	22,4	24,6	12,5
На покупку машины	33,6	44,7	43,1
На покупку квартиры, собств. дома (ипотека)	16,1	21,9	26,4
На неотложные нужды/непредвиденные траты	21,0	17,5	12,5
На развитие бизнеса	2,8	2,6	8,3
На образование	2,8	0,9	1,4
На лечение	2,1	0,9	1,4

* Возможно несколько вариантов ответа, поэтому сумма по столбцам не равна 100%.

² По результатам опроса, в категорию «нищих» попало 11% домохозяйств с двумя и более детьми (против 4% среди домохозяйств без детей или с одним ребенком), в категорию «бедные» – 25% (против 18 и 15% соответственно).

Такая дифференциация кредитных целей отражается на используемых домохозяйствами видах кредита. К помощи целевых займов, процентные ставки по которым обычно ниже нецелевых (однако более жесткие условия), чаще обращаются домохозяйства с детьми, тогда как домохозяйства без детей предпочитают менее трудоемкие в получении и ведении потребительские кредиты, а также активнее используют кредитные карты (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос о финансовых услугах, используемых домохозяйствами, имеющими банковский кредит, в зависимости от количества детей*, % (по данным социологического опроса «Качество жизни – 2014»)

Вариант ответа	Домохозяйства, имеющие банковский кредит		
	нет детей	1 ребёнок	2 и более детей
Потребительский кредит (за исключением кредитной карты)	58,0	60,5	47,2
Ипотечный кредит	9,1	18,4	16,7
Автокредит	14,0	11,4	19,4
Оформленная лично Вами кредитная карта	23,1	21,9	12,5

* Выбраны только те варианты, которые касаются кредитных продуктов.

В среднем по выборке у основной массы заемщиков (68%) ежемесячные выплаты по банковским кредитам не превышают рекомендуемые финансовыми экспертами 30% от текущего семейного дохода. Однако в зону риска попадает большая доля домохозяйств с детьми (30-35% против 19% без детей), поскольку их ежемесячные платежи по кредиту составляют половину от месячного семейного дохода. В связи с этим домохозяйства с детьми чаще допускают просрочку очередного платежа по кредиту (22–26% по сравнению с 19% у домохозяйств без детей).

Определенная дифференциация прослеживается и по критерию выбора банка для оформления кредита. Домохозяйства без детей ориентируются не только на параметры кредита и условия сделки (32%), но и на имиджевые составляющие: известность банка (32%) и достойное качество обслуживания (19%), которые менее значимы для домохозяйств с детьми. Они чаще учитывают только уровень процентной ставки (38% – с одним ребенком, 32% – с двумя и более детьми), нежели рассматривают всю совокупность параметров кредитного продукта (что отнимает больше времени на понимание и сравнение и требует хороших финансовых знаний). Интересен тот факт, что для домохозяйств с двумя и более детьми весомым критерием выступает близкое местоположение отделения (19% против 10% в двух других группах).

Анализ основных параметров кредитного поведения выделенных типов показал, что действия внутренне однородных по набору социально-демографических параметров домохозяйств на рынке банковского кредита имеют некоторые значимые различия³.

1. Цели кредитования.

³ Тип 1 «Домохозяйства пенсионеров» в данном анализе не учитывался, так как влияние детей здесь наименее значимо.

Сопоставление домохозяйств типов 2 и 3, 4 и 5 показывает, что наличие ребенка стимулирует решение о приобретении в кредит автомобиля, а также является определяющим при покупке недвижимости в кредит. Для «пустого гнезда» займы на покупку недвижимости теряют свою значимость. Здесь получается, что помощь взрослым детям со стороны родителей ограничивается первоначальным взносом и/или участием в качестве созаемщика. При этом родители не рассматривают данную помощь как собственные кредитные обязательства. Одновременно они чаще обращаются за кредитом для обеспечения неотложных или непредвиденных трат (которые с большой степенью вероятности могут быть связаны с помощью близким родственникам).

Бездетной молодежи, как семейной (тип 5), так и одинокой (тип 6), свойственны практики «насущного кредитования», так как с помощью заемных средств представители этой группы удовлетворяют свои «актуальные» потребности (в том числе образование, непредвиденные траты и оплата отдыха, развлечений, путешествий).

2. Размер платежа и платежная дисциплина.

Представители групп «зрелые домохозяйства» с детьми и «молодые домохозяйства» с детьми (типы 2 и 4) находятся на грани финансовой устойчивости, поскольку ежемесячные платежи по кредиту у 30% и 49% из них соответственно составляют 50% от семейного дохода. В группах без иждивенческой нагрузки (тип 3, 5 и 6) платеж по кредиту не превышает 30% от совокупного месячного семейного дохода; они также более дисциплинированы по части внесения платежей и реже допускают просрочку выплат.

3. Критерии выбора банка.

Для обоих типов зрелых домохозяйств (2 и 3) важным является предыдущий опыт взаимодействия с банковским учреждением. С другой стороны, поскольку молодые люди только включаются в финансовую деятельность и выбирают банк для дальнейшего продолжительного сотрудничества, им важны факторы лояльности банка к клиентам – выгодность пакета предлагаемых условий и достойное качество обслуживания.

В целом, при выборе финансовой организации для оформления кредита группы с детьми в большей степени ориентируются на известность банка и величину процентной ставки, тогда как остальные используют более комплексный подход (учитывают выгодность предлагаемых условий, лояльное отношение банка, достойное качество обслуживания).

4. Препятствия для использования кредита.

Для домохозяйств типов 2, 5 и 6 (зрелые домохозяйства с детьми; бездетная семейная и одинокая молодёжь) весомым препятствием выступает неуверенность в стабильном доходе, что объясняется низкой трудовой конкурентоспособностью данных категорий, связанной с нехваткой опыта или предпенсионным возрастом.

Если рассматривать два типа зрелых домохозяйств, то видно, что наличие детей повышает значимость такой причины, как неуверенность в стабильном доходе. Данный факт опять же связан со снижающейся конкурентоспособностью взрослых родителей на рынке труда, а также с расширением потребительских запросов домохозяйства, не всегда сопровождающегося с ростом материальных возможностей. В случае с молодыми домохозяйствами неуверенность в стабильном доходе больше, у тех кто не имеет детей. Можно предположить, что появление

детей дисциплинирует молодых родителей и стимулирует их к поиску стабильного и надежного источника доходов.

Проведенное исследование подтвердило зависимость кредитных практик населения региона от критерия детности, показав, что наличие детей является фактором одновременно ограничивающего и стимулирующего порядка. Наличие детей в молодой семье вносит системность и целенаправленность в финансовые решения родителей, способствует повышению их ответственности за материальное благополучие родных. Однако в данном случае высока вероятность нарушения системности платежей, так как такие семьи чаще оформляют дорогостоящие кредиты, связанные с покупкой квартиры или машины. В зрелых домохозяйствах, зачастую решивших жилищный вопрос, наличие детей способствует диверсификации финансовых целей. Но повышаются риски нестабильности располагаемого дохода.

Следовательно, полученные результаты свидетельствуют о том, что особенности кредитного поведения в значительно большей степени зависят от совокупного влияния двух социально-демографических характеристик – наличия/отсутствия детей и возраста супругов.

Выявленная дифференциация финансового поведения по социально-демографическим параметрам может быть использована для разработки адресных программ по повышению уровня финансовой грамотности, определения направлений взаимодействия органов власти и финансовых организаций по вопросам совершенствования способов материальной поддержки конкретных категорий населения (например, молодых семей-специалистов, работающих пенсионеров и т.д.), согласования параметров финансовых продуктов с потребностями и возможностями населения.

Библиографический список

1. Белехова Г.В. Социально-демографические особенности финансового поведения населения // Проблемы развития территории. 2015. № 1 (75). С. 100-115.
2. Бурдяк А.Я. Денежные сбережения домашних хозяйств на разных этапах жизненного цикла // Финансовый журнал. 2014. № 1. С. 129-140.
3. Глушенкова М. Холостые набирают ход [Электронный ресурс] // Коммерсант-Деньги. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2353222>
4. Овчарова Л.Н., Пишняк А.И., Попова Д.О., Шепелева Е.В. Изменения в доходах и потреблении российских домашних хозяйств: от бедности к среднему классу // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2013. № 18 (Весна-Лето). С. 7-36.
5. Козырева П.М. Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ) // Социологические исследования. 2012. № 7 (339). С. 54-66.
6. Малева Т.М., Тындик А.О. Потенциал роста рождаемости в России: уроки мегаполиса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 1 (17). С. 137-158.

© Белехова Г.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Белехова Галина Вадимовна (г. Вологда, Россия) – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, Отдел исследования уровня и образа жизни населения (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru).

CREDIT BEHAVIOR OF HOUSEHOLDS: SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS

Abstract. *The study proposes the socio-demographic typology of households with different characteristics of credit behavior. It is also devoted to the key characteristics of credit behavior with the reference to parenthood status. The conclusion is based on the results of social research of the population of the Vologda Region.*

Keywords: credit behavior, socio-demographic types of households, number of minor children.

Information about the author

Belekhova Galina Vadimovna (Vologda, Russia) – Junior Researcher, Department of Living Standard and Mode of Life Research, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56a, Gorky St., Vologda, 160014, Russia; e-mail: belek-galina@yandex.ru).

УДК 330.59

Васильева Е.В., Наслунга К.С.

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Аннотация. *В статье рассматривается благосостояние населения субъектов РФ. Представлена методика оценки благосостояния населения. Методика интегрирует информацию о степени удовлетворения потребностей населения региона.*

Ключевые слова: благосостояние, удовлетворение потребностей, пирамида Маслоу, модели государств всеобщего благосостояния, индекс.

Наиболее распространенная точка зрения характеризует *благосостояние* как обеспеченность населения необходимыми материальными и духовными благами, т.е. предметами, услугами и условиями, удовлетворяющими определенные человеческие потребности [3, с.83]. С целью оценки и анализа уровня благосостояния населения целесообразно рассмотреть содержание и структуру этих потребностей. В общем смысле под *потребностью* понимается состояние нужды организма в том, что необходимо для его нормального существования и развития. Поскольку потребности могут быть самыми разными (биологическими, социальными, эстетическими и пр.) в зависимости от различных признаков, существует множество теорий и классификаций потребностей человека. Самой известной является теория американского психолога А. Маслоу, который положил в систему потребностей личности принцип иерархии. Иерархия потребностей выстроена с позиции насущности их удовлетворения. Другими словами, наиболее важные для человека потребности занимают самую высокую ступень в иерархии, а наименее важные, соответственно, низкую. Под важностью обычно понимают то значение, которое имеет в жизни человека регулярное и достаточно полное

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект №14-18-00574 «Информационно-аналитическая система «Антикризис»: диагностика регионов, оценка угроз и сценарное прогнозирование с целью сохранения и усиления экономической безопасности и повышения благосостояния России»).

удовлетворение этой потребности. Иерархия включает пять уровней потребностей: физиологические потребности; потребности в безопасности и комфорте; потребности в общении и любви; потребности в самоутверждении и признании; потребности в самоактуализации.

Эти потребности являются универсальными, т.е. объединяют всех людей независимо от национальности, стиля жизни, привычек и др. Предложенная иерархия потребностей применима как к отдельному индивиду, так и социальным группам и обществу в целом.

Рассматривая благосостояние как степень удовлетворения потребностей, методологически важно определить не только структуру этих потребностей, но и *объем благ, необходимый для их удовлетворения*. Величина потребности может быть представлена объемом потребления того или иного блага на уровне насыщения.

Объем благ, необходимых для удовлетворения физиологических потребностей, можно определить *нормативным методом*. Применение научно обоснованных норм в качестве значений объемов и структуры потребления продуктов питания и стандартов обеспеченности жильем обосновано в силу того, что, во-первых, данные потребности требуют первоочередного удовлетворения и относятся к наименее эластичным потребностям. Во-вторых, рекомендуемые нормы питания и стандарты обеспечения жилыми помещениями поддаются наиболее строгому обоснованию.

В 2008 г. были разработан новый государственный нормативный документ «Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации» [4]. Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах – это усредненная величина необходимого поступления пищевых и биологически активных веществ, обеспечивающая оптимальную реализацию физиолого-биохимических процессов, закрепленных в генотипе человека. На их базе в 2010 г. разработаны и утверждены «Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания». Нормы потребления пищевых продуктов представляют собой усредненную величину (расчеты произведены на душу населения) необходимого поступления пищевых и биологически активных веществ, обеспечивающих оптимальную реализацию физиолого-биохимических процессов в организме человека [5].

Российское законодательство устанавливает стандарты обеспечения граждан жилыми помещениями в размере 33 кв. метра общей площади жилого помещения для одиноких граждан, 42 кв. метра – на семью из 2 человек, по 18 кв. метров – на каждого члена семьи при семье из 3 человек и более [6]. В отдельных субъектах РФ социальная норма площади жилого помещения на одного человека устанавливается выше федерального стандарта [7].

Объем благ, необходимых для удовлетворения более эластичных потребностей, можно определить *экспертным и статистическим методами*. В соответствии с Концепцией-2020 в качестве целевых ориентиров социально-экономического развития России рассматриваются стандарты благосостояния человека, характерные для развитых экономик [8]. Путем проведения анализа среднероссийских и зарубежных значений возможно оценить, насколько население одной территории удовлетворено необходимыми благами по сравнению с другой.

Но поскольку степень участия государства и институтов в реализации социальной политики в различных странах отличаются, предлагается рассмотреть значения показателей обеспеченности населения благами по типопредставительным странам. Наиболее часто используется классификация моделей социальной политики (моделей государств благосостояния), предложенная Г. Эспинг-Андерсеном [2]:

– неолиберальная модель (или американская) характеризуется высоким уровнем стратификации в обществе и вмешательством государства в форме регулирования рынков;

– социально-демократическая модель (или скандинавская) реализуется с низкой стратификацией общества и прямым предоставлением финансового обеспечения государством;

– консервативно-корпоративистская модель (или франко-германская) имеет следствием высокий уровень стратификации при государственном вмешательстве, осуществляемом и в форме прямого предоставления финансового обеспечения, и в форме регулирования рынков [1].

В соответствии с представленными методологическими положениями исследования благосостояния населения разработана методика его оценки. Методика оценки благосостояния населения региона основана на расчете интегрального индекса. В соответствии с уровнями иерархии потребностей индекс включает пять субиндексов (табл. 1).

Таблица 1

Субиндексы и индикаторы для оценки благосостояния населения региона

Субиндексы	Индикаторы
Субиндекс удовлетворения физиологических потребностей	– степень удовлетворения потребностей населения в продуктах питания (хлебные продукты; картофель; овощи и бахчевые; фрукты и ягоды; мясо и мясопродукты; молоко и молочные продукты; яйца; рыба и рыбопродукты; сахар и кондитерские изделия; масло растительное и другие жиры), отн. ед.; – степень удовлетворения потребностей населения в жилье, отн. ед.
Субиндекс удовлетворения потребностей в безопасности	– ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет; – распространенность убийств, случаев на 100000 человек населения; – число дорожно-транспортных происшествий, случаев на 100000 человек населения; – выбросы наиболее распространенных загрязняющих веществ атмосферу (диоксид серы; оксиды азота; оксид углерода) на душу населения, кг на человека
Субиндекс удовлетворения социальных потребностей	– уровень занятости населения, %; – коэффициент прочности брака, число разводов на 1000 браков; – электоральной активности населения, %
Субиндекс удовлетворения престижных потребностей	– число зарегистрированных легковых автомобилей, находящихся в собственности граждан, штук на 1000 человек населения; – результативность миграции, число выбывших на 1000 прибывших
Субиндекс удовлетворения потребностей в развитии	– численность студентов*, чел. на 1000 чел. населения; – число отправленных туристов, чел. на 1000 чел. населения

*Поскольку статистические сведения о численности студентов по России не соответствуют Международной стандартной классификации образования редакции 1997 г. (МСКО 1997), то по России были взяты студенты средних профессиональных и высших учебных заведений, аспиранты

и докторанты; по странам дальнего зарубежья – студенты высших учебных заведений и учреждений послевузовского профессионального образования (степеней 5 и 6 МСКО 1997).

Построение индекса благосостояния населения региона включает пять последовательных этапов. *Первый этап* заключается в сборе и обработке первичных данных. Оценка благосостояния населения региона производится по данным, отслеживаемым: Федеральной службой государственной статистики; Министерством внутренних дел РФ; Министерством спорта РФ; Министерством связи и массовых коммуникаций РФ; Международным союзом электросвязи (International Telecommunication Union); Европейском экономической комиссией ООН (UN Economic Commission for Europe); Евростатом (Eurostat); Всемирным банком (World DataBank).

Значения индикаторов берутся напрямую из данных статистической отчетности или рассчитывается по предложенным формулам (1-3).

Степень удовлетворения потребностей населения в продуктах питания ($I_{\text{пит}}$) определяется по формуле:

$$I_{\text{пит}} = \frac{П}{П_{\text{рек}}} \cdot 100 \quad (1)$$

где $П$ – потребление продуктов питания (хлебные продукты; картофель; овощи и бахчевые; фрукты и ягоды; мясо и мясопродукты; молоко и молочные продукты; яйца; рыба и рыбопродукты; сахар и кондитерские изделия; масло растительное и другие жиры) в домашних хозяйствах, в среднем на члена домашнего хозяйства в год;

$П_{\text{рек}}$ – рекомендуемые объемы потребления пищевых продуктов (хлебные продукты; картофель; овощи и бахчевые; фрукты и ягоды; мясо и мясопродукты; молоко и молочные продукты; яйца; рыба и рыбопродукты; сахар и кондитерские изделия; масло растительное и другие жиры), в среднем на человека в год. За данное значение принимается нижняя граница рекомендуемого объема потребления пищевых продуктов [10].

Степень удовлетворения потребностей населения в жилье ($I_{\text{жил}}$) рассчитывается по формуле:

$$I_{\text{жил}} = \frac{Ж}{Ж_{\text{н}}} \cdot 100 \quad (2)$$

где $Ж$ – общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м;

$Ж_{\text{н}}$ – социальная норма площади жилого помещения на одного человека, кв. м.

Уровень электоральной активности населения ($I_{\text{эл}}$) рассчитывается для тех лет, в которых проводились выборы федерального уровня:

$$I_{\text{эл}} = \frac{Ч_{\text{доср}} + Ч_{\text{гол}} + Ч_{\text{вне}}}{Ч_{\text{эл}}} \cdot 100, \quad (3)$$

где $Ч_{\text{доср}}$ – число избирательных бюллетеней, выданных избирателям, проголосовавшим досрочно, чел.;

$Ч_{\text{гол}}$ – число избирательных бюллетеней, выданных в помещении для голосования в день голосования, чел.;

$Ч_{\text{вне}}$ – число избирательных бюллетеней, выданных вне помещения для голосования в день голосования, чел.;

$Ч_{\text{эл}}$ – число избирателей, включенных в список избирателей, чел.

На *втором этапе* производится нормирование индикаторов. Использование научно обоснованных норм при расчете индикаторов субиндекса физиологических потребностей дают основу для анализа степени удовлетворения потребностей населения в продуктах питания и жилье. Остальные выбранные индикаторы являются различными по структуре и единицам измерения, при помощи нормализации их необходимо привести в сопоставимый вид. Нормирование индикаторов заключается в сравнении фактического значения индикатора со среднероссийским и среднемировым значениями. При этом необходимо учесть, что выбранные индикаторы характеризуют как «положительные», так и «отрицательные» явления. Это значит, что чем больше значение «положительного» индикатора, тем больше должно быть значение индекса, и наоборот. К «положительным» индикаторам относятся ожидаемая продолжительность жизни при рождении; удельный вес жилых помещений, оборудованных водопроводом; уровень занятости населения; число подключенных абонентских устройств подвижной радиотелефонной; уровень электоральной активности населения; среднедушевой денежный доход; число зарегистрированных легковых автомобилей, находящихся в собственности граждан; уровень грамотности населения; число отправленных в туры российских туристов; удельный вес населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом. Нормирование этих индикаторов рассчитывается по формуле:

$$I_{ij} = \sqrt{\alpha_{ij}^2 / \alpha_{iРФ} \cdot \alpha_{iмир}}, \quad (4)$$

где α_{ij} – фактическое значение i -ого индикатора j -ого субъекта РФ;

$\alpha_{iРФ}$ – среднероссийское значение i -ого индикатора;

$\alpha_{iмир}$ – среднемировое значение i -ого индикатора. Данное значение рассчитывается как среднеарифметическое значение индикаторов по таким странам, как США, Швеция и Германия, характеризующих три модели государств благосостояния.

Для остальных индикаторов применяется формула:

$$I_{ij} = \sqrt{\alpha_{iРФ} \cdot \alpha_{iмир} / \alpha_{ij}^2}. \quad (5)$$

На *третьем этапе* вычисляются значения субиндексов по следующей формуле:

$$I_{sj} = (\prod_{i=1}^n I_{ij})^{1/n}, \quad (6)$$

где n – число индикаторов, входящих в s -й субиндекс.

Расчет значения интегрального индекса благосостояния производится на *четвертом этапе*. Субиндексы включаются в модель с определенным весом, который характеризует их место в иерархии потребностей. Весовые коэффициенты рассчитываются на основании экспертных оценок (табл. 2). Сумма всех весов равняется единице.

Все субиндексы и весовые коэффициенты агрегируются в интегральный индекс, который рассчитывается по следующей формуле:

$$I_j = \sum_{i=1}^m w_i I_{sj} \quad (7)$$

где w_i – весовой коэффициент s -ого субиндекса j -ого субъекта РФ;

m – число s -их субиндексов, $m = 5$.

Значения весовых коэффициентов субиндексов благосостояния населения

Субиндексы	Значение весового коэффициента
Субиндекс удовлетворения физиологических потребностей	0,30
Субиндекс удовлетворения потребностей в безопасности	0,25
Субиндекс удовлетворения социальных потребностей	0,20
Субиндекс удовлетворения престижных потребностей	0,15
Субиндекс удовлетворения потребностей в развитии	0,10

На *заключительном этапе* обрабатываются полученные результаты. Все субъекты РФ ранжируются по уровню благосостояния населения.

На основе представленной методики рассчитан рейтинг субъектов РФ по уровню благосостояния населения за 2013 г. Столичные регионы и республики Северного Кавказа, пользующиеся правительственной поддержкой, находятся на первых строчках рейтинга. Нефтегазодобывающие провинции, которые по-прежнему опережают остальные субъекты РФ по экономическим и финансовым показателям, в полной мере не удовлетворяют потребности своего населения, расположены в конце представленного рейтинга. Также среди аутсайдеров регионы, объединенные сходными природными зонами – регионы российского Севера. Проведено сравнение результатов 2013 г. с 2007 г., поскольку именно с этого года на федеральном уровне активно разворачивается политика, направленная на повышение благосостояния населения (приоритетные национальные проекты, новые меры семейной политики, разработка демографической концепции и др.). Причем значительная роль в осуществлении новых мер была отведена регионам. На основе данного сопоставления можно говорить, что не во всех субъектах РФ реализация этих мер успешна и их социально-экономическое развитие происходило неравномерно. Так, за пять лет практически половина субъектов РФ (50,6%) ухудшили свои позиции в рейтинге, наиболее существенно Республика Тыва, Кемеровская области (на 22 пункта) и Еврейская автономная область (на 18 пунктов).

Полученный рейтинг благосостояния региональных социумов дает нам представление о величине общественного благосостояния, а также наполняет данную категорию реальным содержанием и определяет факторы, влияющие на ее формирование на разных уровнях агрегирования. Принципиально важным является то, что рейтинг построен на основе объективных показателей официальной статистики, доступных широкому кругу заинтересованных пользователей. Использование рейтинга предусматривает неявное сравнение интегрального индекса региона с другими регионами, чтобы обеспечить сравнимость интегральных индексов, рассчитанных для разных моментов времени. Оценка состояния с помощью индексных моделей дает широкие возможности дальнейшего использования в моделировании, прогнозировании и оптимизации исследуемого процесса.

Библиографический список

1. Коваленко С.А. Социальная политика: основания и модели // Человек. Сообщество. Управление. 2007. №4. С. 108-120.

2. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.

3. Потребность // Большой Экономический словарь / под ред. А.Н. Азриеляна. 4-е изд. доп. и перераб. М.: Институт новой экономики, 1999.

4. Методические рекомендации МР 2.3.1.2432-08 «Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации» (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 18 декабря 2008 г.) // Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/2168105/#ixzz35SiDYGUT> (дата обращения: 23.06.2014).

5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. № 593н «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» // Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12079471/#ixzz35dqaawJM> (дата обращения: 25.06.2014)

6. Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2010 г. N 1050 «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2011 – 2015 годы» (с изменениями и дополнениями) // Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12182235/#ixzz35SkZfbh9> (дата обращения: 23.06.2014).

7. Федеральный стандарт социальной нормы площади жилого помещения в размере 18 кв. метров общей площади жилья на 1 гражданина (Постановление Правительства РФ от 29.08.2005 N 541 (ред. от 16.12.2006) «О федеральных стандартах оплаты жилого помещения и коммунальных услуг» // КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64684/ (дата обращения: 25.06.2014).).

8. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» (с изменениями и дополнениями) // Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/194365/#ixzz37cYPtSGy> (дата обращения: 20.06.2014).

9. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. № 593н «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» // Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12079471/#ixzz35dqaawJM> (дата обращения: 25.06.2014)

© Васиљева Е.В., Наслунга К.С., 2015. Текст.

Информация об авторах

Васильева Елена Витальевна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, и.о. зав. сектором, Институт экономики УрО РАН, (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: elvitvas@ya.ru).

Наслунга Ксения Сергеевна (г. Екатеринбург, Россия) – студент, Уральский Федеральный университет (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, e-mail: kсениya-naslunga@mail.ru).

Vasilyeva E.V., Nalunga K.S.

MEET THE NEEDS OF RUSSIAN SOCIETY: A REGIONAL ANALYSIS

Abstract. *The paper considers the well-being of the population of federal subjects of Russia. The paper presents the method of well-being estimation. This method aggregates information on the degree to which the population is satisfied.*

Keywords: well-being, meet the needs, Maslow's Pyramid, models of the well-being states, index.

Information about the authors

Vasilyeva Elena Vitalyevna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Acting as Head of Sector, Institute of Economic, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Centre for economic security (29 Moskovskaya Str., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: elvitvas@ya.ru).

Nalunga Ksenia Sergeevna (Yekaterinburg, Russia) – Student, Ural Federal University (19 Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: kseniya-naslunga@mail.ru).

УДК: 331.52

Воронина Л. Н.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ЛОКАЛИЗОВАННЫХ РЫНКОВ ТРУДА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

Аннотация. *В данной статье рассматривается влияние факторов пространственной локализации на развитие муниципальных рынков труда на примере Екатеринбургской агломерации, в которой выделены три пояса удаленности городов от центра притяжения г. Екатеринбург. Выделены основные тенденции развития локальных рынков труда, демографических процессов и заработной платы в городских округах, обусловленные разной степенью удаленности от центра агломерации.*

Ключевые слова: локальный рынок труда, пояса удаленности, процессы пространственной локализации.

Факторы пространственной локализации непосредственно влияют на демографические процессы, и как следствие на состояние рынка труда любой территории. В данной статье исследуется влияние факторов пространственной локализации на развитие муниципальных рынков труда на примере Екатеринбургской агломерации, в которой выделены три пояса удаленности городов от центра притяжения г. Екатеринбург. Муниципальные территории ближнего пояса располагаются на расстоянии, не превышающем 30 км или 0,5 часа пути, среднего – в пределах 30-60 км или 1 час пути, и дальнего пояса – в пределах 60-100 км или 1,5 часа пути. Распределение муниципальных образований по поясам удаленности и динамика основных показателей рынка труда представлены в табл. 1.

Влияние процессов пространственной локализации отражается в динамике демографических показателей, характеризующих структуру и численность населения Екатеринбургской агломерации. За рассматриваемый период рост численности населения произошел главным образом в ближнем поясе агломерации. Прирост составил 78,02 тыс. чел., из которых 65,6 тысяч приходится на центр агломерации г. Екатеринбург. Однако самый высокий прирост населения в относительных показателях отмечается в ближайших к Екатеринбургу городских округах: Березовский ГО, где увеличение произошло на 10,4 п. п. или на 6,8 тыс.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ-Урал № 14-12-66026 Научно-методические основы диагностики, измерения и оценки эффектов пространственной локализации территориальных социально-трудовых систем.

чел., и в городском округе Верхняя Пышма, где увеличение составило 5,5 п. п. или 4,0 тыс. человек.

Таблица 1

Динамика основных показателей рынка труда за период 2009-2013 гг. в городских округах, входящих в Екатеринбургскую агломерацию [1]

	Городские округа	Удаленность от г. Екатеринбурга, км.	Численность постоянного населения в 2013 г. тыс. чел.	Изменение численности постоянного населения к 2009 г. тыс. чел.	Изменение численности трудоспособного населения к 2009 г., тыс. чел.	Изменение численности занятого населения к 2009 г., тыс. чел.	Среднемесячная начисленная заработная плата в 2013 г. тыс. руб.	Соотношение среднемесячной начисленной заработной платы с г. Екатеринбург в 2013 г., %
Ядро	МО «город Екатеринбург»	0	1429,4	65,60	10,0	67,0	37,267	100,0
Ближний пояс	Березовский ГО	16	72,2	6,80	1,4	8,4	27,089	72,7
	ГО Верхняя Пышма	24	76,1	4,00	0,5	1,7	37,075	99,5
	ГО Среднеуральск	25	21,4	0,80	-0,3	-0,3	32,379	86,9
	Арамилский ГО	27	17,9	0,82	1,3	2,4	29,002	77,8
	<i>Итого по поясу</i>		187,6	12,42	2,9	12,2		
Средний пояс	Сысертьский ГО	44	61,1	1,80	-1,4	-0,3	24,114	64,7
	ГО Первоуральск	48	149,6	-9,61	-11,5	-3,2	26,29	70,5
	ГО Ревда	48	63,4	0,17	-2,1	-5,9	26,142	70,1
	ГО Заречный	54	30,8	1,35	-0,4	1,7	39,190	105,2
	ГО Дегтярск	54	15,9	-0,13	-0,9	-0,3	21,120	56,7
	Полевской ГО	56	70,7	-0,80	-3,2	-2,2	26,557	71,3
	<i>Итого по поясу</i>		391,5	-7,21	-19,5	-10,2		
Дальний пояс	Новоуральский ГО	75	85,9	-9,20	-9,7	-7,5	33,802	90,7
	Асбестовский ГО	82	69,8	-3,32	-5,1	2,9	22,694	60,9
	Кировградский ГО	87	27,3	-2,70	-2,4	-2,7	24,454	65,6
	Режевской ГО	88	47,9	-1,30	-2,5	-0,6	18,773	50,4
	Невьянский ГО	92	42,4	-1,80	-2,8	3,8	25,365	68,1
	ГО Богданович	94	46,1	-0,75	-3,2	-0,6	25,235	67,7
	<i>Итого по поясу</i>		319,5	-19,07	-25,6	-4,7		

В среднем поясе агломерации произошел как прирост, так и убыль населения, однако совокупный результат является отрицательным и составляет -7,21 тыс. человек на шесть муниципальных образований. Прирост численности населения произошел в городских округах Заречный, Сысерть, Ревда, а снижение в Первоуральске, Дегтярске и Полевском, Сильное сокращение численности произошло в городском округе Первоуральск на 6,0 п. п. или на 9,61 тыс. жителей.

Дальний пояс агломерации характеризуется очевидной убылью населения во всех муниципальных образованиях. За пятилетний период 2009-2013 гг. убыль составила 19,07 тыс. человек. Больше всего сократилась численность населения в Новоуральском и Кировградском городских округах на 9,7 и 9,0 п. п. соответственно. Очевидно, что процессы убыли связаны, в том числе, с миграцией

населения с отдаленных территорий в крупный мегаполис, каким является г. Екатеринбург, а также в ближайшие к нему города ближнего и среднего пояса агломерации [2].

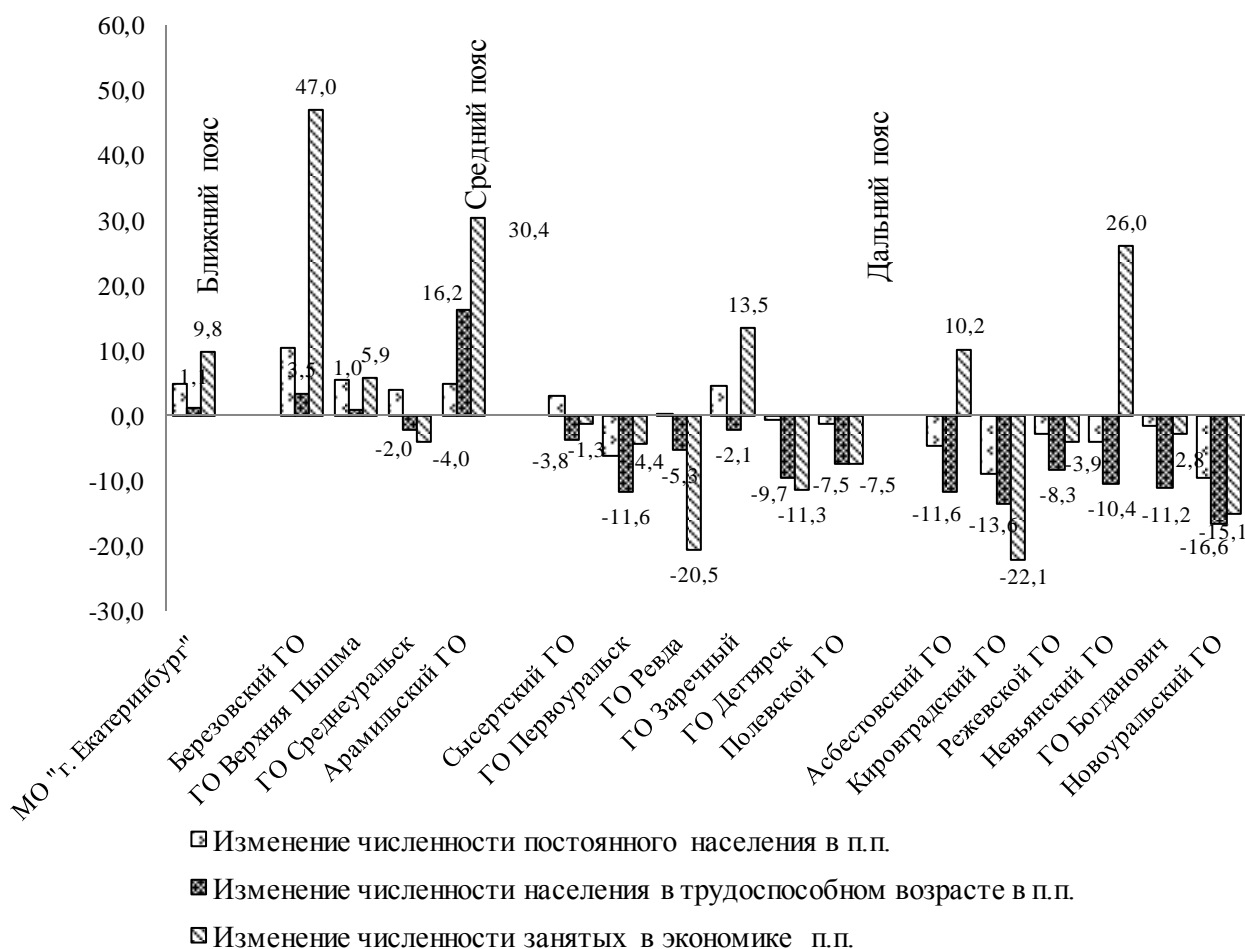

Рисунок 1. Изменение показателей рынка труда за период 2009-2013 гг. в городских округах, входящих в Екатеринбургскую агломерацию, в относительных величинах, п. п. [1]

Притяжение трудовых ресурсов ядром агломерации ведет к снижению качества населения в отдаленных поясах агломерации, изменению возрастной структуры и резкому уменьшению доли трудоспособных возрастов. По мере удаления от центра агломерации значительно сокращается численность трудоспособного населения, активный рост отмечается только в ближнем поясе. Лидерами по приросту являются Арамилский и Березовский городские округа, прирост составил 16,2 и 3,5 п. п. соответственно (рис.1). Снижение численности трудоспособного населения произошло в городском округе Среднеуральск на 2,0 п. п. или на 0,3 тыс. человек. За пятилетний период численность трудоспособного населения в городских округах ближнего пояса агломерации увеличилась на 13,2 тыс. человек, тогда как муниципалитеты среднего пояса потеряли 19,5 тыс. человек, а в муниципалитетах дальнего пояса сокращение численности трудоспособного населения составило 25,6 тыс. человек (табл. 1). Значительное сокращение произошло в городском округе Первоуральск на 11,6 п. п. (11,5 тыс. чел.) и Новоуральском городском округе на 16,6 п. п. (9,7 тыс. чел.).

Наряду с изменением возрастной структуры в сторону увеличения доли населения старше трудоспособного возраста, активизируется процесс маятниковой миграции, когда население, оставаясь проживать в своем населенном пункте, ежедневно ездит на работу в крупный мегаполис, предоставляющий больше возможностей для занятости. Подтверждение этому – значительный рост численности занятых в ближнем поясе и сокращение численности занятого населения в среднем и дальнем поясах агломерации. Сильнее всего сократилась численность занятых в экономике в таких городских округах как: Ревда (20,5 п. п.), Кировградский (22,1 п. п.), Новоуральский (15,5 п. п.), Дегтярск (11,3 п. п.). Следует отметить тот факт, что городские округа среднего пояса, находящиеся в часовой доступности от центра агломерации, стремительнее теряют занятое население, привлекаемое столичным рынком труда, нежели города дальнего пояса, сдерживаемые временными, транспортными и денежными издержками.

На рисунке 1 видно, что происходит увеличение занятых в отдельных городских округах во всех трех поясах агломерации, по разным причинам. В ближнем поясе отмечается самое существенное увеличение численности занятого населения в г. Березовский на 47,0 п. п. По данным Инвестиционного портала Свердловской области [3] численность занятых в экономике г. Березовский увеличивается за счет роста численности занятых в малом и среднем бизнесе, в связи с организацией на территории городского округа индустриального парка «Березовский» и размещением на его территории разно профильных современных предприятий. Вместе с тем численность работников предприятий и организаций сохраняется на одном уровне, а численность работников бюджетной сферы постепенно снижается. В городских округах Арамилы и Заречный повышение занятости обусловлено расширением объемов производства и увеличением количества рабочих мест на действующих предприятиях. В городском округе Асбест – расширением действующих предприятий, увеличением объемов производства в строительной отрасли. В городском округе Невьянск – увеличением производства на предприятиях обрабатывающей и добывающей отрасли.

В зависимости от пояса удаленности наблюдается контраст в размере заработной платы и уровне доходов населения. Более высокая заработная плата фиксируется в центре агломерации, по мере удаления от ядра отмечается снижение ее размера, и как следствие сокращение платежеспособного спроса населения. По данным статистики за 2013 г. размер среднемесячной начисленной заработной платы в г. Екатеринбурге составил 37 267 рублей (данные табл. 1). В городских округах ближнего пояса агломерации уровень заработной платы максимально приближен к столичному и в среднем составляет 31 385 рублей (или 84,2% от уровня ЗП в г. Екатеринбурге). В среднем поясе – 27 557 рублей (или 73,1%), а в дальнем поясе – 23 592 рубля (или 67,2%).

Таким образом, влияние процессов пространственной локализации отражается на динамике, как демографических показателей, так и на показателях рынка труда и доходов населения городских округов, образующих каркас Екатеринбургской агломерации. Последствия соседства с мощным ядром агломерации, располагающим разнообразным рынком труда, развитой социально-экономической инфраструктурой, выражаются в формировании неблагоприятных тенденций на локальных рынках труда. В целом на периферии агломерации идет не только снижение численности постоянного населения, но и изменение его

качественного состава, проявляющееся в уменьшении трудоспособного населения. Сокращается численность занятого в экономике населения, что ведет к снижению экономического потенциала территории. Подтверждение этому значительный рост численности занятых в ближнем поясе и сокращение численности занятого населения в среднем и дальнем поясах агломерации. Как причиной, так и следствием может служить существенная поляризация территорий, входящих в агломерацию по уровню заработной платы.

Библиографический список

1. Официальный сайт Инвестиционный портал Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://invest.midural.ru> (дата обращения 5.06.2015)

2. Козлова О.А., Макарова М.Н., Третьяк А.Н. Методический инструментарий оценки влияния пространственной локализации на миграционные процессы в регионе // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5 [Электронный ресурс]. URL: www.science-education.ru/119-14513 (дата обращения 1.06.2015)

3. Официальный сайт Инвестиционный портал Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://invest.midural.ru> (дата обращения 5.06.2015)

© Воронина Л.Н., 2015. Текст.

Информация об авторе

Воронина Любовь Николаевна (г. Екатеринбург, Россия) – ведущий экономист Центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН, (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: luvoronina@mail.ru).

Voronina L.N.

TRENDS OF SPATIALLY LOCALIZED LABOUR MARKETS MUNICIPALITIES OF SVERDLOVSK REGION

Abstract. *This article considers the impact of the factors of spatial localization on the development of the municipal labor markets on Yekaterinburg agglomeration example, which is divided in three zones of remoteness from the central city Yekaterinburg. The author highlights the main trends in the development of local labor markets, demographic processes and wages in urban districts are caused by varying degree of remoteness from the center of agglomeration.*

Keywords: local labor market, belt distance, spatial localization processes.

Information about the author

Voronina Lubov Nikolaevna (Yekaterinburg, Russia) – Leading Economist, Centre of Socio-Economic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29 Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: luvoronina@mail.ru).

БИЗНЕС И (ИЛИ) СЕМЬЯ: ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ*

Аннотация. Обобщаются подходы к оценке влияния ценностных установок молодежи на выбор жизненной стратегии, ориентированной на семейные ценности и(или) реализацию в предпринимательстве. Повышение значимости дохода влияет на демографическое поведение и заставляет пересматривать отношение молодежи к предпринимательству.

Ключевые слова: молодежь, ценностные установки, предпринимательство, демографическое поведение.

Усиливающиеся стагнационные процессы российской экономики (замедление промпроизводства, резкое падение инвестиций; негативные ожидания экономических субъектов) создают условия для продолжительной стагнации. Дефицит федерального, а также критическое положение многих региональных и местных бюджетов вынуждает органы власти искать как новые источники пополнения доходов, так и способы повышения эффективности существующих. Такое стремление часто перерастает в сумбурный поиск источников роста. В частности в начале апреля 2014 года федеральными органами законодательной власти была предпринята попытка введения повышенного налога на имущество для предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения. Очевидно, что обоснование эффективности такой меры не стало объектом обсуждения. Опыт 2013 года с введением повышенных ставок страховых взносов для малого бизнеса, когда их число сократилось на 100 тыс. за год и тенденция все еще не переломлена, оказался не востребованным.

Кроме того, динамика последних лет свидетельствует об усилении негативной тенденции – сокращения налоговых поступлений от бизнеса, включая предпринимателей и их сотрудников. В этих условиях назрела необходимость переосмысления предпринимательской деятельности как источника доходов бюджетов.

Дальнейшее взаимовыгодное развитие предпринимательства и оптимизация экономического роста национальной экономики возможно не через повышение налоговой нагрузки на ограниченное количество налогоплательщиков, а путем увеличения налоговой базы. Этого можно добиться двумя путями: 1) экстенсивный путь – прирост количества новых предпринимателей через улучшение предпринимательского климата и повышение предпринимательского потенциала; 2) интенсивный – повышение эффективности существующего бизнеса через создание высокопроизводительных рабочих мест, модернизацию производства, продуктовую специализацию и др.

Все это усугубляется другой фундаментальной проблемой. Поскольку доступные (поверхностные) факторы экономического роста (повышение цен на экспортируемые ресурсы, относительно низкая стоимость труда, внутренний спрос и др.) в основном исчерпаны, то необходимо как можно быстрее переходить к более интенсивным факторам, прежде всего, росту производительности труда.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-32-01281 «Управление ценностно-ориентированными факторами развития предпринимательской культуры молодежи в муниципальных образованиях».

Существующий в России уровень производительности труда, по мнению экспертного сообщества, является недопустимо низким для конкуренции с другими развивающимися странами. Особенно важно, что с недавнего времени производительность труда зафиксирована (Указ Президента РФ № 596 от 07.05.2012) как приоритет экономической политики. Более того перед Правительством РФ поставлена стратегическая цель «создание и модернизация 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 году». Принято считать, что создание новых высокопроизводительных рабочих мест способно оказать комплексное положительное влияние на экономику региона и страны в целом. Но достаточного объема эмпирических данных, подтверждающих это положение и позволяющих рассчитать конкретный положительный эффект для региона не существует. С учетом этого, требуется не только собрать необходимые сведения, рассчитать такой эффект для регионов России и обосновать значение высокопроизводительных рабочих мест для экономики региона, но и выявить сдерживающие факторы и выработать инструменты создания и модернизации высокопроизводительных рабочих мест.

Кроме того, прямое экономическое регулирование процесса создания и модернизации высокопроизводительных рабочих мест сильно ограничено и в некоторой степени уже исчерпано. Недооцененным инструментом стимулирования остаются аксиологические факторы, которые проявляются в готовности предпринимателя к созданию и модернизации высокопроизводительных рабочих мест. Решительность предпринимателя возможна лишь при одновременном совпадении необходимых способностей, рыночных возможностей, наличия ресурсов и понимании целесообразности.

Интересны с научной и практической точек зрения результаты исследования готовности населения России к предпринимательству. Проект «Глобальное исследование предпринимательского духа студентов (GUESSS)» по результатам опросов российских студентов (4578 человек) в 2013-2014 годах выявил следующее [5]:

- большинство студентов – как в России, так и в других странах – планируют получить работу по найму сразу после окончания обучения (более 75%);
- создать свой бизнес с нуля в России готово чуть более 9% студентов, что выше международного показателя практически на 3%;
- однако спустя 5 лет после окончания вуза разница в планах становится более заметной: число желающих стать предпринимателями среди российских студентов возрастает с 9 до 53%, а в международной выборке – с 6 до 31%.

То есть, согласно данному исследованию, в России сильнее проявляется готовность к предпринимательству, чем в большинстве исследованных стран.

В тоже время, другой международный проект «Исследование глобального мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor – GEM)», который оценивает все возрастные группы трудоспособного населения, а не только студентов, в очередном отчете подтвердил, что в России планируют открыть собственное дело в ближайшие три года 4,7% респондентов – это самый низкий показатель среди стран-участниц проекта (70). В странах БРИКС он составил в среднем 22%, а в странах Восточной Европы – 21% [2].

То есть готовность к предпринимательству в России сильно зависит от возраста, что в частности объясняется историческими особенностями становления

предпринимательства в нашей стране. Если в среднем по всем возрастным группам в России процент существенно меньше, то среди студентов напротив выше. А у работающей молодежи готовность к самозанятости первые годы еще существенно возрастает.

Собственные исследования на аналогичную тему, проведенные автором в городах Свердловской области в 2010-2012 гг. (Асбест, Алапаевск, Екатеринбург, Каменск-Уральский, Красноуфимск, Серов и др.) среди молодежи несколько отличаются. Специально разработанные анкеты содержали вопросы, с разных позиций оценивающие отношение респондентов к самозанятости и готовность к предпринимательству (347 человек).

Для оценки ценностных установок проанализированы существенные отличия в ответах между предпринимателями и не предпринимателями, для этого ответы респондентов объединены в 4 группы в соответствии со степенью участия и готовности к предпринимательской деятельности. Основным критерием разделения респондентов выступил вопрос о готовности к осуществлению предпринимательства. На его основе отдельно были рассмотрены действующие предприниматели, и те респонденты, кто не осуществляет в настоящее время предпринимательскую деятельность (далее «не предприниматели»). Не предприниматели подразделены: 1) на желающих в будущем открыть свой бизнес (далее «граждане, готовые к предпринимательству»); 2) на тех, кто не рассматривает предпринимательство в качестве возможности (далее «граждане не готовые к предпринимательству»); и 3) бывшие предприниматели не желающие заниматься бизнесом (далее «бывшие предприниматели»).

В качестве первоначальных выводов проведенных опросов действующих и потенциальных предпринимателей и граждан отметим следующее. Лишь 14% не предпринимателей высказали готовность к собственному бизнесу.

Почти половина респондентов считают, что трудно быть предпринимателем (48,3%), в то время как сами предприниматели не столь пессимистичны (33,3%). Еще большие трудности в предпринимательской деятельности видят те опрошенные, кто не планируют стать предпринимателем (58,6%). Условия для создания своего дела оцениваются по-разному, так порядка 17% респондентов определили их как не благоприятные.

Подавляющая часть предпринимателей (83,3%) и существенная доля граждан, высказавших готовность к бизнесу (68,4%) доходом удовлетворены, а вот 63,3% ответивших респондентов, не планирующих открытие бизнеса, доход не устраивает, в то время как бывшие предприниматели полностью не удовлетворены своим сегодняшним доходом.

Таким образом, научный и практический пересмотр предпринимательства как источника стратегического экономического роста оказался лишь частичным и не повлек системных разработок механизма фундаментальной модернизации его институциональной среды. Прямое экономическое регулирование ценностных установок молодежи к предпринимательству сильно ограничено.

Недооцененным инструментом стимулирования остаются аксиологические факторы, которые проявляются в предпринимательской активности молодежи. Исследование непосредственного влияния ценностных установок молодежи на готовность к самозанятости являются новым аспектом социоэкономического и социокультурного изучения предпринимательства.

Устойчивое сокращение количества субъектов предпринимательства, сопровождаемое высоким негативным отношением к предпринимательству среди населения, требует безотлагательного решения и сглаживания негативных последствий от сокращения количества субъектов предпринимательства, с одной стороны, и выделение особой роли предпринимательской культуры как важнейшего источника продуктивных ценностных установок развития предпринимательства, создающего положительные эффекты (повышение совокупного объема производства, рост налоговых поступлений в бюджеты, увеличение располагаемого дохода предпринимателя и др.).

Библиографический список

1. Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Глухих П.Л. Влияние модернизации на изменение ценностных установок общества // Ценности и смыслы. 2014. № 1. С. 89-102.
2. Глобальный мониторинг предпринимательства" (Global Entrepreneurship Monitor, GEM): данные по России. 2013. [Электронный ресурс]. <http://mosgarantfund.ru/news/novosti-predprinimatelstva/globalnyu-monitoring-predprinimatelstva-global-ent/> Дата обращения: 12.09.2014).
3. Глухих П.Л., Давиденко А.Н., Макарова М.Н. Развитие трудового и предпринимательского потенциала и совершенствование управления социально-трудовой системой локальной территории // Оценка социокультурного влияния модернизации на формирование ценностных установок локальных сообществ промышленных территорий: монография / под ред. д.э.н. Е.Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. С. 173-185.
4. Татаркин А.И., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Императивы современного экономического развития: мировые тренды и российская реальность // Вопросы экономики. – 2014. № 5. С. 121-131.
5. Широкова Г.В., Цуканова Т.В., Богатырева К.А. Глобальное исследование предпринимательского духа студентов. Национальный отчет. Россия 2013/2014 [Электронный ресурс]. 47 с. URL: <http://www.gsom.spbu.ru/research/eship/projects/guesss13/> (Дата обращения: 12.09.2014).

© Глухих П.Л., 2015. Текст.

Информация об авторе

Глухих Павел Леонидович (Россия, г. Екатеринбург) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра региональных компаративных исследований Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: Gluchih_P_L@mail.ru)

Glukhikh P.L.

BUSINESS AND (OR) FAMILY: VALUE ORIENTATIONS OF YOUTH

Abstract. *Approaches to assessing the impact of attitudes of young people to choose life strategy focused on family values and(or) implementation in the enterprise are summarized. The increasing of income importance affects demographic behavior and force to reconsider the attitude of young people to entrepreneurship.*

Keywords: young people, values, entrepreneurship, demographic behavior.

Information about the author

Glukhikh Pavel Leonidovich (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Researcher of the Center of Regional Comparative Studies, Institute of Economics, Ural Branch

УДК 314.06

Журавлев Н.Ю.

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ПОСТАРЕНИЯ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Аннотация. На основе данных статистики анализируется процесс старения населения Республики Коми, его влияние на образовательный потенциал региона, дается оценка возможным проблемам.

Ключевые слова: образование, проблема старения, образовательный потенциал.

Постарение населения является характерной проблемой всех развитых стран. Постарение населения (или демографическое старение), представляет собой увеличение доли пожилых и старых людей в общей численности населения обусловленное длительными изменениями в характере воспроизводства населения [5, с.3]. Согласно классификации ООН, большинство регионов мира можно отнести к регионам со старым населением (доля людей старше 65 лет составляет более 7%) [10]. В качестве основных причин выделяют сокращение рождаемости и увеличение продолжительности жизни. Пожилые люди, как правило, по достижении пенсионного возраста покидают категорию экономически активного населения. За счет увеличения количества пожилых людей, получающих пенсию по старости, происходит рост демографической нагрузки.

Изменение структуры населения в сторону увеличения доли пожилых людей оказывает влияние на процессы развития и реализации человеческого потенциала. Данный термин трактуется достаточно широко и общепринятого определения на сегодняшний момент не существует. Для оценки и сопоставления уровня развития различных стран используется индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). При расчете ИРЧП учитываются три основных вида показателей: показатели здоровья, показатели образования и показатели уровня жизни [9]. Уровень развития образования можно оценить через систему количественных показателей, в совокупности представляющих собой образовательный потенциал региона. Таким образом, существует взаимосвязь между процессами старения и изменением уровня образовательного потенциала региона.

Образовательный потенциал является объективным социальным ресурсом общества. Он характеризуется через следующие группы показателей:

- количество лиц, имеющих определенное формальное образование;
- показатели образованности общества;
- показатели профессионального обучения;
- качество соответствующих форм обучения и подготовки [2, с.5].

Для определения количественных показателей необходимо выяснить численность обучающихся в образовательных учреждениях республики. Для Республики Коми по состоянию на 2013 в целом можно говорить о негативной тенденции в области образовательного потенциала. Происходит сокращение численности обучающихся в общеобразовательных учреждениях, а также студентов образовательных учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования. На 2013 год численность обучающихся в

общеобразовательных учреждениях составила чуть более половины от уровня 2000 года. Численность студентов вузов, учреждений начального и среднего профессионального образования сократилась как в натуральном выражении, так и по отношению к численности населения (см. табл. 1).

Таблица 1

Численность обучающихся в образовательных учреждениях Республики Коми (на 10000 человек населения) [4]

Образовательные учреждения	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Реализующие программы общего образования (на 1 сентября)	1602	1213	1065	1077	1083	1091
Начального профессионального образования (на конец года)	174	182	136	117	106	94
Среднего профессионального образования (на 1 октября)	147	172	168	169	162	148
Высшего профессионального образования (на 1 октября)	190	361	375	355	345	315

Во многом снижение числа обучающихся обусловлено общим сокращением численности населения республики. В частности, произошло сокращение возрастных групп, являющихся основными потребителям образовательных услуг. Например, численность только группы от 15 до 19 лет с 2005 года по 2013 сократилось наполовину – с 88948 до 44029 [1, с.19].

К одной из причин сокращения числа обучающихся можно отнести ликвидацию образовательных учреждений. Количество образовательных учреждений, реализующих программы общего образования, сокращается с 2000 г., и к 2013 г. оно уменьшилось на треть, начального профессионального образования – на 23%. Число высших учебных заведений значительно выросло в период с 2000 по 2005 гг. (с 11 до 27), однако в последующие годы их численность значительно сократилась. Тенденция к сокращению не коснулась среднего профессионального образования – число образовательных учреждений, оказывающих этот вид услуг, изменилось незначительно.

Число студентов и учащихся – не единственный показатель, отображающий образовательный потенциал региона. Однако именно он в большей степени реагирует на изменение возрастной структуры населения.

Постарение населения республики выражается через особенности его возрастной структуры. В структуре населения Республики Коми сохранилась тенденция к увеличению доли лиц старше трудоспособного возраста, на 2013 год она составила 19,7%. Доля населения трудоспособного возраста (61,3%) уменьшилась по сравнению с 2000 годом и сохраняет тенденцию к сокращению. Согласно прогнозам, сокращение продлится в течение ближайших десяти лет [1, с.140]. Доля лиц моложе трудоспособного возраста (19%), несмотря на некоторое снижение относительно 2000 года, демонстрирует тенденцию к росту. На наш взгляд, начиная с 2007 года в значительной степени на перемену тенденции повлияли меры государственной поддержки, направленные на увеличение рождаемости.

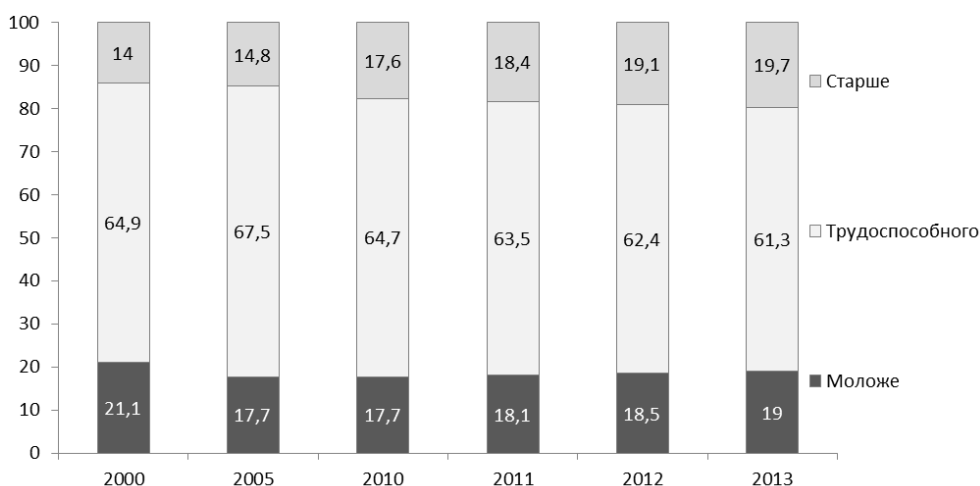

Рисунок 1. Возрастная структура населения Республики Коми [6]

Для понимания взаимосвязи постарения и образовательного потенциала необходимо выделить основные причины изменения структуры населения. Увеличение доли пожилого населения происходит за счет снижения рождаемости и увеличения продолжительности жизни. Также важную роль играет миграционное движение населения.

Для республики, начиная с 2000 года, характерно увеличение уровня рождаемости, с 2011 года прекратилась естественная убыль населения [1, с.30], однако уровень рождаемости по-прежнему остается недостаточным. Суммарный коэффициент рождаемости, несмотря на стабильный рост, не достиг уровня, необходимого для простого воспроизводства населения [1, с.40]. Продолжительность жизни при рождении достигла 69,3 года. Это ниже, чем в среднем по России, но выше среднего показателя для северных регионов [6]. Имеет место миграционная убыль. Большая часть покинувших республику – лица в трудоспособном возрасте с высшим и средним профессиональным образованием [3, с. 67].

Таким образом, можно выделить несколько основных процессов, связанных с постарением населения региона и оказывающих влияние на образовательный потенциал.

1. Низкий уровень рождаемости. Для «старого населения» характерен стабильно низкий уровень рождаемости. Последние несколько лет наблюдается определенный рост, однако, согласно прогнозам, в ближайшем будущем ожидается некоторый спад с последующей стагнацией [1, с.142]. Число людей моложе трудоспособного возраста сократится, следовательно, сократится количество будущих потребителей образовательных услуг, что в свою очередь негативно отразится на показателе образовательного потенциала. Именно молодые люди являются тем перспективным ресурсом, способным поднять уровень образовательного потенциала региона.

2. Миграция трудоспособного населения. Для Республики Коми характерен высокий уровень миграции в другие регионы. Лица трудоспособного возраста переезжают в поисках лучших условий для жизни с гораздо большей легкостью, нежели пожилые люди. Это отражается на структуре населения региона – растет доля пожилых людей.

Основными мотивами для переезду являются личные, семейного характера, возможность трудоустройства, а также получения более качественных образовательных услуг [3, с.42]. Переезд значительного количества людей трудоспособного возраста, обладающего полезными навыками и компетенциями, негативно влияет на трудовой потенциал региона. Не следует забывать, что более половины мигрантов имеет профессиональное образование. Покинувшие регион образованные люди вносят свою отрицательную лепту в уровень образовательного потенциала республики.

3. Увеличение количества людей старше трудоспособного возраста. Постарение характеризуется увеличением доли пожилого населения. Повышение уровня жизни, улучшение качества и доступности медицинских услуг сыграли свою положительную роль – количество людей, перешагнувших рубеж трудоспособного возраста, неуклонно растет. Люди, достигшие пенсионного возраста, в меньшей степени склонны к получению новых знаний и навыков. Значительная часть из них перестает участвовать в трудовой деятельности, считая, что они уже достаточно в своей жизни отдали сил и времени, а их нынешний уровень здоровья не дает им возможности продолжать работу [5, с.47]. Уровень образования лиц старше трудоспособного возраста в республике несколько ниже, чем в рамках трудоспособного, особенно явно различия проявляются относительно высшего образования [7]. Отрыв обеспечивается большим количеством пожилых женщин с высшим образованием, что отчасти обусловлено большей продолжительностью жизни.

Увеличение продолжительности жизни людей с высоким уровнем образования должно благотворно сказываться на образовательном потенциале региона. К тому же, пожилые в меньшей мере склонны покидать регион, что в некотором роде компенсирует миграционный отток. Однако люди старше трудоспособного возраста намного реже ориентированы на повышение уровня своего образования. В перспективе это может привести к стагнации и уменьшению образовательного потенциала.

В целом, старение населения региона и связанные с ним процессы негативно влияют на развитие образовательного потенциала региона. Образованные активные люди покидают регион, молодежи становится меньше, а пожилое население не заинтересовано в повышении своего образовательного уровня. Снизить негативные последствия возможно благодаря комплексу мер, направленных на уменьшение основных причин старения.

Меры по стимулированию рождаемости, такие как материнский капитал, обеспечение молодых семей жильем, развитие инфраструктуры, необходимой для воспитания и развития детей, могут помочь с решением проблемы низкой рождаемости. Привлечение инвестиций в регион, создание новых рабочих мест, повышение качества жизни позволит несколько снизить миграцию за счет людей, покидающих регион в поисках достойной работы. Построение системы переобучения пожилых людей, использование возможностей трудового потенциала третьего возраста также положительно скажется на динамике образовательного потенциала.

Именно совокупность взаимосвязанных мер, направленных на решение проблем, связанных с каждым из основных процессов, оказывающих влияние на

образовательный потенциал, позволит предотвратить развитие демографических и социальных проблем.

Библиографический список

1. Демографический ежегодник Республики Коми. 2014: стат. сб./Комистат. Сыктывкар, 2014. 197 с.
2. Дунаева Е.А. Образовательный потенциал общества/Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4. С. 3-7.
3. Миграция населения Республики Коми за 2013 год: стат. бюллетень / Комистат. Сыктывкар, 2014. 85 с.
4. Основные показатели образования. Комистат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://komi.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/komi/ru/publications/official_publications/electronic_versions/ (Дата обращения: 8.05.2015).
5. Попова Л.А. Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. 122 с. (Коми научный центр УрО РАН).
6. Регионы России. Социально-экономические показатели 2002-2014 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (Дата обращения: 8.05.2015).
7. Статистический ежегодник Республики Коми, 2014: статистический сборник / Комистат; [редкол.: М.Ю. Кудинова (пред.) и др.]. Сыктывкар, 2014. 412 с.
8. Численность населения [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.xls (Дата обращения: 7.05.2015).
9. Calculating the human development indices [Электронный ресурс] Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14_technical_notes.pdf (Дата обращения: 7.05.2015).
10. United Nations Demographic Yearbook [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://unstats.un.org/unsd/demographic/products/dyb/dybsets/2013.pdf> (Дата обращения: 7.05.2015).

© Журавлев Н.Ю., 2015. Текст.

Информация об авторе

Журавлев Назар Юрьевич (г. Сыктывкар, Россия) – аспирант, младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, лаборатория демографии и социального управления (167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: zhuravlev.nazar@yandex.ru).

Zhuravlev N.Y.

THE IMPACT OF AGING ON THE REGION'S EDUCATIONAL POTENTIAL (ON THE EXAMPLE OF KOMI REPUBLIC)

Abstract. *On the basis of statistical materials the process of population aging in Komi Republic and the impact of aging on educational potential of the region are analyzed. The possible problems are estimated.*

Keywords: education, problem of aging, educational potential.

Information about the author

Zhuravlev Nazar Yurievich (Syktyvkar, Russia) – Postgraduate Student, Junior Researcher, Laboratory of Demography and Social Management, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26 Kommunisticheskaya St., GSP-2, Syktyvkar, the Komi Republic, 167982, Russia; e-mail: zhuravlev.nazar@yandex.ru).

УДК 314.172

Илинбаева Е.А.

ЦЕННОСТИ И МОТИВАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ К ВОЗМОЖНОСТИ ЖИТЬ В ЗДОРОВОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ МО Г. ЗАРЕЧНЫЙ)*

Аннотация. Данная статья представляет результаты опроса общественного мнения на территории МО Заречный. Цель исследования состояла в том, чтобы найти статистическую связь между ценностями и мотивационными установками мужчин и женщин, определяющих их стремление к экологическому благополучию.

Ключевые слова: система ценностей, здоровая окружающая среды, здоровье, факторы и мотивы, население.

Актуальность исследования обусловлена тем, что ценностно-ориентированный подход, как и психологический взгляд на развитие территории, имеет свою специфику, поскольку в фокусе внимания – не макроэкономические и социальные проблемы, а люди с их потребностями, мотивами, эмоциями, представлениями и верованиями, поступающие иногда алогично и нерационально. Очень многие их представления и мотивы поведения пропитаны культурой, в которой они прошли социализацию, и это определяет культурную специфику многих экономических, политических и социальных процессов [6].

Ценности и мотивационные установки, по-мнению В.Л. Абушенко, направлены на то, чтобы «отсемиотизировать пространства человеческой жизни, наделяя все элементы в нем аксиологической значимостью; задавать системы приоритетов, способы социального признания, критерии оценок; строить сложные и многоуровневые системы ориентации в мире; обосновывать смыслы» [2]. Как отмечает З.И. Файнбург, «чрезвычайную сложность системы ценностных ориентаций личности, сложность ее детерминации социальным, многослойную и многоплановую опосредованность всех зависимостей в этой сфере. Мы имеем дело с многомерным объектом, очень сложным по своей структуре» [5, с.157]. В своей работе «Мотивация и личность» А. Маслоу содержание направленности личности раскрывает прежде всего как доминирующее, социально обусловленное отношение личности к окружающей действительности. Именно через направленность личности ее ценностные ориентации находят свое реальное выражение в активной деятельности человека, то есть должны стать устойчивыми мотивами деятельности и превратиться в убеждения [7, с. 108]. Содержание направленности – это прежде всего доминирующие, социально обусловленные отношения личности к окружающей действительности. Именно через направленность личности ее

* Публикация выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-33-01028 а1 «Социокультурные факторы и мотивы маятниковой миграции в приграничных районах России».

ценностные ориентации находят свое реальное выражение в активной деятельности человека, то есть должны стать устойчивыми мотивами деятельности и превратиться в убеждения [7, с. 108].

По своему функциональному значению ценности личности можно разделить на две основные группы: терминальные и инструментальные, выступающие, соответственно, в качестве личностных целей (самоцелей) и средств их достижения. В зависимости от направленности на личностное развитие или на сохранение гомеостаза ценности могут быть разделены на высшие (ценности развития) и регрессивные (ценности сохранения). В то же время терминальные и инструментальные, высшие и регрессивные, внутренние и внешние по своему происхождению ценности могут соответствовать разным уровням или стадиям личностного развития [9, с. 104].

Новизна исследования заключалась в том, чтобы выявить гендерные различия в ценностных ориентациях респондентов к возможности жить в здоровой окружающей среде.

В ходе проведения социологического исследования в виде опроса в муниципальном образовании г. Заречный, респондентам предлагался следующий перечень терминальных и инструментальных ценностей (по десятибалльной шкале (от 1 до 10), влечение к:

- труду (ради других людей и общества);
- максимальной реализации своих способностей;
- общению с друзьями, подругами;
- отдыху, восстановлению сил;
- рождению и воспитанию детей;
- обеспечению личной безопасности;
- участию в политике; к желанию водить автомобиль;
- семейному кругу, поддержке родителей;
- достижению успехов в жизни;
- поддержанию здоровья;
- полноценному проведению свободного времени;
- потреблению качественных товаров и услуг;
- тому, чтобы жить, где хочу и к возможности свободно сменить место жительства;
- материальному и духовному благополучию.

На основе полученных ответов была построена следующая иерархия ценностей с выделением среднего балла стремления к тому или иному виду (рис. 1). Выяснилось, что для респондентов присуще прежде всего стремление к максимальной реализации своих способностей, к материальному благополучию и успеху, что характерно для предприимчивых людей и бизнесменов. Ценность семьи находится на четвертом месте, а здоровье – на шестом. Замыкает «парад» ценностей труд, свобода передвижения и выбора места жительства, стремление к участию в политике.

Особый интерес представляет стремление населения к здоровой окружающей среде, расположенной на втором месте шкалы ценностей. Чаще всего здоровая окружающая среда как ценностная категория, представляет собой совокупность благоприятных условий, отражающих качественный аспект среды обитания и

жизнедеятельности человека, интегрально представляемое средней продолжительностью жизни, а также показателями здоровья населения.

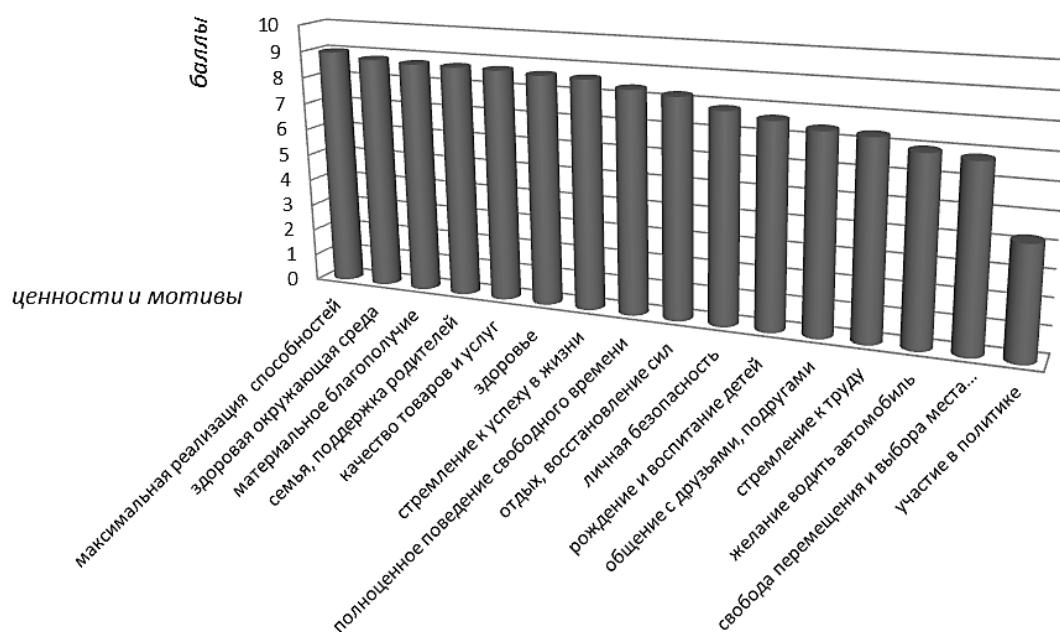

Рисунок 1. Распределение ценностей респондентов по убыванию величины среднего балла

Выборочное исследование респондентов позволило выявить значительную ориентацию населения к здоровой экологии. По коэффициенту Крамера в статистической системе VORTEX были определены статистические связи между переменными – когда значение одной переменной полностью определяется значением второй, определяющей совокупное состояние содержания стремления респондентов к здоровой окружающей среде. По коэффициенту Крамера значение переменной, касающейся «здоровой окружающей среды», полностью определяется значением переменных $\geq 0,3$.

Было выявлено, что материальное и духовное благополучие находится на первом месте среди значимых (0,465). В нашем исследовании «материальное» и «духовное» благополучие обозначены в единстве, так как большинство исследований эти две категории не разъединяют, отмечая их гармоничное соединение «инь» и «ян». Личностные интересы, направленные на «достижение успехов в жизни», на третьем месте – 0,356. Замыкают круг значимых ценностей стремление респондентов к «потреблению качественных товаров и услуг» (0,357) и поддержанию здоровья (0,325). Что самое интересное, ориентация населения к достижению успехов в жизни также вошла в число значимых переменных.

В целом, значимые факторы, выделенные в таблице 1 курсивом, определяют возможности населения жить в здоровой экологической обстановке.

Полученные результаты исследования способствуют наиболее углубленному пониманию ориентаций респондентов, а также выявлению значимых функциональных предпосылок для достижения желаемого уровня экологического благополучия.

Кроме того, респондентам предлагалось оценить по 10-балльной шкале их стремление к возможности жить в здоровой окружающей среде (табл. 2).

Результаты показали небольшую разницу в ответах мужчин и женщин, но показатели достаточно высокие (рис. 2).

Таблица 1

Переменные значения, определяемые по V Крамера

NN	Переменная	V Крамера
	к возможности жить в здоровой окружающей среде	
1	к материальному и духовному благополучию	0,465
2	потреблению качественных товаров и услуг	0,357
3	достижению успехов в жизни	0,356
4	к поддержанию здоровья	0,325
5	семейному кругу, поддержке родителей	0,299
6	полноценному проведению свободного времени	0,291
7	обеспечению личной безопасности	0,274
8	возможности жить, где хочется и свободно сменить место жительства	0,252
9	к отдыху, восстановлению сил	0,245
10	рождению и воспитанию детей	0,227
11	труду (ради других людей и общества)	0,222
12	максимальной реализации своих способностей	0,221
13	к общению с друзьями, подругами	0,207
14	желанию водить автомобиль	0,195
15	к участию в политике	0,171

Таблица 2

Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале Ваше влечение (стремление) к возможности жить в здоровой окружающей среде

Баллы	мужчины	женщины
1	0,0	0,6
2	0,0	0,0
3	1,4	1,2
4	2,2	1,9
5	5,1	2,5
6	7,2	3,1
7	9,4	5,0
8	15,2	12,5
9	10,9	10,0
10	48,6	63,1
Высокие баллы (9-10, %)	59,5	73,1
Средний балл	8,53	9,00

Возможно, данное положение дел связано с самосохранительным поведением населения, рассматриваемым как «целесообразные действия человека, направленные на самосохранение в течение всей жизни в физическом, психологическом и социальном аспектах. Это система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на продление срока жизни в пределах этого цикла [2, с. 313; 3, с. 268; 8, с. 378]. При этом состояние здоровья и продолжительность жизни являются результатом не только самосохранительного поведения, но и действия многих других факторов, например, биологических, социальных [4, с. 208, 265–266]. Возможности исследования самосохранительного поведения ограничены главным

образом анализом соответствующих мотивов и установок индивидов [2, с. 314; 8, с. 381].

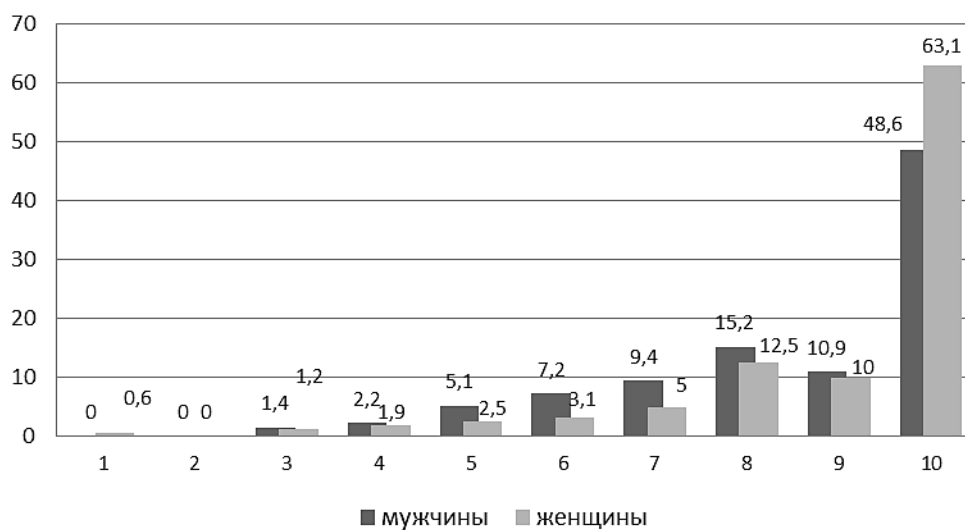

Рисунок 2. Распределение по баллам оценок значимости хорошей экологии у мужчин и женщин, %

Таким образом, среди основных элементов качества жизни наивысший балл у респондентов получила экологически чистая среда обитания. Это же требование экологического благополучия проявило себя на первом месте при формировании образа города Заречного (рис. 3). Следующая задача состояла в том, чтобы выявить влияние экологических ценностей населения на формирование образа города.

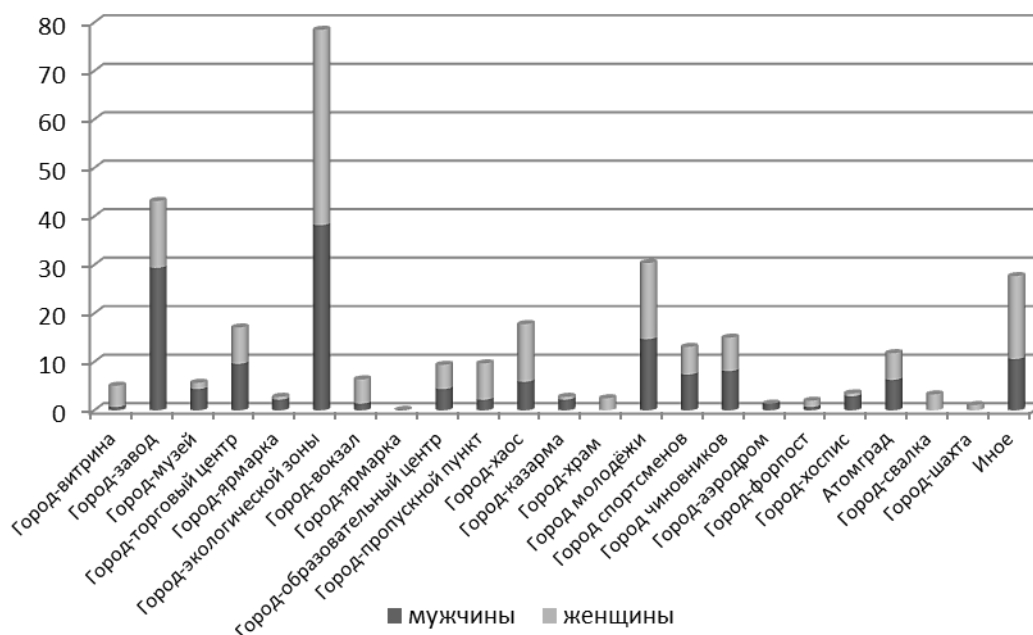

Рисунок 3. Гендерные различия в образе Заречного, % к опрошенным (469 ответов)

Результаты промежуточного исследования показали, что мужчины и женщины отмечают важность экологического образа города, что находится на первом месте предпочтений. Именно данная среда порождает экологические ценности в обществе и представляется благоприятной для удовлетворения потребностей социума в их стремлении к материальному и духовному

благополучию, потреблению качественных товаров и услуг, достижению успехов в жизни, а также поддержания здоровья.

Таким образом, полученные результаты исследования способствуют наиболее углубленному пониманию ценностных ориентаций респондентов в условиях той или иной среды, а также выявлению значимых функциональных элементов образа городской среды для удовлетворения своих потребностей.

Библиографический список

1. Абушенко В.Л. Ценность // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицаков. Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 798.
2. Антонов А.И. Микросоциология семьи (Методология исследования структур и процессов). М., 1998.
3. Борисов В.А. Демография: Учебник для вузов. М., 2003.
4. Демографический понятийный словарь. М., 2003. С. 208, 265–266.
5. Крайг Грейс. Психология развития. Санкт-Петербург, Питер, 2001. 340 с.
6. Лебедева Н.М., Фрумин И.Д. Социокультурные факторы экономического развития// Сайт НИУ ВЭШ. [Электронный ресурс].URL: <http://www.hse.ru/org/projects/16964715>
7. Маслоу А. Мотивация и личность // Психология личности в трудах зарубежных психологов. СПб, Питер, 2003. 579 с.
8. Медков В.М. Демография: Учебник. М., 2004.
9. Фролов С.С. Социология. Учебник для вузов. М., Наука: 2003. 387 с.

© Илинбаева Е.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Илинбаева Екатерина Александровна (г. Екатеринбург, Россия) – ведущий экономист отдела исследований региональных социально-экономических систем, ФГБУН Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: e-ilinbaewa777@mail.ru).

Ilinbaewa E.A.

VALUES AND MOTIVATIONAL SYSTEMS TO OPPORTUNITY TO LIVE IN HEALTHY ENVIRONMENT: GENDER ASPECT (ON THE EXAMPLE OF ZARECHNY MUNICIPAL UNIT)

Abstract. *The article presents the results of poll in the territory of Zarechny municipal unit. The research objective consisted in finding statistical communication between values and motivational systems of men and women defining their aspiration to ecological wellbeing.*

Keywords: *value system, environment, healthy, factors and motives, population.*

Information about the author

Ilinbaewa Ekaterina Alexandrovna (Yekaterinburg, Russia) – Leading Economist, Department of Regional Socio-Economic Systems Research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29 Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: e-ilinbaewa777@mail.ru).

ТРЕНДЫ НЕСТАНДАРТНОЙ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА ИННОВАЦИОННЫЙ ТИП РАЗВИТИЯ*

Аннотация. В статье рассматриваются нестандартные формы занятости, а также представлены некоторые результаты исследовательского проекта, целью которого является разработка и апробация теоретико-методического подхода к изучению современных форм нестандартной занятости на региональном рынке труда.

Ключевые слова: занятость, рынок труда, нестандартные формы занятости, временная занятость, дистанционная занятость, фрилансер.

В условиях перехода на инновационный тип развития экономики в настоящее время появляются новые тренды экономико-демографического поведения домохозяйства. Распространение на рынке труда новых, нестандартных форм занятости, таких как фриланс, дистанционная занятость, аутстаффинг, заемный труд, аутсорсинг, временная занятость, неполная занятость и др. дало новые возможности развитию российских домохозяйств.

Домохозяйство (household) – это субъект экономики, который состоит из одного ведущего самостоятельное хозяйство индивида или группы людей, проживающих совместно и ведущих общее хозяйство. Чаще рассматривается группа лиц, объединенная родственными или семейными связями. В рекомендациях ООН для статистического учета домохозяйств дается следующее определение – это «лицо или группа лиц, объединенных с целью обеспечения всем необходимым для жизни».

Домохозяйства являются важнейшим рыночным институтом, их роль относительно велика в развитии рыночных отношений и определяется следующими моментами:

- 1) они обеспечивают необходимый уровень потребительского спроса;
- 2) сбережения домохозяйств являются источником накоплений и инвестиций, что очень важно в условиях развивающейся экономики;
- 3) являются субъектами предложения на рынке факторов производства (предпринимательской способности и труда).
- 4) являются основой для формирования производства и реализации человеческого капитала.
- 5) возможность домохозяйств налаживать семейный бизнес способствует не только росту личного благосостояния, но и развитию рыночной экономики в целом.

Одним из важных видов деятельности домохозяйства является рыночное взаимодействие с другими субъектами рыночного хозяйства. Также определяющей функцией можно считать воспроизводство человеческого капитала, реализуя которую домохозяйство создает материальные условия для себя и своих близких.

В процессе экономического кругооборота прослеживается взаимосвязь домохозяйств с фирмами и с государством, которая заключается в предоставлении фирмам и государству производственных трудовых ресурсов, а также предпринимательских способностей. В современных условиях появились новые

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 14-12-66003.

возможности занятости, что дает новый виток развития поведения домохозяйств. Рассмотрим некоторые тренды нетрадиционных форм занятости, распространенных на рынке труда.

В ходе нашего исследования проводился опрос экономически активного населения по г. Екатеринбургу в 2014 г. На рис. 1 представлены результаты применяемых форм занятости.

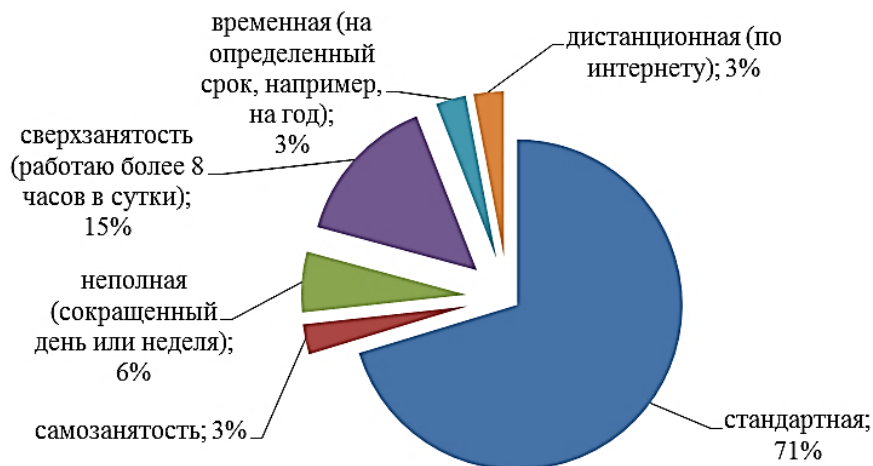

Рисунок 1. Занятость экономически активного населения г. Екатеринбурга

Как видно из рисунка, около 30% опрошенных оценили свою занятость в настоящее время как нетрадиционную форму занятости.

Так же был проведен опрос по желаемой форме занятости у экономически активного населения, результаты представлены на рис. 2.

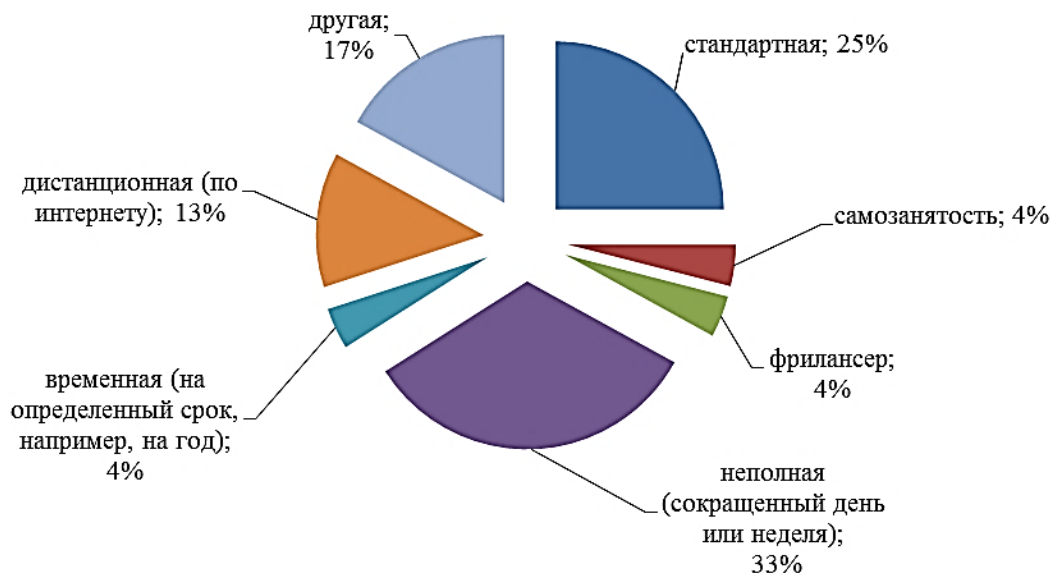

Рисунок 2. Желаемая занятость экономически активного населения г. Екатеринбурга

Как видно из рисунка, только 25% опрошенных хотели бы иметь традиционную форму занятости, остальные ответы респондентов распределились по нетрадиционным формам занятости.

Далее рассмотрим более подробно такие формы занятости, как дистанционная занятость и фрилансерство.

Глобальное распространение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни дает возможность необязательного физического присутствия практически каждого работника его на рабочем месте. Рассмотрим понятийный аппарат такого явления, как дистанционная занятость.

Дистанционная занятость – рабочий процесс, осуществляемый вне традиционного места работы и предполагающий взаимодействие с работодателем посредством информационно-коммуникационных технологий, который, скорее всего, станет в будущем значительным фактором модернизации экономики [3, с.19].

Также, дистанционная занятость – это форма занятости, при которой работодатель и наёмный работник (или заказчик и исполнитель) находятся на расстоянии друг от друга, передавая и получая техническое задание, результаты труда и оплату при помощи современных средств связи (в наши дни это преимущественно интернет). Такой подход дает современному работнику возможность трудиться удаленно от офиса, не теряя постоянного контакта с коллегами и работодателем [7].

Согласно Трудовому Кодексу РФ, дистанционной работой является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции:

- вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности),

- вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя,

- при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети «Интернет» [6, ст. 3120].

Можно сделать вывод, что дистанционная занятость является привилегией работников с высокой степенью лояльности и доверия работодателя и состоит в рассредоточении мест выполнения трудовых функций между домом и территорией работодателя, определяемой по усмотрению работника. Работник состоит в трудовых отношениях с работодателем, и режим труда, и его оплата устанавливаются трудовым договором. На рис. 3 представлены элементы дистанционной занятости.

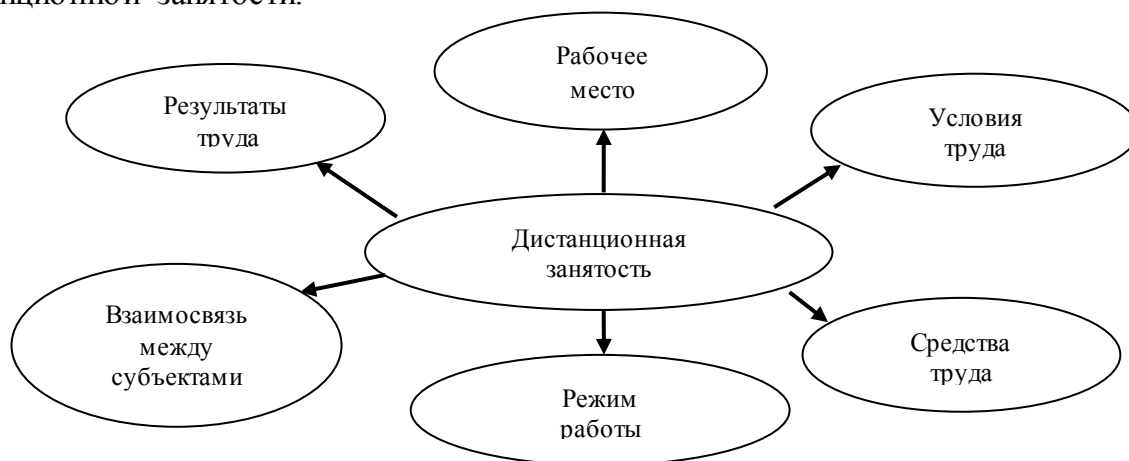

Рисунок 3. Элементы дистанционной занятости

Нами проанализированы характерные признаки дистанционной занятости по представленным на рисунке элементам [6, ст. 312].

Изучив элементы дистанционной занятости, можно сделать вывод, что важнейшими предпосылками такой занятости являются наличие доступа в Интернет, без которой она просто не может иметь место, и компьютерной техники у работника, работающего дистанционно. Поэтому оценивая распределение дистанционной занятости по регионам, необходимо учитывать развитие интернет-технологий. Развитие и проникновение Интернета в России являются подтверждением того, что дистанционная занятость неравномерно развита по регионам. Основная часть всех дистанционно занятых приходится на такие крупнейшие регионы России, как Москва и Московская область, Санкт-Петербург, меньше занятых в Ростовской, Свердловской, Новосибирской, Самарской, Челябинской и других областях.

Далее нами были проанализированы преимущества дистанционного труда для работодателя, работника и для общества в целом.

Для работодателя несомненным плюсом является экономическая составляющая, которая выражается в экономии средств на аренде офисных площадей, так как дистанционная занятость предполагает работу вне офисных помещений, возможность проводить более гибкую налоговую политику организации, так же экономия на организации рабочих мест, создании комфортных условий труда.

Для сотрудников это возможность иметь гибкий рабочий график, возможность распределять рабочее время по своему усмотрению, работать в домашних или иных комфортных условиях при наличии Интернета и выбирать работу самостоятельно, одновременно и работать, и быть относительно свободными от рабочего офиса и правил внутреннего трудового распорядка. Также работник может выполнять работу с привлечением членов его семьи или других лиц, при этом трудовые отношения между работодателем и привлекаемыми к работе лицами не возникают. Рост уровня благосостояния и возрастание ценности свободного времени приводят к тому, что все больше работающих предпочитают совмещать работу с более длительным отдыхом, выбирают рабочие места с более удобным графиком работы, учитывающим их индивидуальные запросы и предпочтения.

Кроме того, дистанционная занятость способствует укреплению здоровья, т.к. позволяет работнику организовать свое рабочее время с учетом собственного биологического ритма.

Для общества в целом дистанционная занятость дает возможность и позволяет активно участвовать на рынке труда инвалидам, лицам, обремененным обязательствами, замужним женщинам и женщинам, имеющим детей, студентам и пенсионерам. Эти группы населения предъявляют значительный спрос на рабочие места фиксированной длительности, с сокращенным рабочим днем, гибким графиком работы. Дистанционная занятость позволяет ослабить напряжение в обществе, связанное со слабой мобильностью населения, существующей в России из-за недоступности дешевого и качественного жилья, высоких ставок по ипотеке. Она повышает деловую активность и занятость населения, поскольку субъекты труда фактически могут находиться в разных регионах России.

Но вместе с положительными сторонами дистанционной занятости, у нее имеются и недостатки.

Для работодателя это частичная потеря контроля над процессом; дополнительные расходы на обучение дистанционного персонала современным технологиям для обеспечения бесперебойности работы и на программное обеспечение для организации защищенных телеконференций; снижение значимости корпоративной культуры в связи с отсутствием непосредственного контакта сотрудников.

Для сотрудников это отсутствие живого общения, визуальных и речевых коммуникаций; отсутствие обособленного рабочего места; трудности самодисциплины; трудности в обмене информацией; затруднения в сравнительной самооценке как профессиональных, так и внешних качеств; необходимость повышения своей профессиональной квалификации исключительно за свой счет.

Развитие информационных и электронных технологий, рост сферы услуг способствуют также появлению и распространению такого явления, как «фрилансерство».

Юридического определения для явления «фрилансерство» в российском законодательстве пока нет, не прописаны и нормы, регулирующие такой труд и трудовые отношения. У фрилансерства как модели занятости, недавно вошедшей на рынок труда в нашей стране, еще нет четко сформированного понятийного аппарата. В рамках настоящего исследования нами была изучена существующая терминология этого вида занятости.

Фрилансером является работник, приглашенный для выполнения работ вне штата. Будучи вне постоянного штата какой-либо компании, фрилансер может одновременно выполнять заказы для разных клиентов.

Итак, фрилансер – это человек, который выполняет работу на заказ, при этом место работы и время он выбирает самостоятельно, у него отсутствует фиксированная заработная плата, нет графика, есть только заказы и сроки их выполнения.

Главное различие между фрилансером и наемным работником, который получает заранее оговоренную зарплату и выполняет определенные обязанности, в том, что фрилансер сам решает, какие условия работы и оплата подойдут ему, сам ищет людей, с которыми будет работать некоторое время [3, с. 24; 1, с. 18].

В следующем определении фрилансеры представлены как внештатные сотрудники, которые привлекаются работодателями на временной основе для выполнения определенной работы, зарабатывающие в разных местах. Фрилансерство подразумевает именно человека, зарабатывающего через интернет [8]. В настоящее время развитие Интернета дал огромный толчок в развитии фрилансерства, но не всегда фрилансер работает только через Интернет, есть также профессии, предполагающие работу без Интернета.

Фрилансер – специалист в любой сфере, не имеющий постоянного и единственного места работы. У фрилансера может быть от одного до десятка постоянных заказчиков, но нет жестких обязательств работать только с определенным заказчиком, также фрилансерство рассматривается как альтернативная форма работы в штате, распространена в творческой среде художников, дизайнеров, верстальщиков, журналистов [5; 8].

Более точно суть рассматриваемой формы занятости представлена в следующем определении. Фрилансер – это удаленный работник, выполняющий определенную работу по договоренности с работодателем, обладает знаниями и

умениями в своей области, ищет заказы и работу самостоятельно в соответствии со своей специальностью, выполняет эту работу и получает за нее оплату [3, с. 23].

В классическом варианте фрилансеры – это физические лица, которые работают с заказчиком в рамках гражданско-правового договора: договора подряда, возмездного оказания услуги или авторского заказа.

Таким образом, при сравнительном анализе все вышеперечисленные понятия позволяют сказать, что фриланс представляет собой самостоятельный вид занятости. По мнению авторов, под фрилансом следует понимать свободную форму занятости на рынке, представляющую собой самостоятельный выбор работником работодателя, формы, места и режима работы, ее реализации, низкую степень зависимости работника от работодателя.

Такая форма занятости, как фрилансерство, требует от работника самодисциплины, самоорганизации, желания работать и самостоятельно ставить перед собой цели, т.к. заработок фрилансера полностью зависит от объема работы, фрилансер имеет полную самозанятость: он сам ищет работу, сам ее выполняет и получает за это свой доход. Для того, чтобы быть фрилансером, нужно уметь подстраиваться под изменение рынка услуг, а также иметь хорошую самодисциплину и самоорганизацию, из чего можно сделать вывод, что такая форма занятости подойдет не всем.

Фрилансеры ценят прежде всего самостоятельное планирование рабочего времени, трудятся на нескольких работодателях, самостоятельно планируют свое рабочее время и своими силами организуют свое рабочее место [4, с. 15]. Так, «удобный график работы» среди трудовых ценностей выделили более половины опрошенных при переписи фрилансеров.

Таким образом, фрилансер обладает значительной степенью свободы, возможностями самореализации и творческого роста, определения личного трудового распорядка, фрилансер может быть как штатным, так и внештатным сотрудником организации. Занятость фрилансеров может быть как не регламентирована, так и регламентирована законодательными актами трудового и гражданского права, может относиться к внештатной занятости, самозанятости, индивидуальному предпринимательству и занятости по гражданско-правовым договорам.

Фриланс можно рассматривать как социальное явление, не просто занятость, а определенный образ жизни, возможность самореализации, ухода от жестких регламентаций со стороны работодателя. Фрилансер не имеет рамок рабочего дня, он сам организует свое рабочее место, фрилансером можно быть в любом возрасте.

Но вместе с привлекательными сторонами фрилансерства существуют и его минусы, которые представлены в табл. 1.

Выделенные в ходе настоящего анализа недостатки фрилансерства как формы занятости являются тормозом широкого развития и распространения ее на территории регионов нашей страны. Несомненно, фриланс можно назвать феноменом современности, который морально, экономически, технологически выгоден работнику, работодателю и государству. Масштабы фриланса пока сложно оценить из-за того, что в настоящее время значительно затруднен сбор и анализ статистической информации о занятых фрилансом.

Однако можно считать, что фриланс как форма занятости имеет большое будущее: по данным переписи на вопрос о трудовых планах на ближайшие 5 лет

только 3% респондентов ответили, что планируют отказаться от фриланса и перейти на стандартную форму занятости. Результаты опроса представлены на рис. 4.

Таблица 1

Преимущества и недостатки трудовых отношений в форме фрилансерства

Преимущества	Недостатки
возможность удобного рабочего графика	нестабильность будущих доходов
возможность работать вне офиса	вероятность обмана со стороны заказчика
возможность выбирать интересную работу	отсутствие карьерного роста
возможность повышения квалификации	отсутствие социального пакета
возможность совмещать фрилансерство с другой работой	необходимость самостоятельно искать работу
возможность получать высокий доход	необходимость самоорганизации
отсутствие контроля начальника	отсутствие общения в коллективе

Рисунок 4. Планируемая форма занятости у фрилансеров на ближайшие 5 лет, данные переписи за 2011 гг. (%)

Данные переписи подтверждают, что такая форма занятости, как фриланс будет востребована и должна развиваться при поддержке государства и законодательной базы. По прогнозам агентства Vanson Bourne, в предстоящем году трудиться вне офиса будут около 23 процентов наших соотечественников, в 2018 году их доля вырастет до 40 процентов, а в долгосрочной перспективе достигнет 56 процентов [2].

Таким образом, рассмотрев новые формы занятости для нашего рынка, можно сделать вывод, что их можно считать полноценными формами занятости в инновационной экономике, которые дают возможность для более эффективного вовлечения в экономику отдельных категорий граждан, самостоятельно распоряжаться своим свободным временем работникам, создавать дополнительные рабочие места, также несут в себе социальную направленность за счет динамического перераспределения имеющихся трудовых ресурсов. Вместе с тем рассматриваемые формы занятости требуют доработки со стороны государства по вопросам регулирования трудовых отношений на законодательном уровне. Развитие данных форм занятости дает перспективы к развитию трендов экономико-

демографического поведения домохозяйств в условиях перехода на инновационный тип развития.

Библиографический список

1. Всероссийский научно-практический журнал по экономике: Российское представительство. 2012. № 18 (216). С. 45-47.
2. Итоги «Переписи фрилансеров 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.fl.ru/freelancers_census.pdf.
3. Конобец Ф. Дистанционный труд как новая форма занятости // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2011. № 9.
4. Орлова Е.В. Когда работа признается дистанционной? // Справочник кадровика. 2014. №5.
5. Полянина А. Мотивация свободным временем [Электронный ресурс] / А. Полянина // Управление персоналом. 2008. № 1. Режим доступа: <http://123-job.ru/articles.php?id=1010>.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации [Текст]: федер. закон от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21.12.2001 г., действующая редакция от 28.06.2014 г). Ст. 312.
7. Удалённая работа [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%91%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B0.
8. Фриланс или удаленная работа [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://seowomann.ucoz.ru/news/birzha_frilanserov/2014-01-06-76.

© Камарова Т.А., 2015. Текст

Информация об авторе

Камарова Татьяна Александровна (г. Екатеринбург, Россия) – старший преподаватель кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62; e-mail: cafedraetr@mail.ru).

Kamarova T.A.

TRENDS OF NON-STANDARD EMPLOYMENT IN CONDITIONS OF TRANSITION TO INNOVATIVE TYPE OF DEVELOPMENT

Abstract. *The paper considers non-standard forms of employment and some results of a research project focused on working out and testing of theoretical and methodological approach to the study of modern trends in the field of non-standard socio-labour relations at the regional labour market.*

Keywords: employment, labour market, non-standard forms of employment, outstaffing, outplacement, temporary employment, remote employment, freelancer

Информация об авторе

Kamarova Tatyana Aleksandrovna (Yekaterinburg, Russia) – Senior lecturer of the Chair of Labour Economics and Personal Management, the Ural State University of Economics (620144, Yekaterinburg, st. on March 8, 62; e-mail: cafedraetr@mail.ru).

РОЛЬ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ*

Аннотация. *Социальные инновации являются новым динамично развивающимся явлением, позволяющим локальным группам и целым странам решать социальные проблемы и повышать конкурентоспособность в современных экономических условиях. В статье раскрывается сущность и особенности социальных инноваций, исследуются эволюционные механизмы, обуславливающие их актуальность, изучаются источники инноваций, роль государства, а также иных участников в процессе их создания и воплощения.*

Ключевые слова: общественный сектор, социальные инновации, институциональные изменения, эволюция, общественные блага, государство, некоммерческий сектор.

Социальные инновации относятся к инновационной активности, целью которой является удовлетворение социальных потребностей, и реализуемой преимущественно через организации, основное назначение которых – социальное [11, с.146]. Социальные инновации могут быть определены как развитие и применение новых идей (продуктов, услуг, моделей) в целях удовлетворения социальных потребностей и создания новых социальных отношений и механизмов сотрудничества [7, с.6]. Они представляют собой ответ на новые социальные потребности, и влияют на процесс социального взаимодействия. Их целью является улучшение жизнедеятельности. Социальные инновации – это инновации, являющиеся социальными как в отношении цели, так и средств ее достижения.

Социальные инновации позволяют выявить новые подходы к решению проблем и достижению целей и задействовать новых участников, из взаимодействия которых могут быть получены новые способы реализации проектов, вдохновляющие подходы и новый взгляд, выходящий за рамки привычного [7, с.7]. Как утверждает Мулэ, социальные инновации рассматриваются как трансформационная сила, которая способна изменить локальные взаимоотношения между индивидами и социальными группами [9] в ситуациях, когда имеет место кризис, как ответ на невнимание к определенным нуждам как со стороны общественного сектора, так и со стороны бизнеса [10, с. 2042].

Высокая актуальность применения социальных инноваций обусловлена острой необходимостью реакции экономики и общества на сложившийся комплекс проблем глобального характера. Динамичный промышленный рост сформировал предпосылки для глубокой экономической специализации и тесного взаимодействия между странами в мировом масштабе, открыв экономики для процессов глобализации. Активный переток капиталов между странами в поисках наибольшей ренты обусловил кредитный характер развития и сформировал устойчивые тенденции зависимости компаний и рынков от непрерывной погони за прибылью в целях развития и возврата задолженностей. Столь высокие темпы развития бизнеса сформировали избыток благ и результируются в настоящее время в виде проблемы перепроизводства. Избыточное производство создает, с одной стороны, новые вызовы в отношении поиска рынков сбыта, а с другой стороны,

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области, проект № 15-12-66001a(p).

ставит экономики перед проблемами избыточного потребления ресурсов, в том числе и невозобновляемых. Ресурсоемкое поведение агентов отражается на экологии, вызывая избыток выбросов загрязняющих веществ, дефицит чистых природных ресурсов, истощение экологического потенциала планеты в целом. Кроме того, рентаориентированное поведение рыночных агентов формирует социальное неравенство, проблема которого становится особенно острой на фоне динамичного роста населения, в основном приходящегося на бедные страны. Это обостряет проблемы бедности, девиантного поведения, истощает человеческий капитал в отношении здоровья и потенциала к эффективному воспроизводству.

Традиционные (индустриальные) схемы организации общественной жизни демонстрируют неэффективность в сложившихся условиях. Лишь механизмы переустройства общественных поведенческих паттернов, переоценка ценностей в отношении общественных потребностей и норм поведения, активное включение всех участников общественного развития в решение глобальных проблем способны изменить сложившиеся тенденции. Таким образом, социальные инновации выступают инструментом комплексного, но при этом исключительно ситуативного (исходящего из сложившихся внешних условий) решения глобальных проблем начиная с малых групп и заканчивая масштабными изменениями. Как отмечается в отчете Шваб Фаундейшн, социальные инновации занимают серое пространство между государствами и рынками. Они предлагают актуальные и практичные решения достижения позитивных социальных или экологических изменений в условиях низких доходов и неудовлетворенности населения [6, с. 5].

Стратегия «Европа 2020» определяет следующие приоритетные направления, нуждающиеся в применении социальных инноваций:

- 1) трудоустройство (снижение безработицы до 75%);
- 2) климатические изменения и энергетика: снижение потребления газа на 20-30%, рост применения возобновляемых источников энергии на 20%, повышение энергоэффективности на 20%;
- 3) образование: сокращение лиц, не охваченных общим образованием, до 10% и менее, повышение общего образовательного уровня населения;
- 4) бедность: сокращение доли населения, находящегося на грани бедности, на 20 миллионов [7, с. 10].

В целом комплекс проблем, с которыми сталкивается современная экономика в отношении развития общественного сектора, и в отношении которых формируется острая необходимость применения социальных инноваций, в первую очередь включают демографические проблемы, миграцию и старение населения. Кроме того, это проблемы социальной исключенности малообеспеченных слоев населения, информационной исключенности пожилых в связи с недостаточными возможностями в освоении современных информационных и технических средств, проблемы здравоохранения, ухода и защиты здоровья отдельных категорий граждан, проблемы равного доступа к образованию, культурной диффузии и межкультурного диалога, а также комплекс экологических проблем.

Стимулы к внедрению социальных инноваций могут быть разделены на две основные группы: инновационный толчок и инновационное давление [1, с. 43]. Основное различие между ними состоит в том, что инновационный толчок рождается инициативой «сверху», т.е. требует активных действий по зарождению

инновации и ее внедрению. Инновационное давление же формируется «снизу» и является в большей степени пассивным источником, отражающим актуальность инновации, но не имеющим конкретных инновационных стратегий и механизмов. Источниками инновационного толчка могут быть:

- политики и политические цели;
- общественность;
- международные соглашения, законы, правила и стандарты;
- фундаментальные и прикладные исследования и разработки;
- иные социальные события.

В качестве источников инновационного давления могут выступать:

- изменение потребностей и предпочтений населения;
- стагнация и возрастающее недовольство функционированием общественного сектора;
- лоббизм.

Роль государства в создании и развитии социальных инноваций, несомненно, значительна. Однако его функции в этом процессе могут быть различны: от инициирования, финансирования и контроля за реализацией социальной инновации до предоставления отдельных ресурсов, создания фондов, инкубаторов, механизмов технического сопровождения и т.п., а также создания эффективных условий игры через налоговые и регулятивные меры. Направления государственной поддержки могут включать следующие шесть шагов [6].

1. Привлечение рыночных участников. Поскольку социальные проекты касаются сразу множества сфер общественной жизни, государство может принять на себя функцию по привлечению различных участников, в том числе рыночных акторов, к инновационным проектам. Привлечение рыночных участников может принимать различные формы: от разовых собраний до долговременных объединений и от встреч с отдельными представителями населения или бизнеса до многоакторных конгломератов. Главным объединяющим эти действия мотивом является возможность коммуникации и координации действий между политиками, инвесторами, предпринимателями и населением.

2. Развитие механизмов государственного участия. В целях эффективного внедрения социальных инноваций политики должны прояснить необходимость и степень государственного вмешательства и выделить внутренние ресурсы. В зависимости от потребностей государственное участие может подразумевать консолидацию существующих государственных активностей или разработку новых направлений в целях создания партнерств с частным сектором.

3. Создание инфраструктуры может включать поддержку посредников, которые аккумулируют рыночную информацию, создание связей между акторами, а также обеспечение эффективного функционирования финансовых инструментов поддержки инновационных проектов.

4. Подготовка предприятий к росту. В целях масштабирования эффекта от социальных инноваций государство может помогать бизнесу формировать соответствующие мощности, привлекать капитал и повышать спрос на их продукцию. Здесь также может быть задействовано множество механизмов, подготавливающих предприятия к росту, от технического сопровождения до прямых инвестиций.

5. Рост и направление частных инвестиций. Капитал является краеугольным камнем в отношении развития социальных инноваций. Государство может стимулировать частных инвесторов к участию в социальных проектах с помощью политико-экономических инструментов, направляющих инвестиционные потоки, таких как субсидии, снятие ограничений и иные стимулирующие меры.

6. Оценочные механизмы и обновление политики. Чтобы убедиться, что желаемый эффект от инноваций достигнут, государство может сформировать систему оценки эффективности. Этот процесс целесообразно повторять как на стадии разработки, так и через определенные интервалы в процессе реализации социальных инноваций. Желание правительства осуществлять контроль и оценку проводимой политики является одним из залогов успеха.

Ценный вклад в создание социальных инноваций вносят различные экономические агенты. Они могут как служить реализаторами, так и двигателями (источниками) социальных инноваций.

Основные источники социальных инноваций представлены в табл. 1.

Таблица 1

Источники социальных инноваций в общественном секторе [1, с. 49]

Источник инноваций	Причины внедрения инноваций	Примеры инноваций
Политики	Иницируются или политиками в ходе предвыборной борьбы, или активистами политических партий в попытке развития политической карьеры	Конституционные реформы, изменения в системе здравоохранения, изменение условий предоставления отпуска по уходу за ребенком
Чиновники	Иницируются государственными служащими для продвижения по служебной лестнице и с помощью внешних заинтересованных сторон	Электронное правительство
Бизнес	Иницируются в процессе поиска источников дополнительной прибыли и стимулируются государственным заказом	Частные инициативы финансирования государственных проектов, государственно-частное партнерство, сервисные центры для получения государственных услуг
Научное сообщество	Иницируются учеными-предпринимателями в процессе поиска академического признания за создание новых знаний	Обучение государственных служащих с целью изменения мировоззрения, введение аукционов при предоставлении радиочастот
Негосударственные организации	Иницируются за счет изучения лучших практик, проведения кампаний, мотивацией становятся рост и признание	Хосписы, центры здорового образа жизни, летние школы университетов

Важным моментом осуществления социальных инноваций является включение в процесс их разработки и реализации населения и его активных групп. Это позволяет значительно увеличить потенциал реализации данных проектов за счет:

- актуального отражения потребностей населения;
- положительного настроения и активной поддержки населения;
- участия населения и его групп в качестве исполнителей, контролеров реализации проекта и/или источника финансирования проекта (краудсорсинг).

Исходя их специфического мультиагентского характера социальные инновации обладают особыми свойствами. Среди них можно выделить:

- открытость в отношении информационного обмена;
- мультидисциплинарность и интеграция различных подходов и различных участников в решении проблемы;
- активное участие (а также зачастую ведущая роль) конечных потребителей;
- основанность на спросе, а не на предложении;
- специфичность каждого конкретного случая исходя из текущих задач и условий [7, с. 8].

Как отмечается в европейском исследовании по региональным и муниципальным социальным инновациям, проведенном в рамках проекта PUBLIN, ключами к развитию социальных инноваций являются:

- применение перспективного взгляда на потребности, ожидания, возможности с учетом инвестиционных характеристик;
- мобилизация широкого спектра участников;
- соединение умений и культур, общественного и частного сектора в целях создания инноваций [7, с. 17].

Объединяя множество видов участников, социальные инновации позволяют нивелировать проблемы общественного выбора, когда политические агенты, действующие в интересах населения, тем не менее, в силу действия институциональных механизмов, игнорируют сигналы общества и назревающие в нем актуальные проблемы (подробнее об этом см. [2]).

Однако следует отметить, что многие социальные инновации не находят конечного воплощения. Как отмечается в исследовании Хольта, одна треть проектов, наблюдаемых с 1991 по 2010 гг., провалилась [8]. Хотя литературы относительно провалов в социальных инновациях крайне мало, следует отметить следующие основные выделяемые исследователями причины:

- отсутствие достаточного опыта реализации социальных инноваций: поскольку данное явление является достаточно новым с институциональной точки зрения, многие территории оказываются неготовыми к внедрению подобных изменений ввиду отсутствия соответствующей практики;

- отсутствие финансовых стимулов к инновациям: инновации в общественном секторе, в отличие от инноваций частного сектора, не подразумевают высокой прибыли от реализации, что значительно затрудняет поиск источников финансирования;

- неприятие риска: среда, в которой принимаются решения, касающиеся общественного развития, высококонсервативна, и зачастую это требует немалых усилий и длительного времени, чтобы заронить зерна сомнения и готовности к изменениям в умах людей;

- наличие чрезмерного количества формальных правил и процедур: бюрократические процедуры, характерные для организаций общественного сектора, ориентированы на предотвращение непредсказуемых действий участников трансакций. Следование правилам значительно снижает вероятность появления инноваций [12];

- жесткие иерархические структуры — в организациях общественного сектора очень сильны разделительные барьеры между отделами, организациями, профессиями, услугами и т. д. Монопольное положение государственных организаций

в условиях полного отсутствия конкурентной борьбы значительно сокращает стимулы к инновациям [1, с. 50].

Региональные стратегии, которые включают в себя социальные инновации, пока лишь только начинают внедряться. Ряд французских регионов уже интегрировали социальные инновации в некоторые свои стратегии. Большинство из них сопряжены с производством общественных благ, однако ряд из них связаны с различными формами создания инкубаторов, кооперации с гражданами т.д. [7, с. 46]. При разработке инновационного плана развития г. Наварра были использованы исследования граждан, консультационные комитеты, общение с организациями, такие как торговые союзы и представители бизнеса.

Российская практика социальных инноваций также включает ряд успешных проектов. Так, активно внедряются принципы электронного правительства, значительно упрощающие взаимодействие граждан с государственными структурами; в г. Шахты Ростовской области был успешно реализован проект «Зеленый коридор» [5]; в Нижегородской области интересное развитие получил проект помощи детским домам [3]; развиваются новые механизмы финансирования социальных инноваций, такие как фонды местного сообщества и краудсорсинг [4]. Растущая социальная ответственность бизнеса также может рассматриваться как еще один позитивный фактор. Таким образом, перспективы развития социальных инноваций в России очень значительны, и в условиях поддержки со стороны властных структур могут послужить важным источником роста конкурентоспособности страны на мировой экономической арене.

Библиографический список

1. Голубева А.А., Соколова Е.В. Инновации в общественном секторе: введение в проблему // Вестник С.-Петербургского университета. Серия Менеджмент. 2010. Вып. 4. С. 28-57.
2. Кац И.С., Симонова В.Л., Мезенцева Е.С. Парадоксы общественных благ // Журнал экономической теории. 2012. №4. С. 142-147.
3. Копотева И.В., Никула Й. Социальные инновации в изменяющейся сельской среде России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 2. С. 74-84.
4. Краудсорсинг в государственном секторе: инновация с расчетом на гражданское общество. М.: ФБК, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fbk.ru/publications/columns/7226/>
5. Понамаренко С.А. Инновационная деятельность в регионах [Электронный ресурс]. URL: <http://transfer.eltech.ru/innov/archive.nsf/0d592545e5d69ff3c32568fe00319ec1/7b3e313a982ef062c32577bd003b2810?OpenDocument>
6. Breaking the binary: Policy guide to scaling social innovation. – Schwab Foundation for Social Entrepreneurship. April 2013. [Электронный ресурс] URL: http://www.weforum.org/pdf/schwabfound/PolicyGuide_to_ScalingSocial%20Innovation.pdf
7. Guide to social innovation. Regional and Urban Policy. February 2013. 71 p. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/presenta/social_innovation/social_innovation_2013.pdf
8. Holt D. Where are they now? Tracking the longitudinal evolution of environmental businesses from the 1990s // Business Strategy and the Environment. 2011. # 20(4). Pp. 238-250.

9. Moulaert F. Social Innovation: Institutionally Embedded, Territorially (Re)Produced. In: D. MacCallum, F. Moulaert, J. Hillier, & S. Vicari Haddock (Eds.), *Social Innovation and Territorial Development*. – Ashgate: Farnham, 2009. Pp. 11-24.

10. Moulaert F., & Ailenei O. Social Economy, Third Sector and Solidarity Relations: A Conceptual Synthesis from History to Present // *Urban Studies*. 2005. # 42(11). Pp. 2037–2053.

11. Mulgan G. The Process of Social Innovation // *Innovations*. 2006. Vol. 1. No. 2. Pp. 145-162.

12. Windrum P. Innovation and Entrepreneurship in Public Services // *Innovation in Public Sector Services: Entrepreneurship, Creativity and Management* Eds. P. Windrum, P. Koch. Northampton & Cheltenham: Edward Elgar, 2008

© Кац И.С., Симонова В.Л., 2015. Текст.

Информация об авторах

Кац Ирина Семеновна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: irina_katz@mail.ru).

Симонова Виктория Львовна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: simonova4@yandex.ru).

Katz I.S., Simonova V.L.

THE ROLE AND SPECIFICS OF SOCIAL INNOVATIONS IN NOWADAYS ECONOMY

Abstract. *Social innovations present the new dynamically developing phenomenon that let local groups to whole countries decide social problems and rise competitiveness in contemporary economics. The article shows the essence and specifics of social innovations, examines some evolution trends determined actuality of this phenomenon, sources of innovations, the role of government and other actors in their realization are discussing.*

Keywords: public sector, social innovations, institutional changes, evolution, public goods, government, non-profit sector.

Information about the authors

Katz Irina Semionovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: irina_katz@mail.ru).

Simonova Victoria L'vovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: simonova4@yandex.ru).

УДК 331.5

Коновалова В.С.

СОДЕЙСТВИЕ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2015 Г.

Аннотация. *Данная статья раскрывает текущее и прогнозное состояние рынка труда в Тюменской области. Проведён анализ по важным показателям, раскрыты их статистические данные. Эффективность содействия занятости зависит от многих аспектов, в том числе и от управленческих решений. Результативности содействия способствует принятая государственная программа Тюменской области «Основные направ-*

ления развития в области содействия занятости населения, трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений» до 2020 года. Раскрыты её цели, задачи и структура, а также мероприятия. Проработаны результаты реализованных мероприятий на территории Тюменской области. Данные мероприятия способствуют поддержке и улучшению занятости населения Тюменской области.

Ключевые слова: занятость, рынок труда, Тюменская область, безработица, государственные программы.

Проблема содействия занятости населения является одной из важнейших проблем в нашей стране.

Ситуация на рынке труда в Тюменской области является стабильной. Уровень регистрируемой безработицы остается на достаточно низком уровне, по состоянию на 01.01.2015 г. – 0,6%.

Прогнозируемая ситуация на рынке труда Тюменской области представляет собой снижение численности трудовых ресурсов. Прежде всего это связано со значительным снижением числа граждан, входящих в трудоспособный возраст, вследствие образовавшейся в 1990-х годах «демографической ямы».

В условиях возможного ухудшения экономических ожиданий высока вероятность снижения со стороны хозяйствующих субъектов издержек на труд, что наряду с ростом производительности труда на предприятиях региона будет сопровождаться высвобождением работников. Вероятнее всего, это будет наблюдаться на предприятиях, занятых производством и распределением электроэнергии, газа и воды, транспортом и связью, финансовой деятельностью.

По данным мониторинга рынка труда Тюменской области, общая численность зарегистрированных безработных по состоянию на 1 апреля 2015 года составила 5297 человек. Уровень регистрируемой безработицы составил 0,76% от численности экономически активного населения. За первый квартал 2015 года трудоустроено 4117 человек, в том числе 1230 безработных граждан. К профессиональному обучению приступило 607 безработных граждан. По состоянию на 1 апреля 2015 года в органах службы занятости зарегистрировано 16850 вакансий [1].

На данный момент присутствует дефицит кадров некоторых специальностей в таких отраслях как: строительство, сельское хозяйство, промышленность, торговля и общественное питание. Для разрешения данной ситуации принимаются меры выделения квот для иностранных граждан, которых привлекут на вакантные рабочие места. Привлекаемая иностранная рабочая сила необходима для компенсации трудовых ресурсов и замещения рабочих мест, невостребованных российскими гражданами, и должностей для квалифицированных специалистов, необходимых в рамках реализации инвестиционных и национальных проектов.

Уровень регистрируемой безработицы за первые 4 месяца изменился на 0,16%. Увеличение, скорее всего, является следствием принятия мер об эффективном предоставлении государственных услуг центрами занятости. Результативность основывается на принятии Государственной программы Тюменской области «Основные направления развития в области содействия занятости населения, трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений» до 2020 года от 22 декабря 2014 года № 651-п.

Программа носит социальный характер, ориентированный на содействие повышения занятости населения, снижение напряженности на рынке труда,

улучшение условий и охраны труда работников организаций области, развитие социального партнерства в Тюменской области, содействие повышению уровня жизни населения региона.

Задачи программы направлены на содействие занятости населения, обеспечение рабочей силой работодателей, формирование позитивного отношения к трудовой деятельности и стимулирование к активному поиску работы, сокращение дисбаланса спроса и предложения рабочей силы, содействие развитию социально-трудовых отношений.

Для реализации целей задач в рамках программы предусмотрено исполнение мероприятий по оказанию содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям — в подборе необходимых работников, организации и проведении оплачиваемых общественных работ, временном трудоустройстве граждан, испытывающих трудности в поиске работы, содействия самозанятости населения и ряд других.

Также программа включает систему дополнительных мероприятий, направленных на расширение возможностей трудоустройства и адаптацию на рынке труда молодежи, женщин, имеющих малолетних детей, граждан пенсионного возраста, сохранивших трудоспособность, инвалидов, родителей, воспитывающих детей-инвалидов, многодетных родителей, а также граждан, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Помимо задач по обеспечению содействия занятости населения, программой предусмотрены задачи по совершенствованию региональной системы управления охраной труда и социально-трудовых отношений.

Общая численность участников мероприятий программы в период с 2015 по 2020 гг. составит свыше 450 тысяч человек, в том числе на условиях постоянного и временного трудоустройства планируется обеспечить содействие занятости более 240 тысяч граждан.

Реализация программы позволит сдержать рост безработицы в регионе, смягчить ее отрицательные последствия, повысить уровень социальной адаптации населения к условиям, складывающимся на рынке труда, повысить трудовую и профессиональную мобильность населения [2].

Начало реализации государственной программы по содействию трудоустройства населения Тюменской области, имеет положительную динамику. Создаются профориентационные центры на территории Тюменской области, создан «Интерактивный портал службы занятости населения Тюменской области», который несёт в себе всю необходимую информацию как для работодателей так и для соискателей. Портал функционален и прост, каждый сможет найти там нужную информацию.

В целом работа по содействию трудоустройства населения в Тюменской области целенаправленно и эффективно работает. Принятая программа обеспечивает взаимодействие безработных граждан и работодателей. Именно эта связующая часть необходима для регулирования спроса и предложения труда в субъекте Российской Федерации.

Библиографический список

1. Интерактивный портал службы занятости населения Тюменской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://czn.admtyumen.ru/>

2. Государственная программа Тюменской области «Основные направления развития в области содействия занятости населения, трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений» до 2020 года.

© Коновалова В.С., 2015. Текст.

Информация об авторе

Коновалова Виктория Сергеевна (г. Екатеринбург, Россия) – студент Института государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина (620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина 13б; e-mail: v-k-s@ro.ru).

Konovalova V.S.

PROMOTING EMPLOYMENT OF THE TYUMEN REGION IN 2015

Abstract. *This article reveals the current and expected state of labor market in the Tyumen region. The analysis on important indicators is carried out, their statistical data are opened. Efficiency of employment assistance depends on many aspects, including administrative decisions. Productivity of assistance is promoted by the accepted state program of the Tyumen region "The main directions of development in the field of assistance of employment of the population, labor and other directly associated relations" till 2020. Its purposes, tasks and structure, and also actions are opened. Results of the realized actions in the territory of the Tyumen region are studied. These actions promote support and improvement of population employment in the Tyumen region.*

Keywords: employment, labor market, Tyumen region, unemployment, state programs.

Information about the author

Konovalova Victoria Sergeevna (Yekaterinburg, Russia) – Student (bachelor) of the Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin (13B, Lenin ave., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: v-k-s@ro.ru).

УДК 331.5:314

Копалова О.С., Черкасова В.Ю.

БЕЗРАБОТИЦА И РЫНОК ТРУДА В РОССИИ

Аннотация. *В данной работе произведена оценка современного состояния безработицы на рынке труда в России, исследованы причины этого явления, проанализирована основная статистика по безработице, изучено мнение экспертов о доверии к статистическим данным и будущем уровне безработицы.*

Ключевые слова: рынок труда, безработица, статистика, эксперты, трудоустройство, безработные.

Безработица – один из главных показателей, который характеризует экономику любой страны. От уровня безработицы напрямую зависит экономическая ситуация и уровень жизни населения.

Безработица на современном рынке труда является серьёзной проблемой и имеет множество причин.

Прежде всего, главной причиной безработицы является несоответствие между спросом и предложением. Абсолютного равновесия спроса и предложения

достигнуть нельзя. Соответственно всегда есть некая часть населения, которая не сможет трудоустроиться, или найти необходимое рабочее место с требуемым уровнем заработной платы. Временами данное несоответствие достигает критических пределов, что приводит к резкому увеличению уровня безработицы. Согласно мнению Владимира Ефимовича Гимпельсона (директора Центра трудовых исследований, профессора кафедры экономики труда и народонаселения Департамента прикладной экономики НИУ ВШЭН) наиболее незащищенными группами являются: молодые женщины, молодежь, национальные меньшинства, лица, покинувшие места лишения свободы [1].

В качестве причин безработицы он выделяет высокий уровень существующей заработной платы (у работодателей уменьшается уровень необходимых предложений на замещение должностей); невысокий уровень спроса (например, при снижении уровня спроса на товары уменьшается уровень спроса на сотрудников, осуществляющих продажи); несовершенство и негибкость рынка (многие работодатели не могут в нужное время приспособиться к изменениям продаж).

Факторами, провоцирующими безработицу, можно назвать:

- демографическую ситуацию в конкретном регионе, где происходит борьба с безработицей (уровень рождаемости и смертности, миграционные потоки, уровень продолжительности жизни);

- процесс перехода собственности на предприятиях из государственной в частную путем проведения приватизации – в этом случае огромное количество сотрудников таких предприятий предположительно оказываются без работы;

- организационно-экономические факторы: здесь подразумеваются процессы изменения любой организационно-правовой формы, а также слияния и поглощения разнообразных компаний; в этих ситуациях сотрудники вынужденно могут менять фактическое место своей работы на другие регионы и наоборот;

- технический фактор: многие сотрудники не могут приспособиться к темпам научно-технического прогресса, что провоцирует появление глобальных увольнений.

Снижение производства приводит к уменьшению занятости (перевод на четырехдневную рабочую неделю, например), трудовой потенциал используется неэффективно,

В российской действительности одним из главных механизмов по устройству на работу является протектирование (найм родственников и знакомых, независимо от их профессиональных качеств и квалификации).

Появляется всё большее количество мигрантов и беженцев, которые конкурируют с коренным населением за рабочие места и иногда просто монополизировать некоторые сферы деятельности.

Для решения этих и многих других проблем Российской академией народного хозяйства и государственной службы был проведён количественный экспертный опрос по основным направлениям деятельности Правительства РФ. Целью блока исследования по рынку труда, было определить риски рынка труда и выявить потребности в иностранной рабочей силе.

В качестве инструмента сбора информации применялась онлайн-анкетирование через сеть Интернет среди экспертов. Отбор экспертов для участия

в опросе проводился методом «снежного кома» – по рекомендациям на каждого интервьюируемого эксперта.

По мнению экспертов, рост безработицы является одним из основных рисков рынка труда, так полагает практически половина опрошенных (46%). Другими немаловажными рисками были названы: недостаточный уровень квалификации работников во многих отраслях (61% от ответивших), снижение уровня реальной заработной платы (60%), усиление проблем трудоустройства молодёжи (57%), несоответствие образовательных программ запросам рынка (46%), и рост доли серых заработных плат, заработных плат «в конверте» (42%).

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, уровень безработицы в январе 2014 составил 5,60%, изменившись на 0,02% по сравнению с декабрём 2013 (5,58%), и -0,35% по сравнению с январём 2013 (5,95%) [2].

Численность экономически активного населения в марте 2015 г. составила 76,1 миллиона человек, или 52% от общей численности населения страны, в их числе 71,6 миллиона человек, или 94,1% экономически активного населения были заняты в экономике и 4,5 миллиона человек (5,9%) не имели занятия, но активно его искали. В государственных учреждениях службы занятости населения в качестве безработных было зарегистрировано 1,0 миллиона человек, в том числе 0,8 миллиона человек получали пособие по безработице.

Средний возраст безработных в марте 2015 г. составил 36,2 года. Молодежь до 25 лет составляет среди безработных 20,3%, лица в возрасте 50 лет и старше – 19,8%.

Средняя продолжительность поиска работы безработными в марте 2015 г. у женщин составила 7,4 месяца, у мужчин – 7,1 месяца.

Безработица в значительной степени является застойной. Из 1,4 млн безработных сельских жителей 33,8% находились в ситуации застойной безработицы (искали работу 12 месяцев и более), из 3,1 млн безработных городских жителей – 23,4%.

По данным проведенного обследования, в марте 2015 г. 31,1% безработных использовали в качестве способа поиска работы обращение в государственные учреждения службы занятости населения, 63,1% безработных – обращение к друзьям, родственникам и знакомым [3].

Таковы результаты статистических исследований. Однако не всегда статистические данные пользуются доверием экспертов. Согласно графику, приведенному на рис. 1, мы видим, что большая часть экспертов считает, что официальные статистические данные по безработице не соответствуют реальной ситуации. 40% опрошенных отметили, что данные скорее не соответствуют действительности, и фактическое отклонение показателей безработицы составляет от 3% до 5%. Выбрали вариант ответа: «определённо не соответствуют» 37% респондентов. По их мнению, фактическое отклонение безработицы составляет более 5% от официальной статистики. Полагают, что статистические данные скорее соответствуют фактической ситуации, и отклонение не превышает 2% – 19% экспертов. Полностью согласны со статистикой и утверждают, что отклонение не превышает 0,5% около 2% опрошенных. Остальные эксперты (3%) затруднились ответить.

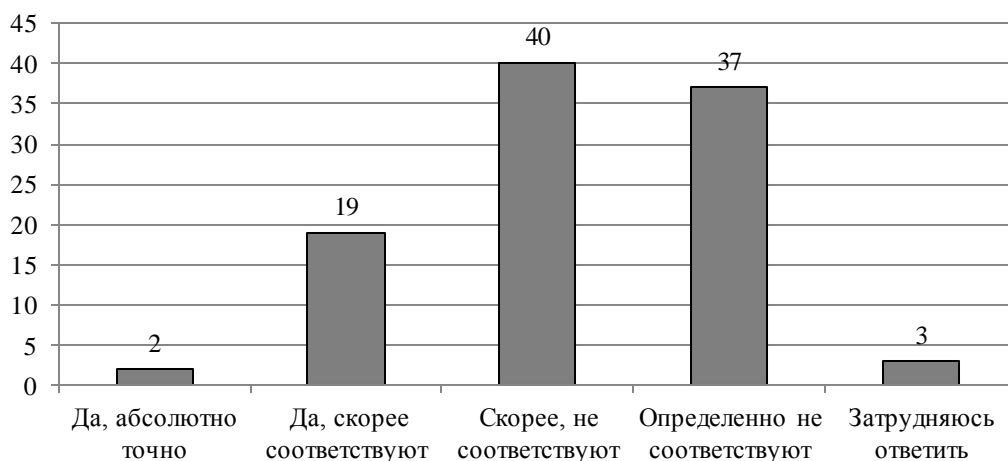

Рисунок 1. Мнение экспертов о соответствии официальных статистических показателей безработицы реальной ситуации

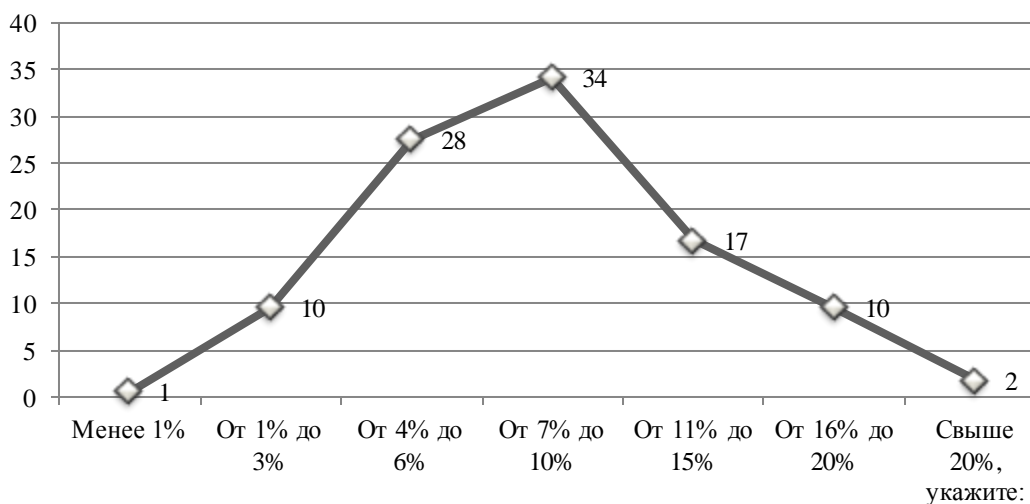

Рисунок 2. Мнение экспертов о среднегодовом фактическом уровне безработицы в 2015 г.

Перспективы на будущее достаточно пессимистичны. Существенная часть респондентов (34%) отмечает, что в 2015 году уровень безработицы составит от 7% до 10%. Треть экспертов (28%) надеется, что уровень безработицы не изменится и останется от 4% до 6%. 17% от опрошенных предполагают, что безработица в 2015 году составит от 11% до 15%. Равные доли респондентов (по 10%) выбрали более пессимистичные и оптимистичные варианты предсказывают уровень безработицы от 1% до 3% и от 16% до 20%. Совсем плохой прогноз (безработицу свыше 20%) прогнозируют 2% экспертов. Безработицу менее 1% предполагает 1% оптимистов.

Существующая ситуация требует решения и вмешательства государства. Безработица на рынке труда напрямую взаимодействует с состоянием экономики в стране и зависит от него. Опыт зарубежных стран диктует необходимость эффективной защиты определённых групп населения, контроль факторов провоцирующих безработицу, отслеживание трудоустройства мигрантов, повышение квалификации и профессионального развития работников, и другие меры.

Библиографический список

1. Гимпельсон В.Е. Российский рынок труда: между нормой и аномалией. Лекции. URL: <http://postnauka.ru/lectures/16850>
2. Текущие данные по занятости населения в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://уровень-безработицы.рф/>
3. Занятость и безработица в Российской Федерации в марте 2015 года (по итогам обследований населения по проблемам занятости) // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/76.htm

© Копалова О.С., Черкасова В.Ю., 2015. Текст.

Информация об авторах

Копалова Ольга Сергеевна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Российского государственного профессионально-педагогического университета (620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; e-mail: kopalovaos@rambler.ru).

Черкасова Виолетта Юрьевна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и социологии Уральского института управления РАН-ХиГС (620144 г. Екатеринбург, 8 марта 66; e-mail: Violetta.cherkasova@uapa.ru).

Kopalova O.S., Cherkasova V.Yu.

UNEMPLOYMENT AND THE LABOUR MARKET IN RUSSIA

Abstract. *In this paper an assessment of the modern state of unemployment in the labour market in Russia is made; the author investigated the causes of this phenomenon, analyzes key statistics on unemployment, studied the experts' opinion about the credibility of statistics and the future level of unemployment.*

Keywords: labor market, unemployment, statistics, experts, employment, unemployed.

Information about the authors

Kopalova Olga Sergeevna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Sociology and Social Work, Russian State Professional and Pedagogical University (11 Mashinostroiteley St., Yekaterinburg, 620012, Russia; e-mail: ip-kopalovaos@rambler.ru).

Cherkasova Violetta Yurievna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Theory and Sociology, the Ural Institute – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (66 8 March St., Yekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: Violetta.cherkasova@uapa.ru).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБСКОГО ТРУДА В РЕГИОНАХ РОССИИ КАК ДЕСТРУКТИВНОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ*

Аннотация. Приведены особенности функционирования нелегального рынка рабского труда в России, на основании которых сформирована методика оценки оборота данного рынка на региональном уровне. На основании методики даётся оценка оборота рынка рабов-мигрантов для субъектов Уральского федерального округа.

Ключевые слова: криминальная экономика, рынок рабского труда, рабство, миграция.

Использование рабского труда остаётся серьёзной социально-демографической проблемой современного общества: по данным Global Slavery Index [7] (GSI) около 35,8 млн человек в мире на 2014 год находились в подневольном состоянии, при этом Россия в рейтинге стран по использованию рабского труда занимает 5-е место (на территории нашей страны в подневольном состоянии находятся около 1 млн человек). Стоит отметить, что в мире в целом более распространена такая форма современного рабства, как сексуальная эксплуатация, в то время как в России лидирующие позиции на данном рынке занимает использование принудительного труда (*forced labor*) [2]. Заметим, что хотя в СМИ чаще освещается именно сексуальное рабство, а Международные документы [8] обращают внимание на то, что более 80% пострадавших от транснациональной торговли людьми составляют женщины и дети, из которых 70% продаются в другую страну в целях сексуальной эксплуатации, в РФ всё же наиболее распространено классическое трудовое рабство. Мы также не берём в расчёт девушек и женщин, обманным путём вывезенных за границу и принуждённых там работать в сфере сексуальных услуг: махинации подобного рода с экономической точки зрения почти никак не влияют на объёмы криминальной экономики РФ.

Так, торговля людьми в целях эксплуатации рабского труда – наиболее распространённая форма торговли людьми в России; основной по масштабам группой риска для данного вида торговли людьми являются *мигранты*, в первую очередь из стран СНГ, нелегально работающие на неквалифицированных работах в теневой экономике России. В их число входят мужчины и женщины в основном молодых и средних возрастов, с невысоким уровнем образования [6].

Доля использования рабского труда в структуре криминальной экономики также представляет достаточно существенной, так на 2014 год оборот данного рынка по УрФО составил около 18,5 млрд рублей (см. рис. 1).

Отдельного внимания заслуживает методика, по которой оценивался оборот от использования рабского труда мигрантов в регионах РФ (см. табл. 1 и рис. 2), её суть сводится к оценке общего числа мигрантов в РФ (легальных и нелегальных).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 13-06-00127а «Мониторинг социально-экономической устойчивости территорий к возникновению и последствиям экономических правонарушений и террористической деятельности».

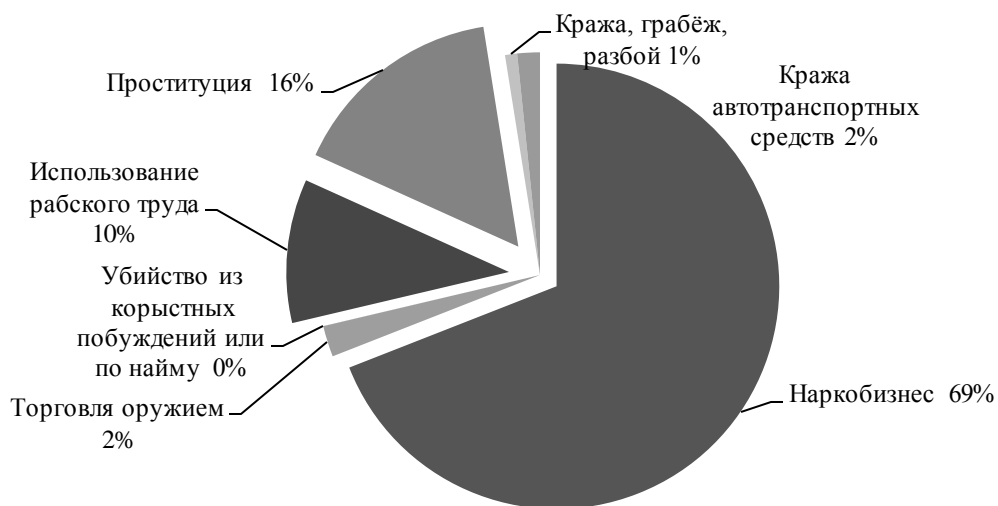

Рисунок 1. Структура криминальной экономики УрФО на 2014 год

Таблица 1

Оборот от незаконного использования рабского труда с 2009 по 2013 год, млн рублей [9, 10]

Территория	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
УрФО	29 360	19 639	10 558	13 888	17 832
Курганская область	38	17	15	14	11
Свердловская область	7 844	6 657	2 876	2 436	1 807
Тюменская область	19 059	11 824	6 838	10 521	15 003
<i>В том числе: ХМАО</i>	<i>10 077</i>	<i>6 533</i>	<i>3 486</i>	<i>5 195</i>	<i>7 257</i>
<i>ЯНАО</i>	<i>5 018</i>	<i>4 109</i>	<i>2 663</i>	<i>3 783</i>	<i>5 115</i>
Челябинская область	2 458	1 158	844	932	1 021

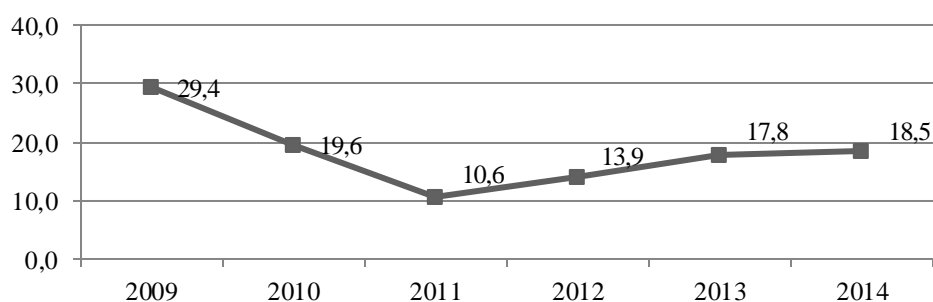

Рисунок 2. Динамика рынка использования рабского труда по УрФО, 2009-2014 годы, млрд рублей

Количество мигрантов корректируется с учётом того, что часть мигрантов работает по принуждению, не получая за свой труд зарплату – другими словами, на рабских условиях.

$$S_R = (M_R * \mu + N_R * \nu) * p_R \quad (1)$$

где: S_R – оборот от использования рабского труда в R-регионе;
 M_R – число легальных иностранных мигрантов в R-регионе;
 N_R – число нелегальных иностранных мигрантов в R-регионе;

μ , ν – коэффициенты, характеризующие долю мигрантов, находящихся в рабстве;

p_R – сумма денежных средств, не полученная рабами за работу в R-регионе (за год).

Экономический смысл рабовладения состоит в том, что люди не получают заработную плату, которую получили бы, работай они официально, поэтому отдельного пояснения заслуживает p_R .

$$p_R = (s_R - m_R) * 12 \quad (2)$$

где: p_R – сумма денежных средств, не полученная рабами за работу в R-регионе (за год);

s_R – среднедушевые денежные доходы населения в R-регионе;

m_R – величина прожиточного минимума в R-регионе.

Вычитание в формуле производится затем, чтобы показать, что «рабовладелец» всё же несёт некоторые расходы на своих «подчинённых»: например, на еду и элементарные средства гигиены. Мы делаем допущение, что все эти расходы укладываются в величину прожиточного минимума в регионе.

Что касается вычисления показателя N_R , ситуация обстоит следующим образом. По различным оценкам в РФ находится около 6-7 млн нелегальных мигрантов [3] (некоторые эксперты оценивают их число в 10 млн, и даже 11 млн человек). Очевидно, что они распределены по регионам неравномерно; в регионах, где больше легальных мигрантов (такой регион является центром притяжения для миграции) должно быть пропорционально больше и нелегальных мигрантов. N_R и M_R связаны между собой *показательной функцией*.

Коэффициенты μ , ν были определены на основе данных опросов, опубликованных в Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации [1, 5], согласно которым ряд нелегальных мигрантов испытывал следующие затруднения:

- принуждение работать без гарантированной оплаты (25-47%);
- изъятие документов (23-24%);
- наличие долга работодателю, не позволяющего свободно покинуть место работы (16-18%).

Факторы, которые способствуют торговле людьми и использованию рабского труда, являются в большей части социально-экономическими, обуславливающими бедность определенной части населения. Среди жертв использования рабского труда выделяются физически здоровые мужчины, не имеющие постоянного источника дохода. В большинстве своем это лица со средним или общим образованием, жители деревень или маленьких городов, которые ищут легальную работу в крупных мегаполисах, мигранты из стран СНГ и ближнего зарубежья [4]. В сущности, использование рабского труда мигрантов в РФ осуществляется просто потому, что оно возможно и, самое главное – *очень выгодно*. Из этого тезиса необходимо исходить и при планировании возможных законодательных и административных мер по снижению оборотов данного рынка.

Напомним, что в трудовое рабство попадают как легальные, так и нелегальные мигранты. Если обезопасить последних представляется достаточно проблематичным (исходя из самого их статуса – ведь они *нелегальные* мигранты), то предпринять меры по защите легальных мигрантов вполне возможно. Для этого необходимо принять следующие меры.

1. Создание реестра работодателей для помощи трудовым мигрантам, прибывающим в РФ из безвизовых стран. Реестр призван облегчить мигрантам поиск работодателей, а также обезопасить их от трудового рабства. Процедура включения юридического (или физического) лица в реестр должна быть максимально облегченной, возможно внедрение налоговых льгот (например, налоговых каникул) в качестве стимуляции работодателя. Мигранты, таким образом, будут заинтересованы в получении работы именно у таких работодателей.

2. Упрощение процедуры получения *патентов* (наряду с полным отказом от квот). Нелегальные мигранты в любом случае попадают на территорию РФ, экономически значительно эффективнее, чтобы они учитывались официально. Такой подход не только поможет вести статистический учёт *всех* прибывших на территорию РФ мигрантов, но и уменьшит поток нелегальной миграции в регионы РФ.

3. Создание возможности избежать ответственности за незаконное пребывание на территории РФ нелегальному мигранту, бежавшему от «хозяина» и обратившемуся в правоохранительные органы за помощью при попадании в рабство.

Библиографический список

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 г. / Под общей редакцией А.Г. Вишневого и С.Н. Бобылева; ЗАО «ПриПресс Интернэшнл». М. 2009. 208 с.

2. Зайдиева Д.Я. Ответственность за торговлю людьми // Бизнес в законе, №3-4, 2006, С.72-79.

3. Кубишин Е.С. Нелегальная миграция как фактор формирования теневого рынка труда: мифы и российская реальность // Вестник международного института менеджмента ЛИНК, №24, 2009, с. 165 – 176.

4. Пиров М.Т. Работоторговля в современном глобальном мире: социальный и криминалистический аспекты // Мир политики и социологии, 2012. №9. С. 120-134.

6. Принудительный труд в современной России. Нерегулируемая миграция и торговля людьми. МОТ, Москва, 2004, с. 66-68. Результаты опроса мигрантов из СНГ, работающих в России, объем выборки – 442 мигранта, год опроса – 2003.

7. Торговля людьми в Российской Федерации: обзор и анализ текущей ситуации по проблеме // Издательство ЮНИСЕФ, МОТ, KAMP, М. 2006. С.160

8. The Global Slavery Index, Walk Free Foundation, Australia, 2014, P.159.

Victims of Trafficking and Violence Protection Act of 2000: Trafficking in Persons Report. US State Department, 2005, P.102.

9. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2014 г. // <http://www.gks.ru>

10. Сборник по Уральскому федеральному округу «О состоянии преступности и результатах выявления и раскрытия преступлений», ИСХ. N 34/4/1.

© Кривенко И.А., Никулина Н.Л., 2015. Текст.

Информация об авторах

Кривенко Илья Артурович (г. Екатеринбург, Россия) – экономист Центра экономической безопасности, Институт экономики Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: night_ikar@mail.ru).

Никулина Наталья Леонидовна (620014, г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра экономической безопасности, Ин-

ститут экономики Уральского отделения РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: nikulinanl@mail.ru).

Krivenko I.A., Nikulina N.L.

SLAVERY MARKET IN RUSSIA AS DESTRUCTIVE DEMOGRAPHIC PHENOMENON

Abstract. *Peculiarities of the slave labor's illegal market in Russia have been observed. Method of estimating the market's volume at the regional level has been developed. Calculations of volume of the migrant slave market for the Ural Federal District are given.*

Keywords: criminal economy, slave labor market, slavery, migration.

Information about the authors

Krivenko Ilya Arturovich – Economist in the Center of Economic Security, Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: night_ikar@mail.ru).

Nikulina Natalya Leonidovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher in the Center of Economic Security, Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: nikulinanl@mail.ru).

УДК 314.1

Кузьмин А.И., Носов А.А.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ И МОТИВЫ МАЯТНИКОВОЙ МИГРАЦИИ*

Аннотация. *В представленной статье факторы и регуляторы маятниковой миграции рассматриваются с позиции концепции социально-экономического детерминизма демографических событий. В качестве теоретической основы используется концепция Дугласа Массея о доминирующем влиянии факторов семьи и домохозяйства на принятие решения о возврате маятникового мигранта к месту жительства. Учитывается также, институциональная привязанность трудового мигранта к традиционному месту приложения труда и условиям занятости. В статье вскрывается растущее значение факторов качества потребляемых товаров и услуг, что потенциально увеличивает мотивацию населения на постоянное пересечение государственных и административно территориальных границ. Авторы рассматривают маятниковую миграцию как начальный этап вовлечения той или иной территории и региона в процесс миграционного перехода и глобального процесса роста социальной мобильности. Полученные статистические и социологические факты подтверждают выдвинутую авторами рабочую гипотезу конкретными данными выборочного обследования маятниковой миграции в приграничных районах, в средних и крупных городах Урала и состоянием маятниковой миграции в российских мегаполисах.*

Ключевые слова: население, семья, миграция, факторы, мотивы, ценности, демографический переход, миграционный переход, территориальная подвижность, маятниковый мигрант, вахта, сезонная миграция.

Формирование сети мегаполисов в ходе урбанизации и конурбации в регионах России, потребность экономически активного населения в получении

* Публикация выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-33-01028 а1 «Социокультурные факторы и мотивы маятниковой миграции в приграничных районах России».

дополнительного дохода и образования за пределами места жительства, поиска доступных ресурсов рекреации и развлечений для членов семьи стимулируют рост разнообразных форм маятниковой миграций. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года наиболее близкой по смыслу к понятию трудовой маятниковой миграции (МТМ) является категория «временная миграция» (п.5, подпункт б) или «международная или внутренняя миграция, которая совершается на определенный период времени без перемены постоянного места жительства». Временная миграция осуществляется с целью работы (временная трудовая миграция), учебы (образовательная миграция) и тому подобного» [8]. Теоретически маятниковая миграция во всех ее проявлениях (включая маятниковую трудовую миграцию – МТМ) знаменует собой своеобразную начальную фазу или этап миграционного перехода (процесса или мобильности) [1, с.462]. Следует согласиться с позицией тех авторов, которые считают, что феномен маятниковой трудовой миграции (МТМ) – результат противоречий сложного процесса соединения рабочей силы и средств производства, не совпадающих территориально, в силу сложившихся диспропорций системы расселения с размещением производительных сил, а также действия фактора пространственной дифференциации цены труда. Миграционный переход и урбанизация резко усилили значение селективной функции трудовой миграции [4, р. 505-507].

В постиндустриальную эпоху маятниковая миграция все чаще приобретает черты массовых кратковременных возвратных перемещений экономически активного населения с пересечением административных и государственных границ. Ее особенность заключается в том, что ее объемы и интенсивность могут до определенных пределов нарастать даже в периоды открыто идущей в стране депопуляции, что и продемонстрировало исторически большинство регионов России, особенно в ареалах мегаполисов, имеющих столичный статус.

Специфика исследования маятниковой миграции обуславливает применение методов системного анализа, экономической и демографической статистики, математического анализа и моделирования, вероятностного, балансового метода, индексного анализа, метода переписей и выборочного социологического исследования. Научно-значимые результаты проведенного исследования были получены благодаря применению экспедиционного метода МТМ в приграничном районе.

Теоретическое исследование выявило универсальный характер маятниковой миграции – с позиции большинства миграционных концепций миграция маятникового типа может быть разнообразной (внутри и межстрановой, городской и сельской, трудовой, академической (образовательной), самосохранительной и т.д.) Однако два подхода имеют принципиальное значение. Первый связан с тем, что исследователи либо признают, либо не признают МТМ в качестве собственно миграции. Одной из самых распространенных точек зрения является отнесение феномена маятниковой миграции к особой форме территориальной подвижности, которая задается или детерминируется особенностью той или иной системы расселения и характера урбанизации в регионе. В то же время большинство экономистов, демографов, социологов предполагают, что есть все основания рассматривать еженедельные повторяющиеся «притоки-оттоки» населения и его

отдельных групп за пределы своих городов и районов в качестве *миграционных* по своей природе территориальных перемещений.

На теоретическое осмысление научной гипотезы оказала значительное влияние классификационная работа по рассмотрению более 40 миграционных зарубежных и отечественных концепций, осуществленная в Центре народонаселения МГУ В. А. Ионцевым, И. В. Ивахнюк и их коллегами. На основе концептуального анализа представленного материала нами были адаптированы три основных теоретических подхода: 1. Новая экономическая теория миграции; 2. Экономика семейной миграции; 3. Дифференциальная мобильность или селективная модель миграции [2, с. 61-68]. Упрощенные трактовки маятниковой миграции, фиксирующие циркуляцию МТМ в Москве и Подмосковье в формулировках «туда и обратно» нас не устраивают [7]. Особо выделяется концепция миграционного перехода, созданная для интерпретации интенсивности миграционного процесса именно в условиях России и СССР американским географом Зелинским [1, с.462].

Если же исходить из концептуальной структуры миграционного процесса, то можно выделить четыре основных вида пространственного движения населения. К ним относятся эпизодическая, маятниковая, сезонная и постоянная трудовая миграции. Следовательно, *маятниковая миграция – это форма регулярной кратковременной возвратной межпоселенной территориальной подвижности населения с пересечением административно-территориальных и государственных границ, характерной для начального этапа миграционного процесса.*

Моделируя объемы МТМ в регионах и федеральных округах на основе определения общей, мегаполисной и межрегиональной маятниковой миграции, мы предлагаем доступный метод для оценки ситуации с маятниковой миграцией в федеральных округах и в субъектах федерации (регионах России). Для этого вводится в понятие пребывания населения в состоянии маятниковой трудовой миграции и рассчитывается соответствующий коэффициент – C_{rlm} (*Coefficient of returnable labor migration*) — коэффициент возвратной трудовой миграции. Таким образом, $V_{mtm} = St_i \times Q \times Pr_{lm}(i)$, где i – территория (субъект Федерации, регион, Федеральный округ РФ), Pr_{lm} – вероятность жителя региона или потенциального мигранта впасть в состояние МТМ по ряду причин и факторов их опосредующих. St_i – численность населения на момент t в i -м регионе (точке выхода) по отношению к j -региону; St – численность постоянного населения. МТМ может определяться непосредственно с помощью выборочного обследования массового масштаба (микрорепеисы), а также по данным оценок экспертов, например служб занятости, анализа мест работы молодых супругов по данным журналов учета движения детей в ДОУ и т.п. «вспомогательными» способами социальной и демографической статистики на местах. Косвенным образом вероятность гражданина попасть в потоки МТМ в том или ином регионе России может быть уточнена по данным распределения лиц трудоспособного возраста по дополнительным источникам средств существования, что обеспечивается лишь технологией переписи для лиц, находящихся в трудоспособном и старше возрастном интервале и имеющих в качестве средств существования трудовой доход по второму, третьему и более месту работы.

В ходе выборочного обследования в приграничных районах УрФО было установлено, что в точках выхода из городов и районов мегаполисов Среднего и

Южного Урала и Зауралья маятниковая миграция достигает устойчивой величины 23-27 % от постоянного трудоспособного населения. Если пользоваться усредненным показателем для всей страны то объем «возвратных трудовых мигрантов» из числа трудоспособного населения гипотетически должен составить: $142 \cdot 0,6 \cdot 0,3 = 25,6$ млн чел. В свою очередь, для сопоставления методов оценки МТМ укажем, что в Московской области величина МТМ составляла бы в 2010 г. 1,1 млн чел. (близкую цифру приводит Ю. Ю. Шитова — 1,3 млн) [3, с.42].

Однако метод констант для оценки ситуации с общими объемами МТМ по регионам и федеральным округам оказался не совсем пригодным. Для коррекции показателя предполагаемых объемов $V_{мтм}$ в стране и в регионах были использованы данные Всероссийской переписи населения 2010 г. [9]. Представленные в пятом томе ВПН 2010 г. данные о распределении населения по возрастным категориям и источникам средств существования обнаружили значительную дифференциацию численности занятых на второй и более работах в федеральных округах РФ.

Так, если в Дальневосточном округе число занятых на второй и более работах составило по переписной статистике всего 800 тыс. чел. среди 2,8 млн чел., ведущих трудовую деятельность (включая работы по совместительству), то на Урале число «вторично занятых и более» составляло уже полтора миллиона чел., а ведущих трудовую деятельность и получающих от этого доход – 5,3 млн чел. В Центральном федеральном масштабы занятости на второй работе и более достигали 3,5 млн чел. (тогда как вело трудовую деятельность всего 17,2 млн). В Приволжском округе показатели дополнительной занятости были самыми внушительными – 4,4 млн и 13 млн чел. соответственно. Северо-Западный федеральный округ на этом фоне демонстрировал скромные и весьма оптимальные масштабы дополнительных заработков – всего 1,3 млн чел. среди 6 млн «трудящихся» в целом на всех работах, являющихся трудовым источником дохода и заработка. Совершенно иная картина складывалась в Северо-Кавказском ФО, где пропорция ищущих второй и более заработок к числу всех получающих доход от трудовой деятельности составила 1,4 к 3 млн чел., а в Южном ФО таковая уже была 1,25 к 5,75 млн чел. Особняком выглядел Сибирский ФО – 3,3 млн к 8 млн чел. В целом по стране 17 млн чел., имеющих второй, третий и более трудовой заработок и доход приходилось на 61 млн ведущих трудовую деятельность, включая получение дохода и по совместительству.

Полученные данные позволили дифференцировать ситуацию по вторым и более источникам средств существования на основе трудовой деятельности практически во всех субъектах Федерации. В регионах представлялась возможность провести анализ в городской и сельской местности, в свою очередь, что выходило уже за рамки предмета исследования. Данные ВПН 2010 г. позволили статистически подтвердить *рабочую гипотезу нашего исследования о сильной региональной дифференциации вероятности участия экономически активного населения России в потоках маятниковой трудовой миграции периферийного и «мегаполисного» типа* (табл. 1).

По текущим сводкам Росстата население России на 1 сентября выросло до 146,2 млн человек [6]. Из них 2,4 млн человек проживало в Крымском федеральном округе. С учетом коэффициентов дополнительной занятости,

характерных для Юга России, объемы МТМ в Крыму могут быть в пределах 317 тыс. чел.

Таблица 1

Оценка объемов маятниковой миграции в федеральных округах РФ, 2013 г., чел.

Федеральные округа РФ	Общая численность населения	Численность трудоспособного населения (прогноз Росстата)	Коэффициент K_{tm} вероятности МТМ с учетом вторичной занятости трудоспособного населения, имеющего трудовой доход (ВПН 2010)*	Общий объем МТМ – V_{mtm} (скорректированный на величину K_{crlm})	Маятниковая метрополитанская трудовая маятниковая миграция	Маятниковая межрегиональная миграция (общая величина МТМ за вычетом объемов метрополитанской МТМ)
Северо-Западный	13 717 773	8916552	0,22	1961642	337521	1624121
Уральский	12 197 544	7928403	0,28	2219953	725459	1494494
Центральный	38 678 913	25141293	0,2	5028259	2816480	2211779
Южный	13 910 179	9041616	0,22	1989156	571460	1417696
Приволжский	29 772 235	19351952	0,34	6579634	1816456	4763208
Сибирский	19 278 201	12530830	0,41	5137641	1185909	3951732
Дальневосточный	6 251 496	4063472	0,29	1178407	376496	801911
Северо-Кавказский	9540758	6201492	0,48	2976717	289097	2687620
Российская Федерация	143347099	93175614	0,28	27051434	8118878	18952561

* Речь идет о двух и более источниках средств существования у категории лиц, имеющих трудовой доход в трудоспособном возрасте [11].

Развернувшиеся масштабы строительства усиливают не только вахтовую, сезонную, но и маятниковую форму миграции, размеры которой могут в ближайшее время составить полумиллионную массу мобильно передвигающегося населения. Наблюдавшийся по оценкам Росстата в январе-сентябре 2014 г. естественный прирост населения имел место в 43 субъектах Федерации.

При всем своем положительном значении общий рост населения лишь увеличит объемы маятниковой миграции в стране уже в краткосрочной перспективе. Как правило, маятниковые мигранты представляют собой специфическую социально-демографическую группу населения, которая перемещается еженедельно в поисках работы и достойного заработка, возвращаясь на место постоянного жительства. Данная часть «ядра» рабочей силы страны способна (с учетом уровня «зарплатоемкости» ВВП в России за 2013 г.) производить за год до 23 трлн руб. ВВП. Однако данный потенциал, в силу потерь из-за отсутствия работы, затрат времени и других ресурсов на постоянные реверсивные переезды, используется лишь на треть. В ходе выборочного социологического обследования маятниковой миграции в приграничных с Казахстаном районах УрФО бы установлены мотивационные факторы МТМ (табл. 2).

Таблица 2

Мотивы совершать регулярные (обычно ежедневные) поездки из одного населенного пункта в другой, % к итогу

Факторы регулярных возвратных поездок за пределы городского округа, района	Респонденты, находящиеся в состоянии маятниковой миграции	Респонденты не подверженные в данный момент состоянию маятниковой миграции
Неудовлетворительное материальное положение	16	11
Образование	13	29
Качество товаров и услуг	38	49
Дополнительный заработок	33	15
Сумма ответов	100	104

В качестве основного социально-экономического фактора, побуждающего к регулярным возвратным поездкам за пределы места проживания у маятниковых мигрантов (их отличают частые возвратные поездки в интервале недели) и у населения с меньшей частотой поездок за пределы места проживания, выступил фактор качества жизни. На втором месте – потребность семьи в дополнительном заработке трудоспособных членов домохозяйства. Среди постоянного населения каждый второй сослался на мотив возможности получить товары более высокого качества за пределами места проживания. На данный мотив в среде МТМ указало меньшее число респондентов – 38 %. Однако на значимость получения более высокого заработка в группе МТМ указал каждый третий, тогда как у постоянного населения – лишь 15%. Более высокой оказалась частота ссылок у МТМ и на фактор материального положения (16% против 11 % у населения не подверженного состоянию маятниковой миграции на момент обследования). Что же касается фактора ориентации на получение образовательных услуг, то он менее значим для маятниковых мигрантов (всего 13%) и более значим для других групп населения приграничных районов (29%). Следует отметить растущее значение фактора образования и семейной ориентации, что подтверждает наше предположение о фамилистическом характере феномена маятниковой миграции. Важное значение имеет «образовательная» и когнитивная стороны частых регулярных маятниковых поездок населения. Помимо всего прочего, роль академической маятниковой миграции лишней раз подчеркивает значение в приграничных районах школ и образовательных центров, как градоорганизующих и направляющих миграционную активность молодежи. В аксиологическом аспекте для маятникового мигранта присуще, прежде всего, *стремление к материальному благополучию и успеху*, что характерно для предприимчивых людей и ориентации на бизнес. Ценность семьи находится на третьем месте, а здоровья – лишь на пятом. Замыкают «парад» ценностей ориентация на труд, демографическая задача рождения детей, стремление к участию в политике.

Многомерный анализ внутренних (установок, ценностей и мотивации) и внешних (социально-экономических и географических) факторов маятниковой миграции в приграничных с Казахстаном районах выявил значимые факторы, связанные с результирующим признаком (сводная база по опросу в приграничных районах и в УрФО (Курганская область, Челябинская, Свердловская области, 510 респондентов г. Троицка Челябинской области, Звериноголовского района Курганской области, г.Кургана, г.Петропавловска) (табл. 3).

Таблица 3

Социокультурные и экономические переменные маятниковой трудовой миграции в приграничном районе Зауралья, коэффициент Крамера

№ во-проса анкеты	Переменная (фактор МТМ)	V Крамера
34	Что заставляет (побуждает) респондента совершать регулярные (обычно ежедневные) поездки из одного населенного пункта в другой (результатирующий признак)	1,000
44	Возможность совершать поездки за пределы места проживания (установка на перемещение в пункт занятости за пределами проживания)	0,507
35	Установка на регулярные (обычно ежедневные) поездки из одного населенного пункта в другой	0,328
43	Установка на возвращение домой на протяжении недели (в основном через два-четыре дня отсутствия)	0,301
1	Пол респондента	0,287
30	Влечение к материальному и духовному благополучию	0,286
39	Установка на конкретный способ передвижения при регулярных (обычно ежедневных) поездках из одного населенного пункта в др.	0,223
50	Идентификация респондента со статусом маятникового мигранта	0,212
47	Качество и ассортимент необходимых продукции и услуг выше, если приобретать их на территории Казахстана	0,197
3	Уровень образования респондента	0,194

Расшифровка факторов принятия решения о возврате маятникового мигранта к месту проживания раскрывает приоритетность прежде всего причин занятости по основному месту работы (0,354) и влечения к семейному кругу и родственникам (0,342), а также ориентации на желаемое число детей (0,261), возможности приобретения качественных продуктов питания, бытовых приборов и услуг (0,216) в другом регионе, возможности пересечения границы с Казахстаном (0,21) и идентификации своего статуса со статусом маятникового мигранта (0,215), потребности подзаработать на стороне (0,209) (рис 1).

Очень важно отметить, что построенная иерархия факторов МТМ позволяет сформулировать в качестве основного вывода гипотезу о дальнейшей транзиции рабочих гипотез исследования от ориентации на факторы заработной платы и ожидаемого дохода в малообеспеченных регионах к факторам доступа молодежи к качественным продуктам и услугам, обеспечивающим в перспективе рост качества жизни и уровня потребления, что характерно для мегаполисов и регионов с относительно высоким уровнем жизни. В приграничных регионах, в свою очередь, факт вероятности пересечения маятниковыми мигрантами государственной границы коррелирует, прежде всего, с возможностью вернуться обратно (VKрамера: +0,216), возможностью приобретать продукты питания и бытовые товары (VKрамера: +0,205), с ориентацией на мотивы более высокого качества товаров и услуг в Казахстане (VKрамера: +0,161).

В заключение хотелось бы отметить, что единицей исчисления маятниковых перемещений скорее являются не сами люди, а частота совершаемых поездок из районов выхода в районы (места) входа и наоборот. Надо отметить, что за рубежом все чаще рассчитывают именно частоту или скорость индивидуальных и групповых перемещений через границы административных образований, стран и континентов.

Рис. 1. Распределение величины коэффициента Крамера по основным факторам принятия решения о возврате маятникового мигранта к месту проживания в приграничном районе

Но дело в том, что точнее маятниковую миграцию следует отражать в количестве перемещений — совокупности совершаемых поездок (своеобразных транзакций) с учетом возврата к месту жительства (прописки, регистрации). В таком случае, нужно в ходе выборочного обследования установить доверительный интервал колебания частоты поездок за неделю. В нашем случае мы принимаем таковую за 5,38, или (условно) 5 поездок в неделю по разному графику и направлениям перемещения к другим принимающим регионам за недельный интервал (вахтовые перемещения во внимание не принимаются и вычисляются по нашей программе исследования отдельно). Таким образом, за неделю в стране происходит 128 млн поездок, причем 60 % из них на личных автомобилях и «арендованных» вкладчину «авто» друзей и знакомых, тогда как 40 % — в равной степени осуществляется автобусами различного класса и железнодорожным транспортом. Соответственно, можно рассчитать затраты топлива, ресурсов и денег на эту массу участвовавших поездок и предпринять архитектурно-планировочные шаги оптимизации избыточных маятниковых перемещений. При этом внутренние объемы маятниковой миграции могут быть еще более внушительными за счет повторных переездов к местам дополнительной занятости, получения образования, лечения и их вариации по необходимости и в процессе оптимизации маршрутных карт мигрантов.

Библиографический список

1. Миграционный переход. Демографическая энциклопедия. Редкол.: Ткаченко А.А., Аношкин А.В., Денисенко М.Б. и др. М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013. С.944.
2. Основы демографии: Учебно-методические материалы по курсу/ Под ред. Ионцева В.А., Ананьевой Г.Е. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 61-68. С.116.

3. Шитова Ю.Ю. Маятниковая трудовая миграция в Подмоскowie: комплексный социально-экономический анализ. Монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009, с.188 с. 21-36.

4. Li Zhang Economic Migration and Urban Citizenship in China: The Role of Points Systems. Population and development review. V 38, N 3, Sept. 2012 p.211-245. PP. 505,520.

5. Центральная база статистических данных. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>

6. Население России на 1 сентября 2014 г. выросло до 146,2 млн человек// INTERFAX.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/402472>. Москва. 17 октября 2014 года

9. Мальцева Е.С. Маятниковая трудовая миграция: государственное регулирование или рыночная саморегуляция? 5. Вып. №1(18) март 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.uara.ru/ru-ru/issue/2012/01/16/> 12.12.2014.

10. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/;rg.ru/pril/78/00/11/konceptiya.doc>.

11. Всероссийская перепись населения 2010. Т5. Источники средств к существованию. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_ito gi1612.htm

© Кузьмин А.И., Носов А.А., 2015. Текст.

Информация об авторах

Кузьмин Александр Иванович (г. Екатеринбург, Россия) – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: kuz53@List.ru).

Носов Андрей Александрович (г. Екатеринбург, Россия) – стажер-исследователь Института экономики УрО РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: keht20@mail.ru).

Kuzmin A. I., Nosov A.A.

SOCIOCULTURAL FACTORS AND MOTIVES OF COMMUTING

Abstract. *In this article the factors and regulators of commuting are considered from the perspective of the concept of socio-economic determinism demographic events. Douglas Massey concept about the dominant influence of families and households on the decision to return to their former place of residence is used as a theoretical framework. Institutional affection of labor migrant for traditional place of employment and conditions of employment is taken into account. The article revealed the growing importance of factors of consuming goods and services quality, potentially increasing the motivation to permanent crossing of the state and administrative and territorial boundaries. The authors consider commuting as the initial stage of involvement of a territory and region in the process of migration transition, and the global growth process of social mobility. The statistical and sociological facts corroborate the authors' working hypothesis with specific data sample survey circular migration in border areas, in medium and large cities of the Urals and the state of commuting in Russian megalopolises.*

Keywords: population, family, migration, commuting, factors, motives, values, demographic transition, migratory transition, territorial mobility, pendular migrant, watch, seasonal migration.

Information about the authors

Kuzmin Aleksandr Ivanovich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher, Centre for Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: kuz53@list.ru).

Nosov Andrey Aleksandrovich (Yekaterinburg, Russia) – Trainee-researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: keht20@mail.ru).

УДК 314: 331.2

Кузьмин А. И., Кузьмина А.А.

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ К ДОХОДАМ И ИСТОЧНИКАМ СРЕДСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВЫБОРОЧНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ 2015 ГОДА*

Аннотация. В статье излагаются результаты выборочного социологического исследования информационной культуры населения Свердловской области по показателям потребности в доходах, источникам средств существования и сферам занятости в 2015 г. (926 респондентов). Цель исследования – выявить потребность населения в современных репродуктивных информационных культурах, средствах связи, характеристиках коммуникации личности с родственниками и внесемейным окружением. Социальный состав опрошенных, тип поселения, профессиональная принадлежность, половозрастные различия, семейно-брачный статус, показатели детности выступили в качестве вспомогательных переменных по отношению к основным целям исследования, включая вопросы о платежеспособности респондентов. В ходе исследования была проведена коррекция структуры выборки методом гармонизации, что сократило ее размеры до 600 респондентов. Однако первоначальные результаты, полученные на массиве, приближающемся к требуемой экспертами 1000 опрошенных, заслуживают внимания при рассмотрении современного состояния дел в Свердловской области по проблемам занятости и доходов населения.

Ключевые слова: социологический опрос, выборка, население, семья, брак, домохозяйство, доходы, занятость, источники средств существования.

По текущей статистике почти треть жителей Свердловской области проживает в столице Среднего Урала – г. Екатеринбурге. Прогноз роста численности населения Екатеринбурга рассматривает вероятность того, что к концу первой трети текущего столетия, при сокращении населения в целом по области, *каждый второй житель области будет обитать в пределах екатеринбургского мегаполиса*. Все население Свердловской области живет в 74 городских и в 1840 сельских населенных пунктах. По данным статистики, на 1000 мужчин приходится 1184 женщины, количество женщин составляет 54,2% от общей численности населения. Средний возраст жителей несколько возрос и составил 39,3 года. Данные территориального органа статистики Свердловской области официально после сводок медицинской статистики признали рост смертности и резкое проявление симптомов открытой депопуляции в большинстве городских округов и районов, что вызвало шок у общественности и управленцев, но было закономерным следствием предсказанных демографами тенденций сокращения трудоспособного и родительского контингента в регионах России и СНГ [1, 2]. На горизонте научных изысканий снова замаячил образ пресловутого «русского креста», но уже в облики инфляционных угроз и серьезной рецессии

* Статья выполнена при поддержке Проекта УрО РАН №15-14-7-2 «Прогнозная оценка приоритетных направлений модернизации уральского старопромышленного региона для расширения импортозамещения».

производств. В свою очередь, сложившаяся напряженная демографическая ситуация повлияет снова на половозрастную структуру, рынки и культуру производства и потребления информационных услуг. Социально-демографический подход является по сути стратификационным осмыслением портрета населения как активного массового потребителя и транслятора информации.

Для выяснения социального статуса респондента в программе исследования требовалось определить, к какой социальной категории работников он себя относит. В результате выявилось вполне характерное для постиндустриальной эпохи старопромышленного района преобладание специалистов и служащих по отношению к рабочему классу в населении региона и наличие групп предпринимателей и менеджеров.

Использование исходного массива позволяет определить демографические параметры сфер занятости населения Свердловской области (табл. 1).

Таблица 1

Социальный статус опрошенных (выборка «гармонизирована» в связи с исходным перевесом числа опрошенных женщин), %

N:	Значения	f	%	% док.
1	Рабочий	118	15,6	12,6
2	Обслуживающий персонал	80	10,6	8,6
3	Специалист (служащий)	422	56,0	45,2
4	Руководитель (менеджер)	120	15,9	12,8
5	Владелец бизнеса	14	1,9	1,5
	Сумма	754	100,0	80,7

Интересной является и обратная зависимость – влияние дохода на занятость и сферу приложения труда. Заметно проявляет себя доля неработающего населения (самого бедного и наиболее обеспеченного) (табл. 2, 3).

Таблица 2

Влияние занятости на удовлетворенность доходом респондентов, % к итогу
(V Крамера=0,116 значим)

Вид занятости	Денег не хватает ни на что	Денег хватает только на еду и самое необходимое	Денег хватает на покупку одежды, бытовой техники	Денег хватает на покупку автомобиля, недвижимости	Денег хватает на все	Сумма строки
Полная занят.	6,3	40,4	41,5	5,8	6,0	100,0
Частичная зан.	13,0	28,6	40,3	3,9	14,3	100,0
Работаю дист.	0,0	16,7	50,0	0,0	33,3	100,0
Работаю врем.	3,1	34,4	34,4	12,5	15,6	100,0
Веду только дом. хозяйство	4,2	54,2	37,5	0,0	4,2	100,0
Учусь	8,6	44,3	32,9	2,9	11,4	100,0
Не работаю	10,4	43,3	37,3	0,0	9,0	100,0
Другое	0,0	80,0	20,0	0,0	0,0	100,0
Всего	8,3	42,3	37,7	4,6	7,1	100,0
Всего, абс. число респондентов	74	377	336	41	63	891

Таблица 3

Влияние дохода на выбор сферы занятости (отсутствие работы),% к итогу

Вид занятости	Денег не хватает ни на что	Денег хватает только на еду и самое необходимое	Денег хватает на покупку одежды, бытовой техники	Денег хватает на покупку автомобиля, недвижимости	Денег хватает на все
Полная занятость	59,7	67,3	70,0	79,1	51,5
Частичная занятость	16,1	6,2	8,9	7,0	16,2
Работаю дистанционно	0,0	0,3	0,9	0,0	2,9
Работаю временно	1,6	3,1	3,2	9,3	7,4
Веду только дом. хоз-во	1,6	3,7	2,6	0,0	1,5
Учусь	9,7	8,8	6,6	4,7	11,8
Не работаю	11,3	8,2	7,2	0,0	8,8
Другое	0,0	2,3	0,6	0,0	0,0

Сильное влияние на удовлетворенность доходами оказывают возрастные различия. Так, доля неудовлетворенных доходами достигает в группе лиц старше 60-ти лет 12,1 %. Ситуацию «денег хватает на все» демонстрируют при опросе люди в основном до 30 лет (13,2%). Удовлетворенность доходами для покупки еды проявляют в основном пенсионеры (53,6%). Испытывающих недостаток денег среди пенсионеров всего 2-4 %. У 30-летних преобладают люди, уверенные, что «денег хватает на еду, одежду и покупку бытовой техники», но с автомобилем это уже не связано. Дифференциация удовлетворенности доходами, конечно, существенно зависит от и источников средств существования (табл. 4, 5).

Таблица 4

На что хватает дохода в зависимости от источников средств существования, %
(число ответов 1318)

Оценка дохода	Заработная плата	Пенсия	Социальные выплаты	Имею доходы от собственности	Веду натурал. хоз-во	Подработка	Помощь детей и родственников	Другие источники существования
Денег не хватает ни на что	6,9	6,1	4,6	8,1	9,3	4,3	4,8	7,7
Денег хватает только на еду и самое необходимое	39,5	45,6	38,5	16,2	55,6	41,7	43,7	28,2
Денег хватает на покупку одежды, бытовой техники	42,1	39,4	49,2	27,0	20,4	32,2	38,1	39,7
Денег хватает на покупку автомобиля, недвижимости	5,4	2,8	1,5	18,9	3,7	7,0	6,3	5,1
Денег хватает на все	6,0	6,1	6,2	29,7	11,1	14,8	7,1	19,2

Таблица 5

Источники дохода в группах с разным семейно-брачным статусом, % (1403 ответа)
 V Крамера=0,239 значим.

Источник	Холост (не замужем)	Женат (замужем)	Разведен (а)	Вдовец (вдова)
Заработная плата	42,6	56,4	56	23,8
Пенсия	4,3	15,5	15,2	35,7
Социальные выплаты	4,5	4,6	3,2	11,9
Имею доходы от собственности	1,5	3,5	5,6	1,2
Веду натурал. хоз-во	1	5,4	3,2	7,1
Подработка	18	4,7	8	4,8
Помощь детей и родственников	16,3	6,2	5,6	14,3
Другие источники существования	11,8	3,8	3,2	1,2

Обращает на себя внимание, что в группе получающих зарплату 40% денег хватает только на еду. Такая же удручающая ситуация (44 %) в группе живущих за счет детей и родственников. А вот денег на автомобиль и недвижимость хватает у каждого пятого уже имеющего доходы от собственности.

В заключение следует отметить заметное влияние на источники средств существования семейно-брачного статуса респондента и демографических факторов в целом.

Естественно, что на пенсию в Свердловской области живут чаще всего вдовы (24 %), а на зарплату – семейные (56%). Им в этом почти не уступают разведенные. Подработка и помощь от родителей характерна для холостой молодежи. Может, поэтому им чаще кажется, что денег всегда «хватает на все», что характерно для максимализма этого возраста. Анализ не ответивших на вопросы о источниках доходов косвенно подтверждает, что в «тени» находится от 15 до 40 % зарплат и даже некоторых пенсий (7%).

Библиографический список

1. Центральная база статистических данных // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>
2. Куйвашев и Голодец обсудили демографическую ситуацию на Среднем Урале // АиФ Екатеринбург. URL: <https://news.mail.ru/inregions/ural/66/politics/20798343/?idc=19>

© Кузьмин А.И., Кузьмина А.А., 2015. Текст.

Информация об авторах

Кузьмин Александр Иванович (г. Екатеринбург, Россия) – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра исследований социоэкономической динамики Института экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: kuz53@list.ru).

Кузьмина Анастасия Александровна (г. Екатеринбург, Россия) – аспирант Института экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29).

THE ATTITUDE OF POPULATION OF THE SVERDLOVSK REGION TO INCOME AND LIVELIHOODS: THE EXPERIENCE OF SOCIAL-DEMOGRAPHY SAMPLE SURVEY 2015

Abstract. *The article presents the results of a sample case study of information culture of the population of the Sverdlovsk region in terms of the need for income, livelihoods and employment in 2015 (926 respondents). The purpose of the study – to find out needs of the population in modern reproductions of information culture, means of communication, personality characteristics of communication with family and nonfamily environment. The social composition of respondents, type of settlement, occupation, age and gender differences, family and marital status, number of children acted as auxiliary variables in relation to the main objectives of the study, including questions about the solvency of the respondents. The study was conducted by correction of the sampling frame of harmonization, which reduced its size to 600 respondents. However, the initial results obtained on the array, close to required by experts one thousand respondents noteworthy when considering the current state of affairs in the Sverdlovsk region on employment and income in order to correct the data of the state statistics in this regard.*

Keywords: public opinion poll, population sample, family, marriage, household, income, employment, livelihoods.

Information about the authors

Kuzmin Aleksandr Ivanovich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher, Centre for Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: kuz53@list.ru).

Kuzmina Anastasiya Aleksandrovna (Yekaterinburg, Russia) – Postgraduate Student, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia).

УДК 314.74-053.2:37.015.31

Куприна Т.В.

ДЕТСКО-ЮНОШЕСКАЯ МИГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы детско-юношеской миграции: ранняя трудовая занятость и обучение в общеобразовательных школах. Приводятся некоторые статистические данные, даны примеры адаптационной и учебно-воспитательной работы с детьми-мигрантами в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге.*

Ключевые слова: детско-юношеская миграция, поликультурное образование и воспитание, адаптация, толерантность.

Уже в течение нескольких лет эксперты отмечают рост миграции несовершеннолетних детей из стран Средней Азии и Кавказа, которые стремятся не только учиться, но и работать, что обусловлено традициями их стран, где 15-летние уже считаются взрослыми людьми. Однако возникла проблема адаптации детей-мигрантов, их обучения и проживания в принимающем обществе. До сих пор точных данных по детско-юношеской миграции нет, уровень разработанности данной проблематики, внедрения и реализации адаптационных проектов невысокий. Отдельные проекты реализовывались в центральных российских

городах: Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге. Уровень публикаций также не достаточный, в основном, это отдельные статьи. Проблема редко озвучивается и на конференциях.

Как отмечают Г.Е. Зборовский и Е.А. Щуклина, процессы миграции сложны и обусловлены совокупностью экономических, социокультурных, образовательных факторов и проблем. Среди них наиболее актуальными являются языковой и социокультурный барьеры, мешающие успешному вовлечению детей мигрантов в различные виды образовательной, культурно-досуговой и социальной деятельности. Сложность включения в иную культурную среду, тяжело дающееся многим освоение русского языка, отсутствие представлений о нормах и базовых ценностях культуры российского общества, незнание особенностей повседневного быта и норм межличностного общения, трудности коммуникации в ученическом коллективе и с педагогическим персоналом, нелегко решаемые вопросы освоения учебного материала, ... усиление социального неравенства в сфере образования, поскольку дети мигрантов имеют более низкие шансы доступа к качественному образованию, обостряющиеся противоречия между мигрантами, их детьми и коренным (местным) населением (взрослым и детским) стран на трудовой, этнической, религиозной и иной почве, доходящие до конфликтов и др. – основные проблемы, с которыми сталкиваются дети мигрантов [1, с.80].

Соответственно, первая проблема касается детей-мигрантов, приезжающих на заработки. Руководитель центра «Миграция и закон» в г. Москве Г. Джураева подтверждает, что «уже сейчас доля молодых мигрантов в возрасте 15-17 лет значительна, а дальше их будет становиться все больше... Подростки уезжают, чтобы прокормить семью. Особенно много – из Таджикистана... Несовершеннолетние живут в России вместе с взрослыми соотечественниками и трудятся с ними наравне, чаще всего работу они получают нелегальным образом. Мальчики на стройке, девочки сидят с детьми взрослых женщин, пока они моют полы или посуду в московских кафе, многие сами устраиваются уборщицами... Убедить родителей не отпускать подростков в Россию будет очень сложно. Пятнадцатилетний человек в азиатских странах уже считается взрослым мужчиной, он обязан работать, чтобы обеспечивать выживание рода. Род, семья для жителей Средней Азии — самое главное. Особенно, если кормить стариков и маленьких детей больше некому... Подростки-гастарбайтеры рискуют в России больше, чем взрослые. Несовершеннолетние совсем не знают своих прав, хуже умеют контролировать свои эмоции. Они, как и большинство детей с 12 до 18 лет, переживают кризис подросткового возраста и с психологической точки зрения с трудом могут справляться с проблемами, которые приходится преодолевать нелегальным мигрантам в России» [4].

Что касается второй проблемы, обучения детей-мигрантов, то данные исследований противоречивы. Так, данные Санкт-Петербургской ВШЭ, проводившей широкомасштабное исследование в 419 классах 104 средних школ, лицеев, гимназий, утверждают, что дети приезжих в среднем составляют 7% школьников и не только не уступают по успеваемости местным сверстникам, но и довольно быстро начинают называть себя русскими.

«Уровень интеграции детей приезжих намного глубже, чем взрослых. Почти четверть (более 23%) иноэтничных малолетних мигрантов называют себя русскими. 20% представляются азербайджанцами, 14,8% — армянами, 6,4% —

грузинами, 4,6% — узбеками, 4% — таджиками. Еще 7% детей «давали себе смешанные самоназвания, например, русско-азербайджанцы или украино-молдаване». Украинцами, белорусами и молдаванами называют себя 1,2% всех школьников Санкт-Петербурга... Однако за ответами на вопрос о национальной принадлежности может стоять и детское представление о гражданстве. Как объяснила одна девочка-азербайджанка, «через месяц она получит российский паспорт и будет русской». Во время исследования не было обнаружено значимых различий в успеваемости между иноэтническими мигрантами и этническим большинством. Учителя и директора школ отмечали высокую мотивацию иноэтнических детей к учебе, их несклонность к «антишкольной культуре». В школах некоторых районов Санкт-Петербурга есть превышение среднегородской нормы приезжих детей (15–25%) [4].

Кроме того, значительная часть иноэтнических школьников является мигрантами второго поколения. «Многие из них уже рождены здесь, они прекрасно интегрированы... Доля детей, переехавших в Россию уже в среднем школьном возрасте, в целом невелика — порядка 10%. Именно эти дети считаются группой риска из-за недостаточного владения русским языком и сложности его освоения в подростковом возрасте. Но и эти дети «очень ориентированы на интеграцию»: 72% «иностранных» школьников планируют получить в нашей стране высшее образование. «У них очень сильное постсоветское наследие, при котором русский язык, даже если они его не очень хорошо знают, часто играет такую же роль, как английский в Индии» [5].

В отличие от социологов из Санкт-Петербурга московские исследователи убеждены, что дети-мигранты испытывают серьезные трудности в освоении образовательных программ, в социализации в городском сообществе. Г. Джураева указывает, что из 800 ежемесячных обращений в среднем 15% — это «детские вопросы», в том числе касающиеся отказа школ принять ребенка приезжих. По ее словам, «в одних образовательных учреждениях проблемы с поступлением возникают даже у тех детей-мигрантов, которые прошли предварительную подготовку по изучению русского языка в этой же школе, в других — создают спецпрограммы для мигрантов» [5].

Запущенная городская программа «Столичное образование» в г. Москве, рассчитанная на 2012-2016 годы, предполагает, что дети приезжих «концентрируются в определенных общеобразовательных учреждениях». Но мэрия готова выделять средства на создание «механизмов и технологий, способных обеспечить их учебную успешность и интеграцию в культуру города Москвы. Директор Федерального института развития образования А. Асмолов назвал эту программу идеологической и предложил сделать ее моделью для других регионов. По его мнению, столица впервые получила программу образования «с неповторимым выражением лица», нацеленную не на накопление знаний, а на успех ученика в обществе. «В этой программе образование видится как путь личностного успеха. Образование ведет за собой развитие города. Образование — это будущее в настоящем» [6].

Проблемы детей из стран Средней Азии и Кавказа программа будет решать, «не создавая для них резерваций». «Их будут учить русскому языку, а также будут в каком-то смысле перемешивать в школах, невзирая на социальное положение». «Большая проблема Москвы — интернациональный состав населения. Есть целые

районы, где в школах очень много детей мигрантов. В программе прописаны конкретные шаги, которые должны приучить школьников к мирному существованию, а также обезопасить детей всех национальностей» [6].

В данном аспекте значимым вкладом в решение проблем детей-мигрантов представляется исследование Г.Е. Зборовского и Е.А. Щуклиной, в котором авторы предлагают рассматривать детей мигрантов как особую социальную общность, находящуюся во взаимодействии, в первую очередь, с родителями, родственниками, общностями сверстников (соучеников), учителей. Характеристика детей мигрантов опирается на одну из теорий социальной общности, в которой в качестве образующих ее признаков рассматриваются относительная целостность, осознание людьми своей принадлежности к ней (идентификация и самоидентификация), схожие условия жизни и деятельности, наличие определенных пространственно-временных полей бытия, реализация функции самостоятельного субъекта социального действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов [1, с.83].

Указанные авторы предлагают трехуровневую модель адаптации обучающихся детей мигрантов, включающую учебную, социально-психологическую и культурную составляющие. *Учебная адаптация* означает усвоение предписываемых норм и ценностей школьного поведения, особенности включения подростков в учебную и воспитательную деятельность, их участие во внеклассной работе. *Социально-психологическая адаптация* отражает процессы межличностного взаимодействия с одноклассниками, широту и глубину складывающихся внутри класса связей, их гармоничность, удовлетворенность ими. *Культурная адаптация* выступает как развитие творческих способностей учащихся, знание ими истории и современной жизни принимающего общества, готовность следовать предписываемым подросткам и молодежи культурным образцам. Другая сторона этого процесса – включение в местную подростковую и молодежную культуру. Оно происходит на фоне трансформации этнической и языковой среды мигрантов [1, с.84].

Причем, наиболее значимыми проблемами обучения детей мигрантов считаются языковая и социо-культурная адаптация. Это связано с тем, что дети мигрантов слабо владеют русским языком. Данная проблема решается в школах чаще всего самостоятельно, за счет индивидуальных или групповых занятий, т.е. введением дополнительных часов на языковую подготовку.

Создание специальных классов также имеет ряд проблем. Во-первых, дети являются представителями различных национальностей, что, возможно, требует различных методик обучения русскому языку. Следует учитывать и тот факт, что даже при успешном освоении устной речи, остается большая проблема обучения письменной речи. Большая проблема и в отсутствии широкой практики общения на русском языке, т.к. общение в кругу семьи и внутри определенного анклава мигрантов происходит, как правило, на национальном языке. Во-вторых, численный состав данных классов нестабильный из-за постоянного перемещения семей мигрантов: дети могут появляться и уходить в любое время учебного года. В-третьих, уровень знаний детей мигрантов, не соответствует нормативным образовательным стандартам РФ. Указанные проблемы усиливают состояние так называемого кросс-культурного шока.

Так, при опросах детей мигрантов, учащихся 8 – 11-х классов школ ХМАО-Югры, анализ языков их семейного общения показал, что только 10,6% респондентов имеют возможность говорить дома на русском языке; 47,1% детей мигрантов разговаривают на языках стран ближнего зарубежья, как правило, Закавказья и Средней Азии; на украинском и белорусском общаются в семьях 3,1% обучающихся детей; для 41% детей мигрантов языком семейного общения являются языки народов Северного Кавказа; 1,3% составляет доля языков других народов, проживающих в России. Проблема языковой адаптации является достаточно острой, поскольку ее решение перекладывается с семьи на иные социальные институты (школу, дополнительное образование, внесемейное социальное окружение) [1, с.83].

Слабое владение русским языком ведет к более серьезной проблеме социокультурной адаптации детей мигрантов в процессе обучения, связанной с непониманием иной культуры, ее смысловых, ценностно-нормативных особенностей, а, следовательно, и содержания образования.

Результаты ряда исследований показывают, что дети мигрантов контактируют чаще друг с другом по принципу «мигрантской судьбы». Причем индексы социометрического статуса и эмоциональной экспансивности детей мигрантов растут с увеличением числа детей мигрантов в классе. Такая структура межличностных отношений приводит к проблемам адаптации детей мигрантов в стране приема, к явным или латентным конфликтным ситуациям в школьном коллективе [1, с.88].

Школа является важным звеном при формировании межличностных отношений с представителями различных национальностей. «В целом, деятельность во многом определяет уровень их культуры, закладывает перспективы будущего развития. Школа при работе с детьми мигрантов сталкивается с проблемами высокой сложности, поскольку призвана создавать модель толерантных отношений в локальных рамках образовательного учреждения, используя для этого стратегии и методы, которые являются итогом ежедневного труда и педагогического творчества. Реализация этой модели – залог успешной социальной адаптации детей мигрантов» [1, с.89].

В то же время сами педагоги отмечают, что понимание особенностей национальной культуры детей мигрантов может способствовать выстраиванию отношений не только с ними, но и с их родителями. «Нет сомнений в том, что специальная психолого-педагогическая и социокультурная подготовка была бы чрезвычайно полезной педагогам, укрепила, расширила и обосновала бы те педагогические прозрения и интуитивные находки, которые составляют основу социально-педагогического взаимодействия с детьми мигрантов» [1, с. 89].

Педагоги высоко оценивают реализацию воспитательной работы через организацию внеучебных мероприятий: конкурсов, праздников, фестивалей, национальных культур. Эти мероприятия не только знакомят учащихся с культурой других народов, но и дают возможность увидеть ее проявления в одноклассниках, людях, которые их окружают ежедневно [1, с. 90].

Обратимся к конкретному опыту работы с детьми-мигрантами в школах города Екатеринбурга. Например, в самой мультинациональной школе № 149 примерно половина учеников – дети мигрантов 29 народностей. Причем, как утверждает директор школы И.Логинова, дети-мигранты учатся не хуже русских,

также выступают на олимпиадах, научно-практических конференциях. В школе создан музей толерантности, куда каждый принес часть своей культуры. В школе также есть Совет наций, организация старшеклассников, которая обсуждает проблемы толерантности и мирным путем решает все конфликты [7].

Похожие ситуации сложились в школе № 50, где обучается 30% мигрантов 27 национальностей и в школе № 147, где учится 20% детей мигрантов. Как отмечает директор школы Н.Соболева, особенно остро стоит проблема раннего замужества у девочек, которые после окончания 7-8 классов выходят замуж и перестают учиться.

Специальных программ для учителей, которые обучают детей-мигрантов, на сегодня в Свердловской области нет. Однако кафедра филологического образования Института развития образования проводит семинары для преподавателей русского языка по подготовке и адаптации детей мигрантов.

В связи с этим интересен опыт работы школы № 112 г.Екатеринбурга, где уже нет вопроса «учить или не учить», но есть проблема, как учить. В школе уверены, что только учителя могут открыть уникальность своей страны иностранному гражданину, помочь полюбить Россию как большое интересное государство с многовековой богатейшей историей и культурой, а не только как экономически сильного соседа [2, с.550].

Как отмечает заместитель директора школы по учебно-воспитательной работе С.В. Инишева, педагог, как и его ученик, находится на рубеже культур, взаимодействие с которыми требует от него диалогичности, понимания, уважения культурной идентичности других людей. Педагог должен быть толерантен. Поэтому администрация на начальном этапе становления системы поликультурного образования проводила диагностику по вопросам толерантности с целью обучить педагогов, как осуществлять ее с детьми и родителями впоследствии, а также сделать выводы, надо ли повышать уровень толерантности в коллективе [2, с.554].

В школе прежде всего выбрали диагностический инструментарий (тесты на психологические компоненты толерантности, эмпатические способности, социометрическое исследование межличностных отношений в группе), которые учителя сначала опробовали на себе и сейчас могут рекомендовать для психологической адаптации при работе с детьми-мигрантами.

Далее необходимо подобрать такие подходы обучения, которые смогли бы помочь детям-мигрантам воспринимать учебный материал. Учителя в данной школе предпочитают индивидуальные подходы, т.к. мигранты приходят, когда хотят, в течение учебного года, поэтому при приеме в школу они долго и обстоятельно беседуют с родителями, показывая разницу между уровнем российского образования и их родного, выясняют качество владения ребенком устной речью. По результатам этого определяется целесообразность обучения школьника в том или ином классе. А далее учителя проводят разностороннюю стартовую диагностику с целью определения приоритетов в индивидуальной работе. Причем, для успешного овладения русским языком в школе не ограничиваются только уроками. Большую роль играет внеклассная работа с привлечением родителей. Учащимся нравится собирать материал, готовиться и проводить классные часы, конференции, концерты, викторины, конкурсы, выпуск

стенгазет – это имеет большой воспитательный эффект, способствует решению задач по овладению учащимися русским языком [2, с.561].

Данный аргумент подтверждает и учитель школы № 50 О.А. Цибенко, «в многонациональной школе система обучения должна обязательно быть связана с системой воспитания, т.к. у всех народов, входящих ещё недавно в состав многонационального государства, есть много общего в истории, культуре, человеческом общении. Поэтому учителя разработали и внедряли разные элективные курсы: «Фольклор разных народов», «Екатеринбург литературный. Литература земли Уральской», «Образ родины в поэзии разных народов». Ко Дню Победы была разработана литературно-музыкальная композиция «Одна на всех Победа», где ребята читали стихи поэтов своих национальностей: русских, татарских, таджикских, армянских, азербайджанских. Была подготовлена и общая презентация о прадедах учащихся, выживших и погибших в Отечественную войну» [3].

Таким образом, говоря о детско-юношеской миграции, можно выделить две малоизученные проблемы: ранняя трудовая занятость подростков-мигрантов и разработка поликультурных обучающих и воспитательных программ, способствующих своевременной и качественной адаптации в принимающем обществе. Одновременно возникает проблема адаптации коренного населения к меняющимся условиям поликультурной среды. Данные проблемы требуют комплексного подхода со стороны всех заинтересованных сторон, совершенствования нормативно-правовой базы, финансирования, взаимодействия с учреждениями дополнительного образования и культуры, семьями мигрантов, имеющих детей, их диаспорами, структурами ФМС и др.

Библиографический список

1. Зборовский Г.Е., Щуклина Е.А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социологические исследования. 2013. №2. С.80-91.
2. Инишева С.В. Адаптация детей мигрантов в социуме города Екатеринбурга. Методы и формы работы с мигрантами в общеобразовательной школе // Материалы XII научной конференции по проблемам экономического развития в современном мире «Устойчивое развитие российских регионов: экономическая политика в условиях внешних и внутренних шоков». Екатеринбург: УрФУ, 2015. С.549-562.
3. Цибенко О.А. Роль внеурочной деятельности в формировании коммуникативной компетенции учащихся-мигрантов // Доклад на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Школьное филологическое образование в условиях реализации ФГОС». Екатеринбург: ИРО, 2014.
4. Шевченко Д. На место взрослой миграции приходит детская // Московские новости [сайт]. URL: http://www.mn.ru/society_rights/20111215/308665006.html
5. Хомченко Ю. Будущие русские// Московские новости [сайт]. URL: <http://www.mn.ru/society/20111125/307640404.html>
6. Шевченко Е., Насыров Е. Уроки мирного сосуществования. // Московские новости [сайт]. URL: http://www.mn.ru/newspaper_country/20110928/305261393.html
7. В отдельных районах Екатеринбурга количество детей-мигрантов в школах достигает 50% // Безформата.ru [сайт]. URL: <http://ekaterinburg.bezformata.ru/listnews/kolichestvo-detej-migrantov-v-shkolah/836622>

© Куприна Т.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Куприна Тамара Владимировна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры международной экономики, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: tvkuprina@mail.ru).

Kuprina T.V.

JUNIORS' MIGRATION: CHALLENGES AND NEW TRENDS FOR MULTICULTURAL EDUCATION AND UPBRINGING

Abstract. *The article deals with topical issues of juniors' migration: early labor employment and education in secondary schools. The article gives some statistics and examples of adaptation, educational and upbringing activities with migrant children in Moscow, St. Petersburg and Yekaterinburg.*

Keywords: juniors' migration, multicultural education and upbringing, adaptation, tolerance.

Information about the author

Kuprina Tamara Vladimirovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Chair of International Economics, Ural Federal University (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: tvkuprina@mail.ru).

УДК 316.42: 364.122.8: 364.142

Кучмаева О.В.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРВЫЕ ШАГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Аннотация. *Статья посвящена начальному этапу реализации Концепции семейной политики России, принятой в 2014 году. Проводится анализ структуры Концепции и Плана реализации ее первого этапа. Рассматриваются возможности проведения мониторинга результативности мероприятий плана. Сформулированы предложения по уточнению механизма реализации Концепции.*

Ключевые слова: семья, семейная политика, концепция семейной политики, поддержка семьи и детей, индикаторы семейной политики, план реализации концепции

Интерес государства к семье и разработке семейной политики имеет прагматическую основу – в первую очередь, с точки зрения необходимости преодоления депопуляции и успешности процесса социализации, формирования устойчивой социальной структуры и воспитания личности, готовой действовать не только в собственных интересах, но и в интересах других людей, страны, общества. Формирование наиболее благоприятных условий для создания семьи, рождения и воспитания детей в данном случае является предметом государственной заботы, разделением ответственности с семьей за ее будущее. Социальное государство заинтересовано в простом или расширенном воспроизводстве населения, в улучшении качества трудовых ресурсов и состояния здоровья населения, в эффективной социализации детей, что обеспечивает его экономическую, политическую, военную безопасность и дальнейшее развитие [7, с.22].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-02-00203а.

Значимый этап в развитии официальной парадигмы государственной семейной политики связан с утверждением в августе 2014 года Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [5]. Предыдущие стратегические документы, касающиеся реализации семейной политики, были приняты в России в 90-е годы прошлого столетия. Впервые в истории страны была разработана Концепция государственной семейной политики Российской Федерации, одобренная 12 мая 1993 г. Национальным советом по подготовке и проведению Международного года семьи в Российской Федерации. Концепция рассматривала государственную семейную политику как составную часть социальной политики России и исходила из необходимости структурных изменений, направленных на взаимную адаптацию семьи и экономики в период реформ. Указом Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 г. № 712 были утверждены «Основные направления государственной семейной политики». Впервые семейная политика получила государственный статус, были определены цели, принципы и направления деятельности. Однако специалисты отмечали, что во многом утвержденные направления так и остались нереализованными, как правило, в силу непроработанности механизмов реализации семейной политики [10].

Изменившиеся социально-политические и экономические условия в России, понимание значимости роли института семьи в жизни общества обусловили необходимость формирования новой стратегии семейной политики, учитывающей особенности жизнедеятельности современного института семьи и опирающейся на действенный механизм реализации. Принятая в 2014 г. Концепция семейной политики во многом взаимосвязана по задачам, направлениям и ожидаемым результатам с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [2], Национальной стратегией действий в интересах детей на 2012-2017 годы, Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [4]. С одной стороны, это придает логичность и стройность составляющим социально-экономической политики государства. С другой, как показывает анализ Плана реализации Концепции, – чревато дублированием мероприятий, формальным подходом к формированию системы плановой деятельности.

В соответствии с Концепцией, под семейной политикой понимается целостная система принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей.

Спорным представляется тезис Концепции, что современное положение семьи в Российской Федерации обусловлено произошедшими за последние годы изменениями. Трансформация института семьи имеет значительно более глубокие корни, чем политические и экономические изменения последних лет. Семья, безусловно, не может не испытывать воздействие происходящих в современном обществе экономических и социальных трансформаций. Однако они накладываются, с одной стороны, на фундаментальные эволюционные сдвиги в функционировании института семьи, обусловленные демографическим переходом

и общие для всего мира, а с другой, – на застойные демографические тенденции, имеющие начало еще в середине XX века [9]. Подобное упрощение ситуации при рассмотрении факторов, определяющих трансформацию института семьи, может негативным образом сказаться на подходах к реализации мероприятий в рамках Концепции, позволит упрощенно подойти к оценке взаимосвязи принимаемых мер и результативности Концепции, принять краткосрочный эффект за перелом долговременной тенденции. Вместе с тем нельзя не отметить, что в рамках Концепции правомерно подчеркивается роль демографических, экономических и социальных (политических) факторов в изменении положения семьи, необходимость учета этой взаимосвязи в ходе реализации Концепции.

В соответствии с поставленными в Концепции задачами вводится ряд целевых индикаторов эффективности реализации государственной семейной политики: уменьшение доли семей с детьми до 16 лет в общей численности семей, совокупный среднедушевой доход которых ниже установленного прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации; сокращение числа неработающих родителей, рост доли трудоустроенных граждан с семейными обязанностями в общем числе трудоустроенных граждан; увеличение численности детей в возрасте до 3 лет, охваченных дошкольным образованием и услугами по присмотру и уходу; достижение положительной динамики демографических показателей; уменьшение числа разводов; увеличение организаций и объема услуг, ориентированных на семейное проведение досуга; увеличение доли семей, улучшивших жилищные условия, в общем числе семей, признанных нуждающимися в улучшении жилищных условий; сокращение доли детей, не получающих алименты в полном объеме, в общей численности детей, имеющих право на получение алиментов; уменьшение числа отказов от новорожденных в родильных домах; снижение числа возвратов детей из замещающих семей в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; снижение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общей численности детского населения; увеличение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитываемых в семьях граждан Российской Федерации, в общем числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Однако предлагаемые индикаторы не имеют в рамках Концепции конкретного количественного измерения, что не позволяет дать объективную оценку результативности предпринимаемых шагов. Так, доля семей с детьми до 16 лет в общей численности семей, совокупный среднедушевой доход которых ниже установленного прожиточного минимума, составил в 2013 году 64%. Показатель увеличивался в последние годы (2011 г. – 59,7%) [11]. С другой стороны, суммарный коэффициент рождаемости, относящийся к важнейшим демографическим показателям, составил в 2014 году, по предварительной оценке, 1,75 ребенка на 1 женщину репродуктивного возраста. Показатель увеличивается с 2006 г., хотя и далек пока от уровня, обеспечивающего хотя бы простое воспроизводство населения. Насколько действия в рамках реализации Концепции могут изменить ситуацию? Предполагалась ли какая-либо оценка эффективности стратегий, на которые будет опираться стратегия? До какого уровня могут измениться показатели, с учетом противоречивой демографической и социально-экономической динамики? Пока эти вопросы относятся к разряду риторических.

Распоряжением Правительства РФ от 09.04.2015 N 607-р был утвержден План мероприятий на 2015 – 2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года.

Мероприятия Плана сгруппированы по девяти направлениям, отражающим основные задачи Концепции: развитие экономической самостоятельности семьи и создание условий для самостоятельного решения ею своей социальной функции; развитие системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей; создание механизмов поддержки семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий; развитие жизнеохранительной функции семьи и создание условий для обеспечения здоровья ее членов; повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, оказание содействия в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи; обеспечение социальной защиты семей и детей, нуждающихся в особой заботе государства; профилактика семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности; повышение эффективности системы социальной защиты семей с несовершеннолетними детьми, вовлеченными в сферу гражданского, административного и уголовного судопроизводства; механизмы и ресурсы реализации Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года.

Концепция рассматривает как важнейшее направление деятельности развитие форм занятости, позволяющих гражданам с высокой семейной нагрузкой совмещать работу с выполнением семейных обязанностей: занятость на условиях неполного рабочего времени, работа по гибкому графику или на дому, поддержка развития семейного предпринимательства и фермерства; создание реальных условий для совмещения родительских и семейных обязанностей с профессиональной деятельностью. Заслуживает внимание пункт Плана, направленный на разработку механизмов поддержки бизнес-проектов, реализуемых семьями, имеющими детей. Кроме того, предполагается подготовка рекомендаций по реализации работодателями положений Конвенции Международной организации труда о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями (Конвенция 156 от 23 июня 1981 года) [8].

Однако мероприятия Плана, направленные на развитие экономической самостоятельности семьи и создание условий для самостоятельного решения ею своей социальной функции, во многом носят формальный характер. В Плане предлагается оказывать содействие в трудоустройстве лицам с семейными обязанностями путем подготовки рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, без указания конкретных механизмов. Среди ожидаемых результатов Плана нет показателей, ориентированных на расширение гибких условий труда для работников с несовершеннолетними детьми.

В контексте обеспечения экономической самостоятельности семьи предполагается предпринять меры для обеспечения доступности дошкольного образования, в том числе для детей в возрасте до 3 лет. Планируется подготовка рекомендаций органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации по развитию механизмов поддержки негосударственных организаций дошкольного

образования и услуг по присмотру и уходу за детьми, системы предоставления указанных услуг, в том числе на принципах государственно-частного партнерства. Причем ожидаемым результатом реализации этой меры выступает увеличение численности детей, получающих услуги по дошкольному образованию и присмотру и уходу в частных организациях, а также в семейных группах по уходу и присмотру за детьми, в 1,5 раза к концу 2018 года по сравнению с 2013 годом. Однако неясно, каков стартовый уровень показателя, сколько детей охвачено негосударственной системой дошкольного образования в настоящее время. Росстат не публикует данную информацию на своем сайте. Подобная ситуация не позволяет оценить планируемые масштабы деятельности по развитию сектора негосударственных услуг дошкольного образования. Однако подобный недостаток в формировании системы показателей, характеризующих ожидаемые результаты, характерен для большинства пунктов Плана.

Представляется, что для создания условий для самостоятельного решения семьей своих социальных функций необходимо: обеспечить развитие социальной инфраструктуры, ориентированной на потребности семей; проводить активную политику на рынке труда для лиц с семейными обязанностями, обеспечить действенный контроль за соблюдением трудовых прав граждан, имеющих детей, поощрять развитие гибких форм занятости для работников с семейными обязанностями, используя систему экономических стимулов для работодателей; популяризовать опыт бизнес-структур, создающих оптимальные условия для работающих родителей, разработать экономические льготы для таких работодателей; содействовать увеличению доходов лиц с семейными обязанностями с учетом иждивенческой нагрузки с целью снижения уровня имущественного расслоения различных категорий семей (с помощью семейных пособий, создания целевых рабочих мест); ввести изменения в пенсионное законодательство в контексте определения размера трудовой пенсии в зависимости от труда, вложенного в воспитание и образование детей; предоставить возможность семейного налогообложения доходов, ввести семейный налог на доходы членов семьи (вместо индивидуального), что повысит престижность семейного образа жизни путем снижения налоговой нагрузки на семьи с несколькими детьми. Данная мера была предусмотрена Концепцией, однако не нашла отражение в Плане.

Меры по обеспечению гражданам с высокой семейной нагрузкой возможности совмещать работу с выполнением семейных обязанностей всегда являются наиболее сложными для реализации в структуре мероприятий семейной политики, поскольку затрагивают интересы третьей стороны — работодателей.

Мероприятия, направленные на развитие системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей, во многом связаны со стратегией преодоления бедности. Результатом должно стать снижение дефицита располагаемых ресурсов (доходов) малоимущих семей с детьми (в % от среднедушевых располагаемых ресурсов) с 36,2 % в 2013 году до 32 % к концу 2018 года. Безусловно, важно обеспечить экономическую самостоятельность семей с детьми в возрасте от 1,5 до 3 лет как одной из социально уязвимых групп семей, для которых характерен повышенный уровень бедности. Однако в качестве ожидаемого результата в Плане представлена «подготовка предложений о дополнительной поддержке семей, воспитывающих детей в возрасте от 1,5 до 3

лет». Во-первых, экономическая самостоятельность и дополнительная поддержка – это не одно и то же. Во-вторых, непонятно, насколько можно оценить результативность выполнения мероприятия Плана по наличию предложений.

Не предусматривается никаких шагов по улучшению материального положения детей в разведенных семьях. В План включен пункт «Подготовка предложений по защите жилищных прав несовершеннолетних детей при расторжении брака», однако ни слова нет про решение проблемы неуплаты алиментов. Хотя об этом говорилось в тексте самой Концепции государственной семейной политики, проблема создания алиментного фонда дискутируется в различных совещательных органах уже более 5 лет.

Жилищные условия российских семей оставляют желать лучшего на протяжении многих десятилетий, несмотря на принятие ряда целевых программ. В ходе реализации Плана предполагается действовать в различных направлениях: формирование специальных ипотечных продуктов для молодых семей и семей, имеющих детей; создание и развитие региональных систем субсидированного жилищного найма для семей с детьми; расширение практики предоставления временного жилья семьям с детьми. Отдельные пункты Плана касаются защиты жилищных прав детей-сирот и детей в случае распада семьи.

Вызывает некоторое недоумение, почему в состав Плана мероприятий Концепции семейной политики входит «Реализация и оценка эффективности в части повышения доступности жилья для семей с детьми государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. N 323. Представляется крайне нелогичным, чтобы оценка реализации целевой программы входила в план реализации другого государственного концептуального документа.

В разделе «IV. Мероприятия, направленные на развитие жизнеохранительной функции семьи и создание условий для обеспечения здоровья ее членов» достаточно широко представлены мероприятия, связанные с обеспечением здоровья детей, условий для детского отдыха и спорта. К сожалению, отсутствуют мероприятия, направленные на обеспечение репродуктивного здоровья, развитие семейного отдыха, поддержание жизнеохранительной функции семьи, ее усилий по поддержанию здоровья членов семьи. Необходима разработка Концепции охраны репродуктивного здоровья семьи в РФ и соответствующей модельной региональной Концепции. Важно учесть вклад семьи в обеспечение здоровья и благополучия членов своей семьи, использовать опыт европейских стран по перераспределению услуг между семьей и социальными службами при оказании помощи больным и нетрудоспособным.

Мероприятия, направленные на повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, оказание содействия в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи включают цикл информационных и просветительских мероприятий, не носящих, однако, системный характер. Предполагается проведение ряда конкурсов и проектов, мероприятий по просвещению родителей в области педагогики и возрастной психологии, а также формирование методической и организационной поддержки приемных семей.

К сожалению, традиционно ничего не говорится о создании системы подготовки молодежи к браку, разработке обучающих программ и методик для образовательных учреждений, необходимости внесения изменений в образовательные стандарты общего среднего, начального профессионального и среднего специального образования с целью формирования системы подготовки к семье и браку подростков и юношества.

Отдельный раздел Плана посвящен механизмам и ресурсам реализации Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации. Отрадно, что рассматривается необходимость создания координационного совета при Правительстве Российской Федерации во главе с заместителем Председателя Правительства, а также создание координирующих структур в субъектах Российской Федерации; утверждение региональных планов реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики на период до 2025 года. Однако в Плане ничего не сказано про формирование ресурсного обеспечения реализации Концепции, формирование системы подготовки специалистов для работы с семьей, разработку и реализацию семейной политики в системе среднего и высшего профессионального образования, повышения квалификации специалистов.

При реализации Концепции семейной политики регионы разрабатывают планы, ориентируясь на свой социально-экономический потенциал. Именно на регионы возложено развитие кадрового потенциала сферы помощи семье и детям, организацию переподготовки, повышения квалификации специалистов, осуществляющих деятельность в сфере защиты прав семьи и детей.

Отсутствуют мероприятия по созданию механизмов финансирования, информационно-аналитического и кадрового обеспечения, системы правового обеспечения государственной семейной политики.

Между тем, организация управления напрямую влияет на эффективность реализации семейной политики. Помимо создания координационного совета при Правительстве Российской Федерации нужно установить ответственность за реализацию государственной семейной политики на федеральном уровне за Минтруда России. Одной из проблем, с которой связана реализация Плана, отражающего все направления Концепции государственной политики и направленного на достижение поставленных в Концепции задач, выступает отсутствие в системе органов исполнительной власти структуры, ответственной за разработку и реализацию семейной политики, в компетенцию которой входит координация деятельности министерств и ведомств, реализующих отдельные меры в интересах семьи.

В Плане отсутствуют меры контроля за реализацией Концепции, в том числе общественного контроля, включая общественный мониторинг, экспертизу нормативных правовых актов и решений. Механизмы, обеспечивающие функции управления, прописаны частично для регионального, но не федерального уровня.

В частности, для целей управления необходимо предусмотреть:

– увеличение доли расходов на семейные и материнские пособия в величине ВВП и ВРП до 2,2%, как предполагалось еще в Указе об основных направлениях государственной семейной политики от 1996 г. [1].

– разработку в составе бюджетов всех уровней семейно-детских бюджетов с выделением расходов на реализацию государственной семейной политики, в том числе по социально-демографическим группам семей;

– совершенствование деятельности Фонда социального страхования, Фонда обязательного медицинского страхования, Пенсионного фонда России в отношении граждан с семейными обязанностями, выделение в составе их расходов, направленных на обеспечение реализации мер государственной семейной политики.

Текст Концепции прямо указывает на то, что государственная семейная политика формируется и реализуется как многосубъектная деятельность с участием федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, работодателей, некоммерческих организаций, в том числе общественных объединений, политических партий, профессиональных союзов, религиозных организаций, средств массовой информации, а также граждан. В частности, в Концепции предусматривается разработка региональных поэтапных планов реализации государственной семейной политики. Однако участие других субъектов в реализации политики слабо отражено в Планах: региональные власти, бизнес и НКО прописаны только как соисполнители мероприятий. Отсутствуют мероприятия по координации их деятельности на федеральном уровне. При реализации Плана необходимо предусмотреть:

– создание советов по делам семьи и детей при губернаторах и главах городских округов и муниципальных районов;

– оказание методической поддержки разработке региональных концепций государственной семейной политики;

– разработку стандартов государственного и муниципального управления, предусматривающих партнерское участие бизнеса, НКО и семей при реализации мероприятий в сфере защиты и поддержки семьи, материнства, отцовства и детства.

В целом, анализируя логику построения Концепции и Плана реализации ее первого этапа, можно сказать, что они во многом не сбалансированы по целям, задачам, индикаторам и финансовому обеспечению.

Достижение целей первого этапа реализации Концепции зависит от инвестиционной и предпринимательской активности, уровня доходов населения, объемов средств региональных и местных бюджетов, фактически привлеченных объемов внебюджетных инвестиций. Однако о финансировании ни самой Концепции, ни Плана мероприятий в документах не говорится ни слова.

Представляется, что Плану не хватает конкретности в направленности мероприятий, предлагаемых технологиях для достижения поставленной цели, увязки мероприятий и ожидаемых результатов, точности в предлагаемых показателях оценки. Количественный и содержательный состав показателей (индикаторов), выступающих в качестве ожидаемых результатов выполнения мероприятий Плана, не является достаточным для объективной и полноценной оценки достижения целей задач первого этапа Концепции.

Зачастую показатели подобраны таким образом, что по ним невозможно оценить эффективность реализации мероприятий, либо показатели и так уже имеют ярко выраженную позитивную тенденцию и будут улучшаться и без

реализации Плана. К сожалению, многие мероприятия завершаются подготовкой докладов в правительство, что не дает возможность оценить эффективность предлагаемых технологий. Из 65 пунктов Плана для 10 мероприятий в качестве отчетного документа выступает доклад, 6 – аналитические материалы.

В ряде случаев для оценки достижения ожидаемого результата придется проводить специальные обследования (выборочные исследования), которые требуют средств, соответствующего финансирования, однако это в Плане не отражено. Так, мониторинг эффективности мероприятий раздела «Мероприятия, направленные на повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, на оказание содействия в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи» во многом основывается на опросах общественного мнения.

Для успешного выполнения Плана реализации Концепции семейной политики необходимо на начальном этапе обеспечить формирование действенного механизма его реализации и мониторинг выполнения мероприятий на основе системы количественных и качественных индикаторов.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 г. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики» Электронный ресурс. Режим доступа: <http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>

2. Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. N 1351 "Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года" Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165069/

3. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70183566/#ixzz3QB3nN3D0>

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. N 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90601/

5. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. N 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/>

6. Распоряжение Правительства РФ от 09 апреля 2015 N 607-р «Об утверждении Плана мероприятий на 2015 – 2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=178052>

7. Климантова Г.И. Государственная семейная политика современной России. М.:Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2004. 192 с.

8. Конвенция Международной организации труда о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями (Конвенция 156 от 23 июня 1981 года). Ратифицирована Федеральным законом РФ от 30 октября 1997 года N 137-ФЗ; Электронный ресурс. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901763236>

9. Кучмаева О. В., Кучмаев М. Г., Петрякова О. Л. Взаимодействие семьи и общества: особенности и перспективы. М.: ГАСК, 2012. 128 с.

10. О положении семей в РФ. Научный доклад/ Дармодехин С.В., Кучмаева О.В., Марыганова Е.А., Петрякова О.Л., Синельников А.Б. и др. М., ИСВ РАО, 2010.

11. Официальный сайт Росстата. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

© Кучмаева О.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Кучмаева Оксана Викторовна (Москва, Россия) – доктор экономических наук, профессор кафедры социально-экономической и отраслевой статистики Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (119501, Москва, ул. Нежинская, 7; e-mail: info@mesi.ru).

Kuchmaeva O.V.

THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF FAMILY POLICY IN CONTEMPORARY RUSSIA: FIRST STEPS AND PERSPECTIVES

Abstract. *The article is devoted to the initial phase of the implementation of the Concept of family policy, adopted in 2014. The structures of the Concept and Plan for its first phase implementation are analyzing. Possibilities of monitoring the effectiveness of these measures are discussed. Proposals to refine the mechanism of the Concept realization are formed.*

Keywords: family, family policy, Concept of family policy, families and children support, family policy indicators, plan of the concept implementation.

Информация об авторе

Kuchmaeva Oksana Victorovna (Moscow, Russia) – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of Socio-Economic and Sectoral Statistics, Moscow State University of Economics, statistics and Informatics (7, Nezhinskaya str., 119501, Moscow, Russia; e-mail: info@mesi.ru).

УДК 330.567.2:332.68

Малыш Е.В.

РЕНТООРИЕНТИРОВАННЫЕ ТРЕНДЫ ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности экономического поведения домохозяйств в рентной экономике. Рентоориентированное поведение рассматривается в рамках институционального подхода. Выделены основные источники ренты домохозяйств. Показано влияние ренты домохозяйств на их демографическое поведение.*

Ключевые слова: домохозяйство, рентоориентированное поведение, поиск ренты, доходный фактор, источник ренты.

Представители институционального подхода в экономической теории исследуют рентоориентированное поведение социально-экономических агентов как проявление рентных отношений в современной экономике. Ими утверждается, что для всех субъектов рентных отношений характерно рентоориентированное поведение, обусловленное рентным интересом. Рентный интерес – это действия, направленные на получение рентного дохода на «поле взаимодействия» [5, с. 105-

128.]. Таким образом, рентные отношения относят к элементам социальных отношений.

В современной экономической системе выделяются не только те рентные доходы, образование и присвоение которых происходит в результате действия естественных факторов, но и различные виды ренты, которые создаются искусственно, вследствие действия отрицательных стимулов и поведения социально-экономических агентов. Эта концепция получила название теория «поиска ренты».

К сожалению, эта теория стала известна в России совсем недавно. В то же время России «поиск ренты» присущ в несравненно большей степени, чем развитым странам с рыночной экономикой. Современная Россия вполне заслужила определение «общества в поиске ренты» (*rent-seeking society*), впервые употребленное А. Крюгером в отношении ряда развивающихся стран [8, с. 10].

Предложение ресурсов в реальности не является абсолютно эластичным, вследствие этого они в процессе своего использования приносят в составе выручки от созданной в процессе их применения продукции рентную составляющую, доля которой в выручке тем выше, чем ниже эластичность их предложения. Любое усовершенствование ресурсов предпринимателем делает их относительно более редкими, в чем-то уникальными. Такое усовершенствование вносит положительный вклад в общественное благосостояние, а возникающая в результате применения более эффективных ресурсов дополнительная рента (квазирента) носит временный, преходящий характер. При отсутствии искусственно созданных барьеров рыночная конкуренция неизбежно размывает ее, сводит до нормального уровня. Отсюда появляются стимулы инвестировать ресурсы в создание таких барьеров, т.е., говоря словами Г. Таллока (1942 г.р.), переключиться на «плохой поиск ренты», если, конечно, такая возможность имеется [7, с. 4, 55-56.].

Р.Д. Толлисон (1942 г.р.) дает краткое и одновременно весьма емкое определение поиска ренты. «Поиск ренты – это расход редких ресурсов ради захвата искусственно созданного трансферта» [6, с. 577-578]. Дж.М. Бьюкенен (1919 г.р.) так характеризует это явление: «Термин «поиск ренты» создан для описания поведения в институциональной среде, где индивидуальные усилия максимизировать ценность порождают общественные потери, а не выгоду для общества. Поиск ренты: использование ресурсов с целью получения ренты, где рента проистекает из чего-то такого, что имеет отрицательную общественную ценность» [4, с. 4.].

Итак, по Г. Таллоку, поиск прибыли имеет место тогда, когда размещение ресурсов ради получения ренты генерирует общественное благосостояние, а поиск ренты – когда размещение ресурсов ради той же цели генерирует потери общества.

Целью настоящего исследования является выявление основных тенденций рентоориентированного поведения домохозяйств как социально-экономических субъектов, влияющих на генерацию ренты домохозяйствами.

Согласно рекомендациям комиссии ООН (1981 г.) понятие «домохозяйство» – это лицо или группа лиц, объединенных с целью обеспечения всем необходимым для жизни. Вместе с этим домохозяйство является рыночной единицей, объективно существующим субъектом рынка, существует по законам рынка. Современное осмысление значения сектора домашних хозяйств для экономической системы региона и страны основано на особом сочетании жизненных процессов каждого

человека и группы (совокупности) лиц с общественными процессами. Эти процессы составляют базу для биологического, социального, культурного и экономического воспроизводства.

Домохозяйство взаимосвязано с окружающей его социально-экономической макроструктурой. Эта взаимосвязь базируется на решении таких основных проблем:

- каким образом определяется степень автономии домохозяйства в обществе (что считать относимым к домохозяйству, а что нет);

- как соотносятся профессиональный и домашний труд (вопросы оценки и оцененности домашнего труда);

- как распределяются профессиональные и семейные роли среди членов домохозяйства (проблемы справедливости в разделении труда);

- как влияет домохозяйство на спрос и предложение женского труда (степень эксплуатации женского труда).

Сектор домохозяйств оказывает непосредственное влияние на такие экономические сектора как рынок труда, рынок потребления товаров и услуг, на финансовый рынок (сбережения).

В современной экономике домохозяйства выполняют две роли (с общеэкономической точки зрения и в терминах финансовой науки):

- во-первых, эта группа людей являющееся общим получателем доходов, т.е. их частные доходы складываются в общие, образуя базу для бюджета семьи;

- во-вторых, эта группа людей, ведущая совместную хозяйственную деятельность, осуществляющая расходы бюджета семьи.

На базе этих ролей складывается целевая функция домохозяйства – на основании имеющегося бюджетного ограничения при осуществлении потребительского выбора максимизировать благосостояние домохозяйства. Таким образом, домохозяйство создает сферу частной жизни, путем формирования бюджета и непосредственно производя ведение домашнего хозяйства.

Тем самым определяется основной вектор социально-экономического поведения домохозяйств [1, с. 230-245]: оно стремится иметь как можно больше товаров, при этом ограничителем будет являться либо недостаток денег (основной ограничитель), либо/и потребности в этих товарах (вспомогательный ограничитель). Основное стремление каждого члена домохозяйства – это максимизация своих частных доходов, их совместное эффективное распределение и наращивание общих сбережений на крупные и отдаленные цели.

Общие аспекты проявления доходного фактора домохозяйства, влияющего на социально-экономическую активность (поведение) домохозяйства:

- общий уровень дохода;
- оценка домашней зарплаты каждого члена дома;
- оценка личной собственности членов;
- распределение доходов;
- другие источники доходов;
- конечное потребление.

Уровень заработной платы членов домохозяйства, её динамика оказывают существенное влияние на покупательскую активность домохозяйств.

Основой экономики домохозяйства является домашний труд. Английский социолог Барон Энтони Гидденс утверждал, что «домашний труд в его

современном виде возник в результате отделения рабочего места от жилища, которое стало местом уже не производства, а потребления товаров. Домашняя работа стала «незримой», в то время как «настоящая работа» приобретала все более четкие очертания, так как подразумевала прямое вознаграждение за труд» [2, с. 171].

Как известно, домашний труд неоплачиваемый, это многочисленные, часто рутинные задачи, включающие работу по дому и присмотр за детьми, служащих поддержанию домашнего хозяйства. И именно это определяет роль домашнего труда во всем экономическом хозяйстве. По данным Э. Гидденса, в промышленно развитых странах в домашнем хозяйстве создается от 25 до 40% национального богатства. Домашняя работа служит фундаментом национальной и международной экономики; от безвозмездных услуг домашнего хозяйства зависит существование огромной части активных трудовых ресурсов.

Одним из основных «закрытых» для официальной статистики доходов домохозяйств являются рентные доходы.

Следует сразу сказать, что источники ренты для домохозяйств в России менялись со временем. В командной экономике кроме естественных и социальных рентных источников основным рентообразующим фактором служил дефицит. Свообразными «редкими ресурсами» являлись:

1) статусы членов домохозяйства – прописка, особенно в большом городе, лучше в Москве, членство в партии и другое;

2) социальные трансферты;

3) доступ к дефициту;

4) полезные связи – «блат» и т.д.

Сейчас в современной России основным ограниченным и «редким» ресурсом, «производящим» ренту стало время [3, с. 83-84], точнее баланс времени между временем, которое распределяют на заработки для покупок на рынке (вне домохозяйства) и на производство-потребление благ внутри семьи.

Стоимостная оценка времени всегда разная в домохозяйствах разных по степени обеспеченности, для работающих и безработных, для мужчин и женщин. Стоимость времени имеет тенденцию к постоянному увеличению.

Рост рыночной заработной платы одного (или нескольких) члена домохозяйства при неизменяемом уровне общего дохода толкают домохозяйства на замещение домашнего труда рыночными услугами (няни, полуфабрикаты, «муж на час» и другое). Времяемкие блага вытесняются товароемкими (нам проще родить и воспитать одного-двух детей и дать им более качественное образование, чем для трёх и более детей). Вообще времяемкие блага становятся роскошью, они либо вытесняются рыночными товарами, либо забываются совсем (примеров множество, начиная от рукоделия и заканчивая домашним приготовлением пищи).

Основное времяемкое занятие сокращается под действие эффекта «цены» – это воспитание детей. Падение «спроса» на количество, увеличивает «спрос на качество» детей, отсюда все возможные формы «вложений в детей», развивающее обучение и т.д. и т.п.

Исследование домохозяйства требует комплексного подхода: сочетания социологических и экономических концепций. Крайне важно не упускать из вида экономическую составляющую домохозяйства, но в то же время необходимо

изучение домохозяйства как социального явления, которое имеет свою социальную структуру и распределение социальных ролей.

В домохозяйстве, как и в любой малой группе, присутствует распределение социальных ролей. Ему присущ ряд институциональных функций, направленных на удовлетворение материальных, духовных и иных потребностей своих членов.

Домохозяйство как социальное явление сложно и многогранно.

К сожалению, нужно констатировать, что рентные отношения всё более и более оказывают влияние на экономическое поведение домохозяйств, которое, в свою очередь, коррелирует с их социальным и демографическим поведением.

Библиографический список

1. Беккер Г. Человеческое поведение. Экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
2. Гидденс Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
3. Малыш Е.В. Основные тенденции развития рентных отношений / Перспективы развития науки и образования: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 28 февраля 2015 г.: в 13 ч. Ч 6. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. 164 с.
4. Buchanan J. Rent seeking and profit seeking // Toward a theory of the rent seeking society / Eds. by J. Buchanan, R. Tollison, G. Tullock. Texas A&M Univ. 1980.
5. Fligstein N., Dauter L. The Sociology of Markets // Annual Review of Sociology. 2007. Vol. 33, No 1.
6. Tollison R. Rent-seeking: A survey // Kyklos. 1982. Vol. 35, N 4.
7. Tullock G. The economics of special privilege and rent seeking. Boston, 1989.
8. Krueger A. The political economy of the rent-seeking society // Amer. Econ. Rev. 1974. Vol. 64, N 3.

© Малыш Е.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Малыш Елена Владимировна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: malysz.elena@mail.ru).

Malysh Ye.V.

RENT-SEEKING TRENDS OF ECONOMICAL AND DEMOGRAPHIC BEHAVIOR OF HOUSEHOLDS

Abstract. *In the article features of economic behavior of households in rent economy are considered. The rent-seeking behavior is considered within institutional approach. The main sources of households rent are allocated. The influence of households rent on their demographic behavior is shown.*

Keywords: household, rent-seeking behavior, rent search, profitable factor, rent source.

Information about the author

Malysh Yelena Vladimirovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Researcher, Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29 Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: malysz.elena@mail.ru).

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ, ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ*

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические подходы к влиянию региональных факторов на экономическое поведение домохозяйств, что позволяет выделить основные модели экономического поведения: европейскую и азиатскую. В исследовании выдвинута гипотеза о взаимном влиянии различных типов моделей на уровень жизни семей и их демографическое поведение.

Ключевые слова: домохозяйство, экономическое поведение, благосостояние, демографическое поведение.

Пересмотр устоявшихся научных представлений об экономическом поведении домашних хозяйств, параметры которого определяют темпы экономического роста, привел к необходимости всестороннего изучения моделей потребительского поведения домохозяйств и их взаимосвязи с демографическими тенденциями. Как хозяйствующий субъект домохозяйства функционируют на рынках труда, потребительских благ, финансовых рынках, рынках образовательных услуг и в других сферах экономики, а также в различных социальных сферах. Наиболее активно домашние хозяйства как субъекты проявили себя в потребительской сфере [1]. Следует отметить, что экономическое поведение в контексте исследуемой проблемы рассматривается шире, не ограничиваясь сферой потребления. К экономическому поведению можно отнести такие формы, как поведение семей на финансовом рынке, рынке труда, в сфере занятости, также поведение демографическое, сберегательное, предпринимательское и пр. Все перечисленные формы тесно связаны с моделями экономического поведения.

Домохозяйства — основной и наиболее адаптивный субъект социально-экономической системы. Изменение экономического поведения домохозяйств в условиях трансформационной экономики является актуальной задачей для исследователей. Комплексный подход к изучению потребительского поведения домохозяйств в условиях территориальной социально-экономической системы поможет проследить связи, формирующие потребительское поведение на микроуровне и воздействие параметров этого поведения на макроэкономические показатели.

Отечественные и зарубежные исследователи традиционно уделяли большое внимание теории потребительского поведения. В рамках классического и неоклассического подходов можно выделить исследования А.Маршала, В.Парето, Дж.Кейнса. Экономическому поведению в рамках проблемы выбора посвящены труды Г.Беккера, С.Кузнеца, Х.Хотеллинга. Социально-психологическому подходу и культурным особенностям поведения потребителя уделено внимание в работах Р.Блэкуэлла, Дж. Коулмена, Дж. Энджела, К. Левина, У. Макгайра, Дж. Ходжсона.

В отечественных исследованиях основные подходы к изучению потребительских расходов с использованием экономико-математических методов были сформулированы в трудах Г.Байкова, А.Карапетяна, А.Левина, А.Орлова,

* Статья подготовлена в рамках программы НИР «Методология исследования механизмов влияния региональных факторов на экономико-демографическое поведение домохозяйств в условиях перехода на инновационный тип развития».

А.Римашевского. Работы Ю.Веселова, Л.Герчиковой, Т.Заславской, В.Радаева и других авторов посвящены экономико-социологическим подходам в изучении рынка, и выделению, в этой связи, экономических и социальных аспектов потребительского поведения [2].

Представления о роли домохозяйств в социально-экономической системе и закономерностях его потребительского поведения меняются в зависимости от множества факторов. Поведение домохозяйств следует рассматривать в многоуровневой системе потребительских отношений, учитывая как внутренние, так и внешние факторы экономической среды [4]. Используя категорию «домохозяйство», мы подчеркиваем экономическую составляющую деятельности семьи, что определяется некоторыми условиями:

- домохозяйство является конечным потребителем товаров и услуг, включая расходы и доходы, потребительские предпочтения и государственное регулирование доходов населения;

- домохозяйство можно рассматривать как экономического агента, осуществляющего экономическую деятельность;

- потребительское поведение домохозяйства формирует структуру потребления общества на мезо- и макроуровнях;

- поведение домохозяйства на уровне удовлетворения потребностей отражает социально-экономические проблемы общества;

- адаптация населения в периоды кризисных явлений в экономике происходит в рамках домохозяйства и его ресурсов.

Следует отметить, что модель экономического поведения домохозяйства не отделима от его потребительских функций, которые позволяют семье реализовывать свою основную задачу – воспроизводства человеческого потенциала за счет формирования материальной базы семьи и демографического поведения. Также существенное влияние оказывается на такие сферы жизнедеятельности домохозяйств, как трудовое и предпринимательское поведение членов семьи, сберегательное и финансовое поведение, формирование и распределение доходов, адаптационное поведение в кризисный период. Потребительские решения, принимаемые отдельными домохозяйствами, на микроэкономическом уровне влияют на благосостояние семьи и демографические возможности, как в настоящем, так и в будущем, а на макроэкономическом уровне – являются важнейшим фактором развития экономики.

Демографическое поведение домохозяйств большинством исследователей рассматривается как система взаимосвязанных действий и отношений, направленных на формирование и сохранение демографического состояния общества. В узком понимании эта категория включает только отношения, связанные с воспроизводством населения: рождаемостью, смертностью, брачностью, разводимостью и т.д. Широкое понимание демографического поведения связывается, кроме собственно воспроизводственных отношений, также с воспроизводством человеческого потенциала, образовательным поведением, миграционным поведением, социальной мобильностью, отношением к собственному здоровью. Рассматривая влияние экономических аспектов на демографическое поведение, следует выделить ведущие социально-экономические факторы, влияющие на демографические показатели [3]:

- ожидания улучшения/ухудшения социально-экономических факторов в стране;
- доступность услуг здравоохранения, образования;
- уровень и динамика доходов населения;
- уровень инвестиционной активности;
- экономическая активность населения;
- уровень безработицы;
- инфляционные ожидания;
- гендерные аспекты оплаты труда;
- уровень социального страхования;
- социальная стратификация общества;
- темпы экономического роста;
- покупательная способность населения;
- жилищно-бытовые условия и пр.

Вместе с тем отметим, что перечисленные показатели в большинстве своем относятся к внешним факторам влияния на демографическое поведение семей. При этом большое значение имеют и внутренние факторы, которые определяются социальной средой, системой ценностей, преобладающих в том или ином обществе, формированием семейного бюджета, поведением на потребительском рынке. Влияние этих факторов формирует как экономическое поведение домохозяйств, так и определяет их демографическое поведение.

Проанализировав факторы, влияющие на экономическое поведение домохозяйств, можно сделать вывод, что их поведение определяется комплексом социально-экономических, социально-культурных, личностных и психологических факторов. Большое влияние на поведение домохозяйств оказывают внешние мезо- и макроэкономические факторы, которые, в первую очередь, влияют на среднедушевые доходы населения, структуру доходов и расходов, мотивов и стимулов потребления. Выделив основные модели экономического поведения домохозяйств, рассмотрим их влияние на демографическое поведение. Модели экономического поведения выделены исходя из степени влияния социально-экономических факторов на семьи из различной социальной, национальной и культурной среды.

Первую модель можно условно назвать «европейской». Такой модели придерживаются семьи с достаточно высоким доходом, низким уровнем сбережений и опережающим потреблением, что характерно для экономически развитых стран, придерживающихся принципов «общества потребления». Экономическое поведение таких домохозяйств нацелено на постоянное увеличение потребления товаров и услуг, что сокращает финансовые ресурсы, направленные на воспроизводственную функцию семьи, что ведет к таким особенностям демографического поведения, как повышение среднего возраста вступления в первый брак, отложенные рождения детей, малодетность, снижение материальной поддержки детей и пр. Создание семьи и рождение детей воспринимается как отказ от части финансовых и карьерных притязаний, снижение уровня жизни и покупательной способности. При этом «европейская» модель экономического поведения имеет и положительное влияние на демографическое поведение в более широком понимании: повышенное внимание к образовательному уровню, миграционная и социальная мобильность, вложение в собственное здоровье.

Однако следует отметить, что позитивное влияние связано не столько с развитием семьи, сколько с вложением в отдельного индивида.

Вторую модель можно назвать «азиатской». Она связана с понятием «общества сбережения», характеризующимся высокой нормой сбережений при относительно более низком уровне доходов, потреблением, отложенным для будущих поколений. Отложенное потребление напрямую связано с созданием семьи, рождением детей, формированием материальной базы для будущих и настоящих поколений. Большое значение в «азиатской» модели имеет планирование. Семьи планируют не столько свое финансовое будущее, сколько будущее свои детей: материальная поддержка обучения, обеспечения достойных жилищных условий, поддержка вступления в брак и рождения детей в молодых семьях, а также присутствует материальная поддержка старшего поколения, что связано с практическим отсутствием пенсионного страхования в странах с «азиатской» моделью и переложением социальных обязанностей на институт семьи.

Таким образом, исходя из приведенных моделей, можно говорить о разных целях деятельности домохозяйств с точки зрения экономического и демографического поведения. В странах с «европейской» моделью поведения целью максимизации благосостояния является рост дохода, увеличение потребительской способности через повышение уровня образования, рост карьерных возможностей. Такие цели зачастую идут вразрез с традиционными семейными ценностями – вступление в брак и рождение детей воспринимается как причина снижения уровня жизни, дополнительные расходы. Поэтому создание семьи откладывается на более поздний возраст, либо вообще не происходит. В странах с «азиатской» моделью целью благосостояния является престиж и богатство семьи, которое иногда носит демонстративный характер, что достигается через сберегательное поведение для поддержки в будущем образования и создания семей своих детей, социальной поддержки пожилых родственников. Такое поведение предполагает стремление к большим семьям, тесным родственным связям различных поколений, многодетности.

Рассмотрев некоторые аспекты влияния экономического поведения на институт семьи, можно сделать вывод, что под влиянием приоритетов общества потребления меняется потребительское поведение семей в различных странах. Приоритет материальных ценностей и возможность их быстрого получения посредством кредитования ведет зачастую к подмене традиционного семейного уклада жизни, который многие века был связан с рациональным экономическим поведением и оценкой благополучия не только с точки зрения благосостояния, но и с точки зрения социальных и духовных ценностей. Следует отметить, что на сегодняшний день российским семьям присущи характеристики и европейской и азиатской модели, в зависимости от ряда социально-демографических характеристик домохозяйств. Изучение особенностей влияния экономического поведения на демографические приоритеты российских семей является дальнейшим этапом исследования.

Библиографический список

1. Воронов В.В., Краско В. Д. Доход как фактор потребительского поведения домохозяйств в Латвии // Социосфера. 2011. №1. С.86–92.

2. Иванова Н.А. Особенности потребительского поведения домохозяйств в трансформационной экономике // Вестник ОГУ, 2008. №9(91). С. 107-111.

3. Кузьмин А.И. Социально-экономические факторы рождаемости в свете концепции демографического перехода // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. Выпуск № 4 (51), 2013. С.62-69.

4. Мельникова А.С. Методические подходы к формированию моделей потребительского поведения домохозяйств в зависимости от уровня доходов населения региона // Научный журнал «Труды Карельского научного центра РАН: серия «Регион: экономика и управление» №3, 2015. С.93-103.

© Мельникова А.С., 2015. Текст.

Информация об авторе

Мельникова Анна Сергеевна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: anuta_kk@mail.ru).

Melnikova A.S.

FORMATION OF ECONOMIC BEHAVIOR OF HOUSEHOLDS, ITS INFLUENCE ON WELFARE AND DEMOGRAPHIC BEHAVIOR

Abstract. *In the article European and Asian theoretical approaches to influence of regional factors on economic behavior of households allow allocating the main models of economic behavior are considered. The hypothesis of mutual influence of various types of models on a standard of living of families and their demographic behavior is made in the research.*

Keywords: household, economic behavior, welfare, demographic behavior.

Information about the author

Melnikova Anna Sergeevna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: anuta_kk@mail.ru).

УДК 371

Оспанова С.С.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН НА ОСНОВЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Аннотация. *В статье рассматривается специфика современного языкового образования в Республике Казахстан, указывается особенность современного полиязычия в республике. Автором предлагаются пути повышения качества полилингвального обучения посредством изучения зарубежного опыта.*

Ключевые слова: полиязычие, двуязычие, казахско-турецкий лицей, иностранный язык, современный подход, языковое образование.

Поэтапная реализация культурного проекта «Триединство языков» делает востребованным анализ международного и отечественного опыта по данной проблематике. Президентом Республики Казахстан Н. Назарбаевым поставлена задача: «Казахстан должен восприниматься во всем мире как высокообразованная страна, население которой пользуется тремя языками. Это казахский язык –

государственный язык, русский язык – как язык межнационального общения и английский язык – язык успешной интеграции в глобальную экономику» [1].

В нашей республике накоплен определенный опыт по организации учебного процесса на основе полиязычия. В связи с этим считаем, что в настоящее время возникла задача описания казахского языка в учебных целях так же, как описаны другие языки международного общения (английский, немецкий, французский и др.).

Рабочая группа Национальной академии образования имени Ы. Алтынсарина изучила опыт работы школ внутри страны и дальнего зарубежья по проблемам полилингвального образования. Особенно интересен опыт работы организации образования, в рамках которой создается учебно-воспитательная среда, которая обеспечивает осуществление образовательных и воспитательных услуг параллельно на четырех языках (казахском, турецком, английском, русском) и предусматривает изучение отдельных предметов естественно-математического цикла (биология, математика, физика, химия, информатика) на английском языке; таких предметов, как человек и общество, право, этика и психология, история Казахстана, география Казахстана, физкультура, НВП, факультативы, казахский язык и литература (11) – на государственном языке.

К числу таких учреждений относятся казахско-турецкие лицеи (КТЛ), которые стали функционировать в нашей стране с 1992 года. Изучение трех предметов проводится на турецком языке (всеобщая история, всеобщая география, турецкий язык). Стержнеобразующей идеей такого лицея является идея поликультурного (национального, научного, образовательного, коммуникативного) сотрудничества, осуществляющегося благодаря использованию четырех языков в конкретной учебной деятельности, представляющей ценность для самоорганизации и самореализации личности.

В настоящее время в 13 наших областях действуют 24 КТЛ, отличительной особенностью которых являются:

а) специфические критерии отбора учащихся:

- высокие познавательные способности учащихся;
- способность жить в условиях интерната;
- интерес и мотивация к изучению отдельных предметов;
- умение общаться в коллективе.

б) специальный конкурсный отбор учителей и развитие их профессиональных компетенций;

в) специфическая технология измерения и оценки знаний учащихся.

В КТЛ четко определены требования, которым должны соответствовать знания и навыки учащихся в конце каждой четверти. Такой подход унифицирует критерии оценки знаний и умений учащихся в масштабах всех лицеев.

Одна из первостепенных задач КТЛ – постоянное стимулирование учебной деятельности учащихся. Лицей берет на себя серьезные обязательства по оказанию различной помощи ученикам как в учебе, так и в социальной сфере. Благополучие и комфортность условий для учащихся в школьной и интернатской среде обеспечиваются практически всем персоналом лицея, начиная от директора, учителей до социальных работников, консультантов по профориентационным вопросам, психологов, врачей и медсестер.

Уровень углубленного изучения языков:

– *казахский язык* изучается учащимися, поступившими из школ с казахским языком обучения, на уровне родного языка;

– *казахский язык* изучается для овладения в совершенстве казахским языком более углубленно учащимися, поступившими из школ с русским языком обучения;

– *русский язык* изучается на уровне преподавания русской речи в казахских школах.

– углубленное изучение *английского языка* как средства овладения предметными знаниями по естественно-математическому циклу осуществляется на достаточном уровне в 7 классе, а в последующих классах английский язык изучается на уровне международных стандартов (из 1-6 уровней предпочтение отдается 5-му уровню).

Таким образом, положительные результаты языковой подготовки учащихся КТЛ обусловлены специфическими условиями обучения в учебных заведениях интернатного типа, т.е. за счет продолжительного погружения в языковую среду. Нельзя не отметить и другое преимущество КТЛ – подготовку опытных специалистов в области билингвального образования, в совершенстве владеющих английским языком, которая проводится в дальнем зарубежье, в частности, в Турции и США.

Одним из распространенных видов организации учебного процесса, направленных на формирование полиязычия учащихся, является «обучение на билингвальной основе», которое применительно к общеобразовательной школе означает двусторонний процесс: во-первых, обучение предмету и овладение учащимися предметным знанием в определенной области на основе взаимосвязанного использования двух языков в качестве средства учебной деятельности; во-вторых, обучение иностранному языку в процессе овладения определенным предметным знанием.

В настоящее время в Российской Федерации и странах Балтии накоплен определенный опыт обучения на билингвальной основе. Так, например, в России предпринимается попытка разработки адаптированной модели школы европейского типа. Основная цель – обеспечение интеграции России в европейское поликультурное пространство, создание единого образовательного пространства в контексте диалога культур. В Российской Федерации обучение на билингвальной основе проводится в ряде городов, таких как Пермь, Новгород, Челябинск. Так в г. Перми МОУ «Средняя школа № 22 с углубленным изучением иностранных языков» с 1989-1990 учебного года функционирует как российская модель европейской двуязычной школы. Уровень углубленного изучения языков:

– *французский язык* изучается с 1 класса, а с 5 класса вводится преподавание отдельных блоков (по неязыковым предметам) на французском языке;

– *английский язык* изучается с 7 класса, а с 8 класса преподавание отдельных неязыковых предметов осуществляется на английском языке;

– *латинский, немецкий, испанский языки* изучаются (по желанию) с 10 класса, при этом преподавание отдельных неязыковых предметов проводится на иностранных языках; учебный план по количеству часов в неделю соответствует учебному плану общеобразовательной школы.

Особое внимание уделяется подготовке квалифицированных кадров (так, например, учителей французского языка – 29 человек, английского языка – 7 человек), проведению совместной работы учителей неязыковых и языковых

предметов по разработке интегрированных уроков, созданию двуязычных словарей по предмету, подбору аутентичных текстов на иностранном языке для использования на уроках, подготовке и проведению бинарных уроков.

Аналогичная работа проводится в г. Новгороде, где на базе университета разработан образовательный комплекс, основной целью которого – идея претворения концепции непрерывного билингвального образования начиная с детского сада и заканчивая высшей школой.

Такого характера поиски ведутся и в странах Балтии, где основной целью обучения на билингвальной основе является укрепление статуса государственного языка. Тем не менее, в опыте Балтии особый интерес представляет определение общих принципов, подходов обучения на билингвальной основе. Кроме того, в силу исторических причин страны Балтии находятся в аналогичной ситуации, как и Казахстан в плане преобладающего использования во всех сферах в прошлом русского языка и восстановлением на данный момент статуса государственного языка. Поэтому опыт стран Балтии заслуживает внимания и с точки зрения решения проблемы казахского языка, восстановления всех его социальных функций как государственного языка.

В Латвии в 2001 году был объявлен проект о возможностях обучения на двух языках, цель которого – расширить возможности применения государственного языка учащимися в различных сферах, продолжения обучения в высших учебных заведениях.

С этой целью Министерством образования были предложены четыре модели двуязычного обучения, но вместе с тем школы имеют возможность выбирать и собственные направления, создавать собственные модели обучения.

В настоящее время в этом проекте принимают участие свыше 30 школ, среди которых немало школ с русским языком обучения в Вильнюсе, Каунасе, Клайпеде, Висагинесе. Другие школы, не принявшие участия в проекте, зачастую, используют отдельные компоненты двуязычного обучения, к примеру, изучение терминов на государственном языке, так как задания на государственных экзаменах составляются на литовском языке.

Анализ опыта стран Балтии и опыта России по реализации билингвального образования позволяет сделать следующие выводы:

Многие ученые и эксперты определяют билингвальное образование как элитарное, которое наиболее успешно реализуется в условиях обучения подготовленных и развитых учащихся. В силу этого в общеобразовательной школе обучение на билингвальной основе целесообразно организовать в рамках отдельных специальных классов/групп, которые формируются на конкурсной основе или по желанию самих учащихся.

Билингвальное образование предполагает обязательную пропедевтическую подготовку учащихся на начальной ступени обучения.

Практика подтверждает, что иностранный язык усваивается быстро и легче, если родной выступает для него в качестве опоры. Для этого владение родным языком должно быть достаточно прочным, что необходимо учитывать при выборе сроков введения иностранного языка в конкретной школе.

В ходе частичного включения учебного материала на иностранном языке проводится сравнительно-сопоставительный анализ рассматриваемых явлений в контексте разных культур.

Наиболее распространенными предметами, обучение которым проходит на билингвальной основе, являются: физическая культура – 1-3 классы; окружающий мир – 2-3 классы; природоведение – 3-4 классы; музыка и изобразительное искусство – 3-8 классы; трудовое обучение – 1-9 классы; география – 5-8 классы; биология – 5-9 классы.

Проблема обеспечения и достижения международно-стандартного уровня владения иностранными языками в условиях общеобразовательных школ РК требует проведения сравнительного анализа систем языкового образования дальнего зарубежья, на основе которых предполагается разработать модель обучения иностранным языкам с учетом условий, структуры и содержания среднего общего образования.

В качестве основной цели в области обучения иностранным языкам граждан Европы Европейским Советом выдвигается многоязычие: владение каждым жителем Европы, как минимум двумя иностранными языками, одним из которых необходимо овладеть в совершенстве [2]. Наряду с английским международным языком, который является обязательным для изучения во всех европейских школах в качестве первого иностранного, наиболее изучаемыми являются языки развитых в экономическом отношении стран: в первую очередь немецкий язык, за ним следуют французский и итальянский. Эти языки и определяют языковую политику стран Западной и Восточной Европы. В Восточной Европе немецкий язык (которым большинство жителей Европы пользуются как родным) будет постепенно приоритетным как язык международного общения. Французский сохранит свою позицию как язык общения вне Европы.

Анализ тенденции образовательной политики в отношении выбора языков как учебных предметов в европейских странах показал, что для изучения языков выделены основные критерии: учет интересов бизнеса, традиционных культурных связей, национального и этнического состава населения и его иммиграционных групп, геополитические взаимосвязи между странами.

В странах Европы в настоящее время является актуальной проблема достижения многоязычия в относительно короткие сроки. В этом плане находят распространение две модели усвоения иностранных языков:

1. *Модель рецептивного усвоения иностранного языка*, при которой каждый из участников общения говорит (пишет) на своем родном языке, но понимает своего партнера, также говорящего (пишущего) на своем родном языке. Для усвоения иностранных языков по данной модели требуется значительно меньше времени, чем для активного его усвоения.

Данная форма коммуникации с успехом используется во многих регионах Европы: в скандинавских странах, Словакии – Польше, Белоруссии (Украине) – Польше и др.

Опыт раннего обучения иностранным языкам в Восточной Европе в сжатые сроки (Западная Европа только приступает к нему в качестве эксперимента) должен быть использован для предоставления возможности изучения второго и третьего иностранных языков (по данным психологов, через 4 года изучения одного иностранного языка наступает утомление и пропадает интерес к нему). Следовательно, если изучение первого иностранного языка начинается с 1 класса, то обучение второму может начинаться в 5 классе, а третьему – в 10 классе.

Эти данные разрушают наши представления о преимуществе более раннего обучения иностранным языкам в школьных условиях вне страны изучаемого языка. В западной методике в настоящее время четко различают понятия «иностраный язык» (язык, изучаемый вне страны данного языка) и «второй язык» (язык, изучаемый в стране данного языка). Эта модель приемлема для взаимосвязанного обучения родственным языкам.

2. *Модель иммерсионного обучения (модель двуязычных школ)*, при которой часть предметов (в основном гуманитарная) преподается на втором языке, являющемся как языком обучения, так и языком общения. Такие двуязычные школы существуют в настоящее время в ряде стран Европы: Швейцарии, Бельгии, Франции, Германии и др.

В качестве конечной цели обучения в Европейской двуязычной школе (ЕДШ) выступает воспитание жителя Европы XXI века, в совершенстве владеющего двумя европейскими языками, европейской культурой и функциональной компетенцией.

Обучение в Европейской двуязычной школе (ЕДШ) начинается на родном языке учащихся. Иностраный язык вводится на втором году обучения и, начиная с 5 класса, становится языком обучения предметам гуманитарного цикла: истории, литературы, географии по учебникам соответствующей страны – Англии, Германии, Франции. В начальной школе уроки по музыке, изобразительному искусству и спорту частично проводятся на изучаемом иностранном языке.

В основу организации и содержания обучения в ЕДШ положены учебные планы и программы гимназий Англии, Германии, Франции, по которым работают «английские», «немецкие» и «французские» классы школы.

Наиболее значимый интерес для нас представляет вторая модель усвоения иностранных языков, модель Европейской двуязычной школы. Однако она не соответствует в полной мере модели трехязычного образования, предполагаемой внедрению в РК.

Обзор научно-педагогической литературы и изучение опыта взаимосвязанного обучения языкам в отечественной и зарубежной практике показывает:

– во всех существующих моделях взаимосвязанное обучение языкам осуществляется на основе билингвального подхода;

– билингвальный подход реализуется через билингвальное образование (равнозначное овладение двумя языками); обучение на билингвальной основе (взаимосвязанное использование двух языков учащимися для овладения предметными знаниями в определенной области); изучение неязыковых предметов на иностранном языке;

– во всех рассмотренных моделях билингвальный подход используется в основном для усиления приоритета родного языка как государственного;

– билингвальный подход используется преимущественно в условиях элитарных школ;

– в качестве наиболее распространенных предметов, обучение которым может проходить на билингвальной основе, рекомендуются: физическая культура, окружающий мир, музыка и изобразительное искусство, трудовое обучение, география, биология;

– ни в одной из рассмотренных моделей предметы естественно-математического цикла не изучаются на иностранном языке (за исключением казахско-турецких лицеев).

Таким образом, проводимая Казахстаном государственная образовательная политика внедрения трехязычного обучения требует тщательной подготовительной работы и определения концептуальных ориентиров с учетом сложившихся традиций и ценностей в системе образования.

Библиографический список

1 Назарбаев Н.А. Новый Казахстан в новом мире // Казахстанская правда. – № 33(25278). 2007. 1 марта.

2 Моисеева Е.Н. К вопросу о билингвизме и многоязычии. // www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/57.html

3 Государственная программа развития языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годы // edu.gov.kz

4 Сафонова В.В. Культурно-языковая экспансия и ее проявления в языковой политике и образовании // ИЯШ. 2002. №3. С. 23-32.

5 Корсунов В. И., Балицкая И. В. Актуальные вопросы образования в США. Южно-Сахалинск, 2000.

© Оспанова С.С., 2015. Текст.

Информация об авторе

Оспанова Сабина Сериковна (г. Петропавловск, Республика Казахстан) – магистрант, Северо-Казахстанский государственный университет имени М. Козыбаева (150000, Республика Казахстан, г. Петропавловск, ул. Пушкина, 85; e-mail: bellamenta@inbox.ru).

Ospanova S.S.

THE ORGANIZATION OF MULTILINGUAL EDUCATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN ON THE BASIS OF WORLD EXPERIENCE

Abstract. *In the article the specific character of the modern linguistic education in the Republic of Kazakhstan is considered. The specific character of the modern polylingual education in the republic is pointed out. The author offers the ways of improving language teaching quality by learning the world multilingual experience.*

Keywords: multilingualism, bilingualism, kazakh-turkish lyceum, foreign language, intercultural communication, linguistic education.

Information about the author

Ospanova Sabina Serikovna (Petropavlovsk, Kazakhstan) – Master's Degree Student, North Kazakhstan State University named after M.Kozybayev (85 Pushkin Str., Petropavlovsk, 150000, the Republic of Kazakhstan; e-mail: bellamenta@inbox.ru).

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА – ОДНО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ*

Аннотация. В статье рассмотрена инновационная политика, как разные авторы рассматривают инновационную политику, продемонстрированы критерии социально-экономического измерения результативности инновационного развития. Приведены принципы формирования регионов инновационного развития.

Ключевые слова: инновации, территория, инновационная политика, государственная политика, регион.

Многие идеи и ключевые понятия науки об инновациях возникли еще в период дорыночной экономики. Уже тогда пытались понять и объяснить тайну богатства, исходя из того, что источник богатства следует искать не в торговле, не в обмене, а в самом производстве, что именно развитие производства – основа социально-экономического благополучия нации. Согласно представлениям Й. Шумпетера, экономика должна сойти со своей привычной траектории и “резко сменить свои собственные показатели”, для чего необходимо осуществить “новые комбинации”, основными видами которых являются:

- производство новых благ, т.е. еще не известных потребителям, или создание нового качества того или иного блага;
- применение новых способов производства и коммерческого использования благ существующих, т.е. внедрение нового для данной отрасли промышленности метода производства, в основе которого не обязательно лежит новое научное открытие;
- освоение новых рынков сбыта, т.е. таких рынков, на которых до сих пор данная отрасль промышленности этой страны еще не была представлена;
- освоение новых источников сырья или полуфабрикатов;
- изменение отраслевой структуры (создание или подрыв монополии).

Всем этим экономическим новаторством занимаются люди, которых Шумпетер назвал предпринимателями. Особенностью экономического учения об инновациях Й. Шумпетера является стремление познать существующую традиционную экономическую реальность и раскрыть сущность, содержание и формы инновационного поведения, которое инициирует динамичное развитие действующего производства и вызывает потребность в крупных вложениях. Перечисленные изменения можно отнести к действиям по созданию новых производств, продукции, а “осуществление новых комбинаций” – к инновационным изменениям, в которых впервые раскрывается экономическая сущность понятия “инновация”.

Инновации не просто органично присущи современной экономике, они становятся способом ее существования. В современном мире приходит понимание того, что инновационное развитие представляет собой безальтернативный принцип развития. Созданию, внедрению и распространению инноваций уделяется особое внимание [6]. Что же подразумевает под собой инновационная политика государства? В Базовом докладе к Обзору ОЭСР национальной инновационной

* Публикация выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-33-01028 а1 «Социокультурные факторы и мотивы маятниковой миграции в приграничных районах России».

системы Российской Федерации, подготовленном Министерством образования и науки, государственная инновационная политика определяется как «комбинация мер по созданию благоприятного инновационного климата, стимулированию спроса промышленности на результаты исследований и разработок и высокие технологии, созданию более эффективного режима защиты прав интеллектуальной собственности, использованию стимулов для развития малых инновационных предприятий, поддержке инновационной инфраструктуры и поощрению кооперационных сетей» [6].

Инновационная политика государства представляет собой инструмент регулирования социально-экономического и политического развития страны. Л.П. Гончаренко определяет государственную инновационную политику как «составную часть социально-экономической политики, направленную на развитие и стимулирование инновационной деятельности, под которой понимается создание новой или усовершенствованной продукции, нового или усовершенствованного технологического процесса, реализуемых в экономическом обороте с использованием научных исследований, разработок опытно-конструкторских работ либо иных научно-технических достижений» [3, с. 65].

Принципы формирования регионов инновационного развития рассмотрены в работе [4], в которой указано, что формирование инновационных территорий возможно при соблюдении следующих условий:

- оценка состояния и возможностей использования имеющихся в регионе научно-технического, инновационного, производственного и инфраструктурного потенциалов;

- обязательное сопряжение, взаимоувязка приоритетов и задач государственной региональной инновационной и социально-экономической политики;

- выбор именно тех видов инновационных территорий, которые учитывают специфику конкретного региона;

- создание инновационных территорий в рамках формирования региональной инновационной системы. Поскольку первое обязательное условие в обозримой перспективе не может быть соблюдено, постановка задачи превращения всей территории в инновационную представляется преждевременной. Производственный и научно-технический потенциал, освоение современных передовых технологий, а также наличие инвестиционных ресурсов, уже сложившиеся контакты с научно-исследовательскими организациями химической и металлургической промышленности – все это создает благоприятные предпосылки для инновационного развития.

В отношении критериев социально-экономического измерения результативности инновационного развития можно отметить следующее.

- 1) приоритетность решения социальных проблем региона, участие представителей различных социальных групп в формировании и экспертизе стратегических мероприятий;
- 2) наличие четкой, согласованной всеми сторонами, методики разработки политики, базирующейся на инновационном подходе, предусматривающем реализацию опережающей (а не реактивной) модели социально-экономического развития региона, соблюдение принципа социального партнерства, учет основных факторов, определяющих условия формирования и определение последовательности реализации инновационной политики;
- 3)

максимально полное информационное и нормативное обеспечение, позволяющее произвести объективную диагностику социально-экономического состояния территории и обоснованно определить перспективы ее долгосрочного развития; 4) предварительная оценка источников инвестирования наиболее капиталоемких мероприятий стратегического характера; 5) институционализация процессов разработки и реализации инновационной политики, определение функций и ответственности соответствующих институтов и структур, обеспечивающих непрерывность работы в течение всего срока претворения политики в жизнь; 6) дифференцированный подход к регионам, учет специфики каждого региона, определение индивидуальных целей развития, миссии, возможностей интеграции и т.д.; 7) постоянный социально-экономический мониторинг реализации политики, наряду с отслеживанием динамики социально-экономических показателей систематическое изучение общественного мнения, анализ состояния информированности общественности и пр.

Таким образом, инновационная политика государства – это система целей и методов, выражающихся в воздействии государственных институтов на инновационные процессы, призванные повысить активность инновационной деятельности в интересах экономики и общества. Меры государственной инновационной политики могут быть и содействующими созданию благоприятной для инноваций социально-экономической среды, и непосредственно иницилирующими и регулируемыми инновационные процессы. Стратегической целью инновационной политики является создание условий, обеспечивающих превращение идей и разработок в рыночные продукты международного уровня, а тактической – внедрение этих продуктов в важнейшие отрасли экономики и социальную сферу. В 1996 г. был принят Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике», в котором содержались приоритетные цели, принципы и направления государственной научно-технической политики того периода. В соответствии с данным документом, основными задачами государства в инновационной сфере провозглашались: выбор и концентрация ресурсов на приоритетных направлениях развития науки и техники; гарантия приоритетного развития фундаментальных научных исследований; интеграция научной, научно-технической и образовательной деятельности; стимулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности через систему экономических и иных льгот; развитие научной, научно-технической и инновационной деятельности посредством создания системы государственных научных центров и других структур; стимулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности субъектов Российской Федерации и интеграцией их научно-технического потенциала [9].

Вслед за Д. Андерсоном под «политикой» мы понимаем «относительно стабильный, имеющий цель курс действий, которому следуют политический актор или несколько акторов, направленных на решение проблемы или какого-либо вопроса» [1, р. 6].

Политикой высшего образования называется политика, направленная на любые изменения (или противодействие изменениям) в системе высшего образования. Высшее образование рассматривается современными национальными правительствами в качестве инструмента формирования высококвалифицированных кадров для экономики и, таким образом,

регулирование этой сферы способствует решению экономических проблем. Кроме того, политика высшего образования может содействовать продвижению определенных, важных для государства политических идей или ценностей. В современных европейских странах перед политикой высшего образования ставятся задачи продвижения «европейского измерения», обучения гражданской культуре. Следует отметить, что не только государство или правительство определяют публичную политику. В разработке политики участвуют и другие политические агенты (политические партии, общественные организации) [10].

П. С. Селезнев дает следующее определение инновационной политики: это «система мер, направлений деятельности государства, имеющих своей целью создание комплексного механизма поддержки инновационной деятельности, повышения конкурентоспособности национальной наукоемкой продукции через систему институциональных преобразований, разработку и совершенствование нормативно-правовой базы и развития инфраструктуры инновационного процесса» [8, с. 26].

Подводя итог сказанному, мы можем отметить, что инновационная политика представляет собой важный инструмент в руках государства. Развитие инновационной сферы выступает одним из приоритетных направлений в осуществлении государственной политики большинства развитых стран. От развития данного направления во многом зависит конкурентоспособность страны на мировой арене [5].

Библиографический список

1. Anderson J. Public policymaking: an introduction. Boston: N.Y., 2003.
2. Волынкина М.В. Правовой механизм инновационного предпринимательства// Автореферат дисс. на соиск. ученой степ. канд. юридических наук. Екатеринбург.2004. С.26-27.
3. Гончаренко Л. П. Инновационная политика: учебник. М.: КНОРУС, 2009. 352 с.
4. Голова И.М. Инновационный климат региона: проблемы формирования и оценки.- Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2007. 178 с.
5. Кирсанова Е.Г. Инновационная политика в современном обществе: принципы и особенности реализации // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: Ист. 2013. № 1 (23).
6. Национальная инновационная система и государственная инновационная политика Российской Федерации: Базовый докл. к Обзору ОЭСР национальной инновационной системы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strf.ru/Attachment.aspx?Id=16198>
7. Новосельский К.И. Разработка стратегии развития традиционного индустриального региона// Екатеринбург. Изд-во УрГЭУ.1995. С.74-75.
8. Селезнев, П. С. Государственная инновационная политика в современной России и ведущих странах Запада : дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 154 с.
9. Федеральный закон о науке и государственной научно-технической политике № 127-ФЗ от 23.08.1996 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172547/ (дата обращения 05.02.2015)
10. Шпаковская Л. Л. Политика высшего образования в Европе и России. СПб.: Норма, 2007. 328 с.
11. Мыслякова Ю.Г., Бронштейн С.Б. Особенности становления региональной социально ответственной институциональной политики// Экономика региона. 2011. № 1. С. 130-136.

© Патрушева С.Б., 2015. Текст.

Информация об авторе

Патрушева Светлана Борисовна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела исследований региональных социально-экономических систем, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: bronshtein_sveta@mail.ru).

Patrusheva S.B.

INNOVATIVE POLICY AS ONE OF THE PRIORITY DIRECTIONS OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE REGION

Abstract. *In the article the innovative policy is considered, as different authors consider innovative policy; the criteria of social and economic measurement of productivity of innovative development are shown. The principles of forming the regions of innovative development are given.*

Keywords: innovations, territory, innovative policy, state policy, region

Information about the author

Patrusheva Svetlana Borisovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Researcher, the Department of Regional Socio-Economic Systems Research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya str., 29, e-mail: bronshtein_sveta@mail.ru).

УДК 330.341:314.17

Папиорковский В.В.

ДОМОХОЗЯЙСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ СЕМЕЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ

Аннотация. *Семейное домохозяйство рассматривается в контексте решения проблем демографического развития. Сравнительный анализ исторических форм организации жизни людей в нашей стране показывает, что для решения проблем воспроизводства населения необходимо способствовать росту числа больших семей.*

Ключевые слова: домохозяйство, семья, рождаемость, потребительское поведение, земля.

Семейное домохозяйство было и остается основной формой организации жизни людей. При этом, начиная с эпохи промышленной революции, доминирует тенденция перехода от больших к нуклеарным семьям. Как отмечает Б.Миронов в социальной истории России: «Отдельные локальные исследования подтверждают расчет, что семьи с численностью до 5 человек включительно чаще всего являлись малыми, в 6 человек – расширенными и в 7 и более составными. Среди последних, с числом членов 11 и более человек, значительная часть, вероятно, относилась к большим семьям» [4, с. 225].

Для современной организации семьи одиночки сохраняют возможность прямых сопоставлений. И малая семья в качестве общей категория для брачных пар, нуклеарных и неполных семей не исключает такую возможность. Но ее размер сегодня уже не может выходить за пределы 4-х человек. Расширенная семья в современном понимании – брачная пара с детьми до 18 лет и другими родственниками как по существу, так и по численности очень близка к своему историческому прототипу.

Наиболее радикальные изменения касаются больших семей. Составные (смешанные) семьи сегодня – это брачная пара (один из бывших супругов) с взрослыми детьми или другими родственниками, но в ней нет брачной пары с детьми до 18 лет. Для такой категории как большая семья в ее историческом понимании возможности современных сопоставлений практически исключены. Связано это с тем, что, начиная с переписи 2002 г., последней группировкой домохозяйств по их численности является «6 и более человек» [10, с.7]. В целом, если учесть, что нуклеарная семья с тремя детьми сегодня является большой редкостью, то все семьи, состоящие из 5 и более человек можно отнести к расширенным и составным семьям. При такой интерпретации изменения в семейной организации имеют следующий вид (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес различных типов семейной организации в составе домохозяйств и населения России (% к итогу) [4, с. 226; 13]

Типы семьи	Конец XIX в., Европейская Россия		Россия 2010 г.	
	Домохозяйства	Население	Домохозяйства	Население
Одиночки	2,9	0,5	25,7	9,8
Малая семья	50,5	34,2	65,5	69,7
Расширенная и составная семья	42,0	56,0	8,8	20,5
Большая семья	4,6	9,3	-	-

Приведенные в таблице данные позволяют увидеть, какие огромные изменения произошли в стране в семейной организации населения в наблюдаемый период. Одиночки из эпизодического явления (0,5%) XIX в. сегодня стали составлять почти десятую часть населения (9,8%). Малые семьи, в которых ранее жила треть населения (34,2%), стали преобладающей формой семейной организации (69,7). Расширенные и составные семьи, в прошлом объединявшие 56% населения, теперь охватывают 20,5% жителей страны.

О больших семьях, как форме семейной организации в терминах ушедших времен, сегодня говорить не приходится. Вместе с тем, в связи с ростом их удельного веса вполне возможно, что семьи, состоящие из 6 и более человек, на перспективу можно рассматривать в качестве больших семей. В целом по России еще в 1939 г. средний размер домохозяйства составлял 4,1 чел. [11] Сегодня он составляет 2,7 чел., а в Свердловской области и того меньше – 2,4 чел. [12].

В этом, на наш взгляд, и кроются основные причины и истоки демографического кризиса. Внедрив планирование семьи, и сделав малую семью преобладающей формой организации семейной жизни, общество разрушило социально-биологическую защиту материнства и детства.

В общефилософском плане планирование семьи корректно рассматривать как избыточную рациональность, порожденную секуляризацией и просвещением. Возможно, это и парадоксально, но проявилась она сильнее всего в жизни последователей протестантской этики. Исторически и восточное, и западное христианство считало и считает, что детей должно быть столько, сколько Бог пошлет. Как показало время, это единственно правильная позиция, позволяющая индивиду и всему этносу жить в гармонии со своей природой в решении данного вопроса. Уместно отметить, что избыточная рациональность, которая в трактовке здравого смысла понимается как «горе от ума», коснулась не только планирования

семьи. Критика указанного явления весьма привлекательна и продуктивна, но она выходит за пределы задач, поставленных в предлагаемой работе.

Возвращаясь к предмету нашего рассмотрения, уместно предположить, что сегодня страх за свое будущее и будущее ребенка, переживаемый женщиной, передается новым поколениям еще во внутриутробном состоянии. В пользу указанного обстоятельства свидетельствует и тот факт, что в наше время беременность и роды из естественного состояния все больше и больше трансформируются в медико-патологическое явление, связанное с заболеваемостью и характерными для нее последствиями и осложнениями. Отсюда и все растущая потребность в перинатальных центрах, фактически идущих на смену традиционным родильным домам. Суть работы перинатального центра состоит в том, чтобы обеспечить наблюдение за жизнью и здоровьем беременной женщины с первых дней беременности [5]. При этом врачи и психологи стараются сделать то, что веками делалось теперь уже разрушенным ближайшим окружением молодой женщины (мамами, сестрами, бабушками и др.). Сама потребность в таких медицинских учреждениях – сигнал нарастающих социальных и медико-биологических проблем в воспроизводстве населения.

Вряд ли реалистично связывать будущее рождаемости с контрмодернизацией. Тем не менее, без отказа от сложившейся практики планирования семьи и восстановления фундаментальной роли домохозяйства в жизни общества очень сложно достигнуть устойчивых успехов не только на путях выхода из демографического тупика и стабилизации воспроизводства населения, но и общественного развития в целом. А делать это крайне необходимо. Поскольку регулирование рождаемости ведет к деградации генофонда, нарушая этногенез. Отказ от естественного отбора и здоровой конкуренции перекладывает все тяжести наследственности на появившихся на свет «счастливчиков», которые под прессом гиперсоциализации очень часто вообще отказываются или не могут иметь детей.

По данным наших выборочных исследований, в условиях сохраняющегося в течение продолжительного времени режима выживания, порожденного переходом к рыночным отношениям, составные, многопоколенные семьи оказались более приспособленными как к поддержанию сложившегося ранее уровня жизни, так и к защите детства и материнства [6; 7, с.113-119; 8, с. 84-87]. Особенность многопоколенных, как сложных, так и смешанных семей, состоит в том, что они могут хорошо сохраняться и функционировать не только под одной, но и под разными крышами. В то же время пространственная доступность ближайших родственников, взаимопомощь и хотя бы частичная общность хозяйства служат обязательными условиями их существования. Поэтому в переходный период число таких семей росло опережающими темпами. В них, как под зонтиком, укрывались от невзгод происходящих перемен остатки многих распавшихся нуклеарных семей, а также дети, потерявшие своих родителей.

Сколько бы мы не говорили о семейных ценностях, они просто не могут поддерживаться атомарной, открытой всем капризам, ветрам и невзгодам нуклеарной семьей. В сравнении с институтами экономики она скорее напоминает фирму-однодневку, чем серьезное предприятие. Она может не брать на себя никаких обязательств и жить в свое удовольствие. А может, набрав их, отказаться от их выполнения. Она стремится быть свободной от долгов, но оказывается, что и ей никто и нечего не должен. У всех, даже вчерашних детей, вкусивших все

прелести гиперсоциализации единственного ребенка, своя жизнь. И очень часто, как отмечалось ранее, она не ориентирована на продолжение потомства. По сравнению с нуклеарной многодетная и многопоколенная семья – это другая цивилизация, к которой каждый ее член принадлежит по праву своего рождения. Благодаря ей он исходно вписан в широкий круг социальных отношений и связей, опирающихся как на требования сегодняшнего дня, так и на прошлое и будущее. В отношении любого ребенка в такой семье существуют четко закрепленные обязанности не только у отца с матерью, но и близких и дальних родственников.

Достаточно сказать, что обычное право распространяет такие обязанности и на крестных родителей. Так создаются дублирующие системы тройной защиты материнства и детства. О существовании органов опеки и попечительства, детских домах, интернатах и тем более колониях для малолетних преступников в таких системах организации жизни людей даже и не подозревают. Это серьезное обстоятельство, которое надо учитывать при формировании новых векторов демографического развития. Вполне понятно, что многодетность связана со снижением уровня жизни. Но это обстоятельство нельзя рассматривать как порок. Пороком должны считаться малодетность и тем более отказ иметь детей. Именно в этом случае семейная пара уходит в потребительское поведение. Живя для себя «здесь и сейчас», она порывает связь со своей природой и собственной миссией.

Если в ближайшие годы в сельскую местность, которая исходно слабее связана с стандартами потребительского поведения, навязываемыми современным массовым обществом и много ближе к природе, вложить сопоставимый с городом объем материальных затрат и организационных усилий, результаты, как в демографическом развитии, так и в других секторах социальной жизни и экономике, не заставят себя ждать. Правильно утверждать, что между жилищными условиями и демографическим развитием существует прямая зависимость. «По статистике, семьи, проживающие в частных домах, как правило, имеют больше детей, чем живущие в городских кварталах. Изменение градостроительной концепции страны в пользу частного домовладения приведет к строительному буму, который подтолкнет к резкому, скачкообразному росту строительной индустрии и заставит людей вкладывать в жилье собственные деньги» [2].

Подобное развитие событий не может не отразиться на удовлетворении потребности основной части домохозяйств в современном жилище. А если учесть, что к настоящему времени почти весь жилой фонд приватизирован, то задача улучшения жилищных условий ложится на саму семью и домохозяйство. Государство же в новой реальности скорее должно способствовать созданию благоприятных условий для решения семьей рассматриваемых задач, чем самому принимать непосредственное участие в их достижении.

Это обстоятельство особенно важно подчеркнуть в связи с тем, что современное жилище, соответствующее потребностям больших семей, предполагает индивидуальное домостроение усадебного типа, а именно *дом, двор, хозяйственное подворье и земельный участок*. Только в таком жилище сегодня и на перспективу возможно удовлетворение разнообразных потребностей всех половозрастных групп населения от грудных детей до немощных стариков. Уместно отметить, что указанный вектор развития связан главным образом с сельской местностью, малыми городами и пригородом. Исходя из важности указанных обстоятельств, которые могут играть заметную роль при разработке

конкретных мер и механизмов инновационного развития, ниже уделено внимание ряду вопросов строительства и модернизации индивидуальных домохозяйств.

Доступность земли для индивидуального жилищного строительства. Росреестр при описании земельного фонда использует 13 различных видов разрешенного использования земель поселений и сельскохозяйственного назначения. Все они допускают производство сельскохозяйственной продукции на этих землях, но не все они разрешают жилищное строительство. Земли, на которых их владельцам разрешено строительство жилых домов, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Земли поселений и сельскохозяйственного назначения, на которых владельцам разрешено индивидуальное жилищное строительство, 2013 г. [14, с. 497-602]

Вид использования земли	Число граждан, ед.	Общая площадь, тыс. га	Доля граждан в данном виде использования земли, %	Доля земли в данном виде использования, %
Крестьянские (фермерские) хозяйства	259 195	23 707,6	1,1	73,2
Личные подсобные хозяйства	16 278 585	7 648,2	67,5	23,5
Дачники и дачные объединения	223 093	92,2	0,9	0,3
Граждане, имеющие земельные участки, предоставленные для индивидуального жилищного строительства	7 338 779	920,8	30,5	3,0
Всего	24 099 652	32 368,8	100,0	100,0

В предлагаемую таблицу не попали граждане – владельцы земельных долей и земельных участков в садовых, огородных и животноводческих товариществах, которых, по данным Росреестра, насчитывается около 18,5 млн чел. Связано это с тем, что на таких землях строительство жилья для постоянного проживания запрещено законодательно. Тот факт, что именно там оно и шло наиболее бурными темпами все последнее время вплоть до появления такого разрешенного вида использования, как дачное строительство с правом возведения жилого дома и с правом регистрации проживания в нем, не должен вводить в заблуждение. Встающие при этом проблемы изменения разрешенного вида использования земель, а тем более перевода земли из одной категории в другую (из сельскохозяйственного назначения или лесного фонда в земли поселений), далеко выходит за пределы нашего рассмотрения.

Из данных табл. 2 (столбец 2) видно, что к настоящему времени только около 17% населения страны получило доступ к земле с целью индивидуального жилищного строительства. Это чрезвычайно важное обстоятельство, свидетельствующее о том, что формирование рынка земли в наблюдаемый период открыло пока еще очень ограниченный доступ к земельным участкам основной массе экономически активного населения.

С учетом сказанного, при анализе социально-экономических последствий купли-продажи земель сельскохозяйственного назначения следует принимать в расчет не только наблюдающиеся факты их выбытия и сокращения. Огромную роль здесь имеет и то обстоятельство, что *земли сельскохозяйственного назначения оказались*

тем ресурсом, доступность которого позволяет многим людям самостоятельно решать различные проблемы своей жизни: от производства продукции и услуг до строительства жилья, удовлетворения рекреационных потребностей и капитализации личных и семейных сбережений (столбец 3).

Одно из важных следствий формирования рынка земли связано с тем, что сегодня повсеместно земельные участки для целей индивидуального жилищного строительства как на землях населенных пунктов, так и на землях сельскохозяйственного назначения продаются по всему периметру расселения в различных регионах страны. При этом в собственности граждан в 2013 г. было всего лишь 6,9% земель РФ [3, с. 235]. Сдерживающими факторами здесь являются политика государства и платежеспособный спрос населения. В то же время, если смотреть на предложение, то может создаться впечатление, что продается весь тот или иной регион [9]. Описываемые процессы дали новый импульс концентрации населения вокруг больших городов. Интенсивно идет переселение населения в районы, прилегающие к региональным центрам. Причем преимущество в развитии имеют те поселения, тяготеющие к такому центру, которые открывают возможность ежедневной маятниковой трудовой миграции.

В регионах получило распространение строительство и создание дачных и коттеджных поселков. Всего таких поселков строится только в черте Екатеринбурга 15 (Образцово, Приозерный, Ромашкино), а в целом по области более 50 единиц [1]. Сходное положение дел характерно и для других крупных городов – Воронежа, Омска, Уфы. Тема о том, как застраивается Подмосковье, требует особого рассмотрения. Формирование таких поселков окажет определенное влияние на систему расселения и муниципальную жизнь. Проблема здесь состоит в том, что когда они создаются с подрядом на землях поселений, то их интеграция в муниципальное образование не вызывает больших напряжений. Вместе с тем основная часть таких поселков создается на выведенных из оборота землях сельскохозяйственного назначения и строится без подряда. В этих случаях их интеграция в соседние муниципальные поселения весьма проблематична. В местах, нуждающихся в повторном заселении, рано или поздно придется переходить от умирающего компактного к формированию дисперсного расселения, от навязанного сверху местного самоуправления к чему-то похожему на ТОСы. В указанном направлении идет и инициатива снизу, которая формируется от получающих все более широкое распространение индивидуальных рисков, связанных с переселением в сельскую местность до различных коммерческих и общественных начинаний по созданию родовых поместий и экопоселений.

Массовое индивидуальное жилищное строительство. Решение задач демографического развития вряд ли возможно без разворачивания массового индивидуального жилищного строительства на селе и в малых городах. Все программы обеспечения жильем молодых специалистов, молодых семей, ветеранов и т.п., решая текущие задачи предотвращения развала села, закрепляют режим выживания. Они весьма далеки от проблем устойчивого сельского развития. Сегодня повсеместно, в том числе и в сельской местности, земельный участок под индивидуальное жилищное строительство можно приобрести только по аукциону. В связи с огромной и хорошо известной разницей в доходах и уровне жизни в городской и сельской местности указанное положение дел ставит в совершенно неравные условия местных селян и пришлых горожан, желающих приобрести

участок в сельской местности. Разработчики такого порядка позаботились о формально равном доступе к земле, совершенно упустив из виду, что у нас в городе и на селе в обороте находятся, если так можно выразиться, абсолютно другие деньги.

Массовое индивидуальное жилищное строительство правильно рассматривать как исходный пункт модернизации всей системы расселения, в том числе и индивидуальных домохозяйств. Поэтому, как уже отмечалось в ряде предыдущих работ автора, инновация типа: «*Построй свой дом*» или «*Построй свой дом – укрепи Россию*» [6; 7, с.113-119; 8, с. 84-87] сегодня и на перспективу может открыть каналы новых инициатив и модернизации снизу. Предлагаемая инновация, во-первых, направлена на удовлетворение отложенных первичных потребностей и неудовлетворенного спроса многомиллионной массы россиян. Во-вторых, она может способствовать восстановлению чувства справедливости, попорченному шоковой терапией и приватизацией. В-третьих, строительство собственного дома на своей земле открывает широкие возможности распространения самозанятости и формирования самодостаточного в своей основе социального слоя населения.

Библиографический список

1. Все поселки Екатеринбурга и области. URL: <http://www.poselkiekb.ru/page/eburgvillage>
2. Демографический кризис в России: причины и пути выхода. URL: <http://www.zavet.ru/rapsbio3.htm>
3. Земельный фонд Российской Федерации на 1 января 2013 года. М.: Росреестр, 2013.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. СПб: «Дмитрий Булавин», 2003. с.226.
5. Московский областной перинатальный центр. URL: <http://morc.ru/>
6. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН, 2010.
7. Пациорковский В.В., Пациорковская В.В. Домохозяйство и семья в сельской России. // Социологические исследования, 2010, № 2.
8. Пациорковский В.В. Приоритеты демографического развития: семья и домохозяйство. // Национальные проекты, 2009, № 3 (34).
9. Продажа земельных участков в Республике Башкортостан. URL: <http://www.roszem.ru/regions/bashkortostan-respublika/>; Продажа земельных участков в Рязанской области. URL: <http://realestate.pingola.ru/sale>.
10. Число и состав домохозяйств. Итоги Всероссийской переписи 2002 г. Т. 6. М.: ФСГС, 2005. С. 7.
11. Всесоюзная перепись населения 1939 года. М.: Наука, 1992. С. 90.
12. База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014 г.
13. Всероссийская перепись населения 2010 г. Том 6. Число и состав домохозяйств. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
14. Земельный фонд Российской Федерации на 1 января 2013 года. М.: Росреестр, 2013.

© Пациорковский В.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Пациорковский Валерий Валентинович (Москва, Россия) – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией социально-экономических проблем территориального развития, Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, ИСЭПН РАН; e-mail: patsv@mail.ru).

Patsiorkovskiy V.V.

HOUSEHOLD: HISTORICAL AND CONTEMPORARY FORMS OF FAMILY ORGANIZATION OF HUMAN LIFE

Abstract. *Family household is considered in the context of demographic development problem-solving. Comparative analysis of the historical organization of human life in our country shows that population reproduction problem-solving is necessary to promote growth in the number of large families.*

Keywords: household, family, birth rate, consumer behavior, land.

Information about the author

Patsiorkovskiy Valery Valentinovich (Moscow, Russia) – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Socio-Economic Problems of Territorial Development, Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskiy Ave., Moscow, 117218, Russia; e-mail: patsv@mail.ru).

УДК 330.16: 314.6

Полкова Т.В.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ*

Аннотация. *В статье приведены результаты исследований, доказывающих, что основные компоненты человеческого капитала, включая уровень образования, знания и навыки населения в сфере информационно-коммуникационных технологий входят в число факторов, определяющих развитие информационного общества. Авторские расчеты показали наличие устойчивой умеренно положительной корреляции между показателями инновационного развития регионов России, показателями человеческого капитала и индекса развития человеческого потенциала.*

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, инновационный потенциал, информационное общество, регионы России, индексы, инвестиции.

Человеческий капитал выступает в качестве важного компонента инновационного развития. Люди, обладающие общими и специальными профессиональными знаниями, являются наиболее активным фактором роста, однако это лишь потенциальный фактор, который становится актуальным только тогда, когда может производительно использоваться, то есть когда созданы предпосылки для его практической реализации. К важнейшим видам человеческих инвестиций относят образование, подготовку на производстве, миграцию, информационный поиск, рождение и воспитание детей.

* Работа выполнена при поддержке Проекта УрО РАН №15-14-7-2 «Прогнозная оценка приоритетных направлений модернизации уральского старопромышленного региона для расширения импортозамещения».

Различают три эффекта воздействия человеческого капитала на производительность труда: рабочий, распределительный и инноваторский. Обученный работник может, во-первых, продуктивнее выполнять ту или иную операцию; во-вторых, лучше распределять материальные ресурсы и ресурсы своего времени; в-третьих, быть более способным к осуществлению открытий и нововведений.

Различные международные организации, занимающиеся изучением и мониторингом современной экономики знаний, информационного общества, отмечают взаимосвязь между научно-технической деятельностью, развитием информационно-коммуникационных технологий и человеческим потенциалом (ЮНЕСКО, ООН, ОЭСР, Евростат). Для определения уровня развития информационного общества используются различные показатели, и оцениваются они по разным основаниям, например, Комиссия ООН по науке и технологиям для развития (United Nations Commission on Science and Technology for Development – UN CSTD) использует структуру показателей, отражающих развитие технологий, где ведущую роль играют информационно-коммуникационные технологии, а человеческий капитал оценивается посредством показателей, представляющих количество технического персонала в секторе НИОКР и количество учащихся в вузах (в процентах от населения) [10].

В исследованиях по методике Института развития информационного общества [2, с. 33] человеческий капитал как один из системообразующих элементов композитного индекса развития информационного общества оценивался на основе измерения трех параметров: кадровой составляющей инновационного потенциала (количество исследователей на 10 тыс. населения; уровня образования населения (доля занятого населения, имеющего высшее образование; количество студентов вузов на 1000 чел. населения); кадрового потенциала сферы информационно-коммуникационных технологий (количество принимаемых студентов и количество выпускаемых специалистов по соответствующим направлениям подготовки на 10 тыс. населения).

Значения данного индекса для субъектов Российской Федерации варьируется от 0,976 до 0,077, в рейтинге лидируют Москва, Санкт-Петербург, Томская область, Новосибирская и Нижегородская области; группа аутсайдеров рейтинга, в порядке убывания значений интегрального показателя, включает Ленинградскую область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республику Тыва, Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ. Россия поддерживает достаточно высокий уровень образования населения, доля людей с высшим образованием по стране достаточно велика (28,7%), показатели отстающих районов немногим отличаются от средних и конкурентоспособны даже на мировом уровне. При этом следует отметить неравномерность его развития человеческого капитала регионов России – по интегральному показателю его развития различия между лучшим и худшим регионами составляет 12,6 раз (рис. 1), и этот разрыв постепенно нарастает, т.е. лидирующие регионы улучшают свои показатели, отстающие либо стоят на месте, либо снижают свои показатели (Чукотский автономный округ, Ленинградская область) или продвигаются вперед очень медленно.

Разнонаправленный рост крайних показателей означает, что есть серьезные проблемы в состоянии человеческого капитала России в целом, связанные со вступлением в активную социально-экономическую жизнь малочисленного поколения родившихся в 1990-е гг. и с быстрым сокращением исследовательского персонала и материально-технической базы науки, особенно отраслевой, а также различиями в уровне развития регионов, их экономической и технологической ориентации.

Проведенные исследования показали, что основные компоненты человеческого капитала, включая (уровень образования, знания и навыки населения в сфере информационно-коммуникационных технологий) входят в число факторов, определяющих динамичность развития информационного общества.

Для наиболее важное значение уровень развития человеческого капитала имеет для таких аспектов информационного развития, как показатели масштабов реализации в том или регионе проектов «электронного правительства» или «электронной коммерции» (коэффициент корреляции 0,54), в то время как если доступ к информационно-коммуникационным технологиям организаций и домохозяйств региона в значительной степени определяется уровнем экономического развития региона и доходами домохозяйств. Из всех показателей человеческого капитала наиболее сильную связь с использованием информационно-коммуникационных технологий имеет показатель «доля исследователей в населении» (коэффициент корреляции 0,561). Данный феномен С.Б. Шапошник объясняет тем, что развитие общественных интернет-сетей в России начиналось при активном участии научных организаций и делает вывод о том, что Научное сообщество выступает здесь в роли лидера в освоении и проводника в социальной среде широкого круга социально-технологических инноваций [8, с. 368-377].

Понятие «человеческий капитал», которое обычно трактуется лишь как средство производства товаров и услуг, а не как цель, которая важна сама по себе, не раскрывает многих вопросов человеческого развития, лежащих в сфере экономики, но вне сферы производства. Концепция человеческого развития [3], разработанная экспертами ПРООН рассматривает развитие человека не как средство, а как цель и критерий общественного прогресса, а инвестирование в развитие человека как двусторонний процесс: с одной стороны, это расширение человеческих возможностей путем укрепления здоровья, приобретения знаний, совершенствования профессиональных навыков. С другой стороны, это процесс использования людьми приобретенных ими способностей для производительных целей или для отдыха, культурной, политической деятельности. В этом заключается принципиальное отличие концепции человеческого развития от концепции человеческого капитала и других, сводящих человеческое развитие к единственному аспекту: формированию ресурсов для производственной деятельности. Концепция человеческого развития объединяет решение вопросов производства и распределения товаров и услуг, расширения и использования способностей и возможностей людей. Согласно Концепции, под человеческим развитием понимаются «...приумножение дохода людей, ... их здоровья, образования, сохранение окружающей среды, обеспечение свободы действий и слова, а также формирование иных условий социально-экономического развития» [1, с. 90].

Поэтому мы сочли целесообразным привлечь к исследованию и показатель индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), рассчитываемый на основе средней продолжительности обучения, ожидаемой продолжительности обучения и ожидаемой продолжительности жизни при рождении, к нашему исследованию.

Данные, представленные на рис. 1, не обнаруживают зависимости между рейтингом ИРЧП и показателем инновационной активности, т.е. регионы-лидеры по показателю ИРЧП не являются инновационными лидерами, и наоборот, международные сопоставления подтверждают данный феномен. Например, что показатели инновационной активности РФ близки аналогичным показателям Ирландии, которая в 2010 г. входила в пятерку стран-лидеров по ИРЧП (в 2011 г. 7-е место) [5, с. 225]. Таким образом, можно сделать вывод, что человеческий фактор не является определяющим в обеспечении инновационного развития экономики, которое требует глубоких институциональных и технологических изменений.

Наконец, последний показатель, включенный в наше исследование – это показатель инновационного потенциала, в качестве которого мы выбрали с известной мерой условности индекс готовности регионов России к информационному обществу. Индекс был рассчитан на основе 77 показателей, характеризующих факторы развития информационного общества (человеческий капитал, экономическая среда, информационно-коммуникационная инфраструктура и ее использование в различных отраслях). Индекс готовности регионов России к информационному обществу был построен на основе последовательного агрегирования нормализованных значений показателей, агрегированных на нескольких уровнях, что позволило строить рейтинги регионов по отдельным направлениям и факторам развития информационного общества с различной степенью детализации (подробнее о методике см. [2, с. 453]). Значения индекса представлены на рис. 1.

Здесь мы видим, что лидируют Москва и Санкт-Петербург, а также ресурсодобывающие регионы Тюменской области, где высокий уровень ВРП и доходов домохозяйств создают экономические возможности для платежеспособного спроса на инновационную продукцию, высокие места занимают также Томская область, а также регионы с высоким уровнем урбанизации.

Наши расчеты показали наличие устойчивой умеренно положительной корреляции между показателями инновационного развития регионов России, показателями человеческого капитала и ИРЧП. Вероятность ошибки при отклонении нулевой гипотезы ниже 0,05 указывает на статистически значительные корреляции отличные от нуля на доверительном уровне более 95,0% (табл. 1, рис. 2). На полученной матрице рассеиваний (рис. 2) видно, что регионы не образуют однородной массы, а расслаиваются на группы, для части которых связь человеческого и инновационного факторов более сильная, для другой – более слабая, что говорит об особенностях развития того или иного региона и дает импульс к продолжению исследований в этой области.

К лидерам и инновационного, и человеческого развития относятся Москва, Санкт-Петербург, Томская область, Новосибирская, Тюменская, Нижегородская, Воронежская, Самарская области, Республика Татарстан и Калужская область; десятку аутсайдеров составили Республики Тыва и Ингушетия, Ненецкий автономный округ, Республики Алтай, Карачаево-Черкесская, Дагестан,

Забайкальский край, Чукотский автономный округ, Псковская область, Республика Калмыкия, Костромская и Амурская области.

Таблица 1

Показатели коэффициента ранговой корреляции Спирмена для показателей человеческого и инновационного развития регионов России (2011-2013 гг.)

Показатели	Y	X ₁	X ₂
Y		0,4828	0,6852
Число наблюдений		(82)	(82)
P-value (вероятность ошибки)		0,0000	0,0000
X ₁	0,4828		0,4131
Число наблюдений	(82)		(82)
P-value (вероятность ошибки)	0,0000		0,0002
X ₂	0,6852	0,4131	
Число наблюдений	(82)	(82)	
P-value (вероятность ошибки)	0,0000	0,0002	

Условные обозначения: Y – инновационный потенциал региона, X₁ – индекс развития человеческого капитала (образовательная составляющая); X₂ – индекс развития человеческого потенциала.

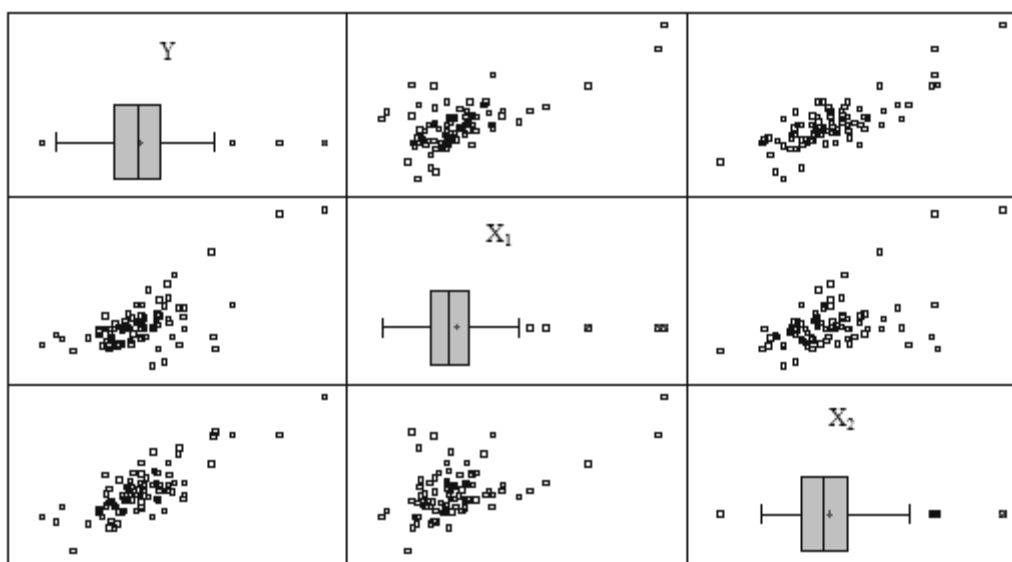

Рисунок 2. Результаты корреляционного анализа с графическим отображением результатов

Таким образом, человеческий потенциал в инновационном развитии играет существенную, но не основополагающую роль, мы не можем опираться лишь на образовательный потенциал, накопленный в советское время. Серьезными препятствиями для становления инновационной экономики являются низкие показатели качества жизни, отсутствие достаточной мотивации у населения, а самое главное – провал в отечественной технической культуре, возникший в годы экономических реформ. Поскольку высокотехнологичный бизнес рискован, требует крупных, длительных и не всегда быстро окупающихся инвестиций, в сложившихся условиях низкотехнологичный бизнес (строительство, торговля, природные ресурсы) более выгоден для предпринимательства. Инновационные идеи генерируются людьми, имеющими хорошее техническое образование и соответствующий опыт работы, но таких людей становится все меньше: падает качество технического образования, сокращается количество выпускников по

техническим специальностям, лучшие специалисты предпочитают работать за границей или же предпочитают «низкотехнологичную», но высокооплачиваемую работу. Наука как потенциальный источник инноваций также не справляется с этой задачей из-за неудовлетворительной материально-технической базы, бюрократии, отсутствия необходимого финансирования, снижения кадрового потенциала.

В связи с этим помимо бюджетных затрат на инновации, необходимо формирование нового типа «инновационной личности» [9, с. 64], обладающей достаточным уровнем развития интеллекта и креативности; эффективной как в производстве мыслительной и творческой продукции, так и на поведенческом уровне во взаимодействии с такими продуктами; чувствительной к новому и ориентированной на его поиск и т.д.

Решить создавшиеся проблемы может инновационная политика, основанная на механизмах, сокращающих избыточное социально-экономическое и пространственное неравенство и опирающаяся на повышение качества жизни населения, развитие науки, обеспечение технологической модернизации экономики, причем при согласовании этих условий во всех регионах.

Библиографический список

1. Валентей С., Нестеров Л. Человеческий потенциал: новые измерители и новые ориентиры // Вопросы экономики. 1999. №2.

2. Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2010–2011. Анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации / Под ред. Т.В. Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. М.: 2012. 462 с.

3. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2013/ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.undp.ru/documents/NHDR-2013.pdf>

4. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. 204 с.

5. Порядина Е.Д. Оценка качества жизни населения как фактора инновационного развития страны с точки зрения необходимости и достаточности на основе международных сопоставлений // Качество и уровень жизни населения в современной России: состояние, тенденции и перспективы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции // ОАО ВЦУЖ, ИСЭПН РАН. М.:ООО «М-Студио», 2012. 580 с.

6. Программа развития ООН опубликовала доклад о развитии человеческого потенциала в регионах России на 2013 год. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/06/17/6014>

7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 990 с.

8. Шапошник С.Б. Роль человеческого капитала в электронном развитии регионов России / Альманах «Наука. Инновации. Образование». Отв. ред. Е.В.Семенов. М.: «Парад». 2006. С. 368-377.

9. Яголковский, С. Р. Психология инноваций: подходы, модели, процессы. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 270 с.

10. United Nations Commission on Science and Technology for Development/ Official website. URL: <http://unctad.org/en/Pages/CSTD.aspx>

© Полкова Т.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Полкова Татьяна Владимировна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник центра социэкономической динамики, Институт

Polkova T.V.

HUMAN POTENTIAL IN INNOVATIVE ECONOMY

Abstract. *Results of the research proving that the main components of the human capital such as education, knowledge and skills in the sphere of information and communication technologies are included in factors of information society development are given in the article. Author's calculations showed existence of steady moderately positive correlation between indicators of innovative development of regions of Russia, human capital indicators and an index of human development.*

Keywords: human capital, human potential, innovative potential, information society, regions of Russia, indexes, investments.

Information about the author

Polkova Tatyana Vladimirovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Centre for Socio-Economic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: polkova_tv@mail.ru).

УДК 314.6 (37.014)

Пышминцева О.А.

МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ*

Аннотация. *В статье рассматриваются поведенческие особенности домохозяйств в образовательной системе в зависимости от их уровня доходов, состава домохозяйств и их социального статуса. Даны рекомендации по регулированию дисбаланса специалистов на рынке труда с учетом типов поведения домохозяйств в образовательной системе.*

Ключевые слова: образование, домохозяйство, уровень жизни, поведение, рынок труда, дисбаланс.

Эффективность государственных мер, проводимых в последнее время по ликвидации дисбаланса между выпуском специалистов и их реальной востребованностью, недостаточно действенны, так как в сложившихся рыночных отношениях именно спрос домохозяйства на образовательные услуги является одной из важнейших причин дисбаланса [2]. Так в 2014 году самые талантливые абитуриенты, получившие наивысшие баллы по ЕГЭ, несмотря на проведенные государством мероприятия по поддержке специальностей инженерной направленности, а также перераспределение бюджетных мест в вузах по востребованным государством специальностям, поступали по-прежнему на гуманитарные специальности (табл.1.). Несмотря на сокращение числа бюджетных

* При поддержке Проекта УрО РАН №15-14-7-2 «Прогнозная оценка приоритетных направлений модернизации уральского старопромышленного региона для расширения импортозамещения».

мест, бакалавриат по социально-экономическим специальностям сохраняет высокую популярность среди абитуриентов.

Таблица 1

Качество приёма в российские государственные вузы в 2014 году [1]

10 направлений, куда поступили абитуриенты с наивысшими баллами ЕГЭ				10 направлений, куда поступили абитуриенты с наименьшими баллами ЕГЭ			
На бюджетной основе		На платной основе		На бюджетной основе		На платной основе	
Баллы	Направление (кол-во поступивших абитуриентов)	Баллы	Направление (кол-во поступивших абитуриентов)	Баллы	Направление (кол-во поступивших абитуриентов)	Баллы	Направление (кол-во поступивших абитуриентов)
83,1	Международные отношения (980)	71,2	Востоковедение и африканистика (520)	52,2	Металлургия (1334)	40,6	Технологии легкой промышленности (12)
82,8	Теория искусств (233)	70,5	Теория искусств (140)	52,6	Сельское и рыбное хозяйство (16175)	45	Машиностроение (79)
80,2	Востоковедение и африканистика (505)	67,8	Журналистика и литературное творчество (1846)	53,1	Морская техника (872)	46,5	Управление водным транспортом (6)
78,1	Политология (858)	66,5	Филология (757)	53,3	Лесное дело (2938)	46,6	Вооружение (22)
78	Журналистика и литературное творчество (1374)	64,9	Международные отношения (3043)	54,3	Технологии легкой промышленности (768)	46,6	Морская техника (12)
77	Юриспруденция (5438)	63,9	Лингвистика и иностранные языки (4014)	54,5	Машиностроение (2173)	46,9	Лесное дело (263)
75,8	Лингвистика и иностранные языки (2800)	63,7	Физика (130)	55,1	Транспортные средства (12072)	47,1	Геодезия и землеустройство (263)
75,5	Реклама и связи с общественностью (777)	62,7	Политология (590)	55,1	Управление водным транспортом (688)	47,4	Почвоведение (14)
75	Издательское дело (181)	62,6	Дизайн (1130)	56,2	Технологические машины и оборудование (6788)	48,3	Пищевые технологии (231)
74,9	Экономика (9081)	62,4	Издательское дело (180)	56,9	Материалы (1828)	48,4	Экология (1070)

Аутсайдерами стали такие направления подготовки, как “металлургия” (средний балл ЕГЭ на бюджет — 52,2), “сельское и рыбное хозяйство” (52,6), “морская техника” (53,1). В результате студенты поступают на технические специальности с очень низкой профессиональной подготовкой по фундаментальным предметам, поэтому им требуется адаптация к требованиям технических вузов с созданием коррекционных курсов для первокурсников по естественнонаучным дисциплинам, только к третьему курсу студенты переходят к прикладным предметам. Такая ситуация повторяется из года в год и не сулит ничего хорошего соответствующим отраслям экономики.

Поэтому возникает необходимость изучения поведения домохозяйств в образовании и определения наиболее эффективных методов, позволяющих влиять на процесс принятия решения о профессиональном самоопределении.

Формирование спроса на образовательные услуги со стороны домохозяйств происходит в процессе сознательного и самостоятельного выбора профессии под воздействием ряда факторов.

1. Позиция старших членов домохозяйства. Существует определенная зависимость между уровнем образования родителей, их профессией и планами школьников на будущее. Чем выше уровень образования родителей, тем больше вероятность того, что жизненные планы детей также будут связаны с получением специального образования.

2. Престиж профессии – сформированное общественное сознание, в котором опосредованно отражается существующая в обществе иерархия профессий.

3. Личные склонности и предпочтения – индивидуальные склонности и способности к определенной профессии.

4. Востребованность на рынке труда – после окончания учебного заведения полученная профессия должна быть востребована работодателями.

5. Предлагаемый уровень заработной платы – при определении будущей профессии члены домохозяйства взвешивают затраты на образование и полученную в будущем выгоду от профессии в виде оплаты труда.

6. Доступность образовательных программ – возможность поступления на бюджетной основе, а также отдаленность образовательного учреждения от места проживания.

7. Уровень притязаний на общественное признание – желание занять достойное место в обществе.

8. Позиция товарищей и друзей – треть свободного времени старшеклассники общаются с друзьями, поэтому молодежь ориентируется на то, чтобы выбранная ими профессия будет цениться среди друзей и знакомых.

9. Личные профессиональные планы – подразумеваются личностные представления об этапах освоения профессии.

10. Информационная доступность. Домохозяйства не владеют объективной информацией и соответственно не могут обоснованно определить свой выбор, что обуславливает их экономически неадекватное поведение на рынке труда.

Однако степень влияния каждого фактора будет зависеть от уровня благосостояния домохозяйства.

Проведенная группировка домохозяйств по уровню доходов позволила определить поведение домохозяйств в системе образования и их мотивы при профессиональном самоопределении (табл. 2).

Так, домохозяйства имеющие низкие доходы, существенно ограничивают образовательные возможности. В таких домашних хозяйствах, где глава часто имеет низкий уровень образования и работает на низкооплачиваемой работе, не стремятся повышать образовательный уровень членов домохозяйств и, как следствие, у детей очень низкий образовательный потенциал.

В результате в процессе профессионального самоопределения ребенок стремится ориентироваться как можно быстрее устроиться на работу и получать заработную плату. Поэтому для многих детей из домохозяйств с низкими доходами выбирают начальное профессионального образования по причине его большей финансовой доступности, легкости поступления и менее продолжительного обучения (а значит, меньших альтернативных издержек на обучение). Этот уровень может оказаться высшим достигнутым уровнем.

Таблица 2

Типология поведения домохозяйства в образовательной системе в зависимости от их материального благосостояние [сост. по: 5, 6]

Характеристика	Домохозяйство			
	Бедное	Низкодоходное	Среднедоходное	Высокодоходное
Социально-демографическая структура домашнего хозяйства	Полное домохозяйство, состоящее из 4 человек, в основном имеющее одного ребенка	Полное домохозяйство, состоящее в основном из 4 человек, имеющее 2-х детей	Полное домохозяйство, состоящее в основном из 3 человек	Полное домохозяйство, состоящее из 3 человек
Уровень доходов	Ниже прожиточного минимума (5,4 тыс. рублей) Низкий стандарт жизни и потребления	От 7,7 до 14 тыс. рублей (не больше 2 ПМ) Низкий стандарт жизни и потребления	От 15,8 до 40 тыс. рублей на одного члена домохозяйств Сравнительно высокий стандарт жизни и потребления	Более 50 тыс. рублей на одного члена домохозяйств; Высокий стандарт жизни и потребления
Уровень образования главы домохозяйства	Не выше среднего общего образования	Не выше среднего профессионального образования	Высшее профессиональное образование	Высшее и послевузовское профессиональное образование
Должность главы домохозяйства	Неквалифицированный рабочий	Квалифицированные рабочие и служащие	Специалисты среднего и высшего уровня квалификации	Руководители, директора
Удовлетворенность главы домохозяйства в уровне заработной платы (% ответивших, что вполне удовлетворены)	22,9%	23,3%	32,3%	31%
Профессиональная удовлетворенность главы домохозяйства (% ответивших, что вполне удовлетворены)	37,9%	52,8%	62%	67%
Склонность к потреблению образовательных услуг	Не склонно пользоваться платными образовательными услугами (0,5% от общих потребительских расходов домохозяйства)	Слабая склонность пользования платными образовательными услугами: курсы для повышения образования и культуры детей при учебных заведениях (0,6-0,9% от общих потребительских расходов домохозяйства)	Активное пользование платными услугами: репетиторство, курсами иностранных языков, подготовка к ЕГЭ и др., получение платного высшего образования (1,1-1,4% от общих потребительских расходов домохозяйства)	Активное пользование платными услугами. Непрерывное образование (0,5% от общих потребительских расходов домохозяйства)
Факторы, мотивирующие профессиональное самоопределение членов домохозяйств	Профессия, востребованная на рынке труда; Уровень заработной платы; Позиция старших членов домохозяйств	Профессия, востребованная на рынке труда; Доступность образовательных программ; Уровень заработной платы;	Доступность образовательных программ; Уровень заработной платы Престижность профессии;	Престиж профессии Личные склонности и предпочтения; Уровень притязаний на обществен-

Характеристика	Домохозяйство			
	Бедное	Низкодоходное	Среднедоходное	Высокодоходное
		Позиция старших членов домохозяйств	Личные профессиональные планы; Позиция товарищей и старших членов домохозяйств	ное признание; Личные профессиональные планы

Упразднение уровня начального профессионального образования несет высокую социальную угрозу, лишая возможности получения первой профессии молодежь из малообеспеченных домохозяйств. Замена уровня начального профессионального образования короткими образовательными программами прикладных квалификаций в среднем профессиональном образовании снизит качество подготовки квалифицированных рабочих кадров. А высшее образование остается наименее доступным для детей из бедных домохозяйств.

Наблюдается еще одна особенность для домохозяйств с низкими доходами – это склонность к повышению образования старшего поколения, в результате профессиональной неудовлетворенности и низкой оплаты труда. Однако сдерживающими факторами являются психологический барьер, который заключается в невозможности для человека преодолеть свой социальный статус, и материальное ограничение, что в совокупности является существенным препятствием на этом пути.

Характеризуя поведение финансово обеспеченных домохозяйств, необходимо отметить, что чем выше доходы домохозяйства, тем выше жизненные стандарты. При высоком достатке домохозяйства старшее поколение стремится вкладываться в образование и развитие своих детей с раннего возраста, отдавая их сперва в различные кружки, затем – в лучшие школы; помимо получения образования в школе, дети ходят на различные обучающие курсы, что формирует у них высокий образовательный потенциал. Поэтому основное бремя частного финансирования образования лежит на домохозяйствах с наибольшими душевыми доходами.

Старшее поколение домохозяйства ориентирует своих детей на непрерывное образование, дает установки на занятие должного места в обществе, получение престижной профессии. У детей формируются устоявшиеся личные профессиональные предпочтения и планы на свое профессиональное будущее. Поэтому чем больше доход у домохозяйства, тем меньше члены домохозяйства ориентируются на реальные потребности рынка труда и проявляют большую склонность ориентироваться на свои внутренние потребности и престижность выбираемой профессии.

Таким образом, в зависимости от изменений уровня благосостояния домохозяйства меняются мотивы к получению образования: чем выше доходы домохозяйства, тем меньше государственный эффект по регулированию дисбаланса специалистов на рынке труда. На основании этого государству необходимо разрабатывать меры, учитывающие поведение домохозяйств в зависимости от изменения их благосостояния, что позволит урегулировать спрос домашних хозяйств на образовательные услуги. Кроме того, для создания новой инновационной концепции подготовки кадров необходимо формировать инновационную активность личности с раннего возраста, для этого необходимо:

– разрабатывать новые образовательные программы, которые будут нацелены на развитие у человека инновационного мышления, способствовать развитию адаптивной компетенции и формировать навыки саморегуляции. Эти навыки позволяют выполнять задачи и одновременно организовывать, и оценивать собственную деятельность, направленную на ее выполнение: ориентироваться в условиях, планировать ход решения, отслеживать выполнение и оценивать результаты;

– создать систему стимулирования и поощрения педагогов, ученики которых демонстрируют успехи в естественнонаучных дисциплинах;

– создать фонд адресной поддержки одаренных детей из бедных семей, отдаленных регионов и сельской местности;

– проводить он-лайн олимпиады по интернету, которые позволят найти одаренных детей из бедных семей; создание сетевой обучающей программы в виде игр, заданий по школьным дисциплинам, позволяющей объединить всех детей в России и дать им возможность соревноваться между собой, формируя общий круг интересов и приобретая друзей по всей стране.

– поддерживать научно-технические кружки в общеобразовательных учреждениях на бесплатной основе с целью формирования у школьников интереса к науке, а также открывать базовые площадки по робототехнике и моделированию;

– в общеобразовательных учреждениях необходимо ввести образовательную программу «Профильная ориентация для школьников», способствует принятию учащимся решения о выборе направления последующего обучения и созданию условий для повышения готовности к социальному, профессиональному и культурному самоопределению в целом. На данных уроках будут рассказывать о востребованных на рынке профессиях, популяризовать такие профессии, которые пользуются малым спросом среди подрастающего поколения и информировать о новых профессиях – профессиях будущего. Такая необходимость создания дополнительного профориентирующего урока возникла из-за отсутствия объективной информации о нужных специалистах на рынке труда, поэтому многие учащиеся испытывают затруднения при выборе будущей профессии.

Библиографический список

1. Качество приема в вузы: баллы ЕГЭ поступивших в 2014 году снизились / Информационное агентство РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/sn/20141029/1030715413.html> (дата обращения: 31.10.2014).

2. Матафонов М.Э., Мокронос А.Г., Прудников Д.М. Домохозяйства как основной фактора спроса на услуги учебных заведений // Вопросы управления. – 2011. – №4. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2011/04/11/> (дата обращения: 10.11.2014).

3. Пышминцева О.А., Мыслякова Ю.Г. К вопросу о роли человеческого капитала в обеспечении инновационного развития России // Труд и общество в XXI веке: парадигмы рынка труда и занятости, управления персоналом и социальных отношений: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования кафедры экономики труда и управления персоналом и общеэкономического факультета РЭУ им. Г. В. Плеханова. 10 апреля 2015 г. С.374-380.

4. Скобелкина Н.Г. Современный стиль жизни российских домохозяйств. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/5204.pdf> (дата обращения: 22.10.2014).

5. Доходы и расходы и потребление домашних хозяйств в 2013 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). 2014: Стат. бюллетень. М, 2014.

6. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах / Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/USP/survey0/index.html (дата обращения: 27.10.2014).

© Пышминцева О.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Пышминцева Ольга Александровна (г. Екатеринбург, Россия) – ведущий экономист Центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: economics08@mail.ru).

Pyshmintseva O.A.

BEHAVIOR MODEL OF HOUSEHOLDS IN THE EDUCATIONAL SYSTEM OF RUSSIA

Abstract. *The article examines behavioral characteristics of households in the educational system, depending on their income level, household composition and their social status. Recommendations on professionals' imbalance regulation in labor market based on the types of behavior of households in the educational system are made.*

Keywords: education, household standards of living, behavior, labor market imbalance.

Information about the author

Pyshmintseva Olga Aleksandrovna (Yekaterinburg, Russia) – Leading Economist, Centre for Socio-Economic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: economics08@mail.ru).

УДК 316.334.56

Саранчук С.Ю., Чевтаева Н.Г.

ТРУДОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ НА РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация. *Рассматриваются внешние и внутренние факторы, определяющие трудовое поведение работников промышленных предприятий в сложных социально-экономических условиях на рынке труда. Анализ ожиданий работников промышленного сектора Свердловской области в условиях изменений на рынке труда выявил как риски ухудшения ситуации, так и внутренние ресурсы, которые могут использовать сами работники для стабилизации своего положения в организации.*

Ключевые слова: модели поведения, промышленные предприятия, ожидания работников, риски, внутренние ресурсы.

Поведенческие стратегии работников на рынке труда складываются в результате влияния разнообразных факторов, действующих как со стороны самого сотрудника организации, так и со стороны рынка труда в целом. Все эти факторы в современных условиях отличаются динамичностью и нестабильностью. Поэтому эффективность управленческих воздействий на рынок труда [1] определяется умением прогнозировать и воздействовать именно на трудовое поведение

работников, анализировать факторы, способствующие активизации их социальных практик в профессиональной и общественно-политической сфере.

В литературе достаточно глубоко освещены вопросы типологии, факторов и индикаторов трудового поведения. Трудовое поведение – сознательно реализуемый комплекс действий и поступков работника, связанных с синхронизацией профессиональных возможностей и интересов с функциональным алгоритмом производственного процесса [2, 3]. Изучение поведения субъектов рынка труда позволяет применять полученные результаты для анализа и прогнозирования их дальнейшего поведения.

Для анализа моделей поведения работников авторами был проведен опрос среди работников промышленных предприятий Свердловской области в июне 2015 года. Общий объем выборочной совокупности составил 1170 человек. Из них сотрудники научно-производственной корпорации «Уралвагонзавод», промышленного предприятия холдинга УГМК «Уралэлектромедь», промышленного предприятия ОАО «Серовский механический завод», Качканарского горно-обогатительного комбината, предприятия «Машпром», Ирбитского молочного завода, Березовского монетного щебеночного завода.

Для анализа группы внешних факторов респондентов попросили конкретизировать свои ожидания и оценить возможные риски в условиях изменений на рынке труда: «В ближайшие полгода ожидаете ли Вы или проживающие с вами члены семьи: увольнения, перевода на сокращенную рабочую неделю /день, оформление вынужденного отпуска без сохранения содержания, увеличение интенсивности труда (работать больше за прежние деньги), задержек заработной платы, сокращения заработной платы» (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «В ближайшие полгода ожидаете ли Вы или проживающие с вами члены семьи...» (% от числа опрошенных)

Ожидание	Это уже происходит	Это может случиться в ближайшее время	В ближайшее время это вряд ли случится	Уверен (а), что этого не случится	Затрудняюсь ответить	Нет ответа
Увольнения	6	14,4	26,2	23,7	18,4	11,3
Перевода на сокращенную рабочую неделю /день	14,5	20,8	22,8	16,8	11,8	13,3
Оформление вынужденного отпуска без сохранения содержания	5	21	26,3	18,3	15,1	14,3
Увеличение интенсивности труда (работать больше за прежние деньги)	17,2	22,4	24,0	10,2	13,9	12,3
Задержек заработной платы	5,3	20,1	26,6	22,6	12,7	12,7
Сокращения заработной платы	15	20,8	22,9	14,5	14,3	12,5

В целом по Свердловской области ухудшение условий труда выражается сегодня, прежде всего, в увеличении интенсивности труда (каждый шестой респондент). Другим показателем кризисной ситуации становится сокращение заработной платы работников (15 %) и перевод значительной части сотрудников на сокращенную рабочую неделю (14,5 %). Это происходит уже сейчас и ситуация вряд ли изменится, по оценкам респондентов, в ближайшее время. Более того, по всем названным параметрам уровень тревожности нарастает, когда работники оценивают тенденции развития ситуации в ближайшей перспективе. Теперь уже каждый пятый (увеличение почти на 4 %) полагает, что ему в ближайшее время придется работать больше за те же деньги. На 6 % возрастают тревоги респондентов о возможном сокращении заработной платы, переводе на неполную сокращенную рабочую неделю.

Даже если по некоторым параметрам сегодня ситуации выглядит более-менее благополучно (незначительное число респондентов заявляют, что на их предприятиях происходят увольнения, оформление вынужденного отпуска без сохранения содержания, задержки заработной платы), на ближайшую перспективу уверенности в сохранении стабильности у пятой части респондентов не наблюдается. Каждый седьмой работник промышленного сектора вообще не уверен в том, что ему удастся сохранить свое рабочее место.

Что внушает оптимизм? Около половины респондентов уверены, что их положение в организации стабильно и ни угроза увольнений, ни вынужденный отпуск, ни задержек заработной платы им не грозят.

Уверенность в том, что их минует «перевод на сокращенную рабочую неделю /день» и «сокращение заработной платы» уже не столь высока – чуть более 40 %. Группа оптимистов сокращается до трети, когда речь идет об уверенности в том, что интенсивность труда не увеличится.

Анализ ожиданий работников промышленного сектора Свердловской области в условиях изменений на рынке труда выявил следующие риски ухудшения ситуации. Общая реакция работодателей на кризисные явления направлена на интенсификацию труда и сокращение заработной платы. Платой за сохранение рабочего места оказывается резкое увеличение интенсивности труда за прежний, а, возможно, и сокращенный объем денежного вознаграждения. Опасения работников сводятся к тому, что в ближайшее время придется работать больше за меньшие деньги.

Какие внутренние ресурсы могут использовать сами работники, чтобы избежать угрозы увольнений и существенного ухудшения своего материального положения?

Для анализа факторов, влияющих на выбор той или иной стратегии поведения населения на рынке труда, респондентам было предложено ответить на вопрос: «Что, на ваш взгляд, помогает работнику сохранить работу в ситуации кризиса и угрозы сокращений?» (табл. 2).

Сгруппировав варианты ответов по степени значимости для респондентов, мы выявили следующую тенденцию. Три доминирующих фактора способствуют, по оценкам населения, сохранению стабильных позиций на рынке труда в ситуации кризиса и нестабильности. Экономически активное население Свердловской области надеется, прежде всего, на свой профессионализм (41,9 %) и понимает значимость готовности работников к развитию, умения учиться и развиваться (27,7

%). Качество внутренней вертикальной коммуникации – «хорошие отношения с руководством, его поддержка», по мнению 28,2 % респондентов, также помогает работнику сохранить работу.

Таблица 2

Что, по мнению респондентов, помогает работнику сохранить работу в ситуации кризиса и угрозы сокращений

Варианты	Процент опрошенных
Высокий профессионализм	41,9
Хорошие отношения с руководством, его поддержка	28,2
Готовность учиться и развиваться	27,7
От работника ничего не зависит, как начальство решит, так и будет	22,6
Редкая профессия	19,7
Затруднились с ответом	5,4
Ваш вариант	0,4*

* Сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Каждый пятый считает, что обладатели редкой профессии имеют больше шансов занять привлекательные позиции на рынке труда. Сторонники активной поведенческой стратегии уточняют, что эффективно работающие сотрудники, которые «выполняют вовремя все поручения руководства», «лояльны, любят свою работу», «умеют поддерживать хороший климат в коллективе» имеют больше шансов сохранить рабочее место.

Наряду с работниками, придерживающимися активной поведенческой стратегии, выявилась и группа населения, занимающая пассивно-выжидательную позицию (22,6 %), которые убеждены, что «от работника ничего не зависит, как начальство решит, так и будет». Пессимисты уверены, что все решает «близость к начальству», «родственные связи» и даже «подкуп руководства».

Прозвучали и такие суждения: «крупный устойчивый работодатель», «стабильная компания» сумеют уберечь своих работников от угрозы сокращений. Профсоюз и трудовой кодекс, также смогут защитить работника. Нашлись и фаталисты, которые верят в помощь Бога и надеются на везение.

«Какие действия Вы готовы предпринять, если вдруг изменится социально-экономическая ситуация в стране, резко ухудшится Ваше материальное положение?» – был задан вопрос респондентам (табл. 3).

О готовности к различным формам социального протеста свидетельствуют ответы 40,2 % респондентов. Из них 13,4 % составляют протестный электорат – «Буду голосовать на ближайших выборах за оппозиционные партии»; каждый десятый готов выразить свой протест, выходя на разрешенные митинги; более радикально настроена группа, готовая на участие в забастовках в случае резкого ухудшения их материальное положение – 7,9 %; а еще 8,5 % ограничится критикой в социальных сетях. При изменении социально-экономической ситуации в стране 7,8 % заявляют о своих намерениях уехать из страны. Каждый пятый из опрошенных не намерен предпринимать какие либо активные протестные действия, а каждый третий респондент затруднился с ответом.

Прояснить позицию респондентов, не настроенных к протестным настроениям, помог анализ ответов на дополнительный открытый вопрос, предложив свой вариант ответа.

Таблица 3

Какие действия респонденты готовы предпринять, если вдруг изменится социально-экономическая ситуация в стране, резко ухудшится их материальное положение

Действия	Процент опрошенных
Никак не буду реагировать	19,3
Буду голосовать на ближайших выборах за оппозиционные партии	13,4
Выйду на разрешенные митинги протеста	10,4
Буду критиковать власть в социальных сетях	8,5
Приму участие в забастовках	7,9
Уеду из страны	7,8
Затрудняюсь ответить	34,9
Ваш вариант	7,6*

* Сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Большинство респондентов выбирают активные трудовые модели поведения, связанные с интенсификацией труда: «буду больше работать», «буду выживать», «буду искать дополнительный заработок».

Другая не менее многочисленная группа нацелена на социально-профессиональную и пространственную мобильность: «буду искать более высокооплачиваемую работу», «буду искать другую работу, в том числе в другом регионе страны либо за рубежом».

Вспоминает население Свердловской области и советскую модель решения продовольственной проблемы: «займусь вплотную сельским хозяйством, животноводством», «выращивание продуктов в саду», «займусь садово-огородническими работами», «уеду в лес, деревню, уеду на дачу».

Нашлись и перспективно мыслящие граждане, готовые в ситуации кризиса вкладывать материальные и временные ресурсы в повышения своего образования: «заочное обучение», «буду приобретать другую профессию», «буду осваивать новые профессии», «переобучение».

Самые активные (их лишь единицы) выражают готовность «открыть свой бизнес».

Модели поведения, не связанные с трудовой активностью: «чаще ходить в церковь и молиться дома, на работе, везде»; нацеленные на пересмотр расходов: «меньше буду тратить», «режим экономии»; пессимизм: «хоть реагируй, хоть не реагируй», «я не готов ничего предпринимать».

Протестная активность респондентов не высока: «митинги не помогут! Будем выживать», «буду оказывать содействие действующей власти в разрешении трудной социально-экономической ситуации в стране / регионе», «представится возможность, уеду из страны».

Общий настрой этой группы жителей Свердловской области такой: «все равно нужно работать и содержать семью», «буду улучшать свое материальное положение», «буду работать, помогать Родине».

Таким образом, мнения респондентов разделились: примерно половина готовы предпринять различные социальные действия, связанные либо с активными социально-политическими формами выражения протеста (митинги, забастовки, поддержка оппозиции на выборах) либо с индивидуальными формами выражения

протеста – критика в соцсетях, переезд в другую страну. Другая половина опрошенных выбирает либо модели поведения, связанные с повышением трудовой активности либо пока не готовы прогнозировать свою реакцию на возможное ухудшение социально-экономической ситуации в стране.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 22 января 2015 года №35 «О дополнительных мероприятиях в сфере занятости населения, направленных на снижение напряжённости на рынке труда» //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 28.01.2015.

2. Кулькова И.А. Трудовое поведение работников на рынке труда. Екатеринбург. 2007. <http://science.usue.ru/images/stories/books/2007/kulkova.jpg> (Дата обращения 25.05.2015).

3. Кокшарова В. В., Орехова С.В. Рынок труда Свердловской области: тенденции развития и механизмы адаптации в условиях кризиса // http://orekhovasv.ru/stat_4.htm (Дата обращения 25.05.2015).

© Саранчук С.Ю., Чевтаева Н.Г., 2015. Текст.

Информация об авторах

Саранчук Сергей Юрьевич (г. Екатеринбург, Россия) – соискатель кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: saranchuk@mail.ru).

Чевтаева Наталия Геннадьевна (г. Екатеринбург, Россия) – доктор социологических наук, доцент, зав. кафедрой управления персоналом, Уральский институт – филиал РАНХиГС (620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: che13641@gmail.com).

Saranchuk S.Yu., Chevtaeva N.G.

LABOUR BEHAVIOUR OF WORKERS IN THE CONDITIONS OF INSTABILITY IN LABOUR MARKET

Abstract. *Internal and external factors determining labor behavior of the employees of industrial enterprises in difficult socio-economic conditions in the labor market are considered. Analysis of expectations of employees of the industrial sector of the Sverdlovsk region in terms of changes in the labor market has revealed both the risks of deterioration and internal resources that can be used by workers to stabilize their position in the organization.*

Keywords: behaviors, industry, expectations of employees, risk management, internal resources.

Information about the authors

Chevtaeva Natalia Gennadievna (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Personnel Management of the Ural Institute – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 March St., Yekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: che13641@gmail.com).

Saranchuk Sergey Yurievich (Yekaterinburg, Russia) – Applicant of the Department of Theory and Sociology of Management of the Ural Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 March St., Yekaterinburg, 620990, Russia).

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются предпосылки развития демографической ситуации в России, некоторые проблемы образовательной миграции, их актуальность, влияние демографических процессов на образовательную миграцию в России.*

Ключевые слова: демографическая политика, образовательная миграция, демографическая «яма», глобализация образования, образовательные мигранты.

Проблема миграции в настоящее время – одна из наиболее острых в современном обществе, ей охвачены все страны, поэтому эти процессы требуют к себе постоянного внимания, своевременного регулирования и гибкого реагирования на любые изменения. Это связано со значительным увеличением миграционных процессов в связи с политическими, демографическими, социально-культурными потрясениями в мире.

Несмотря на это, миграционная проблематика – это та часть научного знания в общемировом масштабе, по поводу которой ученые до сих пор не могут прийти к единому мнению. Существует множество дисциплин, изучающих миграцию (демография, география, экономика, статистика, право, антропология, философия, социология, психология и т.д.), однако обобщенного понятия миграции как социального явления нет. Подобный феномен легко объяснить, так как миграция является наряду с культурой, образованием, политикой одним из ключевых аспектов человеческой жизнедеятельности и, соответственно, содержит в себе множество различных аспектов, которые невозможно раскрыть в какой-либо отдельной науке.

В данной статье мы рассмотрим некоторые предпосылки развития демографической ситуации в нашей стране. В результате экономических, политических и многих других факторов процесс рождаемости отклоняется от норм простого воспроизводства населения, приводя к сокращению численности экономически активного населения. Особенность демографических процессов заключается в том, что ухудшается половозрастная структура населения страны, ухудшаются воспроизводственные процессы рабочей силы, сокращается численность экономически активного населения, возникают трудности заполнения непрестижных и низкооплачиваемых рабочих мест, формируется необходимость импорта рабочей силы. В реальной экономической жизни на динамику рынка труда оказывает влияние целый ряд факторов: уровень рождаемости, темпы роста численности трудоспособного населения, его половозрастная структура, степень экономической активности различных демографических и этнических групп трудоспособного населения, процессы иммиграции и т.д.

По данным Росстата, в наши дни большинство россиян считает наиболее приемлемым иметь одного ребенка. Если раньше абсолютно нормальным явлением было 3-4 ребенка в семье, то сейчас многодетные семьи стали встречаться гораздо реже. Таким образом, с точки зрения макроэкономики, крайне низкая рождаемость в будущем приводит к острой нехватке рабочей силы, в особенности молодых квалифицированных кадров при одновременном быстром старении населения. И если уровень рождаемости остается низким, происходит быстрое сокращение

численности населения, и для того, чтобы как-то скомпенсировать этот процесс, потребуется массовый приток мигрантов.

Оперируя данными Росстата, можно сделать неутешительные прогнозы: в ближайшие 10 лет (начиная с 2013 г.) число молодых людей (в возрасте от 15 до 29 лет) в России уменьшится до 25 млн чел. В 2009 г. в России насчитывалось 33,7 млн молодых людей, в 2011 г. их число составляло 32,4 млн, а в 2012 г. – 31,6 млн.

Прогноз демографического развития на ближайшую перспективу неутешителен. В настоящее время Россия занимает 9-е место в мире по численности населения, однако, при сохранении сложившихся демографических тенденций, к 2050 г. переместится на 19-е место, пропустив Мексику, Филиппины, Вьетнам, Эфиопию и некоторые другие страны. Темпы сокращения экономически активного населения с 2010 г. составляют до 1 млн человек ежегодно [4, с.276].

По имеющимся оценкам, только для поддержания приемлемой численности населения России, нужно было уже с 2000 г. ежегодно принимать 700 тыс. мигрантов, тогда как в действительности миграционные потоки в Россию еще недостаточны [3].

Цифры демографических расчетов показывают, что сокращение количества выпускников средних школ будет в среднем на 10% в течение ближайших пяти лет, сегодня в России происходит резкое снижение числа детей – выпускников средних школ – основного контингента поступающих в вузы. И это на фоне того, что уже в течение нескольких лет число поступающих в вузы превышает число выпускников школ. Сегодня перед системой высшего образования встает вопрос: что делать вузам в ситуации демографического сжатия, в ситуации, когда предложение на рынке высшего образования отрывается от спроса? И этот отрыв обусловлен не качественными, а именно количественными параметрами. Другими словами, в самой России в скором времени физически не окажется достаточного количества абитуриентов, чтобы наполнить вузы [1].

Учитывая демографическую «яму» в среде российских абитуриентов, привлечение на учебу в Россию как можно большего числа иностранной молодежи позволит российской системе образования выстоять в сложных экономических условиях. А для региональных образовательных центров задача привлечения на учебу большего количества иностранцев приобретает решающее значение [3, с.42].

Эффективная образовательная миграция может стать одним из механизмов решения проблемы, так как ее экономические, политические и социальные выгоды очевидны. В настоящее время безусловный лидер на мировом рынке образования – США, контролирующая треть мирового финансового оборота.

Согласно данным ЮНЕСКО, в Швейцарии на иностранных студентов приходится около 16% общего количества студентов университетов – это максимальный показатель в мире. В числе лидеров также Австралия – 12,6%, Австрия – 11,5%, Великобритания – 10,8%, Германия – 8,2%, Франция – 7,6% и так далее. В России этот показатель едва достигает 1,5% [1].

В настоящее время в России идет пересмотр миграционной политики с целью ее ориентации на прием и удержание востребованной на рынке труда категории мигрантов, которые обладают необходимыми для развития нашей страны квалификационными характеристиками и социальными параметрами.

Специфика российской действительности в том, что страна остро нуждается в специалистах высшей категории и в то же время имеется дефицит низкоквалифицированных работников в отраслях, которые расцениваются местным населением как непрестижные: с тяжелыми условиями труда, низкими зарплатами, сезонным характером работы. Нехватка собственных ресурсов для стабильного существования и дальнейшего развития с каждым годом становится все очевиднее [6].

Целью демографической политики Российской Федерации является постепенная стабилизация численности населения и формирование предпосылок последующего демографического роста. Образование в настоящее время является одним из наиболее эффективных инструментов мировой политики и международных экономических отношений, в свете чего усиление конкурентной борьбы за лидерство в мировой системе образования закономерно.

Уже сегодня, учитывая ухудшающуюся демографическую ситуацию, региональные вузы РФ начинают между собой конкурировать за россиян и иностранцев, желающих получить высшее образование, поскольку этим определяется не только престиж, но и в целом существование учебных заведений.

Устойчивая тенденция к интернационализации и интеграции образования предоставляет молодым людям широкий выбор для определения образовательных предпочтений [3].

В 2008 году было увеличено количество бюджетных мест для иностранных граждан и соотечественников, обучающихся в вузах и средних профессиональных учебных заведениях. С 2003 года соответствующая квота составляла 7000 человек, с 1 января 2009 года она была увеличена до 10000. Это почти 10% от числа всех иностранцев, обучающихся в вузах страны на очной форме обучения.

Соотношение цены и качества российского образования является сегодня привлекательным для потенциальных студентов из ряда стран, в первую очередь СНГ и Азии. Стоимость обучения на самых престижных факультетах не превышает 3000–4000 в год. Однако указанное конкурентное преимущество вскоре не будет исключительным достоянием Российской Федерации: конкурентами России в данной ценовой нише являются вузы Украины и Белоруссии, которые также стремятся выйти на международный рынок образовательных услуг [1].

Отвечая на новый вызов «глобализации образования», государства ратифицируют международные договоры и соглашения о сотрудничестве. Так, в Декларации тысячелетия ООН от 2000 г., в «Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года», утвержденного Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, в Заключительном докладе Всемирного форума по образованию (Дакар, 2000 г.), провозглашены ключевые принципы международного образовательного права:

- принцип ликвидации неграмотности в мире;
- принцип расширения возможностей получения среднего и высшего образования;
- принцип содействия профессионально-технической подготовки и формированию квалифицированных людских ресурсов в целях ликвидации нищеты;
- принцип поощрения образования в интересах мира и развития человеческого потенциала.

Современная Россия занимает активную позицию по заключению международных договоров и соглашений, позволяющих ей вести подготовку и

обучение иностранных граждан. Положительным фактом является участие России в Болонском процессе. Одним из примеров такого рода сотрудничества является Шанхайское соглашение в области образования (Шанхай, 15 июня 2006 г.), которое, помимо России, подписали Казахстан, КНР, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, с целью развития сотрудничества в области образования, а также обмена опытом и информацией по вопросам реформ в области образования [3].

В качестве примера договора, согласно которому ведется подготовка иностранных граждан в РФ, можно привести Соглашение между Правительством России и Вьетнамом об обучении вьетнамских граждан в образовательных учреждениях высшего профессионального образования России, заключенное в Москве 09.07.2002 г. Согласно данному договору, Россия и Вьетнам ежегодно согласовывают перечень специальностей и количество вьетнамских граждан, направляемых в Россию для получения образования [3, с. 40]. Например, в настоящее время в Уральском федеральном университете обучается 329 студентов из 38 стран дальнего зарубежья, в том числе 31 человек из Вьетнама [5, с. 147].

Образовательную миграцию необходимо выделить в отдельное направление политики страны в сфере миграции, совершенствовать и дополнять существующую правовую основу, отталкиваясь от особенностей отрасли. Правовую основу учебной миграции обеспечивают несколько законодательных актов: Федеральный закон от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» предусматривает введение учебных виз, а Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» определяет порядок въезда и условия участия иностранных студентов в трудовых отношениях.

Что касается натурализации иностранных студентов, то Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» предусматривает возможность получения гражданства в упрощенном порядке для тех граждан государств, входивших в состав СССР, которые окончили российские вуз или среднее специальное учебное заведение после 1 июля 2002 года.

Этого крайне мало для обустройства канала образовательной миграции, ведь в законодательстве пока отсутствует само это понятие. Образовательная миграция в правовом поле смешивается с другими миграционными потоками, что затрудняет решение ряда ключевых проблем в этой сфере.

Например, иностранные студенты не имеют права работать вне вуза во время учебы. Тем не менее, мы понимаем, что для любого студента, независимо от его гражданства, важна возможность как непрофессиональной подработки на младших курсах, так и профессиональной – на старших курсах, в результате чего участие студента в реальном бизнесе, исследовательских или научных проектах существенно повышает качество и эффективность его образования. Для более полного использования потенциала студенческого труда в вузах необходимо создавать специализированные службы, ориентированные на помощь студентам в поисках подработки или работы по специальности на старших курсах. Путь, который можно предложить в данной ситуации, – это развитие исследовательских лабораторий, собственных конструкторских бюро, бизнес-инкубаторов и аналогичных структур с использованием студенческой занятости. Реализация подобных проектов возможна только при взаимовыгодном сотрудничестве вуза, властей и бизнес-структур [1].

Также большое значение для привлечения иностранцев на учебу имеет качество бытового обустройства студентов, так как в каждой стране существуют свои особенности повседневного быта и студентам-иностранцам приходится осваивать отличающиеся от привычных для них нормы и правила поведения, общения, ведения хозяйства. Качество российских общежитий оставляет желать лучшего, и особенности российского студенческого быта являются одним из препятствий образовательной миграции, особенно европейских студентов. Немаловажную роль играет языковой барьер иностранных студентов. Для совершенствования процесса обучения иностранных студентов в российских вузах необходимо формирование их профессионально-языковой компетенции.

Вчерашние студенты пополняют ряды рабочей силы, высококвалифицированных кадров и научных работников. А Россия заинтересована в том, чтобы иностранцы, обучавшиеся на ее территории, продолжили здесь свою трудовую или научную деятельность. Кроме того, обучающиеся за государственный счет могут быть выгодно использованы для развития национальной экономики. Выгода экспортера образования совершенно очевидна: государство, не тратя средств на детский период будущих абитуриентов, получает плату, предоставляя образовательные услуги, и затем – молодого специалиста, полностью интегрированного в принимающее общество, и члена социума. Кроме того, для любой страны студент – гораздо более выгодный и перспективный мигрант, нежели вынужденный переселенец или беженец, прибывший для воссоединения с семьей или гастарбайтер. Проведением более активной политики в сфере учебных миграционных процессов Россия сможет существенно повысить степень управляемости иммигрантами, получить дополнительную область сотрудничества с республиками, ранее входившими в СССР и, самое главное, молодых граждан нужных специальностей, знающих язык и интегрированных в общество. И даже если, окончив обучение в российском вузе, студент-иностранец вернется к себе на родину, Россия также получит положительный результат: выпускник непроизвольно будет распространять в своем окружении сведения о качестве образования в вузах РФ, элементах российской культуры, технологиях, а значит, будет способствовать возникновению перспективы использования отечественного оборудования, стандартов и пр. [6].

Образовательные мигранты – привлекательный объект для изучения. Они обладают высоким коммуникативным ресурсом и зачастую более привлекательны для принимающего сообщества, чем остальные мигранты, так как могут оказать положительное влияние на развитие региона или страны. Таким образом, очевидные экономические, социальные, политические преимущества образовательной миграции должны стать основанием для того, чтобы сделать развитие образовательной миграции важной частью миграционной политики России.

Библиографический список

1. Выхованец О. Д. Образовательная миграция как часть миграционной политики России // Доклад на заседании Научного Совета ФМС России. 2009. URL: http://www.fms.gov.ru/about/science/science_session/forth/vih.pdf (дата обращения 10.05.2015).

2. Громова Е. А. Проблемы и перспективы развития образовательной (учебной) миграции в современной России // Креативная экономика. 2011. № 7 (55). С. 105-113. URL: <http://old.creativeconomy.ru/articles/4141/> (дата обращения 10.05.2015).

3. Дементьева С. В. Учебная миграция в Россию в фокусе толерантности // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2008. № 317. С. 39-46. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-migratsiya-v-rossiyu-v-fokuse-tolerantnosti> (дата обращения 08.05.2015).

4. Ростовский Р. В. Влияние демографических процессов на систему образования в России / Р. В. Ростовский // Вестн. КемГУ. 2013. № 1(53). С. 276-278.

5. Сергеева Л. В. Социально-культурная адаптация иностранных студентов в международно-ориентированном вузе // Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве : материалы V Международ. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2015. С. 144-149.

6. Образовательная миграция в России. 2014. URL: <http://zagrandok.ru/vyezd/migraciya/uchebnaya-migraciya.html> (дата обращения 08.05.2015).

© Сергеева Л.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Сергеева Любовь Владимировна (г. Екатеринбург, Россия) – аспирант кафедры иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира 19; e-mail: l.v.chernavskih@urfu.ru).

Sergeeva L.V.

IMPACT OF DEMOGRAPHIC PROCESSES ON DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL MIGRATION IN RUSSIA

Abstract. *The article considers the background of the demographic situation in Russia, some of the problems of educational migration, their relevance, the impact of demographic processes on the educational migration in Russia.*

Keywords: population policy, educational migration, demographic gap, globalization of education, educational migrants.

Information about the author

Sergeeva Lyubov Vladimirovna (Yekaterinburg, Russia) – Postgraduate Student, Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: l.v.chernavskih@urfu.ru).

УДК 314.18

Смирнов А.В.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА С УЧЕТОМ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Аннотация. *В статье рассмотрены методологические аспекты компьютерного моделирования демографических и образовательных процессов региона, тесно взаимосвязанных между собой. Построен прогноз и проведен анализ перспектив изменения образовательного уровня населения Республики Коми до 2030 г.*

Ключевые слова: образование, демографические прогнозы, миграция, интеллектуальный потенциал.

Демографические и образовательные процессы находятся в тесной взаимосвязи. Население является как поставщиком трудовых ресурсов для сферы образования, так и заказчиком образовательных услуг. Именно на повышение интеллектуального потенциала населения, на распространение знаний и нацелена сфера образования. Поэтому масштаб и структура образования изменяются в соответствии с существующей демографической ситуацией и образовательными предпочтениями населения. Цикличность и неравномерность демографических процессов стали причиной многих реформ сети образовательных учреждений в течение последних десятилетий.

Влияние образование на динамику и структуру населения тоже велико. Обучение часто выступает причиной миграции. Среднее число рожденных детей дифференцируется в зависимости от уровня образования матери. Продолжительность жизни также зависит от образования, поскольку более образованные группы населения в среднем обладают более высоким качеством жизни. Образование оказывает влияние на такие факторы долголетия населения, как наличие вредных привычек, материальное благополучие, доступ к качественному здравоохранению. В итоге от 15 до 25% демографических событий так или иначе связаны с образованием.

Исходя из этой взаимообусловленности, многие исследователи считают образование необходимым и ключевым фактором демографических прогнозов [4]. Вызывает научный интерес задача разработки моделей населения, которые способны описывать и прогнозировать одновременно образовательную и демографическую динамику территорий. Такие модели могут обладать как более высокой точностью (благодаря учету большего числа влияющих факторов), так и более системным взглядом на исследуемые процессы. Они полезны при разработке мер и управленческих решений, направленных на максимизацию интеллектуального потенциала территорий. Особенно это актуально для регионов Севера, в которых наблюдается сокращение квалифицированных трудовых ресурсов в связи с миграционной убылью [3].

Рассмотрим реализацию компьютерной модели населения с учетом образовательных процессов на примере Республики Коми. Описанная ниже модель способна прогнозировать численность и структуру населения региона, включая его образовательный уровень. Каждый житель исследуемого региона моделируется в отдельности, что позволяет создавать максимально точные и подробные прогнозы. Такой подход называется агент-ориентированным (или социальным) моделированием [1, 2].

За начальную точку прогноза принят 2010 г. (момент Всероссийской переписи населения), а за шаг модели – один календарный год. На первом этапе моделирования формируется начальное население региона. Оно должно максимально точно описывать половозрастную, пространственную и образовательную структуру населения. Каждый моделируемый человек задается набором из шести характеристик: пол, возраст, район проживания, тип поселения (городской или сельский), число детей (для женщин) и образование. Уровень образования задается в годах, которые необходимы для его получения по наиболее распространенным образовательным траекториям. Он различается от 0 лет (без образования) до 20 лет (послевузовское профессиональное образование). Всего модель включает 12 возможных образовательных уровней.

На втором этапе происходит моделирование демографических и образовательных событий (рождаемости, старения, смертности, миграции по видам и обучения по уровням) методами дискретно-событийного моделирования. То есть наступление того или иного события зависит от того, превзойдет ли число, полученное генератором равномерно распределенной псевдослучайной последовательности, вероятность моделируемого события. Порядок наступления событий также случаен. Вероятность рождения зависит от трех параметров матери, а именно: возраста, типа поселения и числа рожденных детей. Учет очередности рождения позволяет более детально исследовать репродуктивные процессы. В случае, если рождение происходит, в модели генерируется новый человек. Его возраст и образование устанавливаются равными нулю, а место проживания наследуется от матери. Пол ребенка определяется случайным образом.

Событие старения ежегодно происходит с каждым живым человеком с вероятностью, равной единице. При его наступлении возраст человека увеличивается на один год. Вероятность смерти зависит от пола, возраста и типа поселения, в котором проживает человек. Отдельно моделируется младенческая смертность. Миграция различается по видам (внутренняя, межрегиональная, международная) и направлениям (эмиграция, иммиграция). Вероятность миграции человека находится в зависимости от его пола, возраста, района проживания и уровня образования. Внутренняя миграция изменяет район, в котором проживает человек. Эмиграция выводит индивида из модели, а иммиграция приводит к созданию нового человека, подобно рождению.

Событие обучения увеличивает образовательный уровень человека. Вероятность получения образования зависит от района (во всех районах разный набор образовательных учреждений), возраста, пола и текущего образовательного уровня человека. Например, окончить магистратуру может только человек, имеющий профессиональное образование уровня не ниже бакалавра. Значения вероятностей всех перечисленных событий для различных групп населения определяются исходя из статистических данных за последние годы и изменяются со временем в зависимости от выбранных тенденций демографического развития.

В базовом варианте прогноза тенденции изменения рождаемости и продолжительности жизни соответствуют скорректированному по региональным данным прогнозу Отдела народонаселения ООН для России (World Population Prospects: The 2012 Revision [5]). Кроме того, выбран инертный миграционный сценарий, характеризующийся оттоком населения, особенно молодого, из сельских районов, депопуляцией северных моногородов, концентрацией населения в столице региона. Образовательные тенденции региона включают переход на двухуровневую систему высшего профессионального образования, сокращение доли негосударственных высших учебных заведений, частичное замещение среднего профессионального образования прикладным бакалавриатом.

Для оценки интеллектуального потенциала населения региона в разные периоды времени и сравнения вклада в него различных групп населения использовались два показателя: суммарный образовательный уровень (ОУ) населения (сумма числа лет, которые были затрачены населением на обучение) и средний образовательный уровень (отношение суммарного образовательного уровня к общей численности населения). Эти показатели, дополняя друг друга,

выступают удобным инструментом анализа населения с точки зрения его образования.

Проанализируем результаты моделирования населения Республики Коми до 2030 г. с учетом образовательных процессов (табл. 1). Суммарный ОУ населения представлен с разбиением по основным возрастным группам и измеряется в тысячах лет. Средний ОУ измеряется в годах.

Таблица 1

Прогноз образовательного уровня (ОУ) населения Республики Коми

Год	Суммарный ОУ, тыс. лет	в том числе в возрасте		Средний ОУ, лет
		трудоспособном	старше трудоспособного	
2010	9152	7406	1746	10,15
2015	8523	6424	2099	9,99
2020	8088	5779	2309	10,02
2025	7737	5384	2353	10,15
2030	7447	5097	2350	10,35

Как видно из таблицы, в течение двух десятилетий прогнозируется уменьшение суммарного образовательного уровня региона на 19% при общем сокращении численности населения на 21%. Следовательно, увеличение среднего образовательного уровня отчасти может компенсировать отток трудовых ресурсов, но для кардинальных изменений необходимо принятие мер в области миграционной и образовательной политики. Отметим также, что существенно изменится возрастная структура интеллектуального потенциала. Вклад населения в возрасте старше трудоспособного в суммарный ОУ, согласно прогнозу, возрастет с 19% до 32%. Большая часть прироста приходится на первое десятилетие. Гендерное распределение образовательного уровня при этом практически не изменится (54% – у женщин).

Средний образовательный уровень может незначительно сокращаться в связи с негативными миграционными тенденциями. Однако по мере исчерпания потенциала выездной миграции начнет превалировать тенденция к повышению среднего ОУ. Согласно прогнозу, он вырастет к 2030 г. до 10,35 и продолжит расти в дальнейшем еще более высокими темпами.

Рассмотрим вклад различных демографических и образовательных событий в динамику образовательного уровня населения. Увеличение образовательного уровня региона обеспечивают обучение существующего населения и иммиграция из других регионов и государств, а снижение – смертность и эмиграция. Рождаемость и старение в краткосрочном периоде влияют не на общий образовательный уровень региона, а на его распределение среди различных когорт населения. Таблица 2 отражает результаты моделирования за весь период и в среднегодовом исчислении.

Образование и смертность близки по абсолютной величине и почти уравновешивают друг друга в долгосрочной перспективе. В этой связи на первый план выходят миграционные процессы. Отрицательно влияющий на образовательный потенциал населения миграционный поток выбывших в 1,7 раза превосходит положительный. Именно превосходством числа образованных людей среди выбывших над прибывшими объясняется отрицательное сальдо суммарного ОУ населения. Особенно драматично миграция скажется на сельских и отдаленных

северных районах республики, которые за период моделирования потеряют около четверти образовательного уровня.

Таблица 2

Влияние демографических событий на образовательный уровень населения

Событие	Общее изменение ОУ, тыс. лет	Среднегодовое изменение ОУ, тыс. лет
Обучение	+2335	+116,8
Иммиграция	+2286	+114,3
Смертность	-2432	-121,6
Эмиграция	-3896	-194,8
Сальдо	-1707	-85,4

Результаты моделирования позволили оценить темпы будущего сокращения накопленного образовательного потенциала региона. Они составляют в среднем почти 1% в год. Такая динамика вызвана в первую очередь чрезмерным миграционным оттоком из наиболее образованных групп населения. В целях сохранения экономического потенциала территорий требуются меры миграционной и социальной политики, направленные на закрепление на Севере высококвалифицированных трудовых ресурсов, в особенности молодежи. Необходимо внедрение в управление сферой образования механизмов планирования, учитывающих потребности организаций в кадрах и региональные демографические тенденции.

Библиографический список

1. Макаров В.Л. Искусственные общества // Искусственные общества. 2006. №1. С. 10-24.
2. Макаров В.Л. Бахтизин А.Р. Социальное моделирование – новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели). – М.: Экономика, 2013. 295 с.
3. Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России – фактор и условие экономического освоения Арктики // Экономика региона. 2014. №4. С. 69-81.
4. Lutz W., KC S. Global Human Capital: Integrating Education and Population // Science. 2011. Vol. 333, №. 6042. P. 587-592.
5. World Population Prospects: The 2012 Revision, Methodology of the United Nations Population Estimates and Projections / New York: United Nations, 2013. 54 p.

© Смирнов А.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Смирнов Андрей Владимирович (г. Сыктывкар, Россия) – аспирант, младший научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного Центра УрО РАН (167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com).

Smirnov A.V.

**FORECASTING EDUCATIONAL LEVEL OF THE REGION'S POPULATION
IN VIEW OF DEMOGRAPHIC TRENDS**

Abstract. *The article describes some methodological aspects of computer simulation of closely interrelated demographic and educational processes in the region. The author predicts*

and analyzes the prospects for change in the educational level of the Komi Republic population to 2030.

Keywords: education, population projections, migration, intellectual potential.

Information about the author

Smirnov Andrey Vladimirovich (Syktyvkar, Russia) – Postgraduate, Junior Researcher of Demography and Social Management Laboratory, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Communisticheskaya St., GSP-2, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russia; e-mail: e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com).

УДК 31:37

Терентьева М.А.

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Аннотация. В данной работе проанализирована эффективность функционирования системы профессионального образования Республики Коми, влияние демографических процессов на развитие профессионального образования. Рассмотрено изменение уровня профессионального образования населения за период 1959–2010 гг. в регионе.

Ключевые слова: профессиональное образование, образовательная структура, демографические процессы.

Республика Коми — северный регион с преимущественно сырьевой экономикой и низким уровнем диверсификации производства (большая часть муниципальных образований является моногородами). По данным переписей населения, в 2002 г. высшее образование в регионе имели 17,2% занятых, а в 2010 г. — уже 24,8% [5, с.144]. Повышение уровня образования занятого населения обусловлено переходом республики еще в 1990-е годы на самообеспечение квалифицированными кадрами, т. е. подготовкой специалистов для местной экономики региональной системой профессионального образования.

Так, в период 1970–1990 гг. в Коми наблюдался рост числа образовательных учреждений начального профессионального образования (с 34 в 1970 г. до 53 в 1990 г.) и численности обучавшихся в них (соответственно с 10,4 тыс. до 18,5 тыс. человек).

В 1990-е годы число учебных заведений начального профессионального образования в Коми резко сократилось (с 53 в 1990 г. до 44 в 2000 г.) при сохранении численности контингента обучающихся практически неизменным (соответственно 18,5 тыс. и 18,2 тыс. человек), т. е. происходило слияние профессиональных образовательных учреждений начального звена.

Число образовательных учреждений среднего профессионального образования за 1970-е и 1980-е годы увеличилось в Республике Коми не столь значительно, как количество профессиональных учебных заведений начального

* Исследование проведено в рамках программы Президиума РАН № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал», проект «Формирование и использование трудового потенциала Республики Коми» (регистрационный номер 12-П-7-1005).

звена (16 в 1970 г., 18 в 1980 г., 19 в 1990 г.), однако их число продолжало расти и в 1990-е годы. При этом на протяжении трех десятилетий происходило устойчивое сокращение контингента обучающихся в средних специальных учебных заведениях: с 18,1 тыс. человек в 1970 г. до 15,3 тыс. человек в 2000 г., что в основном обусловлено демографическими процессами в регионе.

В 2000–2012 гг. количество учреждений начального профессионального образования продолжило уменьшаться (с 44 до 34) и к 2012 г. вернулось на уровень 1970 г. При этом, в отличие от 1990-х годов, произошло практически двукратное сокращение численности обучающихся (табл. 1). Во многом оно явилось следствием значительного снижения рождаемости со второй половины 1980-х годов вплоть до 1999 г., и действие этого фактора еще не исчерпано и будет продолжаться. Однако сокращение численности обучающихся свидетельствует также и о потере в 2000-х годах системой начального профессионального образования своего контингента учащихся.

Таблица 1

Основные показатели развития системы профессионального образования в Республике Коми [6]

Показатель	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.
Число образовательных учреждений начального профессионального образования (на конец года), ед.	34	45	53	44	35	44	34
В них численность обучавшихся (на конец года), тыс. чел.	10,4	18,2	18,5	18,2	17,5	12,3	9,3
Число образовательных учреждений среднего профессионального образования (на 1 октября), ед.	16	18	19	21	36	34	31
В них численность студентов (на 1 октября), тыс. чел.	18,1	17,1	15,9	15,3	16,6	15,1	14,3
Число образовательных учреждений высшего профессионального образования (на 1 октября) – ед.	2	3	5	11	27	20	19
в том числе:							
государственных	2	3	5	7	19	14	13
негосударственных	-	-	-	5	8	6	6
В них численность студентов (на 1 октября) – тыс. чел.	7,9	12,6	10,6	19,8	35,8	33,8	30,3
в том числе:							
в государственных, тыс. чел.	7,9	12,6	10,6	18,1	30,8	30,1	27,6
в негосударственных, тыс. чел.	-	-	-	1,6	5,0	3,7	2,8
Выпущено специалистов из образовательных учреждений высшего профессионального образования, тыс. чел.	0,7	1,7	1,7	2,7	5,2	6,0	5,8
в том числе:							
из государственных, тыс. чел.	0,7	1,7	1,7	2,4	4,6	5,3	4,9
из негосударственных, чел.	-	-	-	207	631	784	838

Очень существенно число средних профессиональных образовательных учреждений выросло в республике в первой половине 2000-х годов — до 36 в 2005 г. То есть за пять лет, согласно статистике, в Коми появилось 15 новых

техникумов, а численность студентов увеличилась при этом совсем незначительно. Можно предположить, что количество средних специальных учебных заведений выросло в этот период за счет формального деления образовательных учреждений. В последние годы в Коми наблюдается сокращение числа средних специальных учебных заведений (с 36 в 2005 г. до 31 в 2012 г.) с соответствующим уменьшением численности студентов — до 14,3 тыс. человек в 2012 г., обусловленное последствиями демографической ситуации, сложившейся в республике в 1990-е годы.

Резко увеличилось количество высших профессиональных учебных заведений за первую половину 2000-х годов — до 27 вузов в 2005 г. Из 16 новых вузов 12 имели статус государственных. Одновременно с ростом числа вузов росла и численность студентов: с 2000 по 2005 г. она увеличилась почти в 2 раза: с 19,8 до 35,8 тыс. человек. В государственных вузах студентов стало в 1,7 раза больше — 30,8 тыс. человек против 18,1 тыс. В негосударственных вузах численность студентов выросла в 3 раза, с 1,6 тыс. до 5,0 тыс. человек. Значительный рост сферы высшего образования был обусловлен изменениями в законодательной базе и финансировании системы образования в стране.

Во второй половине 2000-х годов число высших учебных заведений в Республике Коми снизилось: с 27 вузов в 2005 г. до 19 в 2012 г. Одновременно уменьшилась и численность студентов — с 35,8 тыс. человек в 2005 г. до 30,3 тыс. в 2012 г. Многие филиалы вузов вынуждены были уйти с рынка образовательных услуг республики.

Один из важнейших показателей результатов функционирования и масштабов системы профессионального образования — уровень профессионального образования населения. Сопоставление образовательного состава населения по данным переписей свидетельствует о неуклонном росте уровня образования населения Республики Коми (табл. 2).

Максимальные темпы прироста численности лиц с высшим (80,6%) и средним профессиональным образованием (64,8%) наблюдались в период с 1970 по 1979 г. Минимальные темпы прироста численности специалистов с высшим профессиональным образованием (41,3%, в 2 раза меньше по сравнению с максимальными темпами) были в Коми в период с 1989 по 2002 г. — возможно, они были связаны с масштабным оттоком в этот период специалистов в другие регионы, а также со значительным уменьшением притока выпускников столичных вузов и учебных заведений из других регионов.

Таблица 2

Распределение населения в возрасте 10 лет и старше по уровням образования, согласно данным переписей населения, на 1000 чел. [7, с. 62-63]

Годы	Имели профессиональное образование:			
	послевузовское	высшее	незаконченное высшее	среднее
1959	...	20	9	66
1970	...	31	8	88
1979	...	56	10	145
1989	...	80	11	193
2002	2	113	22	288
2010	5	170	33	327

По среднему профессиональному образованию минимальные темпы прироста характерны для периода с 2002 по 2010 г. (13,5% — ниже максимальных темпов прироста 1970–1979 гг. в 4,8 раза). Они обусловлены, с одной стороны, сокращением в Республике Коми, начиная с середины 2000-х годов, числа средних специальных учебных заведений и, соответственно, численности выпускаемых специалистов, а с другой — переходом в последние годы к непрерывному образованию: окончив техникум или колледж, молодые люди предпочитают поступать в высшие учебные заведения, а не идти работать на производство.

В образовательной структуре населения республики в последний межпереписной период, с 2002 до 2010 г., произошли заметные сдвиги (табл. 3).

Таблица 3

Распределение населения Республики Коми в возрасте 15 лет и старше по уровню профессионального образования в 2002 и 2010 гг., на 1000 чел. [7, с. 62-63]

Уровень образования	Все население		Мужчины		Женщины		Городское		Сельское	
	2002	2010	2002	2010	2002	2010	2002	2010	2002	2010
Послевузовское	2	5	2	5	2	5	2	6	0	2
Высшее	160	181	106	152	134	206	140	209	59	90
Неполное высшее	31	35	22	34	25	36	28	42	10	15
Среднее	272	347	287	326	340	366	340	363	234	298
Начальное	127	83	200	105	127	65	143	73	215	117

Сравнение данных, полученных в переписях 2002 и 2010 гг., показывает, что уровень образования населения республики в целом растет. В 2010 г. на 1000 человек в возрасте 15 лет и старше в Коми приходился 181 человек с высшим образованием – против 160 человек в 2002 г.

Число лиц со средним профессиональным образованием в 2010 г. было 347 на 1000 против 272 человек в 2002 г. За восемь лет число жителей Коми с высшим и средним профессиональным образованием в расчете на 1000 жителей в возрасте 15 лет и старше увеличилось на 96 человек, соответственно уменьшилась доля людей с более низким уровнем профессионального образования. Так, со 127 до 83 человек на 1000 жителей снизился показатель распространенности начального профессионального образования.

Образовательная структура женского населения Коми в 2002–2010 гг. улучшалась значительно активнее, чем мужского. В 2002 г. женщины уже опережали мужчин по показателю распространенности высшего образования: его имели 106 мужчин из каждой тысячи и 134 женщины из тысячи, а к 2010 г. разрыв вырос до 54. Уровень образования у женщин традиционно выше, чем у мужчин, женщины чаще не в полной мере используют полученное образование в трудовой деятельности [4, с. 86-89]. Увеличение гендерного разрыва во многом связано с общим повышением уровня формальной образовательной подготовки занятого населения республики.

Образовательная структура населения существенно различается по возрастным когортам (рис. 1). Во всех представленных на рис. 1 возрастных группах, кроме самой старшей (65–72 года), преобладают лица со средним профессиональным образованием. Однако в группе 20–29-летних достаточно

большой процент лиц с незаконченным высшим образованием, а в целом среди молодежи до 30 лет лиц с послевузовским, высшим и незаконченным высшим образованием больше, чем имеющих среднее специальное образование (34,4% против 33,2%).

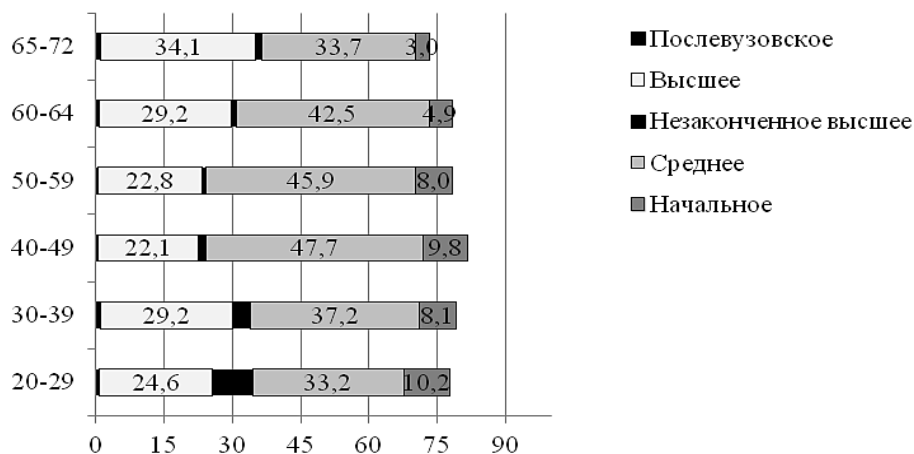

Рисунок 1. Распределение по уровню образования основных возрастных групп населения Республики Коми в 2010 г. (%) [7, с. 64-65]

Среди жителей республики в возрасте от 30 до 39 лет лиц с послевузовским, высшим и незаконченным высшим профессиональным образованием (33,9%) уже меньше, чем со средним профессиональным образованием (37,2%), но их доля все же значительна: почти треть возрастной группы. Среди жителей республики в возрасте от 40 до 60 лет лиц с высшим образованием меньше четверти. В этих возрастных группах наблюдается максимальная концентрация лиц со средним специальным образованием: среди 40–49-летних — 47,7%, среди 50–59-летних — 45,9%. В группе 60–64-летних доля имеющих среднее специальное образование сокращается до 42,5%, и очень существенно, до 33,7%, она уменьшается в группе 65–72-летних. В самой старшей группе экономически активного населения доля лиц с послевузовским, высшим и незаконченным высшим образованием даже более значительная, чем среди молодежи до 30 лет (36,5% против 34,4% в группе 20–29-летних).

Различия в уровне образования по возрастным группам отражают условия жизни разных поколений. Более высокий уровень образования в возрастной группе до 40 лет, и особенно до 30 лет, объясняется нарастанием в 2000-х годах популярности формального получения образования. В этот период многие стремились приобрести диплом о высшем образовании, поскольку на рынке труда сформировался спрос на работников с уровнем образования выше требуемого на конкретном рабочем месте, а среди населения возник запрос на рабочие места, не предусматривающие тяжелого физического труда.

С другой стороны, заметное преобладание среди 40–60-летних лиц со средним специальным образованием отражает образовательные установки родившихся в 1950–1960-е годы: тогда получение высшего образования не считалось обязательным, поскольку в 1970–1980-е годы рабочие места в основном заполнялись специалистами с адекватным уровнем профессиональной подготовки, и среднее специальное образование было очень востребовано. Значительную долю высокообразованных среди самых старших представителей экономически

активного населения можно объяснить повышенными показателями продолжительности жизни лиц с высоким уровнем образования.

Таким образом, ввиду сокращения контингента обучающихся, вызванного демографическим кризисом 90-х годов, системе профессионального образования Республики Коми приходится действовать в условиях достаточно жесткой конкурентной борьбы. Очевидным конкурентным преимуществом Коми является наличие достаточно развитой системы профессионального образования. Несмотря на кризисные явления в сфере высшего образования, ведущие вузы республики сохраняют высокий потенциал. Относительную малочисленность поколений республики, родившихся в 1990-х – первой половине 2000-х годов, необходимо насколько возможно компенсировать за счет повышения их качественных характеристик. В этих целях необходимо повышение качества дошкольного и школьного образования, прежде всего за счет увеличения финансирования для образовательных учреждений.

Библиографический список

1. Диденко Д.В., Ключарев Г.А. Профессиональное образование в России: пути догоняющей и инновационной модернизации // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 183-204.
2. Капелюшников Р.И. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения») / Р.И. Капелюшников, А.Л. Лукьянова. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 18-52.
3. Клячко Т.Л. Образование в России: основные проблемы и возможные решения. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. С. 35-42.
4. Лыткина Т.С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 85-90.
5. Республика Коми. Итоги 2012: стат. бюллетень, Ч. II, Сыктывкар, 2013.
6. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. Режим доступа: http://komi.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/komi/ru/publications/official_publications/
7. Состояние в браке, образование. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 2: стат.сб./Комистат – Сыктывкар, 2012.

© Терентьева М.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Терентьева Марина Алексеевна (Россия, Сыктывкар) – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: iesp@mail.ru)

Terentyeva M.A.

FEATURES OF THE DEMOGRAPHIC IMPACT ON THE PROFESSIONAL EDUCATIONAL DEVELOPMENT

Abstract. *This article analyzes the performance of the professional educational system in the Komi Republic, the impact of demographic processes on the professional educational development. The article examines the change in the level of professional education for 1959-2010s.*

Keywords: professional education, educational structure, demographic processes.

Information about the author

Terentyeva Marina Alekseevna (Syktyvkar, Russia) – Junior Researcher, Federal state budgetary institution of science Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26 Kommunisticheskaya St., GSP-2, Syktyvkar, 167982, Russia; e-mail: iesp@mail.ru).

УДК 314.04: 331.526

Тонких Н.В.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА СФЕРУ ЗАНЯТОСТИ: НЕСТАНДАРТНЫЕ РЕШЕНИЯ*

Аннотация. В статье представлены результаты оценки масштабов распространения нестандартной занятости в Свердловской области. Раскрывается влияние социально-демографических процессов на поведение рабочей силы в секторе нестандартной занятости. Выявлены категории населения по социально-демографическому признаку, предпочитающие нестандартные условия труда.

Ключевые слова: демографические процессы; нестандартная занятость; временная занятость; дистанционная занятость; фриланс.

Состояние сферы занятости отражает в себе последствия действующих трендов, зафиксированных в различных сторонах жизнедеятельности общества. Во-первых, на показатели рынка труда серьезное влияние оказывают демографические процессы, формирующие половозрастную структуру населения. Население в свою очередь является базой для формирования количественных и качественных характеристик рабочей силы. Считается, что способность воспринимать и внедрять инновационные решения в работе зависит чаще всего от половозрастного параметра. Действительно, специалисты-практики и теоретики в вопросах управления занятостью населения отмечают, что социально-экономическая политика государства, регламенты работы службы занятости населения должны учитывать и учитывают социально-демографическую роль и особенности отдельных категорий населения. В качестве особых групп, к которым нужно применять соответствующие технологии при оказании, например, помощи в трудоустройстве, традиционно выделяют такие как: молодежь (15-29 лет); женщины; матери-одиночки; лица предпенсионного возраста. Половозрастной фактор серьезно влияет и на мировоззрение, отношение людей к труду, на мотивационные установки персонала организаций.

Во-вторых, на состоянии занятости отражается также результат значительного структурного изменения в экономике, кризис способствует смене условий взаимодействия субъектов трудовых отношений, появляются новые, «нестандартные трудовые отношения» между работодателем и его сотрудниками. Вышесказанное определило постановку задачи выявления влияния социально-демографических факторов на формирование определенного типа поведения рабочей силы в секторе нестандартных условий труда.

Под нестандартной формой занятости (НФЗ) в рамках исследовательского проекта понимается занятость с отсутствием хотя бы одной из следующих

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 14-12-66003.

составляющих: 1) работа у одного работодателя; 2) рабочее место в помещении и с орудиями труда, принадлежащими работодателю; 3) стандартная рабочая нагрузка в течение дня, недели, месяца, года; 4) бессрочный трудовой договор; 5) формальное, документальное наличие трудового договора.

Другими словами, НФЗ – это занятость, отличающаяся от типовой, наиболее распространенной формы, прописанной в трудовом законодательстве. В Российской Федерации типовой считается нормальная продолжительность рабочей недели (не более 40 часов), а также сокращенная рабочая неделя, установленная по Трудовому Кодексу для работников определенного возраста, условий труда или профессии, например, для подростков. Типовым считается оформление сотрудников в штат с заключением трудового договора; рабочее место, орудия труда и руководство находятся на территории работодателя.

Опубликованные работы по исследованию нестандартной занятости в России, в частности, работы Гимпельсона, Капелюшникова, Синявской опираются как на данные официальной статистики, так и на результаты социологических исследований [1, 2]. Такой подход оправдан и в настоящее время. Изучение региональной статистики, которая формируется территориальными органами Росстата на основе утвержденной федеральной методики обследования населения по проблемам занятости показало, что массив официальных данных позволяет определить не так много: уровни нестандартной занятости по ограниченному количеству видов (табл. 1).

Данные таблицы позволяют оценить динамику изменения отдельных видов НФЗ, однако интегральную оценку масштабов занятости дать затруднительно, в связи с тем, что одна обследуемая единица (респондент) может быть одновременно отнесена к различным видам занятости, таким образом, имеет место двойной счет. Приемлемый результат с точки зрения качества учета можно получить по признаку фактической продолжительности рабочей недели, то есть путем суммирования численности работающих менее 30 часов в неделю («малозанятость») и численности занятых более, чем 40 часов («сверхзанятость»). Уровень такой интегральной оценки НФЗ в стабильные периоды колеблется в диапазоне от 9 до 14 %, что свидетельствует о высоком уровне распространения НФЗ на рынке труда Свердловской области, почти каждый десятый занятый находится в подобных социально-трудовых отношениях, и это только по данным официальной статистики. Отмечаются «всплески» такой занятости в периоды кризисов в экономике, например, официальный уровень НФЗ вырос до 21 % после кризиса 1998 года, в 2009 году тоже был зафиксирован рост НФЗ. Таким образом, можно сделать вывод, что формат занятости меняется в кризисные времена. Наиболее тесная связь с кризисными явлениями в экономике у показателя «уровень малозанятости», то есть занятость менее 30 часов в неделю.

Выводы по итогам анализа статистической информации о масштабах применения нестандартной занятости в Свердловской области подтверждают необходимость дополнительного сбора эмпирической информации об изучаемом явлении. Например, официальная статистика не позволяет выявить объемы применения новых форм нестандартной занятости, таких как: лизинг, аутстаффинг, фриланс и др., не позволяет оценить уровень удовлетворенности и готовности населения работать по нестандартной схеме. Не позволяет выявить социально-

демографические параметры рабочей силы, выбирающих данную форму трудовых отношений.

Таблица 1

Уровни официальной нестандартной занятости в Свердловской области по видам, % от численности занятого населения (сост. автором по данным [3, 4])

Год	По статусу на основной работе		По месту основной работы		По фактической продолжительности рабочей недели		По видам основной работы по найму			Имеют дополнительную работу
	Самостоятельно занятые	Неоплачиваемые семейные работники	В сфере предпринимательской деятельности	По найму у физических лиц	Менее 30 часов	Более 40 часов	На определенный срок	Случайная	По договору на выполнение определенного объема работ или оказание услуг	
1993	0,7	0,1	н.д.	н.д.	6,2	7,7	н.д.	н.д.	0,3	1,9
1994	1,0	0,1	н.д.	н.д.	6,4	5,1	н.д.	н.д.	0,2	1,6
1995	0,6	0,1	н.д.	н.д.	5,6	4,8	н.д.	н.д.	0,1	1,0
1996	1,1	0,1	н.д.	н.д.	5,9	4,5	н.д.	н.д.	0,2	1,7
1997	2,2	0,0	н.д.	н.д.	5,0	8,4	н.д.	н.д.	1,3	1,5
1998	2,0	0,2	н.д.	н.д.	5,1	7,6	н.д.	н.д.	0,8	1,5
1999	4,2	0,1	4,5	3,5	7,0	14,2	3,6	0,6	1,2	4,1
2000	3,8	0,1	3,9	3,4	5,7	10,9	2,3	0,4	1,3	3,9
2001	3,8	0,0	4,9	3,6	5,9	13,0	3,2	2,0	0,6	3,6
2002	3,4	0,1	4,0	5,7	5,0	14,1	3,0	2,5	0,8	2,9
2003	3,0	0,1	3,4	8,3	4,6	13,3	3,8	3,0	1,4	3,4
2004	3,1	0,0	4,0	9,5	5,6	12,3	3,5	3,8	1,1	3,2
2005	4,1	0,0	4,3	9,8	4,7	11,3	4,8	4,4	1,1	3,3
2006	2,3	0,1	3,0	10,3	3,4	13,0	5,1	4,3	1,8	2,6
2007	2,4	0,0	3,7	9,5	3,9	10,8	2,9	3,3	1,7	2,2
2008	2,0	0,1	3,2	10,9	3,8	9,6	4,6	3,3	3,1	2,2
2009	3,0	0,5	4,3	10,3	6,8	8,8	4,5	3,1	0,8	3,1
2010	2,8	0,3	3,3	7,4	4,3	7,7	3,8	3,1	0,8	2,5
2011	3,1	0,4	3,6	10,1	3,7	6,7	2,4	3,6	0,6	2,6
2012	2,8	0,3	н.д.	н.д.	3,0	5,6	2,4	3,1	1,1	1,8
2013	3,5	0,3	н.д.	н.д.	3,5	6,2	2,4	3,0	0,7	2,1

Технология анализа должна предусматривать возможность получения данных о реальной численности и структуре экономически активного населения, формирующих предложение рабочей силы в нестандартном сегменте занятости региона, а не только его регистрируемой (официальной) части. Глубокое

исследование актуальных проблем применения нестандартной занятости невозможно без дополнения официальной статистики информационной базой, сформированной с помощью социологических методов.

По мнению автора, информационная база оценки практики применения НФЗ должна состоять из трех блоков: статистические данные, регистрируемые Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики; результаты массового и экспертного опроса субъектов НФЗ (работодателей и населения); данные контент-анализа предложения услуг рынке НФЗ (рис. 1).

Представленная модель носит комплексный, системный характер, позволяет оценить различные аспекты изучаемого явления. Задача по определению влияния социально-демографических факторов на формирование определенного типа поведения рабочей силы в секторе нестандартных условий труда решается с помощью обработки второго блока массива информации, а именно за счет проведения анкетного опроса экономически активного населения.

В настоящее время отношение к нестандартной занятости противоречиво, представители профсоюзных организаций однозначно против подобных технологий, так как, по их мнению, происходит снижение уровня гарантий занятости, ухудшение условий труда, рост нарушений по технике безопасности и т.п. С другой стороны, есть сторонники применения нестандартных форм, аргументы в пользу применения НФЗ следующие:

– в условиях кризиса применение НФЗ позволяет сдерживать уровень общей безработицы, обеспечить работающих хоть каким-то источником дохода (статистика, представленная в таблице 1, подтверждает данное мнение);

– наличие социально-демографических категорий населения, для которых НФЗ предпочтительнее, чем работа на условиях полной занятости (женщины, имеющие малолетних детей; молодежь; лица, имеющие высокие нетрудовые доходы; пенсионеры; лица, предпочитающие работу без контроля со стороны работодателей и др. категории).

В рамках исследовательского проекта разработан и апробирован инструмент проведения опроса экономически активного населения по проблемам применения нестандартных форм социально-трудовых отношений. В 2014 году проведено пилотажное исследование с целью его отработки. Получена интересная структура ответов на вопрос о предпочтительной форме занятости для безработной молодежи:

- дистанционную занятость выбрали 13 % респондентов;
- малозанятость (неполную занятость, менее 30 часов в неделю) – 33 %;
- временную, самозанятость и фрилансерство по 4 %.

Рисунок 1. Авторская модель исследования масштабов, экономической и социально-демографической структуры нестандартной занятости на рынке труда региона

У 15 % занятого населения работа не оформлена стандартным образом, у более чем 20% опрошенных – нестандартный режим труда, 15% респондентов работает более 8 часов в день.

Стандартная занятость устроит только 25 % от опрошенных граждан. Отметим, что при опросе экономически активного населения были выявлены случаи, когда нестандартную занятость сам человек определяет как стандартную. Высокая трудовая нагрузка, сверхзанятость традиционно занимает первое место среди причин недовольства работой, но одновременно с этим значительная доля респондентов, работающих более 40 часов в неделю, своей работой полностью довольны. Без оформления трудового договора не согласятся работать порядка

60% респондентов, не имеющих основной постоянной работы, при этом 40% – согласны. На наш взгляд, процент готовности к неформальной занятости весьма высок. Нестандартная форма занятости весьма интересна для молодого поколения, готовность к ней у данной категории экономически активного населения довольно высока.

Отметим, что представленные выше результаты пилотажного исследования нерепрезентативны, но уже они позволяют сделать вывод о том, что нестандартная занятость далеко не всегда вред, подтвердили работоспособность инструмента, возможность выявить отношение к НФЗ у различных социально-демографических групп населения. В 2015 году проводится массовый опрос граждан и работодателей по проблемам применения нестандартных форм социально-трудовых отношений, что позволит дать более качественную оценку ситуации в нестандартном сегменте занятости.

По мнению автора, запрет на НФЗ не устранил данные технологии с рынка труда. Раз они эффективны для бизнеса, они будут применяться. Задача заключается в грамотном регулировании данных процессов со стороны государственных институтов, для чего необходима объективная информация, которую возможно получить путем включения в информационную базу данных социологических исследований.

Предложенный методологический подход может быть использован в работе Департамента по труду и занятости населения в сфере оказания качественных информационных услуг субъектам рынка труда, при принятии оперативных управленческих решений в процессе содействия занятости, совершенствования внутренних регламентов работы в сфере трудоустройства отдельных социально-демографических групп населения, особенно слабозащищенных категорий.

Библиографический список

1. Гимпельсон, В. Нестандартная занятость и российский рынок труда [Текст] / В. Гимпельсон, Р. Капелюшников. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.
2. Синявская, О. В. Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика [Текст] / О. В. Синявская. М.: Поматур, 2005. 56 с.
3. Обследование населения по проблемам занятости в Свердловской области в 1993-2010 гг.: статистический сборник [Текст]/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2010. 52 с.
4. Официальная статистика//Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sverdl.gks.ru/>.

© Тонких Н.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Тонких Наталья Владимировна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская 29; e-mail: nvvorob1@mail.ru).

Tonkikh N. V.

INFLUENCE OF SOCIAL AND DEMOGRAPHIC PROCESSES ON THE SPHERE OF EMPLOYMENT: NON-STANDARD DECISIONS

Abstract. *Results of assessment of scales of non-standard employment distribution in Sverdlovsk region are presented in the article. Influence of social and demographic processes on*

behavior of labor force in sector of non-standard employment is revealed. The categories of the population preferring non-standard working conditions by socio-demographic features are identified.

Keywords: demographic processes, non-standard employment, temporary employment, remote employment, freelance.

Information about the author

Tonkikh Natalia Vladimirovna (Russian Federation, Yekaterinburg) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: nvvorob1@mail.ru).

УДК 331.101.264.24

Черешова С.В.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СЕКТОРА ДОМОХОЗЯЙСТВ, ИМЕЮЩИХ ТРЕХ И БОЛЕЕ ДЕТЕЙ

Аннотация. *Положение многодетной семьи в современном российском обществе во многом обусловлено факторами экономического характера и отсутствием престижа родительского труда, а также направленностью мер государственной поддержки на поддержание малоимущих семей. Низкая эффективность мер экономического характера наряду с отсутствием социальной поддержки родительского труда приводит к нежеланию его субъектов увеличивать количественный состав домохозяйств в ущерб качественной составляющей.*

Ключевые слова: домохозяйства; многодетная семья; государственная поддержка; планирование семьи; экономический подход.

Наметившиеся положительные тенденции в сфере воспроизводства человеческих ресурсов и рост рождаемости в Российской Федерации внесли положительную ноту в пессимистичные прогнозы относительно убыли населения и фиксируемых кризисных демографических тенденций.

В 2007 году в Российской Федерации была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, целями которой являлись стабилизация численности населения к 2015 году на уровне 142-143 млн человек и создание условий для ее роста к 2025 году до 145 млн человек [5]. По предварительным данным Министерства труда и социальной защиты РФ, численность населения Российской Федерации уже в 2014 году составила 146,3 млн чел. [6]. Казалось бы, цель достигнута, принимаемые государством меры начали действовать. В то же время о стабилизации численности населения говорить пока рано. Об этом, в частности, свидетельствуют данные о распределении населения России по размеру домохозяйств.

По данным переписи населения, в 2010 г. было зафиксировано 54,6 млн частных домохозяйств, в которых проживали 141,0 млн человек, или 99% всего населения России. Распределение частных домохозяйств (далее – домохозяйств) по их численности и составу представлено в табл. 1. К 2010 г. средний размер домохозяйства (среднее число членов домохозяйства) в России уменьшился и составил 2,6 человека (в 2002 г. – 2,7 человек). Невысокий средний размер домохозяйства в целом по России обусловлен наличием большого числа

домохозяйств, состоящих из одного и двух человек – такие домохозяйства составляют более половины всех частных домохозяйств.

Таблица 1

Число и состав домохозяйств Российской Федерации

Состав домохозяйств	Число домохозяйств, миллионов		2010 г. в % к 2002 г.	В % к итогу	
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.
Всего домохозяйств в том числе домохозяйства, состоящие:	52,7	54,6	103,5	100	100
из 1 человека	11,8	14,0	119,4	22,3	25,7
из 2 человек	14,5	15,6	107,1	27,6	28,5
из 3 человек	12,5	12,3	98,0	23,8	22,5
из 4 человек	9,0	7,9	88,4	17,0	14,5
из 5 человек	3,0	2,9	96,1	5,7	5,4
из 6 и более человек	1,9	1,9	97,4	3,6	3,4
Средний размер домохозяйства, человек	2,7	2,6	X	x	X

В 2010 г. среди домохозяйств, состоящих из двух и более человек, 17,9 млн домохозяйств (44 %) имели детей моложе 18 лет (в 2002 г. домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет, составляли 52 %). В межпереписной период на 15 % увеличилось число домохозяйств, не имеющих детей до 18 лет. В составе домохозяйств как в городе, так и в селе по-прежнему преобладают домохозяйства с 1 ребенком [7].

Между тем, в 2010 году в ежегодном послании федеральному собранию Президентом РФ было отмечено: «По мнению экспертов, главный путь преодоления демографического кризиса – это радикальное увеличение количества семей с тремя и более детьми» [4]. Официального определения многодетной семьи действующее федеральное законодательство не содержит, что обуславливает отсутствие официальной статистики, позволяющей достоверно проанализировать изменения численности многодетных домохозяйств. Указом Президента РФ № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» от 05.05.92 г. зафиксировано, что определение критериев отнесения семей к многодетным является прерогативой органов исполнительной власти субъектов РФ. В Свердловской области законодательно установлено, что к многодетным семьям относятся семьи, имеющие трех и более детей в возрасте до восемнадцати лет [3]. На уровне области установлен целый ряд экономических мер по поддержке многодетных семей, в том числе и ежемесячное пособие на проезд на каждого ребенка в сумме 275 руб., бесплатное питание детей, обучающихся в общеобразовательных учреждениях, первоочередное предоставление детям мест в дошкольных учреждениях. Аналогичные меры государственной поддержки приняты и в иных субъектах Российской Федерации.

Однако предпринимаемые государством меры не защищают домохозяйства от того, что с увеличением количества детей в семье его доходы падают. В табл. 2 приведены данные о располагаемых ресурсах домашних хозяйств в зависимости от наличия и числа детей по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств [8].

Таблица 2

Располагаемые ресурсы домашних хозяйств в зависимости от наличия и числа детей (в среднем на члена домохозяйства, в месяц, рублей)

Домашние хозяйства	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Все обследованные домашние хозяйства	16597,1	18582,3	21211,5
в том числе:			
Домашние хозяйства без детей	19035,9	20914,6	23234,9
Домашние хозяйства, имеющие детей в возрасте до 16 лет	14062,1	16250,9	19190,4
из них домашние хозяйства, имеющие:			
1 ребенка	15182,5	17664,3	20208,0
2 детей	13368,7	15260,5	17176,8
3 и более детей	7880,7	9041,8	14125,8

Таким образом, наиболее защищенными в экономическом плане продолжают оставаться домохозяйства, имеющие одного ребенка. Важный элемент планирования семьи, впервые проанализированный Г. Беккером, – выбор между количеством детей и их качеством (состоянием здоровья, уровнем образования и т.д.). Как было им выявлено, в известной мере качество и количество взаимозаменяемы, причем они связаны сложной, нелинейной зависимостью. Здесь действует своеобразный механизм мультипликатора, когда сокращение спроса на количество детей повышает спрос на их качество, но это вызывает еще большее падение спроса на количество, что, в свою очередь, подталкивает к дополнительному росту спроса на качество, и т.д. Поэтому даже небольшое удорожание содержания детей (например, из-за падения экономической ценности их труда в городских условиях по сравнению с сельскими) может запустить этот мультипликативный процесс и привести к резкому сокращению рождаемости. Отметим, что в основе этого механизма лежит тот простой факт, что повышение качества не может ограничиваться одним ребенком, а в той или иной мере распространяется на всех детей в семье. Нет ничего удивительного, если состоятельная семья имеет один подержанный автомобиль, а другой – новейшей марки, но было бы странно, если бы в ней бок о бок с «дорогостоящими» детьми росли и «дешевые». Кроме того, и экономический рост, повышая нормы отдачи образования и стимулируя тем самым спрос на качество детей, также может все сильнее подрывать спрос на их количество. Именно эти два фактора, по мнению Беккера, и лежали в основе резкого сокращения размеров семьи в индустриально развитых странах [8].

По итогам 2013 года, только 11,3 % семей, имеющих трех и более детей, от общего числа всех домохозяйств соответствующей категории оценили свое финансовое положение как удовлетворительное: «средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным». Распределение домашних хозяйств с различным числом детей в возрасте до 16 лет по оценке своего финансового положения (по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) в процентах от всех домохозяйств соответствующей категории приведено в табл. 3 [10, с. 385].

Учитывая, что для 25,9 % семей с тремя детьми и более затруднительно покупать даже одежду и оплачивать услуги ЖКХ, государством предпринимаются меры, направленные прежде всего на защиту многодетных семей от бедности. В частности, на территории Свердловской области для многодетной семьи со среднедушевым доходом ниже установленного на территории прожиточного

минимума в связи с рождением после 31.12.12 г. третьего и последующего детей предусматривается дополнительная социальная гарантия – ежемесячная выплата до достижения таким ребенком возраста трех лет в размере, равном установленной в Свердловской области величине прожиточного минимума для детей. Эта выплата составила в 1 квартале 2015 года 8093 руб. на ребенка [10], в 4 квартале 2013 года – 7687 руб. В то же время, уровень потребительских расходов по домохозяйствам с различным числом детей в возрасте до 16 лет (по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств 2013 года), приведенный в табл. 4 [10, с. 382], напрямую указывает, что семья с тремя детьми тратит на одного ребенка больше, чем составляет прожиточный минимум.

Таблица 3

Распределение домашних хозяйств с различным числом детей в возрасте до 16 лет по оценке своего финансового положения (% от всех домохозяйств соответствующей категории)

Домашние хозяйства	Домашние хозяйства, оценившие свое финансовое положение следующим образом:					
	не хватает денег даже на еду	затруднительно по-купать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги	не могут позволить покупку товаров длительного пользования	не хватает денег на покупку автомобиля, квартиры	средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным	затруднились ответить
Все обследованные домашние хозяйства	1,2	18,9	45,3	30,7	3,2	0,8
Домашние хозяйства без детей	1,2	20,1	46,1	29,3	2,5	0,7
Домашние хозяйства, имеющие детей до 16 лет	1,2	16,6	43,8	33,0	4,5	0,9
Домашние хозяйства, имеющие:	0,9	15,8	44,4	34,3	3,6	1,1
1 ребенка						
2 детей	1,4	16,3	43,3	33,4	5,1	0,5
3 и более детей	3,6	25,9	40,5	18,0	11,3	0,7

Таблица 4

Уровень потребительских расходов по домохозяйствам

Домашние хозяйства с различным числом детей в возрасте до 16 лет, имеющие:	Потребительские расходы, в среднем на члена домохозяйства, в месяц, рублей	В том числе расходы:			
		на покупку продуктов для домашнего питания и питание вне дома	на покупку непродовольственных товаров	на оплату услуг	на покупку алкогольных напитков
одного ребенка	12831,8	3802,9	5392,6	3426,1	210,1
двух детей	10710,1	3167,1	4560,9	2813,9	168,3
трех детей	9149,2	3020,9	3932,8	2056,7	138,9
четырёх и более	4422,7	1683,6	1768,2	915,1	55,8

Ориентация мер государственной поддержки семей с тремя и более детьми на прожиточный минимум не учитывает интересов родителей, доходы которых выше этого минимума, как стратегической базы для воссоздания качественного человеческого капитала.

В трактовке Беккера дети являются своего рода “благами длительного пользования”: они для родителей источник удовлетворений (в современном обществе по преимуществу неденежных), но их содержание и воспитание требует немалых затрат – как явных, так и неявных (и прежде всего времени родителей). Поэтому спрос на детей отрицательно связан с издержками по их содержанию и положительно – с уровнем дохода родителей. Казалось бы, этому противоречит тенденция к сокращению размеров семьи в ходе экономического роста. Однако при более высоких ставках оплаты возрастает не только доход семьи – дорожает фактически и время родителей. Поскольку же воспитание детей – процесс чрезвычайно времязатратный, “эффект цены” перевешивает “эффект дохода”, так что с повышением заработной платы, предлагаемой на рынке, спрос на эти “блага” (т.е. рождаемость) сокращается [8].

Для повышения престижа родительского труда и возрастания роли семьи как социального фактора увеличения рождаемости, распоряжением Правительства РФ № 1618-р от 25.08.14 г. утверждена «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», в которой указано, что экономические меры не станут эффективными до тех пор, пока в обществе не будет создана атмосфера приоритета семейно-нравственных ценностей, поддержки и всестороннего укрепления престижа семейного образа жизни.

Концепцию предполагается реализовывать в 2 этапа. При этом в ходе первого этапа (2015-2018 гг.) планируется создать условия для уменьшения числа малоимущих семей с несовершеннолетними детьми и повысить доступность дошкольного образования, в том числе для детей в возрасте до 3 лет. На втором этапе реализации Концепции (2019-2025 гг.) будет продолжено осуществление мероприятий по обеспечению семейного благополучия. Целевыми индикаторами эффективности реализации государственной семейной политики будет являться в том числе и увеличение числа работающих родителей, рост доли трудоустроенных граждан с семейными обязанностями в общем числе трудоустроенных граждан, а также достижение положительной динамики демографических показателей.

По нашему мнению, меры экономической поддержки многодетных семей должны быть ориентированы не только на семьи, находящиеся на грани бедности, а в целом на семьи, имеющие трех и более детей, исходя не из размера их дохода, а из количества детей. В качестве дополнительных мер эффективными могут стать меры, направленные прежде всего на повышение качества образования детей из многодетных семей (например, льготы при поступлении в высшие учебные заведения либо бесплатный доступ к нему, освобождение многодетных семей от платы в системе дополнительного образования). Все это в совокупности с повышением престижа многодетной семьи может привести к изменению доли таких семей в общем количестве домохозяйств как ключевого фактора улучшения демографической ситуации в стране.

Библиографический список

1. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена Распоряжением Правительства РФ № 1618-р от 25.08.14 г.

2. Указ Президента РФ № 431 от 05.05.92 г. «Ведомости СНД и ВС РФ», 14.05.1992, N 19, ст. 1044.

3. Закон Свердловской области «О социальной поддержке многодетных семей в Свердловской области» № 100-ОЗ от 20.11.09 г. "Собрание законодательства Свердловской области", 02.02.2010, N 11 (2009), ст. 1624.

4. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному собранию РФ от 30.11.10 г. «Российская газета», N 271, 01.12.2010.

5. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена Указом Президента РФ № 1351 от 09.10.07 г.

6. Основные демографические показатели Российской Федерации, доступ <http://www.rosmintrud.ru/social/demography/62/>, проверено 30.04.15 г.

7. Об итогах переписи населения 2010 года. Сообщение Росстата. Институт демографии национального исследовательского института «Высшая школа экономики». Демоскоп weekly № 491-492 19-31 декабря 2011 г.

8. Капелюшников Р.И. «Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению»/ «США: экономика, политика, идеология», № 11 ноябрь 1993 г.

9. Постановление Правительства Свердловской области № 1133-ПП от 10.12.14г. «Об установлении прожиточного минимума на 1 квартал 2015 года».

10. Государственный доклад «О положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации» 2013 год
www.rosmintrud.ru/docs/.../Doklad_o_polozhenii_detej_za_2013_god.doc.

© Черешова С.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Черешова Светлана Васильевна (г. Екатеринбург, Россия) – аспирант кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина (620014, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 13б; e-mail: s.v.chereshova@yandex.ru).

Chereshova S.V.

SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF SECTOR HOUSEHOLD WITH THREE OR MORE CHILDREN

Abstract. *The position of a large family in contemporary Russian society is largely due to economic factors and the lack of prestige of parental labor, as well as orientation of government support measures for the maintenance of low-income families. The low efficiency of economic measures, along with the lack of social support parental labor leads to reluctance of his subjects increase the number of members of households at the expense of qualitative component.*

Keywords: households, large family, state support, family planning, economic approach.

Information about the author

Chereshova Svetlana Vasivyevna (Yekaterinburg, Russia) – Postgraduate Student, Department of Sociology and Social Technologies of Management, Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (13b, Lenina av., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: s.v.chereshova@yandex.ru).

6. МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЕСТЕСТВЕННОГО И МЕХАНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

УДК 314.8

Акрамова Ш.Х.

МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УЗБЕКИСТАНА*

Аннотация. В статье анализируется медико-демографический потенциал республики Узбекистан в контексте общемировых тенденций и рассматривается как важнейший фактор влияющий на социально-экономическое развитие и повышение благосостояния народа.

Ключевые слова: человеческий капитал, население, рождаемость, смертность, естественный прирост, здоровье населения.

На сегодняшний день уровень развития человеческого капитала и его основных составляющих является не только основным рычагом экономического роста и конкурентоспособности страны, но также фактором развития человека и народа, его благосостояния, которое, является основной задачей и целью каждого государства в новом тысячелетии. В современных условиях человеческий фактор все больше влияет на социально-экономическое развитие любой страны. В развитых странах непрерывно растет вклад человеческого капитала в виде научно-технического прогресса. Возрастание доли человеческого капитала в структуре национального богатства требует новой стратегии государственной политики, которая всесторонне учитывает физические, духовно-нравственные и социальные потребности людей, обеспечивая для каждого человека возможность вести здоровую, творческую, активную жизнь. Это ведет к необходимости формирования принципиально новой стратегии государственной политики, направленной на социальное развитие, на воспроизводство человеческого капитала и рост человеческого потенциала нации.

По сути, человеческий капитал является интегральным ресурсом и представляет собой совокупность запаса врожденных способностей, профессиональных знаний, умений, образования и навыков, интеллектуальных, культурно-нравственных, творческих и профессиональных способностей, здоровья, мотиваций, обеспечивающих повышение производительности труда и рост дохода, которые постоянно накапливаются и совершенствуются в процессе инвестирования в них.

Всем известно, что процесс воспроизводства рабочей силы, а также человеческого капитала, в первую очередь, зависит от демографических факторов, так как человеческий капитал не может существовать без своего носителя, то есть человека.

В течении многих десятилетий экономисты и демографы изучают взаимоотношения между изменением численности населения и экономическим благополучием. В результате этого сформировались три альтернативные позиции: что рост населения способствует, тормозит экономический рост или же является

* При поддержке Ф1-ФА-1-16435 “Научно-методологические основы развития инновационной экономики”.

совсем независимым явлением [1]. Сторонники каждого утверждения имеют свои доказательства. Но в конце прошлого века исследования акцентировались на возрастной структуре населения как факторе, влияющем на экономический рост, так как экономическое поведение людей меняется на всех этапах жизни. Высокая доля детей или пожилых людей требует больших ресурсов для ухода за ними, и тем самым подавляет экономический рост. Безусловно, снижение показателей рождаемости имеет свое влияние на структуру населения страны. В то время, когда Европа страдает от проблем, возникающих в результате снижения рождаемости и старения населения, в большинстве развивающихся стран мира на сегодняшний день, сформировалась благополучная демографическая ситуация, которая определяется снижением коэффициента зависимости (то есть уменьшением численности населения младше и старше трудоспособного возраста, приходящегося на одного работающего), что создает окно возможностей или демографический дивиденд для экономического развития. Для того чтобы своевременно воспользоваться существующей возможностью, необходимо инвестировать больше ресурсов в здоровье, образование и производительность как на макро-, так и на микроуровне.

Узбекистан является одной из тех стран, в которых сформировалась оптимальная демографическая ситуация. Статистические данные показывают, что за годы независимости (1991-2015) численность населения Узбекистана выросла на 9,8 млн чел. и на начало 2015 года составила 30,4 млн чел. [4]. По численности населения республика занимает 3-е место среди стран СНГ (после России и Украины), 43-е место в мире и 18-е место в Азии. Основным источником роста численности населения на сегодняшний день является естественный прирост, который характеризуется снижением рождаемости и смертности. В последние годы среднегодовой прирост численности населения составляет 1,5%, в 1981-1990 годах этот показатель составлял 2,5%. Следует отметить, что самые высокие темпы роста численности населения наблюдались в 1959-1970 годах и составляли 3,8% [3, с.9].

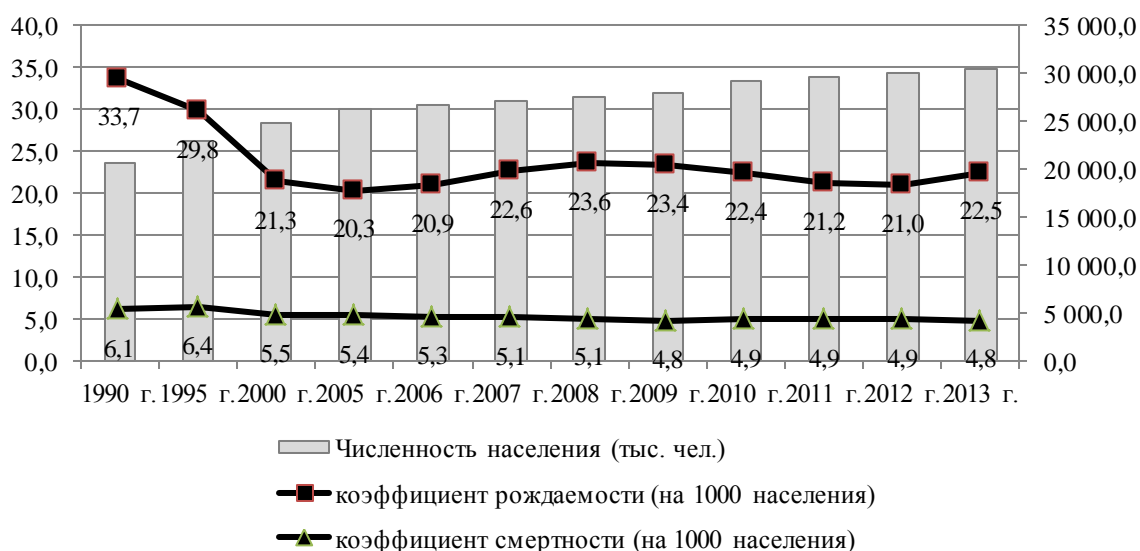

Рисунок 1. Динамика численности населения, рождаемости и смертности в Республике Узбекистан в 1990-2013 гг. [4]

Снижение смертности в первую очередь объясняется возрастной структурой населения, преобладанием молодежи в общей его численности. Средний возраст

составляет 28,1 лет. Также нельзя не отметить эффект осуществляемых реформ в сфере здравоохранения, что существенно повлияло на здоровье и самочувствие населения. Согласно данным национальной статистики, ожидаемая продолжительность жизни выросла с 67,2 лет в 1990 году до 73,4 лет в 2013 году, у мужчин этот показатель соответственно равнялся 65,8 и 71,1 лет, у женщин – 70,1 и 75,8 лет. В результате национальной программы «Здоровая мать – здоровый ребенок» удалось добиться значительного снижения материнской и младенческой смертности. Если в 1991 году коэффициент младенческой смертности составлял 35,5 промилле, то в 2013 году – 9,8 промилле, за этот же период коэффициент материнской смертности снизился с 33,3 до 19,8 промилле. В Узбекистане репродуктивное и материнское здоровье определены Правительством приоритетными направлениями, и в июле 2009 года начата реализация «Национальной программы по совершенствованию системы охраны репродуктивного и материнского здоровья» для решения проблем укрепления системы здравоохранения и расширения доступа населения к услугам и информации.

В Узбекистане принята Государственная программа по дальнейшему укреплению репродуктивного здоровья населения, здоровья женщин, детей и подростков на 2014-2018 годы, общий бюджет которой составляет 206,4 млн долларов США [2]. В рамках программы осуществляется комплекс мер по расширению доступа к медицинским услугам женщин, детей и подростков путем осуществления:

- ежемесячных адресных «недель оздоровления женщин фертильного возраста, детей и подростков» на местах;

- ежегодного углубленного медицинского осмотра 145 тыс. человек в сельских районах, в том числе одиноких престарелых, инвалидов и пенсионеров, женщин и детей под лозунгом «никто не должен остаться без внимания» с участием ведущих специалистов республиканских специализированных научно-практических медицинских центров и учреждений;

- ежегодных углубленных медицинских осмотров более 200 тыс. человек в отдаленных и труднодоступных районах медико-социальными патронажными бригадами, с оказанием им адресной гуманитарной помощи;

- организации ежегодно 2 поездов «Саломатлик» («Здоровье») с охватом более 1,6 тыс. жителей экологически неблагоприятных и отдаленных районов республики в целях оказания им адресной медицинской и социальной помощи.

Для улучшения питания и здоровья населения, особенно матерей и детей каждый год около 400 тыс. беременных женщин, проживающих в сельских районах, обеспечиваются комплексами поливитаминов и т.д.

Как уже отмечалось, в Узбекистане наблюдается снижение рождаемости за годы независимости. Если на первом этапе снижение рождаемости в первую очередь обусловлено социально-экономическими факторами, которые связаны с переходным периодом, то на сегодняшний день имеют место такие факторы, как:

- увеличение продолжительности обучения, внедрение уникальной всеобщей обязательной модели образования «9+3», что в свою очередь отодвигает средний возраст вступления в брак;

- сформировавшиеся в обществе репродуктивные установки на среднедетную семью;

– увеличение расходов на воспитание детей, а также формирование их человеческого капитала;

– распространение пропаганды здорового образа жизни, а также повышение знаний о контрацептивных средствах;

– расширение возможностей для девушек активно участвовать на рынке труда и т.д.

Эмпирические исследования в ряде стран показывают тесную взаимосвязь между половозрастной структурой населения и экономическим ростом. Чем больше населения в трудоспособном возрасте, тем выше и их вклад в экономику. Демографы определяют этот процесс как демографическое «окно возможностей», или демографический дивиденд. Во второй половине прошлого столетия некоторые страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки пережили этот этап демографического развития. Азиатские страны (Сингапур, Корея) являются эталонами в использовании этой возможности.

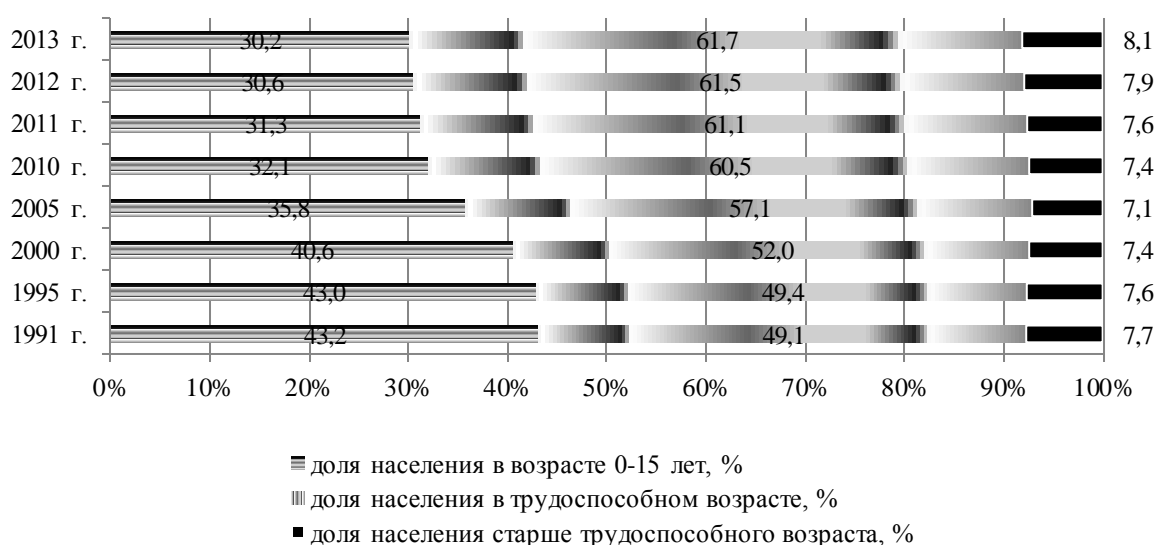

Рисунок 2. Возрастная структура населения Республики Узбекистан [4]

За анализируемый период в структуре населения наблюдается значительное снижение доли детей, против небольшого увеличения доли старшего поколения. Доля населения старше трудоспособного возраста составила 8,4% в 2013 году. Это, в свою очередь, ставит вызовы перед пенсионной системой и сферой социальной защиты, здравоохранения в недалеком будущем.

Подводя итог, можно отметить, что Узбекистан имеет большой потенциал с точки зрения демографического фактора, и только своевременно разработанная правильная политика в сфере занятости, образования и здравоохранения даст возможность воспользоваться этим потенциалом.

© Акрамова Ш.Г., 2015. Текст.

Библиографический список

1. Bloom D, Canning D, Sevilla J. Economic Growth and the Demographic Transition. NBER Working Paper No. 8685. December 2001.

2. Постановление Президента Республики Узбекистан от 1.08.2014г. №2221 «О государственной программе по дальнейшему укреплению репродуктивного здоровья населения».

ния, охране здоровья матерей, детей и подростка в Узбекистане на период 2014-2018 годы». www.lex.uz

3. Убайдуллаева Р.А. Демографическая ситуация в Республике Узбекистан и тенденции ее изменения. Население Узбекистана: 15 лет независимого развития. –Ташкент., 2007.

4. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике [Официальный сайт]. URL: www.stat.uz.

Информация об авторе

Акратова Шахноза Ганишеровна (Ташкент, Узбекистан) – старший научный сотрудник, Научно исследовательский центр «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при Ташкентском государственном экономическом университете (100003, г.Ташкент, ул.Узбекистан, 49; e-mail: shahnoza-tiu@rambler.ru).

Akramova Sh. G.

MEDICO-DEMOGRAPHIC POTENTIAL AS A FACTOR OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF UZBEKISTAN

Abstract. *In the article medico-demographic potential of the Republic of Uzbekistan in the context of worldwide tendencies is analyzed. It is considered as the major factor influencing on social and economic development and increasing the people's welfare.*

Keywords: human capital, population, birth rate, mortality, natural increase, health of the population.

Information about the author

Akramova Shakhnoza Ganisherovna (Tashkent, Uzbekistan) – Senior Researcher, Research Center “Scientific bases and problems of the development of the economy of Uzbekistan” under Tashkent state university of economics (49, Uzbekistan, Tashkent, 100003, Uzbekistan; e-mail: shahnoza-tiu@mail.ru).

УДК 314.74

Акьюлов Р.И.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ ИММИГРАЦИИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Целью данной статьи является анализ социально-демографической ситуации в Свердловской области и разработка комплекса государственных мер по повышению эффективности регулирования внешней трудовой иммиграции в российских регионах. В статье выявлены основные современные вызовы, связанные с иностранной трудовой миграцией в российских регионах, влияющие на социальную стабильность, их экономическое развитие. Обоснована необходимость и разработаны основные направления государственного регулирования процессов интеграции мигрантов в местные сообщества для обеспечения устойчивого развития российских регионов.*

Ключевые слова: внешняя трудовая иммиграция, толерантность, межкультурная интеграция.

В последнее десятилетие в социально-экономическом развитии российских регионов все большее значение приобретают процессы внешней трудовой миграции. В результате снижения рождаемости, высокого уровня смертности населения, депопуляции в период 1991-2011 гг. на региональных рынках труда, а

также в крупных городах в России сложилась ситуация дефицита трудовых ресурсов, которая будет усугубляться в ближайшие годы. Одним из важнейших направлений решения проблемы старения населения и уменьшения численности трудоспособного населения в российских городах является привлечение иностранной рабочей силы на российский рынок труда. В связи с этим возникают проблемы, связанные с притоком иностранных мигрантов, поскольку в общественном сознании укрепляется стереотип, что мигранты занимают рабочие места, на которых могли бы работать представители коренного населения.

Таблица 1

Численность населения Свердловской области по возрастным группам на 1.01.2004-2014 гг. [5, с.46]

Годы	Численность населения, чел.	в том числе в возрасте:			Доля возрастных групп в общей численности населения, %		
		моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
2004	4434165	736706	2790150	907309	16,6	62,9	20,5
2005	4394041	710557	2778215	905269	16,2	63,2	20,6
2006	4356425	689723	2761184	905518	15,8	63,4	20,8
2007	4330579	674212	2739228	917139	15,6	63,2	21,2
2008	4320114	669979	2718350	931785	15,5	62,9	21,6
2009	4314337	674973	2694831	944533	15,6	62,5	21,9
2010	4308472	685461	2655965	967046	15,9	61,7	22,4
2011	4297227	690604	2618929	987694	16,1	60,9	23,0
2012	4307594	708669	2592927	1005998	16,4	60,2	23,4
2013	4315830	731462	2559004	1025364	16,9	59,3	23,8
2014	4320677	756547	2518829	1045301	17,5	58,3	24,2

Вместе с тем нельзя не отметить серьезный экономический эффект от использования труда иностранных работников. Статистические данные показывают, что, в частности, в Свердловской области с 2006 по 2014 годы наблюдается снижение доли населения в трудоспособном возрасте и увеличение доли населения старше трудоспособного возраста. Несколько обнадеживает то, что, начиная с 2009 года, стала возрастать доля населения моложе трудоспособного возраста, что позволяет надеяться на снижение дефицита трудоспособного населения в среднесрочной перспективе (табл. 1).

В связи с проблемой демографического старения все более актуальными становятся проблемы интеграции иностранных мигрантов в сообщества регионов и крупных российских городов, их влияние на развитие местных и региональных рынков труда. При этом причинами актуализации данных проблем выступают:

- 1) проблемы развития высокотехнологичных производств и сохранение высокой потребности в неквалифицированном труде в экономике;
- 2) различие уровней экономического развития отправляющих и принимающей страны (вакантные рабочие места, уровень оплаты труда, либеральная миграционная политика);
- 3) нарастающий дефицит населения в трудоспособных возрастах;
- 4) рост теневого сектора экономики (высокий уровень нелегальной миграции, трудоустройство мигрантов вне правового поля, уход от

налогообложения доходов предпринимателей и мигрантов, развитие этнических преступных групп);

5) активизация миграционного притока иностранной рабочей силы;

6) рост рождаемости среди иностранных мигрантов и в этнически смешанных семьях в российских городах;

7) формирование зон компактного изолированного проживания иностранных мигрантов;

8) недостаточный уровень образования, социализации новых поколений мигрантов, родившихся в российских городах, не предполагающих возвращаться на историческую родину.

Социально-экономическая ситуация в российских городах в сложившихся условиях нарастающего дефицита трудовых ресурсов, технологического отставания, особенно в развитии наукоемких отраслей, будет требовать все большего числа трудовых мигрантов для выполнения низкоквалифицированного труда и несложных технологических операций в ряде отраслей (строительство, транспорт, жилищно-коммунальная сфера, торговля). Это, в свою очередь, будет связано с усугублением проблем интеграции зарубежных трудовых мигрантов и их адаптации к сообществам российских регионов.

Проблема эффективного регулирования внешней миграции, адаптации, интеграции мигрантов носит не только экономический, но и социальный, политический характер. Проблема адаптации, интеграции мигрантов в крупных российских городах, регионах становится с каждым годом все острее и требует комплексного решения с активным участием государства. Общеизвестным подходом к государственному управлению со времен Юлия Цезаря является принцип «разделяй и властвуй», реализация которого предполагает противопоставление одних подданных государства другим, насаждение вражды и недоверия между разными социальными слоями, представителями разных национальностей, народностей. В управлении же современным демократическим государством для обеспечения высокого уровня национальной безопасности, эффективности должен преобладать принцип общественного согласия, общественного договора, реализация которого возможна при провозглашении толерантных взаимоотношений между всеми общественными группами, включая мигрантов.

Рассмотрим ряд основных факторов, влияющих на интеграцию иностранных мигрантов в сообщества российских регионов.

1. Политические: уровень развития демократии, эффективность правовых институтов, обеспечения правопорядка.

2. Экономические: конъюнктура на рынке труда, наличие у мигрантов дефицитных профессий, социально-территориальная мобильность рабочей силы.

3. Демографические: конъюнктура на брачных рынках, брачные установки мигрантов на создание смешанных браков, уровень рождаемости в смешанных с мигрантами браках.

4. Социально-психологические: отношение мигрантов к местному населению и оценка ими отношения россиян, уровень образования мигрантов и их стремление к получению образования в российских образовательных учреждениях.

5. Социально-культурные: уровень культуры, толерантности в обществе, способность межкультурной интеграции, языковой барьер, установки на изучение

русского языка и культуры, установки мигрантов на принятие российского гражданства.

В настоящее время отношение коренного населения российских регионов и городов к трудовым мигрантам в большей степени настороженное и враждебное, нежели терпимое и дружелюбное. В ряде российских городов специалистами проводятся социологические опросы как среди мигрантов, так и среди местного населения, призванные исследовать социальные, экономические, политические аспекты данной проблемы.

Для изучения социальных, трудовых, демографических установок трудовых мигрантов в августе-сентябре 2014 года был проведен выборочный социологический опрос 410 иностранных специалистов, которые проживают и трудятся в Свердловской области. Выборка случайная, бесповторная. Среди опрошенных было 79% мужчин и 21% женщин. Преобладали респонденты 19-23-летнего возраста, составившие почти треть опрошенных – 32%. В основном опрошенные представляли страны Средней Азии: 35% – граждане Таджикистана, 23% – Узбекистана и 15% – граждане Кыргызстана, что в целом отражает основное соотношение проживающих на территории Свердловской области трудовых мигрантов из-за рубежа. Большинство трудовых мигрантов оценили отношение российского населения к ним как «доброжелательное» – 70%, как «враждебное, настороженное» – 22% и «терпимое» – 7% опрошенных. Если учитывать, что мигранты старались отвечать достаточно политкорректно, то такие цифры красноречиво свидетельствуют о существующих проблемах в отношениях с местным населением.

Интересным выглядит мнение трудовых мигрантов относительно соблюдения закона соотечественниками, российским населением, представителями российской власти. Часто с незаконными действиями мигрантов, граждан и представителей власти сталкивалась четверть респондентов (25,4%), иногда сталкивались – 39% опрошенных мигрантов, четверть респондентов сталкивались редко и только десятая часть никогда с этим не сталкивалась [1, с.28].

Рассмотрим основные последствия многолетнего использования иностранной рабочей силы в российских регионах. Среди них можно выделить как позитивные, так и негативные, которые обусловлены проблемами интеграции иммигрантов и иностранных трудовых мигрантов, приезжающих на определенное время.

Позитивные последствия внешней трудовой миграции в российских регионах:

- 1) демографический рост;
- 2) увеличение рынка труда;
- 3) рост доходов региональных и местных бюджетов;
- 4) повышение толерантности местных сообществ;
- 5) развитие межгосударственных общественных связей принимающих и отправляющих стран.

По данным, предоставленным руководителем ФМС России К.Ромодановским, с начала 2015 года патенты, выданные иностранцам для работы, «принесли в бюджет более 1 миллиарда 650 миллионов рублей. Для сравнения, в прошлом году в федеральный бюджет и бюджеты субъектов РФ в виде платы за

патенты поступило 18 млрд рублей. Новая система выдачи патентов, по нашим расчетам, может приносить от 80 до 100 миллиардов рублей ежегодно» [2].

Наряду с позитивными существует и ряд негативных последствий пребывания иностранных трудовых мигрантов в российских регионах:

- 1) рост экономического и социального неравенства в принимающей стране;
- 2) активизация националистических настроений в местных сообществах;
- 3) рост теневой экономики
- 4) недостаточные налоговые поступления и отток капитала в отправляющие страны;
- 5) рост недоверия у представителей местного населения к представителям другой нации, религии;
- 6) ухудшение отношение к этнически смешанным бракам.

Вместе с тем, следует отметить, что в последние месяцы снизился отток капитала в виде валютных переводов трудовых мигрантов в страны, из которых они приехали.

В IV квартале прошлого года сумма денежных переводов из России в страны СНГ снизилась на 35,1% по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. до 3,7 млрд долл. По мнению В.Леденевой, «повлиял не только кризис, но и административные барьеры. Определенная в законодательстве процедура трудоустройства иностранцев с 2015 г. была упрощена – разрешения на работу должны оформлять только визовые иностранцы, а гражданам стран СНГ достаточно приобрести патент. Но получить его мигранту нелегко. На оформление патента иностранцу отводится лишь два месяца со дня пересечения границы, за это время нужно сдать экзамен по русскому языку и истории России, а также получить полис ДМС, все это обходится в 20 000 руб.[3].

Таким образом, в последние годы в российских регионах и городах число трудовых мигрантов снижается в силу ряда причин, начиная с ослабления курса российской валюты, усиления административных барьеров, националистических настроений среди российского населения.

Итак, проблема массового использования труда гастарбайтеров в российских городах носит не только экономический, но и социально-культурный характер, с чем развитые страны, города Западной Европы столкнулись гораздо раньше. Решение проблем интеграции трудовых иностранных мигрантов тесно взаимосвязано с уменьшением антагонизма между различными социальными слоями российского населения, снижением противоречия между «трудом и капиталом», государством, предпринимателями и населением. Обеспечение равенства всех перед законом, соблюдение всеми норм демократического общества, рыночной экономики, рост массового сознания являются залогом успешного решения всех возникающих проблем в глобализирующемся мире. При соблюдении данного ключевого условия возможна реализация комплекса мер по интеграции иностранных трудовых мигрантов и укреплению социальной стабильности в российских городах и регионах.

Комплекс мер государственного регулирования трудовой иммиграции в российских регионах.

I. Экономические:

- 1) политика эффективной занятости;
- 2) дифференцированная политика регулирования доходов, оплаты труда;

3) политика эффективного размещения трудовых ресурсов.

II. Социально-демографические:

1) политика стимулирования рождаемости;

2) семейная политика;

3) повышение качества и доступности здравоохранения, образования;

4) репатриация бывших соотечественников.

III. Культурно-просветительские:

1) организация мероприятий, способствующих межкультурной интеграции;

2) обеспечение доступности обучения русскому языку, истории для мигрантов.

IV. Организационно-правовые:

1) обеспечение безопасности социальной среды, равенства всех перед законом;

2) пропаганда толерантности между мигрантами и местным населением;

3) создание условий для ассимиляции законопослушных, квалифицированных мигрантов (предоставление гражданства, социальное страхование, обеспечение гарантии прав граждан).

Таким образом, внешняя трудовая иммиграция является важнейшим фактором развития российских регионов, поскольку в основном занимают вакантные рабочие места. При легальном трудоустройстве местные и региональные бюджеты пополняются за счет налоговых отчислений и выдачи иностранцам патентов на работу. Результаты социологического исследования показали, что существуют проблемы и противоречия между иностранными мигрантами и населением Свердловской области, проявляющиеся в достаточно выраженной степени недоверия между указанными группами. Вместе с тем отмечается высокий уровень заинтересованности мигрантов в получении российского гражданства, открытии собственного бизнеса и продолжении своего образования в российских регионах. Существенный социально-экономический эффект от использования иностранной рабочей силы в российских регионах, перспективы ассимиляции с российским населением наиболее передовой, культурной, законопослушной и производительной части иностранных мигрантов требуют от государства успешного решения проблемы интеграции иностранных трудовых мигрантов в сообщества российских регионов путем проведения последовательной политики по повышению толерантности, уровня социальной стабильности; обеспечения равных прав и возможностей всех социальных слоев, снижению социального и экономического неравенства, а также повышению эффективности государственного регулирования рынка труда, миграционных потоков.

Библиографический список

1. Акьюлов Р.И., Акьюлова Е.И. Проблемы внешней трудовой миграции в российских регионах /Миграционные мосты в Евразии// Материалы V международной конференции «Трудовая миграция в Российской Федерации: предотвращение трудовой эксплуатации, стимулирование социально-экономического развития, совершенствование регулирования», М.:Экон-информ, 2013. 566 с.

2. Ващенко В. «Константин Ромодановский: компактного проживания мигрантов в России нет и не будет» //Газета «ТАСС» от 18.03.2015.

3. Родионов К. Патенты не оформляют.// Газета «Ведомости» от 19.03.2015.

4. Исраилова Д. Трудовая миграция и денежные переводы// Вопросы экономических наук, 2010, №3. С.27-28.

5. Воронова К.П. Современные тенденции трудовой миграции в России// Социальная политика и социология, 2010, №1. С.139-148.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. М., 2014.

© Акьюлов Р.И., 2015. Текст.

Информация об авторе

Акьюлов Роберт Ишкалеевич (г. Екатеринбург, Россия) – доктор экономических наук, профессор, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: akyulov_ri@mail.ru).

Akyulov R.I.

ECONOMIC AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF FOREIGN LABOUR IMMIGRATION IN THE SVERDLOVSK REGION

Abstract. *This article is purposed to analysis of socio-demographic situation in the Sverdlovsk region and the development of a set of government measures to improve regulation of external labor migration in Russian regions. The article identified the basic contemporary challenges associated with foreign labour migration in Russian regions affecting social stability, economic development. The necessity is grounded and the basic directions of state regulation of the processes of migrants' integration into local communities to ensure sustainable development of Russian regions are developed.*

Keywords: external labour immigration, tolerance, intercultural integration.

Информация об авторе

Akyulov Robert Ishkaleyevich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Economic Sciences, Professor, the Ural Institute – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 March St., Yekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: akyulov_ri@mail.ru).

УДК 331.556

Андреева Е.Л., Кузьмин А.И., Ратнер А.В.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ КАК РЕГУЛЯТОР МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ В УРФО*

Аннотация. *Показано, что имеет место стабильное, а иногда даже высокое, отношение числа выбывших иностранных граждан к числу прибывших, что может свидетельствовать о международной возвратной миграции. Регулирование её осуществляется в том числе через соглашения уральских регионов с регионами стран исхода мигрантов об экономическом сотрудничестве.*

Ключевые слова: статистика международной миграции, основные страны-доноры, приток и отток мигрантов, международные межрегиональные соглашения, регулирование трудовой миграции.

* Публикация выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-33-01028 а1 «Социокультурные факторы и мотивы маятниковой миграции в приграничных районах России».

Международная миграция играет большую роль в экономических отношениях приграничных российских регионов с азиатскими странами, граничащими с Россией или близко расположенными к ней. Представляется актуальным рассмотреть, в какой степени данная миграция может являться возвратной и какие меры по её регулированию российскими регионами предпринимаются.

В качестве гипотезы можно выдвинуть следующие предположения:

Упомянутая миграция частично является возвратной. Информационным ресурсом по исследованию этого предположения могут служить данные Росстата.

Регулирование данной миграции осуществляется в том числе через межрегиональные соглашения об экономическом сотрудничестве. Информационным ресурсом для анализа служит база данных соглашений.

Итак, относительно наличия возвратной миграции можно отметить, что из регионов УрФО к сухопутной границе России примыкают три – Челябинская, Курганская и Тюменская области. Представляется актуальным рассмотреть их, а также Свердловскую область, которую от границы отделяет один регион, на предмет наличия возвратных миграционных связей. Как показывает статистика (табл. 1), у Челябинской, Курганской и Тюменской областей отношение числа выбывших к числу прибывших из любой из рядом расположенных стран (приграничный Казахстан, а также близлежащие Киргизия и Таджикистан) не превышает $\frac{1}{2}$. Если рассматривать в качестве страны исхода Казахстан, с которым непосредственно граничат три уральских субъекта, то данное отношение у всех трёх субъектов в 2011-2013 гг. примерно одинаковое: 19-26% у Челябинской области, 25-27% – у Курганской, 11-30% – у Тюменской. У Свердловской области для Казахстана это отношение даже выше: от 20 до 45% в 2011-2013 гг. Для других стран из списка рассмотренных это отношение у Свердловской области доходит даже до 105% для Киргизии (2013 г.) и 73% для Таджикистана (2013 г.).

Стабильное и даже высокое отношение числа выбывших иностранных граждан к числу прибывших для определённых стран исхода может свидетельствовать о наличии возвратной миграции: граждане приезжают с целью трудоустройства или с бизнес-целью, а затем, по окончании трудового сезона или бизнес-цикла, уезжают обратно.

У Свердловской области отношение числа выбывших к числу прибывших за последние годы не опускается в случае Казахстана как ближайшей зарубежной страны ниже 12% (табл. 2), то есть определённый стабильный минимум возврата мигрантов в данном случае сохраняется. В 2002-2010 гг. Казахстан являлся первой страной исхода мигрантов для региона, в 2011-2013 гг. – третьей после Киргизии и Таджикистана. Узбекистан также входит в число ведущих стран исхода мигрантов в регион (3–4-е места). При этом в случае Киргизии в 2011 г. процент возврата мигрантов был очень низким, зато в 2012-2013 гг. – очень высоким. В случае Таджикистана изменение уровня возврата в эти годы происходило схожим образом; только достигнутый уровень был менее высоким, но всё же значительным. По Узбекистану уровень возврата был ниже 10%; однако, в 2012-2013 гг. он возрос, превысив 30%.

Данная статистика говорит о том, что миграция в уральских регионах с близлежащими зарубежными странами в определённой части может являться возвратной.

Таблица 1

Международная миграция в выбранных регионах УрФО по близлежащим зарубежным странам, 2011-2013 гг. (сост. и расч. по: [6, с. 21-22; 7, с. 19-20; 8, с. 19-20])

Страна	Регион (область)							
	Свердловская		Челябинская		Курганская		Тюменская	
	Прибы- вшие, чел.	Выбыв- шие / При- быв- шие, %	Прибы- вшие, чел.	Выбыв- шие / При- быв- шие, %	Прибы- вшие, чел.	Выбыв- шие / При- быв- шие, %	Прибы- вшие, чел.	Выбыв- шие / При- быв- шие, %
2011 г.								
Казахстан	877	20	1568	26	486	26	1924	11
Таджики- стан	1535	3	1760	2	234	1	3539	2
Киргизия	2681	3	1107	5	132	3	3157	1
Узбекистан	494	6	666	10	179	1	3030	2
2012 г.								
Казахстан	662	37	1999	20	525	25	2429	17
Таджики- стан	1217	54	1396	17	340	4	4693	39
Киргизия	1928	73	706	47	85	6	3125	38
Узбекистан	337	31	638	17	170	19	4234	49
2013 г.								
Казахстан	675	45	2334	19	510	27	2463	30
Таджики- стан	967	73	849	42	293	21	4631	44
Киргизия	1031	105	514	40	96	2	2837	50
Узбекистан	408	33	540	20	192	20	5123	57

Таблица 2

Отношение числа выбывших иностранных граждан к числу прибывших для Свердловской области по близлежащим зарубежным странам, %, 2002-2013 гг. (сост. и расч. по: [9])

Страна	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Междуна- родная миграция (со всеми стра- нами), всего	91	94	104	39	30	20	16	15	25	12	54	79
Казахстан	33	41	33	14	19	18	12	15	20	20	37	45
Таджикистан	16	22	29	10	6	4	5	5	5	3	54	73
Киргизия	20	36	10	3	4	1	2	5	3	3	73	105
Узбекистан	9	7	9	1	3	2	1	1	6	6	31	33

Регулирование международной возвратной миграции представляется возможным отследить по имеющимся у приграничных уральских регионов соглашениям о сотрудничестве с регионами близлежащих зарубежных стран, рассмотренных выше. Так, у Челябинской области заключено и действует три соглашения о сотрудничестве с регионами Казахстана и два – с регионами Таджикистана [2].

В данных соглашениях внимание уделяется в том числе и мероприятиям, потенциально влияющим на возвратную миграцию, если рассматривать мигранта

как «человека экономического» [1, с. 96], т.е. человека, нацеленного на получение дохода (табл. 3).

Таблица 3

Мероприятия, потенциально влияющие на возвратную миграцию, в действующих соглашениях Челябинской области о сотрудничестве с регионами Казахстана и Таджикистана

<i>Мероприятия, предусмотренные только в ранних соглашениях</i>
<ul style="list-style-type: none"> – содействие обеспечению правовой защиты имущества совместных предприятий, юридических и физических лиц сторон (с Алматинской областью Казахстана (1998 г.) и Ленинадской областью Таджикистана (2000 г.)); – содействие созданию условий для формирования межрегионального рынка (с Ленинадской областью Таджикистана).
<i>Мероприятия, предусмотренные как в ранних, так и в поздних соглашениях</i>
<ul style="list-style-type: none"> – обеспечение благоприятных условий для взаимных инвестиций и создания совместных предприятий (с Астаной и Алматинской и Костанайской областями Казахстана и Ленинадской и Хатлонской областями Таджикистана).
<i>Мероприятия, встречающиеся только в поздних соглашениях</i>
<ul style="list-style-type: none"> – обмен делегаций учёных и специалистов (соглашения с Астаной (2012 г.) и Костанайской областью (2012 г.) Казахстана и Хатлонской областью Таджикистана (2010 г.)); – повышение квалификации производственных кадров, учёных, специалистов и организация стажировок (с Астаной и Костанайской областью Казахстана и Хатлонской областью Таджикистана); – развитие образовательной сферы (с Костанайской областью Казахстана); – научно-техническая и производственная кооперация (с Астаной); – разработка совместных программ и проектов (с Астаной и Костанайской областью Казахстана и Хатлонской областью Таджикистана).

Составлено по [3; 5].

Примечательно, что соглашения с Астаной и Костанайской областью Казахстана и Хатлонской областью Таджикистана являются более поздними – соответственно, 2012, 2012 и 2010 гг.; в то время как соглашения с Ленинадской областью Таджикистана и Алматинской областью Казахстана заключены, соответственно, в 1998 и 2000 гг. Если проанализировать приведённые меры, то видно, что в более поздних соглашениях появляются меры по обмену делегаций специалистов и повышению квалификации специалистов путём стажировок, по подготовке кадров (сотрудничество в сфере образования), по научно-технической и производственной кооперации. Также делается установка не просто на обеспечение благоприятных условий для взаимных инвестиций и создания совместных предприятий (как в более ранних соглашениях), а на разработку совместных программ и проектов вообще. Новые меры могут оказывать позитивное влияние на характер возвратной миграции для российской стороны: они нацелены на обмен профессиональным опытом. Возможно, эти меры будут способствовать развитию кадрового потенциала регионов Казахстана и Таджикистана, а также развитию их научно-технического и производственного потенциала. Это может содействовать появлению новых производств и предприятий сферы услуг и, соответственно, созданию рабочих мест, что может уменьшить приток мигрантов в Челябинскую область.

Подобное сотрудничество осуществляется и другими приграничными уральскими регионами. Так, в вузах Тюменской области по состоянию на конец 2014 г. обучалось 1,5 тыс. студентов из Казахстана, в том числе 248 – по очной форме. Тюменский государственный университет имеет представительства в Петропавловске, Алма-Ате и Караганде. Также в вузах Тюменской области (например, в Тюменской государственной медицинской академии) казахстанские студенты проходят практику. У Тюменского государственного нефтегазового университета действует программа краткосрочных стажировок с Каспийским государственным университетом технологии и инжиниринга им. Ш. Есенова (Казахстан) [4]. Представляется, что такие меры по регулированию возвратной миграции в сфере образовательного сотрудничества будут способствовать развитию научно-технического потенциала Казахстана и созданию там рабочих мест, что может содействовать уменьшению притока мигрантов в Тюменскую область.

Таким образом, можно подвести итоги:

1) стабильное и иногда даже высокое отношение числа выбывших иностранных граждан к числу прибывших в приграничные уральские регионы из близлежащих зарубежных стран может свидетельствовать о наличии международной возвратной миграции;

2) регулирование данной миграции осуществляется в том числе через соглашения уральских регионов с регионами стран исхода мигрантов об экономическом сотрудничестве. На примере Челябинской области видно, что в более поздних соглашениях предусматриваются меры по повышению квалификации специалистов сторон, научно-технической и производственной кооперации. Новые меры нацелены на обмен профессиональным опытом и, таким образом, на развитие научно-технического и производственного потенциала регионов Казахстана и Таджикистана. Это может способствовать созданию там рабочих мест и уменьшению притока мигрантов в российские регионы.

Библиографический список

1. Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Глухих П.Л. Изменение ценностных установок модернизироваемого общества // Ценности и смыслы. 2014. № 1 (29). С. 89-101.
2. Действующие соглашения // Минэкономразвития Челябинской обл. 27.11.2013. URL: <http://econom-chelreg.ru/activityfeactivitysogl?article=1877> (дата обращения: 28.4.2015).
3. Информационный портал УрФО. URL: <http://www.ural-region.net/bchel/positkd/watchpkpwr5.htm>; <http://www.ural-region.net/bchel/posit9d/watchpkjfu5.htm> (дата обращения: 28.4.2015).
4. Информация о сотрудничестве Тюменской области с Республикой Казахстан // Деловой портал Правительства Тюменской обл. URL: <http://www.tyumen-region.ru/ved/cooperation/international/kaz/> (дата обращения: 28.4.2015).
5. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499508997>; <http://docs.cntd.ru/document/499508998>; <http://docs.cntd.ru/document/499502285> (дата обращения: 28.4.2015).
6. Миграция населения Свердловской области в 2011 г.: статистический сб. Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Свердл. обл. Екатеринбург, 2012. 50 с. С. 21-22;
7. Миграция населения Свердловской области в 2012 г.: статистический сб. Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Свердл. обл. Екатеринбург, 2013. 48 с. С. 19-20;
8. Миграция населения Свердловской области в 2013 г.: статистический сб. Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Свердл. обл. – Екатеринбург, 2014. 48 с. С. 19-20.

9. Миграция населения Свердловской области в 2003-2013 г.: статистические сб. Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Свердл. обл. Екатеринбург, 2004-2014.

© Андреева Е.Л., Кузьмин А.И., Ратнер А.В., 2015. Текст.

Информация об авторах

Андреева Елена Леонидовна (г. Екатеринбург, Россия) доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра региональных компаративных исследований Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: elenandr@mail.ru).

Кузьмин Александр Иванович (г. Екатеринбург, Россия) – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра исследований социоэкономической динамики Института экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: kuz53@list.ru).

Ратнер Артем Витальевич (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Центра региональных компаративных исследований Института экономики Уральского отделения Российской академии наук ((620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: aratner@inbox.ru).

Andreeva E.L., Kuzmin A.I., Ratner A.V.

INTERNATIONAL TREATMENTS AND INTERREGIONAL AGREEMENTS AS REGULATOR OF INTERNATIONAL MIGRATION IN URAL FEDERAL DISTRICT

Abstract. *It's shown that there's stable and sometimes even high relation between the number of out-coming foreign citizens to the number of the incoming, what can testify international push-pull migration. Its regulation is being carried out – among others – through the agreements of Ural regions with the regions of countries-donors about economic partnership.*

Keywords: international migration statistics, basic countries-donors, migrants in- and outflow, international interregional agreements, labor migration regulation.

Information about the authors

Andreeva Elena Leonidovna (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Centre of regional comparative research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: elenandr@mail.ru)

Kuzmin Alexandr Ivanovich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: kuz53@list.ru).

Ratner Artem Vitalyevich (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Junior Researcher of the Centre of regional comparative research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: aratner@inbox.ru).

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ГЛАЗАМИ СПЕЦИАЛИСТОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ВОПРОСАМИ ПРЕБЫВАНИЯ И РАЗМЕЩЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН*

Аннотация. *Статья написана на основе экспертного опроса, проводимого работниками Института экономики УрО РАН в ноябре – декабре 2014 гг. среди специалистов, занимающихся вопросами пребывания и размещения иностранных граждан в Свердловской области. Цель исследования – экспертным путем оценить качество организации и проведения региональной иммиграционной политики. Авторами сделан вывод о необходимости совершенствования организации и реализации иммиграционной политики.*

Ключевые слова: миграция, иммиграция, миграционная политика, регулирование миграции, законодательство, экспертный опрос.

Формирование миграционного законодательства идет по пути проб и ошибок. Как свидетельствуют социологические опросы, большинство населения России негативно относится к внешней миграции [3]. Многие исследователи считают, что иммиграционная политика, проводимая в современной России, неэффективна. Так, С.В. Рязанцев и Е.Е. Письменная отмечают ее противоречивость, ведущую к росту неформальных практик [6, С. 151-170], И.В. Ивахнюк – хаотичность, допускающую нетерпимость и рост ксенофобии по отношению к мигрантам [4, с. 55, 62-63], М.В. Макарова – ее «провалы» в реализации программ по привлечению соотечественников [5, с.15-18].

В этой связи мы решили оценить реализацию иммиграционной политики в Свердловской области, характеризующейся высокой интенсивностью иммиграционных потоков. Для этого в ноябре – декабре 2014 гг. нами был проведен экспертный опрос руководителей и специалистов государственных органов власти и НКО, занимающихся вопросами, связанными с пребыванием и размещением иностранных граждан в Свердловской области. В группу экспертов вошли 36 участников, из них руководители и специалисты департаментов, министерств и ведомств – 26 чел., руководители и юристы НКО, занимающихся трудоустройством и адаптацией мигрантов, и специалисты центров тестирования – 10 чел. Большинство из опрошенных экспертов являлись членами Межведомственной комиссии Свердловской области по вопросам привлечения и использования иностранных работников. Опрос проводился заочно в письменной форме.

На вопрос об отношении к иммиграционным процессам большинство, а именно 60 % экспертов, в том числе 38 % представителей министерств и ведомств и 80 % представителей НКО, отметили, что «иммиграция имеет в равной степени как положительные, так и отрицательные последствия». Однако современную иммиграционную ситуацию в Свердловской области большая часть экспертов (53%, 54 и 50% соответственно) оценила как «скорее негативную, чем позитивную», в связи с чем можно сделать вывод о наличии серьезных проблем в организации и реализации миграционной политики в регионе.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ-Урал № 141266025 «Оценка социально-экономического благополучия Свердловской области в условиях роста трудовой миграции» и Правительства Свердловской области.

Оценивая положительные стороны иммиграции, эксперты продемонстрировали определенное единодушие. Так, 40 % экспертов, в том числе 39 % представители министерств и ведомств и 41 % представителей НКО, указали, что «иммигранты решают проблемы рынка труда, занимая не востребовавшие вакансии» и 17 %, 16 и 18 % соответственно – что «иммигранты увеличивают налоговые поступления и сборы».

Так как часто миграцию рассматривают как панацею в вопросе решения демографических проблем, в анкету был включен следующий вариант ответа: «иммигранты решают демографические проблемы». Только 3 % представителей министерств и ведомств и 5 % представителей НКО выбрали данный вариант. Вариант «иммигранты привносят этническое и культурное разнообразие» выбрало лишь 5 % представителей министерств и ведомств и 9 % представителей НКО. Однако 5 % участников опроса выразили мнение о том, что «положительные последствия у иммиграции отсутствуют». Таким образом, большинство экспертов заострили внимание только на экономической выгоде миграции для работодателей, предлагающих на рынок «не востребовавшие рабочие места» и оценили миграцию в качестве дополнительного источника налоговых поступлений.

При оценке отрицательных эффектов миграции разброс мнений оказался значительным. Так, по 16 % экспертов отметили, что приток иммигрантов ведет к «использованию дешевой неквалифицированной иностранной рабочей силы, снижая заинтересованность бизнеса в совершенствовании производства» и «ведет к ухудшению эпидемиологической обстановки и росту социальных болезней (туберкулез, ВИЧ-инфекция и т.п.). По 15 % – что приток иммигрантов «поощряет коррупцию среди лиц, занимающихся вопросами контроля и регулирования миграции» и «способствует росту межнациональных конфликтов». С нашей точки зрения, в данной оценке определенную роль сыграла профессиональная принадлежность экспертов. Так, представители Департамента труда и занятости Свердловской области обращали внимание, в первую очередь, на проблемы рынка труда, представители силовых ведомств – на рост наркомании, коррупции, межнациональных конфликтов и ухудшение эпидемиологической обстановки в регионе, представители объединений предпринимателей – на снижение заинтересованности бизнеса в совершенствовании производственного процесса.

Несмотря на концепцию адаптации в форме интеграции в отношении мигрантов из зарубежных стран, официально принятую в Российской Федерации [1,2], только 80 % руководителей и специалистов НКО и менее половины представителей министерств и ведомств поддержали политику «интеграции» в отношении мигрантов (рис. 1).

Оценивая иммиграционную политику в Свердловской области, эксперты выделили в качестве «очень важных» проблем:

«неадекватность правовой базы и правоприменительной практики» – 60 % представителей НКО;

«рост нелегальной миграции» – 58 % экспертов, в том числе, 80 % представителей НКО.

В качестве «важных» проблем:

«незнание мигрантами языка, культуры и традиций страны пребывания» – 70 % представителей НКО;

Рисунок 1. Распределение ответов экспертов на вопрос: «Какие модели миграционной политики для России Вы считаете наиболее перспективными?»

«отсутствие программ обязательного медицинского страхования мигрантов» – 61 % экспертов, в том числе 70 % представителей министерств и ведомств;

«неадекватность правовой базы и правоприменительной практики» – 62 % представителей министерств и ведомств;

«недостаточную координацию взаимодействий между ветвями власти в вопросах разработки и проведения иммиграционной политики» – 50 % экспертов, в том числе 60 % представителей НКО;

«отсутствие программ обязательного медицинского страхования мигрантов» – 61 % экспертов, в том числе 70 % представителей министерств и ведомств;

«отсутствие административных и уголовных норм контроля за работодателями» – все группы экспертов по 50 %;

«недостаточную координацию действий со странами-донорами в области межгосударственного перемещения людей, в том числе депортации» – 50 % представителей НКО;

«отсутствие медицинского контроля за здоровьем мигрантов» – 50 % экспертов, в том числе 60 % представителей министерств и ведомств.

Последнее имеет важность в связи с тем, что в регионе сложилась крайне негативная санитарно-эпидемиологическая ситуация. Так, по данным за 2013 г. Свердловская область занимала по впервые выявленным заболеваниям 2-е место по ВИЧ-инфекции и 14-е по туберкулезу. Озабоченность экспертами из НКО незнанием мигрантами языка, культуры и традиций страны пребывания связано, прежде всего, с тем, что в эту группу мы включили руководителей и специалистов Центров тестирования, непосредственно сталкивающихся с данной проблемой.

Популярность патентной системы эксперты связали с тем, что «оформление патента позволяет продлить пребывание в России на законных основаниях» (46 % представителей НКО и 16 % – министерств и ведомств); «оформить патент намного дешевле, чем разрешение на работу (23 % и 25 % соответственно). При этом 16 % представителей министерств и ведомств и 8 % представителей НКО отметили, что «оформление патента позволяет легально обходить требования российского законодательства».

Оптимизм по поводу введения патентной системы продемонстрировали представители НКО – 55 % из них отметили, что «оплата патентов увеличила доходы бюджета», а 36 %, что она «позволила легализовать мигрантов,

работающих на физические лица». Более сдержанными оказались ответы представителей министерств и ведомств – их ответы составили 20 % и 36 % соответственно, 28 % отметили ее неэффективность⁴.

Количество нелегальных мигрантов в Свердловской области представители министерств и ведомств оценили в 250 тыс. человек, представители НКО – в 200 тыс. чел., а потребность в ИРС – в 60 – 70 тыс. чел. и в 100 – 120 тыс. чел. соответственно. Таким образом, представители НКО выразили более лояльное отношение к мигрантам в сравнении с представителями министерств и ведомств.

Большинство экспертов выделили несовершенство законодательной системы в качестве основной причины существования большого количества «нелегалов». Так, представители министерств и ведомств назвали: «простоту въезд и сложность депортации» – 34 % и «отсутствие единых баз учета иммигрантов, низкое качество контроля со стороны уполномоченных органов» – 22 %; представители НКО: «забюрократизированность процедуры легализации и коммерциализацию процесса получения разрешительных документов» – 30 % и «законодательные пробелы» – 19 %. Одной из причин был назван «слишком короткий срок, в который, в соответствии с новым миграционным законодательством, въезжающие в Российскую Федерацию с целью работы должны пройти легализацию, т.е. встать на миграционный учет, сдать экзамен на знание русского языка, оформить патент».

Для решения проблемы «нелегальной миграции» эксперты выбрали главным образом ограничительные меры. Так, 39 % представителей министерств и ведомств и 18 % представителей НКО поддержали «ужесточение миграционного законодательства: введение тотального визового режима; ужесточение порядка пересечения государственной границы и миграционного контроля; широкое применение мер административного выдворения за пределы РФ» и 36 % и 29 % соответственно – «усиление контроля за работодателями; применение жестких мер наказания в отношении работодателей, использующих труд нелегальных мигрантов; повышение уровня ответственности принимающей стороны». За «упрощение легализации и недопущение коммерческих организаций к этой услуге» выступили 32 % представителей НКО (рис. 2).

На вопрос: «Какие меры регулирования и контроля за трудовой иммиграцией Вы считаете наиболее действенными?» большинство экспертов ответили, что необходимо «совершенствование способов регистрации трудовых мигрантов на государственной границе...» и параллельно «ограничить вмешательство в процесс трудоустройства мигрантов». Единого мнения по поводу использования системы патентов и квот у экспертов не сложилось. Так, по 27 % представителей НКО высказались за параллельное использование квот и патентов и за отказ от системы патентования и по 15 % представителей министерств и ведомств соответственно. За проведение дифференцированной политики миграции высказалось 9 % представителей НКО и за введение всеобщего визового режима – 10 % представителей министерств и ведомств (рис. 3.). Таким образом, ответы на данный вопрос еще раз подтвердили обеспокоенность экспертов неконтролируемой миграцией и показали, что до выбора приоритетов в области совершенствования дифференцированной миграционной политики нам еще далеко.

⁴ Опрос проводился до внесения изменений в патентную систему.

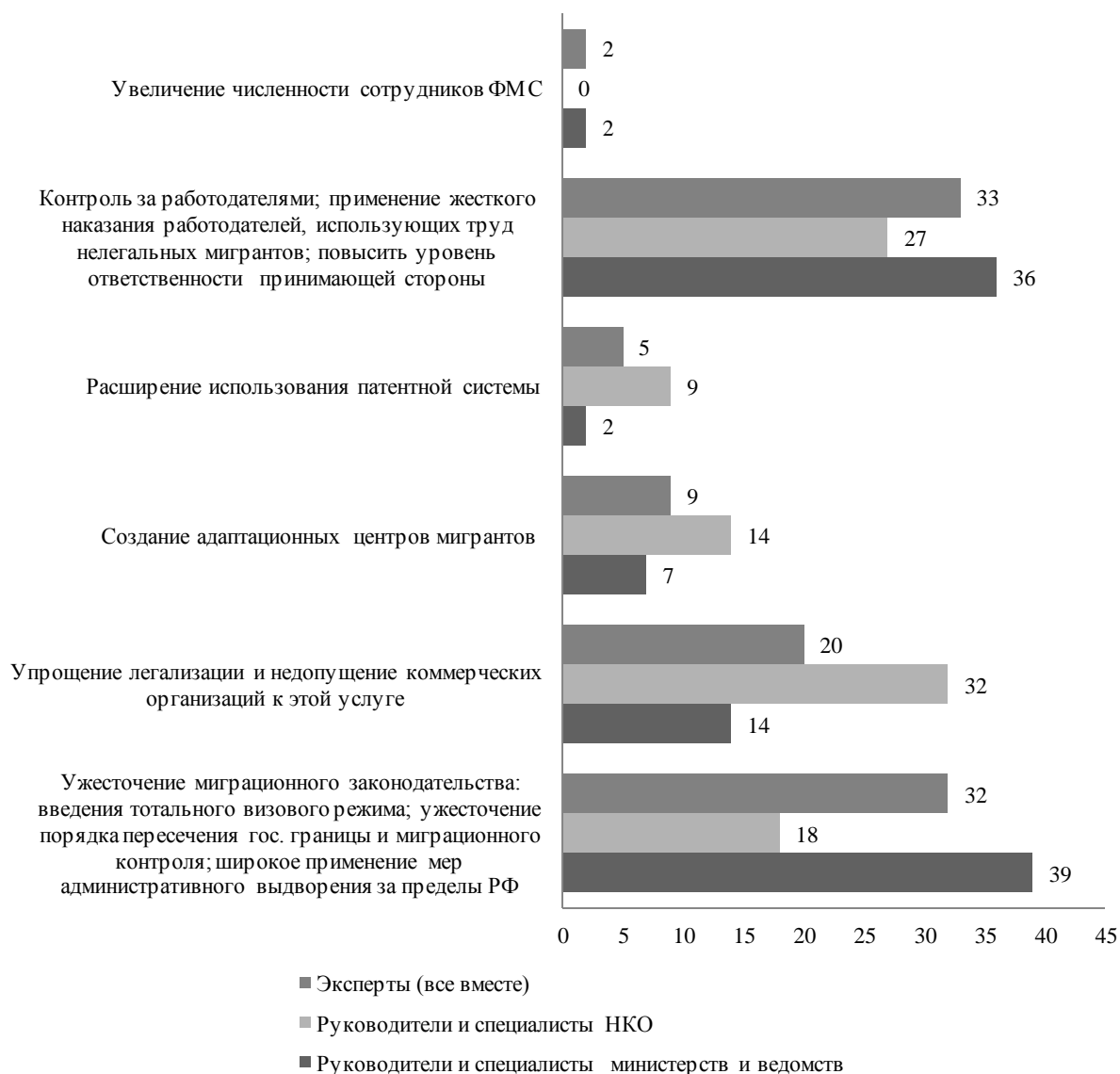

Рисунок 2. Распределение ответов экспертов на вопрос: «На Ваш взгляд, какие приоритетные мероприятия позволят снизить численность незаконных иммигрантов в Свердловской области?»

В свободной форме были высказаны следующие предложения, направленные на совершенствование миграционной политики:

1. Создать универсальные многопрофильные миграционные центры по принципу «единого окна», которые, с одной стороны, занимались бы вопросами документированного обеспечения мигрантов, с другой стороны – вопросами их образования, адаптации и интеграции.

2. С целью усиления сотрудничества органов власти с неправительственными организациями в вопросах адаптации и интеграции мигрантов, разработать механизмы передачи ряда функций по работе с мигрантами от миграционной службы НКО.

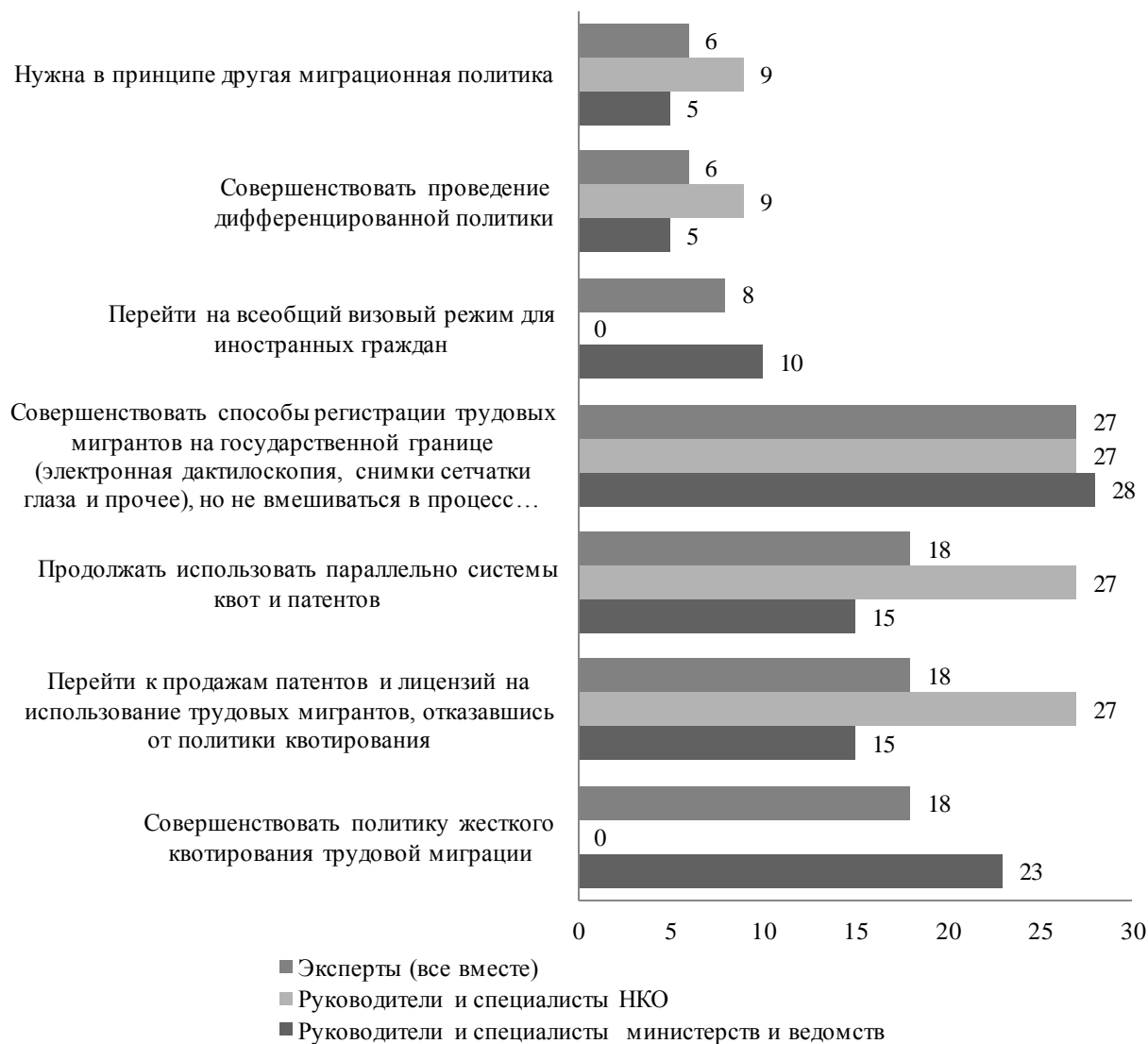

Рисунок 3. Ответы экспертов на вопрос: «Какие меры регулирования и контроля за трудовой иммиграцией Вы считаете наиболее действенными?»

3. Разработать механизм «миграционного страхования», в соответствии с которым мигрант еще до выезда из страны проживания имел бы возможность приобрести «миграционный страховой полис» с возможностью выбора услуг в зависимости от цели приезда и региона прибытия и обязательными платежами (госпошлины, медицинский полис, стоимость депортации с возможностью возврата суммы и т.п.). При этом мигрант должен иметь возможность доплачивать за получение дополнительных услуги по месту пребывания.

4. Активно привлекать работодателей к финансированию программ по адаптации и интеграции иностранных граждан, прибывших в регион с целью трудоустройства.

5. Создать единые базы учета данных об иммигрантах.

6. Проводить регулярный мониторинг правоприменительной практики на соответствие ее государственной миграционной политике.

7. Разработать нормативную базу для проведения иммиграционной амнистии, и использовать ее до внесения изменений в миграционное законодательство.

8. Создать прозрачные процедуры по принятию решений о запретах на въезд (нежелательность пребывания) с обязательным уведомлением о принятых решениях, усовершенствовать процедуры обжалования подобных решений.

9. Вновь разработанные нормативные акты по возможности опробовать сначала в пилотных регионах (как это было в 2007 году), а по всей стране вводить их уже после корректировки на основе анализа результатов пилотного проекта.

В заключение хотелось бы отметить, что в связи с отсутствием необходимого опыта регулирования миграции, у экспертов не сложилось единого взгляда на происходящие в регионе миграционные процессы. Очень часто эксперты демонстрировали компетентность в узких профессиональных вопросах. Отвечая на вопросы, касающиеся совершенствования миграционной политики, большинство экспертов акцентировались на ограничительных и запретительных мерах, что также явилось подтверждением того факта, что миграционная политика находится лишь на ранних стадиях своего развития.

Библиографический список

1. Концепция Государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>

2. Закон Российской Федерации «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 21 июля 2002 г. № 115-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>

3. ВЦИОМ: мигранты – главная угроза России /http://ronsslav.com/wp-content/uploads/2013/08/full_vtomchesle.jpg

4. Ивахнюк И.В. Перспективы миграционной политики России: выбор верного пути. – М.: МАКС Пресс, 2011. 128 с.

5. Макарова М.В. Миграционная политика Российской Федерации: проблемы, тенденции и перспективы развития. Научное издание. Монография. М.: МГТЭИ, 2013. 80 с.

6. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Роль международной миграции в демографическом и социально-экономическом развитии России //SPERO. 2006. № 5. Осень–Зима. С. 151–170.

© Бедрина Е.Б., Неклюдова Н.П., Струин Н.Л., 2015. Текст.

Информация об авторах

Бедрина Елена Борисовна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: bedrina1967@mail.ru).

Неклюдова Наталья Павловна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: nnp81@mail.ru).

Струин Николай Львович (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат медицинских наук, доцент, главный врач Свердловского областного кожно-венерологического диспансера (620075, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, д.1; e-mail: N_L_S@mail.ru).

MIGRATION POLICY IN SVERDLOVSK REGION THROUGH THE EYES OF MIGRATION SERVICE COMMUNITY

Abstract. *The article presents the finding of expert survey conducted by researchers from the Institute of Economics UB RAS in November – December, 2014 among the experts dealing with issues of stay and placement of foreign citizens in Sverdlovsk region. Quantitative and qualitative assessment of migration processes are presented in the article. Authors make conclusion about the need to improve organization and realization of migration policy.*

Keywords: migration, immigration, migration policy, migration management, legislation, expert poll.

Information about the authors

Bedrina Yelena Borisovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Centre for Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: bedrina1967@mail.ru).

Neklyudova Natalia Pavlovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Re-searcher, Centre for Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: nnp81@mail.ru).

Struin Nikolay Lvovich (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Head of Sverdlovsk regional dermato-venereologic clinic (1, Rosa Luxemburg st., 620075 Yekaterinburg, Russia; e-mail: N_L_S@mail.ru).

УДК 314.7

Бедрина Е.Б., Струин Н.Л.

УГРОЗЫ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОМУ БЛАГОПОЛУЧИЮ АКТИВНО РАЗВИВАЮЩИХСЯ РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ РОСТА ТРУДОВОЙ ИММИГРАЦИИ*

Аннотация. *В статье анализируются особенности и причины распространения социально-значимых заболеваний в Российской Федерации, представляющих угрозу санитарно-эпидемиологическому благополучию территории в условиях роста трудовой миграции, таких как сифилис, ВИЧ-инфекция, туберкулез, наркомания и т.п. В особую группу выделяются наиболее благополучные, активно развивающиеся регионы страны, в силу этого являющиеся наиболее привлекательными для трудовых мигрантов. Проводится сравнительный анализ по выявлению заболеваемости среди автохтонного населения и трудовых мигрантов. Делается вывод о необходимости усиления государственного контроля за миграционными процессами, в частности, за прохождением иммигрантами процедуры медицинского освидетельствования, поощрения семейной миграции и активизации процессов интеграции трудовых мигрантов.*

Ключевые слова: санитарно-эпидемиологическое благополучие территории, социально-значимые заболевания, иммиграция.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ-Урал №141266025 «Оценка социально-экономического благополучия Свердловской области в условиях роста трудовой миграции» и Правительства Свердловской области.

Как правило, к активно развивающимся территориям относят индустриальные центры, отличающиеся большой «скупенностью» населения, урбанистической культурой, склонной к гипертрофированной самостоятельности и независимости индивидов, в силу чего на этих территориях возникают угрозы санитарно-эпидемиологическому благополучию и здоровью его жителей. Одной из таких угроз является рост и активизация распространения социально значимых заболеваний (далее – СЗЗ), к которым принято относить туберкулез, вирусные гепатиты, инфекции с половым путем передачи (далее – ИППП), ВИЧ-инфекцию, наркоманию, алкоголизм, психические расстройства и т.п.

В Российской Федерации СЗЗ получили широкое распространение в 90-е гг. XX в. с периодом перехода к рыночной экономике, приведшей к ухудшению уровня жизни населения, частичным отказом от государственной системы профилактики СЗЗ и коммерциализации медицинских услуг, ростом девиантного поведения населения.

В настоящее время определенную лепту в ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации в российских регионах вносит иммиграция, устремляющаяся в центры с высокой экономической активностью. В условиях интенсивных трудовых (а значит, «временных») иммиграционных потоков, мигранты могут выступить в роли потенциальных источников ряда заболеваний. Так, при проведении экспертного опроса в Свердловской области в ноябре-декабре 2014 г. 16 % респондентов среди отрицательных черт иммиграции отметили ухудшение санитарно-эпидемиологической обстановки и рост социальных болезней (Бедрина Е.Б., 2014).

Отнесение иммигрантов к группе высокого эпидемического риска связано с рядом факторов. Во-первых, они часто работают в тяжелых и вредных для здоровья условиях, работают сверхурочно, без выходных. Во-вторых, неблагоустроенность мест проживания мигрантов, их плотное заселение и скудный пищевой рацион также являются фактором риска и имеет ключевое значение для распространения туберкулеза. В-третьих, они часто проживают длительное время без семьи, что отрицательно воздействует на их физическое и психическое здоровье, а также приводит к определенным поведенческим рискам, результатом которых могут быть заражение ИППП или ВИЧ-инфекцией. В-четвертых, не имея страхового медицинского полиса, либо имея его на сильно ограниченный перечень медицинских услуг, они предпочитают не прибегать к профессиональной медицинской помощи, а лечиться самостоятельно, либо прибегать к совету соплеменников, имеющих познания в медицине. В-пятых, в силу несовпадения культурных ценностей принимающего населения и мигрантов, последние оказываются значительно уязвимее к факту заболевания социально значимыми инфекциями.

Как можно судить по рис. 1, в Российской Федерации наблюдается постоянный рост заболеваемости ВИЧ-инфекцией.

Несмотря на некоторое снижение уровня заболеваемости туберкулезом (рис. 2), в Российской Федерации сохраняется опасность его распространения в условиях роста трудовой миграции из Средней Азии, в особенности из Таджикистана, имеющего, по данным ВОЗ, высокий уровень данного вида заболевания [8].

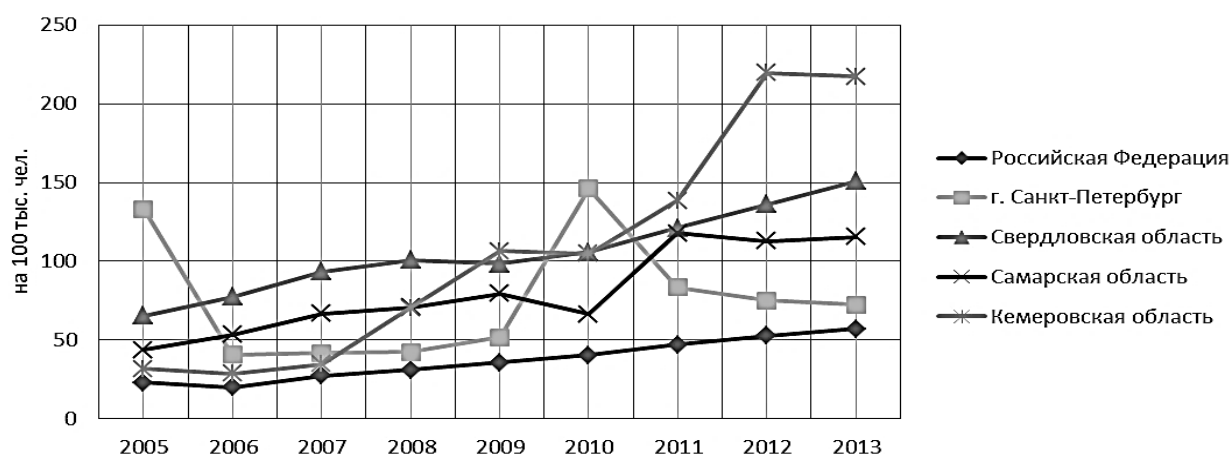

Рисунок 1. Заболеваемость впервые в жизни установленным диагнозом «ВИЧ-инфекция» на 100 тыс. чел [8]

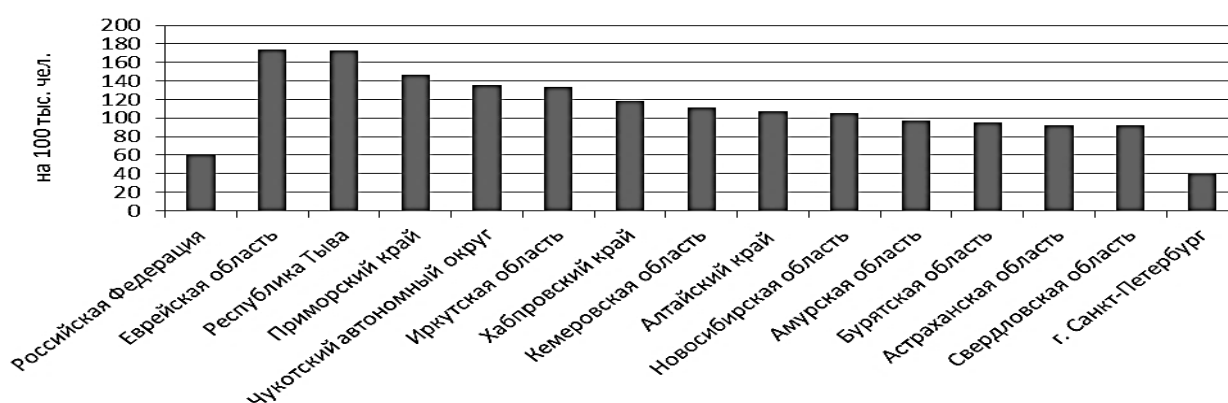

Рисунок 2. Рейтинг регионов по заболеваемости впервые в жизни установленным диагнозом «туберкулез органов дыхания» на 100 тыс. чел. в 2013 г. [8]

Уровень заболеваемости среди иммигрантов обычно значительно выше, чем среди автохтонного населения. К примеру, среди мигрантов, прошедших медицинское освидетельствование в Свердловской области в 2011 г., было выявлено 68 случаев заболеванием ВИЧ-инфекцией и 329 – туберкулезом, в 2012 г. – 57 и 207 соответственно [9]. Если соотнести эти показатели с количеством мигрантов, прошедших медицинское освидетельствование, то получится, что в 2011 г. в Свердловской области пришлось на 100 тыс. мигрантов, прошедших медицинское освидетельствование, 117 чел. с ВИЧ-инфекцией и 564 чел. с заболеванием туберкулезом, в 2012 г. – 128 и 466 соответственно. Среди мигрантов, прошедших медицинское освидетельствование в связи с гуманитарной ситуацией на Украине, в целом по РФ на 01.01.2015 г. было выявлено случаев: 587 ВИЧ-инфекции, 227 туберкулеза, 115 ИППП и 2030 других инфекционных заболеваний на 100 тыс. чел. соответственно⁵.

Неблагоприятные условия проживания мигрантов способствуют формированию крупных очагов инфекционных заболеваний. Так, в Санкт-Петербурге в 2009 г. произошла вспышка острой кишечной инфекции (ОКИ), в

⁵ Рассчитано по данным Р.Р. Айзатулиной, начальника отдела организации надзора за ВИЧ/СПИД, вирусными гепатитами Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

результате которой пришлось госпитализировать 8349 чел., из них около 16 % составляли мигранты [7]. Расширение географии миграции ведет к появлению «новых» или «хорошо забытых» для данной территории болезней. Примером могут служить случаи завоза брюшного тифа на территорию г. Санкт-Петербурга (2006 г.) [2]. Московскую область (2013 г.), вируса дикого полиомиелита из Таджикистана в Свердловскую область (2010 г.).

В свою очередь, мигранты, возвращаясь в страну исхода, также являются угрозой в части привоза на свою родину некоторых заболеваний. Так, первый случай заболевания ВИЧ-инфекцией был зарегистрирован в Таджикистане в 1990 г., а уже в октябре 2014 г. было зарегистрировано 6309 случаев, из них более 70 % заражений пришлось на потребителей инъекционных наркотиков [3].

По мнению исследователей, мигранты часто «завозят» к нам туберкулез, гепатиты В и С, а «вывозят» ИППП и ВИЧ [1, с. 78]. Высокий уровень показателей заболевания иммигрантами ВИЧ-инфекцией и ИППП может быть объяснен рядом моментов. Во-первых, половозрастными характеристиками приезжих, поведенческими особенностями лиц, прибывших на заработки и проживающих вдали от семьи, а также низким уровнем санитарной грамотности лиц, прибывших в города Российской Федерации из сельских районов Средней Азии. Во-вторых, наличием в регионах-реципиентах миграции устойчивого рынка секс-услуг, в том числе частично сориентированного именно на мигрантов. В-третьих, тенденцией к повторному заражению в связи с тем, что иностранцы периодически возвращаются в страну исхода и заражают там своих жен, формируя очаг заболевания в стране исхода. Особенно это характерно для сифилиса, что подтверждается статистикой медицинского освидетельствования женщин-иммигранток, среди которых преобладают поздние формы сифилиса. Исследователи отмечают рост ИППП среди женщин-мигранток [1, с. 78].

По данным Бюро судебно-медицинской экспертизы Свердловской области, размещенных на сайте общественной организации фонда «Город без наркотиков», смертность от передозировки наркотических веществ в Российской Федерации за период с 2012 по 2014 гг. возросла на 10,5 %. Среди территорий с высокой интенсивностью миграционных потоков произошло улучшение ситуации в 2014 г. в Ленинградской, Красноярской и Свердловской областях и ухудшение в г. Санкт-Петербург. Самая большая смертность от передозировки наркотиками имела место в Московской области, а именно – 27,1 случай на 100 тыс. чел. [6]. Данные о заболеваемости впервые в жизни установленным диагнозом «наркомания» на 100 тыс. чел. представлены на рисунке 3.

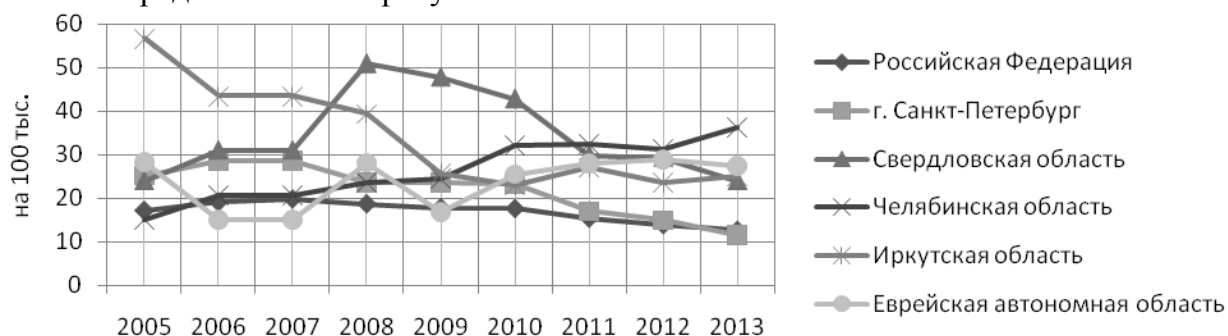

Рисунок 3. Заболеваемость впервые в жизни установленным диагнозом «наркомания» на 100 тыс. чел. населения [8]

Наркотический путь распространения ВИЧ-инфекции тесно связан с половым. Так, в соответствии исследованиями, проведенными в рамках приоритетного национального проекта в 2007- 2009 гг., от 15 до 50 % потребителей внутривенных наркотиков женского пола были вовлечены в оказание сексуальных услуг (Струин Н.Л., 2009).

Рост наркомании имеет место ввиду наличия устойчивого наркотрафика героина из Афганистана через Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан и Казахстан в Российскую Федерацию (так называемый восточный коридор через г. Челябинск) и страны Западной Европы (западный коридор наркотрафика через Украину), а также расширения поставок синтетических психотропных наркотических веществ типа JWH и MDPV из Китая.

Мониторинг проблемы наркомании среди мигрантов проводится только по числу криминальных ситуаций, т.к. при медицинском освидетельствовании результаты на наркотики были отрицательные. Вместе с тем, при анонимном опросе число потребителей наркотических препаратов среди мигрантов составляет 3 % (Струин Н.Л., 2013).

Введение в июле 2010 г. патентной системы и ее «своеобразное» толкование должностными лицами территориальных органов Федеральной миграционной службы (далее – ФМС) имело негативный эффект на распространение социально значимых болезней, так как позволило мигрантам, работающим на физических лиц, не проходить медицинского освидетельствования, пополнив численность нелегально трудоустроенных работников. Так, по данным социологического опроса в г. Первоуральске в марте-апреле 2014 г., только 7 % мигрантов, получающих патенты, имели письменный трудовой договор с работодателем (Бедрина Е.Б., 2014).

Внесенные изменения в законодательство Российской Федерации в ноябре 2014 г. обязали всех мигрантов в течение 30 календарных дней со дня въезда в Российскую Федерацию представить документы, подтверждающие отсутствие заболевания наркоманией и инфекционных заболеваний из Перечня, а также сертификат об отсутствии у данного иностранного гражданина заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека [4].

Проблемой реализации механизма медицинского освидетельствования мигрантов является намеренное уклонение иностранцев от получения уведомления о принятии решения о нежелательности пребывания иностранного лица с выявленной патологией. И связано это, на наш взгляд, с формой отправления иностранцам этой информации почтой. Налицо имеет место такая ситуация по РФ – всего 15 % решений о нежелательности пребывания (проживания) вручено, по данным Р.Р. Айзатулиной, иностранным гражданам, в 73 % имел место возврат уведомлений в связи с отсутствием адресата. Правильнее здесь было бы сконцентрировать данную функцию в органах ФМС или полиции.

С нашей точки зрения, для оздоровления санитарно-эпидемиологической ситуации в активно развивающихся регионах в связи с ростом трудовой миграции в Российской Федерации необходимо усилить контроль за миграционными процессами, в частности, за прохождением иммигрантами процедуры медицинского освидетельствования, поощрять семейную миграцию и активизировать процессы интеграции трудовых мигрантов.

Библиографический список

1. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Е.В. Тюрюканова (ред.), Ж.А. Зайончковская, Л.Б. Карачурина, Н.В. Мкртчян, Д.В. Полетаев, Ю.Ф. Флоринская / под ред. Е.В.Тюрюкановой – М.: МАКС Пресс, 2011. 120 с.
2. Коваленко А.Н., Иванов А.М., Одинаев Н.С., Рахманов М.И., Мурачев А.А. Брюшной тиф: опыт последнего десятилетия // Журнал инфектологии. 2009. Т. 1. № 2-3. С. 69-72.
3. Назиров М., Бакытжанова А.Е. Статистические данные по борьбе с ВИЧ/СПИДом в Таджикистане //Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2014. Т. 4. № 11. С. 1307.
4. О внесении изменений в федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24.11.2014 №357-ФЗ, ст. 13.3 Режим доступа: <http://www.consultant-so.ru>
5. Сила в правде [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://roizman.livejournal.com/>
6. Яковлев А.А., Погромская М.Н., Федуняк И.П., Мусатов В.Б., Кутузов В.Н., Горбова И.В., Кафгырева Л.А., Коржаев Ю.Н., Петрова Л.В. Этиологическая характеристика и практические уроки крупной вспышки острой кишечной инфекции среди трудовых мигрантов // Журнал инфектологии. 2013. Т. 5. № 4. С. 55–60.
7. Global tuberculosis report 2013 http://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/global_health_risks/en/
8. Госкомстат России [Официальный сайт]. URL: www.gks.ru
9. Управление федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Свердловской области [Официальный сайт]. URL: www.66.rospotrebnadzor.ru

© Бедрина Е.Б., Струин Н.Л., 2015. Текст

Информация об авторах

Бедрина Елена Борисовна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: bedrina1967@mail.ru).

Струин Николай Львович (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат медицинских наук, доцент, главный врач Свердловского областного кожно-венерологического диспансера (620075, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, д.1; e-mail: N_L_S@mail.ru).

Bedrina Ye.B., Struin N.L.

THREATS TO SANITARY AND EPIDEMIOLOGIC WELLBEING OF DEVELOPING RUSSIAN TERRITORIES IN TERMS OF LABOUR IMMIGRATION GROWTH

Abstract. *The authors analyze the features and reasons of socially significant diseases (such as syphilis, HIV infection, tuberculosis, drug addiction, etc.) spread in the Russian Federation threatening to sanitary and epidemiologic wellbeing of the territory in terms of labor migration growth. The most successful regions of the country, the most attractive for labor migrants are allocated in a special group. The results of comparative analysis on detection of incidence among the autochthonic population and labor migrants are presented. The authors make conclusion about the necessity to strengthen the state control of migratory processes, in particular, procedure of immigrants' medical examination, encouragement of family migration and activation of labor migrants' integration processes.*

Keywords: sanitary and epidemiologic wellbeing of the territory, socially significant diseases, immigration.

Information about the authors

Bedrina Yelena Borisovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Centre for Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: bedrina1967@mail.ru).

Struin Nikolay Lvovich (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Head of Sverdlovsk regional dermato-venereologic clinic (1, Rosa Luxemburg st., 620075 Yekaterinburg, Russia; e-mail: N_L_S@mail.ru).

УДК 314.1

Безвербный В.А.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР: ТЕНДЕНЦИИ, ФАКТОРЫ, ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции демографического развития России и других бывших стран СССР после 1992 года, в том числе рассмотрена динамика показателей рождаемости, смертности и ожидаемой продолжительности жизни населения. Проанализированы основные факторы, тенденции и последствия демографического кризиса и депопуляции населения в России. Исследованы количественные, качественные и региональные аспекты динамики демографической ситуации в России. Детально изучены механизмы реализации социально-демографической политики в различных странах мира, установлена возможность успешного внедрения государственных программ во Франции, Швеции и Великобритании, направленных на повышение рождаемости и преодоление депопуляции. Рассмотрена история, меры и эффекты реализации семейно-демографической политики в указанных странах. Разработаны и смоделированы сценарии демографического развития России в рамках регрессионного, инерционного и эволюционного подходов построенных на основе данных о динамике рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни и миграционного прироста.

Ключевые слова: динамика населения, здоровье населения, демографический кризис, семейно-демографическая политика, демографические прогнозы.

Распад Советского Союза и последующее за этим критическое ухудшение социально-экономической ситуации и уровня жизни населения оказали существенное влияние на параметры демографического развития бывших республик СССР. Несмотря на определенную степень предопределенности демографического кризиса и накопленный эффект негативных демографических тенденций в ряде постсоветских республик именно крах СССР и дальнейшие негативные события сыграли на наш взгляд ключевое значение в формировании демографического кризиса и депопуляции населения в странах постсоветского пространства.

Отрицательные эффекты дезинтеграции союзного государства, связанные с демографической динамикой можно увидеть на примере изменения темпов роста населения в 15 постсоветских республиках. Если в период 1981-1991 гг. общий темп роста населения в социалистических республиках по данным Всемирного банка составил 1,2%, то период 1992-2002 гг. ознаменовался негативным ростом где за указанный период темп роста приобрел отрицательный характер и составил уже -0,03 %. В этот же период 11 из 15 постсоветских республик характеризовались депопуляцией населения в среднем теряя от 1,3 до 0,2 % населения ежегодно за исключением Азербайджана, Киргизии, Таджикистана,

Туркменистана и Узбекистана. Отрицательная демографическая динамика в постсоветских республиках привела к тому, что в период с 1992 по 2012 гг. т.е. за 20 лет суммарная численность населения 15 республик практически не изменилась и выросла лишь на 127 тыс. человек или на 0,04 %.

Наиболее существенно численность населения в период 1992-2012 гг. сократилась в Латвии (-22,2%), Литве (-19,2%), Армении (-13,9%), Эстонии (-13,5%), Украине (-12,5%), Грузии (-7,8%), Беларуси (-7,3%), Молдове (-4%) и Российской Федерации (-3,7%). При этом в абсолютном выражении наиболее критическая ситуация сложилась в Украине где численность населения в указанный период снизилась на 6,5 млн и России где население уменьшилось на 5,5 млн человек.

Безусловно, основными детерминантами демографического кризиса в постсоветских странах помимо значительного миграционного оттока населения в зарубежные страны стали: кардинальное снижение рождаемости, критический рост преждевременной смертности и снижение ожидаемой продолжительности жизни, что в конечном итоге обусловило динамичное изменение типов воспроизводства населения в данных странах. В период 1992-2002 гг. суммарный коэффициент рождаемости во всех 15 постсоветских республиках снизился на 28,6 %. При этом Азербайджан, Армения, Казахстан и Молдова, имевшие к 1992 году расширенный режим воспроизводства населения уже ко второй половине 90-х годов совершают переход к суженному воспроизводству демонстрируя снижение суммарного коэффициента рождаемости в среднем до 1,8 детей, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста.

При этом наиболее значительно за последующие после распада СССР десяти лет суммарный коэффициент снизился в Литве (-37,5%), Узбекистане (-37%), Украине (-36%), Азербайджане (-34,3%) и Туркменистане (-32,6%). Кроме того, с 1992 года стал значительно увеличиваться коэффициент смертности населения, особенно повысившийся к 2002 г. в Казахстане (45,6%), Беларуси (30,9%) и Российской Федерации (26,2%). Эти же три государства стали лидерами по сокращению ожидаемой продолжительности жизни, сократившейся в период 1992-2002 гг. в среднем на 1,8 лет. Россия же стала лидером по уровню сокращения ожидаемой продолжительности жизни мужчин, в указанный период данный показатель снизился на 3,5 лет. В этой связи стоит отметить, что демографическое развитие России имеет ряд значительных особенностей, характеризующихся не только высокой миграционной привлекательностью и уровнем миграционного прироста, но и рядом крайне негативных демографических тенденций, угрожающих долгосрочной социально-экономической стабильности и территориальной целостности государства.

Особенности динамики демографического кризиса в России. Несмотря на очевидные успехи демографической политики проводимой государством и впервые за 21 год зафиксированном естественном приросте населения, составившего в 2013 году – 24 тыс. человек, Россия по-прежнему находится в условиях демографического кризиса. Численность населения страны с 1994 по 2014 гг. снизилась на 4 млн 469 тыс. человек, а без учета миграционного прироста население снизилось бы более чем на 12 млн человек.

Феномен депопуляции в России связан с низкой рождаемостью и высокой смертностью. Для обеспечения нулевого естественного прироста (т.е. баланса

рождений и смертей) необходим суммарный коэффициент рождаемости 2,11–2,15. Данный показатель в России в 1960–1970-х гг. был довольно высок и превышал аналогичный показатель для многих развитых стран. Резкий перелом произошел в конце 80-х, и к 1999 г. коэффициент уменьшился более чем в 2 раза – до 1,16. Это минимум для послевоенной России. С 2000 г. он стал возрастать и к 2013 г. увеличился до 1,71, что все равно недостаточно для достижения даже простого воспроизводства населения.

Региональные тенденции демографического развития России.

Демографическая ситуация по-прежнему крайне сложна в ряде регионов России, так по данным Росстата на 2013 год из 83 субъектов РФ 41 находился в условиях естественной убыли населения. Изучение тенденций демографического развития регионов России в период 1994–2014 гг. позволило классифицировать их по шести группам в зависимости от результативности демографических процессов.

Регионы с крайне высокой убылью населения (более 25%)

Чукотский автономный округ (-54%), Магаданская область (-49,9%), Мурманская область (-30%), Сахалинская область (-28,7%), Камчатский край (-27,3%), Республика Коми (-26,8%).

Регионы со значительной убылью населения (от 10 до 25%)

Архангельская область без Ненецкого авт. округа (-21,9%), Еврейская автономная область (-21,1%), Псковская область (-21,1%), Амурская область (-20,3%), Курганская область (-20,3%), Кировская область (-19,7%), Тверская область (-18,5%), Республика Карелия (-18,5%), Тамбовская область (-17,8%), Ивановская область (-17,8%), Костромская область (-17,6%), Тульская область (-16,7%), Новгородская область (-16,1%), Смоленская область (-15,9%), Курская область (-15,8%), Хабаровский край (-15,8%), Республика Мордовия (-15,2%), Приморский край (-15,1%), Орловская область (-15,1%), Брянская область (-15%), Рязанская область (-14,6%), Забайкальский край (-14,1%), Владимирская область (-13,5%), Ульяновская область (-13,4%), Ярославская область (-12,7%), Иркутская область (-12,5%), Пензенская область (-12,4%), Нижегородская область (-12,2%), Пермский край (-11,6%), Вологодская область (-11,5%), Республика Калмыкия (-11,3%), Кемеровская область (11,3%), Алтайский край (-10,9%), Республика Саха (Якутия) (-10,3%).

Регионы с относительно низкой убылью населения (до 10%)

Республика Марий Эл (-9,1%), Красноярский край (-9,1%), Омская область (-8,8%), Оренбургская область (-8,6%), Ненецкий авт. округ (-8,5%), Саратовская область (-8,4%), Свердловская область (-8,1%), Чувашская Республика (-7,9%), Калужская область (-7,1%), Республика Хакасия (-6,8%), Липецкая область (-6,7%), Воронежская область (-6,4%), Республика Бурятия (-6,4%), Удмуртская Республика (-6,4%), Челябинская область (-5,2%), Волгоградская область (-4,6%), Ростовская область (-4,3%), Самарская область (-2,1%), Республика Адыгея (-0,6%), Новосибирская область (-0,1%).

Регионы с низким ростом населения (от 0 до 5%)

Томская область (0,2%), Республика Башкортостан (0,8%), Тюменская область без авт. округов (1%), Астраханская область (1%), Республика Татарстан (2,6%), Чеченская Республика (3%), Республика Тыва (3,2%), Калининградская область (4,8%).

Регионы с средним ростом населения (от 5 до 10%)

г. Санкт-Петербург (5,1%), Ленинградская область (5,2%), Кабардино-Балкарская Республика (6%), Республика Северная Осетия-Алания (6,5%), Ставропольский край (6,7%), Московская область (6,8%), Республика Алтай (7,4%), Белгородская область (7,6%), Карачаево-Черкесская Республика (8,5%), Краснодарский край (9,4%).

Регионы со значительным ростом населения (более 10%)

Ямало-Ненецкий авт. округ (15,6%), Ханты-Мансийский авт. округ-Югра (24,9%), г. Москва (33,5%), Республика Дагестан (45,7%), Республика Ингушетия (133,5%).

Таким образом, наиболее критичная демографическая ситуация сохраняется в регионах Дальнего Востока и Крайнего Севера где в указанных субъектах в период 1994-2014 гг. численность населения сокращалась в среднем на 20-30 %.

Основные факторы демографического кризиса в России. По-прежнему открытым является вопрос о первопричинах демографического кризиса в России. Ряд современных демографов считает истинной причиной резкого снижения рождаемости и доминирования малодетных семей в структуре населения России естественным следствием демографического перехода [3]. По их мнению, Россия просто последовала примеру западных стран, где переход к постиндустриальной экономике, бесспорно, оказал негативное воздействие на показатели рождаемости. Однако, по нашему мнению, период интенсивного снижения рождаемости, произошедший с 1990 по 1993 гг. слишком непродолжителен, для осуществления эволюционного скачка от традиционного к современному этапу демографического перехода.

При этом многие исследователи забывают, что помимо значительного снижения рождаемости современный этап демографического перехода также характеризуется резким снижением смертности и увеличением ожидаемой продолжительности жизни, в России же происходила совершенно противоположная динамика. Следовательно, данная гипотеза о закономерности катастрофической депопуляции населения России не имеет под собой объективных оснований. Мы считаем, что основными причинами демографического кризиса в России стали катастрофические последствия хаотичных экономических реформ и исторических событий: беспрецедентное обнищание населения, дезинтеграция системы социальной защиты, резкое снижение уровня жизни и качества питания, потеря уверенности в завтрашнем дне, экономическое расслоение общества, девальвация духовно-нравственных ценностей и т.д.

Возможности выхода России из демографического кризиса. В то же время по нашим расчетам среди населения России сохраняется резерв для значительного повышения рождаемости, по данным Всероссийской переписи населения в 2010 процент состоящих в браке женщин, имеющих только одного ребенка, составлял – 34%, двух – 42%, трех – 10%, более трех -3,6%. Процент же женщин, находящихся в браке, но не имеющих детей составил 9,2%. По данным социологического исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опросившего 24-25 мая 2014 г. 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России репродуктивное поведение населения сохраняет акцентирование на ценностях многодетной семьи. Так 28% опрошенных считали, что в идеальное количество детей в семье – 3 ребенка. При этом среди уже

имеющих детей россияне за рождение еще одного ребенка высказались 32% опрошенных, а за рождение двух детей – 20%. В то же время 56% респондентов отметили желание иметь двух детей в семье. Подобный потенциал репродуктивного поведения в случае его реализации может по нашим данным привести к рождению в краткосрочной-среднесрочной перспективе как минимум 10 млн детей исходя из когорт женщин репродуктивного возраста. Новая стратегия семейно-демографической политики, направленная на реализацию указанных демографических резервов должна быть реализована как можно раньше, поскольку с 2015 года в репродуктивный возраст начинает вступать поколение, родившееся в годы наиболее масштабной депопуляции.

Рассматривая зарубежный опыт демографической политики, проводимой в Австрии, Бельгии, Германии, США, Италии, Франции, Швеции, Великобритании и других стран можно увидеть, что основные направления повышения рождаемости и реализации пронаталистских государственных программ осуществляются прежде всего на основе мер семейной политики, включающей целый спектр социально-экономических рычагов поддержки семей с детьми. Поскольку термин демографическая политика в ряде случаев предполагает сокращение рождаемости (Китай, Индия, Бангладеш и т.д.) было решено использовать термин семейно-демографическая политика предполагающей целенаправленную политику государства по увеличению рождаемости и разнонаправленную социально-экономическую поддержку молодых и многодетных семей. В этой связи особый интерес представляют отдельные государства Европы, столкнувшиеся в разные годы с резким падением рождаемости и как следствие депопуляцией населения.

Стоит отметить, что исторически большое внимание мерам преумножения численности населения в качестве позитивного фактора для экономического развития и укрепления военно-стратегического положения государства было уделено еще в Римской империи, которая нуждалась в повышении численности военных и трудовых ресурсов для проведения экспансионистской политики.

В качестве основных современных примеров были взяты три государства, являющихся одними из лидеров по уровню рождаемости в Европейском союзе: Франция, Великобритания и Швеция. Для этих стран характерен очень высокий по меркам развитых стран суммарный коэффициент рождаемости, находящийся в пределах 1,9 – 2 и практически обеспечивающий простое воспроизводство населения. В то же время в разные годы данные страны пережили резкое снижение рождаемости и ухудшение общей демографической ситуации.

В 1946 году во Франции была реализована разветвленная система денежных выплат и налоговых льгот семьям, нацеленная на стимулирование рождений первого, второго и особенно третьего ребенка. В результате в середине 80-х годов Франция среди стран Западной Европы отличалась одним из наиболее высоких суммарных коэффициентов рождаемости, в итоге численность населения ежегодно увеличивалась на 0,3 – 0,4%.

В Великобритании же большая роль в создании новой модели семейно-демографической политики принадлежит лейбористам рассматривающих семью и детей как одну из ключевых элементов общества и политического дискурса. В период прихода лейбористов к власти суммарный коэффициент рождаемости в стране достигал минимальной за 20 лет отметки – 1,63. В качестве контрмер лейбористам принадлежит идея создания налоговых кредитов временно

освобождающих молодых родителей от уплаты налогов в казну во время ухода за ребенком. Была внедрена практика предоставления материнских грантов для первого и второго (с меньшей суммой) ребенка. В начале 2001 года лейбористы предложили идею создания Детского трастового фонда (Child Trust Fund) представляющим собой освобожденный от налогов инвестиционный счет для детей предоставляющим на каждого ребенка, родившегося после 1 сентября 2002 года 500 фунтов стерлингов, половину от которой размещали на счете при рождении, вторую половину по достижении семилетнего возраста. Данная сумма удваивалась для малообеспеченных семей. В итоге суммарный коэффициент рождаемости в Великобритании в период с 2002 по 2012 год вырос на 18% и составил 1,92 ребенка на одну женщину [5].

Таким образом исследование зарубежного опыта проведения семейно-демографической политики подтвердило гипотезу о возможности преодоления депопуляции и переходе к простому режиму воспроизводства населения в случае реализации эффективной государственной политики, направленной на поддержку молодых и многодетных семей.

К сожалению, в России практически не рассматривается идея внедрения налоговых льгот, дифференцированных семейных пособий, льготных программ получения высшего образования для семей с детьми, создания альтернативной системы ухода за детьми до 3-х лет в качестве действенной меры поддержки рождаемости.

Среднесрочные сценарии демографического развития России. Для детального исследования дальнейшей демографической динамики в России нами были смоделированы сценарии демографического развития России до 2063 года в рамках регрессионного, инерционного и эволюционного подходов построенных на основе данных о динамике рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни и миграционного прироста.

Регрессионный сценарий связан с возможностью ухудшения социального самочувствия населения вследствие неблагоприятной экономической ситуации, бюджетного дефицита и введения международных санкций, а также приостановления действия Федеральной программы «Материнский капитал» в 2017 году. В этой связи в данный сценарий заложено нивелирование положительных демографических тенденций, наблюдаемых в последние годы и постепенное снижение ключевых демографических показателей до уровня середины 90-х – начала 2000-х годов. Так в этом сценарии Суммарный коэффициент рождаемости снижается до 1,37 к 2020 и до 1,2 к 2050 г. Ожидаемая продолжительность жизни прекращает рост и к 2030 г. снижается до 58,2 лет для мужчин и 72,1 для женщин, что соответствует уровням, зафиксированным в России в 1994-95 гг. Вследствие дальнейшего обесценивания рубля, понижения миграционной привлекательности и роста масштабов эмиграции общий миграционный прирост также начинает снижаться ежегодно на 10-12 тыс. человек. В этом случае численность населения в рамках регрессивного сценария может составить 130 млн человек к 2030 году и 102 млн человек к 2050 году. Безусловно этот сценарий является крайне опасным как для социально-экономического, так и для сохранения территориальной целостности России.

Инерционный сценарий предполагает сохранение текущих тенденций демографического развития России и не предполагает резких изменений

демографических показателей. Наше исследование показало, что даже при сохранении текущих масштабов миграционного прироста населения и суммарного коэффициента рождаемости в районе 1,7–1,6 численность населения России к 2030 г. составит 141 млн 372 тыс. человек, а к 2050 г. она снизится почти на 10 млн и составит 131 млн 445 тыс. человек.

В то же время наше исследование показало возможность реализации эволюционного сценария демографического развития в России, основанного на успешном зарубежном опыте проведения семейно-демографической политики, предполагающей повышение суммарного коэффициента рождаемости до уровня простого воспроизводства (2,14) к 2027 г. и до уровня расширенного воспроизводства (2,27) к 2030 г. В этом случае при сохранении текущих тенденций миграционного прироста численность населения России может составить 147 млн 166 тыс. в 2030 г. и 151 млн 972 тыс. в 2050 г. Для каждого из сценариев были построены половозрастные пирамиды, показывающие распределение населения по полу и возрасту в 2050 году.

Указанные проблемы диктуют необходимость проведения глубокого исследования новых моделей и стратегий вывода России из демографического кризиса. Требуется детальное изучение возможностей достижения простого и расширенного воспроизводства населения в России в краткосрочной и среднесрочной перспективе в условиях международной нестабильности и появлении новых территориальных угроз для нашей страны. Надвигающийся дефицит населения трудоспособного и призывного возраста накладывает серьезные ограничения на возможности продолжения устойчивого социально-экономического развития и реализацию внешнеполитического курса Российской Федерации.

Библиографический список

1. Всемирный банк (World Bank). URL: <http://data.worldbank.org/> (Дата обращения: 30 января 2015 г.).
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru (Дата обращения: 14 декабря 2014 г.).
3. Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России: 1900-2000. М.: Новое издательство, 2006.
4. Contemporary Family Policy in Ireland and Europe. Mary Daly and Sara Clavero. School of Sociology and Social Policy. Queen's University. URL: www.welfare.ie/en/downloads/cfpreport.pdf
5. Family Policy in the UK. Third report for the project. Welfare Policy and Employment in the Context of Family Change. Naomi Finch – <https://www.york.ac.uk/inst/spru/research/nordic/ukpolicy.pdf>

© Безвербный В.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Безвербный Вадим Александрович (г. Москва, Россия) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН) (119333, Москва, ул. Фотиевой, 6/1; e-mail: vadim_ispr@mail.ru).

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIA AFTER COLLAPSE OF THE USSR: TRENDS, FACTORS, PREDICTIVE SCENARIOS

Abstract. *The paper studies the trends in demographic development of Russia and other countries of the former Soviet Union after 1992, including the dynamics of fertility, mortality and life expectancy. The main factors, trends and consequences of the demographic crisis and depopulation in Russia are analyzed. The quantitative, qualitative and regional aspects of the dynamics of the demographic situation in Russia are investigated. Mechanisms, history, actions and effects for the implementation of socio-demographic policy in different countries of the world are studied. Possibility of successful implementation of government programs in France, Sweden and the UK, increasing the birth rate and depopulation overcoming are established. Scenarios of demographic development of Russia in the framework of regression, inertial and evolutionary approaches based on fertility dynamics, life expectancy and net migration are developed and simulated.*

Keywords: population dynamics, population health, demographic crisis, family and demographic policy, population projections.

Information about the author

Bezverbny Vadim Aleksandrovich (Moscow, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Researcher of the Socio-Political Research Institute of Russian Academy of Sciences (ISPR RAS) (6/1, Fotiyeva St., Moscow, 119333, , Russia; e-mail: vadim_ispr@mail.ru).

УДК 613:314.18

Безуглая Л.И.

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ РЕШЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ЗОНЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. *Целью статьи стало рассмотрение здоровьесберегающего поведения как одного из условий решения демографических проблем в зоне боевых действий. Нахождение в условиях высокого риска получения физического ущерба, опасного для жизни и здоровья, приводит к возникновению у людей чувства страха. Представлены способы перевода бесконтрольного страха в контролируемый посредством физических и дыхательных упражнений.*

Ключевые слова: здоровьесберегающее поведение, демографическая проблема, страх, физические, дыхательные упражнения.

В основе многих долгосрочных тенденций, определяющих социально-экономическое развитие и безопасность страны, лежат демографические процессы. На численный рост человечества и вопросы, с ним связанные, обратили внимание еще в средневековье такие ученые как: Конфуций (около 551—479 гг. до н. э.), Платон (428—347 гг. до н. э.), Аристотель (384—322 гг. до н. э.). В XX веке становление и развитие демографии нашло отражение в трудах: Д. И. Менделеева, К. Ф. Германа, П. П. Семёнова-Тян-Шанского, А. И. Чупрова, Ю. Э. Янсона С. П. Капицы, С. А. Новосельского, В. В. Паевского, О. А. Квиткина, С. Т. Струмилина, М. В. Птухи, С. А. Томилина и многих других [2].

В последние полвека наблюдаемое значительное внимание ученых к рождаемости, смертности и миграции населения связано с политической, социальной и экономической дестабилизацией общества, а также с увеличением

количества локальных вооруженных конфликтов на территории многих стран. Характерной чертой военных конфликтов XXI века является рост масштаба охваченных ими территорий, число вовлекаемых в них стран и народов, степени жесточечности, количества жертв и величины ущерба [3].

В настоящее время особо актуальным является начавшийся в 2014 году вооруженный конфликт на территории Донецкой и Луганской областей с применением тяжелой боевой техники и авиации, что привело к значительному сокращению численности населения и изменению его возрастно-половой структуры. Так по данным Управления Верховного комиссара ООН по правам человека на 3 мая 2015 года, жертвами конфликта на Украине стали 6243 человека, ранения получили 15 615 человек. Количество беженцев, по данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, на 16 апреля 2015 года превысило 2 миллиона человек, в том числе 1 миллион 228 тысяч жителей Донбасса выехали в другие регионы Украины, а 800 961 человек – за пределы Украины, из них около 660 тысяч в Россию и 81 тысяча – в Белоруссию. При этом в отчете Управления ООН по координации гуманитарных вопросов отмечается, что в зоне боевых действий, на территории ЛНР и ДНР, продолжают оставаться около 5,2 миллиона человек [4]. В связи с этим изменяются и такие социальные явления как: семейный и культурный состав населения, происходящий в результате эвакуации и миграции; отсутствует возможность полноценного обучения, проведения культурно-зрелищных и спортивно-оздоровительных мероприятий.

Для многих людей возникает ситуация, в которой, как писал известный британский социолог Зигмунт Бауман: «Уровень жизни, общественное положение, признание полезности и права на собственное достоинство могут исчезнуть все вместе и без предупреждения» [3, с. 10]. Потеря контроля над собственной судьбой и экономическими условиями жизни, приводит к возрастанию неопределенности относительно преимущества, будущей стабильности и личной безопасности. Человек в таких условиях становится все более дезориентированным, неуверенным и беспомощным как в индивидуальной, так и социальной жизни. Радикально пересматривается и система ценностей, которая еще недавно для большинства людей была практически незыблема и обеспечивала условия стабильности и нормального существования.

Незащищенность личности перед лицом неконтролируемых опасностей, низкие доходы большей части населения, приводящие к неполноценному питанию; систематические стрессовые ситуации; снижение доступности медицинской помощи, связанное с высокими ценами на лекарства; маргинализация части населения (безработица, профессиональная и моральная деградация) привело в Донецкой и Луганской народных республик к уменьшению рождаемости и брачности, увеличению смертности, заболеваемости и инвалидности, а также ухудшению физического развития подрастающего поколения.

В связи с этим, возникает необходимость в поиске и разработке научно обоснованных высокоэффективных соответствующих всем категориям граждан, форм и методов улучшения общественного и индивидуального здоровья. Одним из условий, для решения возникшей демографической проблемы на территории Донецкой и Луганской народных республик, на наш взгляд, является формирование здоровьесберегающего поведения.

Объектом исследования стали демографические процессы на территории Донецкой и Луганской народных республик, которые в течение последнего года остаются в зоне боевых действий.

Целью настоящей статьи является анализ здоровьесберегающего поведения, как одного из условий решения демографических проблем в зоне боевых действий.

В ходе исследования использовались следующие методы: теоретический анализ и обобщение литературных источников по теме исследования, социологический опрос и наблюдения в период с января по май 2015 года.

Результаты исследования. Не поддается сомнению тот факт, что здоровья является основополагающим в жизни каждого человека и любого общества в целом. От здоровья населения зависит благополучие, экономическое и социальное развитие страны. Многочисленные исследования ученых, посвящены вопросам формированию, сохранению и укреплению здоровья и здоровому образу жизни. Однако, в доступных нам источниках, мы не нашли рассмотрения *здоровьесберегающего поведения в зоне боевых действий*, которое имеет свои характерные особенности.

Проведенные нами наблюдения показали, нахождение в условиях высокого риска получения физического ущерба опасного для жизни и здоровья приводит к появлению у большинства людей страха пред войной и смертью. Страх является одной из форм эмоциональной реакции, которая проявляется в нарушении работы внутренних органов, что приводит к неадаптивным проявлениям таким как: изменения мимики, окраски кожного покрова, артериального давления, частоты и ритма дыхания и пульса. Движения становятся более скованными, теряется координация и точность их выполнения за счет напряжения многих групп мышц.

По мнению Ю. В. Щербатых, долговременный страх ведет к таким патологическим изменениям в организме: происходит задержка натрия и воды в организме, а это приводит к отекам; повышается уровень артериального давления, вплоть до формирования гипертонии; повышается уровень сахара в крови, что может спровоцировать появление симптомов сахарного диабета или его развитие; увеличивается вымывание кальция из организма, что может привести к развитию остеопороза; нарушается процесс пищеварения, что повышает риск развития гастрита или язвы желудка; снижается иммунитет и сопротивляемость инфекциям, и, как следствие, активизируется патогенная микрофлора; снижается проницаемость мелких сосудов – капилляров, что может приводить к нарушению кровоснабжения мозга и как следствие к инсульту. Страх заставляют железы внутренней секреции, в первую очередь надпочечники, выбрасывать в кровь человека повышенное количество гормонов стресса (адреналина, кортизола и др.). Если же количество этих гормонов в крови зашкаливает, это наносит серьезный удар практически по всем органам и системам. В напряжении находятся и скелетные мышцы, что может спровоцировать развитие приступов шейного или поясничного радикулита. Чем дольше человека находится в состоянии страха тем большее напряжение он испытывает и тем самым наносит вред своему организму. Немецкий философ Гумбольдт утверждал, что страх и переживания равносильно медленному самоубийству [5].

Результаты наших наблюдений показали, что у человека под влиянием страха все способности достигают либо крайнего напряжения, либо приходят в полный упадок. Отличительной особенностью было то, что страх у одних был

контролируемым, а у других бесконтрольным. Контролируемый страх позволял осознать грозящую опасность и превращался в своеобразный катализатор энергии и решительности. Работа всех органов и систем организма при этом мобилизовалась, что помогало найти рациональный выход из создавшейся ситуации. Бесконтрольный же страх приводил к панике, истерике, депрессии, неопределенности и неуверенности, человек утрачивал способность контролировать действия и принимать адекватные решения. Не только чувство страха, но любой внешний раздражитель, вызывал у людей находящихся в зоне боевых действий, сильную эмоциональную реакцию, причем чаще всего негативную. Сила проявления зависела от многих факторов, одним из которых является умения к самоконтролю.

На основании анализа результатов собственных исследований и некоторых положений в работах К.С. Станиславского, Э. Джебсона, Л. Персиваля и других, мы сделали предположение о том, что если человек сумеет волевым актом воздействовать на свои внешние психофизические проявления и тем самым нормализовать, или снизить их величину, то таким способом можно бесконтрольный страх перевести в разряд контролируемого.

Задачами нашего эксперимента было:

– воспитать у испытуемых лиц привычку к самоконтролю за психологическим состоянием по внешним проявлениям эмоций;

– сформировать навыки к преодолению внешних физических проявлений напряженности с помощью физических и дыхательных упражнений, а именно: научить расслаблять мышцы и устанавливать ритм дыхания, характерный для спокойного, психофизического состояния.

Для преодоления внешних проявлений напряженности, скованности и отвлечения от различных эмоциональных ситуаций разучивался комплекс специальных физических упражнений, с поочередным напряжением и расслаблением различных групп мышц. Акцентировалось внимание на чувстве восприятия степени напряжения мышц с максимальным, средним и минимальным усилием, с последующим их расслаблением. Для развития способности к наиболее полному расслаблению мышц использовалась и аутогенная тренировка. Главное значение при этом играл сам процесс выполнения физического упражнения на расслабления, который является фактором, сопутствующим выходу из психофизического напряжения [1].

В результате систематических обстрелов их непредсказуемости и хаотичности, у многих людей наблюдалось постоянное напряжение, что привело к бессоннице или трудности с засыпанием. Для восстановления сна, утраченного в результате чрезмерного эмоционального напряжения, мы предлагали выполнять следующее упражнение: лежа на спине, сделать небольшой вдох, затем выполняется напряжение мышц груди, шеи и рук и продолжительный выдох с последующим расслаблением мышц. Внимание сосредотачивается на выдохе.

Учитывая, что замедление дыхания влияет на тонус нервной системы, притормаживает обменные процессы, адреналин менее активно поступает в кровь, а следовательно, снижается страх, тревога и волнение, мы рекомендовали испытуемым выполнять успокаивающее дыхание. При выполнении внимание уделялось постепенному укорочению вдоха и удлинению выдоха и паузы после него. Выдох удлиняется до тех пор, пока он не станет вдвое длиннее вдоха, а затем

удлиняется продолжительность паузы, которая должна стать половиной длины вдоха. Схему успокаивающего дыхания можно представить так: 2+2(2); 4+2(2); 4+6(2); 4+7(2); 4+8(2); 4+9(2); 5+9(2); 5+10(2); 6+10(3); 7+10(3); 8+10(3); 9+10(4); 10+10(5). Первая цифра обозначает продолжительность вдоха в секундах, вторая – продолжительность выдоха, третья (в скобках) – задержку дыхания после выдоха.

По окончании эксперимента, который проводился в течение пяти месяцев (2-3 занятия в неделю), был получен ряд положительных результатов. Так, испытуемые лица научились контролировать свое эмоциональное состояние, существенно повысили способность к произвольному расслаблению мышц, научились преодолевать скованность, контролировать ритм дыхания, многие избавились от бессонницы, значительно ускорился процесс засыпания. Наряду с этим, следует отметить и тот факт, что в экстремальных ситуациях у испытуемых были незначительные изменения артериального давления, снизились такие вегетативные реакции, как частота пульса и дыхание. Одновременно с этим повысились и показатели, характеризующие распределение и переключение внимания, быстрота в действиях и решениях, координация и точность движений.

Выводы. В связи с боевыми действиями на территории Луганской и Донецкой народных республик произошло обострение внешней и внутренней политической и экономической обстановки, что стало причиной демографического кризиса. В связи с этим здоровьесберегающее поведение приобретает стратегическую значимость и актуальность, ибо состояние здоровья общества и человека в частности прямо пропорционально социально-экономическому развитию и безопасности страны.

В зоне боевых действий люди испытывают страх, который приводит к различным психосоматическим заболеваниям, уменьшается рождаемость и продолжительность жизни. Специально подобранные физические упражнения действуют как транквилизатор, так как в организме выделяется гормон эндорфин, содержащий морфин, который способствует снижению восприимчивости к страху. Дыхательные упражнения по типу «короткий вдох и долгий выдох с задержкой дыхания», снимают излишнее волнение, успокоительно воздействуя на нервную систему, воспитывают привычку к самоконтролю за эмоциональным состоянием.

Учитывая многоаспектность здоровьесберегающего поведения, планируется продолжить дальнейшие исследования в этом направлении.

Библиографический список

1. Безуглая Л. И. Методика преодоления психосоматического напряжения у студентов на занятиях по физическому воспитанию /Л.И. Безуглая //Проблеми сучасної педагогічної освіти. зб. статей: Ялта: РВВ КГУ, 2014. Вип.44. Ч.4. С 11.
2. Медков В.М. Демография: Учебное пособие. Серия «Учебники и учебные пособия». Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 448с.
3. Мукомель В. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в постсоветском пространстве /В. Мукомель. – Центр этнополитических и региональных исследований. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/center/popul/popul22.html>
4. ООН: Более 6,2 тысячи человек погибли в Донбассе с апреля 2014 года. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150507/1063161280.html>.
5. Щербатых Ю.В. Психология страха. М.: Эксмо, 2007. 512 с.

© Безуглая Л.И., 2015. Текст.

Информация об авторе

Безуглая Лариса Ивановна (г. Горловка, Донецкая Народная Республика) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания и охраны здоровья Горловского института иностранных языков (84626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25; e-mail: L0ren@mail.ru).

Bezuglaya L. I.

HEALTH PROTECTING ACTIVITY BEHAVIOR FOR DECISION OF DEMOGRAPHIC PROBLEMS IN ZONE OF BATTLE ACTIONS

Abstract. *Consideration of health protecting activity behavior as a term of demographic problem-solving in the zone of battle actions became the aim of the article. Being in the conditions of high risk of physical damage dangerous for life and health results in arising the sense of fear among people. The methods of uncontrolled fear translation to controlled one by means of physical and respiratory exercises are presented.*

Keywords: health protecting activity, demographic problem, fear, physical, respiratory exercises.

Information about the author

Bezuglaya Larisa Ivanovna (Gorlovka, Donetsk People's Republic) – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of The Chair of Physical Education and Health protection, the Gorlovka Institute of Foreign Languages (DNR, Gorlovka, street of Rydakova, 25; e-mail: L0ren@mail.ru).

УДК 1.159

Боднар Э.Л., Шахматова Е.П.

ТРУДНОСТИ ВУЗОВСКОЙ АДАПТАЦИИ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются результаты исследования вузовской адаптации, проведенного в четырех вузах г. Екатеринбургa. Выделены основные трудности адаптации, характерные для студентов разных курсов, местных и иногородних студентов, а также высокотренированных и переживающих одиночество.*

Ключевые слова: трудности вузовской адаптации, местные и иногородние студенты, тревожность, одиночество, самочувствие.

Одним из объектов демографической политики является студенчество как отдельная социально-демографическая группа. Поэтому вполне закономерно, что основные направления демографической политики согласованы с целым рядом сфер социальной политики, среди которых выделены такие как профессиональная подготовка, образование и здравоохранение, урбанизация и расселение, занятость и пр.

Высшее образование в России находится в состоянии реформирования: закрываются или укрупняются вузы, разрабатываются и внедряются новые образовательные стандарты (а значит, и требования к будущему специалисту), сокращается количество бюджетных мест и пр. Эта непростая ситуация, безусловно, отражается на студентах. С учетом современной ситуации в образовании проблема адаптации студентов к вузу приобретает особую актуальность.

Проблема адаптации студентов к вузу уже давно изучается представителями различных дисциплинарных областей: психологами, педагогами, социологами. Как правило, ими рассматривается адаптация к учебному процессу первокурсников – как группы, наиболее чувствительной к новым условиям жизнедеятельности.

Вузовская адаптация – это особый психологический феномен, обусловленный рядом факторов, которые можно объединить в три блока: социологический, психологический и педагогический [1]:

- социологический блок включает такие факторы, как возраст, социальное происхождение, тип образования;

- психологический блок содержит индивидуально-психологические, социально-психологические факторы: интеллект, направленность, личностный адаптационный потенциал, положение в группе;

- педагогический блок, в свою очередь, имеет следующие факторы: уровень педагогического мастерства, организация образовательной среды, отчужденная позиция преподавателей вуза.

В нашем исследовании основное внимание уделяется психологическому блоку факторов. В работах этого направления изучается психологическая адаптация и ее субъективные критерии: мотивация, удовлетворенность обучением, переживание тревожности и одиночества, физическая и психофизиологическая адаптация (Айзман Р. И., Будук-оол Л. К., Красильникова В. А.; Калуженина Т. А.; Корчагина С. Г., Берестнева О. Г. и Шаропин К. А. и др.). Именно личностные особенности выступают в исследованиях как индикатор полярности процесса (адаптации/дезадаптации, прогресса/регресса) (Андреева Г. М., Захарова Л. Н., Краснова В. В., Мешков Н. И., Реан А. А., Селье Г. и др.).

Другое направление нашего исследования связано с выявлением трудностей вузовской адаптации. Нередко исследователи выделяют «синдром вузовской дезадаптации» (Васильева С. В., Зарембо Н. А., Селье Г. и др.), который обусловлен такими факторами, как своеобразие методики и организации учебного процесса в вузе, большой объем информации, отсутствие навыков самостоятельной работы, что вызывает большое эмоциональное напряжение, которое приводит к разочарованию в выборе будущей профессии. Действительно, студенту в вузе приходится решать вопросы, к которым он подготовлен недостаточно. Преодоление трудностей адаптационного периода требует мобилизации интеллектуальных возможностей, волевых усилий, проявления определенных моральных качеств. С этими трудностями не всегда и не все студенты справляются достаточно успешно, поэтому процесс адаптации студента к условиям вуза должен протекать под влиянием специально организованных воздействий, включая и вневузовские факторы [2, 3, 5, 10].

Зачастую для удобства теоретического и практического анализа трудности вузовской адаптации дифференцируют на объективные и субъективные [2, 3]. Объективными трудностями являются не зависящие от индивида переменные: смена социальной среды; отличия программ обучения вуза и школы; смена бытовых условий (проживание вдали от родителей, с незнакомыми людьми в общежитии либо съемной комнате с приятелями); перемена распорядка дня, привыкание к городской среде (для иногородних); тип предшествующего образования. Субъективные трудности связывают с внутренними качествами, персонифицированными в личности, такими как мотивация и цель обучения,

тревожность, одиночество, уровень самоконтроля, характер, темперамент, эмоциональные и волевые качества, уровень взаимоотношений и др.

Е.П. Кринчик [6] выделяет следующие константные «проблемные зоны» исследования вузовской адаптации.

1. Проблемы первокурсников: отсутствие преемственности в школьном и вузовском образовании; изучение и коррекция представлений об избранной профессии, специальности и условиях будущей профессиональной деятельности.

2. Модель обучения: цели и функции высшего образования, соотношение традиционной и инновационной моделей обучения, соотношение науки, образования и производства в обучении.

3. Структура умственной деятельности студента в вузовском обучении и пути ее формирования: особенности учебной деятельности студентов-отличников; формирование культуры умственного труда; формирование профессионального мышления в процессе вузовского обучения и т.д.

4. Экология учебы и жизни студента: режим учебы, режим отдыха, режим сна и питания; проблемы перегрузки студентов; валеологические проблемы вузовского обучения.

5. Субъективные факторы как детерминанты качества профессиональной подготовки студентов в вузе: профессиональная направленность, учебная, познавательная и профессиональная мотивации и пути их формирования; психологическая готовность к обучению в вузе, степень сформированности навыков саморефлексии и самоорганизации.

6. Профессиональное воспитание студентов: формирование позитивного отношения к выбранной профессии, основ профессиональной этики, профессиональной позиции и профессиональных установок.

7. Вуз глазами студентов: оценка студентами вуза, преподавателей, учебного процесса в деталях и в целом, итогов практической и профессиональной подготовки.

8. Выпускник вуза: профессиональные планы, успешность адаптации.

Следует отметить, что изучение этих проблем и трудностей адаптации студентов к вузу предпринималось еще в работах 60-х годов XX века, но спустя десятилетия они и до сих пор являются актуальными.

Наше исследование посвящено изучению личностных особенностей студентов в связи с выделенными ими трудностями адаптации к вузу. В нем приняли участие 356 студентов (133 чел. – местные, 223 чел. – иногородние) четырех вузов г. Екатеринбурга, обследованных по трем методикам: «Шкала тревоги Спилбергера» (State-TraitAnxietyInventory, STAI) в адаптации Ханина Ю. Л.; опросник «Одиночество» Корчагиной С. Г.; анкета на выявление трудностей в адаптационной сфере студентов Зарембо Н. А.

Анализ результатов проводился по следующим критериям: 1) местные и иногородние студенты; 2) пол; 3) курс обучения; 4) вузы; 5) личностные особенности (одиночество и тревожность). При обработке полученных данных использовалось угловое преобразование Фишера.

Рассмотрим некоторые результаты исследования. Распределение местных и иногородних студентов по выраженности ситуативной и личностной тревожности статистически не значимо. Реактивная (ситуативная) тревожность понимается как состояние человека в данный момент времени, которое характеризуется

субъективно переживаемыми эмоциями: напряжением, беспокойством, озабоченностью, нервозностью в данной конкретной обстановке. Это состояние возникает как эмоциональная реакция на экстремальную или стрессовую ситуацию, может быть разным по интенсивности и динамичным во времени. Низкая тревожность характеризует состояние как депрессивное, с низким уровнем мотиваций. Иногда очень низкая тревожность в показателях теста является результатом активного вытеснения личностью высокой тревоги с целью показать себя в «лучшем свете». Обратим внимание на то, что лиц с низкой тревожностью в группах местных и иногородних студентов встречается 12 и 13 процентов соответственно. Очень высокая ситуативная тревожность встречается в 26 и 26 процентах случаев. Известно, что высокая ситуативная тревожность может быть прямо связана с наличием невротического конфликта, эмоциональными срывами и с психосоматическими заболеваниями (нейродермит и псориаз, язва желудка и двенадцатиперстной кишки, бронхиальная астма, гипертония и пр. [7]. В целом неблагополучие с ситуативной тревожностью наблюдается в 38 процентах случаев у местных и 39 процентах случаев у иногородних студентов, и это не может не настораживать.

Под *личностной* тревожностью понимается устойчивая индивидуальная характеристика, отражающая предрасположенность человека к тревоге и предполагающая наличие у него тенденции воспринимать достаточно широкий спектр ситуаций как угрожающие, отвечая на каждую из них определенной реакцией. Как предрасположенность личная тревожность активизируется при восприятии определенных стимулов, расцениваемых человеком как опасные для самооценки, самоуважения. Личности, относимые к категории высокотревожных, склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагировать на них выраженным состоянием тревожности. Если психологический тест выявляет у испытуемого высокий показатель личностной тревожности, то это дает основание предполагать у него появление состояния тревожности в разнообразных ситуациях, особенно когда они касаются оценки его компетенции и престижа [7]. В нашей выборке к высокотревожным отнесено 46 процентов местных и 50 процентов иногородних студентов. Часто это люди, переживающие чувство неуверенности и неудачи. Однако, при сравнении студентов первого, второго и третьего курсов по показателям ситуативной и личностной тревожности статистических различий не выявлено. Означает ли это, что пребывание в ВУЗе не сопровождается адаптацией к тем сложностям, которые эта новая – вузовская – среда порождает в психике половины первокурсников и, дойдя до четвертого курса, они живут с теми же проблемами? Однозначного ответа у нас нет, но вопрос, требующий исследования, обозначился со всей определенностью.

Глубоко переживают одиночество 40 процентов местных и 31 процент иногородних студентов. Одиночество – это переживание, вызывающее комплексное и острое чувство, которое выражает определенную форму самосознания, показывающее раскол основной реальной сети отношений и связей внутреннего мира личности [4].

Теоретический анализ исследований по проблеме одиночества показал, что данное состояние впервые в наиболее острой форме проявляется в подростковом возрасте, когда происходит поиск собственной идентичности и связей с

окружающем миром. Это связано, прежде всего, с развитием рефлексии в этом возрасте и переходом на новый уровень самосознания, с усилением потребностей в самопознании, принятии и признании, общении и обособлении, с кризисом самооценки [8, 9]. К тому же переориентация с общения с родителями и значимыми взрослыми на ровесников делает проблему взаимоотношений с подростками весьма актуальной, а иногда и очень болезненной. Это справедливо и в отношении периода юношества. Если молодой человек в общении с друзьями и однокурсниками не получает признания и эмоционального отклика, если не удовлетворяются его потребности в социальном единении и самоутверждении, то у него возникает чувство одиночества. По нашим данным, по глубине переживания актуального одиночества на первом месте оказались студенты первого курса, затем третьего, а студенты второго курса – на третьем месте.

Данные по анкете Н.А. Зарембо [2] на определение трудностей вузовской адаптации показывают, что для студентов с высокими показателями по двум шкалам методики Спилбергера и глубоко переживающих актуальное одиночество характерны следующие трудности и особенности: они испытывают большое эмоциональное напряжение, связанное с вузовской ситуацией; отмечают ухудшение эмоционального самочувствия с начала учебного года; без желания идут в вуз и на занятия; чаще испытывают трудности по всем предметам; им трудно сориентироваться как себя вести и как общаться; не исключают возможности покинуть вуз.

Говоря о трудностях в интерперсональной сфере отметим, что для этих студентов характерен весь возможный комплекс проблем, связанных с общением и взаимодействием. Именно у них чаще всего складываются плохие отношения с группой в целом; испытывают сложности в общении с родителями, друзьями, однокурсниками, представителями противоположного пола; испытывают одиночество и чувство тоски по близким. Кроме того, они отмечают проблемы в области самопрезентации; трудности, связанные с освоением большого объема новых знаний; самоорганизации и организации своего времени и сил. В то же время, высокотрехотные студенты отмечают, что у них не ухудшилась успеваемость. Можно предположить, что трудности, испытываемые тревожными студентами в академической сфере, связаны в основном с неадекватной (преувеличенной) оценкой данных трудностей и неадекватной (заниженной) самооценкой своих возможностей.

Высокотрехотные студенты не исключают, что им может понадобиться помощь специалиста-психолога.

Студенты, глубоко переживающие актуальное одиночество, в отличие от высокотрехотных студентов, отмечают ухудшение сна после поступления в вуз и повышение раздражительности. Достоверно чаще такие студенты хотят научиться управлять своими негативными эмоциями. Но, в отличие от тревожных студентов, они не считают необходимым обращение к специалисту-психологу. В целом данный комплекс переживаемых проблем рассматривается автором методики как синдром дезадаптации, а лица-носители данного синдрома – дезадаптангами [2]. Как показывают результаты нашего исследования, до пятидесяти процентов выпускников вузов являются представителями группы дезадаптации. Очевидно, что и профессиональный, и личностный потенциал этих людей оставляет желать лучшего. Очевидны и социально-демографические последствия этого факта.

Библиографический список

1. Бусловская Л. К. Адаптация студентов и школьников к учебным нагрузкам // Современные проблемы науки и образования. 2006. № 1. С. 38-38
2. Зарембо Н. А. Особенности типичных трудностей вузовской адаптации выпускников сельских и городских школ // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 34. С. 9 – 23.
3. Калуженина Т. А. Субъективные критерии адаптации студентов первого курса к условиям обучения в вузе // Психология в экономике и управлении. 2009. №2. С. 95-98.
- 4 Корчагина С. Г. Психология одиночества: учебное пособие. – М : Московский психолого-социальный институт, 2008.
5. Краснова В. В. Социальная тревожность как фактор нарушений интерперсональных отношений и трудностей в учебной деятельности у студентов. Дисс. канд. психол. наук. М.: МГППУ, 2011.
6. Кринчик Е. П. Студент в учебном процессе: проблемы с сорокалетним стажем / Е. П. Кринчик // Психология в вузе: Ежеквартальный научно-методический журнал. 2009. № 3. С. 55-68.
7. Малкина-Пых И. Г. Психосоматика: справочник практического психолога. – Москва.: Изд-во ЭКСМО, 2005.
8. Слободчиков В.И. Переживание одиночества в контексте проблем психологической адаптации студентов психолого-педагогических вузов // Психологическая наука и образование. 2005. №4. С. 71-77.
9. Рассел Д. Измерение одиночества. М.: Просвещение, 1995.

© Боднар Э.Л., Шахматова Е.П., 2015. Текст.

Информация об авторах

Боднар Эльвира Львовна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат психологических наук, доцент, департамент психологии Уральского федерального университета (620026, г. Екатеринбург, ул. Куйбышева, 48а; e-mail: abodnar@rambler.ru).

Шахматова Елена Павловна (Россия, г. Екатеринбург) – студентка, департамент психологии Уральского федерального университета (620026, г. Екатеринбург, ул. Куйбышева, 48а; e-mail: arhipelag_gulag@inbox.ru).

Bodnar E. L., Shakhmatova Ye. P.

DIFFICULTIES OF UNIVERSITY ADAPTATION AND PERSONALITY TRAITS OF STUDENTS

Abstract. *The article discusses the results of a study of University adaptation in four Universities of Yekaterinburg. The main difficulties of adaptation, typical for students of different courses, local and non-resident students as well as with high anxiety and experiencing loneliness are allocated.*

Keywords: difficulties of University adaptation, local and nonresident students, anxiety, loneliness, feeling.

Information about the authors

Bodnar Elvira Lvovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology, Ural Federal University (48A, Kuybysheva Str., Yekaterinburg, 620026, Russia; e-mail: abodnar@rambler.ru)

Shakhmatova Yelena Pavlovna (Yekaterinburg, Russia) – student, Department of psychology, Ural Federal University (48A, Kuybysheva Str., Yekaterinburg, 620026, Russia; e-mail: arhipelag_gulag@inbox.ru).

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОЭФФИЦИЕНТА ЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В данной статье рассматривается динамика коэффициента естественного прироста в Свердловской области. На основе имеющихся данных был построен прогноз. Для прогнозирования использовались два метода: сценарный и трендовое моделирование. Прогноз выявил тенденцию снижения коэффициента естественного прироста в области.

Ключевые слова: естественный прирост населения, коэффициент, прогноз, демографические показатели.

Коэффициент естественного прироста населения является одним из показателей естественного движения населения. В свою очередь, динамика изменения естественного движения населения позволяет оценить социально-экономическое развитие региона, а также эффективность проводимой политики.

Важнейшей составляющей экономики является человеческий капитал, поэтому каждый член общества представляет собой социальную ценность высшего порядка.

Прежде всего, при планировании и прогнозировании любого социального процесса необходимо учитывать количество народонаселения, особенно остро этот вопрос встал в связи с тяжелой демографической ситуацией в России, когда сокращение населения затронуло почти всю территорию страны.

Естественный прирост населения служит наиболее общей характеристикой роста населения. Низкий естественный прирост является следствием политических, экономических или социальных проблем.

Сейчас в Свердловской области наблюдается увеличение естественного прироста населения, коэффициент естественного прироста с 2012 года стал положительным, но данный показатель довольно нестабилен и в условиях кризиса снова может опуститься до отрицательных значений. Кроме того, в 2014 году коэффициент естественного прироста составлял 0,5, это означает, что население увеличивалось всего на 0,5 человека на 1000 населения. Необходимость решения названных проблем обуславливает важность изучения естественного прироста, как индикатора демографического развития и стабильности населения. Выявление закономерностей в естественном приросте населения служит основой для составления планов и программ в сфере демографического развития муниципального образования, региона, страны.

Основным недостатком коэффициента естественного прироста является то, что он не отражает своих причин, то есть при высоком уровне рождаемости и высоком уровне смертности коэффициент естественного прироста может быть и положительным, но это не будет означать, что демографическая ситуация благоприятна, так как высокая смертность всегда является последствием неправильной (неэффективной) политики.

Для проведения прогноза были исследованы основные тенденции прогнозного фона, а также прогнозы исследовательских центров. На их основе было составлено 3 сценария развития динамики естественного прироста в Свердловской области.

Первый сценарий – оптимистический. При наиболее благоприятном стечении обстоятельств Россия выйдет из кризиса в короткие сроки, стабилизируется экономика, цены на продовольственные товары несколько опустятся. Данная ситуация возможна при росте цен на нефть. В таком случае уже в 2015 году стоимость нефти будет составлять более 80 рублей за баррель, и курс рубля будет держаться на уровне 43-45 рублей за доллар. Данный прогноз рассматривает как вероятный руководитель Экономической экспертной группы Е. Гурвич. К 2016 году ожидается полное восстановление экономики [6]. Основным благоприятный фактор в данном случае – стабилизация курса валюты в короткие сроки.

Медицина в области начнет активно развиваться: будет увеличена обеспеченность людей врачами, койко-местами, в муниципальных и областных больницах и поликлиниках начнут не только устанавливать, но и использовать новейшее оборудование. В области уже реализуется комплекс мер по выхаживанию новорожденных, перинатальная диагностика, неонатальная хирургия. По итогам 2014 года, коэффициент младенческой смертности составил 6,2 промилле – на 10,2 процента ниже, чем в 2013 году, и на 11,8 процента ниже по сравнению с показателями «дорожной карты». Летом 2015 года в Екатеринбурге начнется строительство кардиоцентра «Город сердца», данный проект реализуется для работы по профилактике и лечению сердечно-сосудистых заболеваний [1]. Помимо этого, в 2015 году в Свердловской области начнется реализация областной целевой программы «Здоровье уральцев». Программой предусматриваются дополнительные меры по профилактике сердечно-сосудистых заболеваний, укреплению здоровья матери и ребёнка, а также мужского населения региона.

Как следствие, смертность будет снижаться, а средняя продолжительность жизни продолжит увеличиваться. В данных обстоятельствах смертность может опуститься до уровня 2013 года, а в 2016 году еще несколько уменьшиться.

Кроме этого, уровень рождаемости будет плавно расти, будет увеличиваться количество семей с двумя и более детьми. Данные показатели будут достигнуты в ходе удачной реализации областных программ и стратегий. Уже сейчас наблюдается рост многодетных семей (с тремя и более детьми) в Свердловской области, в 2009 году их насчитывалось всего 17,5 тысяч, по итогам 2014 года – 36 тысяч, на начало 2015 года насчитывается уже 38 222 многодетных семьи [4].

На данный момент в области наблюдается некий «бум» рождаемости, сейчас коэффициент рождаемости составляет 14,5 (на 1000 человек рождается 14,5 детей в год). При сохранении данных темпов увеличения рождаемости можно ожидать, что коэффициент рождаемости на 2016 год составит примерно 14,8 промилле.

При сочетании благоприятных тенденций в названных выше показателях, коэффициент прироста населения составит +0,75 в 2015 году и +1 в 2016.

Второй сценарий – пессимистический. При неблагоприятном стечении обстоятельств социально-экономическая ситуация в России только ухудшится. Это значит, что при любом раскладе выровнять экономическую ситуацию будет невозможно, цены на продовольственные и непродовольственные товары будут только расти, цена на нефть снижаться, и вообще, курс рубля будет продолжать падать, так как Банк России продолжает тратить резервы.

Существенное падение покупательной способности населения за счет сочетания падения курса рубля, заморозки зарплат и уже запланированного роста

тарифов монополий приведет уже в 2015 году к резкому падению потребления, которое еще усугубится остановкой потребительского кредитования. Это, в свою очередь, приведет к падению ВВП в финансовом секторе.

При цене нефти до 50 долларов за баррель падение будет лишь более стремительным и глубоким: в 2015 году на 6,5%, затем на 4-5%. Кроме того, по прогнозу финансового аналитика Александра Купшикевича, в 2015 году цена нефти может опуститься до 40 долларов за баррель, он также не исключает шоковых уровней 30 и даже 20 долларов за баррель [3].

Инфляция, соответственно, прогнозируется в первом случае на уровне 10% в 2015 году, во втором – не менее 15% [6].

В условиях финансовой и социальной нестабильности многие граждане не захотят заводить детей. В таком случае запланированные на этот срок беременности будут отложены, что отрицательно скажется на рождаемости.

Пожилым людям станет гораздо труднее выживать на свои пенсии, их покупательная способность заметно упадет из-за обесценивания рубля и высокой инфляции. Да и мигрантам в России будет уже не так комфортно [5].

Также стоит отметить, что по такому сценарию можно увидеть рост цен на медикаменты первой необходимости. Неудивительно, если эти медикаменты будут еще и в дефиците, что может сказаться на увеличении смертности, особенно лиц пожилого возраста и больных с онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями.

В целом по стране наблюдается дефицит врачей, большая часть практикующих врачей находится в предпенсионном возрасте, а молодых специалистов недостаточно для того, чтобы заместить уходящих на пенсию, кроме того, молодые специалисты стараются устроиться в частные клиники. Дефицит бюджета коснется и финансирования поликлиник и больниц, не будет осуществляться обновление медицинского оборудования, будет уменьшаться доля бесплатных медицинских услуг.

Таким образом, можно наблюдать увеличение коэффициента смертности, который в значительной степени зависит от психического состояния человека, потому что все заболевания, включая физические и духовные, берут свое начало от эмоционального и психического состояния.

Прекращение реализации государственных программ поддержки семей, выплат материнского капитала будут способствовать уменьшению количества детей в одной семье. Таким образом, произойдет сокращение молодого населения и значительно возрастет количество пожилых людей, в соответствии с чем увеличится нагрузка на взрослое трудоспособное население.

Также сокращение рождаемости связано с грядущей нарастающей «демографической ямой», поэтому любое стимулирование населения к рождению детей носит чисто формальный характер, который не принесет никаких изменений.

Таким образом, коэффициент естественного прироста населения в 2015 г составит -0,7, а в 2016 г. – -1,3. Такая динамика говорит о довольно резком падении коэффициента естественного прироста и, соответственно, естественной убыли населения в ближайшие годы.

Третий сценарий – наиболее вероятный (базовый). Наиболее возможным вариантом развития событий, по нашему мнению, является постепенный выход России из кризиса. Безусловно, это займет не один и даже не два года, но уже к

2015 году цены на нефть постепенно начнут стабилизироваться до уровня 70 долларов за баррель, курс рубля будет составлять соответственно 53-54 рубля к концу года, а к концу 2016 года цена нефти поднимется до 100 долларов за баррель [3]. К 2016 году, вероятно, рубль поднимется до 47-49 рублей за доллар. Кроме того, маловероятна ситуация, при которой курс рубля стабилизируется в такие короткие сроки, скорее всего, на протяжении двух лет он будет колебаться в пределах 46-60 рублей за доллар [2].

В области медицины не будет наблюдаться резких изменений в лучшую сторону, возможно даже снижение обеспеченности людей врачами, обусловлено это секвестром бюджета, урезанием важных социальных статей, в том числе и здравоохранения. Кроме того, такие программы, как «Город сердца», не успеют оказать должное влияние на уровень заболеваемости и смертности в такие короткие сроки.

Что касается уровня смертности, то, несмотря на увеличивающуюся продолжительность жизни, коэффициент смертности несколько вырастет, связано это с увеличением количества самоубийств (как следствие экономического кризиса и сокращения рабочих мест), а также с нервными расстройствами и заболеваниями (обусловленными теми же факторами).

Уровень рождаемости несколько снизится, так как несмотря на существующие в области программы поддержки молодых и многодетных семей, в условиях кризиса люди стараются отложить рождение первого и следующих детей до лучших времен. На рождаемость будет влиять сокращение зарплат и увольнение потенциальных родителей, помимо объективного влияния данных факторов, будет и психологический аспект, который проявится в страхе нестабильности.

Структурные изменения населения, обусловленные сокращением числа женщин репродуктивного возраста (в результате «демографической ямы» 1990-х гг.), а также тенденция откладывания рождения первого ребенка на более поздний период будут сдерживать рост суммарного коэффициента рождаемости. Поэтому наблюдающийся в настоящее время демографически «бум» пойдет на спад.

Таким образом, в 2015 году коэффициент естественного прироста составит -0,1, а в 2016 году – -0,3, что означает, что в ближайшие 2 года в области снова будет наблюдаться естественная убыль населения.

Для подтверждения базового сценария была построена трендовая модель динамики естественного прироста (рис. 1). Степень полинома определяется количеством экстремумов кривой. Так как в нашем случае 7 экстремумов, была выбрана 6 (максимальная) степень полинома. Кроме того, коэффициент достоверности аппроксимации R^2 составляет 0,9819, что подтверждает точность описания явления моделью.

После 2014 года линия тренда начинает довольно резко убывать, что означает уменьшение коэффициента естественного прироста, в течение 2015 года он еще будет положительным, но к концу 2015 года достигнет нулевого значения и в 2016 будет отрицательным (примерно -0,3).

В целом, результаты математического метода прогнозирования подтверждают прогнозы, выдвинутые в базовом сценарии.

Математические методы не учитывают резко изменившуюся экономическую и политическую ситуацию, поэтому требуют поправок с помощью эвристических исследований.

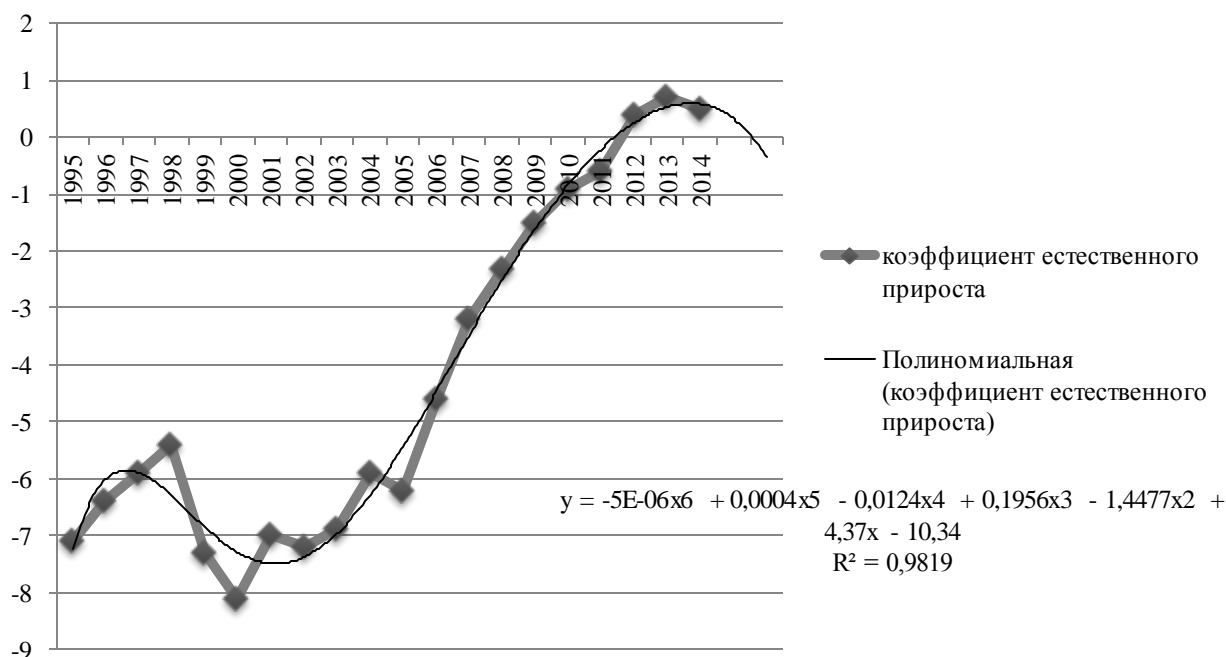

Рисунок 1. Прогноз коэффициента естественного прироста

Таким образом, можно сделать вывод, что на коэффициент естественного прироста влияет целый комплекс факторов, таких как уровень развития медицины, экономическая и политическая ситуация в стране и области, благосостояние населения в целом. Трудно сказать, какой именно фактор оказывает самое непосредственное влияние на коэффициент естественного прироста. Подводя итоги проведенного исследования, можно заключить, что естественный прирост в 2015-2016 неминуемо будет падать, связано это будет и с естественной закономерностью развития данного явления, и с таким фактором как кризис. Кроме того, сложившаяся в стране и мире экономическая ситуация повлияет на естественный прирост, поэтому цифры, спрогнозированные с помощью математического моделирования, могут еще несколько снизиться.

Библиографический список

1. Ольга Голодец отметила положительные тенденции в демографической ситуации Свердловской области [Электронный ресурс] / Областная газета. URL: <http://www.oblgazeta.ru/pressreleases/9617/> (дата обращения: 14.04.2015).
2. Прогноз курса доллара на 2016 год [Электронный ресурс] / Прогноз курса доллара и евро. URL: <http://prognoz-kursa.ru/prognoz-kursa-dollar-na-2016-god-v-rossii-grafik.html> (дата обращения: 20.04.2015).
3. Прогноз цен на нефть на 2015, 2016 и 2017 годы [Электронный ресурс] / Агентство Прогнозирования Экономики. URL: <http://apecon.ru/Prognoz-nefti-Brent/Prognoz-tsen-na-neft-na-2015-2016-i-2017-gody.html> (дата обращения: 20.04.2015).
4. Рожать в Свердловской области стали больше [Электронный ресурс] / Областная газета. URL: <http://www.oblgazeta.ru/society/22394/> (дата обращения: 14.04.2015).
5. Россия тонет в демографической яме [Электронный ресурс] / Утро.ru. URL: <http://www.utro.ru/articles/2014/12/05/1224512.shtml> (дата обращения: 15.04.2015).
6. Что будет с российской экономикой в 2015: три сценария [Электронный ресурс] / BBC: русская служба. URL:

http://www.bbc.co.uk/russian/business/2014/12/141231_russian_economy_forecasts (дата обращения: 15.04.2015).

© Власюк А.В., Темникова Ю.А., 2015. Текст.

Информация об авторах

Власюк Александра Владимировна (г. Екатеринбург, Россия) – студент, ФГАО ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: sashavlasyuk@gmail.com).

Темникова Юлия Алексеевна (г. Екатеринбург, Россия) – студент, ФГАО ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: sashavlasyuk@gmail.com).

Vlasyuk A.V., Temnikova J.A.

THE FORECAST OF CHANGES IN NATURAL INCREASE RATE IN SVERDLOVSK REGION

Abstract. *This article deals with the dynamics of natural increase rate in the Sverdlovsk region. The forecast is made on the basis of available data. Two methods were used in forecasting: scenario and mathematical modeling. The forecast has shown a tendency to a fall of natural increase rate in the region.*

Keywords: natural increase rate, coefficient, forecast, demographic indicators.

Information about the authors

Vlasyuk Alexandra Vladimirovna (Yekaterinburg, Russia) – Student, Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: sashavlasyuk@gmail.com).

Temnikova Julia Alexeevna (Yekaterinburg, Russia) – Student, Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: sashavlasyuk@gmail.com).

УДК 314.4

Габдрахманов Н.К., Егоров Д.О.

ВЛИЯНИЕ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ФАКТОРА НА ОЖИДАЕМУЮ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН) *

Аннотация. *Вопросы социальной инфраструктуры часто поднимаются руководством страны, региональными властями, являются предметом исследования научных коллективов. Данная статья призвана оценить значение объектов здравоохранения для ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Выявлены специфичные признаки медико-социальной инфраструктуры. Предложен индексный метод оценки обеспеченности объектами социальной инфраструктуры. Проведена апробация на примере Республики Татарстан. Представлена динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в субъектах Приволжского федерального округа, подробно рассмотрена Республика Татарстан. Методом оверлея выявлена зависимость между обеспеченностью*

* Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ №15-32-01322 «Имитационное моделирование геодемографической инфраструктуры региона: прогностическая геоинформационная модель».

объектами социальной инфраструктуры и ожидаемой продолжительностью жизни при рождении.

Ключевые слова: геодемография, геодемографическая инфраструктура, социальная инфраструктура, здравоохранение, ожидаемая продолжительность жизни, Республика Татарстан.

Несмотря на очевидные физиологические пределы различных возможных способов адаптации человека к условиям окружающей среды, человеческий организм проявляет необычайную пластичность, касающуюся его реакции на воздействия внешних факторов. Это становится особенно очевидным, когда наблюдаешь гибкость биологической конституции человека, подвергающейся самым разнообразным социокультурным детерминациям. В этнологии общепризнано, что способы становления и существования человека столь же многочисленны, сколь и человеческие культуры. Человеческая природа представляет собой социокультурную переменную. Несмотря на свою природную составляющую, определенную роль играют обеспечивающие и поддерживающие системы [4]. Зачастую качество жизни населения, его социальное развитие определяется доступностью разнообразных социальных услуг. С противоположной стороны – бедность, высокая степень дифференциации доходов и значительный уровень социального неравенства, наблюдающиеся в региональной экономике, можно рассматривать не только как недостаточный доход на душу населения, но и как отсутствующие или исчезающие возможности удовлетворения важнейших социальных потребностей населения [3]. Анализируя вышесказанное утверждение, можно заключить, что политика любого государства должна быть направлена на создание таких условий, которые обеспечивали бы достойную жизнь, свободное развитие человека, формирование и развитие человеческого капитала [11]. Важнейшую роль в этом, на наш взгляд, играют объекты геодемографической инфраструктуры [2].

Развитость объектов социальной инфраструктуры, их доступность играют важную роль прежде всего для местного населения, в то же время это фактор, способствующий усилению привлечения рабочей силы в данный регион [8]. Таким образом, они решают задачу улучшения качества и количества трудовых ресурсов, а развитость объектов социальной инфраструктуры региона может являться мерилем степени экономической и социальной защищенности его населения.

При подходе к вопросу определения понятия «социальная инфраструктура», стоит отметить наибольший интерес к нему со стороны: 1) экономгеографов, 2) экономистов и 3) социологов, однако у этих научных дисциплин зачастую расходятся мнения по поводу интерпретации термина. Так, первые «видят» социальную инфраструктуру как компонент при разработках вопросов экономического районирования и территориального планирования [10]. Вторые обращаются к нему с позиции обеспеченности социального равенства в рассматриваемых территориях. А экономисты изучают ее роль в разрезе качества человеческого капитала [8, 9].

Элементы социальной инфраструктуры обладают рядом особенностей (рис.1).

1) объекты социальной инфраструктуры имеют точечное расположение и оказывают свои услуги, в большинстве случаев, для местного населения;

2) потребители определенных услуг социальной инфраструктуры имеют свойственный только им социальный статус, положение, возраст или жизненную ситуацию (в школах учатся подростки, в больницу обращаются люди с определенными проблемами);

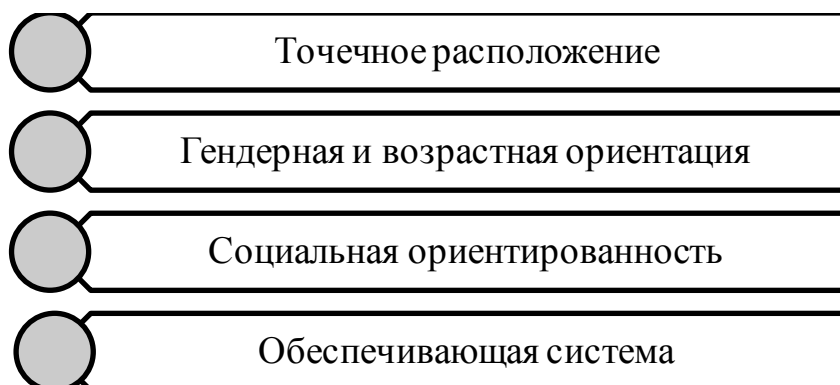

Рисунок 1. Специфика объектов социальной инфраструктуры

3) социальная ориентированность, заключается в правовом аспекте рассматриваемых услуг. В большей своей части объекты социальной инфраструктуры имеют государственное подчинение и финансирование. В законодательстве РФ закреплено право гражданина на бесплатное образование, медицину и т.д. Однако население имеет право выбора, например, получить те же услуги на платной основе (малый бизнес также берет на себя эти функции);

4) социальная инфраструктура позволяет удовлетворять потребности населения в сохранении здоровья, получении образования, проведении досуга и пр., гарантировать необходимый уровень и качество жизни в регионе, обеспечивать воспроизводство человеческих ресурсов и профессионально подготовленных кадров для различных сфер экономики.

Так как важнейшей жизненной ценностью человека является здоровье, его физическое и психическое самочувствие, то в данной статье речь пойдет, прежде всего, об объектах социальной инфраструктуры, связанных с системой здравоохранения. Понятие «здоровье» все чаще из чисто медицинского превращается в экономический показатель [13, 17]. Недооценка роли социальной инфраструктуры на протяжении многих лет привела к ее финансированию по остаточному принципу, что во многом не отвечает потребностям населения. Диспропорция размещения структур социальной инфраструктуры характерна для многих территорий нашей страны. В связи с этим на сегодняшний момент в России она не является механизмом формирования конкурентоспособности региона и фактором сдерживания собственных трудовых ресурсов [14]. Понимание этого позволяет утверждать, что вопросы оценки уровня развития социальной инфраструктуры регионов являются актуальными и требует своего решения. Учитывая тот факт, что среди признаков причастности отраслей и видов деятельности к инфраструктуре является невысокая степень их подчиненности закону территориального разделения труда, принадлежность к ориентирующимся в размещении на потребителя, то необходимым и обязательным является учет демографической ситуации анализируемой территории [7, 15].

– кризисный индекс обнаружен у 14 районов, находящихся практически полностью в Предволжской экономической зоне, а также 2 районов Предкамской экономической зоны;

– предкризисный индекс – у 11 районов, размещенных преимущественно в Нижне-Камской экономической зоне (5 из 11 районов);

– средний индекс – у 6 районов, расположенных на севере республики в Столичной и Предкамской экономическ их зонах;

– индекс выше среднего – у 6 районов, имеющих различное расположение на территории РТ;

– высокий (положительный) индекс – у 6 районов, по 2 в Юго-Восточной и Нижне-Камской экономических зонах. Наивысшее значение индекса функционирования получил Зеленодольский район.

Города республиканского значения – Казань и Набережные Челны – попали в группы с высоким (положительным) индексом и индексом выше среднего соответственно.

Несмотря на то, что привязка районов с присвоенными индексами проводилась к экономическим зонам, из визуального анализа картосхемы можно выделить отчетливые группировки районов по рассчитанному индексу. Так, если объединить в одну группу крайне низкий и низкий индексы, то получим 2 ареала с наихудшими показателями: юго-западный и северо-восточный. Районы со средним индексом логично выделить в северный ареал. При объединении индексов выше среднего и высокого (положительного) выделяется центрально - юго-восточный ареал с наилучшими показателями индексов.

Интегральным показателем качества здоровья, качества жизни населения может служить показатель ожидаемой продолжительности жизни [1, 5]. Продолжительность жизни зависит от многих факторов: от образа жизни (один из наиболее важных факторов), уровня доходов, воспитания и образования человека, наследственности, уровня загрязнения окружающей среды, качества питания, развития системы здравоохранения, уровня преступности, возможности спокойно зарабатывать на жизнь и многих других.

Ученые разных сфер уже несколько столетий пользуются показателем ожидаемой продолжительности жизни или средней продолжительности жизни, равной средней арифметической распределения дожития до некоторого возраста x лет (по продолжительности оставшейся жизни) в соответствии с порядком вымирания, зафиксированным в таблицах смертности [6, 12]. Не случайно показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении включен в перечень индикативных показателей, оценивающих деятельность Министерства здравоохранения Республики Татарстан. В целях мониторинга в рамках выполнения соглашений с муниципальными образованиями данный показатель включен в качестве индикативного для определения рейтинга муниципальных учреждений здравоохранения. По показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении Республика Татарстан занимает лидирующее место среди других субъектов, входящих в состав Приволжского федерального округа (рис.3).

Таким образом, среднестатистический новорожденный, рожденный в 2013 году, может рассчитывать на 64 года жизни, тогда как в Пермском крае лишь на 62, а в Республике Татарстан – 66. Анализируя данный показатель в динамике с 1990-2013 гг. (рис.3), можно отметить его сокращение с 1990 по 1995 гг., следующий

этап до 1998 года характеризуется положительной динамикой, затем наблюдается период, сопровождающийся сокращением показателя. Начиная с 2005 года наблюдается положительная динамика, которая продолжает идти вверх, однако пока этот рост сопоставим со значениями 90-х гг. При анализе ожидаемой продолжительности жизни при рождении наблюдается волнообразная динамика, которая характерна для Российской Федерации в целом.

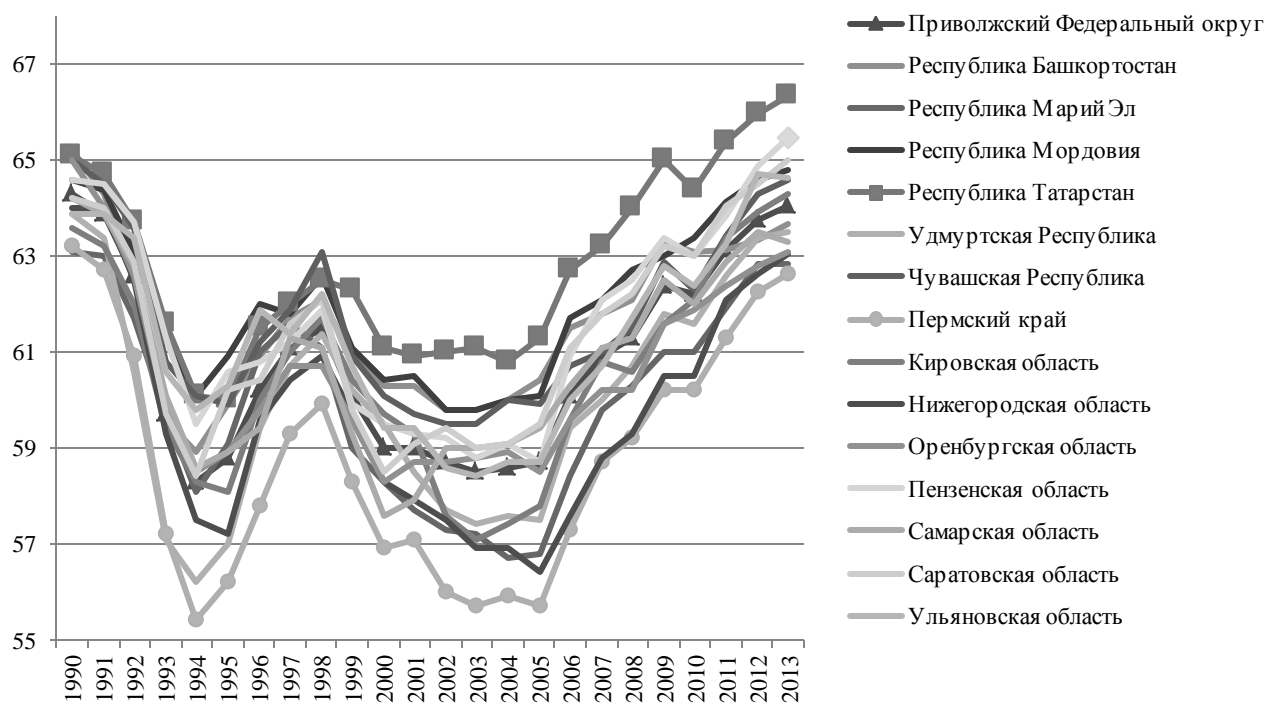

Рисунок 3. Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Приволжском федеральном округе (лет)

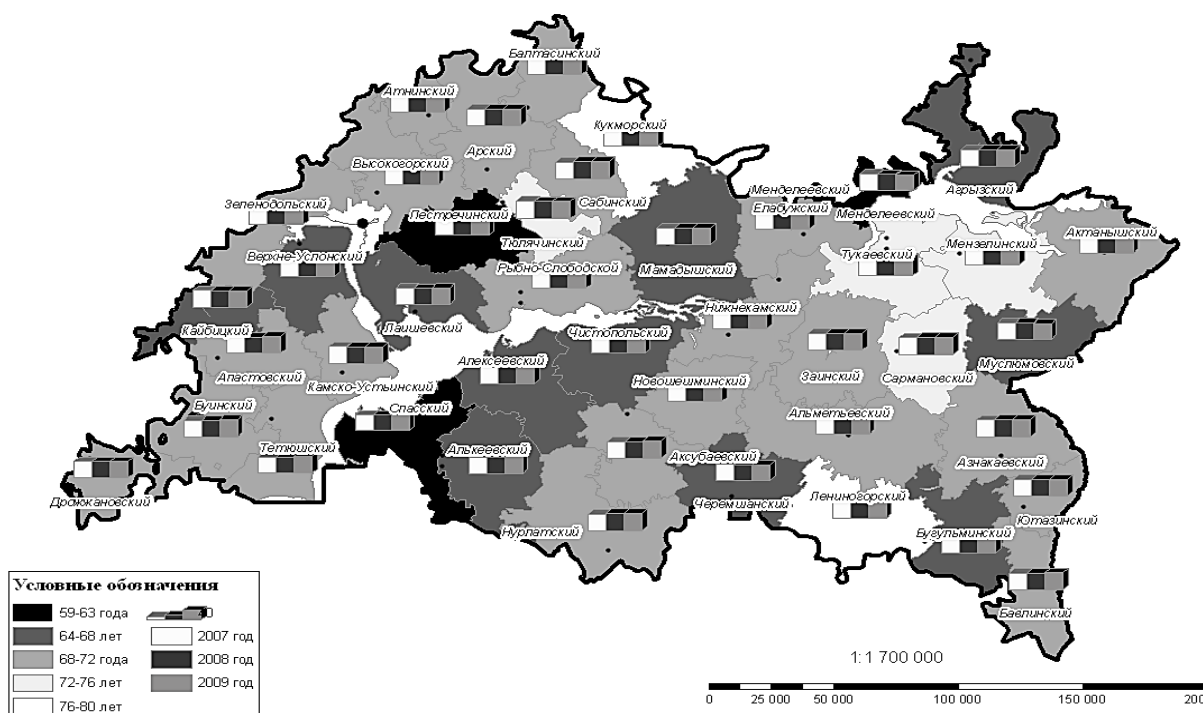

Рисунок 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в РТ, 2007-2009 гг.

При анализе динамики показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении были сделаны следующие выводы (рис. 4). Минимальный показатель в 2009 году был в Пестречинском районе (59,765 лет), максимальный – в Лениногорском (80,385 лет). В большинстве муниципальных районов в период с 2007 по 2009 годы наблюдается положительная динамика рассматриваемого показателя, за исключением Пестречинского, Атнинского, Менделеевского, Муслумовского, Нижнекамского, Спасского, Черемшанского, Балтасинского, Кайбицкого и Камско-Устьинского районов. Учитывая пространственный фактор, можно отметить отставание муниципальных районов, находящихся в западной части нашей республики, в большинстве из них наблюдается показатель ниже среднего. В восточной части республики ситуация более благоприятная. Также следует отметить низкий показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении в районах, располагающихся на берегу рек Камы и Волги.

Использование метода наложения карт позволяет выделить закономерность в обеспеченности объектами социальной инфраструктуры и показателе ожидаемой продолжительности жизни при рождении, что позволяет сделать предположение о наличии зависимости между этими величинами.

Библиографический список

1. Габдрахманов Н.К., Шерпутовский В.Г., Рубцов В.А. Анализ показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Республике Татарстан // Экологический консалтинг. №1(45). Казань. 2012. С.1-7.
2. Габдрахманов Н.К. Геодемографическая инфраструктура. // Международный научно-исследовательский журнал (Research Journal of International Studies), 2012. №5-3. С.127-128.
3. Габдрахманов Н.К. Разработка и внедрение медико-демографической геоинформационной системы Республики Татарстан // ArcReview, 2012. №1(60). С.6-7.
4. Габдрахманов Н.К., Егоров Д.О. Социальная инфраструктура региона (пространственный аспект медицинских учреждений) // Научные труды центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан. Казань, 2014, №7.
5. Габдрахманов Н.К., Шерпутовский В.Г., Шаматова А.Ф. Анализ показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Республике Татарстан // Общественное здоровье и здравоохранение, 2012. №2. С.13-17.
6. Габдрахманов Н.К., Шерпутовский В.Г., Шаматова А.Ф. Геодемографическая инфраструктура Пестречинского муниципального района (фельдшерско-акушерские пункты) // Общественное здоровье и здравоохранение, 2013. №3. С.60-65.
7. Габдрахманов Н.К., Рубцов В.А., Ахунзянова Г.Р. Геодемографический потенциал Республики Татарстан. Казань: Отечество, 2014. 124 с.
8. Егоров Д.О., Габдрахманов Н.К. Экономико-географический аспект социальной инфраструктуры регионов как фактор конкурентоспособности // Экологический консалтинг, 2014. №3(55). С.2-7.
9. Исаева Е.Ю., Рубцов В.А., Габдрахманов Н.К. Основные направления динамики трудоресурсного потенциала Республики Татарстан // Известия Смоленского государственного университета, 2014. № 4 (28). С. 262-274.
10. Литвинов А.А., Рубцов В.А., Габдрахманов Н.К., Исаева Е.Ю., Ахунзянова Г.Р., Булатова Г.Н. Зонирование территории республики Татарстан и Удмуртской республики по уровню демографического потенциала // Вестник Удмуртского университета. Биология. Науки о Земле. Вып. 3. Ижевск, 2013. С.123-130.

11. Логачева Н.М. Вопросы финансирования социальной инфраструктуры российских регионов // РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция, 2011. №4. С. 637-640.

12. Народонаселение / Под ред. А.Я.Кваши, Г.Г. Меликьяна, А.А. Ткаченко и др. // Энциклопедический словарь, БРЭ. М., 1994.

13. Рубцов В.А., Габдрахманов Н.К. Повышение экономической эффективности управления системой здравоохранения Республики Татарстан средствами ГИС (на примере учета показателя временной утраты трудоспособности) // Вестник Удмуртского университета: биология, науки о земле. Вып. 4. . Ижевск, 2010. . С.115-126.

14. Рубцов В.А., Габдрахманов Н.К., Исаева Е.Ю. Демографический и трудовые потенциал территории: роль, место, подходы, понятия и определения // Экологический консалтинг (природные ресурсы, территориальное развитие), 2012. №3(47). С.2-13.

15. Рубцов В.А., Габдрахманов Н.К., Рожко М.В. Индекс демографической ситуации регионов Приволжского федерального округа // Вестник Удмуртского ун-та. Сер.6: Биология. Науки о Земле, 2014. №1. С.150-154.

16. Статистика здоровья населения и здравоохранения (по материалам Республики Татарстан за 2006-2010 гг.): Учебно-методическое пособие / А.З. Фаррахов, В.Г. Шерпутовский, Н.И. Млокович [и др.]). Казань, 2011. 268 с.

17. Niyaz Gabdrakhmanov, Dmitriy Egorov. The role of geo-demographic infrastructure facilities in the regional development of human capital // Warsaw Regional Forum 2013 Territorial capital – concepts, indicators and policy by the Institute of Geography and Spatial Organization Polish Academy of Sciences, together with the Ministry of Regional Development of the Republic of Poland and Polish Geographical Society // Warsaw, October 2013, p.57.

© Габдрахманов Н.К., Егоров Д.О., 2015. Текст.

Информация об авторах

Габдрахманов Нияз Камилевич (г. Казань, Россия) – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма, ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (420000, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: nz9nz@rambler.ru).

Егоров Дмитрий Олегович (г. Казань, Россия) – научный сотрудник, ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул.Островского, д.23/1; e-mail: c.p@tatar.ru).

Gabdrakhmanov N.K., Egorov D.O.

INFLUENCE OF INFRASTRUCTURE FACTORS ON LIFE EXPECTANCY OF THE REGION (CASE OF REPUBLIC OF TATARSTAN)

Abstract. *The issues of social infrastructure often raise by government and regional authorities, appear the subject of research teams. This article aims to evaluate the role of health facilities on life expectancy at birth. The specific features of medical and social infrastructure are revealed. Index method is proposed for evaluating social infrastructure security. The testing on the example of the Republic of Tatarstan was carried out. The dynamics of life expectancy at birth in the regions of the Volga Federal District is presented, the Republic of Tatarstan is considered in detail. Overlay method revealed the relationship between the maintenance of objects of social infrastructure and life expectancy at birth.*

Keywords: geodemography, geo-demographic infrastructure, social infrastructure, health, life expectancy, Republic of Tatarstan.

Information about the authors

Gabdrakhmanov Niyaz Kamilevich (Kazan, Russia) – Candidate of Geographical Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Service and Tourism, Kazan Federal University (18, Kremlevskaya St., Kazan, 420000; e-mail: nz9nz@rambler.ru).

Egorov Dmitry Olegovich (Kazan, Russia) – Researcher, Center of Perspective Economic Research, Academy of Sciences of Tatarstan (23/1, Ostrovsky St., 420111, Kazan; e-mail: c.p@tatar.ru).

УДК 314.04

Гокова О.В.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Несмотря на то, что в настоящее время демографическая ситуация в России улучшается, для большинства регионов РФ депопуляция – свершившийся факт. Поэтому представляется возможным раскрыть сущность проблем демографического развития в одном из регионов РФ, в котором повторяются общероссийские тенденции.*

Ключевые слова: демографические проблемы, современные тенденции рождаемости и смертности, репродуктивное поведение, региональная демографическая политика.

В настоящее время демографическая ситуация в России улучшается, фиксируются очень высокие показатели рождаемости – в 2014 году в РФ родилось почти 2 млн детей – это рекорд для современной России [16]. Однако говорить о переломе сложной демографической ситуации в стране пока рано, поскольку для большинства регионов РФ депопуляция – свершившийся факт, поэтому представляется возможным раскрыть сущность проблем демографического развития и мер, направленных на их решение, в одном из регионов РФ, в котором демонстрируются общероссийские тенденции.

Несмотря на то, что в 2013-2014 гг. рождаемость в Омской области составила почти 30 тыс. человек, что в 1,7 раза превышает показатель 2000 года (18 тыс. человек) [15, с. 28], говорить о переломе сложной демографической ситуации в регионе и в стране в целом не представляется возможным. Сейчас установлен оптимальный баланс между рождаемостью и смертностью, но существуют «демографические волны». На сегодняшний день позитивную статистику создает поколение «рекордных» 1980-х годов. Но в следующее десятилетие, в 1990-е годы, в Омской области, так же как и в России, в целом наблюдался демографический кризис и в дальнейшем эксперты ожидают некоторое снижение рождаемости. Повышение и спады рождаемости – процесс периодический. Поэтому для российских регионов важным является именно изменение привычной модели семьи с одним или двумя детьми и ориентация на многодетную семью. Именно тогда можно будет надеяться на серьезный естественный прирост населения, а это возможно только при соответствующей государственной демографической политике. Исходя из вышеизложенного, целью данного исследования является анализ основных направлений и результатов управления демографическими процессами в Омской области на современном этапе развития.

Омская область вошла в XXI век в условиях депопуляции – устойчивого превышения числа умерших над числом родившихся. В 1999 году это превышение составило в целом по области 10195 человек, в 2000 году – 10350 человек [12, с.

28]. Однако необходимо отметить положительную динамику снижения естественной убыли населения: в 2006 году она составила 8,7 тыс. человек, в 2010 году – 1,3 тыс. человек, в 2011 году впервые с 1993 года отмечается естественный прирост – 46 человек, в 2012 году – 2238 человек, в 2013 году – 2664 человек, в 2014 году – 3628 человек (рис. 1).

В целом в 43 из 85 субъектов Российской Федерации в 2014 году зарегистрирован естественный прирост населения. Максимальные его значения отмечаются в Республике Дагестан (40476 человек), Тюменской области (31632 человека), Чеченской Республике (26079 человек), в г. Москва (20192 человека) и Ханты-Мансийском автономном округе (17475 человек). Омская область заняла по данному показателю 19-е рейтинговое место (3628 человек) [17].

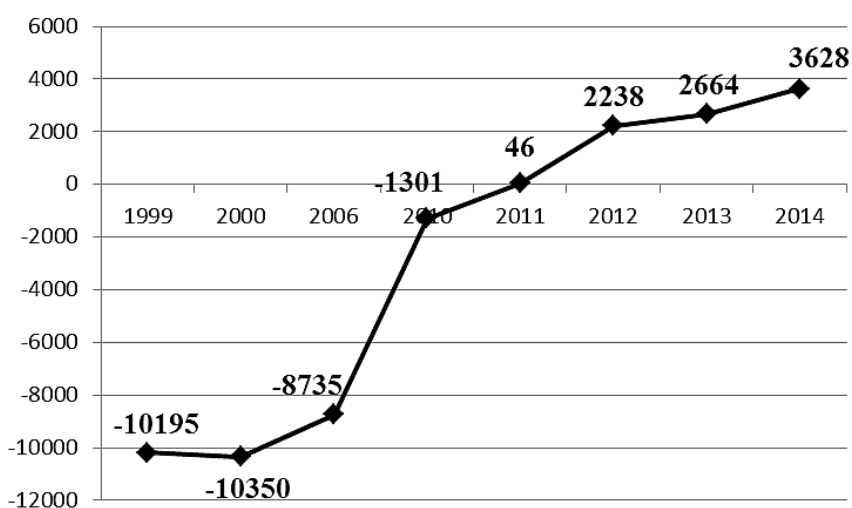

Рисунок 1. Естественный прирост (убыль) населения Омской области с 1999 по 2014 гг. (чел.) [12, с. 28; 14, с. 23]

Главной причиной депопуляции в Омской области является низкая рождаемость. Ее снижение началось с конца 1960-х годов, когда она опустилась ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Важным показателем, характеризующим среднее число детей, которое родила бы женщина за всю свою жизнь, является суммарный коэффициент рождаемости. Ценность данного коэффициента заключается в том, что он позволяет одним числом, величина которого не зависит от влияния возрастной структуры, охарактеризовать уровень рождаемости в той или иной стране и производить, таким образом, межстрановые и межпериодные сравнения [3]. Разброс значений суммарных коэффициентов рождаемости по странам весьма велик – от 1,32 рождений на 1 женщину репродуктивного возраста в Польше, Чехии, Словении, Латвии, от 1,4 в Японии, Италии, Австрии и Германии до 7,03 рождений на 1 женщину репродуктивного возраста в Нигере, свыше 6 рождений на 1 женщину репродуктивного возраста в Мали, Сомали, Уганде и Буркина-Фасо [11]. В России в целом современные параметры рождаемости в 1,3 раза меньше, чем требуется для замещения поколений: в 2014 году в среднем на одну женщину приходилось 1,75 рождения при 2,15 необходимых для простого воспроизводства населения. В Омской области, по оценке Омскстата, этот показатель составил в 2014 году 1,9 рождения на одну женщину [18].

К современным тенденциям рождаемости в Омской области и в целом по России следует отнести:

- малодетность (1-2 ребенка в семье);
- высокую долю внебрачных рождений (в Омской области – 26 % от общего количества родившихся, в России – около 34 %; для сравнения: в Великобритании и Франции – около 35 %, в Дании и Норвегии – около 40 %);
- в сельских поселениях рождаемость несколько выше, чем в городах;
- высокий средний возраст рождения первого ребенка (около 26 лет);
- отказ от рождений, использование контрацепции, абортов;
- слабая связь между членами некоторых семей;
- пик рождаемости у женщин средних лет [1, с.88].

Трансформация социальных установок в отношении семейного поведения происходила в рамках широкомасштабного процесса распространения ценностей индивидуализма и повышения значимости личностной самореализации. Концептуальную интерпретацию причин трансформации семьи предложил известный социолог и демограф А.Б. Синельников: «У всех этих процессов есть одна общая причина – вытеснение фамилизма индивидуализмом, т.е. стремлением к освобождению личности от семьи. На последнем этапе происходит явное преобладание индивидуалистических ценностей над семейными» [10].

По сравнению с 1990 годом количество зарегистрированных браков в 2000 году в Омской области сократилось в 1,5 раза до 13,3 тыс. браков, а в 2014 году данный показатель увеличился до 17,4 тыс. браков, что все равно в 1,2 раза ниже уровня 1990 года. Что касается разводов, то в 2014 году их количество возросло на 16,7 % по сравнению с 2010 годом, когда их число было практически таким же, как в начале 1990-х годов (8,9 тыс.). В 2014 году в Омской области на 100 заключенных браков приходится 60 разводов [14, с. 66; 19, с.1].

Молодые пары все чаще отказываются от официальной регистрации брака, распространенность юридически неоформленных браков привела к тому, что в 2014 году численность детей, рожденных в незарегистрированных браках, в 1,6 раза превысила аналогичный показатель 1990 года. Число родившихся у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, составило 7555 человек, или 26 % от общего числа родившихся. Если сравнить это значение с показателем 2000 года (5242 ребенка), то можно наблюдать рост рождаемости вне брака в 1,4 раза [14, с. 44].

В результате исследования, проведенного автором статьи в ноябре-декабре 2014 года методом анкетного опроса молодежи в возрасте от 20 до 35 лет, проживающей в г. Омске, и молодежи, проживающей в муниципальных районах Омской области, установлено, что большинство респондентов (64,5 % – в городе и 57,9 % – в муниципальных районах) считают допустимым проживание в незарегистрированном браке и лишь 4,3 % в городе и 5,6 % в районах области считают такую форму брака недопустимой. Более того, если сравнить отношение респондентов к незарегистрированным бракам между мужчинами и женщинами, то женщины в большей степени склонны считать такую форму брака допустимой (36,9 % городских женщин и 31,7 % сельских), чем мужчины (27,6 % городских мужчин и 26,2 % сельских).

Мужчинам в силу психологических особенностей свойственно в меньшей степени воспринимать незарегистрированный брак как настоящий семейный союз,

большинство из них воспринимают добрачное сожителство только как первый этап отношений. Женщины же, напротив, совместное проживание считают серьезными отношениями, ведущими к официальному браку.

Отвечая на вопрос анкеты «Как Вы считаете, чем вызван рост числа незарегистрированных браков и внебрачных рождений детей в нашей стране и в развитых странах мира в последние 20 лет?», большинство опрошенных в городской местности указали, что более всего повлияла эмансипация и феминизация женщин (предоставление женщинам равноправия в общественной, трудовой и семейной жизни; возрастание роли женщин в социальных, политических и экономических процессах). В сельской местности большинство населения выбрали вариант ответа «изменение моральных принципов (переход от консервативных моделей к более демократичным) и менталитета современного общества» [2, с. 142-143].

Другой причиной депопуляции в Омской области, придающей ей особую остроту, является высокая смертность. Динамика смертности вообще в целом в современной России уникальна для мировой практики: численность умерших возрастает при депопуляционном коэффициенте рождаемости и сокращении численности населения. Эта уникальная ситуация получила в мире название «русский крест» – графически его образуют крестообразно пересекающиеся динамические кривые падения рождаемости и роста уровня смертности [6].

Максимально высокие показатели смертности населения в Омской области были отмечены в 2002- 2004 гг.: общий коэффициент смертности достигал в эти годы 14,9 промилле; самый высокий коэффициент смертности был в 2005 году – 15,5 промилле (что в 1,7 раза превысило данный показатель в 1990 г.) [13, с. 47].

В 2014 году по сравнению с 2005 годом уровень смертности сократился в 1,2 раза – до 13,3 промилле [15, с. 7].

По данному показателю Омская область в 2014 г. заняла 39-е рейтинговое место среди 85 субъектов РФ. Самые высокие показатели смертности населения отмечаются в Тульской (17,1 промилле), Новгородской (17,3 промилле), Тверской (17,8 промилле) и Псковской (18,5 промилле) областях.

К субъектам РФ с самыми низкими показателями смертности относятся: республики Ингушетия (3,5 промилле), Чечня (5 промилле), Дагестан (5,6 промилле), Саха (Якутия) (8,6 промилле) и Кабардино-Балкария (8,8 промилле), Ямало-Ненецкий (5,1 промилле) и Ханты-Мансийский (6,4 промилле) автономные округа и Тюменская область (8,3 промилле) [17].

Общая тенденция динамики смертности области характеризуется сверхсмертностью людей трудоспособного возраста, среди которых около 80 процентов составляют мужчины (в 2013 г. из 7241 человек, умерших в трудоспособном возрасте, 5766 человек – мужчины). Уровень смертности среди мужчин в 3,7 раза выше, чем уровень смертности среди женщин.

Стабильно высокими в 2014 году сохраняются показатели смертности от болезней системы кровообращения (доля от общей численности умерших от всех причин – 48,9 %), новообразований (15,7 %), от внешних причин – несчастных случаев, отравлений и травм, а также в результате убийств и самоубийств (9,8 %), болезней органов дыхания (7,6 %), болезней органов пищеварения (4,7 %) и инфекционных и паразитарных болезней (1,9 %) [15, с. 12].

Состояние здоровья и уровень смертности населения отражаются на показателях ожидаемой продолжительности жизни населения области, которая в 2013 году составила 69,7 лет (в 1987 г. – 70 лет, в 1992 г. – 67,8 лет, в 1995 г. – 64,5 года). Ожидаемая продолжительность жизни мужчин (63,9 года) на 11,7 лет ниже, чем продолжительность жизни женщин (75,6 лет) [14, с. 33].

Необходимо отметить, что в Омской области сформирована нормативно-правовая база, направленная на улучшение демографической ситуации. В 2006 году в области принято распоряжение Правительства Омской области от 22.02.2006 № 29-рп «О демографической ситуации в Омской области и задачах органов исполнительной власти Омской области, направленных на ее улучшение». В данном документе определены основные направления демографической политики Омской области на период до 2015 года (включительно), а также механизмы достижения поставленных целей. Данное распоряжение принято во исполнение Указа Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». К основным направлениям демографической политики Омской области отнесены:

- 1) повышение доходов работающего населения;
- 2) укрепление здоровья и увеличение продолжительности жизни населения;
- 3) укрепление семьи и стимуляция рождаемости;
- 4) развитие системы образования;
- 5) поддержка социально уязвимых групп населения;
- 6) регулирование миграционных процессов [9].

В 2013 году Губернатором Омской области утверждено два важных документа: Комплексный план мероприятий, направленных на улучшение демографической ситуации в Омской области, на 2013-2015 годы, а также Комплексный межведомственный план мероприятий по профилактике суицидального поведения населения Омской области на 2013-2015 гг. [4; 5].

В 2015 году Первым заместителем Председателя Правительства Омской области утвержден План мероприятий, направленных на комплексное решение проблем повышения рождаемости в Омской области, на 2015- 2018 годы, а также принято распоряжение Правительства Омской области № 15-рп об утверждении плана мероприятий на 2015-2018 годы по реализации в Омской области первого этапа Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года» [7, 8].

Таким образом, в настоящее время в демографическом развитии Омской области наметилась тенденция выхода из состояния депопуляции и начала нового репродуктивного подъема. В таких условиях демографическая политика приобретает для областного правительства стратегическое значение, поскольку от ее успешности зависят дальнейшие перспективы сохранения особенностей национальной культуры и идентичности государства и его регионов, их социально-экономического и политического развития.

Библиографический список

1. Гокова О.В. Особенности современных демографических процессов в Российской Федерации // Современные технологии управления – 2014: сборник материалов международной научной конференции (Москва, 2014). Киров: МЦНИП, 2014. С. 85-93.

2. Гокова О.В. Социально-экономическое исследование отношения молодежи к институту брака (на примере Омской области) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 2. С. 137-144.
3. Загорец В., Загорец И. Демографическая политика: методы и инструментарий, опыт применения и анализ эффективности // Журнал международного права и международных отношений. 2014. № 2. URL: <http://www.evolutio.info/content/view/2257/235/>.
4. Комплексный межведомственный план мероприятий по профилактике суицидального поведения населения Омской области на 2013 – 2015 гг. (02.08.2013) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Комплексный план мероприятий, направленных на улучшение демографической ситуации в Омской области, на 2013 – 2015 годы (08.10.2013) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Кузьмин А.И. Основы демографии: курс лекций. М.: РУДН, 2003. 440 с. URL: http://abc74.ru/library/details_37.html?p=3.
7. План мероприятий, направленных на комплексное решение проблем повышения рождаемости в Омской области, на 2015- 2018 годы // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
8. Распоряжение Правительства Омской области от 12.02.2015 № 15-рп «Об утверждении плана мероприятий на 2015- 2018 годы по реализации в Омской области первого этапа Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
9. Распоряжение Правительства Омской области от 22.02.2006 № 29-рп «О демографической ситуации в Омской области и задачах органов исполнительной власти Омской области, направленных на ее улучшение» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
10. Синельников А. Б. Трансформация семейных отношений и ее значение для демографической политики в России // Семья растет: про семью и для семьи. – 2005. – URL: http://www.semya-rastet.ru/razd/transformacija_semejnykh_otnoshenij_i_ejo_znachenie_dlja_demograficheskijj_politiki_v_rossii/.
11. Country Comparison: total fertility rate // CIA World Factbook: офиц. сайт – 1999. – URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127rank.html>.
12. Демографический ежегодник Омской области – 2001: Стат. сборник. – Омск: Омскоблкомстат, 2001.
13. Демографический ежегодник Омской области: Стат. сборник. Омск: Омкстат, 2006.
14. Демографический ежегодник Омской области: Стат. сборник. Омск: Омкстат, 2014.
15. Естественное движение и миграция населения Омской области в январе – декабре 2014 года: Стат. бюллетень. Омск: Омкстат, 2015.
16. Рождаемость, смертность и естественный прирост // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
17. Сведения о числе зарегистрированных родившихся, умерших, браков и разводов // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
18. Суммарный коэффициент рождаемости // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
19. Демографическая ситуация в Омской области: Экспресс-информация. Омск: Омкстат, 2015.

Информация об авторе

Гокова Ольга Владимировна (г. Омск, Россия) – аспирант, старший преподаватель кафедры региональной экономики и управления территориями экономического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (644053, г. Омск, пл. Лицкевича 1; e-mail: capri484@yandex.ru).

Gokova O.V.

THE MAIN TRENDS AND PROBLEMS OF DEMOGRAPHIC EVOLUTION IN OMSK REGION

Abstract. *In spite of improving the modern demographic situation in Russia, depopulation stays a typical phenomenon for majority of Russian regions. Therefore it is obviously possible to discover the problems of demographic development in a region demonstrated the all-Russian tendencies.*

Keywords: demographic problems, current trends of births and deaths, reproductive behavior, regional population policy.

Information about the author

Gokova Olga Vladimirovna (Omsk, Russia) – Postgraduate Student, Senior Lecturer of the Department of Regional Economics and Territory Management, F.M. Dostoevsky's Omsk State University (1, Litskevich Sq., Omsk, 644053, Russia; e-mail: capri484@yandex.ru).

УДК 314.01

Гордеева С.С., Хачатрян Л.А.

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ПРОМЫШЛЕННО РАЗВИТЫХ РЕГИОНАХ РФ

Аннотация. *В статье представлены региональные особенности демографических процессов в промышленно развитых регионах на основании анализа общих коэффициентов рождаемости, смертности, брачности и разводимости. Основным источником информации являются статистические данные Федеральной службы государственной статистики за 2013 г. в региональном разрезе.*

Ключевые слова: демографические процессы, рождаемость, смертность, брачность, разводимость.

Благополучие государства и общества во многом определяется устойчивым демографическим развитием, которое зависит от уровня социально-экономического и социокультурного развития страны и ее регионов. Происходящие в России качественные изменения всех сфер жизни сопровождаются возникновением новых и обострением существующих противоречий, влияющих на экономический, социальный, духовный и демографический потенциал страны. Одной из острейших проблем страны является демографическая проблема, решение которой приобретает первостепенное значение, а демографический фактор становится определяющим в поступательном развитии российского общества. В первую очередь следует отметить актуальность характера и темпов роста населения, изменения его количественных и качественных показателей. Состояние населения можно определить при помощи показателей демографических процессов, Демографические процессы в центре и на уровне регионов под воздействием

различных факторов отличаются особенностями протекания и разными последствиями. Основными показателями демографических процессов являются общие коэффициенты, сравнение которых может показать состояние демографической ситуации в регионах по сравнению со страной. Особый интерес в этом плане вызывают промышленно развитые регионы, где непосредственно решаются задачи повышения эффективности российской экономики, происходит обновление промышленного производства.

Согласно демографическим прогнозам Федеральной службы государственной статистики [2], естественный прирост населения РФ останется отрицательным, по меньшей мере, до 2030 г. Ученым известны и другие прогнозы: прогноз ООН, в соответствии с которым – к 2013 г население России должно было сократиться до 136 млн человек, другие предсказывали, что к середине XXI в. население России может сократиться до 100 млн человек.

Состояние воспроизводства населения находится в центре внимания органов государственной власти на разных уровнях, которые реализуют меры демографической политики, направленной на повышение рождаемости и продолжительности жизни. Так, в ежегодном Послании к Федеральному собранию в декабре 2014 г., В.Путин подчеркнул, что «...уже два года подряд... в 2013 и 2014 году в России отмечается естественный прирост населения» [1], а во время «Прямой линии» в апреле 2015 г. президент отметил улучшение демографической ситуации в стране: «Безусловно, среди положительных итогов года нужно назвать положительную демографическую ситуацию. Увеличивается рождаемость, сокращается смертность. Продолжает расти средняя продолжительность жизни».

Демографическая ситуация, ее состояние и динамика оцениваются, прежде всего, по уровням рождаемости и смертности, а также по уровням брачности и разводимости. Показатели демографических процессов имеют свои региональные особенности. Рассмотрим ситуацию в ведущих промышленно развитых регионах РФ – Пермском крае, Самарской области, Нижегородской области, Свердловской области и Челябинской области.

Воспроизводство населения происходит в результате реализации двух демографических процессов: рождаемости и смертности. До 2013 г. в России число умерших превышало число родившихся. В современном обществе наблюдаются следующие тенденции изменения рождаемости. Демографы и социологи обратили внимание на изменение репродуктивного поведения россиян, укоренение в обществе новой социальной нормы – малодетности, изменение социальной роли и ценности детей и др., влияющие на процесс рождаемости. Кроме того, процесс рождаемости испытывает воздействие таких факторов, как уровень благосостояния населения, увеличение периода образования и числа «поздних» браков, демографическая политика, действие которых отличаются спецификой на уровне регионов.

Анализ общих коэффициентов рождаемости промышленно развитых регионов на основании данных ФСГС за 2013 г. [2] позволяет выделить регионы с более высокими показателями рождаемости (рис. 1).

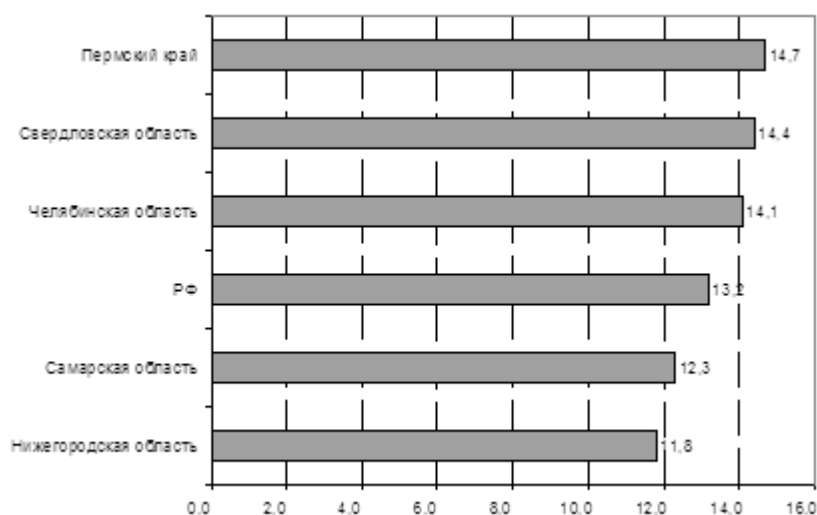

Рисунок 1. Общие коэффициенты рождаемости по субъектам РФ в 2013 г., на 1000 населения

Среди промышленно развитых регионов РФ можно отметить регионы с показателями рождаемости, превышающими общероссийские: Пермский край (14,7 родившихся на 1000 человек населения), Свердловская область (14,4) и Челябинская область (14,1 родившихся на 1000 чел. населения). Более низкие показатели рождаемости среди промышленно развитых регионов были зафиксированы в Самарской и Нижегородской областях (12,3 и 11,8 родившихся на 1000 чел. населения соответственно).

Изменение рождаемости в сторону снижения имеет множество последствий: экономических, этических, этнических, моральных, демографических и т.д., отрицательно сказывающихся на развитии общества.

Второй стороной естественного воспроизводства населения является процесс смертности. Для современного российского общества характерны следующие тенденции смертности: нарастание уровня смертности лиц трудоспособного возраста, сверхсмертность мужчин трудоспособного возраста, ухудшение репродуктивного здоровья и повышение материнской смертности, высокий уровень младенческой смертности и др. Различия в уровне смертности в изучаемых регионах заставляют обратить внимание на такие факторы, влияющие на смертность, как качество жизни населения, эффективность здравоохранения, состояние окружающей среды и санитарной культуры, самосохранительное поведение населения.

Анализ статистических данных ФСГС за 2013 г. выявил неблагоприятные показатели смертности в изучаемых промышленно развитых регионах относительно общероссийских показателей смертности (рис. 2).

Так, самая сложная ситуация со смертностью среди регионов зафиксирована в Нижегородской области (15,9 умерших на 1000 человек населения). В Свердловской области более благоприятная ситуация (13,7). В середине списка находится Пермский край (14,9), чуть лучше ситуация в Челябинской области (13,9) и немного хуже в Самарской области (14,4 на 1000 чел. населения). Однако показатель смертности в изучаемых промышленно развитых регионах выше общероссийских показателей.

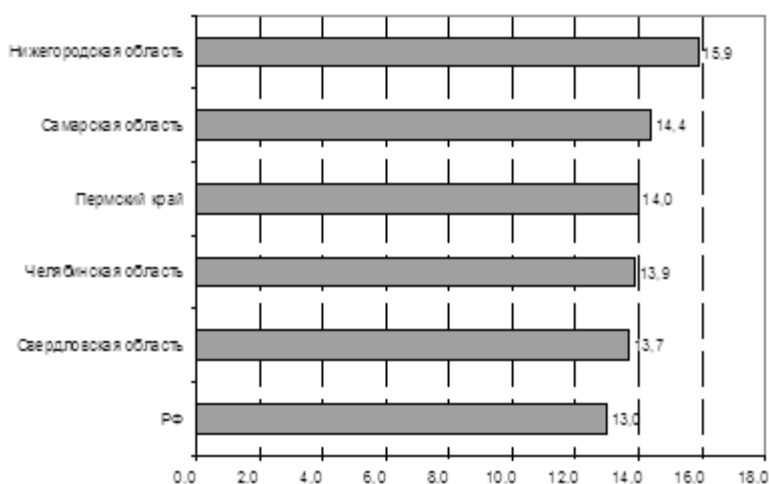

Рисунок 2. Общие коэффициенты смертности по субъектам РФ в 2013 г., на 1000 населения

С процессом воспроизводства населения связаны процессы брачности и разводимости. Изменение общества отражается на изменении процесса брачности. Так, в настоящее время в России можно выделить следующие тенденции изменения брачности. Рост числа фактических и сокращение гражданских браков, появление новых форм брака, повышение среднего возраста вступления в брак, распространение безбрачия свидетельствуют о становлении в обществе новой модели брачности, что находит свое отражение в динамике показателей брачности и позволяет выделить региональные особенности данного процесса.

В 2013 г. среднероссийский общий коэффициент брачности по данным ФСГС составил 8,5 браков на 1000 человек населения (рис. 3).

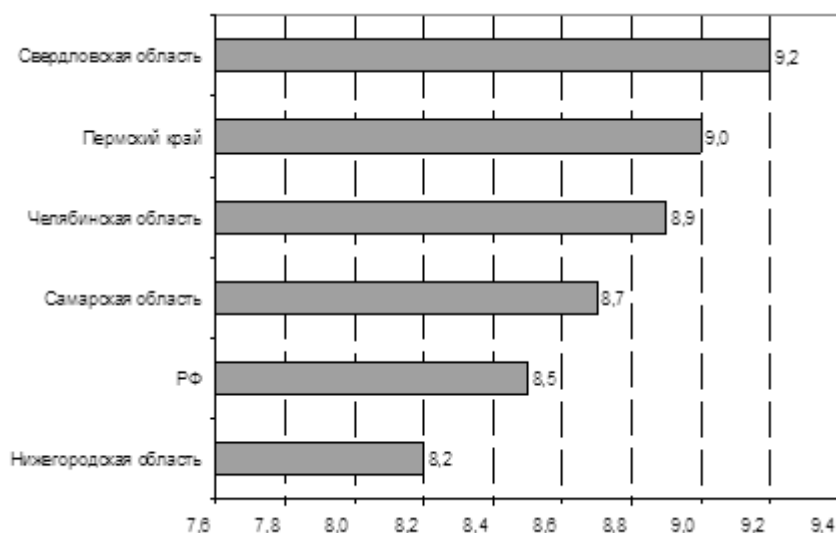

Рисунок 3. Общие коэффициенты брачности по субъектам РФ в 2013 г., на 1000 населения

В интересующих нас регионах ниже общероссийского показателя брачности отмечен общий коэффициент брачности в Нижегородской области (8,2 браков на 1000 чел.). В остальных регионах показатели брачности выше общероссийского показателя: в Самарской области (8,7 браков на 1000 чел.), в Челябинской области

(8,9), в Пермском крае (9) и в Свердловской области (9,2 браков на 1000 чел.). Общероссийский коэффициент брачности составляет 8,5 браков на 1000 человек населения. Более высокие коэффициенты брачности свидетельствуют о том, что население этих регионов не утратило интереса к законному браку, а в законном браке рождается больше детей, чем в фактическом браке.

Демократизация общества привела к тому, что развод сегодня стал социальной нормой, а разводимость признается оборотной стороной процесса брачности. Демографический процесс распада брачных пар при жизни обоих супругов с предоставлением бывшим супругам свободы вступления в новый брак, составляет содержание процесса разводимости. На современном этапе развития общества уровень разводимости определяется действием таких факторов, как брачно-семейное законодательство, улучшение экономического положения женщины, число детей в семье, возможность заключения повторного брака и др. Развод имеет целый ряд социальных последствий (рост одиночества, «травма развода» для детей и бывших супругов, нарастание безотцовщины) и последствий демографического характера (нарушение брачной структуры населения, снижение рождаемости, повышение уровня заболеваемости и смертности среди бывших супругов). Сравнение коэффициентов разводимости позволяет обратиться к опыту регионов, где показатели разводимости ниже, требует внимательного изучения причин разводов, а также и изменения семейной политики. Более высокие относительно общероссийских показателей коэффициенты брачности ряда промышленно развитых регионов (Свердловская область, Пермский край, Челябинская область) детерминируют высокие показатели разводимости выделенных регионов. Так, в 2013 г. выше общероссийских зафиксированы коэффициенты разводимости в Свердловской (5,4 разводов на 1000 населения), Челябинской областях (4,7) и Пермском крае (4,7 разводов на 1000 человек населения). Относительно благоприятная ситуация относительно числа разводов на 1000 человек населения в 2013 г. была отмечена в Самарской (4,4 разводов на 1000 чел.) и Нижегородской областях (4,0 разводов на 1000 чел.) (рис. 4).

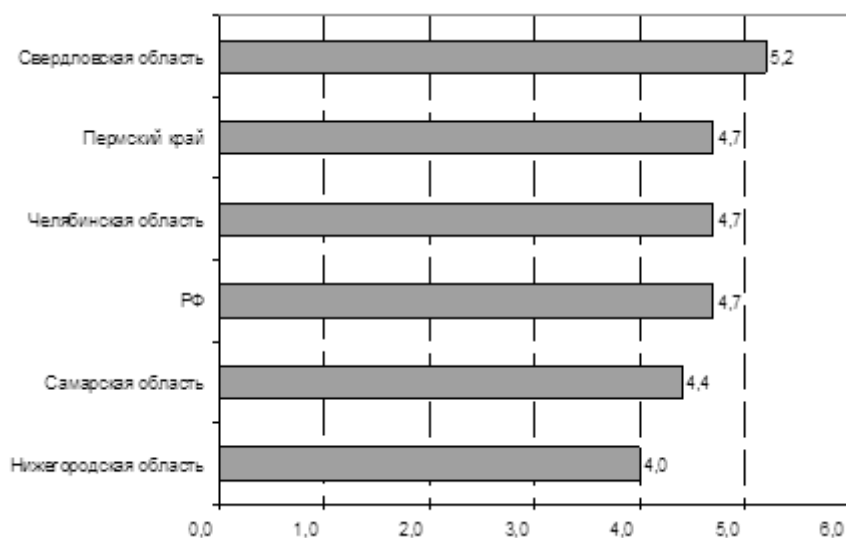

Рисунок 4. Общие коэффициенты разводимости по субъектам РФ в 2013 г., на 1000 населения

Таким образом, проведенный в статье анализ показателей демографических процессов рождаемости, смертности, брачности и разводимости позволяет сделать следующие выводы:

1. В 2013 г. Пермский край стал лидером по числу родившихся на 1000 населения среди других промышленно развитых регионов.

2. Во всех промышленно развитых регионах (Пермский край, Самарская область, Нижегородская область, Свердловская область и Челябинская область) в 2013 г. отмечены показатели смертности населения, превышающие общероссийский показатель смертности.

3. В Свердловской области в 2013 г. отмечены самые высокие показатели брачности и разводимости относительно других промышленно развитых регионов и РФ в целом.

4. Самые низкие коэффициенты брачности и разводимости в 2013 г. среди промышленно развитых регионов зафиксированы в Нижегородской области.

Библиографический список

1. Послание Президента Федеральному собранию. 4 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news>

2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

© Гордеева С.С., Хачатрян Л.А., 2015. Текст.

Информация об авторах

Гордеева Светлана Сергеевна (г. Пермь, Россия) – старший преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: SSGordeyeva@mail.ru).

Хачатрян Людмила Александровна (г. Пермь, Россия) – кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: hachatryan46@mail.ru).

Gordeyeva S. S., Hachatryan L.A.

FEATURES OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE INDUSTRIAL DEVELOPED REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *Regional features of demographic processes of advanced industrial regions on the basis of the analysis of total coefficients of birth rate, mortality, marriages and divorces are presented in article. The main source of information constitute statistical data of Federal State Statistics Service for 2013 by regional section.*

Keywords: demographic processes, birth rate, mortality, brachnost, razvodimost.

Information about the authors

Gordeeva Svetlana Sergeevna (Perm, Russia) – Senior Lecturer, Perm State National Research University (15, Bukirev St., Perm, 614990; e-mail: SSGordeyeva@mail.ru).

Hachatryan Lyudmila Aleksandrovna (Perm, Russia) – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Perm State National Research University (15, Bukirev St., Perm, 614990; e-mail: hachatryan46@mail.ru).

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Рассмотрены существующие тенденции и охарактеризованы ключевые проблемы миграционных процессов в Арктической зоне Российской Федерации. Выявлены приоритетные направления и инструменты миграционной политики в арктических регионах.

Ключевые слова: миграция, арктические регионы, инструменты миграционной политики.

Характеристика миграционных процессов в арктических регионах РФ заслуживает особого внимания, поскольку именно масштабы миграции, направления миграционных потоков и причины, обусловившие желание населения выезжать / въезжать на территорию этих субъектов позволяют составить некоторое представление о перспективах развития Арктической зоны в сфере воспроизводства и использования демографического и трудового потенциала.

Коэффициент миграции позволяет оценить темпы миграционного притока (оттока) в регионах (табл. 1). На протяжении всего исследуемого периода наблюдался устойчивый миграционный отток населения из Республики Коми, Архангельской и Мурманской областей, Республики Саха (Якутия). Наибольшие отрицательные значения этого показателя отмечены в Республике Коми.

Но самые высокие темпы миграционного оттока населения среди всех исследуемых регионов были характерны для Чукотского автономного округа в 2009-2011 годах. В Ямало-Ненецком автономном округе, так же, как и в Чукотском автономном округе, на фоне общего оттока населения в период с 2009 по 2014 гг. был отмечен заметный прирост мигрантов в 2012 году. Для Ненецкого автономного округа и Красноярского края характерна незначительная разница между прибывшим и выбывшим населением, при этом в Красноярском крае наблюдались положительные значения коэффициента миграции за последние шесть лет за исключением 2011 года.

Таблица 1

Общие коэффициенты миграции населения арктических регионов РФ, на начало года, чел. на 10 тыс. постоянного среднегодового населения [1]

Регион	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Республика Коми	-129	-109	-139	-112,0	-122,0	-120,0
Архангельская область	-61	-51	-83	-81	-88	-85,0
Ненецкий автономный округ	-47	14	-50	32,0	12,0	-3,0
Мурманская область	-105	-60	-69,0	-77,0	-101,0	-129,0
Ямало-Ненецкий автономный округ	-114	-79	-88,0	118,0	-21,0	-150,0
Красноярский край	5	13,0	-15,0	28,0	13,0	5,0
Республика Саха (Якутия)	-69	-66	-71,0	-102,0	-87,0	-96,0
Чукотский автономный округ	-156	-196	-174,0	102,0	-66,0	-7,0

Информация на рисунке 1 дает представление о масштабах миграции в абсолютных единицах с указанием возраста мигрантов, что имеет особую важность при характеристике процессов трудовой миграции.

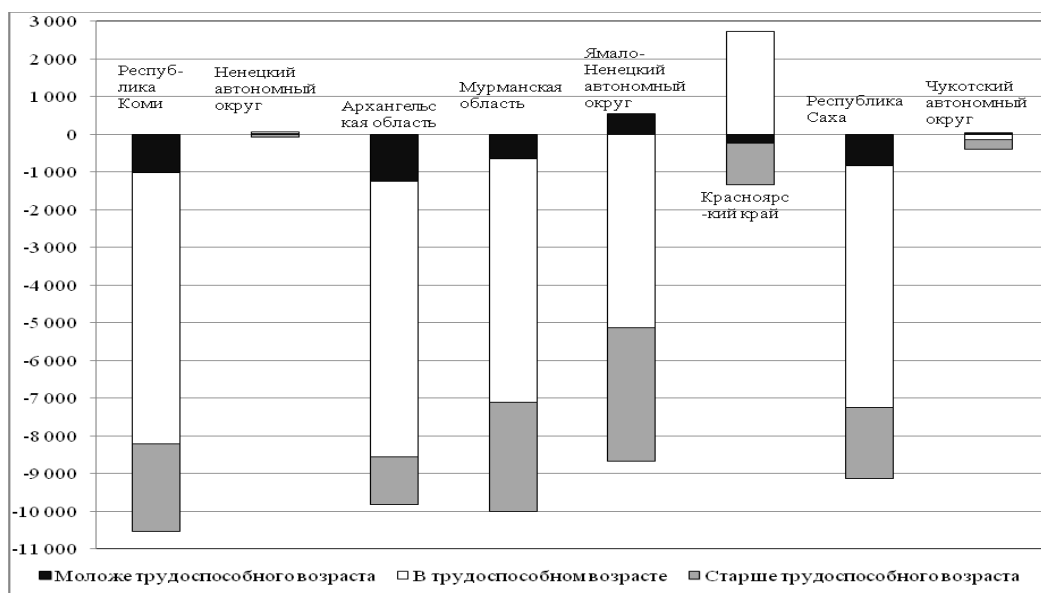

Рисунок 1. Возрастной состав мигрантов в арктических регионах России на начало 2014 г., чел. [1]

Следует также отметить ускорение темпов миграционного оттока населения из арктических регионов к 2014 году, что особенно было характерно для Архангельской и Мурманской областей и Ямало-Ненецкого автономного округа. Негативной стороной миграционных процессов в арктических регионах является возрастной состав выезжающих из этих регионов мигрантов: как показано на графике, уезжает преимущественно население в трудоспособном возрасте, увозя с собой детей, которые в дальнейшем могли бы принять участие в воспроизводстве трудового потенциала Арктики.

К 2014 году увеличилось количество уехавших из арктических регионов пожилых людей. Скорее всего, это связано с ростом финансирования программ по переселению из районов Крайнего Севера. Результаты оценки итогов межрегиональной и межгосударственной миграции дают основание утверждать, что сальдо миграции между регионами внутри России является отрицательным, а между арктическими регионами и другими странами – положительным.

Анализ миграционной обстановки в арктических регионах России позволяет сделать вывод о том, что как в 2009-м, так и в 2014 году большая часть выезжающих из этих регионов имела высшее профессиональное образование (рис. 2), причем за пять исследуемых лет количество таких мигрантов увеличилось практически в два раза.

Немного меньшим по количеству в этот период отмечался поток выезжающих за пределы регионов арктической зоны РФ лиц со средним профессиональным и средним общим образованием. За пять исследуемых лет количество таких мигрантов осталось на прежнем уровне. Меньше всего среди мигрантов населения, обладающего учеными степенями, а также имеющими низкий уровень образования. Наибольшее количество специалистов с высшим образованием уезжает из Республики Коми и Мурманской области. Из этих же регионов наблюдается такой же по масштабам поток мигрантов со средним специальным образованием. К 2014 году к этой группе регионов присоединились Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Саха и Архангельская область,

для которых также характерен массовый отъезд специалистов с высшим и средним профессиональным образованием и средним общим уровнем образования.

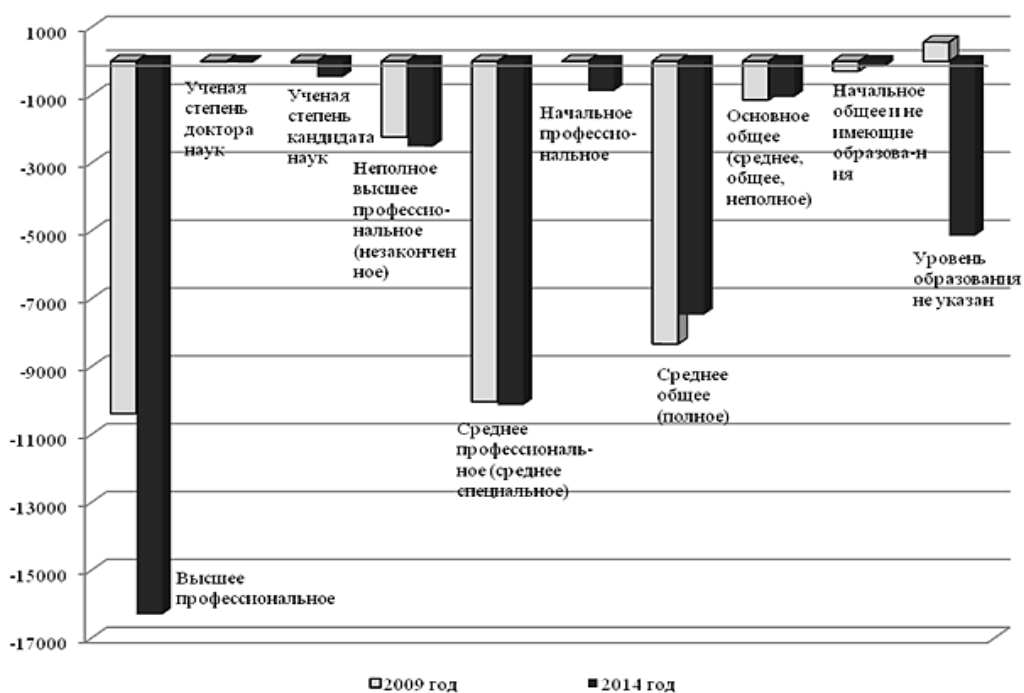

Рисунок 2. Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по уровню образования в арктических регионах РФ, на начало года, чел. [1]

Как показывают данные статистики [1], арктические регионы являются привлекательным местом для поиска работы гражданами, проживающими в странах бывшего СССР, причем, наблюдается четкая зависимость между уровнем жизни в этих странах и масштабами миграции. Наибольший поток мигрантов фиксируется из государств Средней Азии: Киргизии, Азербайджана, Таджикистана. В меньшей степени Арктика привлекательна для граждан Армении, Казахстана, Узбекистана, Украины и Молдавии. Незначительное количество мигрантов въезжает из Грузии, Туркмении, Латвии и Литвы. Большинство мигрантов предпочитает в качестве региона места жительства Красноярский край, Мурманскую область и Ямало-Ненецкий автономный округ. Миграционный обмен с Белоруссией характеризуется превышением выбывших над прибывшими в арктические регионы России, что отличает это государство СНГ от остальных по направлению миграционного потока.

В арктических регионах при передвижении населения в пределах России преобладает миграционный поток, направленный из этих регионов в другие (табл. 2). Внутрорегиональные перемещения имеют значимые масштабы только в Ямало-Ненецком автономном округе. Самый большой по численности отток мигрантов отмечается из Республики Коми, Республики Саха и Мурманской области, причем с 2009 года миграционный отток из этих регионов в другие российские регионы увеличился более чем в полтора раза.

В отличие от остальных регионов арктической зоны РФ, в Красноярском крае наблюдается миграционный прирост, по численности сравнимый с оттоком из других регионов Арктики. Это объясняется, в первую очередь, близостью

территории края к южным границам Российской Федерации, хотя географически к Арктической зоне относятся только северные его районы.

Таблица 2

Миграционный прирост населения за счет передвижений населения в 2014 г., чел.[1]

Субъект РФ	Миграционный прирост всего	из него за счет передвижений						Внешняя (для региона) миграция
		в пределах России	в том числе		международных	в том числе		
			внутри региона	с другими регионами		со странами СНГ	с другими зарубежными странами	
Республика Коми	-10534	-11504	-	-11504	970	988	-18	-10534
Ненецкий АО	-12	-104	37	-141	92	91	1	-49
Архангельская область	-9836	-10003	-37	-9966	167	239	-72	-9799
Мурманская область	-10017	-11078	-	-11078	1061	1137	-76	-10017
Ямало-Ненецкий АО	-8124	-10645	-3 106	-7539	2521	2401	120	-5018
Красноярский край	1391	-4726	-	-4726	6117	6068	49	1391
Республика Саха	-9130	-9619	-	-9619	489	482	7	-9130
Чукотский АО	-354	-612	-	-612	258	238	20	-354

Красноярский край значительно отличается от других регионов Арктики и по характеру передвижений мигрантов: здесь международные передвижения преобладают над внутрироссийскими за счет миграционного притока из азиатских стран СНГ. И хотя в 2014 году количество приезжих из стран СНГ в Красноярский край осталось на том же уровне, что и пять лет назад, но темпы миграционного прироста в этот регион снизились в 2 раза за счет увеличения масштабов отъезда населения в другие регионы России. Международный миграционный обмен с другими странами СНГ характеризуется положительным приростом также в Мурманской области и Ямало-Ненецком автономном округе. Темпы его увеличились на 30% к 2014 году только в автономном округе.

Для миграционных процессов в Арктике характерен также обмен населением с другими зарубежными странами, кроме СНГ. При этом, если в 2009 году наблюдался только миграционный отток, то к 2014 году такая тенденция сохранилась лишь в Республике Коми, Архангельской и Мурманской областях. В остальных арктических регионах сейчас отмечается положительное сальдо миграции с зарубежными странами.

За исследуемый период наблюдается отрицательный миграционный прирост населения в арктических регионах России. Главным образом жители этих регионов уезжают в Германию, США и Финляндию.

Наибольший миграционный отток в эти страны отмечается из Республики Коми, Мурманской области и Красноярского края. В то же время значимый по масштабам приток мигрантов наблюдается в Красноярский край из Китая ввиду близости границ. Следует отметить, что максимальные масштабы миграции в зарубежные страны (за исключением стран СНГ) характерны, в первую очередь,

для Мурманской области. На втором месте по количеству мигрантов в дальнее зарубежье находится Республика Коми.

Из всех регионов Арктической зоны лишь пять субъектов РФ приняли на свою территорию вынужденных переселенцев и беженцев: Республика Коми, Архангельская и Мурманская области, Ямало-Ненецкий автономный округ и Красноярский край, который оказался наиболее привлекательным для этих категорий мигрантов. Большинство вынужденных мигрантов прибывают из Казахстана и Узбекистана (80-90% всех вынужденных мигрантов). Среди вынужденных переселенцев увеличивается доля населения в трудоспособном возрасте и старше трудоспособного возраста и уменьшается доля детей. Данные тенденции приводят к снижению качества трудового потенциала территории и возможности её дальнейшего развития.

Современные миграционные процессы в Арктической зоне РФ характеризуются оттоком населения трудоспособного возраста с высоким уровнем образования. Приток населения осуществляется за счет миграции со странами ближнего зарубежья. Приезжающее население обладает более низкой квалификацией и уровнем образования, кроме того, тенденцией последних лет среди приезжих является увеличение доли старше трудоспособного возраста. Все эти существующие тенденции осложняют реализацию задач, поставленных перед этими регионами в рамках Стратегии развития Арктической Зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [2]. Для снижения негативных последствий миграционных процессов в регионах АЗРФ предпринимается комплекс мер, направленных на привлечение соотечественников, проживающих за рубежом с целью повышения качественных характеристик трудовых ресурсов и обеспечения потребности экономики в квалифицированных кадрах, а также на снижение социальной напряженности в регионе посредством повышения территориальной мобильности трудовых ресурсов. Основные направления и перечень инструментов миграционной политики, реализуемой в арктических регионах, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Ключевые направления и инструменты миграционной политики в регионах АЗРФ

<p>Добровольное переселение соотечественников, проживающих за рубежом, на постоянное место жительства в РФ</p>	<p>Повышение территориальной мобильности безработных граждан (внутрирегиональной и межрегиональной)</p>
<ul style="list-style-type: none"> • мониторинг потребности региона в квалифицированной рабочей силе и формирование регионального и межтерриториального банка свободных рабочих мест; • разработка информационных материалов для распространения среди потенциальных участников; • медицинское обслуживание в период адаптации на территории вселения; • профессиональная ориентация и психологическая поддержка посредством проведения семинаров, индивидуальных занятий и тренингов; • социальная поддержка в период адаптации на территории вселения (выплата подъемных, оказание адресной материальной помощи); 	<ul style="list-style-type: none"> • информационно-справочные услуги подействию безработным гражданам в переезде в другую местность для трудоустройства; • устранение экономических ограничений, сдерживающих перемещение трудовых мигрантов по территории страны; • профессиональное обучение по востребованным на рынке труда профессиям; • расширение применения вахтового метода работ, в том числе для жителей сельских районов региона; • предоставление гражданам, постоянно проживающим на территории субъекта Арктической зоны Российской Федерации, единовременной социальной выплаты на переселение

Добровольное переселение соотечественников, проживающих за рубежом, на постоянное место жительства в РФ	Повышение территориальной мобильности безработных граждан (внутрирегиональной и межрегиональной)
<ul style="list-style-type: none"> • единовременная финансовая помощь и информационное содействие на жилищное обустройство; • профессиональное обучение; • финансовая и консультативная помощь в организации индивидуальной предпринимательской деятельности; • социальные гарантии, в том числе регионального значения; • предоставление услуг в области содействия занятости населения 	как внутри региона, так и в благоприятные для проживания регионы РФ

Острота проблем, связанных с региональными аспектами миграционных процессов, усиливается в отношении регионов, находящихся в центре стратегических интересов России. Развивающиеся на территориях этих субъектов миграционные процессы оказывают непосредственное влияние на их социально-экономическое положение, включая вопросы формирования трудового потенциала, национально-культурные и межэтнические взаимоотношения. В связи с этим возникает насущная необходимость формирования современной системы нормативно-правового регулирования миграционных процессов как на федеральном, так и на региональном уровнях.

В условиях поиска адекватных путей решения проблем развития миграционных процессов в регионах Арктической зоны Российской Федерации необходимо провести анализ формирования и реализации действующей в России миграционной политики, сделав особый акцент на региональном аспекте ее реализации.

Библиографический список

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
2. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19.12.2012. №1666 // Собрание законодательства РФ. 2012. №52. Ст.7477.

© Губина О.В., Проворова А.А., Кармакулова А.В., Воронина Л.В., 2015. Текст.

Информация об авторах

Губина Ольга Владимировна (г. Архангельск, Россия) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Архангельский научный центр Уральского отделения Российской академии наук (163000, г. Архангельск, ул. Садовая, д.3; e-mail: oei2@rambler.ru).

Проворова Анна Андреевна (г. Архангельск, Россия) – научный сотрудник, Архангельский научный центр Уральского отделения Российской академии наук (163000, г. Архангельск, ул. Садовая, д.3; e-mail: oei2@rambler.ru).

Кармакулова Анна Вячеславовна (г. Архангельск, Россия) – младший научный сотрудник, Архангельский научный центр Уральского отделения Российской академии наук (163000, г. Архангельск, ул. Садовая, д.3; e-mail: oei2@rambler.ru).

Воронина Людмила Васильевна (г. Архангельск, Россия) – младший научный сотрудник, Архангельский научный центр Уральского отделения Российской академии наук (163000, г. Архангельск, ул. Садовая, д.3; e-mail: oei2@rambler.ru).

Gubina O.V., Provorova A.A., Karmakulova A.V., Voronina L.V.

MIGRATION PROCESSES IN THE ARCTIC REGIONS OF RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The existing tendencies are considered and the key problems of migration processes in the Arctic zone of the Russian Federation are characterized. Priorities and instruments of migration policy in Arctic regions are identified.*

Keywords: migration, arctic regions, instruments of migration policy.

Information about the authors

Gubina Olga Vladimirovna (Arkhangelsk, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Arkhangelsk Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (3, Sadovaya St., Arkhangelsk, 163000, Russia; e-mail: oei2@rambler.ru).

Provorova Anna Andreevna (Arkhangelsk, Russia) – Researcher, Arkhangelsk Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (3, Sadovaya St., Arkhangelsk, 163000, Russia; e-mail: oei2@rambler.ru).

Karmakulova Anna Vyacheslavovna (Arkhangelsk, Russia) – Junior Researcher, Arkhangelsk Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (3, Sadovaya St., Arkhangelsk, 163000, Russia; e-mail: oei2@rambler.ru).

Voronina Lyudmila Vasilyevna (Arkhangelsk, Russia) – Junior Researcher, Arkhangelsk Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (3, Sadovaya St., Arkhangelsk, 163000, Russia; e-mail: oei2@rambler.ru).

УДК 314.48

Гурвич В.Б., Дерстуганова Т.М., Ярушин С.В., Козлова О.А.

ОЦЕНКА СТРУКТУРЫ И ФАКТОРОВ РИСКА ПОВЫШЕНИЯ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЯНВАРЕ-АПРЕЛЕ 2015 Г.*

Аннотация. *В статье приведен анализ основных тенденций в динамике роста смертности среди населения России в начале 2015 г. Выделена структура и проведена оценка влияния факторов, обуславливающих риски смертности населения. На основе проведенного анализа определены приоритетные направления по регулированию влияния факторов риска преждевременной смертности.*

Ключевые слова: факторы смертности населения, структура смертности, управление рисками преждевременной смертности.

Стагнация положительной многолетней тенденции снижения уровня смертности населения Российской Федерации в конце 2014 года, а особенно ее отрицательные значения в период с января по апрель 2015 года, требуют проведения анализа как структуры составляющих ее заболеваний, причин такого роста, а также возможных факторов риска, характерных для этого периода.

Общий рост показателя смертности населения в период январь – апрель 2015 года относительно аналогичного периода прошлого года составил 103,6 процента

* Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ № 15-06-09169 «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста».

(прирост случаев смерти составил 24151 человек). Более половины (50,7 процента) случаев смерти связано с заболеваниями системы кровообращения (первый приоритет), 14,8 процента – с новообразованиями (второй приоритет), 8,1 процента - внешними причинами (третий приоритет). Никаких существенных изменений структура смертности не претерпела как относительно того же периода 2014 года, так и относительно сложившейся структуры за последние годы.

Иная картина складывается при анализе структуры прироста показателя смертности по различным заболеваниям (рис. 1)

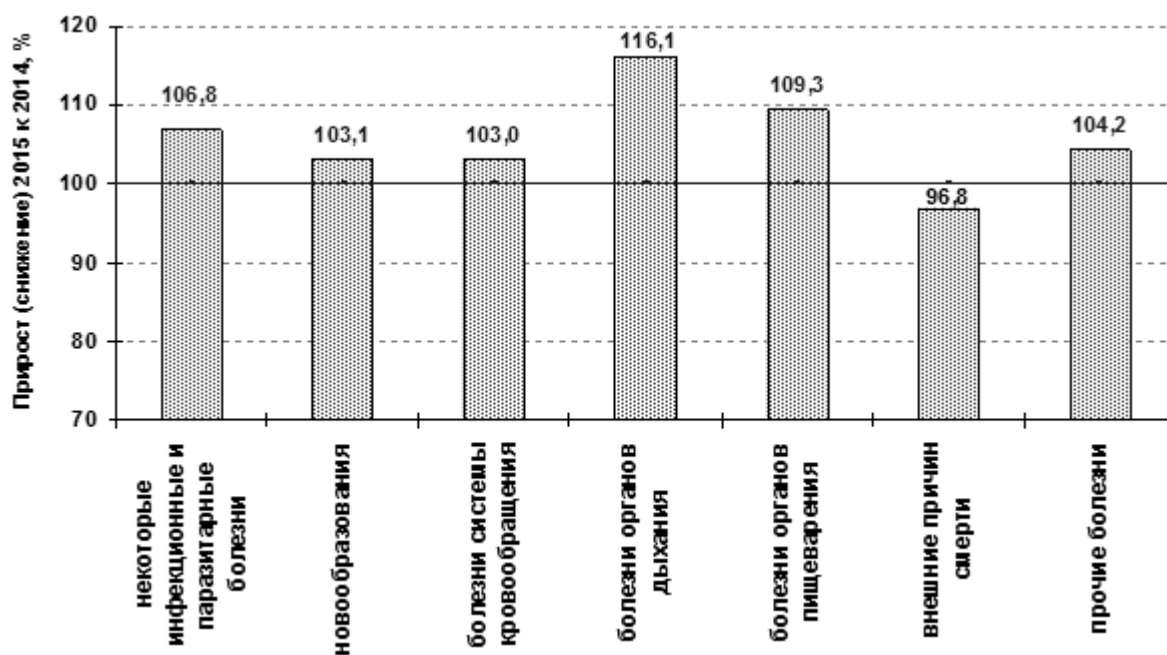

Рисунок 1. Прирост показателя смертности по причинам смерти населения Российской Федерации за период январь – апрель 2015 года, %

Наибольший прирост показателя смертности в январе – апреле 2015 года составили болезни органов дыхания (116,1 процента), болезни органов пищеварения (109,3 процента), инфекционные и паразитарные болезни (106,8 процента) в меньшей степени болезни системы кровообращения и новообразования (каждая по 103 процента). Эта структура в наибольшей степени соответствует зимне-весеннему климатическому периоду, для которого характерно увеличение как инфекционных заболеваний (прежде всего гриппа и ОРВИ) так и заболеваний органов дыхания, а также осложнений, связанных с развитием этих заболеваний. Однако наибольший вклад в рост случаев смерти продолжают вносить болезни системы кровообращения органов дыхания и новообразования, что составляет почти 70 процентов всех случаев смерти.

Эти заболевания были и должны оставаться приоритетными в реализации мер по развитию профилактики и охраны здоровья населения Российской Федерации.

В период январь – апрель 2015 года изменение показателя роста смертности различается в различных федеральных округах (рис. 2).

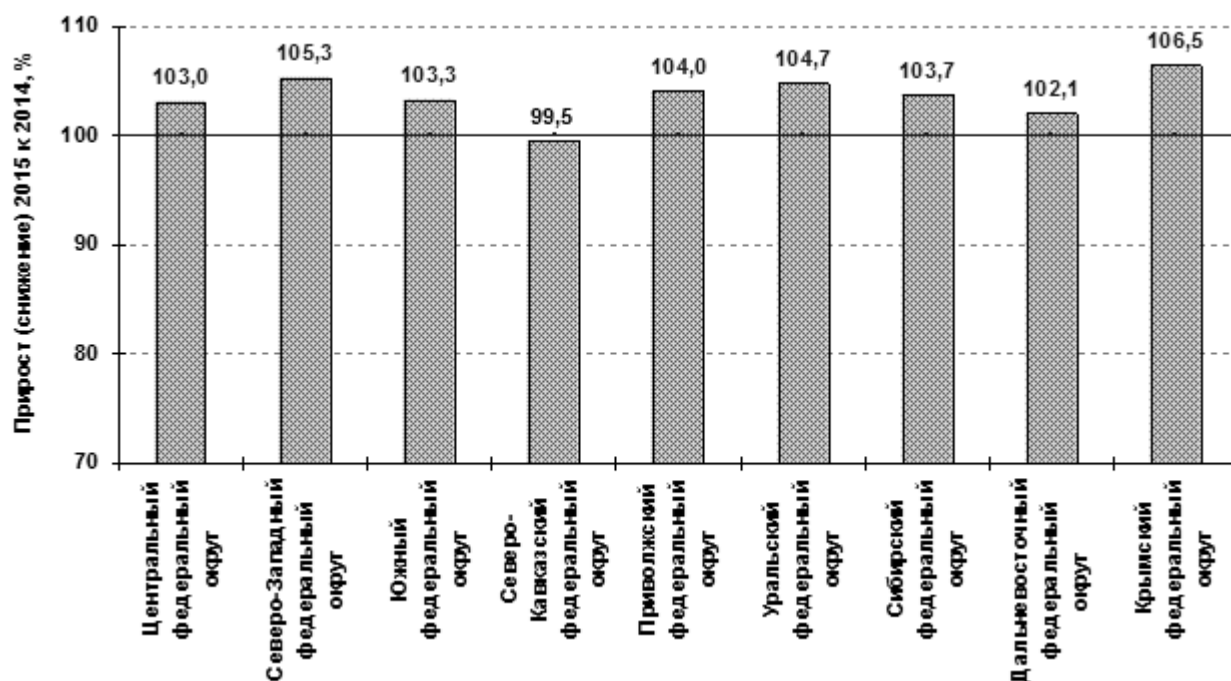

Рисунок 2. Прирост показателя смертности населения по федеральным округам Российской Федерации в январе – апреле 2015 года относительно того же периода 2014 года, %

Наибольший прирост характерен для Крымского федерального округа (106,5 процента), Северо-Западного федерального округа (105,3 процента), Уральского федерального округа (104,7 процента) и Приволжского федерального округа (104 процента). В Северо-Кавказском федеральном округе отмечается снижение показателя смертности населения (99,5 процента).

Структура роста смертности по федеральным округам также подтверждает значительный сезонный рост смертности от инфекционных заболеваний и их осложнений (включая осложнения болезней системы кровообращения и органов дыхания в связи с пиком заболеваемости гриппом и ОРВИ) в этих федеральных округах.

При этом 72,6 процента всех случаев смерти приходится на четыре федеральных округа, среди которых Центральный федеральный округ (25 процентов), Приволжский федеральный округ (22,7), Северо-Западный федеральный округ (14,4) и Уральский Федеральным округ (10,5 процента).

Выполненные исследования по темам, связанным с оценкой влияния пика заболеваемости гриппом и ОРВИ, иными инфекционными и паразитарными заболеваниями, повышением уровня заболеваемости системы кровообращения и органов дыхания, а также исследования влияния факторов социального благополучия (включая качество медицинской помощи) и факторов образа жизни позволяют прогнозировать на основе результатов факторно-типологического анализа и построенных уравнений регрессии риски роста показателя смертности в период с января по апрель 2015 года, учитывающие как долгосрочные тренды, так и особенности зимне-весеннего периода 2015 года (рис. 3).

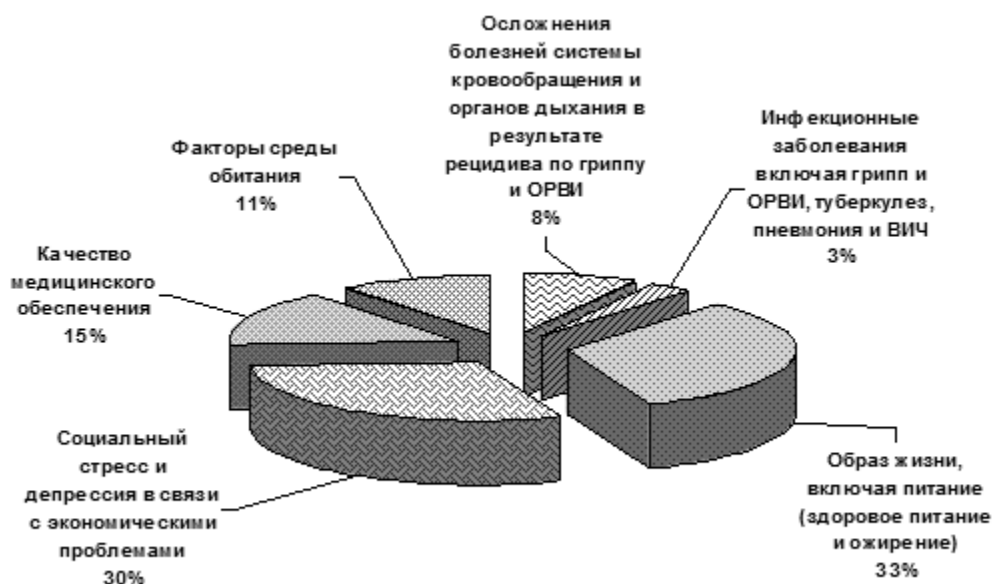

Рисунок 3. Доля факторов риска, вероятно формирующих рост смертности населения Российской Федерации в январе – апреле 2015 г., %

По результатам исследований вероятностная оценка факторов риска, формирующих прирост смертности в период январь – апрель 2015 года может характеризоваться следующим образом:

- инфекционные заболевания (грипп, ОРВИ, туберкулез, пневмония, вирусный гепатит, ВИЧ), риск смертности составляет около 3 процентов. Особую настороженность вызывает стабильный за последние годы рост темпов смертности от ВИЧ в группах риска трудоспособного и женского населения);

- риск смертности в результате осложнений заболеваний органов кровообращения и органов дыхания (8 процентов) в результате пика заболеваемости гриппом и ОРВИ в феврале – марте 2015 года. Этот фактор риска носит ярко выраженный сезонный характер;

- снижение качества и доступности медицинского обслуживания (15 процентов) в субъектах Российской Федерации. Данные риски смертности имеют тенденцию к росту в последние годы;

- неустойчивая экономическая и финансовая ситуация в Российской Федерации (30 процентов), в которую попало население (прежде всего трудоспособное) в результате кризисных явлений в экономике в 2014 – 2015 годах (социальный стресс и депрессии). Такие тенденции по результатам исследований проявляются во всех кризисных периодах за последние 20 лет;

- факторы образа жизни населения Российской Федерации (33 процента). Эти факторы риска (курение, алкоголь, некачественное и несбалансированное питание, физическая активность) являются стабильными на протяжении многих лет и не имеют устойчивой положительной тенденции к изменению;

- иные факторы, формирующие среду обитания человека (11 процентов). Эти факторы в последние годы имеют стабильную, хотя и незначительную, тенденцию к снижению.

Результаты этих исследований в Российской Федерации, подтверждаются аналогичными исследованиями, выполненными в некоторых субъектах Российской

Федерации (на примере Свердловской области, республики Северная Осетия - Алания и др.).

Выводы:

1. Рост смертности в 1 январе-апреле 2015 года относительно такого же периода 2014 года определяются как ростом случаев смерти от приоритетных в долгосрочной перспективе для Российской Федерации болезней системы кровообращения, органов дыхания и новообразований (до 70 процентов причин смерти), так и ростом инфекционных заболеваний и их осложнений, которые носят сезонный характер (до 12 процентов).

2. При разработке мер управления рисками преждевременной смертности (с учетом результатов оценки их сезонного роста) следует обратить внимание на разработку мер по нивелированию влияния выделенных факторов риска, снижению влияния на здоровье населения санитарно-гигиенических факторов среды обитания, связанных с химическим, физическим и микробиологическим загрязнением.

3. Приоритетные и неотложные меры (включая развитие мониторинга заболеваемости и смертности, а также мониторинга факторов риска) по стабилизации и предотвращению преждевременных случаев смерти должны быть направлены на профилактику, своевременную диагностику и лечение заболеваний системы кровообращения, органов дыхания, новообразований, а также меры вакцинопрофилактики инфекционных заболеваний (в первую очередь гриппа и ОРВИ).

4. Первостепенное внимание при разработке мер по стабилизации и снижению уровня смертности следует уделить следующим субъектам Российской Федерации (определяющими более чем на 80 процентов прирост в период январь – апрель 2015 года числа преждевременно умерших): Красноярский край, г. Москва, Удмуртская Республика, Ростовская область, Саратовская область, г. Санкт-Петербург, Воронежская область, Чувашская Республика, Ярославская область, Свердловская область, Курганская область, Ленинградская область, Волгоградская область, Кемеровская область, Пензенская область, Архангельская область, Ульяновская область.

Библиографический список

1. Аналитический отчет по смертности населения РФ в 1 квартале 2015г. ФБУН «Екатеринбургский медицинский научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промпредприятий» Роспотребнадзора, Екатеринбург, 2015.

© Гурвич В.Б., Дерстуганова Т.М., Ярушин С.В., Козлова О.А., 2015. Текст.

Информация об авторах

Гурвич Владимир Борисович (г. Екатеринбург, Россия) – доктор медицинских наук, директор ФБУН «Екатеринбургский медицинский научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промпредприятий» Роспотребнадзора (620014, г. Екатеринбург, ул.Попова, д. 30; e-mail: info@ymrc.ru).

Дерстуганова Татьяна Михайловна (г. Екатеринбург, Россия) – младший научный сотрудник ФБУН «Екатеринбургский медицинский научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промпредприятий» Роспотребнадзора (620014, г. Екатеринбург, ул. Попова, 30; e-mail: Zaikina_TM@66.rospotrebnadzor.ru).

Ярушин Сергей Владимирович (г. Екатеринбург, Россия) – ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией социально-гигиенического мониторинга отдела комплексных проблем гигиены и профилактики заболеваний населения ФБУН «Екатеринбургский медицинский научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промпредприятий» Роспотребнадзора (620014, г. Екатеринбург, ул. Попова, 30; e-mail: info@ymrc.ru).

Козлова Ольга Анатольевна (г. Екатеринбург, Россия) – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра исследований социоэкономической динамики Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: olga137@mail.ru).

Gurvich V. B., Derstuganova T.M., Yarushin S.V., Kozlova O. A.

ASSESSMENT OF STRUCTURE AND RISK FACTORS OF MORTALITY INCREASE IN THE RUSSIAN FEDERATION IN JANUARY-APRIL 2015

Abstract. *The article analyzes the main trends in the growth of mortality among the population of Russia at the beginning of 2015. The structure is singled out, the influencing factors of mortality risk is assessed. On the basis of the conducted analysis the priority directions by regulation of premature mortality risk factors influence are determined.*

Keywords: mortality factors, mortality structure, premature mortality risks.

Information about the authors

Gurvich Vladimir Borisovich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Medical Sciences, Director of FBSI “Yekaterinburg Medical Research Centre of Prevention and Health Protection of Industrial Workers” (30, Popova St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: info@ymrc.ru).

Yarushin Sergey Vladimirovich (Yekaterinburg, Russia) – Leading Researcher, Head of the Laboratory of Social and Hygienic Monitoring, FBSI “Yekaterinburg Medical Research Centre of Prevention and Health Protection of Industrial Workers” (30, Popova St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: info@ymrc.ru).

Derstuganova Tatyana Mikhailovna (Yekaterinburg, Russia) – Junior Researcher, FBSI “Yekaterinburg Medical Research Centre of Prevention and Health Protection of Industrial Workers” (30, Popova St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: info@ymrc.ru).

Kozlova Olga Anatolyevna (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Centre for Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: olga137@mail.ru).

УДК 314

Игошев М.В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОДХОДЫ

Аннотация. *Рассматривается понятие демографического потенциала и основные подходы к определению этого понятия. Указывается на то, что определение демографического потенциала как понятия необходимо для более эффективного принятия мер по улучшению демографической ситуации, в частности в нашей стране. Показана непосредственная связь демографического потенциала и социально-экономического потенциала общества, а также наглядно представлена структура демографического потенциала.*

Ключевые слова: демографический потенциал, потенциальная демография, социально-экономический потенциал, демографический потенциал регионов, макроуровень, мезоуровень, гигауровень.

Проблемы развития, совершенствования, повышения качества демографического потенциала представляют особый предмет заботы и внимания со стороны государства во всех развитых странах мира. Для России эта проблематика стоит еще более остро. Однако многие практические меры, принимаемые в области улучшения демографической ситуации в нашей стране, оказываются малоэффективными. Это в значительной степени связано с отсутствием комплексности в подходе к управлению развитием демографического потенциала, что, в свою очередь, обусловлено слабой теоретической проработанностью вопроса.

С одной стороны, во всех без исключения работах, посвященных вопросам демографии, речь идет о демографическом кризисе, о том, что здоровье людей ухудшается, несмотря на успехи медицинской науки, повышение комфортности жизни, улучшение в целом условий быта и труда и т.д. С другой стороны, вопросы развития демографического потенциала до сих пор остаются малоизученными, а число научных работ, посвященных анализу именно демографического потенциала как основы воспроизводства населения, недопустимо мало, особенно в области исследования факторов и условий, влияющих на его состояние и качество.

Исследование теоретической постановки вопроса о сущности, структуре, составных элементах, факторах демографического потенциала показало большой разброс научных направлений в этой области, а также очень слабую изученность проблемы.

Во-первых, следует отметить, что чаще всего о демографическом потенциале речь идет в демографических и статистических работах, а также в исследованиях социогеографов. Здесь под демографическим потенциалом страны понимается общее число ее жителей [2, 5]. В таком же контексте ведется и количественный расчет его объемов. Такой подход, обладая несомненной простотой и легкостью количественных расчетов, тем не менее, с точки зрения качественной оценки, а также задач выявления факторов и причин формирования тех или иных демографических тенденций, условий развития демографического потенциала отдельных территорий и страны в целом, разработки комплекса мер по преодолению негативных тенденций в области демографического развития, не соответствует задачам социально-экономического анализа.

Во-вторых, в ряде работ под демографическим потенциалом понимаются исключительно репродуктивные возможности общества, которые детерминируются: 1) численностью репродуктивно активных представителей в составе общности и 2) их детородной активностью (детность в этом случае определяется числом детей в семьях, суммарным коэффициентом рождаемости и другими демографическими показателями). Оценка демографического потенциала проводится на основе расчета этих двух показателей в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной (через 1–2 поколения) перспективе [8].

В несколько более широкой трактовке этот же подход представлен в работах Т.В.Ромашовой, которая под демографическим потенциалом понимает показатель потенциального роста населения на основе уже сложившейся половозрастной структуры и динамики фертильности, брачности и других частных показателей [13].

В-третьих, все большее распространение получает представление о демографическом потенциале общества через понятие жизненного потенциала,

который измеряется числом людей с учетом прожитого ими совокупного времени. Часть исследователей вообще ставят знак равенства между этими понятиями, трактуя демографический потенциал только как жизненный [11]. Этот подход сформировался на основе такого направления демографии, как потенциальная демография — отрасли демографического анализа, рассматривающей население определенной территории в качестве совокупности носителей некоторого жизненного потенциала, измеряемого в человеко-годах [14]. В основе расчета показателей, применяемых в потенциальной демографии, лежит время, которое в среднем предстоит прожить конкретному представителю совокупности людей каждого возраста в соответствии с уровнем смертности, существующим в данный период в изучаемой группе населения [21]. Основоположниками потенциальной демографии являются швейцарский демограф Л.Херш [27] и польский демограф Э.Фильрозе [24].

В-четвертых, в социально-экономической и демографической литературе все чаще начинает применяться трактовка демографического потенциала в контексте идеологии человеческого потенциала территории. В этом разрезе демографический потенциал трактуется как количественный и качественный потенциал воспроизводства народонаселения определенной территории (государства, региона) и определяется такими показателями, как общая численность населения, его половозрастной состав, динамика роста (убыли) населения, миграционные процессы и т.д. [22] На основе этого делается вывод, что демографический потенциал является условием, основой и целью развития общества и государства в направлении повышения уровня его благосостояния и социально-экономического развития, а также характеризует возможности улучшения качества населения региона.

На этой же трактовке базируется и подход Д.М.Эдиева [25], рассматривающего не просто демографический потенциал территории, а набор демографических потенциалов, который характеризует динамику воспроизводства населения и его демографические перспективы на агрегированном уровне.

Что касается нормативно-правовых документов, действующих в нашей стране, например [7, 10], то в них понятие демографического потенциала вообще отсутствует.

Важным замечанием, относящимся к недостаткам теоретической трактовки демографического потенциала, а следовательно и практики реализации демографической политики в отношении демографического потенциала, является то, что он (демографический потенциал) рассматривается исключительно в рамках страны (государства, народа, нации). Тем не менее, в современных условиях усиления процессов регионализации многие явления, характерные раньше только для макроуровня, приобретают все большую значимость на мезоуровне. Это в полной мере относится и к фактору трудовых (человеческих) ресурсов, и к категории демографического потенциала, обеспечивающего эти ресурсы. Таким образом, сегодня нужно говорить как минимум о двух уровнях развития и управления демографическим потенциалом: макроуровень — национальный (в рамках отдельной страны), а также региональный и муниципальный [23], которые вместе относятся к мезоуровню (рис.1). На наш взгляд, в настоящее время уже формируется гигауровень, когда речь идет о демографическом развитии и

потенциале целых рас (например европеоидной и т.д.) и крупных территориальных образований (страны ЕС, СНГ и т.д.).

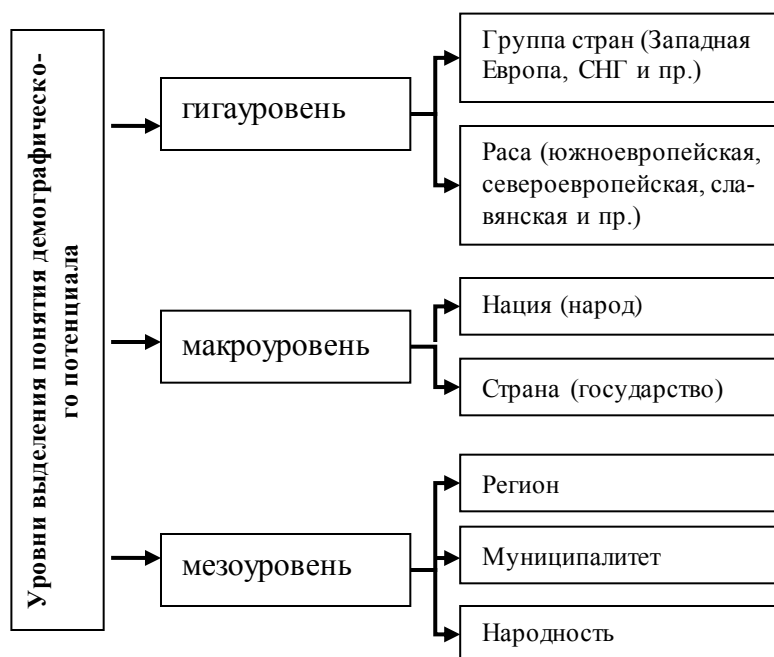

Рисунок 1. Основные уровни выделения демографического потенциала

Нужно отметить, что региональная специфика демографического развития уже некоторое время активно исследуется отечественными демографами и экономистами при изучении вопросов демографического потенциала. Так, рядом исследователей была выявлена высокая степень важности региональных различий в социально-экономическом развитии отдельных территорий для формирования основных демографических тенденций, в том числе динамики рождаемости, смертности, брачности и разводимости [3, 6, 9].

Так, на примере анализа региональных вариаций гендерных различий и смертности за два последних десятилетия В.И.Стародубовым и А.Е.Ивановой [19] было доказано, что увеличение или сокращение количества территориальных различий в социально-экономических условиях жизни России переходного периода сопровождалось соответствующим коррелирующим ростом/сокращением смертности: выравнивание территорий по уровню развития приводило к уменьшению разброса в коэффициентах смертности, и, напротив, в периоды роста территориальной дифференциации происходило расширение разброса коэффициентов – на более благополучных и богатых территориях смертность населения закономерно снижалась, особенно от внешних причин, а на более бедных – возрастала, в том числе за счет увеличения случаев самоубийств, обострения хронических и острых заболеваний и т.д.

Таким образом, региональный фактор имеет огромное значение для формирования демографической ситуации и развития демографического потенциала как отдельных территорий (регионов, муниципальных образований), так и страны в целом. Это четко прослеживается в компаративном анализе демографических тенденций в различных регионах нашей страны, а также при сравнении демографической ситуации в России с другими странами.

На основе вышеизложенного введем определение демографического потенциала региона. По нашему мнению, *под демографическим потенциалом региона следует понимать взаимосвязь динамики численности населения территории, как в целом, так и в отдельных составляющих его социально-демографических групп, с уровнем воспроизводства (замещения) поколений.*

Такой подход позволяет рассматривать демографический потенциал как потенциал «демовоспроизводственный» – охватывающий процессы смертности (жизненный потенциал) и рождаемости (репродуктивный потенциал), и соответственно учитывать взаимосвязь этих явлений и процессов при выработке эффективных управленческих решений, направленных на улучшение демографической ситуации на территории.

Таким образом, в настоящее время в отечественной демографической и социально-экономической науках не сложилось единого и общепринятого подхода к трактовке сущности и элементного состава демографического потенциала, что объективно требует теоретической и методической проработки этого понятия. С целью уточнения понятия «демографический потенциал» рассмотрим обе его составные части.

Общепринятое определение демографии трактует ее как науку о воспроизводстве населения, о его изменениях в зависимости от социально-экономических и культурных факторов [16] и это принимается за основу. Более сложная ситуация с определением «потенциала».

В ряде словарей [17, 18] встречается определение потенциала как величины, характеризующей «широкий класс силовых полей в данной точке». Такой перевод термина, по сути, дал возможность применения этого понятия в целом комплексе точных наук, таких как физика, химия, математика и т.д.

В Большой Советской Энциклопедии термин «потенциал» трактуется как «средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и могущие быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенных целей, осуществления плана; решения какой-либо задачи; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области» [1]. Такая широкая трактовка содержания понятия «потенциал», приведенная в Большой Советской Энциклопедии, позволяет применить его к различным отраслям науки и деятельности человека, в частности – в гуманитарных науках.

В экономических работах термин «потенциал» используется весьма широко и в разнообразных контекстах. Так, данный термин используется в таких сочетаниях, как: народнохозяйственный потенциал; экономический потенциал; научно-технический потенциал; инфраструктурный потенциал; производственный потенциал; потенциал социального развития; интеллектуальный потенциал и т.д. В качестве особого направления исследований сформировалась «теория потенциалов». Не рассматривая подробно все эти направления анализа, отметим следующее.

С точки зрения вопроса о трактовке сущности и структуры потенциала исследователи разделяются на две группы. Одни считают, что термин «потенциал» характеризует прежде всего достигнутый уровень развития системы общественного производства [12] и должен рассматриваться как единое целое. Другие полагают [26], что необходимо различать несколько уровней потенциала, а именно: достигнутый и перспективный. При этом под достигнутым потенциалом

понимается совокупность уже существующих элементов общественной системы а к понятию перспективного потенциала относят еще нереализованные возможности системы.

В содержании любого потенциала нужно выделять два компонента [20]:

- объективный – совокупность нематериальных, трудовых, материальных и природных ресурсов, вовлеченных и не вовлеченных по каким-либо причинам в производство и обладающих реальной возможностью участвовать в нем;
- субъективный – способности людей, коллективов, общества в целом к использованию ресурсов и созданию максимального объема материальных благ и услуг, а также способности управленческого аппарата предприятия, организации, отрасли, хозяйственной системы в целом к оптимальному использованию всех имеющихся ресурсов.

В свою очередь демографический потенциал (в первую очередь составляющие его условия для реализации возможностей и реального вовлечения ресурсов, а также способности управляющей системы) весьма существенно зависит от социально-экономического потенциала общества, но в то же время и непосредственно влияет на него. Общая схема взаимодействия демографического и социально-экономического потенциалов с учетом трудового потенциала общества представлена на рис. 2.

Рисунок 2. Взаимосвязь демографического, трудового и социально-экономического потенциалов общества

Таким образом, социально-экономический фактор имеет огромное значение для формирования демографической ситуации и развития демографического потенциала как отдельных территорий (регионов), так и страны в целом. Это четко прослеживается в компаративном анализе демографических тенденций в различных регионах нашей страны, а также при сравнении демографической ситуации в России с другими странами.

Выработка теоретического подхода к пониманию сущности, структуры, состава и основных характеристик демографического потенциала закономерно ставит вопрос о методологии его анализа, методиках и методах оценки. В этой

связи следует отметить, что в настоящее время в отечественной литературе, посвященной вопросам демографии, отсутствуют комплексные методики оценки демографического потенциала. Это закономерно, поскольку слабое внимание теоретическим вопросам не предполагает и углубленной разработки как методологии, так и отдельных методик оценки. Существуют лишь отдельные простые методы количественного подсчета величины демографического потенциала, по сути совпадающие с его трактовкой либо как общего числа жителей страны или набора количественных и качественных показателей групп населения [2], либо, как в потенциальной демографии – через среднюю продолжительность предстоящей жизни, измеряемой в человеко-годах [4, 14].

Что касается методологии исследования демографического потенциала, а также методик его оценки и характеристики, то эти вопросы еще менее изучены, чем проблематика самого понятия демографического потенциала.

Библиографический список

1. Большая Советская Энциклопедия / ред. Б.А. Введенский. М., 1972. Т.34.
2. Вишневский А.Г., Васин С.А., Зайончковская Ж.А. Демографический и трудовой потенциал России // Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / под ред. Д.С. Львова. М.: Экономика, 1999. С.202.
3. Данилова Н.В. Вопросы сбережения трудовых ресурсов // Социальные аспекты здоровья населения. 2008. № 4(8). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/98/30/lang.ru>.
4. Демографический энциклопедический словарь / редкол.: Д.И. Валентей и др. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 608 с.
5. Доклад Центра стратегических исследований Приволжского ФО. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/prostr/ch-8-5.htm>.
6. Иванова А.Е., Семенова В.Г., Кондракова Э.В., Михайлов А.Ю. Основные тенденции и региональные особенности смертности российских подростков // Социальные аспекты здоровья населения. 2008. № 4(8). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/98/30/lang.ru>.
7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (в ред. Правительства РФ от 08.08.2009 № 1121-р).
8. Корешкин А. Демография России. URL: http://www.patriotica.ru/actual/koresh_demog.html.
9. Лещенко Я.А., Батура О.Г., Лебедева Л.Н. Смертность населения трудоспособного возраста в Иркутской области // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2008. №3. С. 21-25.
10. Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по реализации национальных проектов и демографической политики 07.03.2007 г. и от 09.03.2007 г. № 552.
11. Петракова Ю.Н. Микроанализ демографического потенциала сельского населения Брестской области как существенного фактора регионального развития // Материалы междунар. форума «Инновационные технологии и системы»: Минск: ГУ «БелИСА», 2006. 156 с.
12. Проскуряков В.М. Самоукин А.И. Экономический потенциал социальной сферы: содержание, оценка, анализ. М.: Экономика, 1991.
13. Ромашова Т.В. Введение в экономическую и социальную географию. М.: КНО-РУС, 2006.
14. Рoubичек В. Демографические прогнозы и потенциальная демография. Демографические прогнозы. М., 1973. С.31-37.
15. Словарь иностранных слов. М., 1972.

16. Словарь иностранных слов / вед. ред. Л.Н. Комаров. М.: Русский язык, 1990.
17. Словарь русского языка / ред. С.И. Ожегов. М., 1984.
18. Словарь современного русского литературного языка / ред. К.А. Тимофеев. М., 1994.
19. Стародубов В.И., Иванова А.Е. Анализ изменений и прогноз смертности населения в связи с мерами демографической политики Социальные аспекты здоровья населения. 2009. № 1(9). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/101/30/lang.ru>.
20. Степанов А.Я., Иванова Н.В. Категория «потенциал» в экономике: <http://www.marketing.spb.ru/read/article/a66.htm>
21. Стешенко В.С. Потенциальная демография. Географо-этнографический справочник. URL: <http://geography.su/demogr/item/f00/s00/e0000942/index.shtml>
22. Федотовская Т.А. Демографический потенциал России. Проблемы развития человеческого потенциала в деятельности Совета Федерации / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ. 2001.
23. Филимонова Н., Краснослободцев В. Демографический потенциал и экономические перспективы муниципалитета // Практика муниципального управления. 2010. № 4.
24. Фильрозе Э. Очерк потенциальной демографии / пер. с пол. Е.М. Палий. М.: Статистика, 1975. 216 с.
25. Эдиев Д.М. Интервью на Интернет-портале интеллектуальной молодежи. URL: <http://ipim.ru>
26. Экономический потенциал развитого социализма / под ред. Мочалова Б.М. М., 1982.
27. Hersch L. De la demographic actuelle a la demographic potentielle. Gen., 1944.

© Игошев М.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Игошев Михаил Владиславович (г. Пермь, Россия) – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, ГБОУ ВПО Пермская государственная фармацевтическая академия Минздрава России (614990, г. Пермь, ул. Полевая, д. 2; e-mail: perm@pfa.ru).

Igoshev M.V.

DEMOGRAPHIC POTENTIAL: DEFINITION AND APPROACHES

Abstract. *The concept of demographic potential and the main approaches to definition of this concept are considered. It is specified that determination of demographic potential as a concept is necessary for accepting more effective measures to demographic situation improvement, particularly in our country. The direct connection of demographic potential and social and economic capacity of society is shown, the structure of demographic potential is visually presented.*

Keywords: demographic potential, potential demography, social and economic potential, demographic capacity of regions, macrolevel, mesolevel, гигауровень.

Information about the author

Igoshev Michael Vladyslavovych (Perm, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of The Chair, Perm State Pharmaceutical Academy (2, Poleyaya St., Perm, 614990, Russia; e-mail: perm@pfa.ru).

ТЕНДЕНЦИИ И ПРИЧИНЫ СМЕРТНОСТИ МЛАДШЕГО ПОКОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)*

Аннотация. В статье представлены основные тенденции и причины смертности младшей возрастной группы населения – детей и подростков, а также на примере Вологодской области проведена оценка экономических потерь вследствие преждевременной смертности.

Ключевые слова: смертность, младшее поколение, оценка экономических потерь.

Принципиальные особенности состояния здоровья младшего поколения имеют высокую демографическую значимость в формировании уровня общественного здоровья. Необоснованная детская смерть или утрата здоровья представляет собой невосполнимую потерю трудового, репродуктивного, интеллектуального потенциалов страны.

За последние три года смертность младшего поколения (население в возрасте от 0 до 17 лет) выросла во всех федеральных округах России, за исключением Северо-Кавказского федерального округа (табл. 1).

Таблица 1

Смертность детей от всех причин смерти в возрасте 0 – 17 лет (число умерших на 100 тыс. человек соответствующего возраста)

Территория	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 к 2011 г., %
<i>Российская Федерация</i>	88,7	98,7	91,7	103
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>	72,3	77,5	72,0	100
Республика Карелия	77,4	83,1	67,0	87
Республика Коми	71,2	85,7	68,5	96
Архангельская область	79,6	86,3	82,6	104
Ненецкий авт. округ	93,5	36,5	107,7	115
<i>Вологодская область</i>	86,5	96,2	105,7	122
Калининградская область	67,7	75,9	72,5	107
Ленинградская область	63,5	67,0	59,1	93
Мурманская область	76,1	62,3	57,8	76
Новгородская область	110,3	101,4	99,9	91
Псковская область	78,0	104,7	80,2	103
г. Санкт-Петербург	61,7	65,3	62,0	100
<i>Центральный федеральный округ</i>	76,0	85,5	81,3	107
<i>Южный федеральный округ</i>	84,1	92,3	88,1	104,8
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>	120,4	132,9	115,2	95,7
<i>Приволжский федеральный округ</i>	80,2	89,7	86,6	108,0
<i>Уральский федеральный округ</i>	87,0	97,0	92,8	106,7
<i>Сибирский федеральный округ</i>	105,2	117,5	105,6	100,4
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>	113,4	129,4	116,8	103,0
Источник: Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru				

В 2013 г. уровень смертности Вологодской области был в 1,5 раза выше уровня Северо-Западного федерального округа и в 1,2 раза выше уровня страны. При этом за исследуемый период в регионе наблюдается самый высокий прирост

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03120 «Качество детского населения в контексте модернизации России»).

(22%) по данному показателю как среди областей, входящих в состав СЗФО, так и среди других федеральных округов России. В 2013 году Вологодская область по уровню смертности населения в возрасте 0-17 лет входила в число 25 регионов России с наихудшими показателями (64-е место из 83 регионов, табл. 2).

Таблица 2

Регионы России по уровню смертности населения в возрасте 0-17 лет в 2013 году (число умерших на 100 тыс. человек соответствующего возраста)*

Ранг	10 регионов с минимальным уровнем смертности	Умерших на 100 тыс. нас.	Ранг	10 регионов с максимальным уровнем смертности	Умерших на 100 тыс. нас.
1	Мурманская область	57,8	74	Республика Бурятия	119,1
2	Ленинградская область	59,1	75	Иркутская область	123,1
3	Тамбовская область	59,6	76	Республика Дагестан	124,9
4	г. Санкт-Петербург	62,0	77	Приморский край	125,8
5	Пензенская область	65,5	78	Хабаровский край	127,8
6	Чувашская Республика	66,6	79	Чеченская Республика	149,4
7	Республика Карелия	67,0	80	Еврейская авт. обл.	153,7
9	Республика Коми	68,5	81	Республика Алтай	157,6
10	Ханты-Мансийский АО (Югра)	70,2	82	Чукотский АО	199,2
11	Калининградская область	72,5	83	Республика Тыва	205,0
...64	Вологодская область	105,7			

*Рассчитано автором на основе данных [6].

Анализ возрастного распределения смертности младшего поколения в России показал, что наибольшая доля смертей в возрасте от 0 до 19 лет приходится на периоды до года (56%) и подростковый (20%; рис. 1). Аналогичная тенденция характерна и для многих регионов РФ [1], в частности Вологодской области.

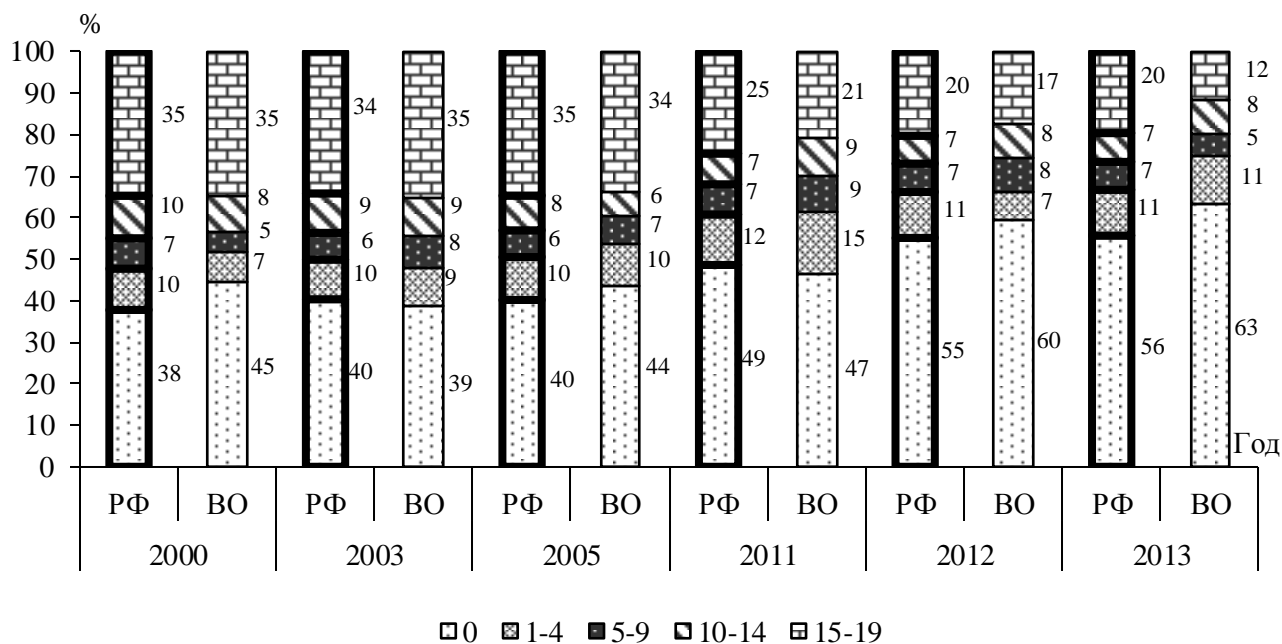

Рисунок 1. Смертность населения в возрасте от 0 до 19 лет в России и Вологодской области, %

До 2011 г. как в России в целом, так и в Вологодской области наблюдались положительные изменения показателя младенческой смертности: за 1990 – 2011 гг. в стране снизился на 57%, в регионе – на 63%. Однако ситуацию нельзя считать удовлетворительной, поскольку ее уровень остается почти в 2 раза выше, чем в экономически развитых странах Европы (рис. 2). В рейтинге стран мира по данному показателю 2014 года Российская Федерация находится на 160 позиции (7,08 умерших в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся живыми) из 224 возможных, располагаясь по соседству с Чили и Кувейтом [7].

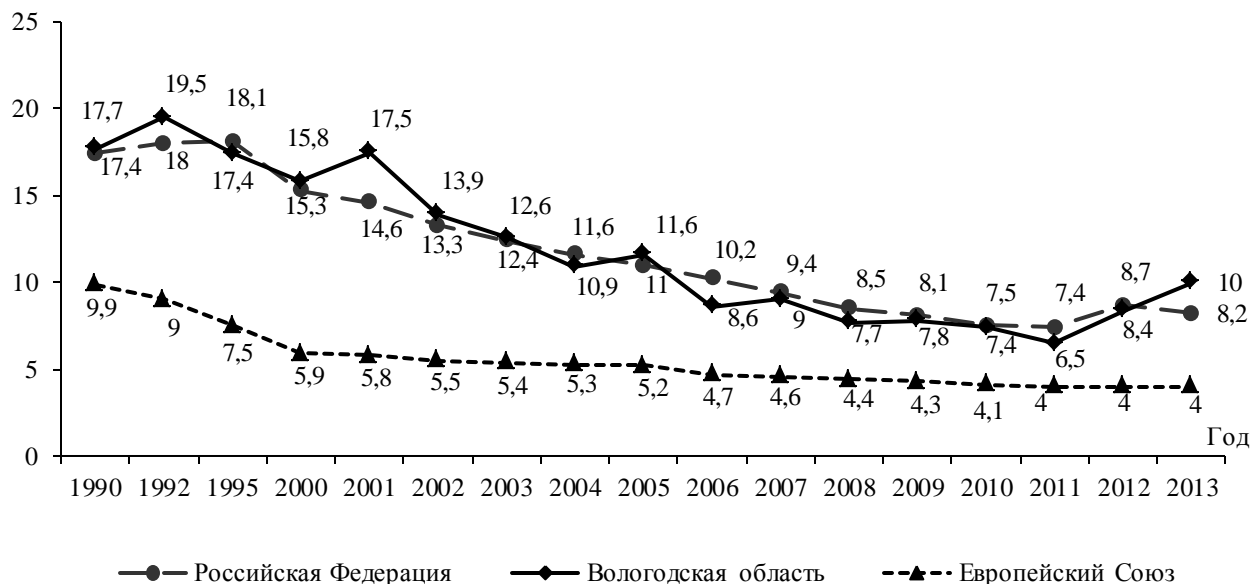

Рисунок 2. Младенческая смертность (в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми) [10, 11]

С 2012 г. уровень младенческой смертности в России и исследуемом регионе стал расти, что обусловлено переходом страны на использование новых критериев живорождения. При этом в России за период с 2011 по 2013 гг. рост показателя составил 11%, тогда как в Вологодской области 55%, что соответствует предпоследнему месту (82) среди всех регионов России (хуже ситуация только в Чукотском автономном округе, где рост составил 82%).

В целом по уровню младенческой смертности Вологодская область в 2013 году вошла в 30 регионов с наихудшими показателями. Как показали проверки Росздравнадзора (2014 г.) уровня доступности оказания медицинской помощи женщинам и детям, в регионе были выявлены серьезные нарушения в работе лечебных учреждений: не в полном объеме выполняется порядок оказания медицинской помощи по профилю «неонатология»; возросло количество родов женщин с отягощенным акушерско-гинекологическим анамнезом; областной Перинатальный центр не оказывает методологическую, организационную, консультативную и лечебную помощь другим учреждениям акушерско-гинекологического профиля; в медицинских организациях региона выявлены факты несвоевременного выполнения ремонтных работ и простоя оборудования [3].

В 2013 г. в структуре причин младенческой смертности Вологодской области первое место занимали отдельные состояния перинатального периода (66%), второе – врожденные пороки развития (12%), третье – болезни органов дыхания

(5%) [8, с.52]. Все это свидетельствует о значительном резерве перинатальной помощи в регионе, необходимости качественной диагностики и коррекции именно в раннем периоде детства.

Таким образом, подавляющее большинство случаев смерти младенцев приходится на перинатальный период и врожденные аномалии, т.е. на заболевания, связанные как со здоровьем матери, так и с организацией медицинской помощи. Согласно экспертным оценкам, из 4 млн девушек в возрасте от 16 до 18 лет абсолютно здоровыми являются от 3 до 20%, остальные страдают теми или иными заболеваниями (в том числе злоупотребляют алкоголем и принимают наркотики), которые влияют на репродуктивную функцию женского организма [2]. По данным Роспотребнадзора, ежедневно в России потребляют алкоголь (включая пиво) 33% юношей и 20% девушек. За последние два десятилетия катастрофически снизился средний возраст приобщения молодежи (детей) к алкоголю с 16 до 13 лет, наркотикам – с 18 до 14 [4].

Таблица 3

Структура причин смертности детей в возрасте от 5 до 19 лет в Вологодской области [9]

Причина	2010 г.			2011 г.			2012 г.		
	чел.	‰	%	чел.	‰	%	чел.	‰	%
в возрасте от 1 до 4 лет									
<i>Всего</i>	27	0,5	100	32	0,58	100	16	0,28	100
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	12	0,22	44	14	0,25	44	5	0,09	31
Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения	5	0,09	19	6	0,11	19	2	0,04	13
в возрасте от 5 до 9 лет									
<i>Всего</i>	21	0,3	100	19	0,3	100	19	0,3	100
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	11	0,18	53	10	0,16	53	8	0,21	42
Новообразования	1	0,02	5	2	0,03	11	4	0,06	21
Болезни нервной системы	2	0,03	10	1	0,02	5	1	0,02	5
Болезни органов дыхания	1	0,02	5	1	0,02	5	1	0,02	5
в возрасте от 10 до 14 лет									
<i>Всего</i>	21	0,39	100	19	0,35	100	19	0,34	100
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	14	0,26	67	13	0,24	68	13	0,24	68
Новообразования	2	0,04	10	3	0,06	16	3	0,06	16
Болезни нервной системы	3	0,06	14	0	0,00	0,0	0	0,00	0,00
в возрасте от 15 до 19 лет									
<i>Всего</i>	51	0,72	100	45	0,75	100	41	0,73	100
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	39	0,57	77	39	0,61	87	30	0,50	73
Болезни органов дыхания	3	0,04	6	0	0,00	0	2	0,03	5
Новообразования	1	0,01	2	1	0,02	2	2	0,03	5

Примечание: ‰ – на 1000 населения соответствующего возраста.

В табл. 3 представлены данные, отражающие ведущую роль класса травм и отравлений в возрасте от 1 до 19 лет, на 2-м месте в возрасте от 1 до 4 лет находятся врожденные аномалии, от 5 до 14 лет – новообразования, 3-е место делят болезни нервной системы и органов дыхания.

Учитывая, что в основе смертности от внешних причин (отравления, суициды, транспортные травмы) лежат социальные факторы, поэтому главной проблемой снижения детской смертности является улучшение социально-экономического положения и качества жизни населения, особенно семей с детьми.

Таким образом, анализ возрастной динамики смертности младшего поколения показал, что основной акцент на сокращении смертности должен быть сделан в периоды первого года жизни ребенка и в возрасте 15-19 лет.

В различных концептуально-стратегических и программных документах Российской Федерации и Вологодской области показатель младенческой смертности входит в перечень важнейших целевых индикаторов, регламентирующих вопросы сохранения и укрепления здоровья населения: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (ожидаемый результат: снижение до показателей развитых стран); Государственная программа РФ «Развитие здравоохранения» на период до 2020 года (снижение до 6,4); Государственная программа «Развитие здравоохранения Вологодской области» на период до 2020 года (снижение до 6,4). Однако в стратегическом планировании необходимо учитывать не только данный показатель, но и смертность младшего поколения в более старших возрастах.

В период демографического кризиса актуальными являются экономические исследования, направленные на оценку потерь, которые несет общество вследствие преждевременной смертности населения [3; 5].

Общепринятой оценкой ущерба от смертности является показатель «потерянные годы потенциальной жизни» (ППГЖ), который учитывает не только уровень смертности, но и возраст, в котором наступила смерть.

Анализируя полученные результаты расчетов экономического ущерба в результате смертности детей и подростков (в возрасте от 0 до 19 лет), в Вологодской области за 2000–2011 гг. отмечается положительная динамика сокращения смертности, что отразилось в устойчивом снижении потерь (табл. 4).

Размер недопроизведенного ВРП за исследуемый период сократился на 26% и в 2011 г. составил 10 952 руб. на одного занятого в экономике. Однако и эти данные значительны, ведь 2,2% в общем объеме ВРП региона остаются недопроизведенными.

Стоит отметить, что наибольший вклад в сумму экономических потерь в рамках данной возрастной группы вносит преждевременная смертность детей в возрасте от 0 до 4 лет, которая в 2011 г. составила 1,4% в общем объеме ВРП (или 64% от потерь вследствие смертности в возрасте от 0 до 19 лет).

Необходимо отметить, что приведенные выше данные не отражают в полной мере всех затрат, которое несет общество вследствие преждевременной смертности молодых людей, еще не достигших трудоспособного возраста. Во-первых, уровень смертности детей и подростков в силу различных биологических, возрастных, социальных закономерностей и факторов относительно невелик по сравнению с другими возрастными группами населения.

Таблица 4

Потери ВРП Вологодской области в результате преждевременной смертности населения в возрасте от 0 до 19 лет, 2000 – 2011 гг.

Год	Смертность, человек	ППЖ, человеко-года	Размер ВРП на одного занятого в экономике, тыс. руб.	Недопроизведенный ВРП, млн руб.	Недопроизведенный ВРП, руб. на одного занятого в экономике	В % к ВРП
2000	404	22897	394,9	9042	14777	3,7
2001	458	26149	408,3	10676	17702	4,3
2002	407	23216	408,3	9480	15337	3,8
2003	429	24202	432,4	10464	17137	4,0
2004	345	19655	483,5	9502	15877	3,3
2005	348	19844	483,4	9593	15336	3,2
2006	334	18512	501,6	9286	14700	2,9
2007	294	16642	524,9	8735	13767	2,6
2008	266	15088	519,3	7835	12633	2,4
2009	255	14775	454,0	6708	10859	2,4
2010	232	13536	489,2	6622	10925	2,2
2011	215	12585	525,2	6610	10952	2,1
2011 к 2000 г., %	53,2	55,0	133,0	73,1	74,1	55,7

Во-вторых, не стоит забывать об ухудшении здоровья младшего поколения и тех невосполнимых потерях интеллектуального, трудового, репродуктивного, культурного потенциала, которые невозможно оценить.

Библиографический список

1. Медицинские и социальные проблемы смертности подростков в России / Т.В. Яковлева, Р.Н. Терлецкая, А.Е. Иванова, В.Г. Семенова, Е.В. Антонова // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2009. № 5. С. 7-10.
2. Педиатрия: национальное руководство / коллектив авторов под руководством А.А. Баранова: в 2 т. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. Т. 1. 1024 с.
3. Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения. URL: <http://old.roszdravnadzor.ru/main/oficial/29178>.
4. Шереги, Ф.Э. Оценка наркоситуации в среде детей, подростков и молодежи / Ф.Э. Шереги, А.Л. Арефьев. М.: ОПТИМ, 2003. URL: http://narkotiki.ru/research_5663.html.
5. Avoidable mortality in the Russian regions / Sabgayda T.P., Ivanova A.E., Semenova V.G., Evdokushkina G.N. // *Stanovnistvo*. 2011. Т. 49. №2. С. 1-23.
6. Федеральная служба государственной статистики [оф. сайт]. URL: <http://www.gks.ru>
7. Central Intelligence Agency. The World Factbook [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>.
8. Демографический ежегодник Вологодской области. 2013: стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2014. С. 52.
9. Смертность населения по полу и возрасту за 2001 – 2012 гг. по районам Вологодской области: стат. сборник / Вологдастат. Вологда, 2013. 27 с.
10. Демографический ежегодник России. 2001, 2009, 2010, 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2001, 2009, 2010, 2014.

11. Здоровье для всех: Европейская база данных ВОЗ. URL: http://data.euro.who.int/hfadb/shell_ru.html.

© Кондакова Н.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Кондакова Наталья Александровна (г. Вологда, Россия) – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН) (160014, Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: common@vscc.ac.ru).

Kondakova N.A.

TENDENCIES AND THE REASONS OF MORTALITY OF YOUNGER GENERATION (CASE STUDY OF THE VOLOGDA OBLAST)

Abstract. *The article presents the main tendencies and the reasons of mortality of younger age group of the population – children and teenagers. The assessment of economic losses from premature mortality on the example of the Vologda region is carried out.*

Keywords: mortality, younger generation, assessment of economic losses.

Информация об авторе

Kondakova Natalia Aleksandrovna (Vologda, Russia) – Junior Researcher, Institute of Social and Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky St., Vologda, 160014, Russia; e-mail: common@vscc.ac.ru).

УДК 314.42:314.48

Короленко А.В.

СМЕРТНОСТЬ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. *В статье представлен анализ динамики показателя смертности трудоспособного населения России по сравнению с развитыми странами мира в гендерном разрезе, а также в разрезе регионов РФ. Произведён расчёт демографических и социально-экономических потерь вследствие преждевременной смертности трудоспособного населения.*

Ключевые слова: трудоспособное население, коэффициент смертности, преждевременная смертность, демографический и социально-экономический ущерб потерянные годы потенциальной жизни.

В России, начиная с 2008 г., происходит сокращение численности лиц трудоспособного возраста. По прогнозам специалистов в течение ближайших 10 лет (2014-2023 гг.) вступать в этот контингент будет в среднем ежегодно по 1,3-1,5 млн человек, тогда как выбывать по 2,1-2,5 млн [2, с. 27]. Этот факт обусловлен как влиянием демографической волны (точнее демографической впадины), так и крайне высоким уровнем смертности трудоспособного населения, особенно мужчин, по сравнению с развитыми странами мира. Сверхсмертность данной категории граждан является одной из характерных особенностей российской модели смертности. Несмотря на тенденцию сокращения смертности трудоспособного населения, наблюдаемую в нашей стране на протяжении 2000-х гг., её уровень для мужчин России на протяжении рассматриваемого периода в 4

раза превышал аналогичный в развитых странах мира, общемировой – в 2 раза. Показатель смертности женщин в нашей стране несколько ниже мирового, но значительно выше среднего по экономически развитым странам (в 2,6 раза; табл. 1). Кроме того, для России характерен большой гендерный разрыв в показателях смертности трудоспособных граждан: если в мире и развитых государствах мужчины данной категории умирают чаще в 1,5-2 раза, то в нашей стране – в 3 раза.

Таблица 1

Динамика смертности трудоспособного населения (в возрасте 15-60 лет) в ведущих развитых странах мира в 2000-2012 гг. (умерших на 100 тыс. чел. трудоспособного населения) [7]

Регион	2000 г.		2005 г.		2010 г.		2012 г.		2012 г. к 2000 г., %	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Мир	220	152	208	143	193	133	194	138	88,2	90,8
США	144	83	142	81	132	77	130	77	90,3	92,8
Англия	108	68	97	62	91	57	90	56	83,3	82,4
Швеция	87	56	80	51	72	43	68	44	78,2	78,6
Канада	101	61	94	57	85	53	68	52	67,3	85,2
Дания	126	79	111	69	105	63	102	61	81,0	77,2
Норвегия	107	61	88	56	н.д.	н.д.	73	44	68,2	72,1
Франция	138	61	127	57	116	54	109	52	79,0	85,2
Италия	101	51	84	44	н.д.	н.д.	70	39	69,3	76,5
Германия	124	63	110	57	100	53	94	50	75,8	79,4
Япония	98	48	92	45	83	41	82	43	83,7	89,6
Россия	443	159	467	173	367	137	339	127	76,5	79,9

Говоря о смертности трудоспособного населения в макрорегионах России, следует отметить, что гендерный разрыв в уровне смертности за период с 2000 по 2013 гг. сократился во всех федеральных образованиях страны. В 2013 г. лидером по показателю смертности мужчин и женщин трудоспособного возраста стал Дальневосточный федеральный округ (1017,4 и 315,7 умерших на 1 тыс. чел. соответственно), минимальное значение отмечено в Северо-Кавказском федеральном округе (473,1 и 124,7 умерших на 1 тыс. чел. соответственно). Вместе с тем наибольшая гендерная разница в величине данного показателя наблюдалась в Центральном и Приволжском федеральных округах (3,83 раза; табл. 2).

Остановившись на регионах Северо-Западного федерального округа, следует подчеркнуть, что максимальный уровень смертности среди трудоспособных мужчин зафиксирован в Новгородской области (1257,5 умерших на 1 тыс. чел.), среди женщин – в Псковской области (341,4 умерших на 1 тыс. чел.). Наиболее благоприятная ситуация, характеризующаяся самыми низкими уровнями смертности трудоспособных граждан обоих полов, наблюдается в г. Санкт-Петербурге (табл. 2).

Превышение уровня преждевременной смертности мужчин над уровнем смертности женщин – тенденция, наблюдаемая во многих, в том числе развитых странах мира, однако в России этот показатель достиг беспрецедентно высокого, угрожающего национальной безопасности государства, значения. Так, по последним данным Всемирного Банка на 2013 г. вероятность дожития до 65-летнего возраста в нашей стране среди мужчин на 30% ниже, чем среди женщин

(49 против 79%), тогда как в странах Евросоюза и в мире этот разрыв существенно ниже и составляет 8% [7].

Таблица 2

Смертность трудоспособного населения федеральных округов России в 2000 и в 2013 гг. * (умерших в трудоспособном возрасте на 100 тыс. чел. трудоспособного населения) [8; 6, с. 269-290]

Федеральные округа	2000 г.			2013 г.			2013 г. к 2000 г., в %	
	Муж.	Жен.	Гендерный разрыв в КС _т ^{**} , раз	Муж.	Жен.	Гендерный разрыв в КС _т ^{**} , раз	Муж.	Жен.
Центральный	1213,4	293,0	4,14	810,2	211,5	3,83	66,8	72,2
Северо-Западный	1260,4	346,3	3,64	850,3	248,0	3,43	67,5	71,6
Республика Карелия	1345,0	372,3	3,61	1103,5	310,6	3,55	82,0	83,4
Республика Коми	1089,3	328,7	3,31	1050,4	271,6	3,87	96,4	82,6
Архангельская область	1361,1	351,2	3,88	964,0	242,9	3,97	70,8	69,2
Вологодская область	1134,8	256,2	4,43	1031,7	253,0	4,08	90,9	98,8
Калининградская область	1234,9	373,6	3,31	826,4	268,9	3,07	66,9	72,0
Ленинградская область	1495,6	412,4	3,63	914,1	291,3	3,14	61,1	70,6
Мурманская область	1063,0	292,6	3,63	822,4	270,8	3,04	77,4	92,5
Новгородская область	1477,8	344,5	4,29	1257,5	315,7	3,98	85,1	91,6
Псковская область	1519,8	423,4	3,59	1135,1	341,4	3,32	74,7	80,6
г. Санкт-Петербург	1187,4	340,7	3,49	619,1	197,2	3,14	52,1	57,9
Южный	938,8	238,4	3,94	759,5	207,7	3,66	80,9	87,1
Северо-Кавказский	н.д.	н.д.	-	473,1	124,7	3,79	-	-
Приволжский	1125,7	272,3	4,13	959,1	250,5	3,83	85,2	92,0
Уральский	1151,9	298,6	3,86	904,0	250,0	3,62	78,5	83,7
Сибирский	1196,7	354,9	3,37	1012,1	302,4	3,35	84,6	85,2
Дальневосточный	1139,4	335,2	3,40	1017,4	315,7	3,22	89,3	94,2

* Трудоспособное население: мужчины 16-59 лет, женщины 16-54 года.

** КС_т – коэффициент смертности трудоспособного населения.

Высокий уровень смертности трудоспособного населения является следствием и отражением комплекса социальных проблем, остро стоящих перед Россией на современном этапе развития. В их число входит низкий уровень жизни населения, алкоголизм, несоответствующие утвержденным нормативам условия труда и, как следствие, высокий производственный травматизм [4, с. 56]. Кроме того, сверхсмертность граждан трудоспособного возраста несёт в себе прямую и серьёзную экономическую угрозу, так как наряду с недостаточным инновационно-технологическим развитием страны приводит к снижению производительности труда [1].

Интегральной характеристикой социально-демографических потерь от преждевременной смертности населения служит показатель Всемирной организации здравоохранения PYLL (Potential Years of Life Lost) или «потерянные годы потенциальной жизни» (ППЖ), который описывает масштаб преждевременной смертности и рассчитывается как сумма произведений числа

умерших в каждой возрастной группе на количество лет, недожитых ими до возраста ожидаемой продолжительности жизни:

$$ПГПЖ = \sum D_i \times a_i,$$

где D – число умерших в i -й возрастной группе, a_i – число недожитых лет, $a_i = T - x_i$, где T – верхний предельный возраст, до которого рассчитывается недожитие (т.е. возраст, все смерти ранее достижения которого считаются преждевременными), x_i – середина i -го возрастного интервала [1].

Для оценки потерь от смертности трудоспособного населения нами в качестве верхнего предельного возраста бралось рекомендованное ВОЗ значение – 65 лет, а расчёт ПГПЖ производился в рамках соответствующих пятилетних половозрастных групп, начиная с 15 лет. Для выражения ущерба в экономических единицах каждый потерянный год жизни умножался на среднедушевой ВРП изучаемого года, т.е. осуществлялась оценка стоимости потерянных лет потенциальной жизни от преждевременной смертности трудоспособного населения:

$$П_t = ПГПЖ_t \times C_t,$$

где $П_t$ – стоимость ПГПЖ в результате смертности в году t , $ПГПЖ_t$ – число человеко-лет, недожитых вследствие преждевременной смертности населения в году t , C_t – стоимость одного года статистической жизни в году t [1].

Произведённые расчёты показали, что наибольший вклад в социально-демографические потери населения страны и региона вносят внешние причины смерти (табл. 3), которые составляют 35 и 27% от всей суммы ПГПЖ соответственно. Значительную часть потерь обуславливают болезни системы кровообращения – 25% в России и 18% в Вологодской области. Наибольший размер упущенной экономической выгоды страны и региона выявлен для смертности от внешних причин – 2,5 и 3% соответственно от общего объёма ВРП.

Таблица 3

Социально-демографический и экономический ущерб от основных классов причин смерти трудоспособного населения России и Вологодской области в 2013 г.

Классы причин смерти	ПГПЖ, человеко-лет		ПГПЖ в % от общих потерь		Упущенная выгода в производстве ВРП, млн руб.*		Ущерб в % от ВРП**	
	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО
Все причины	10 003 450	122 157	100	100	3 765 128,5	34 878,6	6,97	10,22
Внешние причины	3 511 963	32 471	35,1	26,6	1 321 843,2	9 271,2	2,45	2,72
Болезни системы кровообращения	2 464 329	22 452	24,6	18,4	927 531,5	6 410,6	1,72	1,88
Новообразования	1 186 930	10 908	11,9	8,9	446 740,3	3 114,5	0,83	0,91
Заболевания пищеварительной системы	802 195	12 204	8,0	10,0	301 932,6	3 484,5	0,56	1,02
Инфекционные и паразитарные болезни	668 001	2 068	6,7	1,7	251 424,2	590,5	0,47	0,17
Заболевания органов дыхания	454 377	3 970	4,5	3,2	171 019,8	1 133,5	0,32	0,33

* ВРП на душу населения.

** ВРП в основных ценах.

Обращают на себя внимание существенные гендерные различия в размерах социально-демографического и экономического ущерба вследствие смертности трудоспособного населения от разных классов причин смерти. Так, среди мужчин общие потери ПППЖ и ВРП от всех причин смерти выше, чем среди женщин в 3 раза, от внешних причин смерти – в 4 раза, причём среди них наибольший урон наносят самоубийства и транспортные несчастные случаи (табл. 4).

Таблица 4

Потери ПППЖ и ВРП среди мужчин и женщин трудоспособного возраста
Вологодской области в 2013 г.

Классы причин смерти	Мужчины			Женщины		
	ПППЖ (человеко-лет)	Ущерб (млн руб.)*	Ущерб в % от ВРП**	ПППЖ (человеко-лет)	Ущерб (млн руб.)*	Ущерб в % от ВРП**
<i>Все причины смерти</i>	93 503	26 697,2	7,82	28 654	8 181,4	2,40
Внешние причины в том числе:	26 395	7 536,4	2,21	6 076	1 734,8	0,51
Транспортные несчастные случаи	3 634	1 037,6	0,30	1 061	302,9	0,09
Самоубийства	4 166	1 189,5	0,35	1 122	320,3	0,09
Случайные отравления алкоголем	2 457	701,5	0,21	571	163,0	0,05
Убийства	1 727	493,1	0,14	449	128,2	0,04
Болезни системы кровообращения	17 302	4 940,1	1,45	5 150	1 470,4	0,43
Заболевания пищеварительной системы	7 062	2 016,4	0,59	3 679	1 050,4	0,31
Новообразования	5 805	1 657,5	0,49	5 103	1 457,0	0,43
Заболевания органов дыхания	3 206	915,4	0,27	764	218,1	0,06
Инфекционные и паразитарные болезни	1 663	474,8	0,14	405	115,6	0,03

* ВРП на душу населения.

** ВРП в основных ценах.

Самые высокие потери ПППЖ от внешних причин смерти наблюдаются в наиболее молодых возрастных группах (в рамках трудоспособного возраста) – 15-19 и 20-24 лет, на каждую из которых в России приходится более 70% общих потерь ПППЖ, в Вологодской области – 35-40% потерь. В старших возрастных группах максимальный ущерб наносит смертность от болезней системы кровообращения: так, в целом по стране ПППЖ от данного класса причин смерти в возрасте 50-54 лет достигает 38% от всех потерь, в возрасте 55-59 лет – 43%. В Вологодской области эти потери составляют 31 и 41% соответственно (табл. 5).

Снижение смертности населения, в том числе мужчин трудоспособного возраста, является одним из приоритетных направлений государственной политики, обозначенных в ведущих концептуальных документах Российской Федерации: в Концепции демографического развития РФ на период до 2025 года и в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. Кроме того, в нашей стране реализуются федеральные и региональные программы развития здравоохранения, большое внимание в которых уделено вопросу сокращения смертности от дорожно-транспортных происшествий, а также

снижению потребления алкогольной продукции, ведь, как известно, алкогольный фактор вносит существенный вклад в преждевременную смертность, особенно среди мужского населения [5]. В то же время в данных документах не выработано ни целевых показателей, характеризующих смертность трудоспособного населения, ни механизмов их достижения [3, с. 92], практически не затрагивается проблема высокого производственного травматизма, как фактора инвалидизации и в последующем преждевременной смертности. По данным на 2013 г. в России при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более пострадало 36 тыс. человек, из них со смертельным исходом – 1,7 тыс. человек.

Таблица 5

Доля потерь ПГПЖ от основных классов причин смерти в общем объеме потерь для разных возрастных групп трудоспособного населения России и Вологодской области (в % от всех потерь ПГПЖ)

Классы причин смерти	Возраст, лет								
	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54	55-59
<i>Российская Федерация</i>									
Внешние причины	1,2	3,8	9,2	13,2	10,6	6,8	4,2	2,6	1,7
Болезни системы кровообращения	5,5	6,9	10,4	14,5	19,8	27,1	33,4	38,0	42,7
Заболевания пищеварительной системы	5,6	4,5	4,3	5,1	7,2	11,2	15,4	20,9	24,6
Новообразования	1,0	2,2	5,6	8,5	10,1	10,3	9,6	8,3	7,5
Заболевания органов дыхания	2,4	2,3	3,7	4,5	5,2	5,2	5,0	4,9	4,7
Инфекционные и паразитарные болезни	72,8	70,8	56,3	43,5	36,8	30,2	24,0	17,7	12,0
<i>Вологодская область</i>									
Внешние причины	0,0	2,4	2,3	3,0	2,1	0,6	1,6	1,4	0,7
Болезни системы кровообращения	10,4	3,8	4,7	7,3	10,7	16,2	25,1	31,4	41,0
Заболевания пищеварительной системы	4,2	2,4	3,6	3,2	6,0	8,9	11,9	14,1	18,9
Новообразования	0,0	1,9	5,4	11,4	14,8	13,7	11,5	8,8	10,4
Заболевания органов дыхания	2,1	1,0	2,6	3,9	3,6	2,6	3,4	4,0	4,0
Инфекционные и паразитарные болезни	35,4	41,8	38,6	33,5	28,8	26,7	21,2	17,8	10,6

На наш взгляд, в связи с крайне высоким уровнем травматизма на рабочих местах необходимо все силы направить на реализацию профилактического направления, в рамках которого представляется целесообразным:

– создание и оборудование на предприятиях специальных кабинетов или уголков по технике безопасности для предупреждения несчастных случаев и профессиональных заболеваний;

– пропаганда техники безопасности на производстве в форме систематических лекций, бесед, инструктажей с привлечением специалистов в области безопасности жизнедеятельности, а также с использованием наглядных пособий, документальных фильмов, телепередачи т.д.;

– проведение медицинским персоналом инструктажей с работниками предприятий по оказанию первой медицинской помощи пострадавшим в несчастных случаях на производстве.

Учитывая высокие показатели смертности трудоспособного населения в результате дорожно-транспортных происшествий, которые, как известно, занимают 1-е место в структуре смертности от внешних причин, считаем необходимым продолжить реализацию региональных программ профилактики основных факторов риска транспортных несчастных случаев, включая проектирование более безопасной инфраструктуры дорожного движения, повышение доступности и улучшение качества помощи пострадавшим в дорожных авариях; усилить контроль за соблюдением ПДД.

Ещё одним направлением совершенствования системы профилактики смертности трудоспособного населения могут служить механизмы развития и поддержания положительных установок населения на ведение здорового образа жизни с помощью активного привлечения СМИ, общественных организаций, профсоюзов, органов власти и ведомств к пропаганде ЗОЖ, профилактике саморазрушительных форм поведения у населения.

Библиографический список

1. Прохоров Б.Б., И.В. Горшкова, Шмаков Д.И., Тарасова Е.В. Общественное здоровье и экономика. М.: МАКС Пресс, 2007. 288 с.

2. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России в экстраполяционных и нормативных координатах // Социологические исследования. 2014. 12(368). С. 21-30.

3. Шабунова А.А., Шахотько Л.П., Боброва А.Г., Маланичева Н.А. Смертность трудоспособного населения России и Беларуси как угроза демографическому развитию территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. №2(20). С. 83-94.

4. Шабунова А.А., Калашников К.Н. Экономическая оценка потерь трудового потенциала населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. №4(4). С. 53-61.

5. Юмагузин В.В., Винник М.В. Факторы смертности от внешних причин и пути ее снижения: опыт экспертного интервью // Социальные аспекты здоровья населения [Электронный научный журнал]. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/595/lang.ru/>

6. Демографический ежегодник России 2002: стат. Сборник. Росстат. М., 2002. С. 269-290.

7. The World Bank. World Development Indicators [Electronic resource]. URL: <http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators#>

8. Демографический ежегодник России 2014 [Электронный ресурс]: стат. сборник / Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm

© Короленко А.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Короленко Александра Владимировна (г. Вологда, Россия) – младший научный сотрудник, ФГБУН Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru).

Korolenko A.V.

MORTALITY OF THE WORKING-AGE POPULATION: TRENDS, DEMOGRAPHIC AND SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES

Abstract. *The article presents analysis of the mortality rate dynamics of the working-age population in Russia in comparison with the developed countries in view of gender specific, as well as in various regions of Russia Federation. The author calculated the demographic and socio-economic losses due to premature mortality of the working-age population.*

Keywords: working-age population, mortality rate, premature mortality, demographic and socio-economic losses, potential years of life lost.

Information about the author

Korolenko Aleksandra Vladimirovna (Vologda, Russia) – Junior Researcher, Institute of Social and Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky St., Vologda, 160014, Russia; e-mail: coretra@yandex.ru).

УДК 314.42

Макарова М.Н.

ЭНТРОПИЙНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ТРУДОСПОСОБНОМ ВОЗРАСТЕ*

Аннотация. *В статье предлагается обоснование теоретико-методологического подхода к анализу факторов смертности населения в трудоспособном возрасте на основе применения понятия социальной энтропии. Раскрываются условия, причины и механизмы роста энтропии в социальных системах.*

Ключевые слова: смертность, трудоспособное население, энтропийный подход, факторы.

Современные процессы депопуляции и старения населения в России требуют комплексного и углубленного подхода к решению проблем не только рождаемости, но и снижения высокой смертности в первую очередь, в трудоспособном возрасте. Именно у этой части населения состояние здоровья наиболее подвержено влиянию факторов деструктивного характера, определяя необходимость научного обоснования эффективных мер по его сохранению и улучшению.

По-новому взглянуть на указанную проблему позволяет энтропийный подход к анализу факторов и показателей смертности населения в трудоспособном возрасте. Рассматривая человека как неравновесную биосоциально-экономическую систему, мы определяем смертность населения в трудоспособном возрасте как энтропийную силу в данной системе и исследуем медико-демографические и

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ №15-06-09169 «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста».

социально-экономические факторы, способствующие ее росту. Конечной целью исследования является поиск механизмов снижения энтропийного влияния управляемых причин смертности населения трудоспособного возраста.

В зависимости от специфики той или иной науки понятие энтропии получает различные толкования. В частности, в статической физике оно выражает неопределенность состояния изучаемой системы и представляет меру вероятности пребывания системы в данном состоянии (Л. Больцман); в теории динамических систем – меру хаотичности в поведении траекторий системы; в теории информации – меру неопределенности источника сообщений, заключающуюся в вероятности появления тех или иных символов при их передаче; в теории управления – меру неопределенности состояния или поведения системы в данных условиях. В кибернетике при помощи понятий энтропии и негэнтропии выражают меру организованности системы.

В социальных науках понятие энтропии также нашло свое применение. Б.Б. Прохоров определяет социальную энтропию как меру отклонения социальной системы или ее отдельного звена от принятого как эталонное (нормальное, ожидаемое) состояния, которое (отклонение) проявляется в снижении уровня организации, эффективности функционирования, темпов развития системы. Социальная энтропия связана с наличием объективной неопределенности в состоянии среды, деятельности людей, ошибками управления, планирования, недостатком информации в процессе организации системы общества в целом. Социальная энтропия не просто мера неупорядоченности, расстройтва социальных систем, но и мера несоответствия их состояния принятым целевым установкам [6].

Чаще всего, как отмечает Е.М. Бабосов, в социальном бытии действуют две противоположно направленные тенденции – как возрастания, так и уменьшения энтропии. В зависимости от того, какая из них становится преобладающей, возникает либо более высокая организованность или самоорганизация системы, либо ее дезорганизация, нарастание в ней элементов хаоса и распада [1].

Как отмечают Т.В. Меркулова и А.А. Янцевич, возрастание энтропии может служить индикатором усиления нестабильности, ослабления прогнозируемости поведения системы, что связывается с рядом проблем в обществе, среди которых нарастание социальной напряженности и опасности социальных катаклизмов, снижение управляемости функционирования системы, усиление несбалансированности и устойчивости экономического развития, снижение его темпов [4]. С другой стороны, нарастание социальной энтропии может рассматриваться как возможность дальнейшего совершенствования системы, перехода на более высокий уровень организации при правильном использовании силы и направления энтропийных процессов [5].

Среди условий нарастания социальной энтропии исследователи выделяют следующие [2]:

- попытки добиться физически или социально невозможного результата (экономика на алхимическом золоте, энергетика на вечном двигателе, «мир без наркотиков», «честная политика» и т.п.);

- наличие «конфликта интересов», когда не существует такого конечного состояния системы, при котором все конфликтующие стороны осуществили свои намерения (двое добиваются должности, которая может достаться только одному

из них – вся деятельность проигравшего пошла на увеличение социальной энтропии);

- «ошибки перевода», когда получаемая перпициентом информация существенно отличается от той, которую индуктор намеревался передать;

- трансляция окружающим негативных эмоций (гнев, раздражение, зависть, обида и пр.).

Основными причинами и источниками увеличения социальной энтропии в современном обществе являются: вооруженные конфликты; природные и техногенные катастрофы; экономические и социальные кризисы; эпидемии, болезни и сокращение народонаселения; межнациональные и межконфессиональные конфликты; совершение террористических актов; высокий уровень преступности [1].

Все перечисленные механизмы роста социальной энтропии допускают управление со стороны общества. Поэтому важно уловить негативные тенденции на ранней стадии их развития, что дает большой запас времени для принятия необходимых мер по предотвращению последствий перехода в новое состояние. Именно такую возможность дает энтропийный подход при анализе поведения социальных систем.

В своих работах С.А. Дятлов доказывает, что уменьшение энтропии социальной системы должно быть обеспечено за счет эффективных управленческих решений, принимаемых на основе анализа не только прошлых параметров-состояний системы, но и сравнительного анализа потенциально достижимых вариантов информационных моделей будущего состояния данной социальной системы. Это позволяет обеспечить переход от энтропийной общественной системы к синергийной [3] (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика социальных систем энтропийного и синергийного типа (сост. по: [3])

Критерий сравнения	Энтропийная общественная система	Синергийная общественная система
Цель развития	нечетко задана или отсутствует	четко задана
Направление развития	уменьшение меры целесообразности и организованности, снижение уровня порядка и иерархичности, ухудшение качества структурно-функциональной организации, уменьшение информационной емкости и энергетического потенциала системы	рост меры целесообразности и организованности, повышение уровня упорядоченности и иерархичности, улучшение качества структурно-функциональной организации, увеличение информационной емкости и энергетического потенциала системы
Субъект управления	эгоистичный, асоциальный	социально ориентированный
Инструмент управления	асистемно-фрагментарная энтропийная логика принятия управленческих решений	системно-целостная синергийная логика принятия управленческих решений
Результат управления	качественно-количественная деградация, асистемность и фрагментарность, утрата системной целостности, несоответствие генетически заданной природе	качественно-количественный рост, системная целостность, устойчивость и жизнеспособность, соответствие генетически заданной природе

Изложенные выше теоретические положения послужили основанием для использования энтропийного подхода с целью поиска механизмов и инструментов

снижения деструктивного влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на смертность населения в трудоспособном возрасте.

Библиографический список

1. Бабосов Е.М. Антиэнтропийная направленность человеческого бытия и социальная энтропия // Социология. 2011. №1. С. 11-19.
2. Боровиков С., Переслегин С., Переслегина Е. Русский археолог – Социальная термодинамика и проблема идентичностей. [Электронный документ] URL: <http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/principis/thermodynamics>. Дата обращения: 19.02.15.
3. Дятлов С.А. Энтропийная экономика: методологические аспекты анализа мирового финансового кризиса // Общество, среда, развитие. Научно-теоретический журнал. 2012. №4. С. 4-9.
4. Меркулова Т. В., Янцевич А.А. Энтропийный подход в анализе распределения доходов в обществе // ECONOMICS: time realities. 2014. №4(14). С. 5-10.
5. Пискорская С.Ю., Тетерина Е.В. Проблема безопасности социальных систем в рамках концепции социальной энтропии // Перспективы науки. 2014. № 4. С. 51-53.
6. Прохоров Б.Б. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. 476 с.

© Макарова М.Н., 2015. Текст.

Информация об авторе

Макарова Мария Никитична (Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, ФГБУН Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: maria_makarova87@mail.ru).

Makarova M.N.

AN ENTROPY APPROACH TO ANALYZE MORTALITY OF THE WORKING AGE POPULATION

Abstract. *The article provides a justification of the theoretical and methodological approach to analyze mortality factors of the working-age population based on the notion of social entropy. The author describes the conditions, causes and mechanisms of the entropy growth in social systems.*

Keywords: mortality, working age population, entropy approach, factors.

Information about the author

Makarova Maria Nikitichna (Yekaterinburg Russia) – Candidate of Economic Sciences, Junior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya st., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: maria_makarova87@mail.ru).

ТРАНСГРАНИЧНАЯ МИГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ

Аннотация. В статье анализируются региональные тенденции миграции рабочей силы в условиях воссоединения Крыма с Россией в марте 2014 г., выявляется вклад различных категорий граждан и регионов в приращение трудового потенциала России.

Ключевые слова: международная миграция, показатели, рабочая сила, Россия, Украина, регионы, Крым.

Рост кризисных явлений в реальном и финансовом секторах отечественной экономики, особенно после 16 марта 2014 г., когда произошло реальное воссоединение Крыма с РФ западные страны и прежде всего США и ЕС включили весь свой арсенал средств (экономических и неэкономических) для противодействия, а вернее установления все новых санкций и ограничений, вплоть до ужесточения денежно-кредитного и бюджетно-налогового инструментария воздействия на основные макроэкономические параметры развития российской экономики, вплоть до массированного применения и использования военных средств давления. Это усилило миграционные потоки в приграничных с Россией регионах и изменило динамику демографических показателей, заставило отказаться от квотирования миграционных потоков из стран СНГ и изыскивать дополнительные источники и резервы роста, стимулировать труд, в том числе и через привлечение вновь прибывшей дополнительной рабочей силы из Украины. Так, на начало 2014 г. в таких приграничных регионах Украины, как Луганская область проживало 2,2 млн человек, в Крыму – 2,2 млн, в Донецкой области – 4,3 млн, Днепропетровской – 3,3 млн, Харьковской – 2,7 млн, в Херсонской, Николаевской, Одесской, Сумской, Черниговской, Запорожской и других облстях по 2-3 млн человек. Всего в стране проживало на начало 2014 г. 45,3 млн человек.

Граждане многих, особенно юго-восточных областей Украины, оказались вовлеченными во внутренний социально-экономический, демографический, политический и военный конфликт, все более перерастающий в межгосударственный, что усилило миграцию населения из одних регионов страны в другие и за ее пределы: из западных – в Польшу, Литву, Венгрию и другие страны, из юго-восточных регионов – в Россию.

По данным Госкомстата России на начало 2014 г. население страны насчитывало 143,7 млн человек и выросло за 2014 г. в среднем до 146 млн, или на 2,3 млн человек, то на 01.01.2015 г. эта величина достигла 146,2 млн человек, причем на вошедший 16 марта 2014 г. в состав России Крым, преобразованный в Крымский федеральный округ, в среднем за 2014 г. приходилось 2,227 млн человек, то на 01.01.2015 г. – уже 2,294 млн человек, или увеличилось еще на 67 тыс. человек. Причем, 2 млн граждан Крыма за 2014 г. получили российский паспорт, а 2 тыс. крымчан отказались его получать, хотя и проживают на данной территории.

Статистика ООН также внесла свою лепту в подсчет миграционных потоков в Украине и ее юго-восточных регионах, указав, что в связи с военными действиями, невыдачей пенсий, социальных пособий, задержками и невыплатами заработной платы, с территориями подконтрольных ополченцам на 21 января 2015 г. бежало 1,2

млн человек, в том числе 594 тыс. отправились в соседние государства и прежде всего в Россию, 610 тыс. – переехали в другие регионы Украины [4]. По другим источникам, число вынужденных переселенцев в Украине превысило 1,520 млн человек, из которых 921 тыс. переехали в другие регионы страны, а 600 тыс. – в Россию.

Согласно ФМС России, на территории страны насчитывается свыше 880 тыс беженцев с Украины и прежде всего юго-восточных регионов, из них около 300 тыс. граждан Украины уже получили статус беженцев. Еще порядка 200 тыс. – это трудовые мигранты из различных регионов Украины и Молдавии. ФМС России, в связи с создавшейся обстановкой на Украине продлила сроки пребывания граждан Украины на территории России с 3-х месяцев до 1 года, что дало толчок миграции мужчин призывного возраста, уклоняющихся на Украине от воинской повинности. В целом, на 16 марта 2015 г., по оценочным данным, население России только за счет Крыма приросло на 2,5 млн человек, достигнув 146,2 млн человек, а территория страны увеличилась на 25 тыс. кв. км.

Раскрытие сущности реального процесса миграции рабочей силы даже в рамках одного трансграничного региона показывает насколько это сложный, противоречивый, еще слабо проработанный и чаще всего стихийный процесс. Независимо от того, в какой сфере, в какой форме осуществляется привлечение рабочей силы, его результатом всегда является приращение ценности трудового потенциала. Поэтому анализу ее сущности, особенностям формирования и проявления деятельности мигрантов в различных регионах, исчисления компонентов ее формирующих, в последние годы в мировой и отечественной экономике уделяется возрастающее внимание, как в деловых, так и научных кругах и в правительстве, поскольку уровень, масса и квалификация мигрантов отражают структурные, демографические, социально-экономические, технологические, внешнеполитические и иные изменения в обществе.

В этой связи следует указать на тот непреложный факт, что во всем мире, в российской экономике и ее регионах происходят разнонаправленные тенденции и подходы в миграционной политике, в том числе и в трансграничных регионах.

Особый характер миграционные процессы приобретают в периоды военных и религиозных конфликтов, экономического роста или спада, последний из которых с особой остротой и силой проявился с конца 2008 г., когда начала ухудшаться ситуация в реальном и финансовом секторах мировой и отечественной экономики. Так, в 2013 г. реальный ВВП в РФ вырос всего на 1,3% (в мире на 2,4%, в том числе в США – на 1,8, Китае – 7,7, Японии – 0,2, Германии – 0,4, Франции – (-)0,5, Великобритании – 0,3%, Бразилии – 3,2%, Италии – 0,7, Канаде – на 1,2%) и достиг 2,1 трлн долл, при этом мировой ВВП составил 71,5 трлн долл., в том числе в США – 16,7, Китае – 8,9, Японии – 5,0, Германии – 3,6, Франции – 2,7, Великобритании – 2,65, Бразилии – 2,2, Италии – 2,1, Канаде – 1,8 трлн долл.[2], промышленный рост в РФ оказался нулевым (0,1%), дефицит бюджета – 0,5% ВВП. За 2014 г. ВВП России вырос всего на 0,6%, инфляция достигла 11,4%. Еще сложнее ситуация в инвестиционной сфере – ее показатели отображали нисходящий тренд, который пересек отрицательную зону роста, что заставило правительство сократить бюджетные расходы на 2015-2016 гг. в среднем на 5%, а по отдельным позициям на 10%, в том числе и зарплату сотрудникам аппарата Президента и Правительства РФ. Сужение финансового рынка снижает реальные

возможности по модернизации и инновационному развитию промышленных секторов экономики, вызывает возрастающее беспокойство в обществе, бизнесе и в правительстве, заставляет принимать срочные, масштабные, комплексные, а главное действенные меры, чтобы избежать длительной стагнации и глубокой рецессии, могущую перерасти в стагфляцию, поскольку уровень инфляции на 2015 г. оценивается в 15%, ослабляя отечественную валюту, стимулы к труду, сужая внутренний спрос и рынок. Важной мерой по стимулированию экономики должен стать антикризисный план предложенный Д.Медведевым 28 января 2015 г. в объеме 2,3 трлн руб., направленный на активизацию экономического роста и выполнение социальных обязательств. Однако начавшийся с ноября 2013 г. кризис межгосударственных отношений РФ с Украиной, США и ЕС и усиление разного рода санкций углубили проявление негативных тенденций в стране, подстегнули рост межрегиональной миграции и из проблемных регионов Украины. В этой связи возникают новые аспекты анализа теории внутренней, межгосударственной, межрегиональной и трансграничной миграции: кто эти новые граждане, к какой категории их относить – мигрантам, соотечественникам, временно оказавшимися на сопредельной территории.

Международная миграция рабочей силы имеет существенные и неоднозначные экономические и социальные последствия как для стран-доноров (Египет, Иран, Ирак, Румыния, Индия, Китай, Вьетнам, Болгария, Польша, Молдавия, Украина, страны Балтии), так и для стран-реципиентов (США, Италия, Франция, Великобритания, Германия, Австралия, Канада, Россия). Так, в США проживают 45,8 млн мигрантов, в России – 11,289 млн, в Германии – 9,8 млн, в Саудовской Аравии – 9,1 млн, ОАЭ – 7,8 млн, в Великобритании – 7,8 млн, во Франции – 7,4 млн, Канаде – 7,3 млн, Австралии – 6,5 млн, Испании – 6,5 млн чел.

Самые большие потоки мигрантов наблюдаются между Мексикой и США. В 2013г. в этом направлении проследовали 13 млн человек, в направлении Россия – Украина (3,5 млн мигрантов), Украина – Россия (2,9 млн), Казахстан – Россия (2,5 млн). Всего, согласно докладу ООН, в 2013 г. за пределами родной страны проживают 232 млн человек, или 3,2% всего населения Земли.

В Европе осело 72 млн, а в Азии – 71 млн человек. На эти регионы приходится две трети общего количества международных мигрантов.

В Азии с 2000 г. число приезжих из других стран увеличилось на 20 млн человек, что объясняется растущим спросом на рабочую силу в нефтедобывающих регионах стран Западной Азии и в юго-восточных государствах, переживающих бурный экономический рост [3].

По данным ФМС за 2012 г. в РФ въехало 15,9 млн человек, поставлено на миграционный учет 6,5 млн, но лишь 95,7 тыс. человек получили гражданство РФ, 35 тыс. – выдворено и депортировано.

Усилилась в последние годы «утечка» из РФ так называемого интеллектуального капитала: за 2013 г. 186 тыс. человек, а за период январь-август 2014 г. – уже 203659 человек, в основном высококвалифицированные специалисты.

За 10 месяцев 2013 года ФМС России оформлено 20669 разрешений на работу высококвалифицированным специалистам («визовикам» – 17355, «безвизовикам» – 3 314), что больше аналогичного периода 2012 г. (9192 чел.) в 2,2 раза. Всего с 1 июля 2010 года по 30 сентября 2013 года

высококвалифицированным специалистам было оформлено 46868 разрешений на работу (из них “визовикам” – 41 559, “безвизовикам” – 5 309).

Согласно вступившим в силу поправкам к миграционному законодательству, граждане стран, у которых с Россией есть соглашения о безвизовом режиме, могут находиться в стране не более 90 дней из каждых 180 дней в году. Получается, они должны каждые три месяца выезжать из России на три месяца.

По данным Росстата РФ, на конец июня 2013 г. в России насчитывалось 1058 тыс. трудовых мигрантов, имеющих разрешение на работу. Из них имели статус: неквалифицированные рабочие – 297,9 тыс., в том числе в Москве – 54,9 тыс., строительные рабочие – 282,6 тыс. (45,9), водители и машинисты подвижного состава – 73,9 тыс. (11,1), операторы, аппаратчики и машинисты на промышленных объектах – 62,9 тыс. (15,9), рабочие в металлообработке и машиностроении – 49,6 тыс. (39,3), работники сферы индивидуальных услуг – 49,3 тыс. (11,9), иные профессиональные квалифицированные группы работников – 96,4 тыс. (16,4), работники, занятые в сельском, лесном, охотничьем хозяйствах – 42,5 тыс. (0,8), руководители организаций и структурных подразделений – 34,5 тыс. (27,3), технические специалисты среднего уровня – 27,9 тыс. (3,7), специалисты – инженеры – 20,8 тыс. (3,7), средний финансово-экономический и административный персонал – 10,3 тыс. (10,5), продавцы – 9,7 тыс. человек, в том числе в Москве – 6,4 тыс. человек [1].

Наиболее предпочтительным местом трудоустройства мигрантов является г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Свердловская область, Иркутская область, ХМАО, Краснодарский край, Приморский край, Рязанская область, Новосибирская область. Менее привлекательными для мигрантов являются республики Северного Кавказа.

В целом, за 2014-2015 гг. процессы миграции и особенно в приграничных регионах России и Украины весьма неоднозначно развиваются, усиливая риски бизнеса и нагрузку на бюджет, снижая волатильность рынка, вызывая повышенную озабоченность общества в необходимости принятия срочных, масштабных бюджетно-налоговых, денежно-кредитных, административных и законодательных мер со стороны правительства по стимулированию развития экономики приграничных и иных регионов, которые приняли на себя миграционную нагрузку и содержание беженцев в непростых условиях функционирования отечественной экономики – спада производства, инвестиций, роста цен, нестабильности, инфляции, сжатия внутреннего рынка, сужения внешнего финансирования и горизонта прогностики развития экономики страны и ее регионов на предстоящие годы.

Библиографический список

1. Житенев. А. Нелегалы из ЕС: в России потерялись 60 тысяч европейцев. <http://www.finmarket.ru/main/article/3625738> (дата обращения. 16.03.2014 г.)
2. Полоцкий А. Великобритания станет лидером европейской интеграции вместо Германии. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rbcdaily.ru/download/> (дата обращения: 02.01.2014).
3. Россия заняла второе место в мире по числу мигрантов в рейтинге ООН. <http://top.rbc.ru/economics/12/09/2013/876238.shtml> (дата обращения: 23.04.2014).
4. ООН: с востока Украины бежали свыше 1 млн человек. <http://www.pronedra.ru/war/2014/12/29/> (дата обращения: 19.03.2015).

Информация об авторе

Масленников Михаил Иванович (г. Екатеринбург, Россия) – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН (620014, г.Екатеринбург, Московская, 29; e-mail: mim1943@mail.ru).

Maslennikov M.I.

TRANSBOUNDARY MIGRATION IN CONDITIONS OF THE CRIMEA AND RUSSIA REUNION

Abstract. *In the article regional tendencies of migration of labor force in conditions of the Crimea and Russia reunion in March, 2014 are analyzed, the contribution of various categories of citizens and regions to gains of labor capacity in Russia is identified.*

Keywords: Russian, Ukraine, Crimea, regions, international migration, labor forces.

Information about the author

Maslennikov Michael Ivanovich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: mim1943@mail.ru).

УДК 314

Молчанова Е.В., Кручек М.М.

ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗЕЙ МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ С ПОМОЩЬЮ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ*

Аннотация. *В статье удалось установить, что регрессионная модель с фиксированными эффектами позволяет получить обоснованный вариант моделирования, который можно использовать для оценки основного демографического индикатора – ожидаемой продолжительности предстоящей жизни в регионах России в зависимости от показателей социально-экономического развития, медицинского обслуживания и фактора социального стресса.*

Ключевые слова: медико-демографическая ситуация, регион, здоровье, ожидаемая продолжительность жизни, причины смертности.

Состояние здоровья общества – сложнейший комплексный показатель, зависящий от множества факторов, характеризующих влияние на него социально-экономических и экологических условий существования. Сложность и многофакторность феномена здоровья вынуждают многих исследователей оперировать в основном его качественными показателями, трудно поддающимися количественной оценке. В связи с этим измерение здоровья методами, обеспечивающим сопоставимость показателей во времени и между популяциями, является существенным требованием для оценки эффективности функционирования национальных систем здравоохранения. Только на базе такого рода оценок можно прогнозировать развитие событий, предсказывать последствия

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ № 15-06-03978-а).

принимаемых организационно-управленческих решений в сфере оказания медико-санитарной помощи и готовить предложения по совершенствованию форм и методов управления общественным здоровьем.

На состояние здоровья индивидуума влияет множество разнообразных рисков: генетических, биологических, социально-экономических, экологических. Понимание и оценка факторов, влияющих на медико-демографические тенденции, особенно важна с позиции управления социально-демографическими и экономическими процессами, формирования качества человеческого потенциала. Факторы общественного здоровья находятся в прямой взаимосвязи с причинами, определяющими соответствующее состояние каждого человека (индивидуальное здоровье). Современное развитие социальных наук показало, что здоровье является не только медико-биологическим феноменом. В характеристике и критериях здоровья должны быть рассмотрены демографические, социальные, психологические, культурные, экономические и политические факторы. Таким образом, состояние здоровья в целом зависит от следующих индикаторов:

- демографических (ожидаемая продолжительность жизни, возрастно-половой состав населения, заболеваемость, болезненность, инвалидность, смертность и т.д.),
- биологических (наследственность, конституция и т.д.),
- экологических (природно-климатические условия, загрязнение химическими, физическими, биологическими агентами и др.),
- социально-экономических (заработная плата, питание, образование, условия труда и быта и т.д.),
- состояния служб здравоохранения (количества врачей, среднего медицинского персонала, оснащенности больничных учреждений и т.д.),
- прочих воздействий окружающей среды (психологических факторов, политической ситуации и т.д.).

Многие исследователи пытались дать не только качественную, но и количественную характеристику силы влияния различных факторов на здоровье. В материалах ВОЗ указывается, что в совокупном влиянии на здоровье населения образу жизни отводится 50%, среде обитания – 20%, наследственности – 20%, качеству медико-санитарной помощи – 10%. Согласно расчетам Ю.П. Лисицына, первое место среди факторов риска занимает образ жизни (50-57%), примерно 15-20% приходится на наследственные факторы и загрязнение окружающей среды и 10-15% отводится работе органов и учреждений здравоохранения [1]. В свою очередь восточная медицина к факторам, составляющим здоровье, относит: образ мыслей (70%), образ жизни (20%), образ питания (10%).

В дальнейшем исследовании была предпринята попытка выделить факторы, которые оказывают существенное влияние на состояние здоровья населения России. Информация по 80 субъектам Российской Федерации (из рассмотрения были исключены автономные округа в связи с отсутствием некоторых важных экономических показателей для этих территорий) за 2005-2011 гг. была сформирована в виде специальной системы (реализованной в СУБД Access), состоящей из следующих блоков: социально-демографический состав населения, экология и природно-климатические условия, социально-экономическое развитие, доступность медицинских услуг, медико-демографические показатели, социальный стресс [3].

Наиболее сложной задачей медико-демографических исследований является оценка комплексного (синергетического) влияния различных факторов на состояние здоровья человека. Большинство заболеваний имеют многофакторную природу, поэтому математическая оценка действия нескольких факторов риска одновременно представляется наиболее интересной. Данная проблема также решается методами многофакторного регрессионного анализа. При этом существующие методики статистических исследований требуют значительных корректировок, когда речь идет о задачах медико-демографического анализа (в плане идеологии постановки задачи исследования и трактовки получаемых результатов). Поэтому применение многофакторных регрессионных моделей для комплексной оценки состояния здоровья населения в связи с воздействием социально-экономических и экологических факторов представляется актуальной.

Более практически значимый подход – это использование панельных данных. Панельные данные (Panel Data) состоят из наблюдений одних и тех же экономических единиц или объектов (индивидуумы, домашние хозяйства, фирмы, регионы, страны и т.п.) и осуществляются в последовательные периоды времени. В частности, возникает возможность учитывать и анализировать индивидуальные отличия между экономическими единицами, что нельзя сделать в рамках стандартных регрессионных моделей. В научной литературе выделяют три модели регрессии по панельным данным [2, 5]:

- 1) объединенная модель регрессии (pooled model);
- 2) модель регрессии с фиксированными эффектами (fixed effect model);
- 3) модель регрессии со случайными эффектами (random effect model).

Введем следующие обозначения. Пусть y_{it} – зависимая переменная для экономической единицы i в момент времени t , x_{it} – набор объясняющих (независимых) переменных (вектор размерности k) и ε_{it} – соответствующая ошибка, $i=1, \dots, n, t=1, \dots, T$.

Простейшая модель – это обычная линейная модель регрессии:

$$y_{it} = \alpha + x'_{it}\beta + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где i – номер объекта (например, в нашем случае региона страны), t – время (у нас года), α – свободный член, β – вектор коэффициентов, x'_{it} – вектор-строка матрицы объясняющих переменных, которая, по существу, не учитывает панельную структуру данных. При этом предполагается, что все ошибки ε_{it} некоррелированы между собой как по i , так и по t , и некоррелированы со всеми объясняющими переменными x_{it} . Эта модель носит название объединенной модели регрессии (pooled model).

Учсть при моделировании индивидуальные различия между экономическими единицами возможно, предположив, что случайная ошибка имеет вид:

$$\varepsilon_{it} = u_i + v_{it}, \quad (2)$$

где u_i – ненаблюдаемые индивидуальные эффекты, а v_{it} – остаточное возмущение. Большинство приложений панельных данных использует именно такую модель случайной ошибки. Заметим, что u_i не зависят от времени и отвечают за характеристики объектов, которые не включены в регрессию непосредственно. Остаточное возмущение v_{it} меняется в зависимости от времени и

объектов, и может рассматриваться как обыкновенная случайная составляющая в регрессии, при этом $\text{cov}(v_{it}, v_{it'}) = 0, \forall i \neq j, t \neq p$.

Модель с фиксированным эффектом (fixed effect model) описывается уравнением:

$$y_{it} = \alpha + x_{it}'\beta + u_i + v_{it}, \quad (3)$$

где переменные u_i – параметры, не зависящие от t , остаточные возмущения v_{it} – независимые одинаково распределенные случайные величины $IID(0, \sigma_\varepsilon^2)$ и x_{it} – предполагаются независимыми от v_{it} для всех i и t . Считают, что эту модель целесообразно использовать, если выбирается уникальный набор N регионов. Выводы в этом случае обусловлены особенностями рассматриваемых регионов.

Модель со случайными эффектами (random effects model) основывается на другом подходе к интерпретации переменных. Предполагается, что индивидуальные отличия носят случайный характер. Эту модель можно рассматривать как компромисс между объединенной регрессией, налагающей сильное ограничение гомогенности на все коэффициенты уравнения регрессии для любых i и t , и регрессией с фиксированными эффектами, которая позволяет для каждого объекта выборки ввести свою константу u_i и, таким образом, учесть существующую в реальности, но ненаблюдаемую гетерогенность. Модель со случайными эффектами применяется в том случае, если выбирают случайным образом N объектов из генеральной совокупности элементов, например, в случае исследований панелей домашних хозяйств, индивидуумов или мелких фирм.

Важнейшей характеристикой общественного здоровья населения можно считать показатель ожидаемой продолжительности предстоящей жизни (ОППЖ). Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (ОППЖ – показатель, рассчитываемый на основе таблиц дожития) – это число лет, которое в среднем предстояло бы прожить человеку из поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения по возрастной смертность останется на уровне того года, для которого вычислен показатель. Данный показатель отражает состояние окружающей среды в стране, здоровье ее населения, бытовые и прочие условия. При построении регрессионных моделей будем использовать именно этот показатель для оценки влияния различных факторов на состояние здоровья населения.

Как правило, на значение показателя ОППЖ оказывает влияние не только каждый фактор в отдельности, а их совокупность. Поэтому целесообразно воспользоваться многофакторным статистическим анализом для установления такой взаимосвязи (регрессионным анализом по панельным данным с использованием модели с фиксированными эффектами). В табл. 1 представлен пример такой зависимости [3].

На макроуровне здоровье определяется общим развитием, экономическим, социальным и политическим потенциалом страны. В качестве наиболее общего индикатора, характеризующего ее возможности и мощь, выступает величина валового внутреннего продукта (ВВП) в расчете на душу населения. От объема ВВП зависят экономические, социальные и экологические условия жизни в стране; развитость и технологический уровень здравоохранения как отрасли оказания медицинских услуг; условия, уровень и качество жизни населения, распределение валового внутреннего продукта. В свою очередь экономическое развитие регионов

характеризует показатель ВРП на душу населения, который влияет на уровень оплаты труда и социальной поддержки населения, а, следовательно, и на масштабы распространения бедности. Регрессионный анализ позволил подтвердить сохраняющуюся в России взаимосвязь ОППЖ с основным показателем экономического развития регионов (ВРП на душу населения), коэффициент детерминации для регрессии с фиксированным эффектом составил 0,7972 (табл. 1).

Таблица 1

Регрессия с фиксированным эффектом для ОППЖ, социально-экономических факторов и показателей социального стресса для регионов России (R-sq: within=0,7972)

ОППЖ (лет)	Coef.	Std. Err	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
Логарифм ВРП на душу населения (руб)	3,1123	0,2238	13,90	0,000	2,6722	3,5524
Удельный вес городского населения (%)	0,1071	0,0527	2,03	0,043	0,0035	0,2108
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (%)	-0,0247	0,0148	-1,67	0,096	-0,0539	0,0044
Численность врачей на 10 тыс.чел. населения	0,05418	0,0267	2,03	0,043	0,0016	0,1067
Прерывание беременности (аборт) - на 1000 женщин 15-49 лет	-0,0170	0,0042	-3,96	0,000	-0,0254	-0,0085
Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс.населения	0,0066	0,0018	3,61	0,000	0,0030	0,0103
Уровень зарегистрированных преступлений на 100 тыс.населения	-0,0004	0,0001	-3,29	0,001	-0,0006	-0,0001
Психические раст. и раст. поведения (численность больных, состоящих на учете в ЛПУ на 100 тыс.чел.)	-0,0024	0,0005	-4,65	0,000	-0,0034	-0,0013
Соотношение браков и разводов (на 1000 браков приходится разводов)	-0,0015	0,00095	-1,70	0,090	-0,0033	0,0002
Константа	26,2272	4,5496	5,76	0,000	17,2824	35,1720

В то же время положительный коэффициент в регрессионной модели наблюдается между ОППЖ и численностью врачей на 10 тыс.чел. населения. Данный факт еще раз свидетельствует о важности медицинской помощи. В последнее время появились данные, говорящие о том, что здравоохранение оказывает более существенное воздействие на общественное здоровье, чем отводимые ему ранее 10-15%. Влияние здравоохранения, включая опосредованное воздействие на наследственность, образ жизни, питание и факторы окружающей

среды, достигает 30-35% всего объема факторов. Если изначально здоровье здоровых граждан только на 10-15% зависит от системы здравоохранения, то здоровье больных людей зависит от нее более чем на 50%.

В современном обществе стрессовые ситуации население испытывает повседневно. ООН считает стресс «чумой XXI века». Стрессовые ситуации способствуют развитию серьезных психических проблем таких, как тревожные, невротические и депрессивные расстройства, которые значительно снижают качество жизни граждан. Социальный стресс – социальное напряжение, требующее многообразных приспособительных реакций, сложного уравнивания в системах социального поведения, взаимодействия и т.д. Чрезмерный стресс снижает сопротивляемость организма и может вызвать развитие характерных патологических изменений. Чаще всего возникают язвенная болезнь, ишемическая болезнь сердца, нарушение сердечного ритма, аллергические реакции, включая бронхиальную астму.

Особую роль в формировании социального стресса создает существующее в нашей стране социальное неравенство. В нашей модели этот фактор представлен показателем численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (%). Одна из основных проблем современной России – огромный разрыв между бедными и богатыми. Низкая заработная плата большинства трудящихся, высокий уровень безработицы не способствуют улучшению здоровья [4].

В наших исследованиях построение регрессии с фиксированными эффектами по панельным данным позволило установить, что снижение ОПЖ вызвано ростом стрессов, обусловленных переходом к рыночной экономике. Падение продолжительности жизни по регионам России напрямую связано с показателями повышения стресса, которые можно количественно измерить: численностью населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (%), прерыванием беременности (абортами) – на 1000 женщин 15-49 лет, коэффициентом миграционного прироста на 10 тыс. населения, уровнем зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения, психическими расстройствами и расстройствами поведения (численностью больных, состоящих на учете в ЛПУ на 100 тыс. чел.), алкоголизмом и алкогольными психозами (численностью больных, состоящих на учете в ЛПУ на 100 тыс. чел.) и соотношением браков и разводов (на 1000 браков приходится разводов).

Таким образом, построенные модели показали, что состояние здоровья населения связано в большей мере с социально-экономическими проблемами, с уровнем материального благосостояния, доходами семьи, с бедностью, которые влекут за собой менее сбалансированное и качественное питание, худшие жилищные условия, более низкую мотивацию к здоровому образу жизни. Для сохранения и укрепления здоровья населения необходимо повышение уровня и качества его жизни. Было установлено, что увеличение ОПЖ напрямую зависит от успешного решения широкого круга задач социально-экономического развития (обеспечения стабильного экономического роста, благосостояния населения, снижения уровня бедности, интенсивности развития человеческого капитала и создания эффективной социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, социальная защита населения), рынка доступного жилья, гибкого рынка труда, улучшения санитарно-эпидемиологической обстановки и т.д.). Меры по улучшению демографической ситуации должны носить комплексный характер,

связанный с переориентацией целевых программ на решение задач демографической политики с учетом региональной специфики. Результаты исследования позволяют выявить направления для снижения социально-экономического бремени болезни и улучшения качества жизни населения.

Библиографический список

1. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. 2-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. С. 512.
2. Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А. Эконометрика. Начальный курс. – 6-е изд., переаб. и допол. М.: Дело, 2004. 576 с.
3. Кручек М.М., Молчанова Е.В. Исследование медико-демографических процессов в регионах России методом регрессионного анализа по панельным данным // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 18 (297). С. 41-50.
4. Сбережение народа / под ред. Н.М. Римашевской. М.: Наука, 2007. С. 326.
5. Badi H. Baltagi. *Econometric Analysis of Panel Data. Third Edition.* 2005.

© Молчанова Е.В., Кручек М.М., Текст. 2015.

Информация об авторах

Молчанова Екатерина Владимировна (Россия, г. Петрозаводск) – кандидат технических наук, доктор экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики КарНЦ РАН (185030, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50; e-mail: molch@yandex.ru).

Кручек Марина Марленовна (Россия, г. Петрозаводск) – кандидат физико-математических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет (185035, г. Петрозаводск, ул. Ленина д. 33; e-mail: kruchek@mail.ru).

Molchanova E.V., Kruchek M.M.

ASSESSMENT OF INTERRELATIONS OF MEDICO-DEMOGRAPHIC AND SOCIO-ECONOMIC INDEXES OF REGIONAL DEVELOPMENT BY MEANS OF ECONOMIC-MATHEMATICAL METHODS

Abstract. *In article it was succeeded to establish that the regression model with the fixed effects allows to receive reasonable option of modeling which can be used for an assessment of the main demographic indicator – life expectancy – in regions of Russia depending on indicators of social and economic development, medical care and social stress.*

Keywords: medical-demographic situation, region, the health, life expectancy, the death rate reasons.

Information about the authors

Molchanova Ekaterina Vladimirovna (Petrozavodsk, Russia) – Candidate of Technical Sciences, Doctor of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economy KRC of RAS (50, A. Nevsky St., Petrozavodsk, 185030, Russia; e-mail: molch@yandex.ru).

Kruchek Marina Marlenovna (Petrozavodsk, Russia) – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Petrozavodsk State University (33, Lenin St., Petrozavodsk, 185035, Russia; e-mail: kruchek@mail.ru).

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ*

Аннотация. В статье раскрыты гносеологические корни категории стоимости, цены и ценности человеческой жизни. С позиции теории человеческого капитала в работе показаны различные модели экономической оценки человеческой жизни, в частности, демографическая модель; косвенные или прямые инвестиции, вложенные в человека в течение прожитых лет; теория полезности человека для общества; стоимость единицы риска и готовность общества платить за причиненный ущерб и др.

Ключевые слова: стоимость человеческой жизни, общество, методика, критерии, концепция человеческого капитала, модель оценки.

Современные экономисты стремятся перейти от изучения поверхностных форм явлений к осмыслению их сущности, выявлению законов функционирования и развития тех или иных явлений. Эта идея восходит к области философского знания, имеющей название «гносеология». В гносеологии основной проблемой является проблема становления знания и его оценка. Отражением современных тенденций развития отечественной экономической науки является факт активизации применения к оценке экономического эквивалента стоимости жизни институционального подхода, преимущество которого состоит в возможности междисциплинарного изучения этого феномена в единстве его экономической, социологической, психологической, юридической и исторической сторон.

Основным интересом общества к данному вопросу является оценка затрат, необходимых для воспроизводства будущих поколений, возмещения ущерба от смертности или утраты трудоспособности, снижения качества жизни, реализации прав личности. Экономическая стоимость человеческой жизни может быть важным ориентиром при установлении компенсационных выплат в государственном социальном страховании, для расчета страховых сумм при страховании рисков жизни и здоровья населения. Вышеперечисленные критерии относятся к различным сторонам жизнедеятельности человека, следовательно, определение стоимости жизни является сложной междисциплинарной задачей, решение которой важно как для отдельного человека, так и для общества и государства в целом. Очевидно, что стоимость жизни представляет собой показатель развития общества: чем выше определяется стоимость человеческой жизни, тем более цивилизованным является общественное и гражданское сознание.

Анализ современных методологических подходов к оценке стоимости жизни показал, что на сегодня как в Российской Федерации, так и за рубежом наблюдается многообразие применения оценок стоимости жизни. Это говорит о многофакторности и множественности критериев оценки человеческой жизни. Данное обстоятельство позволяет исследователям максимально адаптировать различные подходы в целях достижения наивысшей социальной справедливости при оценке стоимости жизни человека. В настоящее время в России не существует официально признанной методики определения стоимости человеческой жизни.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15-06-09169 «Разработка методического инструментария изменения социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста».

На наш взгляд, для оценки цены человеческой жизни более приемлем затратный подход – совокупность методов оценки стоимости жизни человека, основанный на определении затрат, необходимых для воспроизводства человека с позиций его взросления и старения. Смысл объективной экономической оценки стоимости человеческой жизни заключается в определении издержек на рождение, воспитание, обеспечение безопасности и физического, умственного, профессионального развития личности как фондообразующей базы для расчета стоимости каждого человека на всех этапах его существования.

Из российских исследователей заслуживают внимание по оценке стоимости жизни работы Л. Айвар, А. Востросаблина, Л. Ревуцкого, И. Трунова, Г. Харисова [1; 2; 3].

В частности А. Востросаблин, ссылаясь на метод дисконтированных потоков, предлагает принять за базовую для расчета компенсационных выплат сумму, равную шестикратному заработку человека за всю жизнь. При этом он принимает ряд положений, например, пострадавшему выплачивается более значительная сумма средств, нежели компенсация родственникам; большая сумма выплачивается в случае гибели ребенка, нежели гибели взрослого.

Нам импонирует методика экономической оценки стоимости жизни человека, разработанная в США и Великобритании, основанная на том, что *экономический эквивалент жизни среднестатистического человека равен отношению среднедушевого располагаемого денежного годового дохода к средней вероятности смерти в течение года:*

$$\mathcal{E} = \frac{D - P_{об.}}{K_{см.}} \times N \quad (1)$$

$$K_{см.} = \frac{d_x}{l_x} \quad (2)$$

где \mathcal{E} – экономическая оценка жизни среднестатистического человека;

D – средний денежный годовой доход;

$P_{об.}$ – среднегодовые обязательные платежи;

$K_{см.}$ – коэффициент смертности;

N – показатель ожидаемой продолжительности жизни после x возраста;

d_x – число смертей из числа условного поколения при переходе к возрасту $x+1$;

l_x – число доживающих до возраста x лет (на 1000 чел.).

Позднее в практике оценки социального ущерба жизни и здоровью людей был использован показатель экономического эквивалента стоимости жизни (ЭЭСЖ) человека, в основу определения которого была положена концепция человеческого капитала [4; 5]. Согласно этой концепции показатель ЭЭСЖ человека отражает не только затраты (инвестиции), вложенные в человека домашними хозяйствами, предприятием, государством, но и эффективность этих инвестиций, выражаемую через показатель нормы отдачи, в качестве которого может выступать внутренний продукт (ВВП) на душу населения.

Модель оценки величины ЭЭСЖ человека можно представить следующим образом:

$$\text{ЭЭСЖ} = (1 - R) \cdot \sum_{x=k}^{x_{\max}} V p_x - \left(\sum_{x=18}^k V_x - \sum_{x=0}^k I_x \right), \quad (3)$$

где $\sum_{x=18}^k V_x$ – величина доходов, которую человек смог принести обществу за срок своей жизни x лет до наступления несчастного случая;

$\sum_{x=0}^k I_x$ – затраты, вложенные в человека со стороны государства и домашних хозяйств за период с момента рождения ($x=0$) до даты гибели или травмы человека ($x=k$);

$\sum_{x=k}^{x_{\max}} Vp_x$ – величина потенциальных доходов, которые получило бы общество от деятельности человека в случае предотвращения несчастного случая, приведшего к его гибели или травме;

$x > 0$;

$x = 18$ лет – начало трудоспособного возраста человека;

$x_{mzx} = 60$ – верхний предел трудоспособного возраста мужчин, лет;

$x_{mzx} = 55$ – верхний предел трудоспособного возраста женщин, лет;

если $k > x_{mzx}$, то $Vp_x = 0$;

если $k < 18$, то $\sum_{x=18}^{x_{\max}} Vp_x$; если $18 < k < x$, то $\sum_{x=k}^{x_{\max}} Vp_x$

R – коэффициент потери здоровья при травме или заболевании человека. Используемый в формуле коэффициент потери здоровья R позволяет определять ущерб не только в результате летального исхода, но и от временной потери трудоспособности человека. В этом случае формула (3) приобретает следующий вид:

$$\text{ЭЭСЖ} = (1 - R) * \sum_{x=k}^{k_{\max}} Vp_x - \left(\sum_{x=18}^k V_x + \sum_{x=k_{\max}}^{k_{\max}} Vp_x - \sum_{x=0}^k I_x \right), \quad (4)$$

где $\sum_{x=k}^{k_{\max}} Vp_x$ – величина недополученных доходов обществом от человека в период его временной нетрудоспособности, тыс. руб.;

$\sum_{x=k_{\max}}^{k_{\max}} Vp_x$ – величина доходов, которую человек принесет обществу после полного восстановления здоровья, частично потерянного в результате ЧС.

В случае смертельного исхода или потери трудоспособности человеком ($R=0$) величина $\sum_{x=k}^{k_{\max}} Vp_x$ принимает значение $\sum_{x=k}^{x_{\max}} Vp_x$.

Предложенная модель определения ЭЭСЖ человека позволяет определять ущерб от потери здоровья не только в результате ЧС, но и для оценки последствий «штатного» воздействия предприятий на жизнь и деятельность человека. В частности, оценка человеческой жизни необходима при реализации программ социальной политики государства, регионов и отдельно взятых предприятий, для обеспечения социальных гарантий, определения компенсаций в случае причинения вреда жизни и здоровья, для страховой деятельности, а также в повседневной жизни людей. Из этого следует, что разработка методологии определения и методики расчета стоимостной оценки человеческой жизни является одним из

важнейших вопросов, требующим скорого научного и методического решения и возможного внедрения в практику.

В заключение отметим, что на сегодняшний день наблюдается существенное расхождение применения оценок стоимости жизни для определения компенсационных выплат для различных категорий граждан, профессий, обстоятельств, в результате которых получен вред жизни и здоровью человека. Диапазон достаточно широк от 4 тыс. руб. до 9 млн руб. Это говорит о наличии противоречий в российском законодательстве и отсутствии должного внимания к данной проблеме со стороны гражданского общества.

Библиографический список

1. Трунов И., Востросаблин А. Экономический эквивалент человеческой жизни // Вестник РАЕН. 2004. №4.
2. Трунов И., Айвар Л., Харисов Г. Эквивалент стоимости человеческой жизни // Представительная власть. 2006. №3 (69). С. 24-29.
3. Ревуцкий Л. Человеческий капитал предприятия: как его оценивать// Человек и труд. 2010. №7. С. 45-47.
4. Нифантова Р.В. Проблемы оценки цены человеческой жизни. Труды Третьего Всероссийского симпозиума по экономической теории. Т. 2. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2008. С. 123-125.
5. Нифантова Р.В., Шипицына С.Е. Современные методические подходы в оценке стоимости человеческой жизни//Экономика региона, 2012. №3. С.289-293.

© Нифантова Р.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Нифантова Раиса Викторовна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, Центр исследований социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: nifantovarv@mail.ru).

Nifantova R. V.

GNOSEOLOGICAL BASES OF ECONOMIC ASSESSMENT OF HUMAN LIFE

Abstract. *In the article gnoseological roots of cost, price and value of human life are revealed. In the view of the human capital theory the various models of economic assessment of human life are shown, particularly demographic model; indirect or direct investments to person within the lived years; theory of person usefulness for society; cost of risk unit and society readiness to pay for the caused damage, etc.*

Keywords: cost of human life, society, technique, criteria, human capital concept, assessment model.

Information about the author

Nifantova Raisa Viktorovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher, Center for Socio-Economic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: nifantovarv@mail.ru).

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ МАЯТНИКОВЫХ МИГРАНТОВ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ УРФО*

Аннотация. В докладе рассматриваются результаты выборочного социологического исследования причин маятниковой миграции населения в приграничном районе России. В структуре социокультурных и экономических факторов маятниковой миграции выявлено значение фактора самоидентификации статуса мигранта.

Ключевые слова: население, возвратная миграция, социокультурные факторы, мотивы миграции, идентификация, мигрант, приграничный район.

В современной России в связи с дифференциацией трудовых ресурсов и мест занятости всё большие масштабы принимает маятниковая миграция. Население все чаще покидает места локализации домохозяйств в поисках работы, образования, товаров и услуг более высокого качества, нежели в районах постоянного проживания. В социально-экономической науке для измерения данных регулярных перемещений используются различные методики. Одним из наиболее эффективных способов исследований демографических процессов, труднодоступных для обычной федеральной статистики, является экспедиционные выезды с применением элементов выборочного социологического обследования и нарративных интервью.

В своем исследовании мы пытались выявить факторы и мотивы маятниковой миграции населения, проживающего на различных типах территорий Свердловской, Курганской и Челябинской области. Постановка задачи подобного рода не нова, однако новизна исследования заключалась в том, чтобы ранее маятниковая миграция и ее формы методом выборочного социально-демографического, по своей сути, обследования на данных территориях в течение длительного времени, не изучалась. Исследование проводилось в 2011-2015 г. на территории Челябинской области в г. Челябинск, г. Троицк, Курганской области в г. Курган, д. Звериноголовское, д. Половинное, Свердловской области в г. Екатеринбург, г. Первоуральск, г. Артемовский. Сопоставление данных по Звериноголовскому району Курганской области и УрФО не показало отклонения в полученных данных.

Первым результатом исследование стало отсутствие самоидентификации у маятниковых мигрантов. При наращивании базы данных репрезентативных размеров и ее гармонизации по половозрастным параметрам данные не претерпели существенных изменений.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли вы себя маятниковым мигрантом?»

N:	Значения	f	%
1	Да	37	5,0
2	Нет	633	86,4
3	Затрудняюсь ответить	63	8,6
	Сумма	733	100,0

* Публикация выполнена в рамках проекта 15-14-7-2 «Прогнозная оценка приоритетных направлений модернизации уральского старопромышленного региона для расширения импортозамещения».

Однако население обследованных территорий, не идентифицируя себя как маятниковых мигрантов, совершает регулярные поездки с пресечением административно-территориальной границы своего населенного пункта (городского округа, района), что характерно для данного типа миграции.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Совершаете ли вы регулярные поездки за пределы Вашего постоянного места проживания?»

NN	Значения	f	%
1	Да	315	42,1
2	Нет	386	51,5
3	Затрудняюсь ответить	48	6,4
	Сумма	749	100,0

Благодаря исследованию были выявлены основные мотивы маятниковой миграции (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Что может заставить вас совершать регулярные (обычно ежедневные) поездки из одного населенного пункта в другой?»

NN	Значения	f	%
1	Неудовлетворительное материальное положение, желание заработать	174	37
2	Необходимость получения образовательных услуг	84	17,8
3	Возможность получения товаров и услуг более высокого качества	151	32,1
4	К родственникам, друзьям	36	7,6
5	На отдых	16	3,4
6	Затрудняюсь ответить	10	2,1
	Сумма	471	100,0

На первом месте по значимости среди социально-экономических мотивов, побуждающих совершить данные поездки, – материальный недостаток, желание заработать (получить дополнительный доход), то есть мотивы, напрямую зависящие от материального положения респондента. На втором месте – возможность получения товаров и услуг более высокого качества (мотив, не связанный с материальным положением человека). На третьем месте стоит образовательная миграция.

Следует отметить роль фактора образования, что подтверждает предположение о фамилистическом характере феномена маятниковой миграции. Важное значение имеет образовательная сторона частых регулярных возвратных поездок населения. Помимо всего прочего, роль академической маятниковой миграции лишней раз подчеркивает значение в приграничных районах школ и образовательных центров как градоорганизующих и направляющих миграционную активность молодежи.

Наиболее интересными выглядят результаты опроса респондентов относительно причин регулярного перемещения молодежи (рис. 1). Косвенные оценки мотивов маятниковой миграции и занятости населения вне места проживания помогают скорректировать результаты прямых вопросов и дополнить достоверность таковых перекрестным сравнением данных. Принято считать, что

молодежь более мобильна по сравнению с другими возрастными группами. Ювенильные последствия маятниковой миграции очень значительны. Фактически потоки маятниковой и сезонной миграции размывает молодежный контингент района.

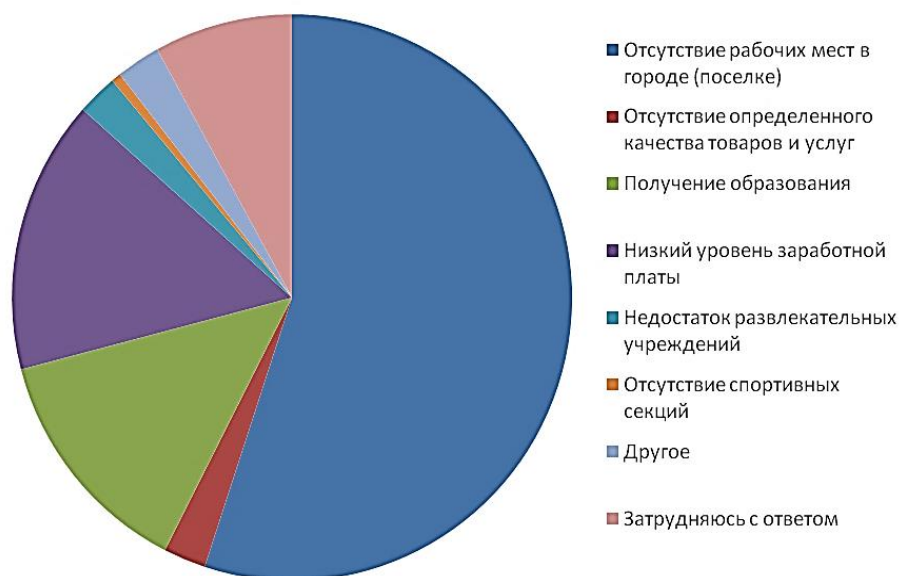

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Чем могут быть обусловлены регулярные поездки молодежи из вашего населенного пункта в другие населенные пункты?»

Наиболее распространенный мотив маятниковых перемещений молодежи – отсутствие рабочих мест в городе (поселке). Следующий по весу мотив – низкий уровень заработной платы, еще один из наиболее значимых мотивов к регулярным перемещениям за пределы места постоянного проживания – получение образования.

При сравнении ответов респондентов на вопросы о регулярных (обычно ежедневных) поездках из одного населенного пункта в другой для всех возрастных групп и отдельно для молодежи можно установить, что для молодежи наиболее побуждающим мотивом к совершению маятниковой миграции является неудовлетворительное материальное положение, так как варианты ответов «низкий уровень заработной платы» и «отсутствие рабочих мест в городе (поселке)» по сути своей схожи. Разница в формулировках ответов вскрывает различные причины миграции, но содержание этих причин одно и тот же, а именно неудовлетворительное финансовое положение респондентов.

© Носов А.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Носов Андрей Александрович (г. Екатеринбург, Россия) – стажер-исследователь Института экономики УрО РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: keht20@mail.ru).

SELF-IDENTIFICATION OF COMMUTING MIGRANTS IN BORDER AREAS OF URAL FEDERAL DISTRICT

Abstract. *In the report results of selective sociological research about the reasons of commuting in border region of Russia are considered. The author reveals the value of factor of self-identification of migrant status in structure of socio-cultural and economic factors of commuting.*

Keywords: population, returnable migration, socio-cultural factors, motives of migration, identification, migrant, border area.

Information about the author

Nosov Andrey Aleksandrovich (Yekaterinburg, Russia) – Trainee-researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: keht20@mail.ru).

УДК 364.26– 053.4. /5

Павлов Б.С., Анисимов С.А., Сентюрин Л.Б.

ЗДОРОВЬЕ УРАЛЬСКИХ ПОДРОСТКОВ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы здоровья и физической культуры детей и подростков в родительских семьях на Урале. Особое место уделяется анализу самосохранительного поведения подростков и его влиянию на здоровье. Анализируется роль семьи и школы в валеологическом воспитании сельских детей и подростков, по сравнению с их городскими сверстниками. Эмпирической базой для анализа заявленной проблемы и выводов для авторов служат результаты ряда социологических опросов, проведенных ими в 2000-2014 гг. в Институте экономики УрО РАН в различных городах и сельских поселениях ряда субъектов РФ, входящих в Уральский федеральный округ.*

Ключевые слова: здоровье, физическая культура, здоровый образ жизни, семья, подросток, качество жизни.

Процесс формирования рыночных отношений в РФ затронул практически все сферы жизнедеятельности россиян (в том числе уральцев). Особая сфера жизнеобеспечения – *здоровье населения*, совмещающая в себе интересы индивида, социальной группы (прежде всего семейной) и общества в целом. Переход к рыночным отношениям во многом изменил ценностные ориентации населения относительно охраны и реабилитации здорового образа жизни. [1]. В условиях так называемого социалистического общества, здоровье граждан, здоровье нации рассматривалось (по крайней мере, в идеологии) как общественное достояние, которое можно (и должно) приносить в жертву общественным интересам, интересам государства. В условиях же перехода к рынку формируется отношение к здоровью преимущественно как к частной собственности индивида (семьи), с которой сам её владелец может обходиться «как ему заблагорассудится».

Здоровье в интегрированном виде отражает качественную сторону характера включенности личности в природную и социальную сферы и является важной естественной предпосылкой общей активности. Здоровье социально и по своей сущности, и по форме детерминации различных сфер жизнедеятельности. Сложные антропогенные изменения экологической ситуации, продолжающееся вооружение

человека новейшими средствами воздействия на природу и самого себя, отсутствие должной социальной базы здравоохранительного движения, целенаправленного создания условий, адекватных гуманистическому образу жизни требуют глубокой мировоззренческой переориентации общества и, прежде всего, подрастающего поколения, в отношении здоровья как важнейшей социальной ценности [2].

Онтогенетическое развитие молодого человека следует рассматривать как органическую и неотъемлемую составляющую физического, психического и репродуктивного здоровья. Очевидность взаимосвязи здоровья с трудовым, оборонным и репродуктивным потенциалом (как индивида, так и общества в целом) не требует комментариев. Вместе с тем, состояние здоровья оказывает непосредственное воздействие и на интеллект, и на нравственное состояние, и на общественно-политическое поведение человека.

Постановка цели и задач воспитания *жизнеспособного и самосохраняющего поколения* – проблема, которая требует к себе пристального внимания не только родителей, но и специалистов в области социальной психологии, социологии молодежи, экологической и экономической демографии. Необходимо создать такие социально-педагогические технологии демографической политики, которые были бы способны формировать жизнеспособное и жизнестойкое поколение россиян [3].

Эмпирической базой для анализа заявленной проблемы послужили результаты двух социологических опросов, проведенных нами в 2008 и 2013 гг. в Институте экономики УрО РАН в различных городах и поселениях субъектов РФ, входящих в Уральский федеральный округ, в частности:

2008 г. – в 7 городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено пять категорий респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.» б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел.; в) родители учащихся городских школ – 770 чел.; г) в качестве экспертов – специалисты властных структур, тренеры, преподаватели физической культуры – 220 чел. – *«Урал-1»*.

2013 г. – по квотно-представительным выборкам были опрошены а) 300 подростков ряда школ Закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) «Лесной» (Свердловская область) и б) 510 подростков г. Екатеринбурга. Основная цель исследования – анализ процессов социализации школьной молодёжи в родительских семьях, их здоровьесберегающего поведения, формирование жизненных ценностей, ориентаций и планов – *«Урал-2»*.

2014 г. – по квотной выборке в Екатеринбурге и Челябинске нами были опрошены 150 экспертов по проблемам неблагополучного детства и девиантности поведения детей, подростков и молодых людей – *«Урал-4»*. В выборку были включены представители трёх основных социально-профессиональных групп: а) 50 – преподаватели общественных наук в вузах – в таблицах сокращённо – «ВУЗ»; б) 50 – специалисты областных, городских и районных социальных служб – «Орг»; в) 50 – специалисты в сфере социальных наук – *«Урал-3»*.

Остановимся на некоторых аспектах заявленной проблемы. Нашим юным респондентам в уральских городах и в сёлах» (*«Урал-1» и «Урал-2»*) задавался вопрос: «Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять «самых-самых» важных для Вас» – нами были получены следующие ответы (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее предпочтительные жизненные ценности, к которым, по мнению молодых горожан и селян, может стремиться молодой человек (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в 2008 г. – опрос 900 городских и 570 сельских подростков, в 2013 г. – опрос 510 подростков г. Екатеринбурга и 300 подростков ЗАТО «Лесной»)

Жизненные ценности, к которым следует стремиться	Группы учащихся			
	«Урал-1»		«Урал-2»	
	город	село	Екат-г	Лесной
Хорошая семья и дети	87	88	н.д.*	н.д.
Хорошие родители	н.д.	н.д.	57	62
Хорошее здоровье	68	70	72	78
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	81	77
Любимая работа, успешная деловая карьера	68	67	н.д.	н.д.
Возможность обучения в ВУЗе	н.д.	н.д.	68	69
Возможность самому зарабатывать деньги	н.д.	н.д.	61	51
Материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	58	46	52	47
Хорошие жилищные условия	42	46	40	49
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	31	30
Содержательный, интересный досуг	27	20	47	44
Порядочность, совестливость, доброе имя	23	23	30	33
Чувство безопасности от насилия, воровства	н.д.	н.д.	29	29
Вера в Бога	н.д.	н.д.	21	13

* Вставка «н.д.» обозначает, что этот пункт вопроса не был включён в анкету соответствующего опроса.

Прежде всего, не может не удивлять практическая идентичность в распределении ответов у юных горожан и селян в опросе 2008 г. Разница по различным позициям в пределах статистической погрешности. Подобную схожесть в ценностных ориентациях мы связываем по преимуществу с воздействием на молодёжь единого в городе и селе информационно-идеологического поля, создаваемого Интернетом, телевидением, радио и другими СМИ. Пятилетний лаг, прошедший между двумя опросами (2008-2013 гг.), практически не изменил структуру ценностных ориентаций учащихся в сфере материального благосостояния, но несколько повысил претензии и ожидания молодых горожан в сфере духовной жизни («друзья», «досуг», «польза людям», «доброе имя») [4].

Образ жизни – одна из важнейших биосоциальных категорий, интегрирующих представления об определенном виде (типе) жизнедеятельности человека. «Здоровый образ жизни» (ЗОЖ) – категория более общего понятия «образ жизни», включающая в себя оценку условий жизнедеятельности человека, уровень его культуры и гигиенических навыков, позволяющих сохранять и укреплять здоровье, предупреждать развитие его нарушений и поддерживать оптимальное качество жизнедеятельности.

Опрос «Урал-1» показал, что подавляющее большинство респондентов из разных социальных групп (97-99 %) знают и выделяют те или иные факторы поведения, соответствующие здоровому образу жизни. В число наиболее существенных детерминант ЗОЖ, набравших по 60-80% голосов респондентами были включены: «Отказ от вредных привычек (алкоголь, курение, переядание)» (80-85 %),

«Регулярные занятия спортом, физкультурой» (43-63 %), «Правильное питание» (52-74 %) [5]. Здоровье» как цель и здоровьесберегающая деятельность зачастую не сопрягаются в повседневной жизнедеятельности индивида. Важно учитывать когнитивное дробление здоровья на его многочисленные составляющие: физическое, соматическое, психическое, духовное, нравственное, социальное. Мотивационной моментом двигательной деятельности для формирования физической культуры в целом является, например, повышение внешней привлекательности, уверенности в себе, поддержка данной деятельности со стороны общества.

Нашим юным респондентам в двух уральских городах («Урал-2») задавался вопрос: «Что в настоящее время ты делаешь регулярно для своего здоровья и физического развития? Количество ответов не ограничивается». Полученные нами ответы помещены в табл. 2.

Приведенные в таблице цифры дают богатую пищу компетентному и заинтересованному читателю для размышлений и соответствующих выводов. В первую очередь они позволяют оценить (хотя бы приблизительно) количественные и качественные индикаторы развития спортивных занятий в различных социально-демографических группах детей и подростков, соотношение традиционных, спонтанных (в семье, во дворе, в компании сверстников) и общественно организованных (школа, городские учреждения культуры и спорта) форм занятий населения физической культурой и спортом [6].

Таблица 2

Виды и формы участия молодых уральцев спортивно-оздоровительной деятельности (% от общего числа опрошенных по каждой из четырёх групп подростков; в графе «5-6 кл.» – в числителе учащиеся г. Екатеринбурга, в знаменателе – г. Лесной; в графе «10-11 кл.» – аналогично)

Виды спортивно-оздоровительной деятельности	Группы	
	5-6 кл.	10-11 кл.
Сам, индивидуально занимаюсь:		
- в спортивной секции	21 / 54	19 / 34
- делаю физзарядку	13 / 24	20 / 31
- катаюсь на лыжах	17 / 56	18 / 37
- катаюсь на коньках	27 / 60	26 / 43
- катаюсь на мотоцикле, велосипеде	22 / 46	20 / 25
- бегом	14 / 33	12 / 27
- плаванием	9 / 24	9 / 11
- гириями, гантелями	6 / 12	12 / 21
- катаюсь на сноуборде	6 / 12	8 / 5
- хожу в тренажёрный зал	6 / 11	16 / 27
- играю в шахматы	9 / 9	6 / 12
Участвую в школьных соревнованиях	10 / 35	13 / 26
Хожу в турпоходы	7 / 29	8 / 20
В настоящее время спортом не занимаюсь, к сожалению, нет времени и условий	5 / 2	11 / 5

Доминирование родительской семьи в формировании ценностных ориентаций в целом и, частности, в сфере приобщения молодых людей к физической культуре очевидно. «Какими видами деятельности из перечисленных ниже ты регулярно занимался с родителями в детстве?» – на этот вопрос ответы

подростков из Екатеринбурга (*Урал-2*) распределились так (% от общего числа опрошенных – 510 чел.):

а) занятия вне города

- ездили на озёра, на море *отдыхать* - 72
- ездили на озёра, на море *охотиться, рыбачить* - 33
- собирали в лесу грибы, ягоды - 63
- регулярно ходили в лес, «на природу» - 44
- собирали в лесу лекарственные травы - 6

б) занятия в городе

- регулярно играли в футбол, хоккей - 24
- играли в бадминтон, волейбол, баскетбол - 42
- регулярно делали физзарядку - 15
- бегали кроссы - 15
- катались на велосипеде, скейтборде - 60
- катались на мотоцикле, машине - 27

Таблица 3

Мнения уральских экспертов об основных причинах неэффективности российского законодательства, направленного на регулирование социальной и молодёжной политики (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Причины «пробуксовки» законодательства	Группы			
	В целом	В том числе по сферам		
		П	О	Н
Резкое социально-экономическое расслоение населения	55	52	50	64
Безразличие, незаинтересованность структур управления в эффективном решении проблем семьи и детства	53	52	46	60
Бюрократизм, коррумпированность сферы управления учреждениями семьи и детства	45	38	46	50
Низкая правовая культура и общественная активность населения	44	54	46	32
«Застойность» форм и методов работы государства и обществу с «семьями риска»	42	40	48	38
Несовершенство правовой базы	38	44	44	26
Недостаток квалифицированных кадров воспитателей наставников, социальных работников	37	28	44	40
Слабая материально-финансовая база детских учреждений (детских домов, детских учреждений культуры, спорта и т.д.)	33	36	34	30
Низкая исполнительская культура и дисциплина чиновников в органах управления и исполнения	33	38	26	34
Социально-психологические трудности работы с неблагополучными семьями и с детьми-девиантами	33	34	34	30
Негативное общественное мнение в отношении помощи неблагополучным семьям, бомжам, беспризорникам	19	10	30	16

Подведём некоторые итоги. Несмотря на то, что ценность здоровья в нормативных представлениях россиян (как у молодых, так и у взрослых) повысилась, она не стала фактором сознания, осталась на уровне моды – реальное самосохранительное поведение не претерпело существенных изменений: по-прежнему достаточно много пьющих и курящих, нарушающих режим сна, отдыха и двигательной активности, не заботящихся о правильном питании и т.д. Очевидно,

формирование моды на здоровье не должно подменять формирование культуры здоровья и физической культуры личности, прежде всего [7].

И в заключение статьи ещё один немаловажный аспект проблемы. Не секрет, что в настоящее время многие законодательные инициативы, государственные акции, направленные на решение проблем семьи и детства (в том числе по проблемам здоровьесберегающей политики), мягко говоря, «пробуксовывают», «не работают» на региональном и муниципальном уровне. В связи с этим в опросе «Урал-4» экспертов просили ответить на вопрос: «Как вы считаете, каковы основные причины подобного рассогласования – с одной стороны, «требований верхов» и неадекватной реакции на них со стороны «низов» управления?»». Полученные нами данные приведены в табл. 3:

Интерпретацию полученных данных предоставляем заинтересованным и компетентным читателям.

Положение молодежи, её поведение не может быть улучшено, если пытаться решать эту проблему вне контекста общих проблем того или иного социума. Нынешний кризис носит не временный характер, он отражает тенденции, которые зародились в прошлом и продолжатся в будущем. Поэтому их решение может быть достигнуто лишь в общенациональном контексте, на долгосрочной основе, при полном осознании теснейшей зависимости и взаимозависимости экономических реформ и эффективной социальной, в том числе молодежной, политики [8]. При этом, как отмечал замечательный российский педагог К.Д. Ушинский, «Возбуждение общественного мнения в деле воспитания есть единственно прочная основа всяких улучшений по этой части: где нет общественного мнения о воспитании, там нет и общественного воспитания, хотя может быть множество общественных заведений» [9, с. 284].

Библиографический список

1. Павлов Б.С. Валеологическое самочувствие и воспитание тинейджеров в родительской семье на Урале // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 22-30.
2. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. 575 с.
3. Павлов Б.С. Семья и самосохранительное поведение молодежи // Экономика региона. 2008. № 12. С. 109-122.
4. Павлов Б.С., Бондарева Л.Н. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала 2013, № 12. С. 90-94.
5. Павлов Б.С. Здоровье и здоровый образ жизни: как их воспринимает население на Урале // Экономика региона. 2010. № 2. С. 71-80.
6. Павлов Б.С., Разикова Н.И. «Отцы и дети» в городской семье: общение или отчуждение // Дискуссия. 2012. № 10. С. 110-119.
7. Pavlov, Boris S.; Saraykin, Dmitry A. Adolescent Health in a Parental Family in the Urals//Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology/ Editor-in-Chief V. Mansurov, Moscow, 2014. (474 p). P. 418-423.
8. Павлов Б.С. Семейная политика в регионе: симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. 2010. № 3. С. 58-69.
9. Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. М.:Мысль, 1968. 360 с.

© Павлов Б.С., Анисимов С.А., Сентюрина Л.Б., 2015. Текст.

Информация об авторах

Павлов Борис Сергеевич (г. Екатеринбург, Россия) – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН, (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: pavlov_boris@mail.ru).

Анисимов Сергей Алексеевич (Москва, Россия) – доктор социологических наук, профессор, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Москва, пр. Вернадского, 84).

Сентюрина Лидия Борисовна – кандидат медицинских наук, врач Городской клинической больницы №40 (620102, г. Екатеринбург, ул. Волгоградская, 189).

Pavlov B.S., Anisimov S.A., Sentyurina L.B.

HEALTH OF THE URAL ADOLESCENTS IN PARENTS' FAMILY

Abstract. *The article discusses the current problems of health and physical culture of children and adolescents in families in the Urals. A special place is given to the analysis of self-preservation behavior of adolescents and its effects on health. The role of family and school in valeological upbringing of rural children and adolescents in comparison with their urban peers is analyzed. Empirical base for authors' analysis and conclusions serve the results of series of polls conducted by them in 2000-2014 years in the Institute of Economics UB RAS.*

Keywords: health, physical education, healthy lifestyle, family, adolescent, quality of life.

Information about the authors

Pavlov Boris Sergeevich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29; e-mail: pavlov_boris@mail.ru).

Anisimov Sergey Alekseevich (Moscow, Russia) – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Russian academy of national economy and public service at the Russian President (84, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia).

Sentyurina Lidiya Borisovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Medical Sciences, Doctor of City Clinical Hospital No. 40 (189, Volgogradskaya St., Yekaterinburg, 620102, Russia).

УДК 314.7

Петракова Ю.Н.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье приводится сравнительный анализ миграционных процессов, происходящих на территории России и Беларуси. Выделяются сходства и различия в направлении миграционного движения, дается характеристика демографических последствий миграции для изучаемых стран.*

Ключевые слова: международная и трудовая миграция, сельско-городские перемещения, демографическое развитие.

Российская Федерация и Республика Беларусь на протяжении всего своего суверенного существования поддерживали сотрудничество по многим вопросам во всех сферах жизнедеятельности. Особенно тесными взаимоотношения двух держав стали в последние годы после образования Единого экономического пространства,

которое предполагает открытость границ, наличие единого рынка труда и, следовательно, необходимо детальное изучение перемещения населения как между странами-участницами ЕЭП, так и тенденций миграции населения отдельно в России и Беларуси. Миграционные процессы двух стран, входящих в состав Единого экономического пространства, имеют много общих черт, но есть и кардинальные отличия.

Общие тенденции в процессах перемещения населения в первую очередь обусловлены схожими процессами демографического развития: и Беларусь, и Россия находятся в стадии депопуляции населения, численность населения в трудоспособном возрасте снижается, понимая это, главы государств заинтересованы в притоке мигрантов из республик бывшего СССР. Во внутренних перемещениях преобладает миграция из села в город, при этом наиболее привлекательным для мигрантов остается столичный регион. В обоих государствах растет интерес к трудовой миграции, есть проблемы с незаконным перемещением людей. Однако, несмотря на довольно много общего в миграционных процессах, нельзя сравнивать масштабы перемещения населения, т.к. площади этих государств несопоставимы, да и направления миграционных потоков не всегда идентичны.

Международная миграция. Международная миграция населения и России, и Беларуси за годы своего самостоятельного существования претерпела ряд изменений. С образованием новых независимых государств после распада СССР к числу международных мигрантов добавились все жители бывших союзных республик: населению, которое раньше перемещалось внутри огромной державы, пришлось пересекать государственные границы, чтобы попасть к родственникам или на историческую родину. Численность международных мигрантов резко возросла, с одной стороны, население бывших союзных республик покидало места временного трудоустройства или бежало от военных конфликтов и преследования на этнической почве, с другой – появился значительный поток эмигрантов в страны дальнего зарубежья. Объемы международной миграции в первой половине 90-х годов в России доходили до 1,5 млн чел.

К началу 2000-х годов произошли изменения в объемах и направлениях международной миграции. Все, кто был вынужден поменять место жительства из-за распада Советского Союза, реализовал это, постоянный поток эмигрантов в США, Германию и Израиль иссяк. Установилась стабильная ситуация в направлениях и численности потока мигрантов.

Россия стала основной принимающей страной для мигрантов из бывших стран СНГ, среди которых основной приток мигрантов дают Узбекистан, Казахстан и Украина (рис. 1). Следует отметить изменения в рейтинге стран по численности мигрантов: если в 2000 г. бесспорным лидером в миграционном приросте населения России выступал Казахстан, численность мигрантов из которого в 2000 г. составила 107 тыс. чел., или 43,5% всего миграционного прироста, то на протяжении XXI века растет поток мигрантов из Узбекистана и других стран Средней Азии, на долю которых в 2013 г. приходилось 45,3% миграционного прироста населения России.

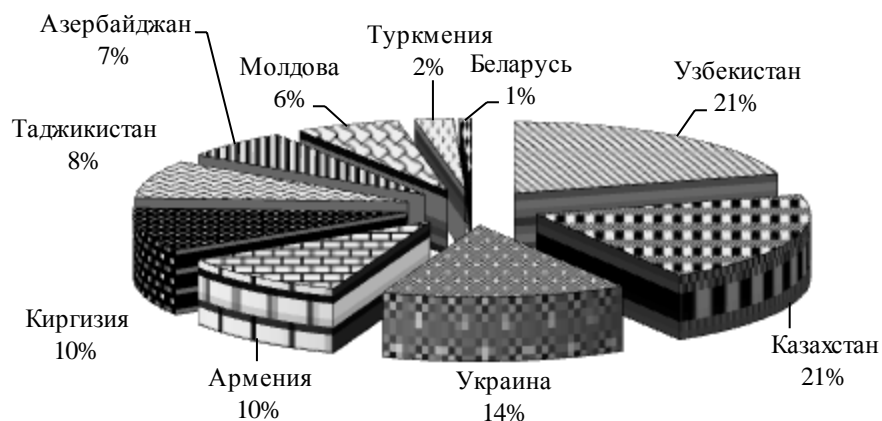

Рисунок 1. Миграционный прирост населения России в 2000-2013 гг. в обмене со странами СНГ

Беларусь в обмене населением со странами СНГ тоже выступает реципиентом, но основной обмен населением происходит с Россией и Украиной (рис. 2). Численность иммигрантов из стран СНГ на протяжении XXI века постоянно сокращается, т.к. поток репатриационных миграций, происходивших на протяжении 90-х годов XX века, иссяк, а для миграции по экономическим соображениям Беларусь – не самая привлекательная страна на постсоветском пространстве. Ежегодный миграционный оборот со странами СНГ снизился со 150-160 тыс. чел. в начале 90-х годов XX века до 20 тыс. чел. в 2005-2013 гг.

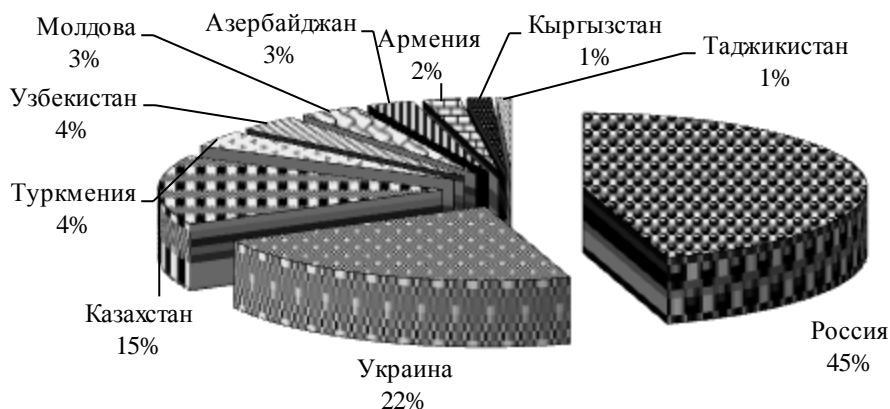

Рисунок 2. Миграционный прирост населения Беларуси в 2000-2013 гг. в обмене со странами СНГ

Миграционный прирост при обмене населением со странами вне СНГ и в России и в Беларуси на протяжении 90-х годов XX века и в начале XXI века был отрицательным, но с 2007 г. впервые в этих странах сальдо миграции со странами дальнего зарубежья стало положительным. Обусловлено это, с одной стороны, ростом незначительной доли иммигрантов из стран дальнего зарубежья в общем потоке прибывших. Так, в России доля иммигрантов из стран вне СНГ выросла с 9% в 2000 г. до 12% в 2013 г., в Беларуси с 10% до 24% соответственно. С другой

стороны, значительно сократился поток эмигрантов в страны дальнего зарубежья – с 45% в 2000 г. до 21% в 2013 г. в России и с 48% до 31% соответственно в Беларуси.

Качественный состав мигрантов в России и Беларуси имеет много схожего, но и ряд различий. Из 296 тыс. международных мигрантов переехавших на постоянное место жительства в Россию в 2013 г., 238 тыс. чел. или 81% составляли лица трудоспособного возраста, дети и пенсионеры – лишь по 10%. В Беларуси из 11643 чел. только 6050 чел. или 52% приходилось на лица в трудоспособном возрасте, а 27% – на лица в возрасте старше трудоспособного.

По уровню образования среди международных мигрантов преобладают лица со средним образованием (34% в России и 36% в Беларуси), также значительна доля лиц со средним специальным (23% и 28% соответственно) и высшим образованием (14% и 24%).

По данным листов статистического учета основной причиной прибытия в Россию мигранты называют работу либо причины семейного характера, в Беларуси же основная причина – переезд к родственникам, со значительным отставанием идет приобретение жилья, учеба, а работа стоит на последнем месте.

Если учесть что и в России, и в Беларуси существует проблема постоянного сокращения численности населения в трудоспособном возрасте, то в России за счет миграционного прироста возможно решить проблему постоянного сокращения трудовых ресурсов, в Беларуси же международная миграция не решает этой проблемы, а даже наоборот увеличивает нагрузку на трудоспособное население, т.к. почти треть международных мигрантов составляют пенсионеры.

Внутренняя миграция. Перемещение населения по территории своей страны составляет основу миграционного движения населения как в России, так и в Беларуси. В 2013 г. на долю внутренних перемещений приходилось порядка 92-94% миграционного оборота исследуемых стран. Однако население России и Беларуси нельзя назвать мобильным, лишь 2,2% населения Беларуси и 2,8% населения России участвовало в миграционном движении в 2013 г. Из них порядка 52% перемещалось внутри своего региона (в Беларуси – области) и 48% переехало за пределы своего региона (области).

Если в международной миграции и в России, и в Беларуси преобладают мужчины, то во внутренних перемещениях участвует больше женщин. Основной поток мигрантов приходится на возраст 15-30 лет, что вполне закономерно и соответствует мировой тенденции. Однако, если в России пик миграционной активности приходится на возраст 25-29 лет – 14,8% внутренних мигрантов, то в Беларуси больше всего мигрирует населения в возрасте 15-19 лет – 25,6% от всех поменявших место жительства в 2013 г. Таким образом, основу внутренней миграции в Беларуси составляет учебная миграция, тогда как в России, наряду с перемещением, связанным с учебой, высока роль миграции в поисках лучшего места для трудоустройства.

Основной проблемой и России, и Беларуси остается перемещение населения из сельской местности в городскую, а также постоянный приток населения в столичный регион. Ежегодно сельская местность Беларуси теряет до 1% своего населения за счет эмиграции в город, а начиная с 2009 г. потери от миграции даже выше потерь от естественной убыли населения. В России ситуация немного лучше, численность покинувших сельскую местность незначительна, однако постоянно

растет: с 2010 г. численность переехавших из сельской местности выросла в 2 раза по сравнению с 2009 г., а потери от миграции превысили потери от естественной убыли населения.

Если сельская местность ежегодно теряет свое население, то столичный регион и в России, и в Беларуси постоянно пополняется внутренними мигрантами из всех регионов. В Беларуси самым привлекательным регионом для мигрантов является Минск, ежегодно численность населения города растет за счет мигрантов со всех областей республики. В России при обмене населением между регионами значительный миграционный прирост наблюдается в Москве и Московской области, а также в Санкт-Петербурге и Краснодарском крае. Из-за постоянного притока внутренних мигрантов в крупных городах образуется избыток трудовых ресурсов, многие студенты, получив высшее образование, не могут найти себе работу по специальности и работают в других сферах, теряя полученную при учебе квалификацию. Перенаселение столичного региона вызывает острую жилищную проблему, а постоянная нехватка жилья приводит к росту цен на строительство и аренду недвижимости.

Из-за ежегодного миграционного потока из сельской местности в города, сельская местность России и Беларуси теряет свой демографический потенциал, снижается численность трудовых ресурсов, растет нагрузка на трудоспособное население лицами пенсионного возраста. Качественные характеристики населения также изменяются не в лучшую сторону: растет диспропорция в соотношении мужчин и женщин детородного возраста (в городах выше численность женщин, а в сельской местности – мужчин), что приводит к неполным семьям в городах, росту пьянства среди одиноких молодых мужчин и в целом к маргинализации сельского населения.

В России постоянный отток коренного населения с севера и востока на запад и юг страны (из Дальневосточного и Сибирского федерального округа в Центральный и Южный федеральный округ) приводит к значительным потерям населения, с карты России исчезают целые большие поселения, огромные площади в северных и восточных районах страны оказываются незаселенными, что ставит под угрозу геополитическое благополучие страны.

Трудовая миграция. Если относительно реальную картину внутренней и международной миграции населения можно отследить по статистическим данным, то учесть всех трудовых мигрантов не могут органы внутренних дел ни в России, ни в Беларуси, а отсутствие границ между странами еще больше затрудняет статистический учет трудовых мигрантов. По данным Министерства внутренних дел, начиная с 2009 г. в Республике Беларусь количество выехавших для работы на основе подписанных договоров и контрактов трудовых мигрантов ниже численности прибывших и колеблется в районе 5 тыс. чел., численность же прибывших трудовых мигрантов постоянно растет и в 2013 г. составила 18 тыс. человек. По данным МВД большинство въехавших в 2013 г. в страну трудовых мигрантов были представителями рабочих специальностей из Украины, Китая, Узбекистана и Турции, большинство трудовых эмигрантов также имели низкую квалификацию и направлялись в Россию. 90% прибывших в Беларусь на основе подписанных договоров и контрактов составляли мужчины, среди выехавших трудовых мигрантов их было 70%.

Таким образом, по данным официальной статистики, Беларусь из страны-экспортера рабочей силы в последние годы превратилась в страну-импортера. Численность въехавших по трудовым договорам выше численности выехавших, приезжают в основном работники с низкой квалификацией, правда и покидают республику лица рабочих специальностей. Однако по данным различных экспертных оценок поток незарегистрированных трудовых эмигрантов в 30 раз выше данных официальной статистики и ежегодно составляет порядка 140 тыс. чел. или почти 3% экономически активного населения [1]. Причем среди выехавших трудовых мигрантов высока доля высококвалифицированных работников.

В России наблюдается противоположная картина – страна всегда выступала импортером рабочей силы, причем численность трудовых мигрантов ежегодно увеличивается. Если в 2000 г. по данным официальной статистики численность иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность в России составляла 213 тыс. чел., то к 2008 г. она выросла до 2,4 млн чел, а к 2011 г. немного снизилась до 1,7 млн чел. Однако помимо официально зарегистрированных трудовых мигрантов, многие приехавшие в Россию трудятся нелегально. По оценкам различных экспертов их численность колеблется от 1,5 до 15 млн чел. Хотя большинство из них и ФМС в том числе сходятся во мнении, что на данный момент в России находится порядка 4,5 млн иностранных граждан, которые законно и незаконно осуществляют трудовую деятельность [2].

Несмотря на постоянный приток трудовых мигрантов, в России, так же как и в Беларуси, существует проблема так называемой «утечки умов». Начавшийся с распадом Советского Союза процесс выезда за рубеж высококвалифицированных специалистов, продолжается до сих пор, правда темпы его значительно замедлились. Если в 90-е годы XX века из России и Беларуси эмигрировало много опытных, уже состоявшихся в своей сфере деятельности специалистов, потерявших работу в перестроечное время, то в XXI веке преобладает миграция умной талантливой молодежи, которая временно выезжает за рубеж для стажировки и обмена опытом, при этом многие из них планируют дальнейшее трудоустройство и переезд на постоянное место жительства. В последние годы к реальной «утечке умов» добавилась виртуальная, которая характеризуется виртуальной работой за рубежом так называемых фрилансеров.

С целью повышения своего статуса в мировой науке и развития высокотехнологичного производства российское правительство в 2010 г. приняло ряд мер по привлечению в страну высококвалифицированных специалистов из зарубежных стран. Для таких специалистов предусмотрен конкурентоспособный на мировом уровне размер оплаты труда, а также правовые преференции. За 2010-2011 гг. было привлечено 47,1 тыс. специалистов, причем 86% оформленных разрешений на работу пришлось на Москву и Московскую область[3].

Таким образом, по данным официальной статистики, в России и Беларуси складывается благоприятная ситуация в обмене населением с другими странами. Международная миграция способствует росту населения трудоспособного возраста, приток трудовых мигрантов увеличивает численность экономически активного населения. Однако реальные цифры трудовой и международной миграции дают не всегда положительные результаты. Беларусь в результате международной и трудовой миграции теряет часть своего трудоспособного

высококвалифицированного населения, получая взамен лиц после трудоспособного возраста. Россия в результате международной миграции частично восполняет потери своего трудоспособного населения, однако в последние годы иммигрирует все больше низкоквалифицированных работников с низким уровнем образования, а среди трудовых мигрантов все больше лиц вообще не знающих русского языка, что затрудняет ассимиляцию мигрантов и вызывает ксенофобские настроения в российском обществе. Процессы внутренней миграции и в России и в Беларуси приводят к трансформации половозрастной структуры, росту численности населения в перенаселенном трудоизбыточном столичном регионе и нехватке рабочих рук в вымирающей сельской местности.

Библиографический список

1. Зайончковская Ж.А. Миграция в современной России [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1714#14 (дата обращения: 11.04.2015).
2. Незарегистрированных трудовых мигрантов из Беларуси в 30 раз больше чем зарегистрированных [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lastrada.by/news/77.html> (дата обращения: 22.04.2015).
3. Флоринская Ю. Масштабы трудовой миграции в Россию [Электронный ресурс]. . URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2342#6 (дата обращения: 12.05.2015).

© Петракова Ю.Н., 2015. Текст.

Информация об авторе

Петракова Юлия Николаевна (г. Минск, Республика Беларусь) – научный сотрудник, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси (220072, Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2; e-mail: petra13@mail.ru).

Petrakova Y.N.

MIGRATION PROCESSES IN RUSSIA AND BELARUS: COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. *This paper provides a comparative analysis of migration processes on the territories of Russia and Belarus. Similarities and differences in the direction of migratory movement are highlighted, the demographic consequences of migration for the studied countries are described.*

Keywords: international and labor migration, rural-urban migration, demographic development.

Information about the author

Petrakova Yuliya Nikolaevna (Minsk, Belarus) – Researcher, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 build. 2, Sarganova str., Minsk, 220072, Belarus; e-mail: petra13@mail.ru).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ*

Аннотация. В статье рассматриваются основные методологические и методические подходы к определению факторов общественного здоровья, позволяющих дать интегральную оценку состояния здоровья населения, в том числе на уровне регионов, стран и в глобальном масштабе.

Ключевые слова: здоровье населения, факторы, причины, условия, механизм воздействия, факторы риска, индикаторы, средняя продолжительность жизни, заболеваемость, качество жизни.

Здоровье населения формируется и изменяется под влиянием множества социально-экономических, биологических, экологических и демографических факторов, как отрицательных, так и положительных. Поскольку и население, и каждый человек в отдельности является сложной социально-биологической системой, число факторов, влияющих на состояние подобных систем, стремится к бесконечности.

Одной из первоочередных задач в изучении состояния здоровья населения является количественная и качественная оценка условий, факторов, влияние которых сказывается на параметрах общественного здоровья. Выявление, а тем более измерение влияния каждого фактора – сложнейшая задача в методологическом отношении. Трудности обусловлены и отсутствием показателей, которые давали бы количественную оценку факторов, и неясностью механизма воздействия каждого фактора; кроме того, поведение населения как участника социальных процессов имеет ту существенную особенность, что наряду с объективными факторами оно детерминировано субъективными психологическими факторами.

Однако модель здоровья населения страны, региона уверенно может опираться, например, на индикаторы, разработанные Всемирной организацией здравоохранения для оценки общественного здоровья и его рисков, а также рейтинги значимости для населения удовлетворения таких потребностей, как долголетие, хорошее здоровье, семья и др., выявленные в результате социологических опросов.

Прежде чем приступить к анализу факторов, имеет смысл коснуться самого понятия «*фактор*», которое может интерпретироваться, во-первых, как движущая сила какого-либо явления, во-вторых, как элемент какой-либо системы [7, с.7].

Обычно фактор понимают как движущую силу какого-либо процесса (факторы состояния процесса и факторы его развития).

При выявлении факторов соблюдаются следующие принципы:

1) выделяются конкретные процессы, явления, которые претендуют на то, чтобы быть факторами (а не обстоятельствами или одновременно протекающими явлениями);

2) факторы всегда взаимосвязаны с теми явлениями, на которые они влияют, и с теми условиями, в которых они действуют;

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 15-06-09169 «Разработка методического инструментария изменения социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста».

3) необходимо отличать факторы от условий окружающей среды и от непосредственных причин явлений;

4) определение факторов несколько различается в естественных и общественных науках.

Л.Л. Рыбаковский, исследуя демографические процессы, предположил, что связь между условиями и факторами должна быть выражена иначе для тех процессов, в которых тесно переплетается социальное и биологическое. Хотя условия и факторы взаимосвязаны, условия всегда шире и многообразнее, чем факторы. Факторы связаны и с явлением, интенсивность проявления которого они определяют, представляя собой лишь компонент объективных условий. Набор этих компонентов определяется сущностью изучаемого явления. Таким образом, если условия – это множество, то факторы – их подмножества, сочетание которых может быть любым, одни и те же компоненты могут входить в разные подмножества [7, с.11].

Выявление взаимосвязи между факторами и причинами сложнее, чем между условиями и факторами (частью и целым, выступающими как объекты). Для социальных и многих других процессов наряду с объективными условиями огромную роль играет субъективный момент. В связи с этим можно выделить два основных типа взаимосвязи факторов с процессами.

Первый тип относится ко всем естественным процессам: биологическим, физическим, технологическим и т.д. Здесь связь фактора с явлением носит непосредственный характер, при этом зависимая и независимая переменные могут быть поставлены в условия, когда между ними обнаруживается функциональная связь. Для природных (физических) процессов фактор и причина представляют собой одно и то же.

Второй тип принадлежит к социальным, демографическим и некоторым другим процессам, где объектом воздействия выступает человеческая психика, сознание. Факторы в социальных процессах влияют на явление не прямо, а опосредованно, через сознание субъекта, связь факторов с явлением носит корреляционный характер, а понятия фактора и причины выражают разные явления. Существует также смешанный тип факторного воздействия, когда в одних случаях фактор воздействует на процесс непосредственно, а в других – опосредованно (через сознание).

Данный подход будет приемлемым и при анализа факторов здоровья населения в единстве его биологической и социальной составляющих. Например, сокращение смертности в трудоспособном возрасте может быть достигнуто непосредственно внедрением новых, более совершенных медицинских технологий, а может быть в какой-то мере достигнуто на основе роста сознательного отношения к своему здоровью, перехода к более здоровому образу жизни.

Таким образом, факторы представляют собой детерминированные природой специфического явления компоненты окружающей среды (условий), оказывающие влияние на интенсивность его проявления как самостоятельно, так и в совокупности с другими факторами [7, с.20].

В качестве критериев общественного здоровья выбирают те статистические показатели, которые могут достоверно отразить изменение процесса.

Общая заболеваемость учитывает распространенность всех заболеваний среди населения в целом и отдельных заболеваний в определенных группах

населения на данной территории. Однако использования данных по обращаемости в медицинские учреждения для оценки здоровья населения недостаточно, поскольку данный показатель несет нагрузку субъективного отношения населения к здоровью (известно, что значительная часть населения, имеющая в основном хронические заболевания, требующие лечебно-профилактической помощи, не всегда активно обращается за медицинской помощью); во-вторых, определенное влияние оказывает различное состояние медицинской помощи на данной территории; в-третьих, имеют значение диагностические возможности врачей.

Наряду с заболеваемостью важнейшим критерием состояния здоровья населения является смертность. По динамике различных производных смертности (средней продолжительности жизни, чисел доживающих, по возрастных коэффициентов, смертности от отдельных причин и т. д.) можно судить о степени жизнеспособности населения, его работоспособности и благополучии.

Показатели смертности и средней продолжительности жизни признаны одним из наиболее приемлемых измерителей уровня здоровья населения по той причине, что имеют четко очерченные статистические границы и динамическую наглядность.

Существуют многочисленные попытки разработать обобщенные показатели, позволяющие дать интегральную оценку состояния здоровья отдельных групп населения, в том числе на уровне регионов, стран и в глобальном масштабе.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) начиная с 2000 г. проводит крупномасштабный мониторинг факторов, повышающих вероятность неблагоприятных последствий для здоровья («рисков для здоровья») и с 2002 г. публикует доклады, где современные оценки рисков соотносятся с самыми последними оценочными региональными показателями смертности и заболеваемости.

Основное внимание уделяется широко распространенным в мире факторам риска, по которым имеются данные, позволяющие оценить степень их воздействия на население, и в отношении которых известны меры, направленные на сокращение их влияния.

Число смертей и лет жизни, скорректированных на нетрудоспособность, обусловленных воздействием того или иного фактора риска, рассчитываются путем соотношения доли населения, подверженного этому фактору риска, к общему числу умерших или совокупному бремени болезней. Этот показатель (DALY) измеряет потерянные годы вследствие смертности или нетрудоспособности в различном возрасте. Один DALY можно рассматривать как один потерянный год «здоровой» жизни. Для заболевания или травмы он рассчитывается как сумма лет жизни, потерянных в результате преждевременной смерти (потерянные годы жизни — YLL) в популяции, и лет, утраченных в результате нетрудоспособности (потерянные годы жизни из-за нездоровья — YLD) в отношении новых случаев заболевания или травмы. Потерянные годы жизни рассчитываются путем умножения числа смертей в каждой возрастной группе на международный стандарт средней продолжительности жизни для того возраста, в котором наступил летальный исход.

Все факторы риска, отобранные ВОЗ для докладов, отвечают ряду критериев:

- риск потенциально имеет глобальное значение;

- высокая вероятность того, что риск вызывает ассоциированное с ним заболевание;
- фактор риска потенциально поддается модификации;
- фактор риска не является ни слишком неопределенным, ни слишком конкретным;
- по фактору риска имеются достаточно полные данные.

Более трети всех случаев смерти в мире в той или иной степени связывают с воздействием небольшого числа факторов риска. Так, описанные в докладе «Глобальные риски для здоровья 2015» [2] 24 фактора риска лежат в основе 44% всех случаев смерти и 34% бремени болезней; при этом 33% всех случаев смерти обусловлены 10 основными факторами риска (табл.1).

Таблица 1

Ранжирование 10 основных факторов риска, обуславливающих бремя болезней, страны сгруппированы по уровню дохода, 2004 г. [2]

Фактор риска	DALY*(млн)	Всего, %	Фактор риска	DALY*(млн)	Всего, %
<i>В мире</i>			<i>Страны с низким уровнем дохода</i>		
Пониженная масса тела у детей	91	5,9	Пониженная масса тела у детей	82	9,9
Небезопасный секс	70	4,6	Непригодная для питья вода, низкий уровень санитарии и гигиены	53	6,3
Употребление алкоголя	69	4,5	Небезопасный секс	52	6,2
Непригодная для питья вода, низкий уровень санитарии и гигиены	64	4,2	Неполноценное грудное вскармливание	34	4,1
Повышенный уровень артериального давления	57	3,7	Загрязнение воздуха внутри помещений, связанное с использованием твердых видов топлива в домохозяйствах	33	4,0
Употребление табака	57	3,7	Дефицит витамина А	20	2,4
Неполноценное грудное вскармливание	44	2,9	Повышенный уровень артериального давления	18	2,2
Повышенный уровень сахара крови	41	2,7	Употребление алкоголя	18	2,1
Загрязнение воздуха внутри помещений, связанное с использованием твердых видов топлива в домохозяйствах	41	2,7	Повышенный уровень сахара крови	16	1,9
Избыточный вес и ожирение	36	2,3	Дефицит цинка	14	1,7
<i>Страны со средним уровнем дохода</i>			<i>Страны с высоким уровнем дохода</i>		
Употребление алкоголя	44	7,6	Употребление табака	13	10,7
Повышенный уровень артериального давления	31	5,4	Употребление алкоголя	8	6,7
Употребление табака	31	5,4	Избыточный вес и ожирение	8	6,5
Избыточный вес и ожирение	21	3,6	Повышенный уровень артериального давления	7	6,1
Повышенный уровень	20	3,4	Повышенный уровень	6	4,9

сахара крови			сахара крови		
Небезопасный секс	17	3,0	Недостаточная физическая активность	5	4,1
Недостаточная физическая активность	16	2,7	Повышенный уровень холестерина в крови	4	3,4
Повышенный уровень холестерина в крови	14	2,5	Запрещенные наркотические вещества	3	2,1
Профессиональные риски	14	2,3	Профессиональные риски	2	1,5
Непригодная для питья вода, низкий уровень санитарии и гигиены	11	2,0	Недостаточное потребление фруктов и овощей	2	1,3

* DALY - годы жизни, скорректированные на нетрудоспособность.

Страны сгруппированы по уровню валового национального дохода на душу населения (2004 г.) — низкий уровень дохода (825 долларов США и ниже), высокий уровень дохода (10 066 долларов США и выше).

Пять основных глобальных факторов риска смертности включают высокий уровень артериального давления, употребление табака, высокий уровень сахара крови, недостаточную физическую активность, избыточный вес и ожирение. Эти факторы повышают риск развития хронических заболеваний, таких как болезни сердца и рак. Они наблюдаются во всех группах стран по уровню дохода (в странах с высоким, средним и низким уровнем дохода).

Понимание роли этих факторов риска является ключом к разработке четкой и эффективной стратегии по улучшению здоровья во всем мире.

Характер заболеваемости существенно различается в странах с высоким, средним и низким уровнем дохода. Для стран с высоким и средним уровнем дохода наиболее важными факторами риска являются те, что связаны с хроническими болезнями, такими как сердечно-сосудистые заболевания и рак. Табак является для них одним из основных факторов риска, обуславливая 11% бремени болезней и 18% случаев смерти в странах с высоким уровнем дохода.

В странах с высоким уровнем дохода алкоголь, избыточный вес и повышенный уровень артериального давления также являются основными причинами потерянных лет здоровой жизни: на каждый из этих факторов приходится 6–7% потерянных лет здоровой жизни.

Для проведения профилактики болезней и травм необходимо выявить причины их возникновения, чтобы затем воздействовать на них, то есть на те риски, которые лежат в их основе. В свою очередь, у каждого фактора риска имеются собственные причины, и многие факторы риска берут свое начало в ходе сложной временной последовательности событий, включающих социально-экономические факторы, местные условия, особенности окружающей среды и индивидуальное поведение. Цепь причинно-следственных связей предполагает возможность воздействия на ее различные звенья с целью профилактики.

Как показано на рис. 1, некоторые элементы этой цепи, такие как повышенный уровень артериального давления или высокий уровень холестерина крови, выступают в качестве непосредственных причин заболевания, другие факторы риска, более ранние в цепи причинно-следственных связей, оказывают опосредованное воздействие на развитие ИБС; наиболее отдаленным факторам риска (уровень образования и дохода) отводится меньшая роль в цепи причинно-следственных связей развития заболевания.

Рисунок 1. Взаимосвязь основных причины и факторов ишемической болезни сердца [2, с. 8].

Более развернутая характеристика глобальных социально-экономических факторов здоровья приведена в докладе ВОЗ «100 ключевых индикаторов здоровья» [10].

Индикаторы представлены следующими укрупненными ранжированными группами:

1. Финансирование системы здравоохранения (общие и частные расходы на здравоохранение, капиталовложения в здравоохранение), обеспеченность медицинской инфраструктурой, подготовка медицинских кадров, доступность информации.

2. Сервис: качество, безопасность, доступность медицины, лекарств.

3. Медицинские вмешательства и обследования, факторы риска в поведении населения.

4. Состояние здоровья (ожидаемая продолжительность жизни, смертность в трудоспособном возрасте, уровень младенческой смертности, заболеваемость и т.п.).

Эти четыре группы объединены в цепочку «затраты» → «отдача» → «результат» → «воздействие», показывающую взаимодействие всех 100 индикаторов. Эта схема связывают индикаторы с основными системами данных страны и методами сбора данных, показывает необходимость анализа и синтеза данных из множества источников, усиливает регулярную качественную оценку данных и демонстрирует, как данные должны сообщаться и использоваться и для стран по отдельности, и для глобальных целей.

Критерии выбора индикаторов следующие:

- 1) индикатор широко применяется в международном мониторинге;
- 2) он научно строг, полезен, доступен, понятен, специфичен, измерим, достижим, релевантен и ограничен во времени;
- 3) имеется обширный опыт измерений с данным индикатором (желательно в международных базах данных);
- 4) индикатор используется странами в национальных планах и программах.

Разработанный ВОЗ «Глобальный список» может использоваться в качестве нормативного руководства для:

- мониторинга здоровья населения в национальном и глобальном масштабе;
- выбора приоритетных индикаторов;
- рационализации и выравнивания требований к отчетности глобальных партнеров;
- повышения качества глобальных баз данных медицинских результатов;
- развития приоритетов общественного здравоохранения, возможностей стабильного обновления.

Оценки Всемирной организации здравоохранения склоняются к тому, чтобы определить образ жизни в качестве ключевого фактора, определяющего здоровье людей. Образ жизни (*modus vivendi*) представляет собой «широкую категорию, включающую индивидуальные формы поведения, активность и реализацию своих возможностей в труде, повседневной жизни и культурных обычаях, свойственных тому или иному социально-экономическому укладу» [4].

Академик Ю. П. Лисицын, опираясь на классификации образа жизни видного профессора И. В. Бестужева-Лады и др., выделяет в образе жизни четыре категории: «... экономическую — «уровень жизни», социологическую — «качество жизни», социально-психологическую — «стиль жизни» и социально-экономическую — «уклад жизни»» [3].

При этом основное место, на наш взгляд, должно принадлежать таким параметрам, как качество жизни (основой которого является ее уровень) и уклад жизни — образ жизни людей, который определяется характером собственности на средства производства, политическими, экономическими, социальными отношениями, ведущей идеологией и т. д.

Это важно, поскольку здоровье населения России советского и постсоветского периода определяется не столько глобальными тенденциями, сколько внутренними социально-политическими проблемами, в частности, экспериментами по трансформации общественно-политической и экономической жизни, которые регулярно сопровождаются кризисами всей системы общественных отношений. Корни кризиса в области здоровья населения — прежде всего в неприспособленности к рыночной экономике социальных институтов, ответственных за сохранение и воспроизводство человеческой жизни, таких как государство, семья, системы экологической и технологической безопасности, социального обеспечения и здравоохранения.

Российским исследователем А.С. Юркевичем при помощи методов математической статистики (корреляционного, регрессионного и кластерного анализа) в качестве важнейших факторов, влияющих на здоровье, были выделены: уровень жизни, финансовые возможности российской экономической системы, потенциал лечебно-профилактических учреждений здравоохранения, финансирование здравоохранения. Было установлено, что наибольшее влияние на здоровье, по сравнению с другими показателями, оказывали доходы населения и, напротив, в меньшей степени на него влияли показатели, характеризующие потенциал лечебно-профилактических учреждений здравоохранения.

Было выявлено, что отношения между финансированием здравоохранения и здоровьем населения носят противоречивый характер. Иногда считается, что состояние здоровья населения всецело зависят от того, как функционирует

здравоохранение, насколько полно оно удовлетворяет потребности людей в медицинской помощи. Существует и иная точка зрения – что медицина не может оказать сколько-нибудь существенного влияния на общественное здоровье, которое зависит от условий и образа жизни, характера труда, отдыха, питания и т. д. Как справедливо заметил М.В. Бедный, комментируя одно из исследований на эту тему: «... установить, что при более высоком уровне обеспеченности ресурсами здравоохранения уровень смертности ниже, не удалось... Общая смертность, даже строго очищенные и сопоставимые ее величины, — это не столько то, что мы наблюдаем сегодня, сколько то, что было на протяжении жизни многих поколений, составляющих общую совокупность населения. Поэтому одномоментные поперечные срезы непригодны для уяснения взаимодействия между уровнем развития здравоохранения и показателями здоровья населения, особенно таким кумулятивным... каким является общая смертность. Необходимо иметь в виду, что, например, для того, чтобы получить эффективную отдачу от увеличения ресурсов здравоохранения в виде улучшения показателей, характеризующих здоровье населения, необходим определенный период времени. Это может быть не год и не два, а одно-два десятилетия» [1, с.145].

Тем не менее, инвестиции в здравоохранение способствуют сокращению смертности и увеличению продолжительности жизни. Однако наблюдается и такой парадокс, когда «объемы финансирования здравоохранения увеличиваются вместе с ростом заболеваемости и снижаются вместе с падением уровня заболеваемости. Такого рода зависимость, когда исправляются последствия, вместо того чтобы устранить причину, свидетельствует о недостаточно эффективной организации системы здравоохранения» [9]. Нельзя не согласиться с автором, что необходимо менять сложившееся в обществе отношение к отрасли здравоохранения как потребительской и затратной.

Исследование показало тесную зависимость между показателями здоровья (младенческая смертность, ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин) и валовым внутренним продуктом на душу населения (с учетом паритета покупательной способности) в 198 странах мира.

Ожидаемая продолжительность жизни связана с величиной прожиточного минимума – показателем, отражающим стоимостную оценку натурального набора продуктов питания, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, а также расходов на непродовольственные товары и услуги, налоги и обязательные платежи, исходя из доли затрат на эти цели групп населения с низкими доходами.

Влияние тяжелого физического труда на состояние здоровья населения давно отмечалось в работах по гигиене труда. Установлено, что лица, занятые тяжелым физическим, нередко ненормированным, трудом в сочетании с низким уровнем образования, неумением рационально использовать свободное время, имеют низкую продолжительность жизни.

Экономические трудности переходного периода в России отразились на характере питания. В последние годы у большинства населения структура рациона существенно ухудшилась.

На состояние здоровья человека большое влияние оказывают жилищные условия. Анализ связи показателей благоустройства жилья с региональными различиями в ожидаемой продолжительности жизни показал, что более всего на ее

продолжительность повлияло наличие водопровода, центрального отопления и газа в домах.

Наоборот, ухудшение условий жизни, обветшание и разрушение жилого фонда, рост стоимости жилищно-коммунальных услуг, снижение реальных доходов ведет к повышению заболеваемости. По данным В. Г. Семеновой [8], в постсоветский период основным источником потерь здоровья стало разрастание маргинальных слоев населения и увеличение в них рисков смертности от экзогенных и внешних причин (туберкулез, пневмонии, циррозы разной этиологии, повреждения с неопределенными намерениями, случайные отравления алкоголем, а также от неточно обозначенных симптомов, признаков и состояний).

Важным показателем социально-психологической ситуации служит уровень преступности. Высокий удельный вес убийств и нанесения тяжкого вреда здоровью свидетельствует о высокой агрессивности населения, что отрицательно сказывается на продолжительности его жизни.

В процессе усиления дифференциации населения по доходным группам происходит усиление социального расслоения, ухудшение основных социальных характеристик: сокращение средней ожидаемой продолжительности жизни; рост смертности в трудоспособном возрасте; ускоренное распространение социально значимых болезней, распространение массового алкоголизма; наличие высокого уровня преступности, наблюдается рост тяжких и особо тяжких преступлений.

Регионы с удовлетворительным уровнем ожидаемой продолжительности жизни населения характеризуются наличием:

- относительной стабильности уровня и качества жизни, определяемой во многом низкой долей убыточных предприятий;
- высокого уровня благоустройства жилищного фонда, который позитивно сказывается на продолжительности жизни, особенно при наличии центрального отопления и водоснабжения в домах, а также газа;
- среднего размера пенсий, существенно превышающего величину прожиточного минимума пенсионеров;
- развитых рыночных отношений, что определяется высокой долей доходов от предпринимательской деятельности и от собственности в совокупном доходе.

Основные направления социальной политики, необходимые для формирования хорошего здоровья в российских условиях, с учетом мнения населения, удачно сформулированы О.Я. Кислицыной на основе данных обследований здоровья, проведенных ИСЭПН РАН в г. Таганроге в 1998 г. и г. Москве в 2004 г. [5]. Это: 1) преодоление бедности; 2) обеспечение адекватного и доступного по стоимости жилья; 3) обеспечение занятости населения и улучшение условий труда; 4) содействие наращиванию социального капитала; 5) сглаживание социально-экономического неравенства; 6) содействие здоровому образу жизни; 7) содействие формированию благоприятных условий развития в раннем детстве; 8) инвестиции в образование.

Приоритеты демографической политики на современном этапе должны быть связаны не столько с количественным наращиванием, сколько с сохранением пока еще существующего населения, с заботой о каждом члене общества. Только тогда, когда люди перестанут чувствовать себя «лишними», могут появиться предпосылки для решения проблем в демографической сфере. В механизме социальной регуляции здоровья населения определяющую роль должны играть не

столько общегосударственные кампании, сколько индивидуальное самосохранительное поведение. Важно, чтобы росла ответственность людей за свою жизнь и жизнь своих близких, сознание того, что не только государство, но и они сами должны сохранять и защищать себя на уровне семьи, каждого отдельно взятого человека. В условиях невозможности планомерного государственного управления воспроизводством населения единственное, пусть и неполное решение проблемы видится в создании соответствующей личной мотивации.

Библиографический список

1. Бедный М.С. Демографические факторы здоровья. М.: Финансы и статистика, 1984. 246 с.
2. Глобальные риски для здоровья: смертность и бремя болезней, обусловленные некоторыми основными факторами риска. Всемирная организация здравоохранения, 2015. 70 с. Режим доступа: www.who.int/evidence/bod
3. Ефименко С.А., Морозов П.Н. Историко-социологический анализ публикаций, посвященных медико-социологическим исследованиям в здравоохранении // Социология медицины. 2004. № 1. С. 26 - 31.
4. Здоровье, образ жизни и обслуживание пожилых. М.: Медицина, 1992. 214 с.
5. Кислицына О.Я. Социально-экономические детерминанты здоровья россиян // Народонаселение, 2007. №2. С. 24-37.
6. Лисицын Ю.П., Полунина Н.В. Общественное здоровье и здравоохранение. М.: Медицина, 2002. 416 с.
7. Рыбаковский Л.Л. Понятие, сущность и специфика факторов демографических процессов // Вопросы воспроизводства населения и демографической политики. М.: ИСИ АН СССР, 1982. С. 5-23.
8. Семенова В.Г. Обратный эпидемиологический переход в России. М.: Центр социального прогнозирования. 2005.
9. Юркевич А.С. Влияние социально-экономических факторов на здоровье населения как условие формирования трудового потенциала России. Автореф. дис. канд. экон. наук (спец. 08.00.07). М.: Институт труда Министерства труда и социального развития РФ, 1999. 23 с.
10. Global Reference List of 100 Core Health Indicators, 2015. World Health Organization, Department of Health Statistics and Information Systems (HSI). Режим доступа: www.who.int/healthinfo/indicators/2015/en

© Полкова Т.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Полкова Татьяна Владимировна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник центра социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН, (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: polkova_tv@mail.ru).

Polkova T.V.

SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF THE POPULATION HEALTH

Abstract. *In the article the main methodological and methodical approaches to identification of factors of public health allowing to give an integrated assessment of health state of the population in regions and countries level and in the global context are considered.*

Keywords: population health, factors, reasons, conditions, influence mechanism, risk factors, indicators, average life expectancy, incidence, quality of life.

Information about the author

Polkova Tatyana Vladimirovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Centre for Socio-Economic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya Str., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: polkova_tv@mail.ru).

УДК 314.174: 330.122

Полкова Т.В., Нифантова Р.В.

СРЕДНЯЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ В АНАЛИЗЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА)*

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить взаимосвязь между показателями средней продолжительностью предстоящей жизни в разных странах и базовыми международными индикаторами качества жизни, а также общими расходами различных государств на здравоохранение.

Ключевые слова: средняя продолжительность предстоящей жизни, международные сопоставления, Таможенный союз, уровень национальных расходов на здравоохранение, общественное здоровье.

Средняя продолжительность предстоящей жизни (СППЖ) характеризует современный уровень смертности и является моделью того, насколько долгой будет жизнь каждого из ныне живущих поколений, если предположить, что на протяжении всей их жизни по возрастные показатели смертности не изменятся. Этот показатель справедливо считается важнейшим индикатором не только демографического, но и социально-экономического благополучия. Данный показатель занимает важное место во всех интегральных индексах, описывающих человеческое развитие, качество жизни, качество населения, общественное здоровье.

Показатели СППЖ в странах Таможенного союза (ТС) за последние четверть века мало отличались от таковых в целом по странам СНГ и не претерпели существенных изменений, к 2013 г. они увеличились только в Кыргызстане и Беларуси, в остальных ее уровень по-прежнему не вернулся к 1989 г. (рис. 1).

* Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00008 а «Формирование и повышение качества жизни как приоритетное направление социально-экономического развития регионов России».

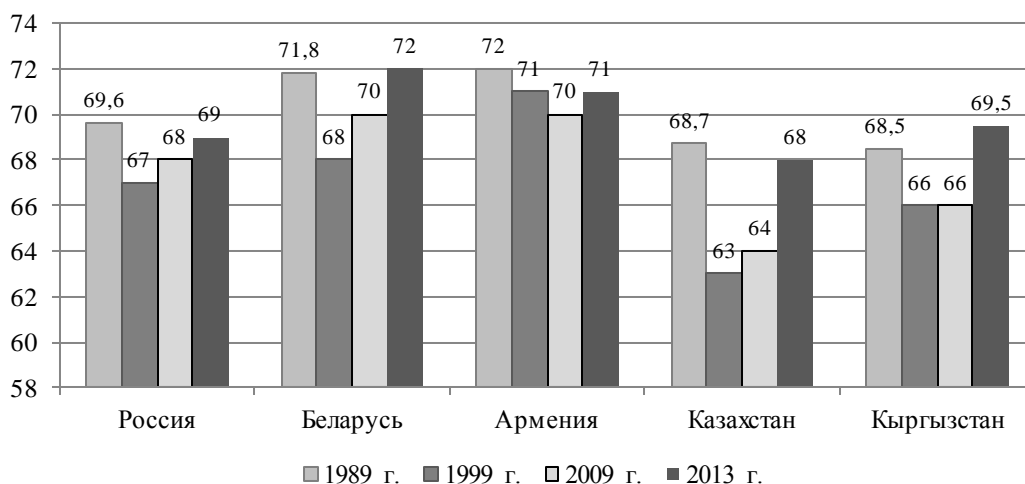

Рисунок 1. Средняя продолжительность жизни населения стран-участниц Таможенного союза (оба пола, лет)

Относительно высокой продолжительностью жизни отличаются Республика Беларусь (72 года) и Армения (71 год), самая низкая ее величина – в Республике Казахстан (68 лет). При этом во всех республиках наблюдается выраженный разрыв в продолжительности жизни между полами. Так, в 2013 г. по России он составил 12 лет (63 лет у мужчин и 75 лет у женщин), столько же в Беларуси (66 и 78), в Армении 8 лет (67 и 75), Казахстане 10 лет (63 и 73 года соответственно) Кыргызстане 7 лет (66 лет у мужчин и 73 года у женщин). При этом следует заметить, что продолжительность жизни женщин во всем мире больше, чем у мужчин, причем странах с высоким уровнем дохода эта разница составляет в среднем 6 лет, с низким – около 3 лет.

По данным 2013 г. наиболее высокая средняя продолжительность жизни в мире имеет место в Японии – 84 года (80 лет у мужчин и 87 лет у женщин), за которой следуют Андорра, Австралия, Швейцария, Италия и Сингапур. В настоящее время ожидаемая продолжительность жизни женщин в 33 странах мира составляет 80 лет и более. По продолжительности жизни мужчин лидирует карликовое государство Сан-Марино (82 года), далее следуют Исландия, Австралия, Швейцария, всего в 18 странах ожидаемая продолжительность жизни мужчин превышает 80 лет.

В мировом рейтинге СППЖ 2013 г. (всего 193 страны) государства ТС располагаются следующим образом: Беларусь – 103-е место, Армения – 111-е, Россия – 122-е, Кыргызстан – 124-е, Казахстан – 130-е место в мире. Немного утешает тот факт, что все эти страны немного превысили средний по планете показатель, равный 67,2 годам (данные ООН).

По предварительным результатам 2014 г. продолжительность жизни в России составила 71,6 года (65,6 года у мужчин и 77,2 у женщин) (по данным Минздрава). Заместитель председателя Правительства РФ О. Голодец связывает рост продолжительности жизни с успехами российской медицины. Однако, на наш взгляд, выводы о связи тех или иных демографических показателей с социально-экономическими явлениями можно только после глубокого анализа.

Средняя продолжительность жизни является производной от возрастных показателей смертности, это интегрированный показатель, при исчислении

которого утрачивается значительная доля информации. Использование СППЖ как совокупного показателя предполагает тщательный анализ составляющих и выявление причин изменений смертности и ожидаемой продолжительности жизни в одинаковых возрастно-половых группах за ряд лет или причин различий при сравнении здоровья населения стран или регионов. Анализ таблиц смертности может в полной мере раскрыть содержание показателя средней продолжительности жизни, который не всегда отражает только положительные тенденции. СППЖ может снизиться, например, при повышении смертности в молодых возрастах и при ее одновременном снижении в пожилых [1, с. 150]. Большинство исследователей уверено, что увеличение средней продолжительности жизни равнозначно улучшению здоровья населения, однако это тоже вопрос дискуссионный. Так, Э. Россет [2, с. 67-90] считал, что при росте средней продолжительности жизни происходит ухудшение состояния здоровья населения вследствие роста численности пожилых нетрудоспособных людей, и поэтому рост продолжительности жизни непременно должно сопровождаться мерами по обеспечению достойных условий существования слабых членов общества.

Нами была предпринята попытка проследить взаимосвязь между СППЖ в разных странах и «индексом лучшей жизни» (Better Life Index), рассчитанным Организацией по экономическому сотрудничеству и развитию (OECD) в 2013 г. В индекс входят такие параметры, как жилье, разница в доходах, занятость, образование, защита окружающей среды, здравоохранение, безопасность, удовлетворенность жизнью и т. д., а также общими расходами на здравоохранение.

Уровень национальных расходов на здравоохранение — это относительная величина, которая рассчитывается как общий объем государственных и частных расходов на здравоохранение в течение календарного года, включая государственные бюджеты, фонды медицинского страхования, внешние заимствования, гранты и пожертвования от международных учреждений и неправительственных организаций и выражается в процентах от валового внутреннего продукта (ВВП).

Если по первому индикатору не наблюдалось четко выраженной положительной корреляции (страны с высокой СППЖ оказывались в топе Better Life Index далеко не всегда), то по мере увеличения общих расходов на здравоохранение на душу населения ожидаемая продолжительность жизни, как правило, растет.

В настоящее время ВОЗ проводит прямую зависимость между общими расходами на здравоохранение (на душу населения) и средней (ожидаемой) продолжительностью жизни. При этом наиболее высокие уровни расходов на здравоохранение на душу населения связаны с умеренным ростом ожидаемой продолжительности жизни или с отсутствием такого роста [3]. Кроме того, в ряде стран достигнуты высокие уровни ожидаемой продолжительности жизни, несмотря на относительно более низкие расходы на здравоохранение на душу населения.

Расходы на здравоохранение считаются одним из ключевых показателей социального развития, так как отражают степень внимания, уделяемого государством и обществом здоровью граждан. Показатели стран ТС представлены в табл. 1 и на рис. 2.

Таблица 1

Расходы на медико-санитарную помощь в 2013 г. с учетом вклада домохозяйств и государства*

Страна	Общие расходы на здравоохранение в % от ВВП	Расходы на душу населения, долл. США	В том числе:		
			расходы со стороны домохозяйств, %	расходы государства, %	другое, %
Российская Федерация	6,5	957	48	48	4
Беларусь	6,1	463	32	65	3
Армения	4,5	159	55	42	4
Казахстан	4,3	580	46	53	1
Кыргызстан	6,7	87	36	59	5

* Составлено по данным Всемирной организации здравоохранения.

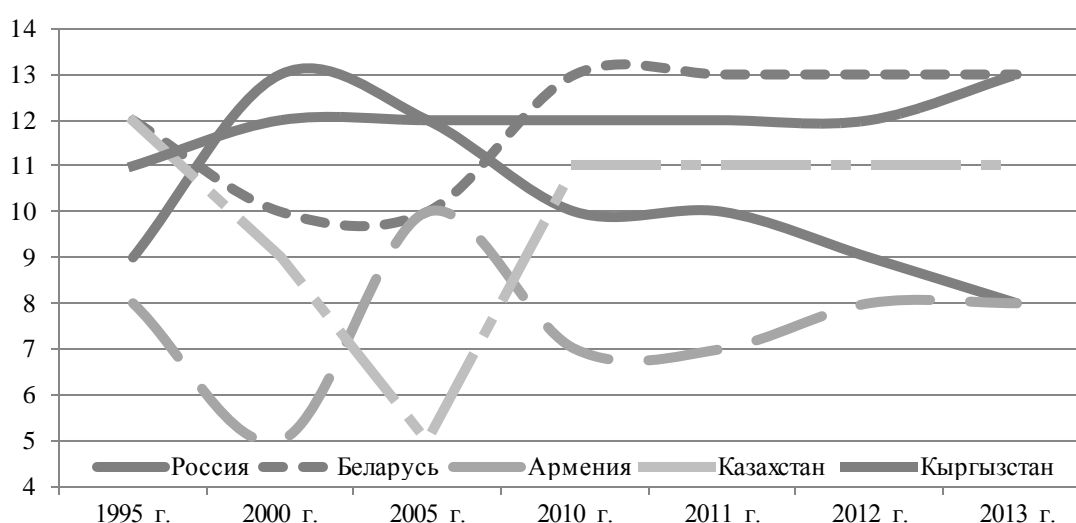

Рисунок 2. Расходы на здравоохранение стран ТС, % общих государственных расходов

Вместе с тем, этот показатель не учитывает, насколько равномерно распределяются расходы на здравоохранение по различным социальным группам внутри того или иного государства, другие факторы, в том числе коррупционную составляющую. Следует помнить, что относительно высокие позиции ряда слаборазвитых стран в рейтинге связаны, как правило, с программами в области общественного здравоохранения (обеспечение питьевой водой и санитарными услугами, проведение программ массовой иммунизации и эпидемиологической безопасности, финансируемые международными институтами и благотворительными организациями), однако при этом не учитывается общий низкий уровень ВВП этих стран, низкая санитарная культура населения, общественное неравенство, политическая нестабильность. Например, в одном ряду в группе стран с высокой долей расходов на здравоохранение стоят Тувалу и США, Сьерра-Леоне и Франция, Лесото и Швейцария, Либерия и Япония, Уганда и Новая Зеландия, Гаити и Австралия и, наоборот, мы встречаем такие благополучные страны как Сингапур, ОАЭ, Катар, Монако, Бруней в группе стран с низкой долей расходов на здравоохранение.

Таким образом, при использовании показателя СППЖ в формировании стратегий совершенствования качества жизни населения стран – участниц ТС необходимо ориентироваться не только на формальные показатели, но и на более глубокий демографический и социокультурный контекст.

Библиографический список

1. Бедный М.С. Демографические факторы здоровья. М.: Финансы и статистика, 1984. 246 с.
2. Россет Э. Продолжительность человеческой жизни. М., 1981. С. 67-90.
3. Мировая статистика здравоохранения, 2010. URL: http://www.who.int/whosis/whostat/RU_WHS10_Full.pdf

© Полкова Т.В., Нифантова Р.В., 2015. Текст.

Информация об авторах

Полкова Татьяна Владимировна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник центра социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН, (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: polkova_tv@mail.ru).

Нифантова Раиса Викторовна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, Центр исследований социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: nifantovarv@mail.ru).

Polkova T.V., Nifantova R.V.

LIFE EXPECTANCY IN THE ANALYSIS OF QUALITY OF LIFE (ON EXAMPLE OF COUNTRIES – MEMBERS OF CUSTOMS UNION)

Abstract. *In the article an attempt to trace relationship between life expectancy at birth in different countries and basic international indicators of quality of life and total expenditure to health care in different states is made.*

Keywords: life expectancy at birth, international comparisons, Customs union, national expenditure to health care, public health.

Information about the authors

Polkova Tatyana Vladimirovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Centre for Socio-Economic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29 Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: polkova_tv@mail.ru).

Nifantova Raisa Viktorovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher, Center for Socio-Economic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29 Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: nifantovarv@mail.ru).

УДК 314

Радостева Ю.В.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕНСИВНОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НА ТРЕНДЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СССР И В РОССИИ

Аннотация. *В Советском Союзе на степень интенсивность миграционных процессов в большей степени влияли причины идеологического характера. После развала СССР и отделения России в самостоятельное и независимое государство произошла смена общей*

парадигмы всех процессов в России. На смену плановой пришла рыночная экономика. Интенсивность миграционных потоков в современной России теперь в основном имеет экономическую направленность и зависит только от емкости рынка труда. Однако в связи с сокращением численности коренного населения России интенсивность миграционных потоков напрямую влияет на тренды демографических процессов. Изучение данной проблемы актуально и необходимо для успешного стратегического планирования демографических процессов в стране.

Ключевые слова: миграционные процессы, миграционная политика, экономическая направленность, тренды демографических процессов, численность населения.

Россия – многонациональное древнее государство со своей неповторимой историей и уникальными традициями. Главным людским субстратом государства является население. По мере разрастания государства люди переселялись и осваивали новые земли, Однако наличие крепостного права сдерживало освоение дальних земель, так как крестьяне и их семьи всецело принадлежали помещикам и в основном перемещались по России только со своими хозяевами. После очередных крестьянских волнений 1856-1857 гг. в ряде южных земель царь Александр II в 1861 г. издал указ об отмене крепостного права в России, которое было безнравственным и таило в себе опасность для дестабилизации политической обстановки в государстве [3]. На практике освобождение от этой зависимости растянулось на 20 лет. Часть крестьян смогла уйти от хозяев и начать самостоятельно работать, переехав на новое место жительства, иными словами, иммигрировав.

Именно отмена крепостного права на Руси послужило первым мощным толчком к развитию и сдвигу миграционных процессов из центральной части в северную и восточную части государства. Для регулирования миграции издавались специальные законы, в которых были предусмотрены в основном административно-организационные методы управления миграционными потоками.

Ярким примером массового использования труда иммигрантов в царской России послужило строительство Восточно-Сибирской железной дороги (или Царской Транссибирской магистрали), соединившей Москву и крупнейшие восточно-сибирские и дальневосточные промышленные города России. Длина магистрали составляла всего 7 тыс. км. Ее строительство продолжалось в течение 25 лет, т.е. с 1891 по 1916 годы [6].

Именно это событие явилось мощным фактором интенсификации иммиграционных потоков. Ввод в эксплуатацию транссибирской магистрали удешевило доставку рабочей силы на место работы и груза в пункты назначения на всем пути следования составов.

При этом следует учитывать еще один нюанс. Миграционная политика правительства того времени носила явную агрессивный характер и базировалась больше на политических основаниях, а не социальных и экономических. Главной целью этой политики являлось заселение окраин русским населением без учета традиций и обычаев населения, проживающего на этой территории. В результате проводимой политики сформировался целый ряд концепций, в основе которых лежат анализирующие методы стимулирования переселений, освещены причины, связанные с выбором района дислокации переселенцев и освещены подходы к выбору их состава. Однако проблема малоземелья крестьян так не была решена

полностью, а лишь были сглажены некоторые острые углы проблем, связанные с кризисом в аграрном секторе.

Таким образом, общий анализ трендов миграционных потоков до революции показал следующее. Во-первых, интенсивность миграционных потоков постепенно возрастала. Во-вторых, наблюдалась общая смена парадигмы отношения к переселению от чего-то нежелательного, бесцельного бродяжничества к целенаправленному и необходимому процессу для интенсивного развития экономики государства. Это заметил и описал русский ученый-демограф Л. Л. Кауфман [8]. В-третьих, ученые-демографы доказали, что именно грамотная государственная миграционная политика напрямую влияет на развитие положительных характеристик демографических трендов в государстве. Происходит увеличение численности населения на данной территории и ее структурная деформация.

После революции 1917 года миграционная политика в области трудовой миграции претерпела ряд существенных изменений. Развитие машиностроения и интернационализма требовало значительного количества рабочих рук, которое могло дать только перенаселение и иммиграция. Для регулирования данных процессов были создана миграционная служба, сформирована система льгот, которые были призваны стимулировать иммиграционное движение. Иммиграция, особенно вначале, носила добровольный характер и учитывала по возможности интересы общества и отдельных граждан. Однако имела место практика принудительной миграции населения. В результате были уничтожены крепкие крестьянские хозяйства. Если глава хозяйства сопротивлялся, то его чаще всего расстреливали, а семью выслали в Магадан или на Колыму.

Особым трендом 20-30 годов 20 века в СССР являлась индустриализация и коллективизация страны в целом. В город за период 1926–1939 гг. было переселено более 18,5 млн человек, что составляет 63% общего увеличения численности городского населения страны за этот период. В результате доля городского населения в 1939 году выросла с 17,9% в 1926 г. до 32,8%. При этом органы советского государства широко использовали бесплатную рабочую силу при строительстве промышленных гигантов, то есть труд заключенных исправительно-трудовых лагерей (например, ГУЛАГа), спецпоселенцев, комсомольцев, а также вольнонаемных рабочих.

После освобождения страны от немецких оккупантов, большую часть предприятий пришлось отстраивать заново, особенно в западных и центральных ее частях. Рабочих рук катастрофически не хватало, поэтому в 1947 году восстановили систему организованного набора рабочей силы, которая действовала еще до войны. При этом почти любой колхозник мог добровольно записаться на курсы по профориентации, получить необходимое дополнительное образование и пойти работать на завод или фабрику. Согласно ежегодным статистическим данным по РСФСР на данные курсы набиралось не менее 500 тыс. человек, при этом процентное соотношение городских и сельских жителей выглядело следующим образом: 30 % составляли жители городов, а 70 % жители деревень и поселков. Однако после окончания курсов только небольшая часть обучающихся возвращались домой в деревню. Городская жизнь значительно отличалась от сельской более комфортными условиями жизни, четкой регламентацией времени труда и отдыха рабочего, гарантией обеспечения соцпакета и выдачей реальной

заработной платы. В результате эмиграции людей трудоспособного возраста из сельской местности, село потеря навсегда наиболее квалифицированных специалистов. Основные категории населения теперь составляли – дети и люди старше 45 лет. Но следует заметить, что миграция рядовых колхозников не носила стихийный характер, т.к. у многих отсутствовали паспорта (37%), прописка и в денежном отношении они были наименее обеспеченным слоем населения. Вместо паспорта выдавалась однократная справка и исключительно только с разрешения председателя колхоза. Основная цель – пожизненное закрепление крестьянина за колхозом, чтобы он не смог оставить коллективное хозяйство по собственному желанию [2].

Причинами трансформации в ракурсе смягчения миграционной политики государства в отношении рядовых колхозников являются следующие. Первой причиной являются колоссальные потери населения в ходе войны (более 27 млн чел.), причем около 80 % погибших – это молодые люди в возрасте до 30 лет, т.е. детородного возраста. Села и деревни после войны по гендерному признаку в основном представляли собой общество, состоящее из детей и молодых вдов. Поэтому для улучшения демографической ситуации на селе подростки и молодежь получила возможность иммигрировать в город, в том числе и для нахождения второй половинки и продолжения рода. Второй причиной является – приобретение в ходе войны дополнительных территорий – Южного Сахалина и Калининградской области, которые стали справедливой материальной и моральной компенсацией за нападение на Советский Союз, понесший самые большие человеческие потери среди стран участников Второй мировой войны. Таким образом, Вторая мировая война послужила мощным катализатором интенсивности развития миграционных процессов в стране, таких как урбанизация. Именно смягчение послевоенной миграционной политики позволило ускорить восстановление страны и повысить численность населения. Если до войны (1939 г.) численность населения составляла 108377 тыс. чел., то за 14 лет она увеличилась до 117534315 человек и это несмотря на огромные человеческие потери (точное число убитых и умерших от голода в ходе войны посчитать невозможно).

Спустя 15 лет после окончания войны миграционная политика претерпела значительные изменения. Правительством СССР совместно с Госпланом была разработана программа на ближайшие 20 лет, основной целью которой было ускоренное строительство промышленных предприятий в разных отраслях экономики: машиностроение, черная и цветная металлургия, легкая промышленность, переработка продуктов. Самый популярный лозунг тех лет: «Догнать и перегнать Америку» [4]. Он прозвучал из уст Никиты Сергеевича Хрущева в мае 1957 года и стал основной движущей силой для развития экономики. Для реализации данной программы требовалось большое количество высококвалифицированных специалистов разного профиля. Поэтому наряду со строительством объектов промышленности была создана система учебных заведений разного уровня: школы по подготовке кадров средней квалификации, училища, техникумы, высшие учебные учреждения. Причем распределение и направление дипломированных специалистов носило организованный характер, основанный на обязательном выполнении инструкций, полученных из вышестоящих органов. Данный тип миграции жестко контролировался через отчетность учебных учреждений. Конечно, «новоиспеченных» специалистов

насиленно не увозили на место предстоящей работы, но отработка в течение 2-3 лет на месте, куда их направили, носила принудительный характер. Однако в этом были и свои плюсы. Благодаря созданной образовательной системе с последующим распределением была сформирована мощная прослойка высококлассных специалистов различного профиля в различных отраслях народного хозяйства и социальной сферы.

Таким образом, миграция в Советском Союзе, в состав которого входило 15 союзных республик, где проживало около 270 млн чел. и более 190 народов, носила внутренний союзный характер. По указанной причине миграционные процессы носили условный характер, и регулирование миграционной политики не было приоритетной задачей правящей партии. Но в середине 80-х обострились межнациональные конфликты и реформы стали носить разрушительный, а не созидательный характер. В отдельных слоях общества воцарил дух сепаратизма, который привел к возникновению межнациональных очагов в республиках. В 1986 г. прошли массовые митинги и демонстрации против русификации в Алма-Ате (Казахстан). Причиной послужило назначение Г. Колбина, русского по национальности, первым секретарем компартии Казахстана. В Прибалтийских республиках, на Украине, в Белоруссии общественное недовольство приняло также открытый характер. Общественность, возглавляемая народными фронтами, требовала обнародования советско-германских договоров 1939 г., публикации документов о депортациях населения из прибалтийских государств и из западных районов Украины и Белоруссии в период коллективизации, о массовых захоронениях жертв репрессий в Белоруссии. Обнародование документов, появление многочисленных партий (около 20), преследующие личные цели и неуверенные шаги правительства для разрешения сложившейся обстановки в государстве в целом привело к окончательному распаду СССР. Попытки создания вместо Советского Союза ССГ (Союза Суверенных Государств) также не увенчались успехом, по причине неэффективных методов по урегулированию межнациональных конфликтов как в союзных республиках так на территории Российской Федерации. В итоге 8 декабря 1991 года в Беловежской пуще (БССР) состоялось совещание руководителей трех суверенных государств России (Б.Н. Ельцин), Украины (Л. Кравчук) и Белоруссии (С. Шушкевич). На совещании они заявили о прекращении действия союзного договора 1922 г. и об окончании деятельности государственных структур бывшего Союза [5]. Тогда же была достигнута договоренность о создании СНГ – Содружества Независимых Государств. В результате территориального распада Советского Союза были разрушены и экономические связи между хозяйствующими объектами Российской Федерации и Союзных республик. Система управления союзной экономикой, построенная на взаимопоставках комплектующих частей оборудования, топлива, драгоценных металлов, продуктов сельского хозяйства и т.д. стала нежизнеспособной. Это привело к глубокому экономическому кризису на всей территории бывшего Советского Союза. Большая часть совместных предприятий закрылись, что привело к появлению многотысячной армии безработных, особенно в союзных республиках. С целью поправки своего материального положения они иммигрировали в основном в Россию в надежде найти хоть какую-нибудь работу. У российских граждан также появилась возможность выезжать на заработки за границу, и основная часть выбрали Европу, Израиль, Турцию.

Таким образом, распад СССР вызвал усиление интенсивности миграционных потоков из союзных республик в Россию, который, безусловно, повлиял на тренды демографических процессов в России.

Согласно статистическим данным, интенсивность миграционных процессов в разные периоды времени являлась величиной непостоянной и напрямую зависела от степени глубины экономического кризиса в России [11]. Данная тенденция отображена в таблице 1.

Таблица 1

Международная миграция в Россию с 1991г. по 2014 гг., чел.

Год	1991-1995	1996-2000	2001-2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Кол-во мигрантов	1 981 100 (396 220)	1 351 500 (270 300)	4 773 000 (954 600)	2 842 064	2 284 936	2 215 945	1 987 598	2 102 304	3 415 550	4 196 143	5 165 490	5 722 032

Количество мигрантов в течение всего временного периода исследования возрастает. Однако мировой экономический кризис, длившейся с начала 2008 по конец 2010 года, также отразился на притоке рабочей силы и в Россию. Самый низкий показатель отмечался в 2009 году, на который пришелся пик мирового и российского экономического кризиса. В дальнейшем наблюдается устойчивая тенденция возрастания степени интенсивности миграционных потоков в Россию.

Численность населения также подвергнута различным направлениям трендов (табл. 2) [7; 12]. С года первой официальной переписи населения, проведенной в 1897 году, численность населения всегда имела положительную тенденцию вплоть до конца 1993 года. Начиная с 90-х годов XX века, темпы роста населения постепенно снижаются, а с 1994 года численность населения начинает сокращаться. Эта тенденция продолжается в течение целых 16 лет. За данный временной промежуток времени численность населения сокращается почти на 6 млн чел. Наступает 2010 год – год перелома отрицательного тренда демографических процессов в стране, т.е. численность населения начинает расти.

Таким образом, анализ международной миграции в Россию с 1991 по 2014 гг. и численность населения России за аналогичный период времени показали следующее. Увеличение интенсивности миграционных потоков в 90-е годы XX века не смогло компенсировать отрицательную динамику трендов демографических процессов в стране. Этому есть разумное объяснение. Во-первых, закрытие предприятий и, как следствие, безработица привели к повышению смертности среди населения (выросла младенческая смертность и число самоубийств, особенно среди подростков), а также к многочисленным разводам и к отказу молодых семей заводить более 1 ребенка. Во-вторых, нахлынувший поток иммигрантов являлся нелегальным, поэтому иммигранты не принимали участие во всероссийских переписях населения. В-третьих, появление возможности свободного выезда на границу подтолкнула часть россиян навсегда уехать на ПМЖ в страны Европы, Израиль, США, Австралию. В-четвертых, Крым не был в составе России, хотя это исторически русская территория и конечно население полуострова также не принимало участие в переписях населения России. По вышеизложенным

причинам тренд демографических процессов в России имел отрицательную направленность.

Таблица 2

Численность населения в Российской империи, СССР и России, чел.

1897	1926	1928	1937	1939	1959	1970
67473000	100891244	103185200	104932000	108377000	117534315	130079210
1979	1989	1990	1991	1992	1993	1994
137550949	147400537	147665081	148273746	148514692	148561694	∓148355867
1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
148459937	∓148291638	∓148028613	∓147802133	∓147539426	∓146890128	∓146303611
2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
∓145166731	∓144963650	∓144168205	∓143474219	∓142753551	∓142220968	∓142008838
2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
∓141903979	142856536	142865433	143056383	143347059	146100000	146270000

С целью исправления сложившихся демографических процессов в стране с 1 января 2007 года ввели в практику выдачу материнского капитала при усыновлении или рождении второго и последующих детей в размере 250 тыс. руб., который постоянно индексируется и настоящее время составляет 453026 рублей [10]. В то же время претворяются в жизнь различные программы по поддержанию материнства и детства – активно строятся садики, медицинское обслуживание становится более доступным, повышаются пособия по уходу за ребенком (2 тыс. 576 руб. на первого, 5 тыс. 153 руб. – на второго ребёнка) [1].

Одновременно проводится модернизация миграционной политики: начиная с 1993 года принят ряд важных законов, постановлений, изданы указы. Правозащитники предлагают упростить процедуру получения гражданства до 1,5-2 месяцев по сравнению с 6 месяцами в настоящее время.

Таким образом, в результате принятых мер возрастание интенсивности миграционных процессов положительно повлияло на тренды демографических процессов в стране. С 2010 года наблюдается рост численности населения.

Однако для закрепления наметившего положительного тренда демографических процессов в России следует скорректировать миграционную политику и пересмотреть материальное обеспечение молодых мам. Во-первых, в ближайшее время ускорить процедуру получения российского гражданства законопослушным мигрантам. Во-вторых, ввести на практике уголовную ответственность для работодателей за использование нелегальной рабочей силы. В-третьих, повысить контроль над медицинскими учреждениями в плане более тщательного ими осмотра вновь въезжающих иммигрантов. В-четвертых, при рождении первого ребенка выдавать сертификат на сумму не менее 100 тыс. руб. В-пятых, запретить проводить аборт в частных клиниках, а за выявление таких случаев лишать лицензии сроком не менее 5 лет. В-шестых, увеличить пособие по уходу за ребенком до прожиточного минимума, т. е. до 8192 руб. в месяц. В-седьмых, полностью ликвидировать очередь в детские дошкольные учреждения. В-восьмых, увеличивать количество школ с целью обучения школьников только в одну смену. В-девятых, в школе ввести обязательный предмет, посвященный основным ценностям семьи – выстраиванию отношений между мужчиной и женщиной, правилам воспитания всесторонне развитого ребенка, уважительного отношения к старшему поколению вне зависимости от его материального

положения. Также усилить пропаганду о вреде курения, чрезмерного употребления алкогольных напитков и наркотических веществ для организма самого употребляющего, так и на будущее поколение от него.

Осуществление вышеизложенных предложений позволит закрепить положительную направленность трендов демографических процессов в стране.

Библиографический список

1. Анненкова Е. Пособие за счет ФСС в 2014 году. Размеры и порядок расчета». [Электронный ресурс]. Режим доступа: klerk.ru
2. Аксененок Г.А., Григорьев В.К., Пятницкий П.П. «Колхозное право» М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1950.
3. Буганов В.И., Зырянов П.Н., История России конец XVII- XIX в. М., 1997. с 235.
4. Верт Н. История советского государства 1900-1991. М.: Изд. группа «Прогресс», 1992.
5. Зазнаев О. Российская форма правления: прошлое, настоящее и будущее//Сравнительное конституционное обозрение, 2006, № 4.
6. Залужная Д.В. Транссибирская магистраль. М.: «Мысль», 1980
7. Население России за период с 1897 года по 2014 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ru.wikipedia.org.
8. Основы воздействия СМИ (пер. с англ.) М.: Издательский дом «Вильяме», 2004. 432 с.
9. «Российский прожиточный минимум достиг 8192 рубля». [Электронный ресурс]. Режим доступа: delate.info...prozhitochnyy-minimum...rubleu.html
10. Материнский капитал «подрост» (Калининград, 2 февраля 2015 г.) // Пенсионный фонд РФ [Официальный сайт]. URL: <http://www.pfrf.ru/branches/kaliningrad/news/~2015/02/02/84457>
11. Демографический ежегодник России. 2013: Стат. сб./ Росстат. М., 2013. 525 стр.
12. Численность населения на 1 января 2015 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

© Радостева Ю.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Радостева Юлия Валерьевна (г. Екатеринбург, Россия) – аспирант, Уральский Финансово-юридический институт (620000, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 1; e-mail: radosteva.iulia2012@yandex.ru).

Radosteva Iu. V.

INFLUENCE OF INTENSITY OF MIGRATION FLOWS ON THE TRENDS OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE USSR AND RUSSIA

Abstract. *In the Soviet Union, the intensity of migration processes was mostly under ideological influence. After the collapse of the USSR and separating Russia to independent state the overall paradigm of all processes in Russia has been changed. Market economy has come instead of planned one. The intensity of migratory movements in modern Russia is now basically has an economic orientation and depends only on the capacity of labor market in Russia. However, due to declining population in Russia the intensity of migration flows directly affects the demographic trends. The study of this problem is urgent and necessary for the success of the strategic planning of demographic processes in the country.*

Keywords: migration processes, economic orientation, demographic processes.

Information about the author

Radosteva Iulia Valeryevna (Yekaterinburg, Russia) – Postgraduate Student, Ural Financial and Legal Institute (1, Karl Liebknecht St., Yekaterinburg, 620000, Russia; e-mail: radosteva.iulia2012@yandex.ru).

УДК 314.44:614.1

Сафиуллина Р.М., Сафиуллин М.Р., Насырова Э.В.

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Охарактеризованы территориально-структурные особенности и тенденции заболеваемости населения Башкортостана за период рыночных преобразований. Выявлены основные тренды изменения медико-демографических процессов и геодемографической ситуации городских и сельских территорий. Рассмотрена динамика общей заболеваемости населения по основным классам болезней по демографическим группам, проблемы и факторы медико-демографического развития РБ.

Ключевые слова: заболеваемость, основные классы болезней, геодемографическая ситуация экономическая оценка здоровья населения.

Состояние здоровья характеризует социально-демографическое состояние населения республики. Население Республики Башкортостан испытывало те же трудности переходного периода, которые были присущи российскому населению в целом. Вместе с тем, социально-экономические и демографические особенности края не могли не сказаться на состоянии здоровья его населения. Во-первых, в республике сложилась устойчивая динамика роста показателей заболеваемости населения, причем всплеск роста наблюдается с 2006 г. Во-вторых, в Башкортостане как абсолютные значения, так и относительные показатели заболеваемости выше, чем по России в среднем. Уровень общей заболеваемости в Республике Башкортостан увеличился практически вдвое – с 1022,8 больных в расчете на 1000 человек в 1990 г. до 1935,7 в 2009 г. В 2010 г. было зарегистрировано 7,8 млн больных против 4,04 млн в 1990 году. Первичная заболеваемость за 1992-2007 годы также увеличилась с 572,0 до 924,8 в расчете на 1000 человек, с 2,4 до 3,7 млн больных, а с 2010 г. можно наблюдать ее постепенное снижение (табл. 1).

Состояние здоровья населения тесно связано с формами поселений. Сельский образ жизни, условия труда значительно отличаются от городских условий. Различны и возможности получения медицинской помощи у горожан и сельчан. Городские учреждения здравоохранения лучше обеспечены кадрами, современным оборудованием, чем в сельских поселениях. Причем основная часть учреждений в сельской местности сосредоточена только в районных центрах и крупных селах (рис.1, 2).

Обращает на себя внимание то, что заболеваемость населения растет практически по всем основным классам болезней. Заболеваемость болезнями системы кровообращения в 2013 г. по сравнению с 1990 г. выросла в 2,5 раза, новообразованиями – почти вдвое, сахарным диабетом – в 1,8 раза.

Особенно интенсивно растет заболеваемость стенокардией, которая за рассматриваемые годы выросла в пять с лишним раз. Заболевания системы кровообращения, составляя в структуре общей смертности в разных странах мира

51-58%, приносят огромные экономические потери из-за преждевременных смертей и инвалидизации населения.

Таблица 1

Заболеваемость на 1000 человек населения (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) [1, 2, 3, 4]

Год	Республика Башкортостан	Приволжский федеральный округ	Российская Федерация
1992	572,0	635,1	615,6
1995	768,9	738,4	678,8
2000	861,4	790,5	735,7
2002	865,6	792,8	747,0
2005	807,5	809,2	745,9
2006	873,8	837,3	763,9
2007	924,8	852,6	771,0
2008	912,6	852,0	772,0
2009	908,3	885,1	802,5
2010	894,5	867,2	780,0
2011	860,6	877,9	796,9
2012	847,6	865,8	793,9
2013	841,3	873,6	799,4

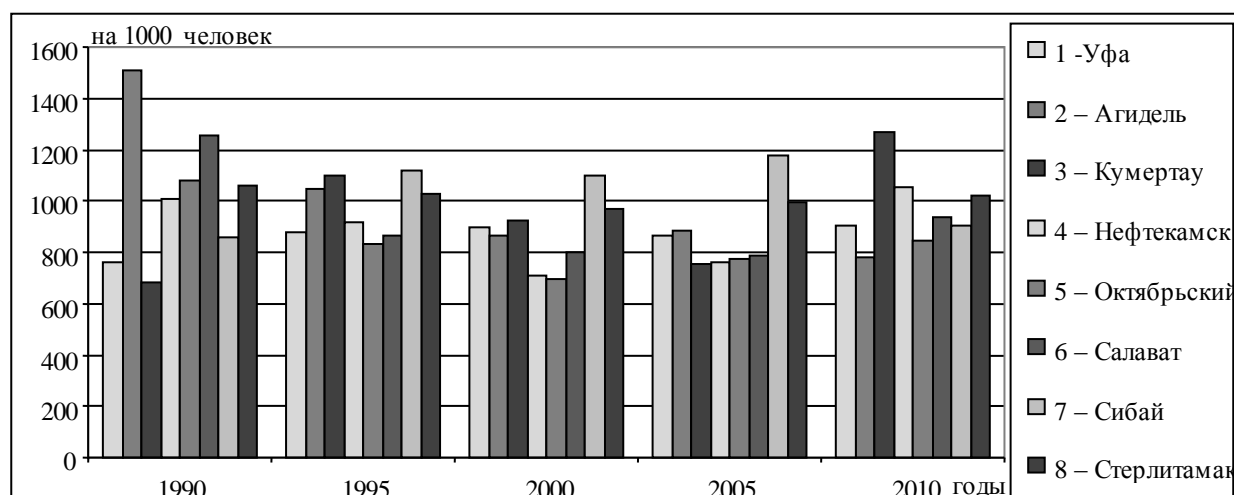

Рисунок 1. Динамика показателя первичной заболеваемости населения в городских округах РБ [2, 3]

Сохраняется неблагоприятная ситуация по заболеваемости населения болезнями системы кровообращения – гипертонической болезнью (ГБ) и ишемической болезнью сердца (ИБС). В 2012 году заболеваемость населения республики была выше, чем по РФ, на 24,5%. За 5 лет заболеваемость выросла на 8,3% и составила в 2013 году 4047,9, распространенность – 25 336,6 на 100 тыс. населения, то есть каждый четвертый житель обращался в лечебные учреждения по поводу болезней системы кровообращения. При этом, в результате реализации мероприятий республиканской целевой программы «Артериальная гипертония» на 2009-2013 годы, в 2013 году отмечено снижение заболеваемости ГБ на 15,8%.

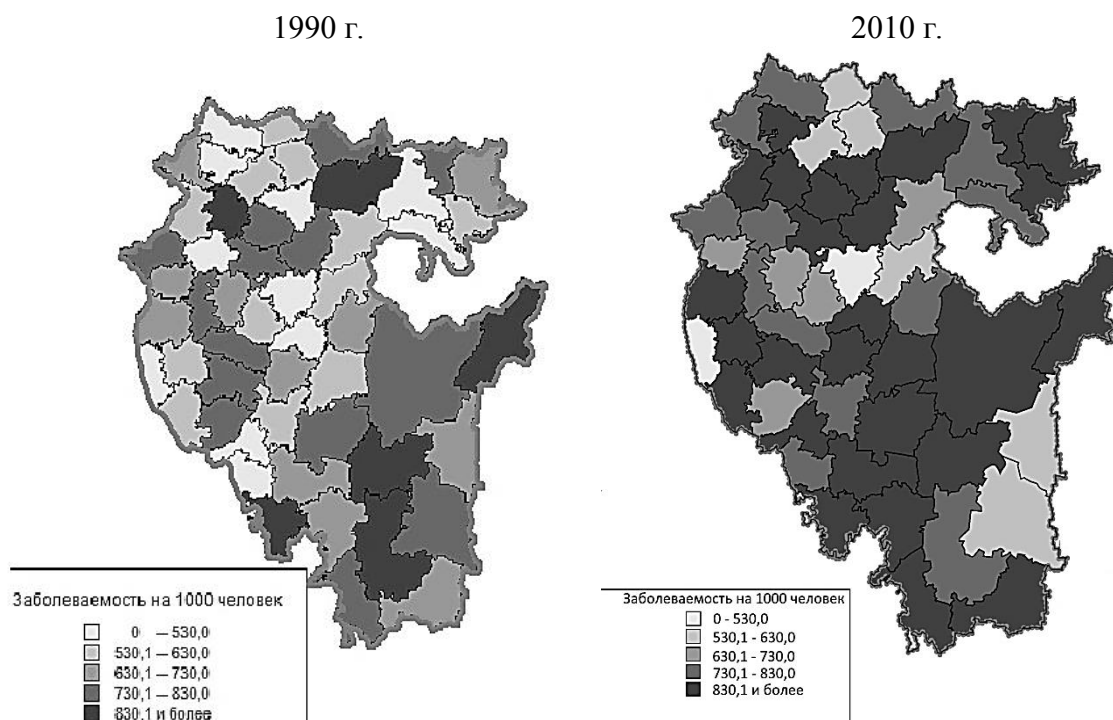

Рисунок 2. Первичная заболеваемость населения по муниципальным районам РБ в 1990 г. и 2010 г. [2, 3]

По результатам анализа данных РИФ СГМ, в 2013 году по показателям заболеваемости болезнями, характеризующимися повышенным кровяным давлением и темпам прироста за 5 лет, определены неблагоприятные территории:

– среди подростков (15-17 лет включительно): г.Стерлитамак, Альшеевский, Аскинский, Белорецкий, Бирский, Благовещенский, Бурзянский, Ермекеевский, Зилаирский, Иглинский, Илишевский, Калтасинский, Караидельский, Краснокамский, Кушнаренковский, Салаватский, Уфимский районы;

– среди взрослого населения (18 лет и старше): города Агидель, Сибай, Абзелиловский, Альшеевский, Архангельский, Белокатайский, Бирский, Благоварский, Бураевский, Караидельский, Куюргазинский, Мишкинский, Стерлибашевский, Хайбуллинский, Чекмагушевский районы. За 1995-2013 гг. в республике на каждую 1000 человек взрослого населения увеличилось с 16,9 до 40,2 число случаев, когда человеку впервые в жизни был поставлен диагноз – наличие болезни системы кровообращения. В 2006 г. более 15 тыс. человек впервые признаны инвалидами по причине болезни системы кровообращения (48,5% от всех впервые признанных инвалидами).

Среди социально значимых заболеваний по сложности диагноза и лечения особое место принадлежит злокачественным новообразованиям. Уровень заболеваемости злокачественными новообразованиями, как выявленными впервые в жизни, так и у состоящих на учете, в Башкортостане заметно ниже, чем в России. Однако темпы роста указанных показателей в Башкортостане несколько выше, чем в среднем по стране. В 2013 г. в Башкортостане количество впервые выявленных случаев злокачественных новообразований составило 11 689 чел., что выше показателя 2012 года (10 953 чел.). Тем не менее, заболеваемость осталась приблизительно на том же уровне и составила 287,8 на 100 тыс. человек. Из общего числа заболеваний на первом месте по-прежнему рак молочной железы – 12,3 % от

общего количества выявленных злокачественных новообразований, на втором – □ рак легкого – 11,4 %, на третьем месте – рак кожи 9,1 %). В республике Башкортостан 59 % людей, имеющих онкологические заболевания, живут пять лет и более, что в онкологии считается критерием излеченности.

Таблица 2

Заболеваемость по основным классам болезней в РБ на 1000 человек населения (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) [1, 2, 3]

Классы заболеваний	1995	1998	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	41,9	40,7	44,0	33,9	31,1	30,4	31,0	29,2
Новообразования	5,5	6,5	7,2	9,4	9,3	8,7	9,2	8,8
Болезни системы кровообращения	16,9	17,7	22,5	32,1	39,5	34,0	33,1	40,4
Болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ и иммунитета	6,4	10,8	13,3	13,5	10,2	10,3	9,8	9,0
Болезни органов дыхания	309,3	258,9	307,4	270,3	319,5	309,2	300,9	305,9
Болезни органов пищеварения	69,6	120,1	85,5	49,9	51,0	44,2	43,3	43,5
Болезни кожи и подкожной клетчатки	51,7	53,6	50,2	56,5	62,6	61,1	60,4	59,6
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	23,9	27,7	30,2	35,0	37,4	34,6	34,3	31,4
Болезни мочеполовой системы	38,5	42,3	51,8	54,5	61,7	62,1	59,2	60,0
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	102,1	97,2	102,3	103,9	122,2	121,6	121,7	113,5

На учете в Республиканском онкодиспансере состоят 77 тысяч человек, причем в Уфе заболеваемость злокачественными новообразованиями несколько выше, чем в среднем по республике и составляет 322,9 чел. на 100 тыс. чел. населения. Прежде всего, это связано с возможностью диагностировать заболевание [5]. □ В Уфе высокая выявляемость больных со злокачественными новообразованиями. Рак излечим, если его выявить на ранней стадии, однако темпы роста указанных показателей в Башкортостане несколько выше, чем в среднем по стране.

Заболеваемость населения Башкортостана туберкулезом в 2014 г. отмечалась снижением впервые выявленными активными формами туберкулеза на 1,0%. Показатель заболеваемости на 100 тыс. чел. населения составил 20,83 против 21,05 за аналогичный период 2013 г. Среди них туберкулез органов дыхания составил 19,77 на 100 тыс.чел. населения, что на 1,0% ниже уровня соответствующего периода предыдущего года (2013 г. – 19,97). Заболеваемость бациллярной формой туберкулеза составила 5,52 на 100 тыс. чел. населения, что на 0,9% ниже уровня предыдущего года (2013 г. – 5,57)[7].

Из числа инфекционных заболеваний для Республики Башкортостан наиболее актуальной проблемой по разделу природной очаговости является геморрагическая лихорадка с почечным синдромом. По показателям заболеваемости ГЛПС республика занимает лидирующее положение в России: в 2014 г. заболеваемость составила 81,5 на 100 000 населения, что превысило уровень заболеваемости 2013 года в 5,4 раза. На долю Республики Башкортостан приходится 29% всех зарегистрированных больных ГЛПС в Российской Федерации. Среди регионов Приволжского федерального округа Республика Башкортостан по заболеваемости ГЛПС находится на первом месте.

Среди социально значимых заболеваний большое место занимает заболеваемость населения психическими расстройствами и расстройствами поведения. Они включают в себя целый ряд заболеваний. Рассмотрим только часть из них, связанных с употреблением психоактивных веществ. Можно сделать некоторые выводы. Во-первых, исходный уровень заболеваемости населения Башкортостана был ниже общероссийского показателя более чем вдвое. Во-вторых, темпы заболеваемости в республике заметно превышали темпы по России. В-третьих, максимальная заболеваемость населения в Башкортостане пришлась на 2000 г., тогда как в России она достигла пика в 1995 г.[6].

В течение многих лет остается актуальной проблемой высокая заболеваемость болезнями органов пищеварения, уровень которой стабильно превышает показатели по Российской Федерации в 1,3-1,5 раза, по Приволжскому федеральному округу (ПФО) – в 1,3-1,5 раза. За период 2009-2013 годов среднемноголетний показатель заболеваемости в республике составил 46,6 на 1000 населения (по РФ – 34,0). В 2013 году наметилась тенденция снижения и стабилизации показателей заболеваемости по всем перечисленным нозологиям, кроме язвы желудка и двенадцатиперстной кишки среди детей.

Территориями риска заболеваемости населения болезнями органов пищеварения в республике по итогам 2009-2013 годов являются 29 муниципальных образований, из них в городах Межгорье, Кумертау, Бирском, Ишимбайском, Караидельском, Мечетлинском, Мишкинском, Хайбуллинском районах первичная заболеваемость регистрировалась в 1,6-2,8 раза выше среднереспубликанского уровня.

По результатам анализа данных и показателей РИФ СГМ Республика Башкортостан в 2009-2012 годы признана территорией риска по заболеваемости анемиями во всех возрастных группах, в том числе у детей в возрасте до 1 года.

Территориями риска заболеваемости анемиями детей первого года жизни (показатели превышают среднереспубликанские) можно признать: Балтачевский, Федоровский (в 4,1-4,6 раза), Бураевский, Бурзянский, Кигинский (в 2,7-3,0 раза), Гафурийский, Белокатайский, Бижбулякский, Кушнаренковский, Татышлинский, Хайбуллинский, Янаульский районы (в 2,0-2,5 раза), города Сибай, Межгорье, Бирский, Зианчуринский, Калтасинский, Караидельский, Краснокамский, Кугарчинский, Мечетлинский, Салаватский, Стерлибашевский районы (в 1,5-1,8 раза).

В республике сохраняется неблагоприятная ситуация по заболеваемости населения болезнями, связанными с микронутриентной недостаточностью. По данным ФИФ СГМ, Республика Башкортостан в 2009-2012 гг. была отнесена к территориям риска по заболеваемости населения болезнями, связанными с

микронутриентной недостаточностью. Проблемы заболеваний эндокринной системы всегда были актуальны для республики, являющейся биогеохимической провинцией с дефицитом йода и несбалансированным содержанием микроэлементов в окружающей среде. По данным формы №63 «Сведения о заболеваниях, связанных с микронутриентной недостаточностью», в 2013 году в республике зарегистрировано 10471 случай заболевания с впервые в жизни установленным диагнозом, связанным с микронутриентной недостаточностью, или 257,86 на 100 тыс. чел. населения, что ниже уровня 2009 года на 16,5% [7].

Таблица 3

Заболеваемость по основным классам болезней детей в возрасте 0-14 лет на 1000 человек населения (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) [1, 2, 3, 4]

Классы заболеваний	2000 г.		2005 г.		2012 г.	
	РБ	ПФО	РБ	ПФО	РБ	ПФО
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	80,6	107,8	60,7	90,9	55,8	88,5
Болезни системы кровообращения	12,7	9,8	11,9	12,1	7,7	11,2
Болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ и иммунитета	25,4	16,4	24,9	20,4	15,2	18,5
Болезни органов дыхания	766,3	858,6	833,7	1013,5	970,2	1274,4
Болезни органов пищеварения	175,4	77,4	109,1	85,2	85,8	90,6
Болезни кожи и подкожной клетчатки	69,0	75,4	87,6	100,1	84,1	101,0
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	29,8	29,0	46,1	41,4	35,1	43,4
Болезни мочеполовой системы	21,5	21,8	30,4	31,4	27,1	35,4
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	100,7	97,4	120,5	111,2	126,9	117,5

Средние показатели заболеваемости населения скрывают ее различия по демографическим группам: детям и подросткам, взрослому и старшему населению. Значение такого подхода заключается и в том, что подрастающее поколение и взрослое население, с точки зрения перспектив в воспроизводстве населения, играют неодинаковую роль [5]. По всем указанным демографическим группам заболеваемость населения Башкирии имеет тенденцию к повышению. Сложившаяся современная высокая заболеваемость детей и подростков в будущем может отрицательно сказаться на здоровье взрослого населения, на его репродуктивности и трудовом потенциале.

Для российской экономики состояние здоровья населения сегодня следует рассматривать, прежде всего, как ограничитель. Если специфика современных медико-демографических процессов в России, выражающаяся в высоких показателях заболеваемости, инвалидизации и смертности, останется без должного внимания, она в ближайшем будущем может оказаться роковым фактором, который не позволит нашей стране выйти на траекторию устойчивого социально-экономического развития. Необходимость исследования взаимосвязи общественного здоровья и экономики определяется следующими положениями:

– в России уделяется недостаточное внимание фактору человеческого капитала и, в частности, капиталу здоровья как основе социально-экономического развития, что выражается в низких объемах инвестиций в здравоохранение;

– экономические аспекты возможных медико-демографических проблем будущего (оценка экономических последствий снижения численности населения в трудоспособном возрасте и негативных тенденций заболеваемости, инвалидизации и смертности) должны учитываться при народнохозяйственном прогнозировании, поскольку состояние и уровень общественного здоровья, может стать одним из наиболее существенных препятствий развития экономики РБ;

– до настоящего времени не разработаны региональные программы экономической оценки здоровья населения. В условиях большой межрегиональной социально-экономической дифференциации состояние здоровья населения как в РБ, так и в других субъектах РФ, может оказаться значимым фактором развития демографических процессов. В связи с этим необходим региональный анализ экономических аспектов общественного здоровья, что предполагает разработку соответствующих методов.

Библиографический список

1. Здравоохранение в России. 2013: Стат.сб./Росстат. М., 2013. 380 с.
2. Здравоохранение в Республике Башкортостан.2014: Стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2014. С.10,15,50.
3. Медицинское обслуживание населения Республики Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2009. 107 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014. Стат. сб. / Росстат. М., 2014. С.308-310.
5. Сафиуллина Р.М., Территориальные прогнозы населения РБ до 2030 г. //Актуальные проблемы экономической политики: Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С.89-98.
6. Башинформ: информационное агентство [сайт]. URL: www.bashinform.ru/news.
7. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) [Официальный сайт]. URL: www.rosпотребнадзор.ru.

© Сафиуллина Р.М., Сафиуллин М.Р., Насырова Э., 2015. Текст.

Информация об авторах

Сафиуллина Рауза Маратовна (г. Уфа, Россия) – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии, Башкирский государственный университет (450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; e-mail: rmsafiullina@yandex.ru).

Сафиуллин Марат Радикович (г. Уфа, Россия) – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры экономической географии, Башкирский государственный университет (450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; e-mail: Marek1987@yandex.ru).

Насырова Эльвина Венеровна (г. Уфа, Россия) – бакалавр кафедры экономической географии, Башкирский государственный университет (450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; e-mail: pingi94@mail.ru).

THE MAIN TRENDS OF POPULATION HEALTH OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN THE CONDITIONS OF MARKET RELATIONS

Abstract. *The article analyzes the territorial-structural features and trends of the population of Bashkortostan for the period of market transformations. The main trends in demographic processes and geodemographic situation in urban and rural areas are identified. The dynamics of general morbidity of population according to the main classes of diseases, by demographic groups, the problems and factors of health and demographic development of the Republic of Bashkortostan are considered.*

Keywords: morbidity, main classes of diseases, geodemographic situation, economic evaluation of population health.

Information about the authors

Safiullna Rausa Maratovna (Ufa, Russia) – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Chair of Economic Geography, Bashkir State University (32, Zaki Validi str., Ufa, 450076, , Republic of Bashkortostan, Russia; e-mail: rmsafiullina@yandex.ru).

Safiullin Marat Radikovich (Ufa, Russia) – Candidate of Geographical Sciences, Assistant Professor of The Chair of Economic Geography, Bashkir State University (32, Zaki Validi str., Ufa, 450076, , Republic of Bashkortostan, Russia; e-mail: Marek1987@yandex.ru).

Nasyrova Elvina Venerovna (Ufa, Russia) – Bachelor of the Chair of Economic Geography, Bashkir State University (32, Zaki Validi str., Ufa, 450076, , Republic of Bashkortostan, Russia; e-mail: pingi94@mail.ru).

УДК 914.705

Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М.

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-СТРУКТУРНАЯ ОЦЕНКА ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ*

Аннотация. *Характеризуются территориально-структурные особенности и тенденции рождаемости, смертности, миграционных процессов населения арктических территорий за период рыночных преобразований. Выявлены основные тренды изменения геодемографической ситуации арктических территорий: сокращение численности, отток населения за пределы арктических территорий и изменение демографической структуры; стагнация урбанизационных процессов.*

Ключевые слова: арктические территории, население, геодемографическая ситуация, рождаемость, смертность, миграционные процессы.

Понимание экономического и стратегического значения для развития экономик арктических территорий России требует изменения социально-экономической политики в отношении этого региона. Например, в отличие от России, правительство Канады проводит селективную политику по отношению к северным регионам. Арктические регионы рассматриваются федеральной властью в качестве долговременной основы развития страны, ресурсной базы для ее будущего процветания. Северные территории Канады рассматриваются как устойчиво развивающиеся социо-эколого-экономические системы. Это

* Исследование выполнено в рамках госзадания ИСЭИ УНЦ РАН по теме №0253-2014-0001 «Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноразмерных социально-экономических систем с позиций обеспечения национальной безопасности» (№ ГР 01201456661).

обеспечивается правительством Канады как за счет реализации целевых программ (строительство жилья и т.д.), так и путем оптимизации существующих трансфертных отношений [4].

К ключевым вопросам, которые обсуждались на саммите АТЭС в г. Владивостоке в сентябре 2012 года, было отнесено использование территории России для транзита грузов азиатских и европейских стран не только через Транссибирскую магистраль, но и Северный морской путь. Поэтому возрождение Северного морского пути могло бы стимулировать социально-экономическое развитие арктических территорий России. Для решения этих важных проблем необходимо усиление хозяйственного, инфраструктурного, а также, геодемографического и расселенческого освоения арктических территорий России. Поэтому важно оценить геодемографическую ситуацию в этом регионе, развитие урбанизации как одного из важнейших процессов социально-экономического, расселенческого освоения территории.

Экономико-географическое изучение населения, связей между конкретными социально-экономическими и демографическими процессами в территориальном разрезе предполагает исследование с системных позиций. Геодемографическая ситуация отражает совокупность исторически сложившихся на определенной территории связей демографических процессов и структур с системой расселения, социальной инфраструктурой, образом жизни пространственно локализованных групп населения территориально-производственных систем. На складывающуюся геодемографическую ситуацию оказывает влияние совокупность факторов: демографических, экономических, социальных, расселенческих, экологических [6, с.7-8].

Население территории имеет двойственную экономическую форму: с одной стороны, оно выступает как производитель материальных и духовных благ, с другой – как потребитель конечной продукции и услуг. Численность и структура населения влияет на производственные возможности экономики, а также структуру и размеры производства предметов потребления и услуг. Взаимосвязь геодемографических процессов и социально-экономического развития проявляется многообразно — в территориальной организации хозяйства и распределении национального дохода, в накоплении и потреблении, в обеспечении эффективного территориального использования экономически активного населения и регулировании миграционных трудовых потоков, в эффективной территориальной организации системы здравоохранения и социального обеспечения.

При государственной политике массового заселения районов Крайнего Севера в середине 20 века в России использовались сначала в основном неэкономические методы – репрессии, депортация, трудовая вербовка, переводы по работе. В результате почти все пришлое население арктических территорий России, особенно западной ее зоны, «...чувствовали себя ... не постоянными жителями, а долговременными гостями; они прибывали туда на срок не более своего укороченного трудового стажа, после чего собирались жить «почеловечески» на «материке» в качестве еще не старых привилегированных пенсионеров» [5, с.133]. Поэтому до сих пор большинство жителей арктических территорий России не застраховано от необходимости репатриации на внутрироссийскую «историческую родину» в случае ухудшения социально-

экономической ситуации, как это случилось на начальном этапе рыночных преобразований в 1990-х годах.

Геодемографическая ситуация в арктических территориях России характеризуется процессами убыли населения, сокращения численности и доли детей, демографическим старением. С учетом произведенных территориальных корректив по муниципальным образованиям, общая численность населения в арктических территориях России за 25 лет сократилась на 950 тыс. человек, или на 21,5%. Исключение составляет только Ямало-Ненецкий АО, где благодаря хозяйственному развитию (проекты по добыче природного газа), численность населения продолжает увеличиваться (выросла на 11,1%). При этом численность населения арктических улусов Республики Саха (Якутия) уменьшилась на 65,5%, арктических районов Чукотского АО – на 58,6% (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения арктических территорий России, тыс. чел. (сост. по: [2, 3])

№ п/п	Субъект	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
1	Архангельская область в т.ч. Ненецкий АО	1515 55	1285 41	1237 43	1225 42	1213 42	1202 43	1192 43
2	Мурманская область	1165	893	800	794	731	723	714
3	Республика Саха (Якутия)	1094	948	959	958	956	956	955
4	Таймырский Долгано-Ненецкий) АО	55	39	34	-	-	-	-
5	Чукотский АО	58	30	51	51	34	34	34
6	Ямало-Ненецкий АО	486	503	524	525	537	542	540
	Итого	4428	3739	3648	3595	3513	3500	3478

Сокращение численности населения арктических территорий России обусловлено в первую очередь сокращением рождаемости и ростом смертности (табл. 2, 3).

Таблица 2

Динамика уровня рождаемости населения арктических территорий России, на 1000 жителей (сост. по: [2, 3])

№ п/п	Субъект	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
1	Архангельская область в т.ч. Ненецкий АО	15,1 16,7	10,4 14,7	12,6 16,6	12,2 15,0	12,6 17,3	12,8 16,4
2	Мурманская область	12,9	9,8	11,6	11,4	11,8	11,9
3	Республика Саха (Якутия)	21,1	14,6	16,8	17,1	17,8	17,5
4	Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	15,6	15,4	н/д	н/д	н/д	н/д
5	Чукотский АО	14,3	12,0	14,8	13,7	14,0	13,1
6	Ямало-Ненецкий АО	16,3	13,1	15,8	15,6	16,6	16,8
	Россия	14,6	9,7	12,5	12,6	13,3	13,2

Таблица 3

Динамика уровня смертности населения арктических территорий России
(на 1000 жителей) (сост. по: [2, 3])

№ п/п	Субъект	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
1	Архангельская область, в т.ч.	9,3	17,5	14,6	13,8	13,8	13,4
	Ненецкий АО	7,0	14,9	11,8	10,4	10,2	10,7
2	Мурманская область	5,8	13,2	11,9	11,5	11,3	11,0
3	Республика Саха (Якутия)	6,1	10,2	9,8	9,4	9,3	9,7
4	Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	6,7	10,1	н/д	н/д	н/д	н/д
5	Чукотский АО	3,9	11,3	14,1	11,1	11,4	9,5
6	Ямало-Ненецкий АО	3,3	5,8	5,5	5,4	5,4	5,1
	Россия	10,7	16,2	14,2	13,5	13,3	13,0

Для миграционных процессов – второго компонента формирования численности населения арктических территорий – на современном этапе характерна в целом негативная тенденция. Абсолютное отрицательное сальдо миграционного потока в 2013 году составило 37 тыс. человек (табл. 4).

Таблица 4

Динамика миграционного прироста (убыли) населения арктических территорий России (на 1000 жителей) (сост. по: [2, 3])

№ п/п	Субъект	2010	2011	2012	2013
1	Архангельская область	-8,0	-9,4	-7,3	-8,5
	в т.ч. Ненецкий АО	-0,1	+0,1	1,2	-0,3
2	Мурманская область	-6,7	-6,1	-10,2	-12,9
3	Республика Саха (Якутия)	-7,1	-9,8	-8,8	-9,6
4	Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	н/д	н/д	н/д	н/д
5	Чукотский АО	-0,9	+0,5	-6,6	-7,0
6	Ямало-Ненецкий АО	-3,3	+9,1	-2,1	-15,0
	Итого	-26,1	-15,6		
	Россия	+1,9	+2,2	2,1	2,1

Переход к рыночной экономике и начало коренных преобразований в социально-экономическом развитии в условиях гиперинфляции привели в 1990-ые годы к тому, что все северные и прочие надбавки к зарплате перестали стимулировать приток трудовых мигрантов в арктические территории России.

С начала 1990-х годов трудовые мигранты стали возвращаться обратно на «большую землю», то есть покидать арктические территории России. Большие различия в природных условиях, уровне и трендах развития экономики, социальной сферы, этнического состава населения арктических территорий России обуславливают территориально-структурные различия в интенсивности, объеме, направлениях миграции, которые оказывали, и будут продолжать оказывать влияние на воспроизводство населения и трудовых ресурсов.

Следует отметить и наметившиеся тенденции по изменению национального состава населения арктических территорий под влиянием миграционных процессов. Например, доля народов из государств Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия) и регионов Северного Кавказа России в национальном составе

ЯНАО возросла с 1,58% в 1979 г. до 5,24% в 2010 г., а абсолютная численность – увеличилась с 1,3 до 28,0 тыс. человек, то есть в 21,2 раза за 20 лет. Доля народов из республик Средней Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан) возросла соответственно с 0,26% до 1,31%, а абсолютная численность увеличилась с 0,4 до 7,0 тыс. человек, то есть в 16,8 раза за 20 лет.

Арктические территории России, исходя из уровня социально-экономического развития, хозяйственной, расселенческой, инфраструктурной и транспортной освоенности, можно условно разделить на две зоны:

– западную – как более развитую и освоенную, включающая Мурманскую, Архангельскую области, Ямало-Ненецкий АО;

– восточную – как слаборазвитую и малоосвоенную, включающую Таймырский АО, пять северных приморских улусов Республики Якутия и четыре приморских района Чукотского АО (табл. 5).

Таблица 5

Основные характеристики арктических территорий России в 2012 г. (сост. по: [1, 3])

Территории	Площадь, тыс. кв. км.	Численность населения, тыс. чел.	Плотность населения, чел. на кв. км	Производство ВРП на душу населения, тыс. руб. (в целом по субъекту)
<i>Западная зона</i>				
Мурманская область	144,9	731	5,5	358
Архангельская область	104,2	1213	6,3	388
Ямало-Ненецкий АО	750,3	537	0,7	2212
Итого:	999,4	2481	1,97	2958
<i>Восточная зона</i>				
Таймырский АО	862,1	34	0,04	371
Улусы Республики Якутия	593,9	29	0,05	565
Районы Чукотского АО	398,0	34	0,06	960
Итого:	1854,0	97	0,05	1896
<i>Всего:</i>	<i>2853,4</i>	<i>2568</i>	<i>0,7</i>	<i>4854</i>

Таким образом, арктические территории России отличаются огромными пространственными, геодемографическими, урбанизационными и миграционными контрастами. В целом для арктических территорий России характерны следующие негативные тренды: во-первых, это территории «бегства» населения; во-вторых, это территории «бегства» прежде всего городского населения; в-третьих, на современном этапе эти территории находятся в состоянии социально-экономической стагнации (за исключением ЯНАО и Норильского промышленного узла).

На основе анализа геодемографической ситуации арктических территорий на уровне субъектов России выявлено следующее:

– сокращение численности населения арктических территорий, обусловленное в первую очередь сокращением рождаемости и ростом смертности;

– наличие высокой дифференциации миграционных процессов по интенсивности, объему и направленности, оказывающей значительное влияние на воспроизводство населения и трудовых ресурсов;

– для миграционных процессов региона на современном этапе характерна в целом негативная тенденция: отрицательное сальдо миграционного потока. Переход к рыночной экономике и начало коренных преобразований в социально-

экономическом развитии в условиях гиперинфляции привели в 1990-е годы к тому, что все северные и прочие надбавки к зарплате перестали стимулировать приток трудовых мигрантов в арктические территории России, за исключением Ямало-Ненецкого АО;

– отток населения за пределы арктических территорий, наблюдающийся с 1990 года, оказывает негативное влияние на демографическую структуру населения. В связи с наступившим экономическим кризисом миграционный отток наряду с естественной убылью населения начинает определять тенденцию абсолютного сокращения населения этих территорий;

– игнорирование территориального движения населения в условиях рыночной экономики может усложнить проблему занятости населения и усилить отставание арктических регионов в социально-экономическом развитии;

– стагнация урбанизационных процессов, являющаяся индикатором длительного застоя в социально-экономическом развитии большинства арктических территорий России.

Исходя из оптимистического варианта социально-экономического развития арктических территорий России, на основе сформулированной государственной цели по возрождению Северного морского пути и введения в разработку шельфовых запасов углеводородных ресурсов российской Арктики, в ближайшей перспективе следует ожидать существенных территориальных изменений в численности населения, в урбанизационных процессах и миграционных потоках населения.

Библиографический список

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014. Стат. сб. / Росстат. М., 2014. С.348-350.
2. Российский статистический ежегодник. 2014: Стат.сб./Росстат. М., 2014. С.76-78.
3. Демографический ежегодник России. 2001: Стат.сб./Росстат. М., 2001. 403 с.
4. Неверова А.Л. Проблема сохранения северных территорий в Канаде (на примере Northern Contaminated Sites Program). Благовещенск: 2012. 31с.
5. Родоман Б.Б. Страна перманентного колониализма //Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). М.: ИГ РАН, 2008. С.131-138.
6. Сафиуллина Р.М., Гришина Т.П. География населения с основами демографии и этнографии. Уфа: БашГУ, 2009. 147 с.

© Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., 2015. Текст.

Информация об авторах

Сафиуллин Радик Газизович (г. Уфа, Россия) – доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой экономической географии, Башкирский государственный университет (450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; e-mail: SafiullinRG@yandex.ru).

Сафиуллина Рауза Маратовна (г. Уфа, Россия) – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии, Башкирский государственный университет (450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; e-mail: rmsafiullina@yandex.ru).

TERRITORIAL-STRUCTURAL ASSESSMENT OF THE GEOGRAPHIC AND DEMOGRAPHIC SITUATION OF THE ARCTIC TERRITORIES OF RUSSIA

Abstract. *Territorial and structural features and trends of fertility, mortality, migration in the Arctic territories for the period of market transformations are characterized. The main trends of geodemographic situation changes in the Arctic territories (population decline, its out-flow outside the Arctic territories and demographic structures changing, stagnation of urbanization processes) are identified.*

Keywords: Arctic territory, population, geographic and demographic situation, fertility, mortality, migration processes.

Information about the authors

Safiullin Radik Gasisovich (Ufa, Russia) – Doctor of Geographical Sciences, Professor, Head of the Chair of Economic Geography, Bashkir State University (32, Zaki Validi str., Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russia; e-mail: SafiullinRG@yandex.ru).

Safiullina Rausa Maratovna (Ufa, Russia) – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Chair of Economic Geography, Bashkir State University (32, Zaki Validi str., Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russia; e-mail: rmsafiullina@yandex.ru).

УДК 314.4 : 332.1

Сухинин С.А.

МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Рассматриваются медико-демографические особенности воспроизводства населения Ростовской области, исходя из комплекса факторов, их обуславливающих. Дается характеристика динамики численности и воспроизводства населения Ростовской области на рубеже XX-XXI веков, современные черты общественного здоровья.*

Ключевые слова: население, Ростовская область, рождаемость, смертность, демографическая ситуация.

Ростовская область является одним из крупнейших регионов Юга России, занимая второе место как по площади территории (101 тыс. км², после Волгоградской области), так и по численности населения (4,2 млн чел., уступая Краснодарскому краю) [6]. Динамика численности населения Ростовской области отличается сменой типов воспроизводства населения. До начала 90-гг. XX в. Ростовская область отличалась естественным приростом населения (более 3‰ в год) и ростом числа жителей. В 1990 г. в результате сокращения рождаемости и роста уровня смертности произошел переход от расширенного к простому типу воспроизводства, а с 1992 г. до настоящего времени в области наблюдается суженное воспроизводство населения. За истекшие 25 лет динамика рождаемости в Ростовской области имела сложный характер. В конце XX в. ее уровень снизился почти в два раза – с 12,5‰ в 1990 г. до 7,6‰ в 1999 г., достигнув своего минимума [5]. Только начиная с 2000 г., вследствие активной реализации мер демографической политики, и прежде всего финансовой поддержки материнства и детства, уровень рождаемости стал постепенно выравниваться – до 9,2‰ в 2005 г., 10,9 в 2010 г. и 12,2‰ в 2014 г. [7]. Однако более инертный характер динамики смертности и ее запаздывание в изменении ее уровней по сравнению с

рождаемостью, привело к сохранению естественной убыли населения до настоящего времени. Наибольшей величины естественная убыль населения достигала в 2001-2002 гг., составляя -7,5%, а к 2014 г. снизилась до -1,9% [6]. В итоге Ростовская область входит в половину субъектов Федерации, где наблюдается отрицательный естественный прирост, занимая по данному показателю в 2013 г. 58-е место из 85 субъектов [7].

В пределах области заметны значительные территориальные различия демографических процессов. Если за период 2006-2013 гг. общая численность населения области сократилась на 49 тыс. чел., т.е. более чем на 1%, то численность жителей ядра центрo-периферийной структуры области, концентрирующего в себе большую часть населения области (40,5%) и объединяющего г. Ростов-на-Дону с близлежащими городами и районами, образующими Ростовскую агломерацию, за данный период увеличилось на 87 тыс. чел. Причем большую часть данного прироста обеспечил г. Ростов-на-Дону (численность его населения за рассматриваемый период возросла 54 тыс. чел.) и ближайшие к нему города-спутники (Батайск, Аксай), а сам прирост численности жителей в условиях естественной убыли обеспечен только миграцией населения. В то же время более благоприятная демографическая ситуация наблюдается в пределах ядра области по сравнению с другими пространственными зонами, поскольку в них наблюдается сокращение численности жителей как по причине естественной убыли населения, так и устойчивого оттока населения. Таким образом, демографическое развитие периферийной зоны Ростовской области совпадает с общероссийской депопуляционной тенденцией в сельской местности, что ослабляет демографический потенциал периферии.

Важнейшим индикатором медико-демографических особенностей общества является смертность как составляющая воспроизводства населения. Общий уровень смертности населения Ростовской области, начиная с 1990 г. постоянно повышался – с 12,5% до 16,5% в 2002 г. [8]. В 2002-2013 гг. он имел тенденцию понижения, достигая 13,8% в 2013 г. [6], что является результатом развития медицины и здравоохранения на основе внедрения современных стандартов лечения и профилактики заболеваний, более активного распространения здорового образа жизни, общего улучшения социально-экономической ситуации в стране и в регионе.

По уровню смертности Ростовская область занимает 46-е место среди субъектов Федерации, но в то же время это наиболее высокий показатель среди 13 регионов Юга России (в границах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов) [7]. Это связано с более высокой продолжительностью жизни населения, преобладанием городского населения, высокой долей населения старших возрастов, а следовательно – повышенной смертностью среди данной возрастной категории населения [3]. Эти же причины объясняют и более замедленную интенсивность снижения смертности за период 2005-2013 гг. в Ростовской области в сравнении с другими южнороссийскими регионами. Если в Астраханской области общий коэффициент смертности снизился за данный период на 3,2%, в Краснодарском крае – на 2,8%, Ставропольском крае на – 2,5%, в Волгоградской области – на 2,2%, в Республике Адыгея – на 2,1%, то в Ростовской области снижение составило 2%, но это значительно существеннее, чем в Калмыкии и в северо-кавказских республиках [2].

Несмотря на общее уменьшение смертности, в Ростовской области до настоящего времени продолжается депопуляция. Отрицательный естественный прирост населения из-за повышенного уровня смертности не преодолен даже более значительным миграционным приростом, что обуславливает и сокращение численности населения. Суженное воспроизводство населения, связанное с превышением смертности над рождаемостью, наблюдается в области уже на протяжении двух десятилетий. Отметим также, что Ростовская область демонстрирует самый высокий уровень естественной убыли населения, в то время как в большинстве субъектов Юга России (кроме Волгоградской области и Адыгеи), вследствие прогресса мер демографической политики, в последние годы произошел переход к простому или расширенному (в кавказских республиках) типу воспроизводства населения.

Анализ территориальных различий смертности населения области позволяет выявить более высокий ее уровень в сельской местности, по сравнению с городской. Так, к примеру, в 2008 г. в среднем на каждую тысячу горожан в регионе отмечалось более 14 случаев смерти, а в сельской местности – более 15; в 2013 г. различия в уровнях смертности соответственно составляли 13,4‰ и 14,5‰ [6]. Причем в ряде административно-территориальных единиц уровень смертности выше заметно среднеобластного: среди муниципальных районов выделяется прежде всего Каменский (19‰); Милютинский, Песчанокопский – 18‰; Боковский, Чертковский, Тарасовский, Красносулинский, Кашарский районы – 17‰; а среди городов – Таганрог (16,1%), Гуково, Донецк, Зверево – более 15‰ [6].

В сельских районах смертность населения выше общерегионального уровня за счет более значительной доли людей пожилого возраста, а городах Восточного Донбасса – по причине неблагоприятной социально-экономической ситуации, сверхвысокой смертности мужчин в связи с травматизмом и аварийностью на производстве, распространением пагубных привычек [1, 2]. В целом же города области отличаются более низким уровнем смертности по сравнению с муниципальными районами, что связано с более высокой долей молодых возрастов в них.

Для Ростовской области характерен своеобразный парадокс: наиболее интенсивная естественная убыль населения (по причине более высокой смертности и относительно низкой рождаемости) наблюдается в городах и муниципальных районах сельской полупериферии при более благополучной миграционной ситуации, в то время как периферийная зона обеспечивает общий миграционный прирост населения области при сравнительно более низкой естественной убыли населения. В итоге, наиболее негативная степень проявления суженного воспроизводства населения, установившегося в полупериферийной зоне Ростовской области с начала 1990-х гг., объясняется преобладанием в ее пределах городов и городского населения, в популяционной структуре которых (аналогично тому, как это происходит и в городах других регионах России) выше уровень смертности (15,8‰ в сравнении с 15,2‰ в зоне периферии и 13,2‰ в центре области) и ниже уровень рождаемости (10,8‰ в сравнении с 12‰ в центре и 12,2‰ в периферийной зоне) [Там же].

Негативными последствиями затяжного демографического кризиса является значительная деформация половозрастной структуры населения – снижение доли

детей и молодежи при более высокой доли пожилых людей. Так, на сельской периферии доля населения старше трудоспособного возраста по состоянию на 2013 г. составляет 17,8%, в полупериферийной зоне – 15,5%, а в пределах экономического центра области, объединяющего Ростов-на-Дону с соседними городами-спутниками и близлежащими районами, – 14,5%. Сравнение повозрастных коэффициентов смертности указывает на ее повышенный уровень среди мужчин во всех возрастных группах.

Структура причин смерти населения Ростовской области достаточно многообразна. Ведущую позицию среди них занимают болезни системы кровообращения – более половины всего числа зарегистрированных смертей (56% в 2013 г.), что подтверждает их известное название «болезни века». Значительную долю сердечно-сосудистых заболеваний (80-90%) составляют ишемическая болезнь сердца и сосудистые поражения мозга, распространению которых способствуют нервное напряжение в условиях нестабильности социально-экономических условий жизни населения и ускорения темпов трудовой деятельности, низкая физическая активность, курение, нерациональное питание, злоупотребление алкоголем [3, 4]. В то же время, смертность от болезней системы кровообращения с 2005 г. имеет тенденцию некоторого снижения, что связано с активным внедрением превентивных мер предотвращения болезней сердца, профилактики инсультов и инфарктов, оперативного реагирования экстренной медицинской помощи на возникшие заболевания, в том числе и использованием современных методов их лечения.

Злокачественные новообразования занимают второе место среди всех причин смерти. Ежегодно в области регистрируется более 8 тысяч случаев смерти от этой группы заболеваний и их число постоянно увеличивается: если в 2000 г. они составляли 13,1% всех смертей, то в 2008 г. – 14,0 %, а в 2013 г. – 14,3% [6, 8]. В определенной степени смертность от злокачественных образований зависит от санитарной культуры населения, распространения пагубных привычек. Так, исследования подтверждают давно доказанное положение связи рака легкого с курением. Мужчины за эту привычку расплачиваются в несколько раз большей смертностью от этой болезни, чем женщины. Забота о собственном здоровье, раннее активное выявление заболеваний, их точный учет, широкое применение комплексных методов лечения способны снизить смертность от онкологических заболеваний [4].

Большим остается число смертей, связанных с болезнями органов дыхания и пищеварения. Причем растет как доля каждой из этих групп причин смертности, так и их уровень. Смертность от болезней органов пищеварения увеличилась с 2,7% в 2000 г. до 4,2% в 2013 г., выйдя, таким образом, с четвертого на третье место среди причин смертей. Такая негативная тенденция увеличения объясняется ухудшением качества питания и высокой алкоголизацией, вызывающей заболевания желудочно-кишечного тракта. Рост болезней органов дыхания связан преимущественно с распространением курения, смертность от данной группы причин составляла в 2013 г. 2,8% в сравнении с 2,5% в 2005 г. и 2,3% в 2008 г.. Стабильной на протяжении 15 лет остается доля смертности от инфекционных и паразитарных болезней – около 15% зарегистрированных случаев [Там же]. Большинство из них составляют летальные исходы от различных форм туберкулеза.

Несчастные случаи, отравления и травмы, т.е. смертность от внешних причин, составляют около 15% всех смертей в регионе. Высокому уровню смертности от данной группы причин способствуют такие факторы, как развитие автоматизации и механизации производственных процессов, автомобилизация, широкое применение в быту различных технических приборов и химикатов. Определенное влияние на уровень смертности от травматизма и других несчастных случаев оказывает употребление спиртных напитков, что в частности подтверждает и достаточно большое число отравлений алкоголем, а также случайные утопления, что объясняется низким уровнем культуры поведения отдыхающих на воде, пренебрежением правилами купания в водоемах, а зачастую отсутствием элементарных навыков плавания и оказания первой медицинской помощи утопающим, недостаточной оснащенностью мест водного отдыха спасательными средствами [1]. В то же время за 2000-2013 гг. отмечено существенное снижение числа суицидов и убийств – с 899 до 302 случаев самоубийств соответственно и с 758 до 167 случаев убийств, что объясняется позитивными изменениями криминогенной ситуации в регионе, улучшением качества и уровня жизни общества, мерами психологической помощи населению.

Особый интерес для анализа в качестве индикатора здоровья детей представляет младенческая смертность. Она является одной из важнейших характеристик социально-экономических условий жизни населения, прежде всего, беременных женщин и детей, уровня санитарно-гигиенической культуры общества, эффективности службы охраны здоровья матери и ребенка [3]. Смертность в этом возрасте обычно значительно превосходит ее уровни во всех последующих возрастных группах, за исключением пожилого и старческого возрастов.

В Ростовской области во второй половине в 2000 г. уровень младенческой смертности составлял около 18,2‰ [6] и, несмотря на снижение, оставался несколько выше аналогичного показателя в развитых странах мира, где она в среднем равна 9‰. Анализ представленных данных за исследуемый период позволяет выявить общее снижение ее абсолютных масштабов, с 642 случаев в 2000 г. до 5894 в 2005 г., 459 в 2008 г. и 449 в 2012 г., что отразилось и на уменьшении уровня младенческой смертности до 14,9‰ в 2005 г., 10,1 в 2008 г. и 9,1‰ в 2012 г. [6, 8]. Отметим, однако, что в 2013 г. отмечено некоторое выравнивание тенденции снижения уровня младенческой смертности – ее рост до 9,5‰ (473 случая смертей). По уровню младенческой смертности Ростовская область занимает 62-е место среди субъектов Российской Федерации, уступая всем регионам Южного федерального округа (кроме Волгоградской области), но опережая республики Северного Кавказа (кроме Кабардино-Балкарии) [7].

Среди причин смерти у младенцев до 1 года преобладают эндогенные, связанные с врожденными аномалиями (пороками развития), деформациями и хромосомными нарушениями – 23,9%, а также состояниями, возникшими в перинатальном периоде – 47,6%. На их долю в совокупности приходится три четверти всех зарегистрированных случаев летальных исходов. Зарегистрировано также большое число младенческих смертей от инфекционных и паразитарных болезней (4,9%), болезней органов дыхания (3,4%), несчастных случаев, отравлений и травм (2,5%) [6].

Интегральным медико-демографическим индикатором является ожидаемая продолжительность жизни населения при рождении. Ее динамика в Ростовской

области полностью коррелирует с особенностями демографической ситуации, тенденциями социально-экономического развития и соответствует общероссийской закономерности. После снижения с 69,4 лет в 1990 г. до 66,3 лет в 2003 г., она имеет положительную динамику и к настоящему времени составляет 71,4 года для всего населения, 66,3 лет для мужчин и 76,3 лет для женщин, что соответствует средним уровням по Южному федеральному округу и Российской Федерации в целом [7].

Для снижения смертности, как главной составляющей, определяющей в настоящее время режим воспроизводства населения, необходимо продолжение реализации действенных социально-экономических механизмов повышения жизненного уровня населения, реформирования системы здравоохранения и медицинского обслуживания в направлении повышения качества предоставляемых услуг (в том числе высокотехнологичных), расширение спектра действия страховой медицины, осуществления социальных мер по развитию здорового образа жизни, которые должны предпринять как государство, так и само население.

Для улучшения здоровья населения и повышения уровня развития здравоохранения в области реализуется приоритетный национальный проект «Здоровье». Он предусматривает создание новых федеральных центров современных медицинских технологий, оказание высокотехнологичной медицинской помощи, модернизацию и переоснащение учреждений здравоохранения, проведение специализированных научных исследований и внедрение их прогрессивных результатов в медицинскую практику, открытие многочисленных центров здоровья, направленных на раннюю диагностику и профилактику заболеваний, распространение здорового образа жизни [3]. Наиболее востребованными видами медицинской помощи являются онкология, сердечно-сосудистая хирургия, травматология и ортопедия, нейрохирургия и офтальмология. Эти меры должны повысить доступность многопрофильной специализированной медицинской помощи жителям региона, снизить общую и особенно младенческую смертность, способствовать росту средней продолжительности жизни населения и улучшению здоровья как одного из аспектов качества жизни общества, а в конечном итоге – выходу из затянувшегося демографического кризиса и улучшению демографической ситуации.

Библиографический список

1. Анопченко Т.Ю. Оценка эколого-экономических показателей риска здоровью населения в Ростовской области // Экономический вестник ЮФО. 2006. № 4. С. 58-63.
2. Ревунов Р.В., Сухинин С.А. Юг России в контексте глобальных социальных и эколого-экономических проблем // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического университета). Научно-образовательный и прикладной журнал. Серия «Социально-экономические науки». 2012. №2. С. 219-227.
3. Сухинин С.А. Уровень, динамика и детерминанты смертности населения Приднестровского региона Республики Молдова на рубеже XX-XXI веков // Современные исследования социальных проблем. Научный журнал, 2010. № 4.1 (04). С. 673-678.
4. Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.
5. Юг России институты и стратегии модернизации экономики / Под ред. А.Г. Дружинина, Ю.С. Колесникова, В.Н. Овчинникова. М: Вузовская книга, 2014. 408 с.

6. Ростовская область в цифрах 2013: Стат.сб. Ростов-на-Дону: Ростовстат, 2014. 906 с.

7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

8. Статистический ежегодник. Ростовская область 2005: Стат.сб. / Ростовстат – Ростов-на-Дону, 2006. 854 с.

© Сухинин С.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Сухинин Сергей Александрович (г. Ростов-на-Дону, Россия) – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных наук Высшей школы бизнеса Южного федерального университета (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 160; e-mail: suhmax@mail.ru).

Sukhinin S.A.

MEDICAL AND DEMOGRAPHIC FEATURES OF REPRODUCTION OF POPULATION IN ROSTOV REGION

Abstract. *This article reviews medical and demographic characteristics of population reproduction in Rostov region proceeding from a complex of causing factors. The characteristic of population dynamics and population reproduction in Rostov region at a turn of XX-XXI centuries, modern features of public health are given.*

Keywords: population, Rostov region, births, deaths, demographic situation.

Information about the author

Sukhinin Sergey Aleksandrovich (Rostov-on-Don, Russia) – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, North Caucasus Research Institute of Economics and Social Sciences, Higher School of Business, Southern Federal University (160, Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia; e-mail: suhmax@mail.ru).

УДК 314.93

Талалаева Г.В.

ТИТУЛЬНАЯ ИЛИ ГИБРИДНАЯ НАЦИЯ: АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ДЕМОГРАФИИ УРАЛА

Аннотация. *Формирование Евразийского экономического союза создает новые перспективы для трудовой миграции, интеграции мигрантов в социально значимые сферы экономики, повышения их роли в реализации семейно-брачного и репродуктивного поведения коренных жителей Урала. Процесс оформления гибридной нации взамен титульной пока еще не отражен в федеральной и региональной демографической политике и требует своего осмысления.*

Ключевые слова: волны миграции, титульная нация, гибридная нация, демографическая политика.

Средний Урал, включая Свердловскую область, характеризуется уникальным географическим положением: они находятся на основных путях трудовой миграции, возникших в связи с формированием Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Поэтапное создание Таможенного союза, а затем ЕАЭС сопровождается нарастающей либерализацией условий приема на работу в РФ

граждан ЕАЭС, усилением их социальной защищенности на территории РФ, признанием российскими работодателями дипломов стран ЕАЭС. Мигранты из стран бывшего СНГ традиционно отличаются от уральцев своей большей привлекательностью для работодателей: они не обременены семьей, характеризуются более высокой работоспособностью, меньшей требовательностью к условиям труда, высокой мобильностью. В условиях единого рынка труда, формирующего в рамках ЕАЭС, вышеназванные обстоятельства становятся триггерным механизмом и катализатором перераспределения социально-экономических ролей, традиционно сложившихся между представителями коренного и пришлого населения Урала. Сегодня в Уральском регионе и в Свердловской области наблюдается активный процесс изменения роли мигрантов как социально-экономических акторов. Их социальная роль в жизни региона прогрессивно возрастает на фоне усиливающегося пассивного, рентного, а порой и девиантного поведения коренных жителей. Так, например, одно поколение назад, в конце XX века, мигранты из стран бывшего СНГ ориентировались на выполнение низкоквалифицированных работ; сегодня же они заняли достойные ниши во многих системообразующих сферах социально-экономической жизни региона, включая такие, как транспорт, логистика, сферы питания, услуг, клининга, системы образования, здравоохранения.

В современных условиях формирования единого рынка труда в рамках ЕАЭС, отмены квот для трудовых мигрантов из стран, являющихся членами ЕАЭС, мигранты начинают играть роль, сопоставимую с социально-экономическим статусом коренного населения. Новые правила усиливают остроту конкуренции между коренным и пришлым населением во всех сферах общественной жизни региона, включая социальные, экономические, семейно-брачные отношения. Мигранты, ориентированные на интеграцию в уральский социум, активно используют демографические аспекты данной интеграции, создавая гражданские браки, становясь родителями детей, рожденными в межнациональных гражданских браках, увеличивая тем самым долю детей, рожденных вне брака и умаляя роль семьи как социального института, обеспечивающего духовные «скрепы» общества. Данное демографическое явление не отслеживается технологиями текущего учета и программами переписей населения; остается вне поля зрения лиц, принимающих управленческие решения в сфере демографической политики.

Более того, стратегические программы развития многих уральских вузов, в т.ч. Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина, предусматривают активизацию контактов между учебными заведениями стран ЕАЭС, а также разработку, в качестве приоритетных, тех магистерских программ, которые ориентированы на получение «двойных» дипломов. В последнем случае российская сторона выступает не столько равным, сколько младшим партнером, поскольку, по сравнению с уральскими, ряд университетов Казахстана и Белоруссии имеют более высокий международный статус и их дипломы признаются в странах ЕС.

Вследствие вышеперечисленных причин русские как титульная нация, т.е. нация, составляющая не только численное большинство и определяющая название суверенного государства, но и как общность, определяющая социально-экономические характеристики страны и язык ее образовательной системы, начинает уступать свои позиции другим нациям. Идет процесс формирования

гибридной нации, в которой политические приоритеты пока остаются за нацией, давшей название Российской Федерации; экономические рычаги постепенно переходят под управление диаспор мигрантов из стран бывшего СНГ, а язык преподавания в системе образования и, следовательно, система воспроизводства научно-технической и гуманитарной элиты общества «заточивается» под англоязычные лекала и традиции. Совокупность перечисленных процессов обладает синергетическим эффектом и ускоряет создание в Уральском регионе гибридной нации, в структуре менеджмента которой одновременно присутствуют три отличных друг от друга программы, конфликт между которыми может быть спровоцирован усилением демографических диспропорций в структуре населения региона.

Вышеизложенное побудило нас проанализировать ряд демографических показателей, имеющих косвенное отношение к формированию гибридной нации в российском социуме. В работе мы исходили из определения титульной нации, которое представлено в Большом юридическом словаре [1] со ссылкой на Федеральный закон Российской Федерации от 24 мая 1999 г. ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». В названном словаре титульная нация обозначается как часть населения государства, национальность которой определяет официальное наименование данного государства. Следует отметить, что демографическая трактовка титульной нации несколько иная. В переписях населения РФ 2002 и 2010 гг. в качестве титульных перечисляются национальности, доминирующие в стране и/или в ее административных территориях по численности. «Демографический подход» к определению титульной нации не учитывает историко-культурное, социально-экономическое и политическое значение той или иной общности в текущей жизни и перспективах развития РФ.

Данные, представленные на официальном сайте Росстата, убеждают в том, что, несмотря на наличие волн миграции, вызванных комплексом причин, иммиграция играет существенную роль в формировании структуры населения РФ [3]. В частности, в 2007 году количество легально прибывших в Россию оказалось в шесть раз больше количества выехавших [3]. По данным ФМС, иммиграция покрыла 71 % естественной убыли населения РФ [4].

Этнический состав волн иммиграции за последнюю четверть века был неодинаковым. Первая после распада СССР волна иммигрантов приходится на 90-е гг., она характеризовалась возвращением этнических русских из стран СНГ и укрепляла статус русской нации как титульной нации Российской Федерации. Общее число приехавших в Россию в 1992-2000 гг. оценивается в 8 млн человек.

Вторая волна иммигрантов в РФ приходилась на «нулевые годы», была связана с экономическим ростом в стране. Ее основной состав сформировали временные трудовые мигранты из республик Средней Азии и Закавказья, которые зачастую не владели русским языком и не имели профессии. Большинство иностранцев, временно находящихся в России, были гражданами стран СНГ, преимущественно Украины, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Молдавии. Среди государств, не входящих в СНГ, наибольшее количество мигрантов были выходцами из Китая, Вьетнама, Афганистана, Турции.

В силу невысокой квалификации, отсутствия образования и соответствующих дипломов, позволяющих им занимать ключевые должности в

экономике и социальной жизни российского общества, вторая волна иммиграции также не внесла существенных изменений в титульный статус русской нации.

Более того, суммарно первые две волны иммиграции в РФ укрепили доминирующее положение русского этноса в демографической структуре населения. Этнический состав миграционного прироста населения России за 1992-2007 годы был следующим [2]: русские — 65,1 %, армяне — 7,2 %, украинцы и белорусы — 6,6 %, татары — 5,4 %, азербайджанцы — 2,3 %, башкиры, марийцы, мордва, удмурты и чувашаи — 1,9 %, другие народы России — 2,0 %, остальные — 9,5 %.

Специфика первых двух волн иммиграции создала иллюзию стабильности социальных институтов РФ, их непоколебимости и неизменности под напором волн трудовых мигрантов, которые сегодня в ЕС осознаются как угроза политической стабильности и обозначаются термином «миграционная бомба».

Эти процессы связаны с увеличением доли мигрантов в структуре численности населения страны до тех уровней, которые могут стать критической массой для самопроизвольной трансформации социальных институтов и инфраструктурных характеристик страны. Опасность данной трансформации усугубляется значительным количеством нелегальных иммигрантов. Известно, что Россия находится на втором месте (после США) по числу законных и нелегальных иммигрантов, проживающих на территории страны. Их число в РФ, по мнению экспертов ООН, оценивается на уровне 13 млн человек (около 9 % населения), по данным Федеральной миграционной службы – на уровне 20 млн человек, из которых 10 млн человек трудятся нелегально.

В рамках демографической политики России данному социально-политическому аспекту иммиграции до сих пор не уделялось достаточно внимания. Влияние трудовой иммиграции на российское общество принято анализировать с экономической точки зрения. При этом отмечается, что привлечение иммигрантов как дешевой рабочей силы в краткосрочной перспективе и в определенном объеме оказывает положительное влияние на российскую экономику, т.к. повышает ее конкурентоспособность. Количество трудовых мигрантов, способных обеспечить благосостояние населения России, оценивается величиной как минимум в 20 миллионов иммигрантов. В долгосрочной перспективе прогнозируется негативное влияние на экономику России дешевого труда низкоквалифицированных иммигрантов, т.к. ввиду недостаточной квалификации и низкой производительности труда они не смогут обеспечить повышение рентабельности предприятий и сферы услуг [5].

Казалось бы, решением этого противоречия является введение квот на количество трудовых иммигрантов по субъектам федерации, составленное с учетом особенностей экономического развития каждой территории и наличия у мигрантов требуемых специальностей. Однако эффективность этого механизма регулирования трудовой миграции и ее влияния на статус русской нации как титульной нивелируется фактом создания ЕАЭС и началом формирования единого рынка труда для стран участниц ЕАЭС, в котором предусмотрено взаимное признание дипломов об образовании всеми странами, входящими в данный союз.

Формирование Таможенного союза, а затем ЕАЭС определило специфику третьей волны трудовой иммиграции в Россию. Отмечена активизация миграционных потоков между Российской Федерацией Республикой Казахстан,

Российской Федерацией и Республикой Беларусь, в т.ч. из числа лиц, имеющих высокую профессиональную квалификацию.

В этих условиях мы сочли целесообразным детально проанализировать данные переписи населения Российской Федерации 2010 года с целью оценки профессиональной и социальной мобильности граждан РФ. Для этого мы сопоставили возрастную структуру населения с повозрастной структурой лиц, имеющих два источника существования. Кроме того, в масштабе субъектов федерации нами рассчитано два показателя: отношение количества граждан России к количеству иностранных граждан, а также отношение количества иностранных граждан к количеству граждан России с двойным гражданством. Результаты расчетов представлены на рис. 1-4.

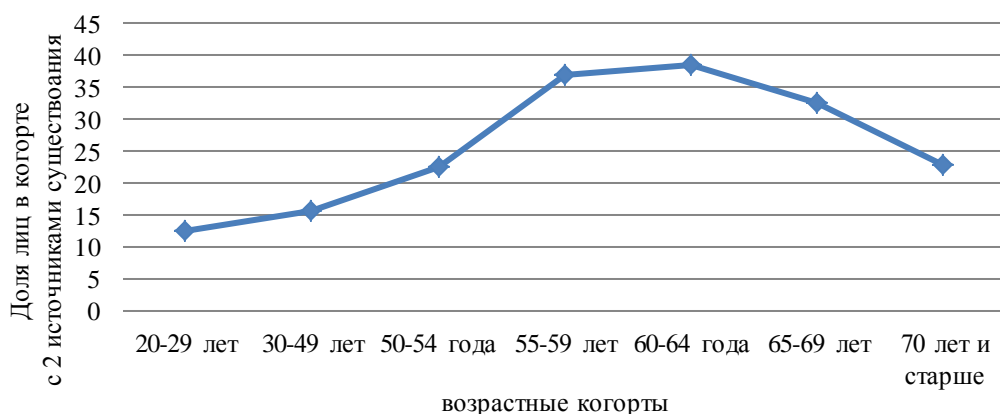

Рисунок 1. Возрастная структура граждан РФ, имеющих два источника существования

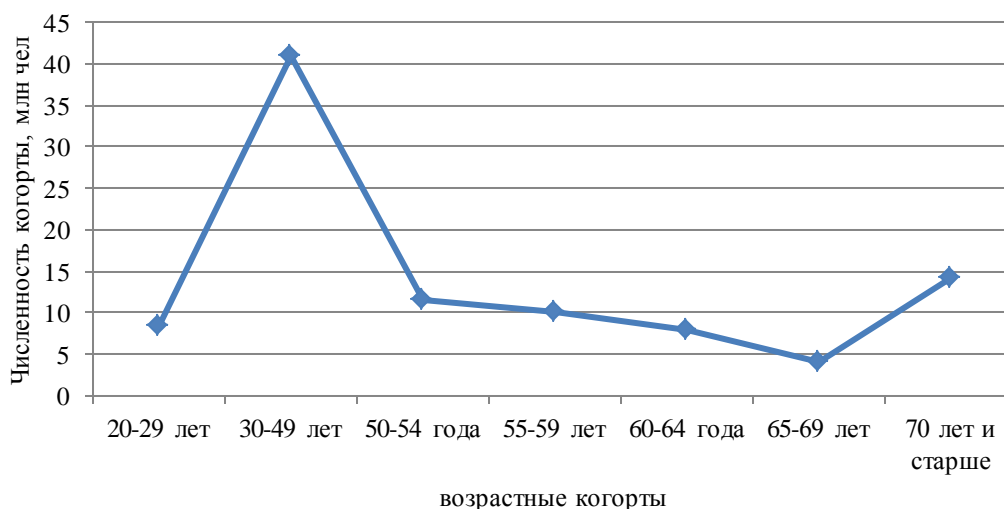

Рисунок 2. Распределение численности постоянного населения РФ по возрастным когортам

Из сопоставления приведенных графиков следует, что наиболее часто граждане РФ, имеющие два источника дохода, относятся к старшей возрастной группе. В возрастной когорте от 55 до 69 лет каждый третий гражданин России имеет два источника существования. При этом наибольшая по численности возрастающая когорта, включающая россиян от 30 до 49 лет, значительно реже имеют

дополнительный источник дохода. В этой когорте два источника существования зарегистрировано лишь в 15,6 % случаев. На наш взгляд, полученные результаты свидетельствуют о низкой конкурентоспособности постперестроечного поколения россиян, их неготовности к смене профессии, к поиску дополнительных источников существования, к отстаиванию своих социально-экономических позиций при конкуренции с иммигрантами из стран ЕАЭС.

Сопоставление данных, представленных на рисунках 3 и 4, позволяет сделать вывод о том, что Уральский федеральный округ характеризуется большей долей иностранных граждан и граждан России с двойным гражданством в структуре жителей своих территорий.

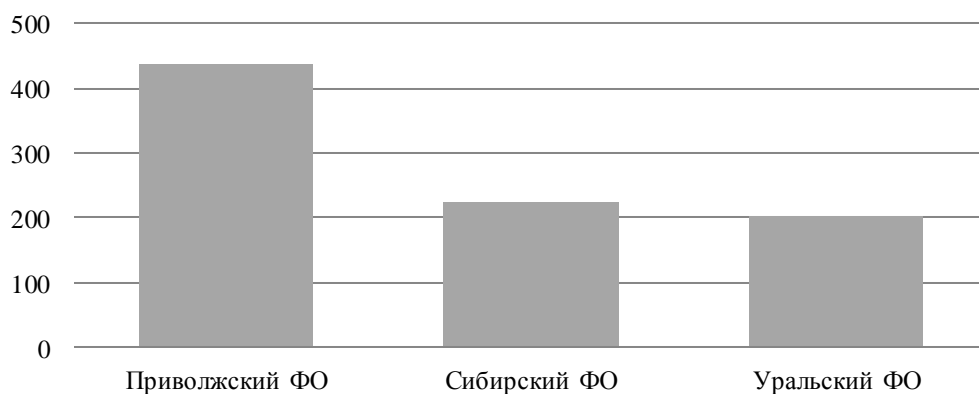

Рисунок 3. Отношение количества граждан России к количеству иностранных граждан по субъектам Федерации

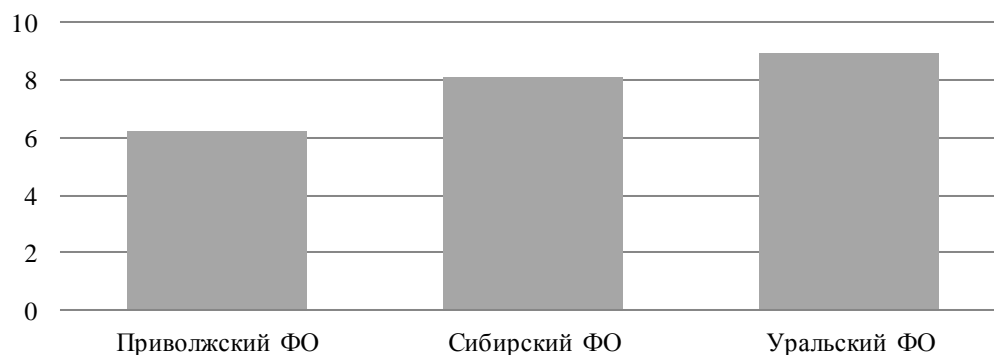

Рисунок 4. Отношение количества иностранных граждан к количеству граждан России, имеющих двойное гражданство по субъектам Федерации

Результаты проведенного анализа косвенно свидетельствует о том, что формирование гибридной нации в Уральском федеральном округе происходит более быстрыми темпами, чем в сопредельных территориях. Это требует своевременной и адекватной коррекции социальной и демографической политики региона. Составление перечня мероприятий, которыми необходимо дополнить региональный компонент социально-демографической политики, нуждается в осмыслении и обсуждении.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А.Я. Сухарева. 2003.

2. Итоги переписи населения РФ 2010 года [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0417/tema07.php>

3. Росстат, таблица «Международная миграция» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/isswww/exe/stg/d01/05-09/htm

4. Демоскоп, Мигранты улучшили демографическую ситуацию в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/rossia01.php#1>

5. «Евразийский подход»: занятость важнее зарплаты [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0323/tema02.php>

© Талалаева Г.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Талалаева Галина Владленовна (г. Екатеринбург, Россия) – доктор медицинских наук, профессор, ФГОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: gvtalal@mail.ru).

Talalaeva G. V.

TITULAR OR HYBRID NATION: THE ACTUAL PROBLEM OF URALS DEMOGRAPHY

Annotation. *Formation of the Eurasian Economic Union creates new opportunities for labor migration and integration of migrants in socially important sectors of the economy, enhances their role in family and marriage and reproductive behavior of the natives of the Urals. The process of obtaining a hybrid nation instead of the titular is still not reflected in federal and regional population policy and demands the internalizing.*

Keywords: migration, demographic policy.

Information about the author

Talalayeva Galina Vladlenovna (Yekaterinburg Russia,) – Doctor of Medical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: gvtalal@mail.ru).

УДК 338.26:314.7

Тарасьев А.А., Тарасьева Т.В.

ДИНАМИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОЗРАСТНОГО СОСТАВА МИГРИРУЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ*

Аннотация. *В работе предложена динамическая модель трудовой миграции, с помощью которой получен прогноз динамики миграционных процессов с учетом изменения численного состава возрастных групп. Модель позволяет отследить зависимость уровней заработной платы на рынках труда от количества трудящихся мигрантов.*

Ключевые слова: трудовая миграция, рынок труда, динамическое моделирование, миграционная политика, неоклассическая экономическая теория.

Миграция населения представляет собой социально-демографический процесс, оказывающий существенное влияние на развитие экономических систем

* Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-32-01352а2 «Научно-методическое обоснование повышения эффективности регулирования международной трудовой миграции в регионах России: баланс интересов экономического прагматизма и национальной безопасности».

территорий. В последние десятилетия наблюдается тенденция возрастающей мобильности населения. Отметим, что в рамках экономических систем отдельных территорий миграционные процессы представляют собой прямые и обратные потоки трудовых ресурсов, заданные в динамике в непрерывном времени. В условиях отсутствия искусственных барьеров миграционные потоки могут вызывать и устранять дисбаланс в развитии экономических систем сопряженных регионов за счет перемещения трудовых ресурсов из регионов с менее развитой экономической системой и инфраструктурой в более благополучные регионы. Процессы межрегиональной миграции населения оказывают существенное воздействие на развитие социально-экономической ситуации в регионах Российской Федерации. В последние годы наблюдается изменение уровня спроса и предложения рабочей силы на региональных рынках труда. Последствия внутренней миграции достаточно противоречивы, что затрудняет принятие управленческих решений, направленных на повышение качества жизни в исследуемых регионах.

Стабильность потоков трудовой миграции из стран СНГ в регионы Российской Федерации объясняется стремлением индивидов повысить свой уровень жизни за счет дифференциации социально-экономического развития территорий отправления и притяжения миграции. При рассмотрении динамики перемещения трудовых ресурсов необходимо отметить, что трудовая миграция устремляется в страны с высоким уровнем экономических свобод [1] и, соответственно, большей вероятностью трудоустройства мигрантов в официальном секторе экономики принимающей страны [2]. Подчеркнем, что динамика миграционных потоков между странами СНГ и Российской Федерацией может претерпеть существенные изменения в условиях повышения уровня жизни и стабилизации экономической ситуации в странах ближнего зарубежья [3].

Существенное влияние на устойчивость социально-экономических систем регионов оказывает транзитная миграция, которую связывают с приоритетностью для мигрантов государств с развитой экономикой, переезд в которые является конечной целью для многих выходцев из наиболее бедных стран третьего мира. В то же время, транзитные мигранты могут искать способы заработка в регионах, через которые происходит перемещение, что, с одной стороны, ведет к изменению состояния трудового капитала данных территорий, с другой стороны, одним из способов получения денег для представителей транзитной миграции является доставка наркотиков в регион, через который происходит транзит [4].

В то же время мигранты устремляются в регионы, характеризующиеся развитой инфраструктурой и высоким уровнем жизни, при этом степень развитости региональной экономики в большинстве случаев зависит от состояния энергетической обеспеченности и природно-ресурсного капитала территории [5]. При рассмотрении миграционных процессов между странами СНГ и регионами УрФО объем и направленность потока мигрантов будет зависеть от уровня экономических благ, которые возможно получить, работая в выбранном регионе. Анализ уровня общего экономического развития территории необходимо проводить с учетом энергетической составляющей, основополагающую роль в которой играет энергетическая безопасность [6].

При моделировании традиционно учитываются такие экономические факторы выталкивания и притяжения трудовых ресурсов, как уровень

безработицы, общее число вакансий, численность мигрирующего населения в год. Выбор индивидом определенного региона для миграции напрямую зависит от степени развитости рынка труда и инфраструктуры в данном регионе. На макроэкономическом уровне одним из основных стимулов для миграции является наличие или отсутствие высокооплачиваемой работы и возможности трудоустройства на условиях, являющихся удовлетворительными для индивида, что является актуальным для молодых людей при поиске работы. Таким образом, при рассмотрении миграционных процессов между двумя регионами одним из самых сильных выталкивающих факторов является невозможность найти работу, при этом, наиболее важным фактором притяжения является высокий доход работающего населения в принимающем регионе.

При рассмотрении миграции по возрастному показателю необходимо отметить, что одним из наиболее привлекательных факторов для молодых людей является возможность получения хорошего образования, а впоследствии – хорошо оплачиваемой работы. Также на принятие решения о миграции влияет уровень предоставления общественных благ, таких как дошкольное воспитание, начальная школа, здравоохранение, низкий уровень преступности и развитость инфраструктуры.

Одним из немаловажных факторов увеличения потока трудовых мигрантов в регион являются так называемые миграционные сети, под которыми понимается набор межличностных связей, соединяющих мигрантов, бывших мигрантов и немигрантов между собой посредством отношений родства, дружбы и общего социального происхождения. При достижении миграционными сетями определенного уровня развития миграция приобретает характер самоподдерживающегося процесса. Переход от индивидуальной независимости при принятии решения о миграции к групповой взаимозависимости, выгодной для всех ее участников, произошел в рамках новой экономической теории миграции. Согласно этой теории, решение принимается потенциальным мигрантом совместно с другими членами его семьи, которые не меняют места работы и жительства. Целью миграции в данной ситуации становится максимизация доходов не отдельного человека, а сообщества людей, которые будут делить между собой как расходы, так и доходы от миграции одного члена сообщества [7]. Также в новой экономической теории миграции подчеркивается значимость такого фактора, как уровень доходов окружения семьи. Неудовлетворенность своим социальным положением на родине может побудить членов семьи к миграции с целью увеличения доходов [8]. В нашей работе влияние миграционных сетей на систему миграции определяется с помощью показателя $x_{ij}(t_p)$.

Динамическая модель прогнозирования трудовой миграции предполагает, что каждый участник миграционного процесса будет принимать решение о перемещении из страны отправления i в регион притяжения j , основываясь на сравнении уровней заработной платы в регионах отправления и притяжения (w_i и w_j соответственно) [9]. Таким образом, решение о миграции будет принято в случае, если разница между заработком в стране происхождения и регионе назначения мигранта будет положительной, т.е. $w_j - w_i > 0$. В модели рассматривается n регионов притяжения и m стран отправления мигрантов и предполагается устранение всех препятствий для мобильности рабочей силы в соответствии с основной концепцией либеральной модели развития. В процессе моделирования

предполагалось, что на зарплату в стране отправления w_i будет влиять численность трудовых мигрантов из страны отправления i , находящихся в n регионах притяжения, а зарплата в регионе притяжения w_j будет зависеть от численности трудовых мигрантов из m стран отправления, находящихся в регионе притяжения j .

Соответственно принятие индивидом решения о переезде в другой регион или страну будет представлено в следующем виде:

1) $w_j(t_p) - w_i(t_p) > 0$ – решение о миграции из страны i в регион j будет положительным;

2) – будет принято решение о возвращении мигранта в страну i или выборе другого региона РФ $k \neq j$, для которого выполняется условие.

При выборе региона назначения каждый участник миграционного процесса кроме максимизации ожидаемого дохода будет стремиться минимизировать свои расходы, в том числе прямые издержки переезда. Таким образом, при условии, что распределение ожидаемых доходов во всех регионах одинаково и основные критерии, которыми человек руководствуется при выборе региона для переезда, дублируются, из множества потенциальных регионов для миграции n , индивид выберет тот регион, затраты на переезд в который будут минимальными. Существенное влияние на принятие индивидом решения о миграции также оказывают миграционные сети.

С учетом изложенных выше основных критериев было разработано динамическое уравнение, описывающее процесс миграции из страны отправления i в регион притяжения j в момент времени t (1):

$$x_{ij}(t_{p+1}) = x_{ij}(t_p) + \Delta \alpha_j x_{ij}(t_p) (M_i - x_i(t_p)) (w_j(t_p) - w_i(t_p)),$$

$$i = 1, \dots, m; j = 1, \dots, n.$$
 (1)

где α_j – калибровочный коэффициент для региона j .

Помимо ядра, представленного в виде основного уравнения, программа содержит несколько вариаций функций, описывающих заработные платы и уровень безработицы [10].

Первый вариант построения прогноза заключается в разработке функции заработной платы в рамках неоклассической экономической теории. Прогнозирование заработной платы в регионе притяжения j при $x_j(t_p)$ в момент времени t производится в соответствии с уравнением (2):

$$w_j(x_j(t_p)) = w_j(t_0) \cdot \frac{E_j(t_0) + V_j(t_0)}{E_j(t_0) + U_j(t_0) + x_j(t_p)},$$
 (2)

где $w_j(t_0)$ – средняя заработная плата мигрантов в регионе притяжения j в момент времени t_0 ;

$E_j(t_0)$ – численность занятых в регионе притяжения j в момент времени t_0 ;

$V_j(t_0)$ – число вакансий в регионе притяжения j в момент времени t_0 ;

$U_j(t_0)$ – численность безработных в регионе притяжения j в момент времени t_0 ;

$x_j(t_p) = \sum_{i=1}^m x_{ij}(t_p)$ – численность трудовых мигрантов из m стран отправления, находящихся в регионе притяжения j .

Прогнозирование заработной платы в стране происхождения i при $x_i(t_p)$ в момент времени t производится в соответствии с функцией (3):

$$w_i(x_i(t_p)) = w_i(t_0) \cdot \frac{E_i(t_0) + V_i(t_0)}{E_i(t_0) + U_i(t_0) + x_i(t_p)}, \quad (3)$$

где $w_i(t_0)$ – средняя заработная плата в стране происхождения i в момент времени t_0 ;

$E_i(t_0)$ – численность занятых в стране происхождения i в момент времени t_0 ;

$V_i(t_0)$ – число вакансий в стране происхождения i в момент времени t_0 ;

$U_i(t_0)$ – численность безработных в стране происхождения в момент времени t_0 ;

$x_i(t_p) = \sum_{j=1}^n x_{ij}(t_p)$ – численность трудовых мигрантов из страны происхождения i , находящихся в n регионах притяжения.

В модели учитываются 3 возрастных группы, выделенных среди трудоспособного населения: молодежная (Y), средняя (M) и старшая (O). Величина $x_{sh}^a(t_k)$ обозначает численность трудовых мигрантов с разбивкой по возрастным группам, где $\alpha=Y, M, O$ соответствует типу возрастной группы из страны-донора s в регион притяжения h в момент времени t_k . Соответственно верхним индексом α обозначим все переменные в модели для упрощения разбивки на возрастные группы. В результате получим функции зарплат, зависящие от возрастных групп:

$$w_h^a(t_k) = w_h^a(x_h^a(t_k)) = w_{0h}^a \frac{E_h^a + V_h^a}{E_h^a + U_h^a + a_h x_h^a(t_k)} \quad (4)$$

$$w_s^a(t_k) = w_s^a(x_s^a(t_k)) = w_{0s}^a \frac{E_s^a + V_s^a}{E_s^a + U_s^a - a_s x_s^a(t_k)} \quad (5)$$

Метод передвижки возрастов учитывается в модели следующим образом:

$$x_{sh}^a(t_{k+1}) = x_{sh}^a(t_k) + \Delta q_{sh}^a x_{sh}^a(t_k) (P_s(t_k) - x_h^a(t_k)) (w_h^a(x_h^a(t_k)) - w_s^a(x_s^a(t_k))) + \Delta F_{sh}^a(t_k), \quad (6)$$

где переход мигрантов между возрастными группами $F_{sh}^a(t_k)$ для всех трех возрастных групп $\alpha=Y, M, O$ описывается следующим образом: поток молодежной группы, представленный коэффициентом $F_{sh}^Y(t_k)$, описывает приток в молодежную группу трудоспособного населения детей мигрантов, достигши возраста 15 лет. Также, в соответствии с приведенной ниже формулой, данный коэффициент учитывает отток мигрантов в среднюю возрастную группу и коэффициент смертности населения, соответствующий молодежной возрастной группе:

$$F_{sh}^Y(t_k) = \gamma_{sh}^M x_{sh}^M(t_k) + \gamma_{sh}^O x_{sh}^O(t_k) - \beta_{sh}^Y x_{sh}^Y(t_k) - \mu_{sh}^Y x_{sh}^Y(t_k) \quad (7)$$

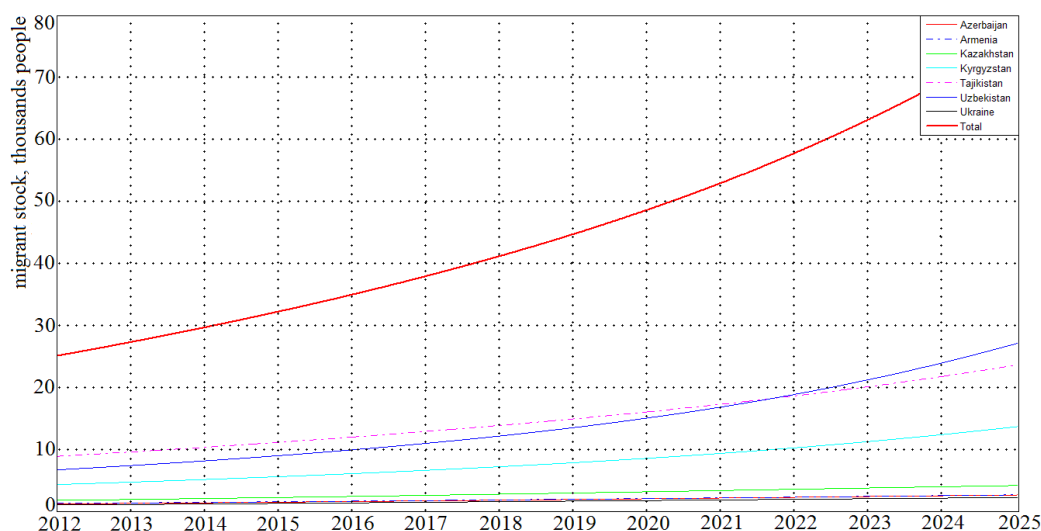

Рисунок 1. Младшая возрастная группа трудовых мигрантов в Свердловской области

Параметр $F_{sh}^M(t_k)$ описывает мигрантов средней возрастной группы. В соответствии с формулой 8 данный параметр описывает приток в среднюю возрастную группу мигрантов из младшей возрастной группы, достигших возраста 30 лет. В то же время в данной формуле учитывается отток мигрантов в старшую возрастную группу и смертность населения, характерную для средней возрастной группы мигрантов из страны s :

$$F_{sh}^M(t_k) = \beta_{sh}^Y x_{sh}^Y(t_k) - \beta_{sh}^M x_{sh}^M(t_k) - \mu_{sh}^M x_{sh}^M(t_k) \quad (8)$$

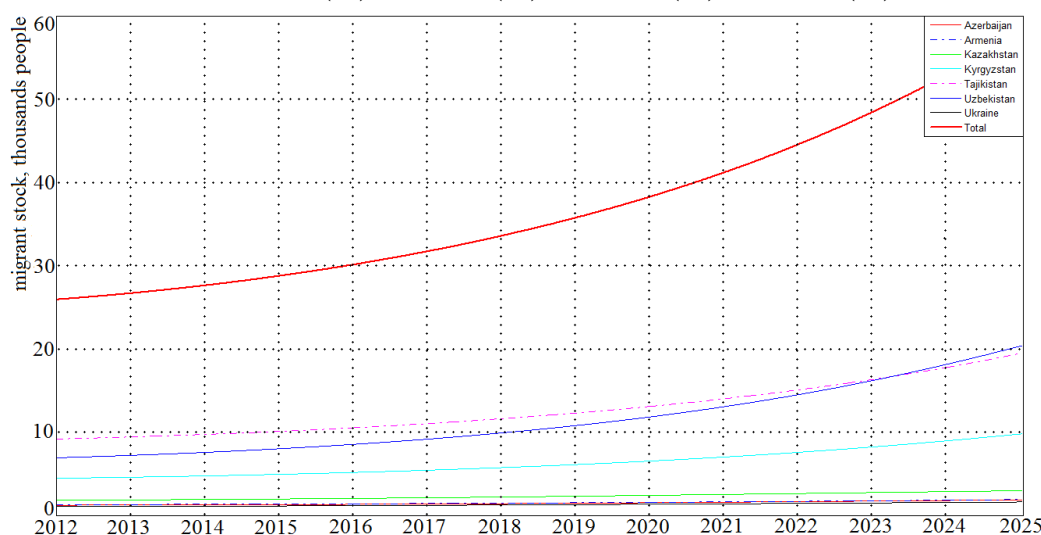

Рисунок 2. Средняя возрастная группа трудовых мигрантов в Свердловской области

С помощью переменной $F_{sh}^O(t_k)$ описывается численность мигрантов старшей возрастной группы. Данный параметр включает в себя приток мигрантов из средней возрастной группы, отток мигрантов из старшей возрастной группы, при выходе на пенсию, и смертность населения. Данный результат представлен в формуле 9:

$$F_{sh}^O(t_k) = \beta_{sh}^M x_{sh}^M(t_k) - \beta_{sh}^O x_{sh}^O(t_k) - \mu_{sh}^O x_{sh}^O(t_k). \quad (9)$$

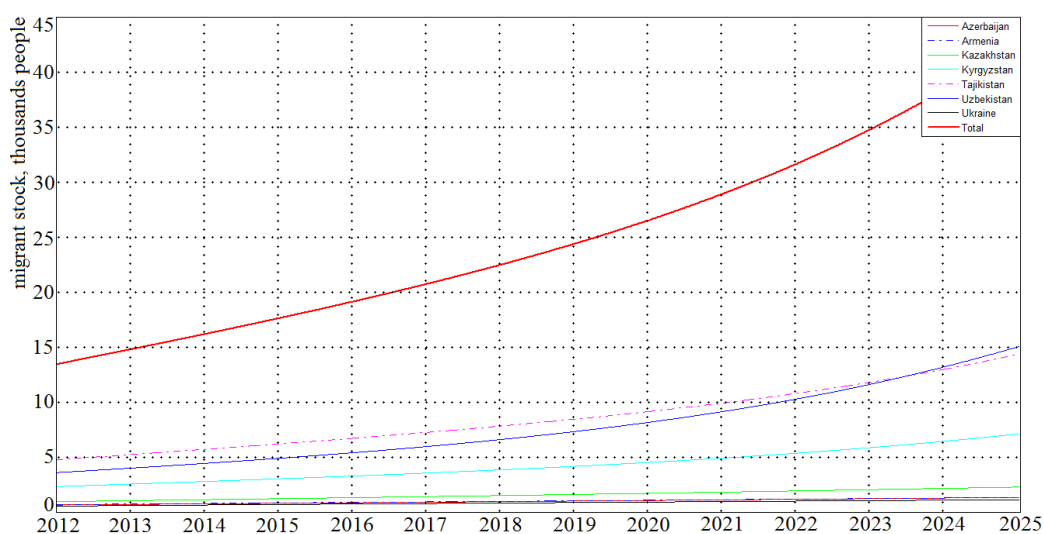

Рисунок 3. Старшая возрастная группа трудовых мигрантов в Свердловской области

В данной модификации модели принимается в расчет коэффициент естественного прироста населения. Для стран СНГ данный параметр обозначим за P_s . В таком случае зависимость прироста населения от времени будет выглядеть следующим образом:

$$P_s^a(t_k) = P_s^a(t_{k-1}) + g_s^a P_s^a(t_{k-1}) \quad (10)$$

где $\alpha = Y, M, O$; g_s^a – коэффициент прироста населения.

В результате данная модель позволяет получить прогноз взаимообусловленной динамики потоков трудовых ресурсов с разбивкой по трем основным возрастным группам. При этом смоделированная система рынка труда не является замкнутой, что достигается за счет задания эмпирической динамики всех управляющих параметров, учтенных в поставленной задаче. Задание динамики естественного прироста в странах отправления миграции позволило также увеличить допустимый предел достоверного прогноза.

Библиографический список

1. Агарков Г.А., Кривенко И.А., Судакова А.Е. Трансакционные издержки в криминальной экономике // Экономика и предпринимательство. 2015. № 3 (56). С. 330-334.
2. Naidenov A.S., Krivenko I.A. View's' Evolution of Western Researchers to Understanding of the Illegal Economy // Журнал экономической теории. 2014. № 4. С. 221-229.
3. Куклин А.А., Гурбан И.А. Региональные особенности демографической составляющей человеческого капитала // Народонаселение. 2012. № 4. С. 35-50.
4. Гурбан И.А., Клевакин А.Н. Оценка социально-экономических последствий наркомании в Уральском федеральном округе // Экономика региона. 2013. № 2. С. 34-42.
5. Пыхов П.А. Диагностика природно-ресурсного капитала территории // Экономика региона. №2. 2013. С.55-63.
6. Денисова О.А., Пыхов П.А. Оценка современного и перспективного состояния УрФО с позиций энергетической безопасности // Экономика региона, № S4, 2008. С.52-61.
7. Разработка модели внутренних и внешних миграционных потоков населения для регионов Российской Федерации/ Андриенко Ю.В., Гуриев С.М. Центр экономических и финансовых исследований и разработок в Российской экономической школе. 2006. 52с.

8. Вакуленко Е.С. Миграционные процессы в городах России: эконометрический анализ. // Прикладная эконометрика. 2012. №1. С. 25-50.

9. Palloni A., Massey D. et al. Social capital and international migration: a test using information on family networks // The American Journal of Sociology. Chicago. Mart 2001. №106. С. 1262-1298.

10. Васильева А.В., Тарасьев А.А. Прогноз развития миграционных процессов и рынка труда в регионах России // Экономика региона. 2014. №4. С. 283-298.

© Тарасьев А.А., Тарасьева Т.В., 2015. Текст.

Информация об авторах

Тарасьев Александр Александрович (г. Екатеринбург, Россия) – ведущий экономист, соискатель, Центр экономической безопасности, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: alextarassiev@mail.ru).

Тарасьева Татьяна Владимировна (г. Екатеринбург, Россия) – экономист, Центр экономической безопасности, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: tataponomaryova@mail.ru).

Tarashev A.A., Tarasyeva T.V.

DYNAMIC SIMULATION OF THE MIGRANT POPULATION AGE COMPOSITION

Abstract. *We propose a dynamic model of labor migration. By this model we obtained a forecast of migration processes that takes into account changes in the age groups differentiation. The model allows us to trace the dependence of wage levels in the labor market from the number of migrant workers.*

Keywords: labor migration, labor market, dynamic simulation, migration policy, the neo-classical economic theory.

Information about the authors

Tarashev Alexandr Alexandrovich (Yekaterinburg, Russia) – Leading Economist of the Center for Economic Security, Applicant, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: alextarassiev@mail.ru).

Tarasyeva Tatyana Vladimirovna (Yekaterinburg, Russia) – Economist of the Center for Economic Security, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: tataponomaryova@mail.ru).

УДК 314.4

Тельнов В.И., Третьяков Ф.Д.

МЕТОДОЛОГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНКИ ВКЛАДА ПОВЫШЕННОЙ И ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЙ СМЕРТНОСТИ В ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ В ПОПУЛЯЦИОННЫХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. *В статье представлен сравнительный анализ оценок потерянных лет потенциальной жизни населения г. Озерска и Российской Федерации в 2005-2010 гг., а также работников ПО «Маяк», подвергшихся внешнему и внутреннему радиационному воздействию и вклада в их динамику уровней смертности и возраста смерти при основных причинах.*

Ключевые слова: потенциальная демография, преждевременная смертность, причины смерти, заболеваемость, радиационное воздействие.

Введение. Одно из направлений применения методов потенциальной демографии связано с оценками потерянных лет потенциальной жизни (potential years of life lost – ППЖ) вследствие преждевременной смертности для различных классов болезней и отдельных заболеваний. Этот показатель рассчитывает число лет, недожитых популяцией до некоторого нормативного возраста. В такой постановке весом каждого человека (умершего в рассматриваемом возрасте от конкретной причины смерти) служит количество лет, не дожитых им до заданного возрастного предела. Те классы болезней, или отдельные заболевания, которые приводят к наибольшим потерям в человеко-годах, рассматриваются как приоритетные. Абсолютное число потерянных лет потенциальной жизни дает возможность судить о масштабе проблем, а интенсивный показатель потерянных лет (в расчете на численность населения) позволяет сравнивать между собой различные популяции. Чтобы использовать потерянные годы потенциальной жизни для сравнения смертности в различных популяциях, необходимо произвести поправку на возрастную структуру сравниваемых популяций. Более удобным с этой точки зрения является показатель в расчете на человеко-годы потенциальной жизни, то есть на сумму лет от 1 года до нормативного возраста. При этом ППЖ определяются как доля в числе человеко-лет потенциальной жизни у отдельного индивида или на групповом и популяционном уровнях. Стандартизованный показатель ППЖ рассчитывают на 1000, 10000 или 100000 человеко-лет потенциальной жизни. Они могут использоваться для межрегионального анализа, так как позволяют сравнивать популяции с различной численностью и возрастной структурой населения.

Цель исследования. Сравнительный анализ ППЖ населения г. Озерска и Российской Федерации в 2005-2010 гг. (популяционное исследование), а также работников ПО «Маяк», подвергшихся внешнему и внутреннему радиационному воздействию (аналитическое исследование) и вклада в их динамику уровней смертности и возраста смерти при основных причинах.

Материалы и методы исследования. Общие методологические подходы к оценке продолжительности жизни и ППЖ представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика методических подходов к оценке продолжительности жизни и потерянных лет потенциальной жизни

1. *Статичный*: непосредственная оценка продолжительности жизни, которая фиксирует число прожитых лет.
2. *Потенциальный*: оценка потерянных годов потенциальной жизни, то есть число лет, не дожитых до нормативного возрастного предела, называемого жизненным потенциалом.
- Для общей популяции наиболее часто в качестве жизненного потенциала используются возрастные пределы 65 или 70 лет. Их недостатком является отсутствие гендерного подхода.
 - Для наблюдаемых когорт, в которых продолжительность жизни выше, чем в общей популяции, следует использовать более высокие возрастные пределы, например, ожидаемую продолжительность жизни в ЕС-15 с учетом гендерных различий.
 - В последние годы потенциальный подход широко применяется в медико-индустриальных исследованиях

1. *Оценка продолжительности жизни включает:*

1) оценку продолжительности жизни у умерших ($ПЖ_{ум}$) членов когорты: $ПЖ_{ум} = (\sum BC_i) / n$, где: BC – возраст смерти, n – число умерших;

2) оценку продолжительности жизни у всех членов когорты на данный момент времени ($PЖ_{\text{ког}}$): $PЖ_{\text{ког}} = (\sum BC_i + \sum B_i)/N$, где: B – возраст живых членов когорты, N – число всех членов когорты.

2. Оценка потерянных лет потенциальной жизни:

1) в сравниваемых группах рассчитывали количество человеко-лет потенциальной жизни (ЧЛПЖ) по формуле: $ЧЛПЖ = ОППЖ_{\text{ст}} \times N$, где: $ОППЖ_{\text{ст}}$ – стандартная гендерная ОППЖ, европейский стандарт продолжительности жизни, равный 77 годам у мужчин и 83 годам – у женщин, N – численность группы;

2) число потерянных годов потенциальной жизни (ППЖ) у мужчин и женщин для данной причины смерти оценивают по следующей формуле: $ППЖ = \sum(ОППЖ_{\text{ст}} - BC_i)$, где: $ОППЖ_{\text{ст}}$ – стандартная гендерная ОППЖ, BC – возраст смерти от данной причины;

3) для сравнения ППЖ при разных причинах смерти в выделенных группах определяют ППЖ на 10^5 ЧЛПЖ: $ППЖ \times 10^5 / ЧЛПЖ$, лет = $ППЖ / ЧЛПЖ \times 100000$;

4) с помощью метода «фи» определяли различия долей ППЖ при всех, основных и отдельных причинах смерти в общем количестве ЧЛПЖ сравниваемых групп [1].

3. Оценка вклада повышенной и преждевременной смертности в повышение потерянных лет потенциальной жизни.

Не вызывает сомнений тот факт, что повышение уровней смертности и преждевременной смертности оказывают существенное влияние на такой неблагоприятный эффект, как повышение ППЖ. Несмотря на то, что априорно это обстоятельство не вызывает сомнений, тем не менее до настоящего времени в литературе отсутствуют методики оценки влияния этих факторов на потерянные годы потенциальной жизни не только у населения в целом, но и у групп из населения, подвергающегося влиянию производственных и непроизводственных неблагоприятных факторов, что не позволяет оценить их вклад в изменение ППЖ. Исходя из этого разработана методика оценки влияния повышенной смертности (уровней смертности) и преждевременной смертности (снижения возраста смерти) на повышение ППЖ (табл. 2).

Таблица 2

Варианты сочетаний уровней смертности и возраста смерти при оценке их влияния на число потерянных лет потенциальной жизни (ППЖ)

1. Оценка ППЖ в исходных группах и популяциях (контрольных, референтных и сравнения) – реальные данные
2. Оценка ППЖ, учитывающая уровни смертности в последующих группах при одинаковом возрасте смерти, соответствующему исходной группе (расчетные данные)
3. Оценка ППЖ, учитывающая возраст смерти в последующих группах при уровне смертности, соответствующему исходной группе (расчетные данные)
4. Оценка ППЖ, учитывающая уровни смертности и возраст смерти в последующих группах (реальные данные)

Следует отметить, что данная методика позволяет оценивать не только неблагоприятное действие повышения уровней смертности и снижение возраста смерти, но и их потенциально благоприятное действие в случаях снижения уровней смертности и повышения возраста смерти, а также других сочетаний взаимодействия этих факторов. Исходные предпосылки такого анализа

представлены в таблице 2. Исходя из цели исследования определялись следующие показатели:

$$\Delta\text{ПГПЖ} = \sum(\text{ПГПЖ}_i - \text{ПГПЖ}_1),$$

где $\Delta\text{ПГПЖ}$ – сумма разниц ПГПЖ между последующими и 1-й группами;

$$\text{ПГПЖ}_{\text{см}} = \sum((\text{ОППЖ}_{\text{стандарт}} - \text{ВС}_1) * P_i) - \text{ПГПЖ}_1,$$

где $\text{ПГПЖ}_{\text{см}}$ – число ПГПЖ, обусловленное изменением уровня смертности (P_i) в последующих группах, ВС_1 – возраст смерти в 1-й группе. $\text{ОППЖ}_{\text{стандарт}}$ – стандартная гендерная ОППЖ;

$$\text{ПГПЖ}_{\text{вс}} = \sum((\text{ПЖ}_{\text{стандарт}} - \text{ВС}_i) * P_i) - \text{ПГПЖ}_1,$$

где $\text{ПГПЖ}_{\text{вс}}$ – число ПГПЖ, обусловленное изменением возраста смерти в последующих группах, ВС_i – возраст смерти в последующих группах;

$$\text{ПГПЖ}_{\text{вз}} = \Delta\text{ПГПЖ} - \text{ПГПЖ}_{\text{см}} - \text{ПГПЖ}_{\text{вс}}.$$

В связи с тем, что $\text{ПГПЖ}_{\text{см}}$ и $\text{ПГПЖ}_{\text{вс}}$ определялись по отдельности, то есть независимо друг от друга, рассчитывали коэффициент коррекции с учетом их взаимодействия: $K_{\text{кор}} = \Delta\text{ПГПЖ} / (\text{ПГПЖ}_{\text{вс}} + \text{ПГПЖ}_{\text{вс}})$.

Скорректированные оценки $\text{ПГПЖ}_{\text{см}}$ и $\text{ПГПЖ}_{\text{вс}}$ получали путем умножения $\text{ПГПЖ}_{\text{см}}$ и $\text{ПГПЖ}_{\text{вс}}$ на коэффициент коррекции ($K_{\text{кор}}$).

Сведения о возрастно-половом составе были получены в отделе статистики городской администрации, информация о причинах смерти – из регистра причин смерти населения г. Озерска Южно-Уральского института биофизики. Соответствующие данные о населении РФ за 2005 и 2010 годы были получены из материалов официальной статистики [2, 3]. Детальная характеристика когорты работников ПО «Маяк» представлена в работе [4].

Результаты популяционных исследований. В целом, как у мужчин, так и у женщин г. Озерска и РФ в 2010 году по сравнению с 2005 годом при всех причинах смерти произошло снижение числа ПГПЖ, что является благоприятным процессом с точки зрения повышения продолжительности жизни (табл. 3).

При этом интенсивность снижения ПГПЖ у населения г. Озерска по сравнению с РФ была ниже (22 и 36 % у мужчин и 28 и 50% у женщин соответственно). В Озерске основной вклад в снижение ПГПЖ у мужчин вносили (в порядке убывания): болезни системы кровообращения (БСК), внешние причины (ВП) и болезни органов дыхания (БОД). У женщин на первом месте также были БСК и, в отличие от мужчин, на втором месте – злокачественные новообразования (ЗНО), а на третьем месте – ВП. При оценке вклада в снижение ПГПЖ уровней смертности и возраста смерти было установлено следующее: у мужчин Озерска основной вклад в уменьшение ПГПЖ практически при всех причинах смерти вносило повышение возраста смерти, а в РФ – прежде всего понижение уровней смертности (58%), а также повышение возраста смерти (42%). У женщин Озерска и РФ понижение уровней смертности и повышение возраста смерти также сопровождалось уменьшением ПГПЖ при всех причинах смерти. Основной вклад в уменьшение ПГПЖ в уменьшение ПГПЖ у женщин Озерска вносило повышение возраста смерти (75%), а у женщин РФ, напротив, снижение уровней смертности (70%).

В Озерске при отдельных причинах смерти вклад 1-го фактора был существенно больше при ВП у мужчин и при ЗНО у женщин, а вклад 2-го фактора – при БСК, как у мужчин, так и у женщин (табл. 3). В РФ вклад 1-го фактора у мужчин и женщин был наибольшим при ВП, а вклад 2-го фактора – при БСК.

Вклад обоих факторов в динамику ПГПЖ при остальных причинах смерти был менее выраженным. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о положительной динамике ПГПЖ в Озерске и РФ в 2010 году по сравнению с 2005 годом и о некоторых особенностях вклада снижения уровней смертности и повышении возраста смерти при всех и отдельных причинах смерти.

Таблица 3

Динамика потерянных годов потенциальной жизни (ПГПЖ) и сравнительная оценка вклада уровней смертности и возраста смерти (ВС) в ее изменение у населения Озерска и Российской Федерации с 2005 по 2010 годы (на 10^5 населения)

Причины смерти	ПГПЖ на 100 000 человек		Все факторы	Уровень смертности	Возраст смерти	K _{кор}
	2005 г.	2010 г.				
г. Озерск: мужчины						
Все причины	22154	17358	-4796	-185	-4611	1,094
Инфекционные и паразит. болезни	233	463	230	263	-33	0,793
Злокачественные новообразования	2714	3005	291	456	-165	0,893
Болезни системы кровообращения	6321	5232	-1089	939	-2028	1,226
Болезни органов дыхания	995	578	-417	40	-457	1,04
Болезни органов пищеварения	1426	1741	315	520	-205	0,382
Внешние причины	10518	6394	-4124	-2887	-1237	0,909
г. Озерск: женщины						
Все причины	11656	8345	-3311	-856	-2455	1,003
Инфекционные и паразит. болезни	126	43	-83	6	-89	1,051
Злокачественные новообразования	3279	3229	-50	-954	904	-1,852
Болезни системы кровообращения	4607	3074	-1533	-72	-1461	0,985
Болезни органов дыхания	454	123	-331	-455	124	1,293
Болезни органов пищеварения	595	407	-188	-43	-145	0,940
Внешние причины	2593	1472	-1121	-819	-302	0,906
РФ: мужчины						
Все причины	32882	21192	-11690	-6741	-4949	0,918
Инфекционные и паразит. болезни	1475	1189	-286	-314	28	1,021
Злокачественные новообразования	3489	2791	-698	-166	-532	0,961
Болезни системы кровообращения	11829	6766	-5063	-2018	-3045	0,884
Болезни органов дыхания	2166	1219	-947	-484	-463	0,875
Болезни органов пищеварения	2004	1636	-369	-126	-243	0,958
Внешние причины	11918	7591	-4327	-3718	-609	0,954
РФ: женщины						
Все причины	10343	5139	-5204	-3633	-1571	0,897
Инфекционные и паразит. болезни	421	232	-189	-180	-9	0,979
Злокачественные новообразования	2153	1364	-789	-584	-205	0,924
Болезни системы кровообращения	3720	1725	-1995	-965	-1030	0,841
Болезни органов дыхания	485	221	-264	-179	-85	0,863
Болезни органов пищеварения	805	502	-303	-287	-16	0,984
Внешние причины	2759	1095	-1664	-1494	-170	0,941

Результаты аналитических исследований. Из табл. 4 видно, что уровни смертности у мужчин с высокой инкорпорацией плутония-239 достоверно повышались при опухолевых причинах смерти главным образом за счет заболеваний органов основного депонирования радионуклида – легких и печени. Подобная картина наблюдалась и в случаях неопухолевых причин смерти. Смертность от неопухолевых заболеваний других органов и в целом в обеих

группах мужчин была практически одинаковой. У женщин при высокой инкорпорации плутония-239 также повышались уровни смерти от опухолевых причин за счет заболеваний органов основного депонирования. При этом смертность от опухолевых заболеваний других органов достоверно снижалась. Смертность от неопухолевых причин у женщин в целом достоверно снижалась, за исключением неопухолевых заболеваний легких и печени. В отличие от смертности возраст смерти при всех причинах и у мужчин, и у женщин при высокой инкорпорации плутония снижался, в подавляющем большинстве случаев достоверно (табл.4). Результатом наблюдаемых изменений явилось повышение ППЖ у мужчин при всех причинах смерти и у женщин – при большинстве. Наибольший вклад в повышение ППЖ у мужчин и женщин вносила смертность при опухолевых и неопухолевых заболеваниях легких и печени. В остальных случаях и в целом ППЖ повышались, главным образом, за счет снижения возраста смерти.

Таблица 4

Оценка вклада уровни смертности и возраста смерти в потерянные годы потенциальной жизни (ППЖ) у работников при разных уровнях инкорпорации плутония-239 и причинах смерти (на 1000 человек)

Причины смерти	ППЖ, лет в исходной группе	Сумма ППЖ, лет в последующих группах	Вклад в изменение ППЖ, лет			K _{кор}
			Уровня и возраста смерти	Уровня смертности	Возраста смерти	
Мужчины						
Опухолевые:	7946	14018	6071	3378	2693	1,264
Легких и печени	3173	6183	3010	3083	-73	1,088
Других органов	4773	7811	3038	608	2430	1,121
Неопухолевые:	14974	22652	7679	1558	6121	1,086
Легких, печени	549	1207	659	542	117	1,367
Других органов	14433	21541	7108	1110	5998	1,062
Все причины	22977	36327	13350	4419	8931	1,160
Женщины						
Опухолевые:	8936	12894	3958	574	3384	1,171
Легких и печени	642	4453	3811	2510	1301	1,361
Других органов	8317	8384	67	-109	176	0,072
Неопухолевые:	17098	17587	489	-856	1345	0,388
Легких, печени	582	1640	1058	680	378	1,535
Других органов	16429	16551	123	-294	417	0,117
Все причины	25935	30431	4496	-1791	6287	0,835

Примечание: знак (-) указывает на снижение ППЖ

При сравнительном анализе инкорпорации плутония-239 и внешнего гамма-облучения в отношении ППЖ при развитии лимфогемобластозов установлено, что основной вклад в повышение ППЖ при внешнем облучении был обусловлен повышенной смертностью на 67% и только на 33% – преждевременной смертностью, то есть снижением возраста смерти. При инкорпорации плутония-239 ППЖ повышались лишь за счет преждевременной смертности (табл. 5).

Заключение. Результаты проведенного популяционного исследования свидетельствуют о том, что с 2005 по 2010 годы в Озерске, так же как и в РФ, наблюдалось существенное снижение такого важного фактора повышения

продолжительности жизни, как число ПППЖ. При этом в Озерске снижение ПППЖ было обусловлено, главным образом, за счет повышения возраста смерти, то есть уменьшением преждевременной смертности, тогда как в РФ, преимущественно, за счет снижения уровней смертности. Общим для населения Озерска и РФ было снижение ПППЖ при ВП, обусловленное в значительной мере уменьшением уровней смертности.

Таблица 5

Оценка вклада уровня смертности и возраста смерти в потерянные годы потенциальной жизни (ПППЖ) у персонала ПО «Маяк» при лимфогемобластозах и разных видах радиационного воздействия (на 1000 человек)

Радиационное воздействие	ПППЖ, лет в исходной группе	Сумма ПППЖ, лет в последующих группах	Вклад в изменение ПППЖ, лет			K _{кор}
			Уровня и возраста смерти	Уровня смертности	Возраста смерти	
Мужчины и женщины						
Внешнее гамма-облучение	759	1348	589	396	193	1,256
Инкорпорация плутония-239	233	332	99	4	95	1,033

В итоге аналитического исследования установлено достоверное повышение ПППЖ, то есть сокращение продолжительности жизни, у работников радиационно-опасного производства ПО «Маяк», подвергшихся инкорпорации плутония-239. При этом ведущий вклад в повышение ПППЖ вносило радиационно обусловленное снижение возраста смерти (преждевременная смертность) по сравнению с радиационно обусловленным повышением уровней смертности. ПППЖ как показатель сокращения продолжительности жизни является более информативным по сравнению с уровнями смертности и возрастом смерти, так как интегрально отражает оба этих показателя. Повышение ПППЖ при лимфогемобластозах имело разные механизмы в зависимости от вида радиационного воздействия.

Библиографический список

1. Плохинский Н.В. Биометрия. М.: Изд-во МГУ, 1970. 384 с.
2. Демографический ежегодник России. 2006: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. 561 с.
3. Демографический ежегодник России. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. 535 с.
4. Тельнов В.И. Продолжительность жизни в когорте работников ПО «Маяк» 1948-1958 годов найма и влияние на нее основных причин смерти // Источники и эффекты облучения работников ПО «Маяк» и населения, проживающего в зоне влияния предприятия / науч. ред. М.Ф. Киселев, С.А. Романов. Т.IV. Челябинск: Челябинский Дом печати, 2012. С.153-186.

© Тельнов В.И., Третьяков Ф.Д., 2015. Текст.

Информация об авторах

Тельнов Виталий Иванович (г. Озерск, Россия) – кандидат медицинских наук, зам. директора по научной работе, ФГУП Южно-Уральский институт биофизики ФМБА России (456780, Челябинская область, г. Озерск, Озерское шоссе, 19; e-mail: tvl@subi.su).

Третьяков Федор Давыдович (г. Озерск, Россия) – кандидат медицинских наук, заведующий отделом радиационной безопасности, ФГУП Южно-Уральский институт био-

физики ФМБА России (456780, Челябинская область, г. Озерск, Озерское шоссе, 19; e-mail: apen87@mail.ru).

Tel'nov V.I., Tretyakov F.D.

**THE ASSESSMENT OF INCREASED AND PREMATURE MORTALITY
CONTRIBUTION TO LIFE EXPECTANCY IN POPULATION AND ANALYTICAL
RESEARCH: METHODOLOGY AND RESULTS**

Abstract. *The comparative analysis of potential years of life lost in the population of Ozyorsk and Russian Federation in 2005-2010s and among the workers of production association "Mayak" injured of external and internal radiative effects; mortality rates and ages of mortality by causes of death contribution to their dynamics are presented in the article.*

Keywords: potential years of life lost, potential demography, premature mortality, causes of death, incidence, radiative effects.

Information about the authors

Tel'nov Vitaliy Ivanovich (Ozyorsk, Russia) – Candidate of Medical Sciences, Deputy Director of the FSUE Southern Urals Biophysics Institute of FMBA of Russia (19, Ozersk Highway, Chelyabinsk region, Ozyorsk, 456780, Russia, e-mail: tvi@subi.su).

Tretyakov F.D. (Ozyorsk, Russia) – Candidate of Medical Sciences, Head of Radiation Safety Department, FSUE Southern Urals Biophysics Institute of FMBA of Russia (19, Ozersk Highway, Chelyabinsk region, Ozyorsk, 456780, Russia; e-mail: apen87@mail.ru).

УДК 314.74

Тухтарова Е.Х.

**ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА ЭКОНОМИКУ СВЕРДЛОВСКОЙ
ОБЛАСТИ***

Аннотация. *В статье представлены результаты эмпирического исследования о влиянии притока внешней трудовой миграции на экономику региона на примере Свердловской области. Исследование опирается на официальные статистические данные Росстата. На основании сложившихся тенденций развития отраслей и использования в них иностранной рабочей силы сделан вывод об экономической модели в регионе, где одним из основных факторов роста является использование дешевого труда и его замене на новые технологии. Такая сложившаяся модель экономического развития в регионе и в целом в стране является следствием отказа развивать наукоемкие технологии. Приведены пороговые значения количества мигрантов для Свердловской области, необходимого для снижения социальной напряженности в регионе в текущей ситуации.*

Ключевые слова: иностранная рабочая сила, трудовая миграция, занятость, местные кадры, ВРП.

Многие эксперты выделяют Свердловскую область как весьма привлекательный регион России для миграции. Этот тезис выстроен на основании следующих критериев: высокий уровень сформировавшихся доходов (ВРП), заработной платы, наличие развитого промышленного комплекса в регионе,

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ – Урал и Правительства Свердловской области №14-12-66025 «Оценка социально – экономического благополучия Свердловской области в условиях роста трудовой миграции».

который позволяет создавать новые рабочие места и привлекать рабочую силу, а также ряд других факторов.

Вместе с тем, закономерно встает вопрос: насколько необходимо привлечение внешнего человеческого капитала для устойчивого роста экономики региона и так ли нужна иностранная рабочая сила (ИРС) в Свердловской области?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы проанализировали накопленные темпы роста внешней трудовой миграции и уровень сформировавшихся доходов в регионе за последние 16 лет. Как видно из рис. 1, с 2004 г. в Свердловской области произошло значительное превышение темпов роста ИРС над уровнем доходов, формирующихся в регионе, что свидетельствует об избыточном притоке трудовых ресурсов и отсутствии положительного эффекта для региона. При этом, если накопленные темпы заработной платы к уровню 1998 г. в 2013 г. выросли в 25 раз, то темпы роста ИРС – в 65 раз, на фоне увеличения ВРП в 2,5 раза.

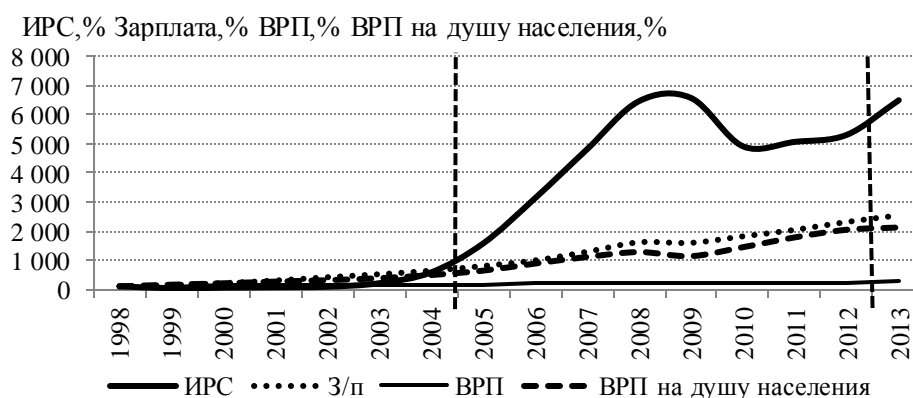
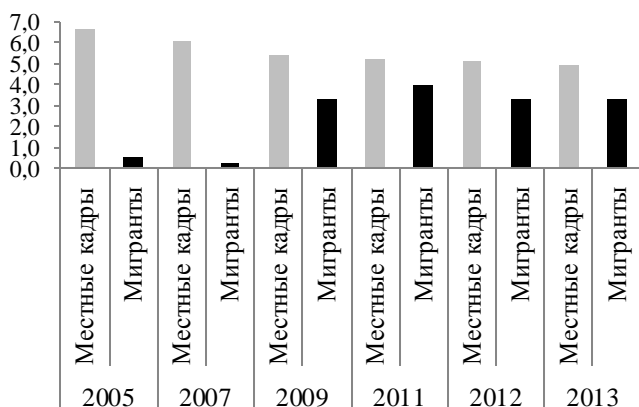

Рисунок 1. Основные показатели по Свердловской области и рост ИРС, % к 1998 г.

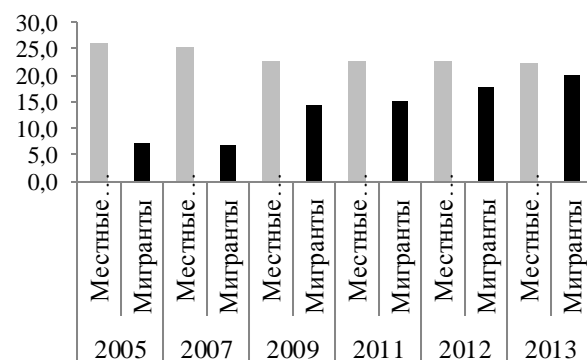
Такой значительный разрыв между накопленными темпами роста экономического развития в регионе и притоком ИРС свидетельствует о том, что в Свердловской области сформировалась малоэффективная экономическая модель на основе экстенсивных факторов развития, темпы которого обеспечивались в основном за счет большого притока дешевой и неквалифицированной рабочей силы на фоне низкой производительности труда.

Тенденция обеспечения экономического развития за счет использования дешевого труда характерна для процессов, протекающих в глобальной экономике. Так, в конце 80-х годов происходил перенос производственных мощностей из США в Китай, одной из целей этого процесса было сокращение издержек за счет использования дешевого труда [1]. Такая же тенденция наблюдалась и в развитых странах Европы с тем лишь отличием, что эти страны переносили свои мощности в бывшие колонии, затем в страны Восточной Европы [2]. Иначе говоря, глобальная экономика пошла по пути отказа от развития наукоемкого производства в пользу менее затратной модели развития – получения дохода за счет использования дешевых человеческих ресурсов [3]. А Россия оказалась в фарватере этой мировой тенденции.

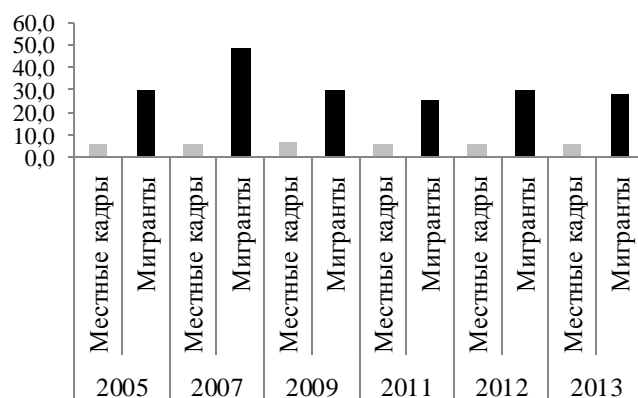
Сельское хозяйство, %

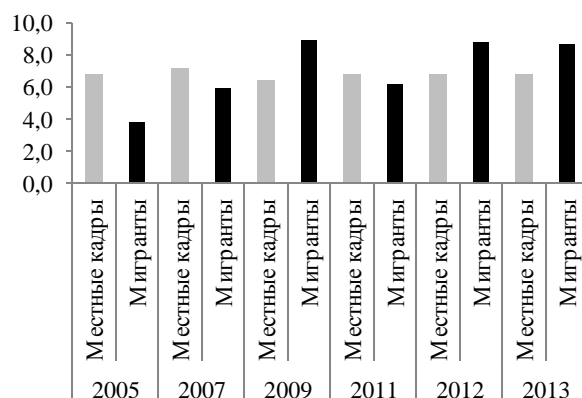
Обрабатывающая промышленность, %

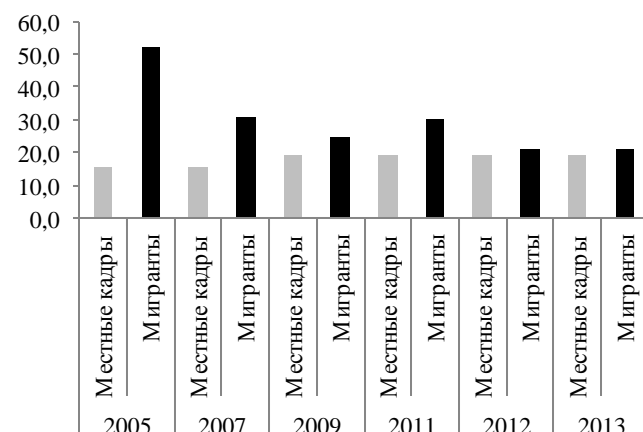
Строительство, %

Транспорт и связь, %

Оптовая и розничная торговля, %

Другие виды экономической деятельности, %

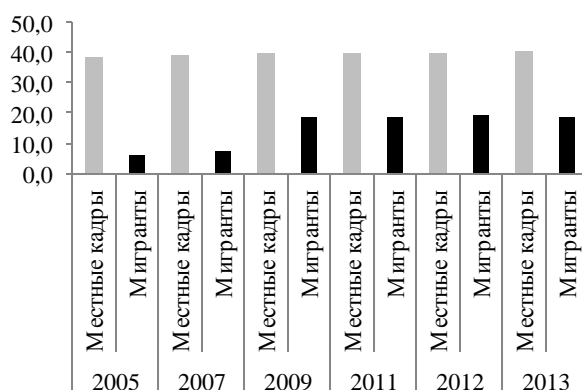

Рисунок 2. Структура занятости местного населения и мигрантов по отраслям экономики Свердловской области за 2005–2013 гг., % (сост. авт. на основе [5, 6])

Анализ сложившейся структуры численности занятых граждан среди местного населения и соотношения с количеством ИРС в разных отраслях экономики показал тенденцию к замене местных кадров на ИРС (рис.2). При этом наибольшее замещение местного населения трудовыми мигрантами за счет оттока коренных кадров происходило в сельском хозяйстве и обрабатывающей отрасли. В

строительстве подобное замещение произошло раньше анализируемого периода, потому в настоящее время в отрасли наблюдается низкая доля коренного населения со значительным преобладанием ИРС. Наибольшие структурные изменения на трудовом рынке коснулись оптовой торговли. В результате законодательного регулирования данной отрасли произошло резкое снижение использования ИРС и его замещение местными кадрами [4].

Отток коренного населения из сельского хозяйства и обрабатывающей отрасли объясняется как сжатием таковых, ставшим инертным продолжением перестроечных реформ, так и малой привлекательностью заработной платы. В сегментах, где уровень оплаты труда значительно отличается от уровня оплаты в анализируемых отраслях или нормативно регулируется правовыми отношениями и запретом на использование ИРС (к примеру, госслужба в МВД, министерствах и ведомствах, оборонно-промышленном комплексе страны), либо требует определенной квалификации (здравоохранение, сфера образования и др.), уровень ИРС был незначительным или нулевым. При этом предпочтительность в отношении привлечения местных кадров была сконцентрирована прежде всего в финансовой сфере.

Проанализируем сельское хозяйство и обрабатывающее производство более подробно. Для понимания того, какие отрасли испытывают дефицит человеческих ресурсов, мы проанализировали темпы их роста и численность занятого в них местного населения и ИРС. Как видно из динамики роста сельскохозяйственной отрасли, за девять лет данный сегмент экономики вырос почти в 1,2 раза, тогда как численность занятого в нем местного населения сократилась почти на 30% (рис. 3).

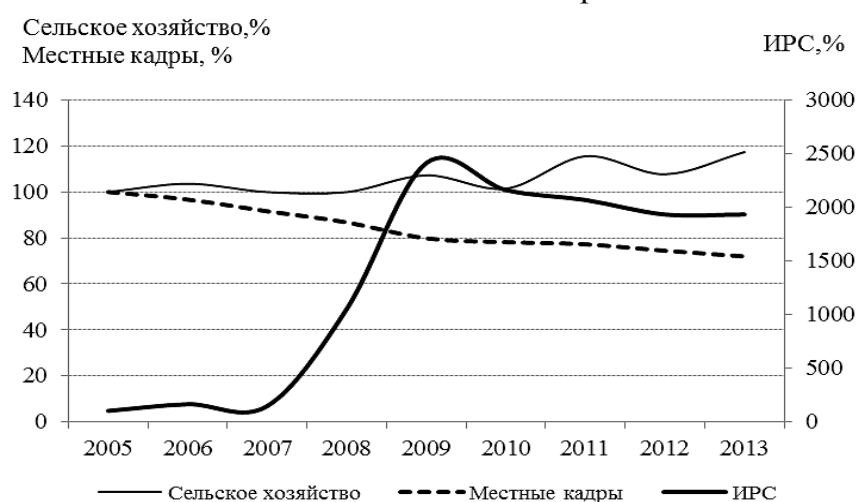

Рисунок 3. Динамика роста сельского хозяйства в Свердловской области за 2005–2013 гг. и численности занятого в нем местного населения и ИРС в сравнении с 2005 г. (сост. авт. на основе [5, 6])

Следовательно, только за анализируемый период разрыв между трудовыми ресурсами и сельским хозяйством составил свыше 40 п.п. Вместе с тем приток трудовых мигрантов значительно превышал потребность в кадрах данной отрасли и за девять лет увеличился почти в 20 раз.

Существенную долю мигрантов, занятых в сельском хозяйстве, составляют граждане Китая, которые занимаются выращиванием сельскохозяйственной продукции [5]. Однако большая часть мигрантов – преимущественно выходцев из

стран СНГ – задействована в приведении сельхозпродукции к так называемому товарному виду. Таким образом, развитие данной отрасли базируется в основном на использовании большого количества ручного труда. Следовательно, при сохранении текущей ситуации приток мигрантов будет продолжать расти, а эффективность отрасли – снижаться.

Подобная ситуация характерна и для обрабатывающей отрасли. В этом сегменте экономики наблюдается почти такая же пропорция между динамикой производства и численностью занятого в нем коренного населения, с одной стороны, и его замещением ИРС, с другой. Единственное отличие ситуации в обрабатывающей промышленности от той, что сложилась в сельском хозяйстве, заключается в том, что приток мигрантов увеличивался меньшими темпами и превысил уровень 2005 г. почти в 10 раз (рис. 4).

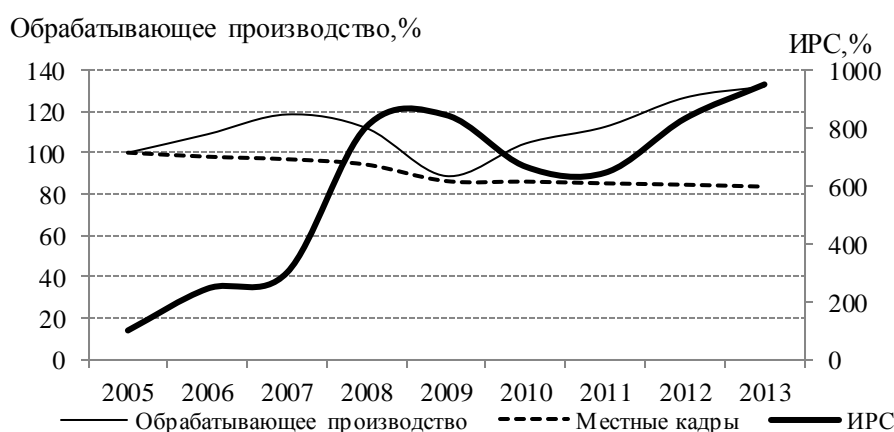

Рисунок 4. Динамика роста обрабатывающего производства в Свердловской области за 2005–2013 гг., численности занятого в нем местного населения и ИРС в сравнении с 2005 г. (сост. авт. на основе [5, 6])

Подобный приток ИРС в обрабатывающую отрасль также свидетельствует об отсталости применяемых в ней технологий и использовании ручного труда, вследствие чего производственную деятельность можно охарактеризовать как малоэффективную.

Таким образом, проведенное исследование позволило сформировать понимание того, что в Свердловской области сформировалась экстенсивная модель экономического развития, которая требует привлечения большого количества мигрантов. Это обусловлено типом развития российской экономики, характерным как для страны в целом, так и для ее регионов. Вследствие очень малого притока в экономику региона новых технологий или вообще отсутствия такового в рассмотренных отраслях (особенно в сельском хозяйстве) широко используется ручной труд.

В сложившихся условиях избыток кадров низкой квалификации в регионе не только не улучшает показатель экономического роста, но и вообще мало влияет на него. Наряду с этим большое количество ИРС создает излишнюю нагрузку на социальную сферу в регионе и способствует нарастанию межэтнических конфликтов.

В ситуации сохранения прежних качественных механизмов экономического развития региона, помимо нормативно-правового регулирования на рынке труда мигрантов, потребуются эффективные механизмы оценки и разумная политика

привлечения ИРС в разрезе отраслей исходя из действительных потребностей региональной экономики. В случае смены экономического курса и реального перехода страны на модернизационный путь развития, который предусматривает широкое использование инновационных технологий, необходимость привлечения ИРС значительно сократится или будет сведена к минимуму.

Библиографический список

1. Фурсов А. Борьба проектов // Газпром. 2012. № 6. С. 44-49.
2. Огийчук В. Шинная иммиграция. URL: http://husay.3dn.ru/news/shinnaja_immigracija/2014-03-29-163(дата обращения: 15.04.2015)
3. Исследование McKinsey & Company: Главная проблема российской экономики – низкая производительность труда. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2009/04/29/1986> (дата обращения: 15.01.2015).
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2006 г. № 683 «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации» / Российская газета – Федеральный выпуск № 4223 от 16.11.2006 г.
5. УФМС России по Свердловской области. Аналитические отчеты по миграционной ситуации за период 2007- 2013 гг.
6. Труд и занятость. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. 661 с.

© Тухтарова Е.Х., 2015. Текст.

Информация об авторе

Тухтарова Евгения Хасановна (г. Екатеринбург, Россия) – ведущий экономист Центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: tyevgeniya@yandex.ru).

Tukhtarova E.Kh.

IMPACT OF LABOUR MIGRATION ON ECONOMY OF THE SVERDLOVSK REGION

Abstract. *The article presents the results of empirical research on the impact of the influx of foreign labor migration on the economy of the region on the example of Sverdlovsk region. The study is based on official statistical data. On the basis of current trends of industries development and the use of foreign labor, the author suggests a conclusion about the economic model in the region using cheap labor as one of the main factors of growth and its replacement by new technologies. This current model of economic development in the region and in the country as a whole results a refusal to develop knowledge-intensive technologies. In order to reduce social tension in the region, the threshold value of the required number of migrants in the current situation in the Sverdlovsk region is given.*

Keywords: foreign labor force, labor migration, employment, local frames, GRP.

Information about the author

Tukhtarova Evgenya Khasanovna (Yekaterinburg, Russia) – Leading Economist, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: tyevgeniya@yandex.ru).

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СМЕРТНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН*

Аннотация. В статье представлен ретроспективный анализ смертности сельского населения Республики Башкортостан по основным классам причин смерти.

Ключевые слова: смертность, причины смертности, сельское население, суицид.

Республика Башкортостан по уровню смертности населения среди регионов ПФО по итогам 2013 года находится на 3-е месте с ее общим коэффициентом 13,1 промилле. На первом месте Республика Татарстан, имеющая самый низкий показатель 12,1‰, на втором – Удмуртская Республика (12,7‰) [1, с. 85-86].

С 1990 по 2014 гг. в республике умерло 1253373 человека (716641 городских, 536732 сельских жителя), что на 13,3% больше суммарной численности всего населения г. Уфа (1106635 чел. на 01.01.2014 г.).

Башкортостан выделяется высоким удельным весом сельского населения. Жители сельских муниципальных образований составляют 38,6% населения. Необходимо отметить, что сельское хозяйство республики имеет многоотраслевой характер, основная доля которого приходится на производство молока, мяса, зерновых культур и пчеловодство. В этом хозяйстве так или иначе занято почти все сельское население. Большинство ведет личное подсобное хозяйство, кто-то еще и непосредственно работает в сельскохозяйственной организации. На сегодняшний день сельскохозяйственное производство – основа благополучия и развития сельчан – находится в глубоком кризисе. Даная ситуация оказывает негативное влияние на формирование доходов сельчан, на их уровень потребления, доступность медицинских услуг. В условиях устойчивого сокращения численности сельского населения, смертность – одна из болевых точек демографического развития республики.

Смертность сельского населения республики за рассматриваемые 23 года возросла на 24,3%, с 1141,7 в 1990 г. до 1507,8 в 2013 г. в расчете на 100 000 человек населения.

Первое ранговое место среди причин смертности сельского населения за рассматриваемые годы принадлежит болезням системы кровообращения, которые относятся к предотвратимым причинам смерти. Второе место в структуре смертности селян стабильно занимает смертность от внешних причин. Показатели коэффициента смертности от неестественных причин, которые тоже предотвратимы, значительно выросли. В структуре смертности от неестественных причин среди селян преобладают самоубийства. Республика Башкортостан относится к неблагоприятным регионам России по уровню смертности от самоубийств среди трудоспособного населения. Показатели смертности по причине суицидов выросли на 26 процентов. Оговоримся, что при анализе мы опираемся на статистические данные, в основе которых – конкретная причина смерти. Поэтому нельзя исключить не истинный, а чисто статистический характер показателей смертности от самоубийств в республике, который может быть в разы

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта «Сельская бедность в условиях глобальных вызовов: региональный аспект», проект № 15-12-02018.

выше. Третье место занимают новообразования. Показатели смертности от данной причины имеют тенденцию к снижению, доля же заболевшего злокачественными новообразованиями сельского населения неуклонно растет [3, с. 37], что вполне может быть обусловлено тенденцией старения населения. Следующие причины смерти, занимающие 4-е и 5-е места – болезни органов дыхания и болезни органов пищеварения. Необходимо отметить, что за данный период доля умерших селян от болезней органов дыхания снизилась, доля же умерших от болезней пищеварения, напротив, повысилась более чем в 2 раза. Если в 1990-х годах она не превышала 2,2%, то в 2013 году составила 3,8% от общего числа умерших. Среди класса инфекционных и паразитарных болезней, ставших в 2013 году причиной примерно 0,8% смертей в республике, особая роль принадлежит туберкулезу. С 2000 г. увеличивается доля заболевших вирусом иммунодефицита человека, эпидемия ВИЧ-инфекции затрагивает преимущественно молодых людей в возрасте 21-40 лет.

Таблица 1

Смертность сельского населения Республики Башкортостан по основным классам причин смерти (на 100 000 человек населения) [2, с. 37, 74]

Причины смерти	1990 г.		2013 г.	
	всего	село	всего	село
Умершие от всех причин в том числе от:	965,5	1141,7	1312,2	1507,8
некоторых инфекционных и паразитарных болезней	11,0	12,0	16,7	12,6
новообразований	147,8	138,0	146,9	122,1
болезней системы кровообращения	500,8	599,4	601,8	594,6
болезней органов дыхания	67,9	107,6	64,2	93,9
болезней органов пищеварения	23,9	25,0	53,0	57,9
несчастных случаев, отравлений и травм, всего в том числе:	122,2	150,9	150,0	195,8
транспортные несчастные случаи	26,6	33,2	24,0	33,3
случайные утопления	6,9	10,0	7,1	10,9
отравления алкоголем	4,3	3,5	6,1	4,2
самоубийства	36,2	49,0	38,5	66,3
убийства	10,3	9,5	11,5	12,4

Сложившаяся демографическая обстановка на селе в республике определяется высокими темпами преждевременной и предотвратимой смертности, что ведет к снижению средней продолжительности жизни, соответственно к сокращению трудовых ресурсов. В стране все еще сохраняется пренебрежение ценностью человеческой жизни, как на уровне государства, так и на общественном уровне. «Деликатные и выверенные преобразования» [4] в ходе «оптимизации» системы здравоохранения страны не дали, к сожалению, ожидаемого роста эффективности и доступности медпомощи, особенно сельскому жителю. Поэтому основными направлениями деятельности в демографической политике по снижению смертности как в регионе, так в Российской Федерации в целом должны стать улучшение условий жизни населения, борьба с бедностью, пропаганда здорового образа жизни, трансформация здравоохранения в систему охраны здоровья.

Библиографический список

1. Российский статистический ежегодник. 2014: Стат.сб./Росстат. М., 2014.
2. Смертность населения Республики Башкортостан: статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2014.
3. Здоровоохранение в Республике Башкортостан: статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2014.
4. Первая онлайн-конференция Министра здравоохранения Российской Федерации Вероники Скворцовой (24 декабря 2014 г.) // Министерство здравоохранения РФ [Официальный сайт]. URL: <http://www.rosminzdrav.ru/news/2014/12/24/2186-pervaya-onlayn-konferentsiya-ministra-zdravoohraneniya-rossiyskoy-federatsii-veroniki-skvortsovoy> (дата обращения: 25.05.2015).

© Хамитова Л.М., 2015. Текст.

Информация об авторе

Хамитова Ляйсан Мухаметовна (г. Уфа, Россия) – младший научный сотрудник Отдела социально-экономических исследований, ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан» (450008, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 40; e-mail: hlm81@mail.ru).

Khamitova L. M.

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF MORTALITY OF THE RURAL POPULATION OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Abstract. *The article presents a retrospective analysis of rural population mortality by major causes in the Republic of Bashkortostan.*

Keywords: mortality, causes of death, rural population, suicide.

Information about the author

Khamitova Lyaysan Mukhametovna (Ufa, Russia) – Junior Researcher of the Department of social and economic research, Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of Bashkortostan Republic (40, Zacky Validi St., Ufa, 450008, Russia; e-mail: hlm81@mail.ru).

УДК 314.422.6

Хасанова Р.Р.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО УРОВНЮ СМЕРТНОСТИ*

Аннотация. *Изменение численности населения России во многом зависит от уровня и структуры смертности. В статье характеризуется динамика стандартизированного коэффициента смертности населения с момента утверждения Концепции демографической политики до 2015 года, анализируется ожидаемая и интервальная продолжительность жизни населения, в том числе и в региональном разрезе.*

Ключевые слова: смертность населения, ожидаемая продолжительность жизни, интервальная продолжительность жизни, стандартизированный коэффициент смертности, региональная дифференциация смертности.

* Статья написана в рамках гранта РФФИ № 25-06-09027.

По данным Федеральной службы государственной статистики, смертность в Российской Федерации сокращается. Об этом свидетельствует, прежде всего, повышение такого интегрального показателя, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении. За последние 10 лет (2003-2013 гг.) продолжительность жизни при рождении увеличилась на 6 лет (64,9 лет в 2003, 70,7 лет в 2013 году) [3], это исторический максимум, до этого самая высокая ожидаемая продолжительность жизни в России была в 1987 году – 70,1 лет. В 2013 году Россия впервые преодолела эту «планку», которая почти на год выше общемирового показателя, но на 6 лет ниже, чем средний показатель в развитых странах. Рис. 1 показывает, что по сравнению с некоторыми развитыми странами Россия отстает, но имеет схожую тенденцию к увеличению ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Такой огромный разрыв в данном показателе связывают с высокой смертностью мужского населения в трудоспособном возрасте и региональной разрозненностью показателей смертности [1; 2, с.44].

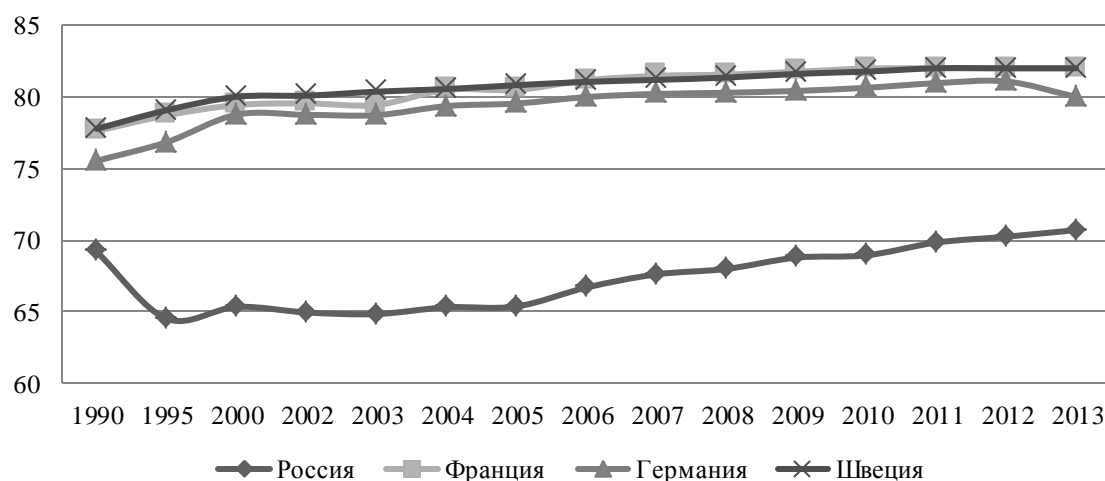

Рисунок 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Российской Федерации и некоторых европейских странах, 1990, 1995, 2001-2013 гг. [3, 4]

Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в России остается одним из самых высоких в мире, и к 2013 году составлял почти 12 лет (в 2003 году – 13 лет). В мире к такому показателю разрыва близки только Белоруссия (11 лет), Литва (11 лет) и Сальвадор (10 лет).

На сегодняшний день на федеральном уровне основными документами государственной политики в области снижения смертности, улучшения здоровья населения и увеличения продолжительности жизни являются Концепция демографической политики в Российской Федерации на период до 2025 года, национальный проект «Здоровье», Концепция развития системы здравоохранения Российской Федерации до 2020 года. В рамках данных программ и концепций приняты законы «О санитарно-эпидемиологическом благополучии», «Об ограничении курения табака», «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации», «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)», «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», федеральные

программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013 – 2020 годах», «Развитие транспортной системы России (2010-2010 годы), «Чистая вода» (2011-2017 гг.), «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006-2015 гг.», «О перечне видов высокотехнологичной медицинской помощи», Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года и т.д.

Данные мероприятия должны положительно влиять на увеличение продолжительности жизни населения, что, в принципе, и происходит: в 2013 году Россия перешагнула максимальный до этого уровень ожидаемой продолжительности жизни 1987 года – 70,7 лет. Также существует теория второго эпидемиологического перехода, в рамках которой повышение ожидаемой продолжительности жизни – это норма.

Анализ стандартизованного коэффициента смертности населения России после принятия Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года показывает значительную положительную динамику (табл. 1). Нужно отметить, что за стандарт взята возрастная структура населения России 2007 г. (год утверждения Концепции). Стандартизованный коэффициент смертности населения России за 2008-2013 гг. показывает, что смертность снижается и у женщин, и у мужчин.

Таблица 1

Стандартизованный коэффициент смертности населения России, 2008-2013 гг., ‰
(расч. авт. по: [3])

Годы	Все население	Мужчины	Женщины
2008	14,30	16,24	12,63
2009	13,71	15,46	12,19
2010	13,64	15,27	12,20
2011	12,71	14,24	11,34
2012	12,33	13,70	11,08
2013	11,91	13,21	10,72

Рост продолжительности жизни в России сопровождается ее значительной региональной дифференциацией. Тенденция снижения смертности в регионах также неравномерна. В 2013 году к регионам с самой высокой ожидаемой продолжительностью жизни относились Республика Ингушетия (78,8 лет), г. Москва (76,3 года), г. Санкт-Петербург (74,2 лет), Краснодарский край (74,2 года), с самой низкой – Республика Тыва (61,8 лет), Чукотский АО (62,1 лет), Еврейская АО (64,9 лет), Ненецкий АО (65,8 лет). Разница между показателями республик Ингушетия (самая высокая ожидаемая продолжительность жизни) и Тыва (самая низкая ожидаемая продолжительность жизни) составляет 17 лет.

На рис. 2 регионы сгруппированы в 7 групп по уровню ожидаемой продолжительности жизни населения за 2013 год. В первые три группы входят регионы с относительно высокими показателями: это традиционно регионы Северного Кавказа, Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Белгородская область, Республика Татарстан, Республика Адыгея, Пензенская область. Ожидаемая продолжительность жизни в этих группах регионов различается до 7 лет (71,53-78,84 лет). Четвертая группа, самая многочисленная, характеризуется средним уровнем ожидаемой продолжительности

жизни – 69,10-71,53 лет. Пятая-седьмая группы характеризуются низкими показателями. К регионам с самой низкой ожидаемой продолжительностью жизни при рождении относятся Республика Тыва, Чукотский, Ненецкий автономные округа, Еврейская автономная область и Амурская область. Различия в смертности населения связаны со значительным социально-экономическим неравенством регионов.

Рисунок 2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в субъектах Российской Федерации, 2013 гг.

На рис. 3 показана карта России, где цветами обозначены регионы по уровню интервальной продолжительности жизни (ИПЖ) за 2013 г. в возрастном периоде 15-64 года. Анализ ИПЖ в возрасте 15-64 года показывает, что иерархия регионов по данному показателю схожа с показателями ожидаемой продолжительности жизни при рождении. К регионам с высокой интервальной продолжительностью жизни в возрасте 15-64 года также относятся регионы Северного Кавказа, Москва, Санкт-Петербург, Белгородская область (1-2-е группы, с интервальной продолжительностью жизни 45,56-47,38 лет). Далее большинство регионов относится к группе 3 (44,65-45,56 лет) и 4 (43,73-44,65 лет). А к регионам с низкими показателями – Чукотский автономный округ, Республика Тыва с продолжительностью жизни 41,09-41,91 (7-я группа), Еврейская автономная область с продолжительностью жизни 41,91-42,82 (6-я группа), Курганская область, Республика Алтай, Новгородская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, Кемеровская область, Ненецкий автономный округ, Амурская область, Иркутская область с продолжительностью жизни 42,82-43,73 (5-я группа).

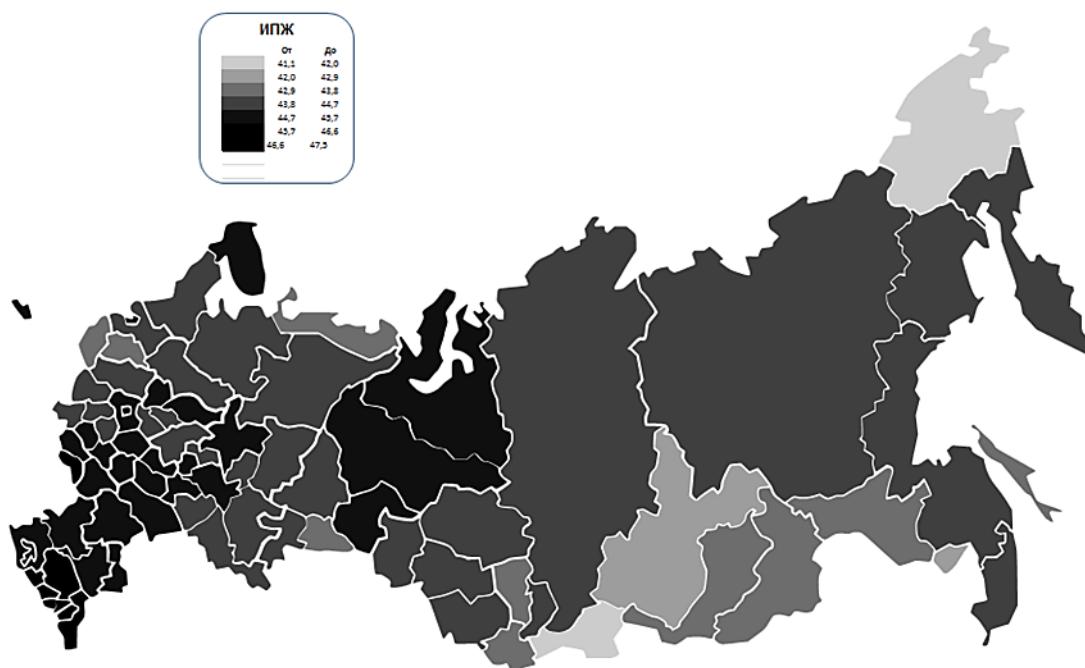

Рисунок 3. Интервальная продолжительность жизни населения в возрасте 15-64 года в субъектах Российской Федерации, 2013 г.

Судя по проведенному анализу, основной проблемой в увеличении продолжительности жизни россиян и достижении более высоких ее показателей является значительная региональная дифференциация в стране. Также отличительной чертой смертности в России является высокая смертность в трудоспособных возрастах, о чем свидетельствует показатель интервальной продолжительности жизни в возрасте 15-64 года. Для разработки стратегии снижения смертности в России в целом необходимо дальнейшее более глубокое изучение региональной дифференциации, а именно детальный анализ регионов по уровню интервальной продолжительности жизни и оценке потерь в ИПЖ по причинам смерти.

Библиографический список

1. Андреев Е.М. Главная причина разрыва – высокая смертность мужчин от несчастных случаев, отравлений и травм//Электронная версия бюллетеня Население и Общество «Демоскоп Weekly»<http://demoscope.ru/weekly/035/tema03.php>.
2. Хасанова Р.Р. Самоохранительное поведение населения как фактор продолжительности жизни// Здоровье населения и среда обитания, 2013. №5 (242). С.43-46.
3. Федеральная служба государственной статистики [Официальный сайт]. URL: gks.ru (Дата обращения: 10.08.2014 г.)
4. Европейская база данных «Health for all», Population Reference Bureau. 2013 World Population Data Sheet.

© Хасанова Р.Р., 2015. Текст.

Информация об авторе

Хасанова Рамиля Рафаэлевна (г. Москва, Россия) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Центр по изучению проблем народонаселения экономического фа-

культета МГУ им. М. В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, д.1. корп. 46; e-mail: Khasanovarr@gmail.com).

Khasanova R. R.

DIFFERENTIATION OF RUSSIAN REGIONS IN TERMS OF MORTALITY

Abstract. *The change in the population of Russia is largely dependent on the level and structure of mortality. The article characterizes the dynamics of the standardized mortality rate of the population since the adoption of the government Concept of the demographic policy up to 2015. The paper analyzes life expectancy and interval life expectancy of the population in the regional context.*

Keywords. mortality, life expectancy, interval life expectancy, standardized mortality rate, regional differences in mortality.

Information about the author

Khasanova Ramilya Rafaelevna (Moscow, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Researcher, Center for Population Studies, Economics Department, Moscow State University (1, build. 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia; khasanovarr@gmail.com).

УДК 314.7

Хилажева Г.Ф.

МИГРАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности миграционного поведения жителей Республики Башкортостан. Социологические данные показывают, что низкий уровень жизни, невозможность реализовать себя в профессиональной сфере, удовлетворять свои культурные потребности являются теми факторами, которые способствуют миграционной убыли населения.*

Ключевые слова: миграция, миграционное поведение, Республика Башкортостан, город, село.

Механическая убыль населения, его отток за пределы республики – одна из острых социальных проблем в Башкортостане. В связи с этим исследование миграционного поведения жителей РБ является актуальным и требует специального комплексного исследования.

В данной статье автор рассматривает миграционное поведение жителей Башкортостана на основе результатов социологического исследования «Демографическое развитие Республики Башкортостан», проведенного Институтом социально-политических и правовых исследований РБ (ИСППИ РБ) в 2007 г.⁶

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-02-18012 «Факторы демографического поведения населения региона (на примере Республики Башкортостан)».

⁶ Объект исследования: – население РБ в возрасте от 18 лет. Выборка вероятностная, стратифицирована по типу населенного пункта и социально-экономическому подрайону Республики Башкортостан с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по возрасту, полу, национальности и уровню образования. Метод исследования: личное интервью по месту жительства. Объем выборки – 1000 чел. Руководители проекта Р.М. Валиахметов, Г.Ф. Хилажева.

Анализ результатов исследования проведен в социально-территориальном разрезе – респонденты разделены на три социально-территориальные группы: жители села; столицы республики – г. Уфы; других городов РБ. Респонденты из г.Уфы нами выделены в отдельную социально-территориальную группу, так как, во-первых, в ней – городе с миллионным населением – проживает около четверти всех жителей республики. Во-вторых, по своему социально-экономическому развитию, возможностям удовлетворения социальных, культурных потребностей он стоит на порядок выше других городов РБ, которые в основном являются малыми и средними городами.

Миграционное поведение как деятельность человека, в первую очередь, направлено на удовлетворение его базовых потребностей. Оно включает в себя состояние потенциальной миграции и реализацию этого состояния – перемену места жительства [1, с.173-194].

Миграционное поведение населения региона в целом является усредненным, обобщенным вариантом двух основных типов поведения: первый воспроизводится теми, кто имеет какой-либо опыт миграционных передвижений; второй – теми, кто в течение всей своей жизни прожил на одном месте и не имеет такого опыта [1, с.173-194].

Тех, кто воспроизводит первый тип поведения, мы условно назовем мигрантами, второй – местными уроженцами. По данным переписи населения 2002 г. в Республике Башкортостан лица, безвыездно проживающие в месте постоянного жительства, составили около 62% [4, с.30]. В нашей выборке местных уроженцев 57,3%; мигрантов – 42,7%. (табл. 1).

Таблица 1

Ответы на вопрос «Как давно Вы живете в этом городе (селе, деревне)?»
(% от числа ответивших)

Варианты ответов	Тип населенного пункта			Всего
	Город	Село	Уфа	
Местный уроженец (-ка), живу безвыездно	48,6	56,9	69,0	57,3
Мигранты:	51,4	43,1	31	42,7
местный (-ая) уроженец (-ка), живу с перерывами	3,0	8,4	1,9	4,9
проживаю менее 5 лет	5,7	6,9	9,3	7,2
проживаю от 6 до 15 лет	11,2	10,9	5,8	9,7
проживаю от 16 до 25 лет	10,3	7,4	7,0	8,3
проживаю более 25 лет	21,1	9,4	7,0	12,7

В столице республики местные уроженцы составили 69%, других городах – 48,6%, сельской местности – 56,9%. Как видно, в городах их больше, чем на селе, особенно в столице республики.

Лица, имеющие опыт миграции, представлены в нашей выборке разными категориями. Значительную долю (более 75%) составляют «внутренние» мигранты из Республики Башкортостан, в т.ч. около 60% – из сельской местности и 15% – из городов; четверть (25%) – те, кто приехал из-за пределов республики, из них 10% – из других регионов России, 14% – из-за пределов России.

В настоящее время проводится лонгитюдное социологическое исследование, результаты которого дадут возможность проследить изменение миграционного поведения жителей РБ в динамике.

Данные нашего исследования о соотношении участников разных потоков миграции в Республике Башкортостан перекликаются с материалами официальной статистики, согласно которым представители внутрирегиональной миграции составили в РБ в 2007 г. 68% всех прибывших мигрантов, межрегиональной – 22,5%, международной – 9,5% [5, с.7]. Наблюдается разница с социологическими данными по уровню внутрирегиональной и межрегиональной миграции, которую можно объяснить тем, что нами опрашивались лица в возрасте от 18 до 65 лет, а в официальной статистике указывается информация о лицах 14 лет и старше. Однако зафиксированный во время опроса уровень миграции из зарубежных стран практически совпадает с официальной статистикой.

Согласно нашим данным, по национальному составу мигранты, приехавшие в РБ из-за пределов России, являются преимущественно башкирами, русскими и татарами, т.е. представителями трех наиболее многочисленных этносов Республики Башкортостан. В основной своей массе – это выходцы (или их дети) из Башкортостана, вернувшиеся на свою историческую родину.

Причины, по которым мигранты приехали в Башкортостан на постоянное место жительства, связаны как с личными, семейными обстоятельствами, так и с социально-экономическими причинами. В целом по выборке на первое место они поставили «переезд к родным, на малую родину» (38,6%), на второе – «вступление в брак» (24,3%), на третье – «в связи с работой» (20%).

Анализ в социально-территориальном разрезе показывает, что для мигрантов, приехавших в г.Уфу, более актуальными были причины, связанные с работой и решением материальных проблем; для тех, кто мигрировал в другие города и сельскую местность – переезд к родным и вступление в брак. Например, ответ «желание улучшить свое материальное положение» уфимские респонденты-мигранты поставили на третье место, а в других городах и селах – лишь на пятое (рис. 1).

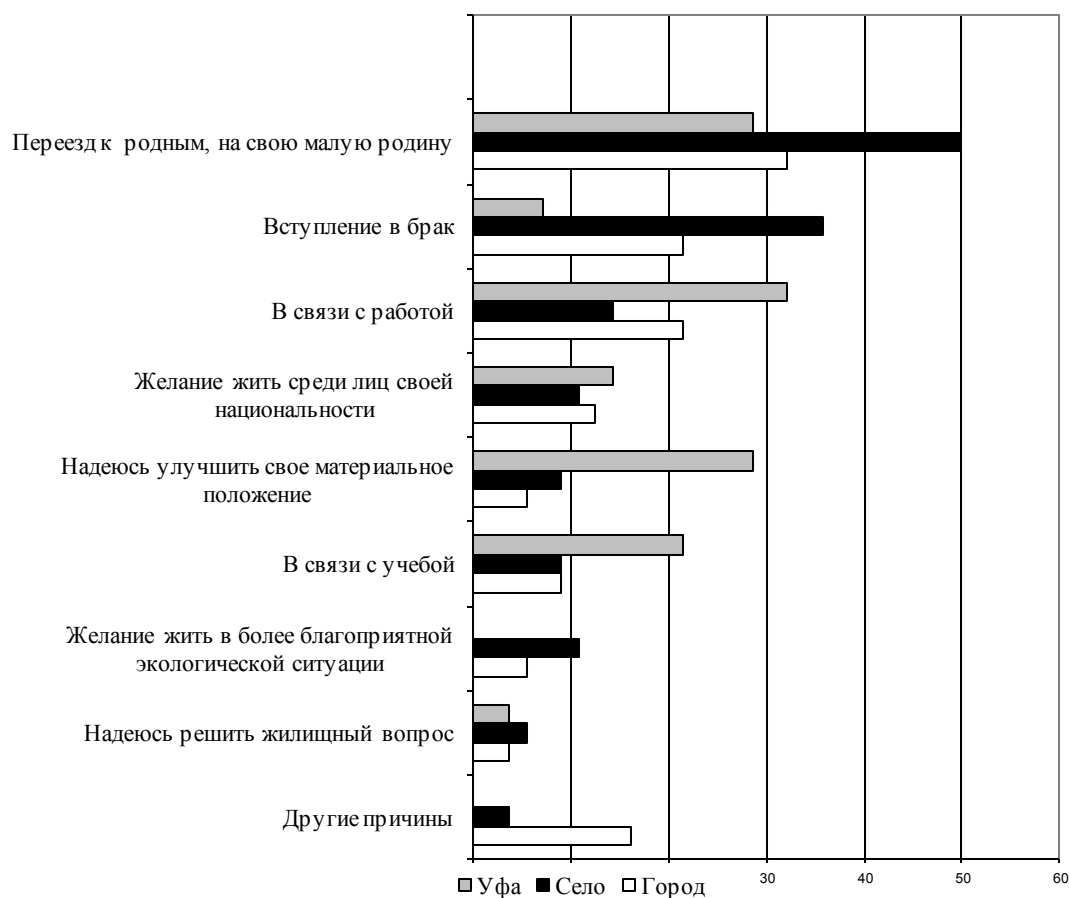
Ответы респондентов из разных социально-территориальных групп о причинах миграции показывают разное восприятие ими возможностей, которые предоставляют села, малые и средние города, с одной стороны, и крупный миллионный город, столица республики, с другой. Первые не рассматриваются мигрантами как место, где возможно решить вопросы социально-экономического характера, этим целям чаще всего отвечает город Уфа.

Для нас важно было выяснить как оцениваются последствия миграции респондентами, приехавшими в РБ из-за ее пределов. Были сформулированы вопросы, отвечая на которые они должны были дать оценку, насколько изменилась их жизнь (в лучшую или худшую сторону) по трем показателям – материальное положение, жилищные условия и работа.

По всем трем позициям значительная часть респондентов-мигрантов отметила изменения в лучшую сторону (от 41 до 47%). Несколько меньше тех, кто указал их ухудшение (от 16 до 24%), примерно четверть ответили, что они остались такими же (24-28%).

Мигранты, отметившие изменения в лучшую сторону, в основной своей массе проживают в городах: отметившие изменения в профессиональной сфере – в основном в г.Уфа (53,3%); жилищных условиях и материальном положении – в других городах (по 54,5%). В селах относительно больше мигрантов, указавших

ухудшение по всем трем позициям: жилищным условиям (36,5%), материальному положению (25,9%), работе (22,2%).

* Сумма вариантов ответов больше 100%, так как возможен выбор больше одного ответа.

Рисунок 1. Ответы на вопрос «Каковы причины Вашего переезда в Республику Башкортостан?» (% от числа ответивших)

Как видно, есть определенная разница в оценке городской и сельской местности как объекта для миграции. Миграция в сельскую местность связана с удовлетворением потребностей личного, семейного характера, в города – социально-экономического.

Уровень потенциальной миграции жителей РБ выявлялся с помощью вопросов о миграционных планах на будущее, а также о степени удовлетворенности жизнью в своих населенных пунктах.

В целом по выборке примерно каждый десятый респондент указал на наличие миграционных планов (11,6%). О том, что планируют куда-либо в будущем выехать, ответили 4,7% респондентов из г.Уфы, 14,2% – других городов и 13,9% – из сел. Как видно, жители сел, малых и средних городов РБ – наиболее активная в миграционном отношении категория респондентов (табл. 2).

Данные официальной статистики показывают, что наибольшая миграционная активность характерна для лиц трудоспособного возраста и молодежи. В 2013 г. среди мигрантов, выехавших из РБ в другие регионы России, лица в возрасте 15-29 лет составили около 45,5%, лица трудоспособного возраста – 71,2%.

В нашей выборке наибольшая доля потенциальных мигрантов представлена среди молодых людей до 34-х лет. Своих максимальных значений уровень

потенциальной миграции достигает в возрастной группе 18-24 года (29,9%), а минимальных – в 55-65 лет (0,8%). У респондентов старше 66 лет отсутствуют какие-либо миграционные планы.

Таблица 2

Ответы на вопрос «Строя планы на будущее, связываете ли Вы свою дальнейшую жизнь с этим городом (селом, деревней)?» (% от числа ответивших)

Варианты ответов	Тип населенного пункта			Всего
	Город	Село	Уфа	
Думаю и дальше жить здесь	82,8	79,9	91,3	83,8
Планирую уехать, в т.ч.:	14,2	13,9	4,7	11,6
в другой город Республики Башкортостан	6,9	8,5	0,4	5,9
переехать (вернуться) в сельскую местность Республики Башкортостан	1,2	1,7	0,4	1,2
переехать в другой регион России	5,1	2,5	2,8	3,4
выехать за пределы России, в другую страну	0,9	1,2	1,2	1,1
Затрудняюсь ответить	3,0	6,2	4,0	4,6

Основные причины возможного переезда связаны, в первую очередь, со стремлением решить социально-экономические проблемы и получить образование: первое место – «в связи с работой» (41,6%), второе – «стремление улучшить свое материальное положение» (38,6%), третье – «в связи с учебой» (15,8%).

Селяне чаще, чем горожане, указывали на желание найти другую работу, жители Уфы – переезд в связи с учебой, жители других городов – улучшить свое материальное положение

Возможный переезд в связи с работой стоит на первом месте у представителей всех возрастных групп, в т.ч. и молодежи 18-24 лет (41,5%). Учебу они поставили на третье место после улучшения жилищных условий (22 и 35,8% соответственно). Каждый второй респондент в возрасте 25-34 лет планирует переезд в связи с работой и улучшением материального положения (по 50%). Указанные две причины в возрастных группах 35-44 и 45-54 года выбрали от 30 до 40% респондентов.

В ходе исследования мы стремились выяснить, насколько удовлетворены жители республики условиями жизни в населенных пунктах, в которых проживают. Сельские и городские жители по-разному их оценили. Селяне крайне негативно отзывались о своих возможностях в трудовой, культурной и образовательной сферах. В то же время они чаще, чем горожане, положительно оценивали такие стороны, как возможность жить среди лиц своей национальности, экологическая ситуация, уровень личной безопасности и возможность решить жилищный вопрос. Однако относительно высокая удовлетворенность этими сторонами жизни не являлась для них условием для дальнейшего проживания здесь – в поисках более высокого уровня и качества жизни значительная их часть стремятся покинуть свои населенные пункты.

Сравнение ответов двух категорий опрошиваемых – тех, кто не планирует никуда уезжать, и тех, кто готов выехать в другие населенные пункты (потенциальные мигранты) – показывает, что уровень удовлетворенности

последних намного ниже чем, у первых. Самая высокая неудовлетворенность наблюдается у потенциальных мигрантов такими сторонами жизни, как возможность проявить себя в профессиональной сфере (42,1%), решить жилищный вопрос (41,2%), возможность получить (дать детям) хорошее образование (35,1%).

Как видно, существует зависимость потенциальной миграции от уровня жизни населения. Чем выше неудовлетворенность, тем больше вероятность того, что человек покинет свое прежнее место жительства.

Таким образом, анализ социологических данных о реальном миграционном поведении респондентов, уровне потенциальной миграции показал следующее:

1. Миграционное поведение представителей различных социально-территориальных и социально-демографических групп населения отличается друг от друга: наибольшая активность характерна для жителей сельской местности, малых и средних городов, молодых возрастных групп.

2. Выявлен достаточно высокий уровень остроты социально-экономических проблем, стоящих перед мигрантами, приехавшими в Башкортостан из российских регионов и из-за их пределов. Являясь в основной своей массе вынужденными мигрантами из стран ближнего зарубежья, приехав в Башкортостан, не все они смогли решить вопросы, связанные с достижением достойного уровня жизни.

3. Малые и средние города республики, села большей частью респондентов не воспринимаются как место проживания, в котором могут быть реализованы ожидания, связанные с достойным уровнем жизни, работой и образованием.

В городах результаты миграции оцениваются респондентами-мигрантами больше позитивно, чем в сельской местности. При этом малые и средние города республики занимают срединную позицию между сельской местностью и столицей республики – Уфой. По некоторым оценкам, их значения близки к сельской местности, по другим – к крупному городу Уфе.

Уфа как крупный образовательный, промышленный центр республики для местного населения выступает тем местом проживания, в котором могут быть удовлетворены все основные базовые потребности человека. Соответственно, среди основной части респондентов г.Уфы не возникало каких-либо намерений уезжать из этого города. Здесь относительно большая доля местных уроженцев, т.е. тех, кто не имеет опыта миграции, и относительно низкий уровень потенциальной миграции.

4. Результаты исследований показывают, что низкий уровень жизни, невозможность реализовать себя в профессиональной сфере, удовлетворять свои культурные потребности являются теми факторами, которые способствуют миграционной убыли населения республики.

Следовательно, решение проблемы активного миграционного оттока связано с вопросами реализации эффективной социальной политики, созданием условий для профессиональной самореализации, возможностями удовлетворять экономические и культурные потребности теми жителями республики, которые находятся в активном трудоспособном возрасте, проживают в слабо урбанизированных регионах, малых и средних городах республики.

Библиографический список

1. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории) / Л.Л. Рыбаковский, Ин-т соц.-полит. исследований РАН. М.: ИСПИ РАН, 2003. 239 с.

© Хилажева Г.Ф., 2015. Текст.

Информация об авторе

Хилажева Гульдар Фаритовна (г. Уфа, Россия) – кандидат исторических наук, зав. лабораторией семьи и демографии Института социально-политических и правовых исследований РБ, ученый секретарь Башкирского филиала Института социологии РАН (450008, г.Уфа, ул. Кирова, 15; e-mail: aguldar@yandex.ru).

Khilazheva G. F.

MIGRATORY BEHAVIOR OF RESIDENTS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. *The article considers peculiarities of migratory behavior of residents of the Republic of Bashkortostan. Sociological data show that the low level of living, impossibility of self-realization in a professional field, to satisfy their cultural needs are those factors that contribute to a migratory population decrease.*

Keywords: migration, migratory behavior, the Republic of Bashkortostan, city, village.

Information about the author

Khilazheva Guldar Faritovna (Ufa, Russia) – Candidate of History Sciences, Head of the Laboratory of Family and Demography, Institute of Socio-Political and Legal Research of the Republic of Bashkortostan, Academic secretary of the Bashkir branch of the Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences (15, Kirov st., Ufa, 450008, Russia; e-mail: aguldar@yandex.ru).

УДК 314.4

Шамсутдинова Н.К.

КЛАССИФИКАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ПО УРОВНЮ СМЕРТНОСТИ ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН

Аннотация. *Для определения приоритетов политики снижения смертности от внешних причин были произведены расчеты специальных показателей смертности в муниципальных образованиях за 2011-2013 гг. и проведена их классификация.*

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни, смертность, внешние причины смерти, Республика Башкортостан, муниципальные районы, городские округа.

Снижение смертности стало актуальным направлением региональной демографической политики и постоянно находится в фокусе внимания. Проблему снижения смертности и превышения продолжительности жизни не раз в своих выступлениях отмечал глава республики Р. З. Хамитов, она не раз становилась предметом обсуждений специальных коллегий [2].

Тренд снижения общего коэффициента смертности в Республике Башкортостан продолжается с 2005 г. Однако вплоть с 1991 г. по 2013 г. внешние причины занимали вторую позицию после заболеваний системы кровообращения, в то время как в целом по России уже в 2005 г. они уступили место новообразованиям.

Внешние причины вызваны не заболеваниями, а внешними факторами и носят неестественный и, в основном, преждевременный и предотвратимый характер [1, с. 32.]. В Приволжском федеральном округе складывались более высокие показатели смертности от внешних причин по сравнению с российским

уровнем, однако в 2012 и 2013 гг. в Республике Башкортостан они были выше среднего в округе [3].

Таблица 1

Потенциал увеличения ожидаемой продолжительности жизни при гипотезе устранения отдельных причин смерти в 2010 г., лет

Потенциал	Все население	Мужчины	Женщины	Городское население	Сельское население
Изменение ожидаемой продолжительности жизни при устранении причины смерти от:					
инфекционных и паразитарных болезней	+0,4	+0,5	+0,2	+0,4	+0,2
новообразований	+1,7	+1,5	+1,7	+2,0	+1,3
болезней системы кровообращения	+6,6	+6,7	+5,8	+6,9	+6,4
болезней органов дыхания	+0,9	+1,0	+0,4	+0,6	+1,1
болезней органов пищеварения	+0,8	+0,7	+0,5	+0,7	+0,7
внешних причин	+3,2	+4,4	+1,4	+2,5	+4,3

Источник: данные Росстата.

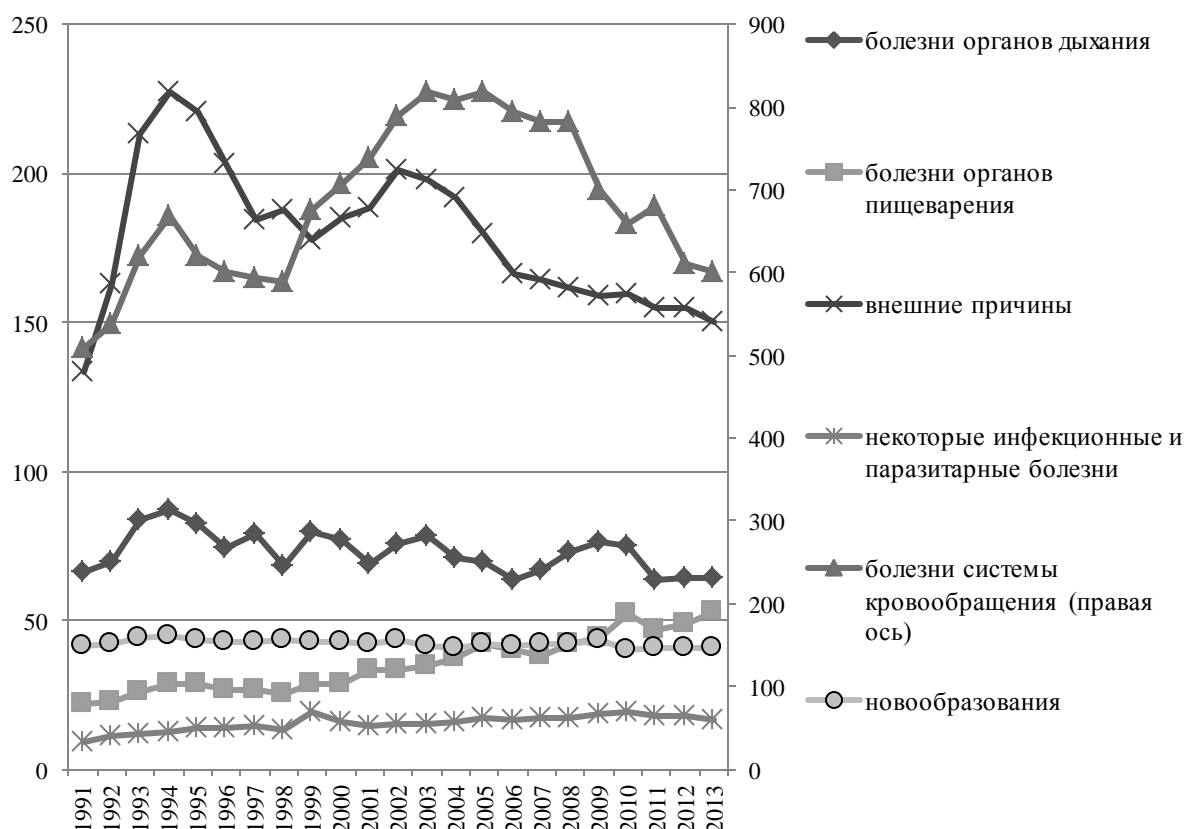

Рисунок 2. Число умерших в Республике Башкортостан по основным классам причин смерти, на 100 тыс. чел. (по данным Росстата)

Снижение смертности от внешних причин внесет весомый вклад в повышение продолжительности жизни. Территориальный разброс показателей смертности от этих причин весьма значителен. В абсолютном большинстве сельских районов республики в последние годы внешние причины были на втором

месте среди причин смерти. В данной работе мы попытаемся выяснить, какие именно муниципальные образования отличаются наиболее высокими показателями смертности от внешних причин.

В Республике Башкортостан насчитывается 9 городских округов и 12 городов в составе муниципальных районов. Всего в республике 54 муниципальных района, 41 из которых – чисто сельские. Численность и возрастная структура муниципальных образований в республике сильно дифференцирована. Городской округ город Уфа является городом-миллионером (1,1 млн жителей), наименьший по численности городской округ Агидель насчитывает всего 15,9 тыс. чел. Среди муниципальных районов наиболее населенный – Туймазинский (132,1 тыс. чел.), наименее – Зилаирский район (15,5 тыс. чел.)⁷.

Таблица 2

Муниципальные районы и города с наивысшими показателями смертности трудоспособного населения от внешних причин, 2011-2013 гг., число умерших от внешних причин на 100 тыс. чел.

<i>Города (городские округа и города, входящие в муниципальные образования)</i>					
Условные обозначения		очень высокий уровень	входит в первую пятерку в течение 3 лет		
		высокий уровень	входит в первую пятерку в течение 2 лет		
			входит в первую пятерку в течение 1 года		
<i>Муниципальные районы</i>					
Условные обозначения		очень высокий уровень	входит в первую десятку в течение 3 лет		
		высокий уровень	входит в первую десятку в течение 2 лет		
			входит в первую десятку в течение 1 года		
<i>Города (городские округа и города, входящие в муниципальные образования)</i>					
NN	2011 г.		2012 г.		2013 г.
1	Баймак	334	Баймак	283	Баймак 321
2	Белорецк	285	Янаул	278	Белорецк 280
3	Учалы	232	Мелеуз	249	Янаул 259
4	Ишимбай	226	Белорецк	224	Благовещенск 238
5	Давлеканово	199	Ишимбай	215	Учалы 212
<i>Муниципальные районы</i>					
1	Татышлинский	399	Хайбуллинский	551	Архангельский 431
2	Стерлибашевский	398	Шаранский	497	Гафурийский 427
3	Архангельский	395	Федоровский	475	Татышлинский 391
4	Зилаирский	394	Татышлинский	458	Аскинский 383
5	Иглинский	365	Янаульский	456	Нуримановский 363
6	Салаватский	359	Чекмагушевский	442	Баймакский 338
7	Абзелиловский	356	Гафурийский	426	Иглинский 334
8	Ермекеевский	334	Архангельский	413	Федоровский 327
9	Баймакский	333	Аскинский	385	Ермекеевский 325
10	Белорецкий	327	Абзелиловский	377	Бураевский 324

Источник: расчеты автора на основе данных Башкортостанстата.

В соответствии с методикой ООН в 3 районах – Бураевском, Балтачевском, Ермекеевском – очень высокий уровень демографической старости (доля лиц в возрасте старше 65 лет выше 18%), в 8 районах – высокий (16–18%), в 13 – средний (14–16%), в 18 – начальный (12–14%), 7 находятся на стадии «собственно

⁷ Данные Башкортостанстата на начало 2014 г.

преддверие старости» (10–12%), 7 – в начальном преддверии старости (8–10%). Бурзянский район, в котором самая высокая рождаемость, находится ближе всего к стадии «демографической молодости» (8,4% лиц в возрасте старше 65 лет) (рис. 2).

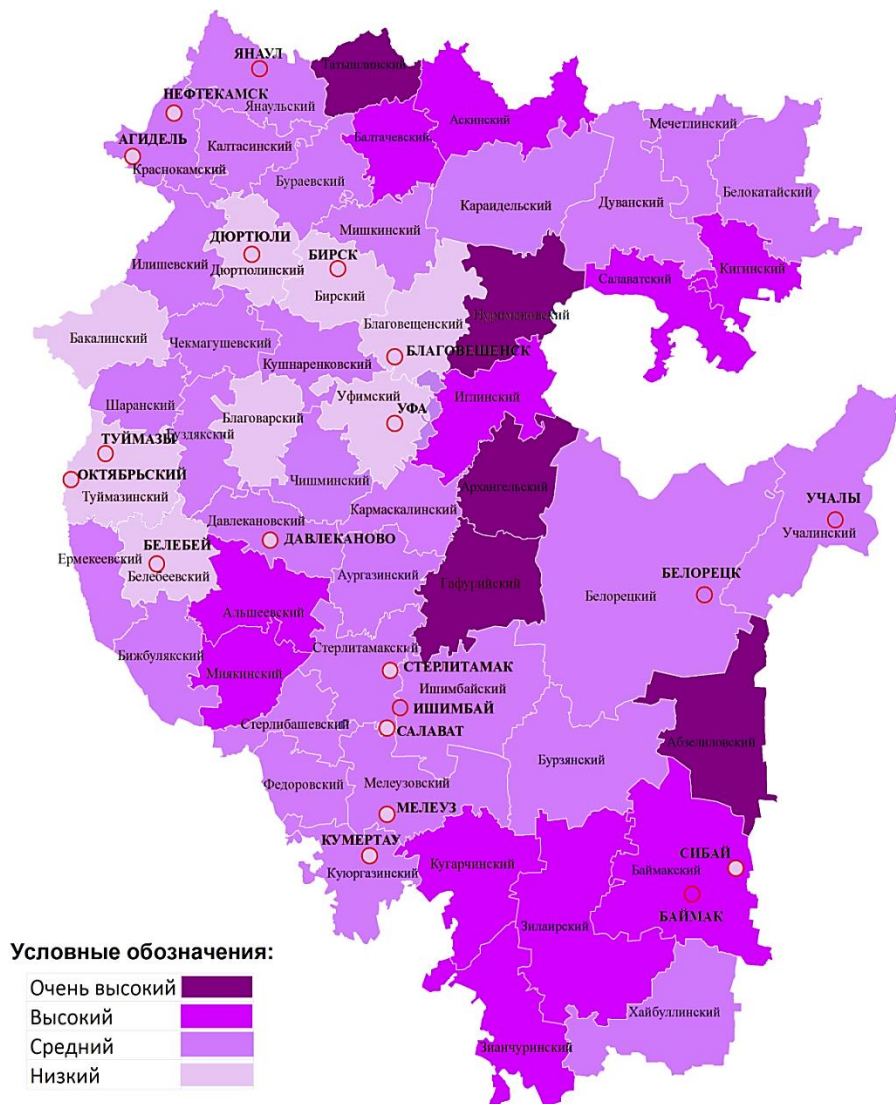

Рисунок 2. Стандартизованный коэффициент смертности от внешних причин, 2011-2013 г. (рассчитано автором на основе данных Башкортостанстата)

Такая дифференциация численности и возрастной структуры обуславливает обращение к методике стандартизации при анализе смертности. Кроме этого, неравномерна сама возрастная структура смертности: наблюдаются «скачки» смертности в разных возрастных группах. В данном случае проводилась прямая стандартизация показателя за три года (2011-2013 гг.), стандарт – население республики. Используются данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан (Башкортостанстат).

На этих же территориях в 2010-2012 гг. наблюдались наивысшие по республике стандартизованные коэффициенты смертности от самоубийств и транспортных происшествий.

Расчет возрастных особенностей смертности от внешних причин показал, что в районах с высокой смертностью трудоспособного населения отнюдь не всегда фиксируются также высокие показатели смертности детей и пожилых. Однако

показательно, что в абсолютном большинстве районов республики смертность во всех этих возрастных группах выше среднего по республике. Такая ситуация складывается в последние три года.

Таким образом, высокие показатели смертности от внешних причин в муниципальных образованиях обуславливаются высокой смертностью населения в трудоспособном возрасте. Считается, что внешние причины смерти обуславливаются главным образом индивидуальным поведением, средой обитания и социально-экономическим климатом.

Следует отметить, что муниципальные районы, в которых в последнее время фиксируются высокие показатели смертности от внешних причин, относятся к неблагополучным с точки зрения социально-экономического развития территориям неурбанизированного севера и старопромышленного востока республики. Для снижения смертности от внешних причин в Республике Башкортостан, помимо общих мер, следует обратить особое внимание на ситуацию на этих территориях.

Библиографический список

1. Доклад о состоянии здравоохранения в Европе, 2012 г. – курс на благополучие: Ситуация сегодня: здоровье населения в Европе и аргументы в пользу политики Здоровье-2020. ВОЗ, 2013. 175 с.

2. Стенограмма выступления Рустэма Хамитова// Глава Республики Башкортостан. Официальный сайт: http://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/60208.html (Дата обращения: 10.04.2015)

3. Демографический ежегодник России. 2014: Стат.сб./ Росстат. М., 2014.

© Шамсутдинова Н.К., 2015. Текст.

Информация об авторе

Шамсутдинова Наиля Кадымовна (г. Уфа, Россия,) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан (450008, г.Уфа, ул. Кирова, 15; e-mail: institut-sppi@yandex.ru).

Shamsutdinova N.K.

CLASSIFICATION OF MUNICIPALITIES OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN BY MORTALITY FROM EXTERNAL CAUSES

Abstract. *The article gives a detailed analysis of mortality from external causes in municipalities of the Republic of Bashkortostan . It is designed for definition of demographic policy priorities in the region.*

Keywords: life expectancy, mortality, external causes of death, Republic of Bashkortostan, municipal districts, urban districts.

Information about the author

Shamsutdinova Nailya Kadimovna (Ufa, Russia) – Candidate of History Sciences, Senior Researcher of the Laboratory of Family and Demography, Institute of Socio-Political and Legal Research of the Republic of Bashkortostan (15, Kirov street, Ufa, 450008, Russia; e-mail: shamsutdinovank@gmail.com).

МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ В РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с современными проблемами миграционной политики в Республике Башкортостан, их взаимосвязь с сокращением трудовых ресурсов. Автор раскрывает суть демографических проблем, возникших в республике в последние годы в связи с естественной убылью населения и сокращением притока мигрантов. Делается краткий анализ статистических данных по демографической ситуации в республике, сведений, полученных из открытых источников, по миграции, также рассмотрен количественный и качественный состав миграционных потоков. Исходя из этого далее рассматривается влияние обозначенных факторов на трудовые ресурсы. Особое внимание уделено потенциальной проблеме сокращения трудовых ресурсов в Башкортостане. Делается вывод о недостаточном внимании к решению этой проблемы со стороны правительства республики, в том числе на примере трудоустройства беженцев с Украины. Предложены пути решения проблемы сокращения трудовых ресурсов.

Ключевые слова: внутрирегиональная миграция, международная миграция, трудовые ресурсы, трудоустройство, миграционная политика, миграционная ситуация, миграционные потоки, механическое движение населения, естественная убыль населения, сальдо миграции.

В основе государственной миграционной политики России лежит территориальное перераспределение населения и трудовых ресурсов по территории страны, и следовательно она тесно связана с региональной компонентой. Поэтому государственная миграционная политика в регионах призвана, опираясь на общегосударственные интересы, учитывать собственные региональные интересы. При этом, проводя анализ миграции населения, при разработке миграционной политики необходимо учитывать ситуацию в естественном движении населения.

Численность населения республики на начало 2014 г. составила 4069 тыс. человек [1]. Среди регионов России по численности населения она занимает седьмое место после Москвы, Московской, Ленинградской, Ростовской, Свердловской областей и Краснодарского края. Численность населения республики в течение советского и постперестроечного периода стабильно росла, но начиная с 2000 г. начала сокращаться. Так, только за период 2000-2010 гг. численность населения республики сократилась на 47,9 тыс. человек [1]. Причиной этому послужила прежде всего естественная убыль населения, которая наблюдалась в период с 1993 по 2007 год. Кроме того, начиная с 2004 г. свою отрицательную роль стало играть снижение миграции населения в республику. Несмотря на это, Республика Башкортостан до сих пор остается не только крупным регионом России по численности населения, но и регионом с наиболее высокой плотностью населения. Так, в Башкортостане плотность населения составляет 28,4 человека на квадратный километр, а в целом по России на один квадратный километр площади приходится 8,4 человека [1].

В Республике Башкортостан наблюдается относительно низкий удельный вес городского населения. На начало 2014 г. в городах республики проживало 2479,6 тыс. человек, что составляло 60,94%, в сельской местности – 1589,4 тыс. человек, или 39,06% населения [1]. При этом можно утверждать, что удельный вес

городского населения в первые годы XXI века стабилизировался. Это связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, это замедление темпов притока мигрантов в города, во-вторых, перевод ряда поселков городского типа в разряд сельских поселений, в-третьих, естественная убыль городского населения.

До 2000 г. естественная убыль населения всё ещё компенсировалась миграционным приростом, что обеспечивало медленный прирост численности населения. С 2000 г. миграционный прирост перестал покрывать естественную убыль, в результате чего численность населения в абсолютном выражении стала сокращаться. И только лишь в 2008-2009 гг. естественная убыль сменилась естественным приростом, что в сочетании с имеющимся положительным миграционным сальдо обеспечило увеличение численности населения. Большие изменения произошли также и в самих миграционных процессах. Так, например, значительно поменялся вектор внутренних миграций населения. Это прежде всего касается движения населения между городом и сельской местностью.

Таким образом, на современную демографическую ситуацию в республике влияют два основных фактора: невысокий естественный прирост населения и растущее отрицательное сальдо миграции.

В зависимости от поставленных целей исследования, современную миграционную ситуацию в республике можно оценивать по-разному. Если основным объектом исследования для его количественной оценки брать численность населения, то ситуация складывается вполне благополучно. При этом и заселенность Башкортостана значительно выше, чем в целом по России. Если же миграционную ситуацию рассматривать с точки зрения воспроизводства трудовых ресурсов, то в данном контексте оценки получаются совершенно иные. В ближайшие годы в Башкортостане естественное движение трудовых ресурсов претерпит существенные изменения. В предыдущие годы за счет естественного прироста населения и роста миграции соответственно увеличивалась доля населения в трудоспособном возрасте. Но с 2009 года демографическая обстановка складывалась таким образом, что в населении удельный вес поколений трудоспособного возраста начинает постепенно сокращаться. Из состава трудоспособного населения в связи с выходом на пенсию начинает исключаться многочисленное поколение 50-х годов рождения, а на смену ему приходят малочисленные поколения начала 90-х гг.

Прогнозы численности населения, разработанные Госстатистикой до 2026 г., указывают, что к 2016 г. в республике уменьшение численности населения в трудоспособном возрасте произойдет примерно на 196,9 тыс. человек, к 2026 г. – более чем на 413,2 тыс. человек [2]. Для республики это достаточно тревожная тенденция.

Причём предпринятые государством меры материального стимулирования, направленные на повышение рождаемости, такие как материнский капитал, родовые сертификаты и другие, не повлияют на воспроизводство трудовых ресурсов в короткой перспективе. Даже если рождаемость резко повысится, то дети этого поколения к 20-м годам нынешнего столетия не достигнут трудоспособного возраста. Поэтому очень важно принять упреждающие шаги, которые смогут ослабить негативное влияние предстоящего сокращения населения трудоспособного возраста.

В условиях складывающейся демографической ситуации, которая характеризуется резким сокращением трудовых ресурсов, экономика Башкортостана будет иметь несколько вариантов своего развития. Предполагается, что наиболее эффективным направлением с точки зрения экономической политики могло быть замещение появившегося дефицита трудовых ресурсов высокопроизводительными технологиями и новыми видами техники, которые не требуют большого количества трудовых ресурсов. Однако данное направление потребует значительных денежных инвестиций. При этом если учесть, что в постсоветский период во всех отраслях велика доля морально и физически устаревшего, отработавшего свой срок оборудования и техники, то только за счет этого пути полностью покрыть дефицит трудовых ресурсов окажется невозможным.

Другим важным направлением в экономической политике республики, позволяющим преодолеть дефицит трудовых ресурсов, может стать обеспечение притока трудовых мигрантов в республику. Предполагается, что в перспективе необходимо использовать оба рассмотренных направления. Таким образом, в будущей республиканской экономической политике главными факторами улучшения ситуации с трудовыми ресурсами должны стать улучшение организации, стимулирования труда и другие методы обеспечения повышения производительности труда, а также приток дополнительной рабочей силы из других регионов.

Основные потоки межрегиональной миграции направлены на Москву, Московскую область, Самарскую область и Санкт-Петербург. В регионах, с которыми у республики сложились многолетние миграционные связи (Свердловская, Челябинская, Пермская, Оренбургская области), демографическая ситуация складывается аналогично Башкортостану. В них протекают такие же миграционные процессы, которые ведут к сокращению трудовых ресурсов.

При этом следует отметить, что в некоторых из указанных соседних регионов сложились многочисленные диаспоры башкир, причем значительная часть среди них — это выходцы из Башкортостана. Таким образом, на определённый приток мигрантов из обозначенных регионов в Башкортостан можно рассчитывать, если проводить определенную просветительскую работу, усиливать культурные и научные связи. С другими же регионами Поволжья и центральными районами России миграционные связи Башкортостана не были столь тесными, поэтому они в качестве сколько-либо значимого источника притока трудоспособного населения перспективы не представляют.

В 2014 году особую актуальность приобрел вопрос, связанный с приездом в республику мигрантов из Украины. Миграционные службы республики зарегистрировали 5174 вынужденных переселенцев из этой страны, что уже превысило квоту в 4770 человек, установленную федеральным правительством для Башкирии до конца года [3]. В республике преобладает неорганизованная миграция: по официальной квоте в регион с Украины прибыли 1733 человека, или каждый третий мигрант. Около половины прибывших — 2634 человека, или почти все обратившиеся, получили в миграционной службе статус временного убежища. Большинство переселенцев находятся в трудоспособном возрасте — 67,3%. Однако трудоустроиться в республике за два месяца смог лишь каждый третий из них — 1010 человек. Большинство остальных — 1907 человек — обратились в центры

занятости. Профессиональное образование имеет половина переселенцев, около 10% не имеют никакого, беженцы с высшим образованием составляют меньшинство — 362 человека. Среди имеющих специальность преобладают повара, экономисты и бухгалтеры.

В связи с невозможностью или нежеланием трудоустроиться покинул республику 571 переселенец с Украины. Многих мигрантов не устраивает отсутствие программы добровольного переселения соотечественников, на реализацию которой в Башкортостане нет денег, поскольку республика Башкортостан не входит в перечень приоритетных территорий для переселённых соотечественников.

Еще одна причина непривлекательности республики для мигрантов – это низкая заработная плата и отсутствие каких-либо дополнительных льгот. Более того, трудовые мигранты из других государств, в том числе и Украины, платят налог НДФЛ не 13, а 30 процентов. Отсутствуют какие-либо социальные привилегии, например в детский сад детям переселенцев можно будет попасть только в порядке очереди, при наличии свободных мест, что представляется маловероятным. А вид на жительство при соблюдении всех норм беженцы смогут получить только по прошествии года.

Всего в Республике Башкортостан общий объем миграционного потока с учётом как прибывших, так и выбывших, в том числе и внутри республики, за первое полугодие 2014 г. составил 18,3 тысяч случаев. Число выбывших за пределы республики составило 3,3 тыс. человек, прибывших на постоянное место жительства в Республику Башкортостан – 3,2 тыс. человек. Около 11,8 тыс. человек мигрировали внутри республики [1].

Трудовые мигранты приезжают в республику из 41 государства с визовым режимом въезда и стран ближнего зарубежья. Основная масса приезжих – из стран СНГ. Если в первое полугодие 2013 года из дальнего зарубежья прибыло 1,373 тыс. человек, то в 2014 году – 1,715 тыс. человек, рост составил почти 25%. Из стран ближнего зарубежья за шесть месяцев прибыло 9,3 тыс. человек против 8,5 тыс., по итогам шести месяцев 2013 года, рост составил 9,4% [4]. (рис. 1).

Основная масса въезжающих из стран дальнего зарубежья — это граждане Турции (684 человека), граждане КНДР (125 человек), Вьетнама (77) и Китая (51 человек), из стран с безвизовым режимом въезда преобладающее количество — это граждане Узбекистана, Армении, Азербайджана, Таджикистана и Киргизии. Граждане Казахстана и Белоруссии работают в России, согласно межгосударственным соглашениям, без разрешительных документов.

Миграционный прирост отмечался в 2 городских округах (г.Уфа, Салават) и 18 муниципальных районах республики.

В Республике Башкортостан в общем объеме миграционных передвижений постоянная миграция составляет 57,8%, удельный вес лиц, зарегистрированных по месту пребывания на 9 месяцев и более – 42,2%. По длительности временной регистрации наиболее представлены мигранты, получившие регистрацию на 1 год – 17,0% [1].

Если руководством республики не будет предприниматься каких-либо мер кардинального характера в экономической и миграционной политике, то в результате сокращения рабочей силы в реальной экономике может существенно уменьшиться объем производимой продукции.

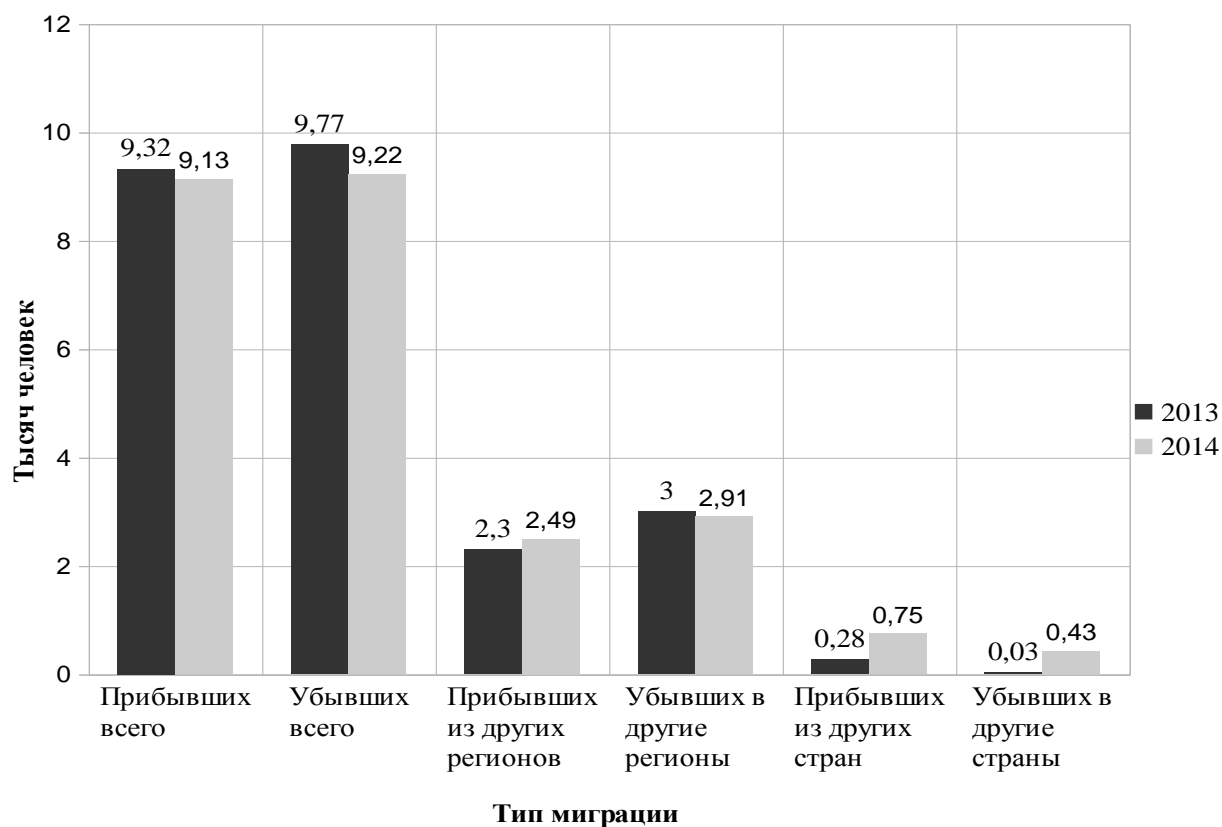

Рисунок 1. Динамика миграционного процесса 2013-2014 гг.

Таблица 1

Общие итоги миграции населения (чел.)

Типы миграции	2014 г.			2013 г.		
	число прибывших	число выбывших	мигр. прирост (+), снижение (-)	число прибывших	число выбывших	мигр. прирост (+), снижение (-)
Миграция, всего из нее:	9128	9223	-95	9322	9773	-451
В пределах РФ в том числе:	8381	8796	-415	9047	9746	-699
Внутрирегиональная	5890	5890	-	6745	6745	-
Межрегиональная	2491	2906	-415	2302	3001	-699
Международная в том числе:	747	427	320	275	27	248
со странами СНГ	699	427	306	241	18	223
с другими странами	48	34	14	34	9	25
Внешняя для республики миграция (межрегиональная + международная)	3238	3333	-95	2577	3028	-451

Таблица 2

Распределение миграционных передвижений населения по виду и срокам регистрации за 2014 год (чел.)

Мигранты	Миграционные передвижения	Регистрация по месту жительства	Регистрация по месту пребывания на срок более 9 мес.							Возврат после окончания срока временного пребывания
			Всего	в том числе						
				9 мес. – 1 г.	1 г.	2 г.	3 г.	4 г.	5 лет и более	
Всего:										
прибывшие	9128	5115	2049	563	552	271	323	75	265	1964
выбывшие	9223	5499	1962	230	764	277	332	88	271	1762
Прирост (убыль)	-95	-384	87	333	-212	-3	-9	-13	-6	202
В том числе межрегиональная миграция:										
прибывшие	2491	918	557	37	206	48	114	28	124	1016
выбывшие	2906	1434	1060	155	444	125	155	50	131	412
Прирост (убыль)	-415	-516	-503	-120	-238	-77	-41	-22	-7	604

Исходя из этого, для решения проблемы трудовых ресурсов необходимо, во-первых, научиться на основе всестороннего анализа предвидеть будущие изменения на рынке труда.

Во-вторых, грамотно планировать действия по управлению человеческими ресурсами. Важно перейти от текущего мониторинга показателей безработицы к организации эффективной занятости и рационального использования трудовых ресурсов, от практики сохранения неквалифицированных рабочих мест — к организации трудовой деятельности, требующей значительных компетенций, с достойной заработной платой.

В-третьих, учитывая особую значимость научно обоснованного подхода к управлению экономикой, кадровым потенциалом региона, необходимо разработать межотраслевой баланс региона, а также прогноз перспективного спроса по всем группам специалистов на средне- и долгосрочную перспективу. Этот сценарий должен быть составлен с учетом открытия новых предприятий, закрытия части неэффективных производств, реализации инвестиционных проектов, а также изменения демографической ситуации, идущих процессов урбанизации, миграционных потоков и других значимых факторов.

В-четвёртых, двумя главными привлекательными факторами притока мигрантов в республику должны стать следующие: возможность приобретения доступного жилья и гарантированные рабочие места. Для этого должны быть определены те города и сельские районы, которые наиболее нуждаются в притоке населения, то есть переселение должно быть точечным. Кроме того, чтобы мигранты быстро адаптировались к местным условиям, необходима система социального сопровождения.

В-пятых, необходимо скоординировать усилия по выстраиванию системы подготовки кадров. Нужна корректировка госзаказа для учреждений профобразования. Требуется слаженное взаимодействие организаций республики с системой профессионального образования по нескольким направлениям. Это создание отраслевых кластеров, многоуровневых комплексов «вуз-колледж», центров компетенций на базе учреждений профобразования, ресурсных центров, современных баз организации практики на промышленных предприятиях, внедрение сетевых форм обучения с использованием возможностей нескольких учебных заведений [5].

Библиографический список

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [сайт]. URL: <http://www.gks.ru>.
2. Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. Ред. Валиахметова Р.М., Бурхановой Ф.Б., Хилажевой Г.Ф. Уфа: Изд-во «Восточная печать», 2013.
3. Портал информационного агентства «Коммерсант» <http://www.kommersant.ru/>
4. Портал информационного агентства «Интерфакс» <http://www.interfax-russia.ru/Povoljie/>
5. Портал информационного агентства «Эксперт-Урал» <http://www.expert-ural.com/news/>

© Шевалдина Е.И., 2015. Текст.

Информация об авторе

Шевалдина Елена Ивановна (г. Уфа, Россия) – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Региональная экономика и управление», Уфимский государственный университет экономики и сервиса (450000, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145; e-mail: Shevaldinalena@mail.ru).

Shevaldina E.I.

THE IMPACT OF MODERN MIGRATORY SITUATION ON THE LABOUR FORCE IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Abstract. *The article reviews modern problems concerned with the migration policy in the Republic of Bashkortostan, their correlation to the reducing of work force. The author reveals the main point of demographic problems appeared in the Republic of Bashkortostan in recent years due to natural population and migration stream decline. She analyzes some statistics about demographic situation in the Republic, information received from open sources on migration, and also she looks through quantitative and qualitative structure of migration streams. On that basis she sees into the influence of remarked factors on work force. She pays special attention to the problem of workforce in Bashkortostan. Also, she draws a conclusion about the lack of attention to the problem from the Republic's government, including Ukrainian refugees' employment assistance. Some possible solutions to the problem are proposed.*

Keywords: interregional migration, international migration, work force, employment assistance, migration policy, migration situation, migration streams, migratory movements of citizens, balance of migration, natural population decline.

Information about the author

Shevaldina Elena Ivanovna (Ufa, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair "Regional economy and management", Ufa State University of Economics and Service (145, Chernyshevsky St., Ufa, 450000, Russia; e-mail: Shevaldinalena@mail.ru).

УДК 314.3

Шишкина М.А.

СОХРАНЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ КАК ЗАДАЧА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ*

Аннотация. Проанализированы явления и процессы, которые с негативной стороны характеризуют состояние репродуктивного потенциала населения Республики Коми. Описана взаимосвязь демографического развития и репродуктивного потенциала. Предложены меры по сохранению репродуктивного потенциала населения.

Ключевые слова: репродуктивный потенциал, репродуктивное здоровье, заболевания, передающиеся половым путем, младенческая смертность, аборт, рождаемость, меры демографической политики.

Взяв курс на улучшение демографической ситуации в стране, государство стало уделять все больше внимания не только количественному повышению уровня рождаемости, но и такому важнейшему аспекту здоровья населения, детерминирующему качество будущих поколений, как репродуктивное здоровье. Интегральной характеристикой репродуктивного здоровья является репродуктивный потенциал, который отражает «способность популяции к воспроизведению репродуктивного здоровья из поколения в поколение» [4, с. 29]. Особенность изучения репродуктивного потенциала основывается на принципе непрерывности, который обусловлен высокой значимостью отслеживания способности населения к воспроизводству здоровых поколений в неразрывной цепи «состояние репродуктивного здоровья детей и подростков – репродуктивное здоровье молодежи – репродуктивное здоровье родителей – состояние здоровья рожденных детей».

В Республике Коми продолжают существовать явления и процессы, характеризующие репродуктивный потенциал населения с негативной стороны. Прежде всего, стоит отметить, что распространенность некоторых венерических заболеваний, передающихся половым путем, в республике выше, чем в целом по России. Так, уровень заболеваемости населения гонореей в Республике Коми в последние годы стабильно превышает общероссийский уровень. В Коми число заболевших гонореей в 2012 г. было в 2,1 раза больше, чем в целом по России, в 2013 г. – в 2,02 раза. Если в России в 2013 г. распространенность заболеваемости гонореей составила 36,4 случая на 100 тыс. населения, то в Республике Коми данный показатель составил 73,5 случая на 100 тыс. населения.

Распространенность венерических заболеваний, а также инфекций, передающихся половым путем, свидетельствует о наличии у части населения низкой культуры сексуального поведения и об отсутствии социально-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости»).

гигиенической грамотности, что на практике выражается в безответственном отношении к собственному репродуктивному здоровью, а также здоровью своих сексуальных партнеров, в отказе использования барьерных средств контрацепции с целью профилактики различных инфекций, передающихся половым путем (ИППП). Проблема распространения среди населения небрежного отношения к своей репродуктивной активности, сопряженная со сложностями проведения качественных и высокотехнологичных обследований населения на ИППП в отдаленных от центра территориях республики, актуализируется с позиции анализа и прогнозирования потенциальных репродуктивных потерь, влияющих на демографическую ситуацию в области рождаемости в регионе, ибо «одной из основных причин распространения бесплодия является высокая заболеваемость населения инфекциями, передаваемыми половым путем» [7, с. 60].

Анализ общей гинекологической заболеваемости среди детей и подростков показал, что заболеваемость среди данных возрастов, связанная с нарушением менструальной функции, в Коми значительно превышает общероссийский уровень (табл. 1).

Таблица 1

Общая и гинекологическая заболеваемость среди детей и подростков в Российской Федерации и Республике Коми (показатель на 100 тыс. женского населения соответствующего возраста) [8, с. 81]

Показатели	Субъект	2011 г.	2012 г.	2013 г.
<i>Дети в возрасте 10-14 лет включительно</i>				
Расстройства менструации	Республика Коми	2276	2430,8	3632,4
	Российская Федерация	1401,5	1735,3	н/д
<i>Подростки 15-17 лет включительно</i>				
Расстройства менструации	Республика Коми	9299	6556,4	10194,9
	Российская Федерация	1677,6	4925,2	н/д
Сальпингит и оофорит	Республика Коми	617	445,3	592,2
	Российская Федерация	1356,2	1256,6	н/д

В 2012 г. среди детей в возрасте от 10 до 14 лет расстройства менструации наблюдались в 1,4 раза чаще, чем на общероссийском уровне, среди девочек-подростков от 15 до 17 лет включительно – чаще в 1,3 раза.

Некоторые гинекологические заболевания взрослого женского населения Республики Коми также более распространены по сравнению с общероссийским уровнем. Так, в 2012 г. уровень заболеваемости эрозией и эктопией шейки матки взрослого женского населения Республики Коми превышал общероссийский уровень в 1,49 раза, уровень расстройств менструации – в 1,08 раза. В 2013 г. в Республике Коми наблюдалось «значительное превышение показателей РФ по заболеваемости беременных женщин анемией и болезнями щитовидной железы, патологией почек» [2, с. 83], которое эксперты Министерства здравоохранения Республики Коми связывают с региональными особенностями.

Уровень заболеваемости детей первого года жизни в Республике Коми значительно превышает среднероссийский уровень. Так, если в 2012 г. заболеваемость детей первого года жизни в среднем по России составляла 2649,9 заболеваний на 1000 детей, то в республике данный показатель был в 1,6 выше – 4341,2 заболеваний на 1000 детей [2, с. 72]. В 2013 г. заболеваемость детей первого года жизни снизилась по сравнению с 2012 г. на 7,1% и составила 4031,0

заболеваний на 1000 детей первого года, однако она продолжает оставаться выше среднероссийского показателя в 1,5 раза. Крайне тревожен тот факт, что за последние пять лет отмечается положительная динамика распространения инвалидности среди детей от 0 до 17 лет в Республике Коми: в 2009 г. данный показатель составлял 163,8 на 10000 детского населения, в 2013 г. – 173,9 на 10000 детского населения [2, с. 78], то есть увеличился на 6,2%.

За период 2007-2013 гг. в Республике Коми было зарегистрировано 9 случаев материнской смертности. В структуре материнской смертности по причинам за период с 2007 по 2013 гг. в Республике Коми, как и в Российской Федерации, на первом месте находится смертность по причине экстрагенитальных заболеваний. Устранение данной причины возникновения случаев материнской смертности «требует комплексного ведения беременной всеми профильным специалистами, а так же проведения подготовки к беременности» [1, с. 72]. Заостряя внимание на младенческой смертности, необходимо отметить, что ее уровень в последние годы в республике стабильно ниже общероссийского, однако интерпретация структуры младенческой смертности по основным классам причин смерти представляет отдельный интерес. Длительное время и по настоящий момент на общероссийском и на республиканском уровне первое место в структуре младенческой смертности занимает смерть от состояний, возникших в перинатальном периоде, второе место – смерть от врожденных аномалий (пороков развития). Учитывая характер особенностей данных причин, можно заключить, что «уровень показателя младенческой смертности зависит, прежде всего, от состояния служб здравоохранения, и особенно системы родовспоможения, а также от уровня здоровья матерей, в том числе репродуктивного» [5, с. 147].

Однако младенческая смертность в Республике Коми долгое время имела принципиальное отличие от общероссийской: со второй половины 1990-х гг. по настоящее время в структуре младенческой смертности по причинам смерти третье место занимает смертность от внешних причин, иными словами, смертность, вызванная не болезнями, а различными внешними воздействиями. В России с 2009 года внешние причины смерти также вышли на третье место, устранив подобное различие в характере младенческой смертности с Республикой Коми. Консервация внешних причин смерти – на третьей позиции в структуре причин младенческой смертности свидетельствует о тенденции снижения доступности скорой медицинской помощи младенцам в результате наступления случаев, угрожающих сохранению жизни, однако в большей мере – о недостаточном внимании родителей к новорожденным детям, здоровье и жизнь которых требуют повышенного уровня родительской ответственности.

Неоднозначна в республике и ситуация в области искусственного прерывания беременности, поскольку в этой области, детерминирующей репродуктивное здоровье женского населения, есть как положительные тенденции, так и консервация неблагоприятных трендов. Безусловно, положительной тенденцией является сокращение абсолютного числа аборт. Так, относительно начала 2000-х годов в 2013 г. в республике абсолютное число аборт сократилось с 19,1 тыс. до 7,8 тыс., число аборт на 100 родов – с 193 до 63, число аборт у первобеременных – с 2327 до 656 [10, с. 51]. Если соотношение числа родов к числу аборт в 2009 г. было 1:0,8, в 2010-2012 гг. – 1:0,7, то в 2013 г. оно составило – 1:0,6 [2, с. 82]. Стоит отметить, что прерывания беременности

сократились за период 2000-2013 гг. среди всех возрастных групп женщин: число абортсв среди девушек в возрасте до 15 лет уменьшилось в 2,4 раза; в возрасте 15-19 лет – в 4,3 раза, в самой массовой по числу абортсв группе 20-34-летних – в 2,3 раза; среди женщин в возрасте от 35 лет и старше – в 2,4 раза [9, с. 46; 10, с. 51].

Однако, несмотря на комплекс мероприятий, осуществляемых на федеральном и региональном уровне, позитивные сдвиги в уровне абортсв в республике еще не достигли такого уровня, который бы позволил устранить проблему абортсв из ряда актуальных. По настоящее время показатель числа абортсв на 100 родов в Коми превышает общероссийский уровень, однако поступательно сближается с ним (рис.2).

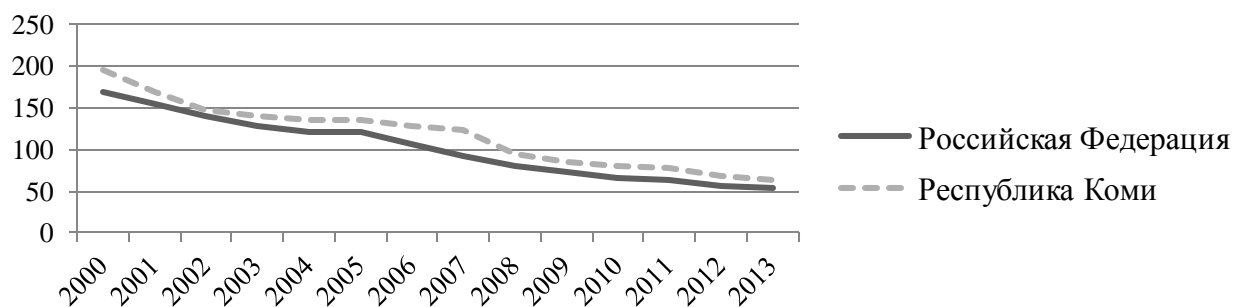

Рисунок. 2. Динамика абортсв в Российской Федерации и Республике Коми за 2000-2013 гг., случаев на 100 родов [11; 9, с.45; 10, с. 51]

В 2007 г. данный разрыв достиг своего пика: число абортсв на 100 родов в Республике Коми превысило общероссийский показатель в 1,3 раза (123 абортсв на 100 родов в РК против 92 абортсв на 100 родов в РФ) [12; 10, с. 51]. Далее, с 2008 г. начался стабильный спад высокого уровня абортсв в республике. Показатель числа абортсв на 100 родов снизился в 2008 г. по сравнению с 2007 г. довольно резко: с 123 до 95 [10, с. 51] или в 1,3 раза. С этого времени превышение показателя абортсв общероссийского уровня приобрело достаточно равномерный характер: показатель числа абортсв на 100 родов стабильно превышает в Республике Коми общероссийский уровень в 1,2 раза. Показатель числа абортсв на 1 тыс. женщин фертильного возраста в Коми также находится на более высоком уровне, чем в целом по России. Так, в Коми на 1000 женщин фертильного возраста в 2013 году приходилось 33,8 абортсв, в то время как на общероссийском уровне данный показатель составлял 24,5 абортсв [3, с. 51; 2, с. 82].

Распространение искусственного прерывания беременности как метода планирования семьи имеет особую опасность как фактор, повышающий социально-демографическое неблагополучие территории, поскольку «несмотря на устойчивую тенденцию к снижению, абортсв занимают ведущее место в реализации репродуктивной функции женщины и структуре репродуктивных потерь» [6, с. 53]. Проблема абортсв в медико-социальном разрезе «определяется их высокой распространенностью, значительным удельным весом в материнской смертности, а также частотой осложнений, существенно снижающих уровень репродуктивного здоровья женщин. Осложнения абортсв обуславливают гинекологические заболевания, прежде всего, воспалительные, эндокринные нарушения, невынашивание беременности, бесплодие» [6, с. 53].

Взаимосвязь демографического развития республики с качеством состояния репродуктивного потенциала населения можно установить, осуществив анализ современной демографической ситуации Республики Коми в области рождаемости. В целом, количественные показатели рождаемости в Коми имеют положительную динамику с 2000-х гг., что обусловлено улучшением структуры репродуктивных контингентов – в активный репродуктивный возраст в этот период вошли многочисленные поколения, рожденные в 1980-1988 гг., к тому же обладающие довольно высокими репродуктивными стандартами, а также стабилизацией социально-экономической ситуации в стране.

С середины 2000-х гг. на увеличение рождаемости и повышение ее интенсивности повлияла реализация высокозатратных мер демографической политики – внедрение федерального материнского (семейного) капитала способствовало созданию благоприятных условий для реализации потребности в детях. С 2011 г. меры по поддержке третьих рождений стали реализовываться и на региональном уровне, размер регионального семейного капитала составляет в Коми 150 тысяч рублей. В итоге, с 2007 г. в Коми был зафиксирован стабильный рост суммарного коэффициента рождаемости. Стоит отметить, что максимальные темпы его прироста были зафиксированы на следующие годы после начала реализации политических инициатив, стимулирующих рождения второй очередности на федеральном, и третьей – на региональном уровне. Так, в 2007 г. по сравнению с 2006 г. суммарный коэффициент рождаемости увеличился на 8,7%, составив 1,5 ребенка в среднем на одну женщину за весь ее репродуктивный период, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. он вырос на 9,9% и был равен 1,88 ребенка. При этом дифференциация между суммарным коэффициентом рождаемости в Республике Коми и общероссийским уровнем с 2011 г. растет в пользу Коми увеличивающимися темпами. В 2013 г. в среднем по России на одну женщину репродуктивного возраста в течение всего периода деторождения приходилось 1,71 рождений, в Коми – 1,97 рождений [13; 10, с. 44], т.е. разница составила 15,2%.

Тем не менее, на современном этапе развития демографической истории ряд процессов может негативно повлиять на дальнейшие перспективы рождаемости в Республике Коми. Так, сильное негативное влияние на рождаемость будет оказывать неблагоприятная структура фертильных контингентов. Главным субъектом реализации репродуктивных установок во втором десятилетии 2000-х гг. становятся малочисленные поколения, рожденные в конце 1980-х и на протяжении всех 1990-х гг. Причем численность поколений 1990-х гг. рождения (123258 человек) меньше, чем численность поколений 1980-х гг. рождения (223864 человек) в 1,8 раза, а значит, амплитуда их смены будет очень заметной и существенной. Нужно также учитывать, что вклад в рождаемость населения многочисленной когорты 1984-1988 гг. рождения в связи с исчерпанием итоговой рождаемости в результате уплотнения календаря рождений под действием развернувшейся активной демографической политики вряд ли сможет существенным образом компенсировать негативное влияние структурного фактора. В условиях преждевременной реализации частью населения потребности в детях за счет уменьшения интергенетических интервалов, ближайшего уменьшения доли населения активных репродуктивных возрастов, распространение явлений и процессов, негативно отражающихся на репродуктивном потенциале населения

Республики Коми не должно стать дополнительным фактором, ухудшающим демографическую ситуацию и отрицательно воздействующим на качество здоровья жителей республики, социально-экономическую ситуацию, трудовой потенциал населения.

Таким образом, наличие ряда проблемных полей, с негативной стороны характеризующих состояние репродуктивного потенциала населения Республики Коми, должно стать мощным стимулом к усилению действия ряда мер и реализации новых инициатив, направленных на сохранение и улучшение репродуктивного потенциала населения. Данные меры должны включать: повышение качества и доступности медицинской помощи населению в сфере оказания услуг, касающихся профилактики заболеваний репродуктивной системы и охраны здоровья матери и ребенка; повышение контрацептивной культуры населения, профилактику абортов с целью улучшения показателей репродуктивного здоровья населения, увеличения рождаемости желанных детей; повышение собственной ответственности населения за свое здоровье, а также здоровье будущих или рожденных детей, пропаганду на государственном уровне здорового образа жизни.

Библиографический список

1. Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Республики Коми в 2012 году». Сыктывкар: Министерство здравоохранения Республики Коми, 2013. 214 с.
2. Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Республики Коми в 2013 году». Сыктывкар: Министерство здравоохранения Республики Коми, 2014. 250 с.
3. Доклад «О состоянии здоровья населения и организации здравоохранения по итогам деятельности органов исполнительной власти субъектов российской федерации за 2013 год». 128 с.
4. Каткова И.П., Андриюшина Е.В., Катков В.И. Бедность и репродуктивный потенциал // Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. М.: РИЦ ИСЭПН, 2002. С. 29.
5. Попова Л.А. Демографическая политика в Северных регионах России: особенности и приоритеты // Регион: экономика и социология. 2010. №3. С. 136-153.
6. Саввина Н.В., Яворский А.А., Афанасьева Л.Н., Борисова Е.А., Платонова М.В. Профилактика абортов в Республике Саха (Якутия). – Дальневосточный медицинский журнал. 2013. №3. С. 52-54.
7. Светличная Т.Г., Мосягин И.Г., Губерницкая С.В. Медико-демографическая ситуация в Архангельской области в 2006-2010 гг. // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2012. №1. С. 58-61.
8. Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Республики Коми в 2013 году». Сыктывкар: Министерство здравоохранения Республики Коми, 2014. С. 81.
9. Демографический ежегодник Республики Коми – 2010. Сыктывкар: Комистат, 2010.
10. Демографический ежегодник Республики Коми – 2014: стат.сб. Комистат. Сыктывкар, 2014.
11. Демографический ежегодник России. 2002-2014 гг. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312;
12. Демографический ежегодник России – 2008. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B08_16/Main.htm
13. Демографический ежегодник России. 2014 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2014/demo14.rar

Информация об авторе

Шишкина Мария Александровна (г. Сыктывкар, Россия) – аспирант, младший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: maria-koroleva0018@rambler.ru).

Shishkina M.A.

RETENTION OF REPRODUCTIVE POTENTIAL OF THE POPULATION AS A GOAL OF DEMOGRAPHIC POLICY

Abstract. *The phenomena and processes, negatively characterizing a condition of reproductive potential of population of the Komi Republic, are analyzed. Interrelation between demographic development and reproductive potential is described. Measures for retention of reproductive potential of the population are offered.*

Keywords: reproductive potential, reproductive health, sexually transmitted diseases, infant mortality, abortions, fertility, demographic policy measures.

Information about the author

Shishkina Maria Alexandrovna (Syktyvkar, Russia) – Postgraduate Student, Junior Researcher of the Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Str., Syktyvkar, 167982, Komi, Russia; e-mail: maria-koroleva0018@rambler.ru).

7. ОПЫТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РИСКИ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

УДК 364:369

Варнавская Р.А.

АНАЛИЗ ПЕНСИОННЫХ ЗАКОНОВ ЗА СОВЕТСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ПЕРИОДЫ

Аннотация. В качестве альтернативы действующему пенсионному законодательству и продолжающимся в РФ пенсионным реформам на основе собственной оригинальной методики автор предлагает социально справедливую, доступную, малозатратную, математически обоснованную, экономически эффективную, адаптированную к инфляции, приемлемую для любого периода времени единую государственную пенсионную систему.

Ключевые слова: пенсионные накопления, трудовые пенсии, реформа, законодательство, власть, методика, социальная справедливость.

1. С 1956 до 1991 гг. действовал единый Закон «О государственных пенсиях в СССР» (*Закон-56*). По нему назначали «пенсии по старости». Этот социально справедливый и малозатратный закон обеспечивал пенсионерам достойную старость на заслуженном отдыхе. Каждый трудящийся знал основные правила пенсионного законодательства и планировал свою трудовую деятельность, сообразуясь с ними.

Советский Закон-56 – надежный и всем понятный. В советские годы минимальная пенсия и минимальная заработная плата априори были равны между собой и в 50-е годы составляли 40 рублей. Максимальная пенсия на общих основаниях составляла 120 рублей, за подземный, горячий, вредный труд – у шахтеров 160 рублей; у сталеваров – 140 рублей; у летчиков – 180 рублей. В 1950-е годы отношение минимальной пенсии к максимальной составляло 1:3; 3,5; 4; 4,5. За 35 лет минимальные пенсию и минимальную зарплату повышали в среднем один раз в десять лет: в 50-е годы это было 40 рублей, в 60-е – 50 рублей, в 70-е – 60 рублей, в 80-е – 70 рублей. Но максимальные пенсии при этом в течении всех 35 лет были на одном и том же уровне. Поэтому соотношение максимальной пенсии к минимальной снижалось и в 80-е составило 1:1,7; 2,0; 2,3; 2,6.

К пенсии «по старости» устанавливали следующие надбавки:

- на иждивенцев (социальных пенсий в СССР не было);
- за непрерывный 20-летний стаж на предприятии (включая переводы) пенсии повышали на 20%;
- на максимальные пенсии всего на 10%, соответственно до 132, 154, 176 и до 210 рублей;
- за каждый год нахождения на пенсии после 60/55 лет к пенсии прибавляли по 1 рублю;
- за отказ от назначенной пенсии и продолжение работы в строго определенном качестве увеличивали пенсию за год такой работы на 10 руб., но всего не более 40 рублей за 4 года.

Величие страны определяла её оборонная мощь, возможно, поэтому военные пенсии были выше. Пенсия генерала (350 руб.) составляла 2,5 максимальных пенсии на общих основаниях и 2 максимальных пенсии шахтера и сталевара.

Для назначения пенсии было нужно выработать *трудовой стаж* – 25 лет мужчинам и 20 лет женщинам. В общий стаж включалась учеба, если была трудовая книжка и на учебу направляло предприятие. Размер пенсии при этом составлял 50% от среднемесячного заработка. Большой стаж на размер пенсии не влиял и в расчет пенсии не принимался. *Заработок* (З) брался за последний год (12 месяцев подряд) либо за 1-е или 2-е пятилетие (60 месяцев подряд) из последнего трудового 10-летия. Учитываемый заработок ограничивали: на общих основаниях до 240 руб., сталеварам до 280 руб., шахтерам до 320 руб. Большие заработки на размер пенсии не влияли и в расчет пенсии не включались, меньшие заработки в 80-е годы приравнивали к 140 рублям.

Уровень пенсий к средней зарплате 200 рублей за последний доперестроечный период: *min*: 70 руб. - 35%; *max*: 120 руб. - 60%; 140 руб. - 70%; 160 руб. - 80%; 180 руб. - 90%.

Система социального обеспечения в СССР была малозатратной. Штаты в отделах социального обеспечения (собесах) были мизерные, заработная плата – в пределах пенсий от 70 до 120 руб. Мало кто знал, где находится собес, так как ходить туда практически было незачем. Зато каждый знал основные правила пенсионного законодательства и планировал свою трудовую деятельность, сообразуясь с ними. Вот в основном и вся пенсионная система в СССР.

Средняя заработная плата в народном хозяйстве СССР. До 1986 г. средняя зарплата росла в среднем на 3-4 руб. в год. В 1985-86 гг. (последний доперестроечный период) средняя зарплата составила 200 руб. (в проекте принята за базис). Но с появлением кооперативов, не научившихся скрывать зарплату от налогов, рост средней зарплате, согласно статистике, происходил следующими темпами: – в 1987 г. – 214 руб. (+14р.); 1988 г. – 233 руб. (+19р.); 1989 г. – 266 руб. (+33р.); 1990 г. – 303 руб. (+37р.). Но это не значит, что в государственном секторе экономики зарплата росла в таком же темпе.

2. 20 ноября 1990 г. Б.Н. Ельцин подписал Закон «О государственных пенсиях в РФ» №340-1 (*Закон-90*). В результате предварительного обсуждения в СМИ с учетом предложений в закон добавили две статьи: – статью 133 «Если по условиям нового закона у пенсионера нет права на более высокий размер пенсии, ему сохраняется прежний размер пенсии» и статью 134 «Об отмене персональных пенсий». Закон 340-1 вводился с 1 марта 1991 г., но поэтапно. В своих нормах для всех трудовых пенсионеров Закон-90 вступил в силу только с 1 мая 1992 года.

В первоначальной редакции Закон-90 был лучшим из пенсионных законов в нашей стране. Для обеспечения финансирования трудовых пенсий (ТП) в повышенных нормах Закона-90 был создан пенсионный фонд (ПФР) в который предприятия страны должны были производить отчисления в размере 31,6% от ФОТ + 1% с заработной платы трудящегося.

В ФЗ 2654-1 от 03.04.92 г. «О досрочном введении...» в самый последний момент включили ст.7 с понижающими коэффициентами от 11,2 (к 1971 г.) до 5,5 (к 1990 г.). Коэффициенты противоречили пропорциональности части 2 ст.6 и ст.8 того же закона и нарушали основные нормы статей 16 – 18 и 133 *Закона-90*. При пересчете трудовых пенсий (ТП) по нормам *Закона-90*, исходя из

пропорциональности к заработкам «прошлых лет», с 1 мая 1992 г. нужно было применить единственный коэффициент – 12,86, пропорциональный повышению размера минимальной пенсии с 70 до 900 руб. ($900/70=12,86$). А применили коэффициент по ст.7 и занизили заработки «прошлых лет» в зависимости от года от 13 до 57%. Одновременно занизили стаж до 9% или до 9 лет, подменив сложение умножением ($55\%*1,20=66\%$ вместо $55\%+20%=75\%$). В результате чего в зависимости от года и стажа трудовые пенсии занизили от 24 до 63% в среднем на 50% или в 2 раза. Никто из трудовых пенсионеров не получил заработанную ТП по правовым нормам *Закона-90*, никому из них не сохранили пенсию в прежнем размере, назначенную ранее по *Закону-56*.

По указанию или инструкциям руководителей пенсионным обеспечением Минсоцзащиты и ПФР (Ю.В. Ворониц, Ю.З. Люблин, А.Б. Скворцов) с 1 мая 1992 года были нарушены правовые нормы сразу двух основополагающих пенсионных законов – *Закона-90* и *Закона-56*.

Закон-90 был превосходным законом, но его нормы изначально были попраны. В преамбуле *Закона-90* трудовые пенсии (ТП) дифференцируются по результатам трудового вклада. Тем, кто не заработал ТП, назначали социальную пенсию (СП) – 2/3 от размера минимальной ТП.

Трудовая пенсия (ТП) всегда назначается в возрасте 60/55 лет (муж. / жен.). Социальная пенсия (СП) – в возрасте 65/60 лет (муж. / жен.). Размер ТП за трудовой стаж 25/20 лет повышен с 50 до 55%, или на 10%. За каждый год свыше 25/20 лет к 55% добавляется 1%, но всего не более 20%. Максимальный (тах) размер трудовой пенсии – 75% за общий трудовой стаж 45/40 лет. Максимальный размер по стажу: $P_c = 0,55$ (за 25/20 лет) + $0,20$ (за 20 лет) = $0,75$.

Государство через *Закон-90* стимулировало повышение образованности и рождаемости. В общий стаж включались: учеба (без какого-либо ограничения); уход за ребенком до 3-х лет, но всего не более 9 лет; служба в срочной армии; особый (некалендарный) стаж за тяжелый, вредный и опасный труд, за работу на Крайнем Севере и в приравненных к нему районах. Был расширен список досрочных пенсий, в который включили многодетных матерей.

Нормативные статьи Закона-90, которые частично или полностью были нарушены:

Ст.16 и *ст.18* – трудовые пенсии ограничены на уровне соотношения 1:3; 3,5; за необходимый трудовой стаж установлен минимальный (min) размер 55%; за каждый год свыше необходимого к 55% + 1%, но всего не более 20%; тах размер трудовой пенсии ограничен 75% ($55\%+20%=75\%$).

Ст.17 – min трудовая пенсия = min заработной плате = прожиточному минимуму.

Ст.91 – в стаж включались учеба, уход за ребенком до 3-х лет (всего ≤ 9 лет), армия ...

Ст.112 – предельный размер min ТП и тах ТП повышается на $RK \leq 1,5$.

Ст.133 – «Если у пенсионера по условиям *Закона-90* нет права на более высокий размер пенсии, ему сохраняется прежний размер пенсии (по *Закону-56*)».

Ст.134 – Отменяются все персональные пенсии.

К упущениям российского Закона-90 можно отнести то, что:

– не ограничен период учебы, включаемой в общий трудовой стаж;

– нет формул для исчисления ТП, чтобы никто не мог нарушить его правовые нормы;

– нет механизма адаптации пенсионной системы к инфляции.

Разработчики закона не могли предвидеть влияние инфляции на пенсионную систему, но с 1 марта 1991 г. прошло почти четверть века, а механизма адаптации к инфляции до сих пор ни пенсионные специалисты, ни экономисты не разработали.

Уровень ТП в рублях 1980-х годов в нормах *Закона-90* к средней базовой зарплате (200 руб.):

min ТП за min стаж 25/20 лет (55%) 70 руб. – 35% (70/200);

min ТП за max стаж 45/40 лет (75%). (70/55*75) 95 руб. – 47% (95/200);

max ТП в 3 МТП за min стаж 25/20 лет (55%) (70*3) 210 руб. – 105% (210/200);

max ТП в 3 МТП за max стаж 45/40 лет (75%) (210/55*75) 286 руб. – 143% (286/200);

max ТП в 3,5 МТП за max стаж 45/40 лет (75%) (70*3,5) 334 руб. – 167% (334/200).

В соответствии с проектом, предлагаемым автором, уровень, достигнутый к 1991 г., предполагается достичь уже на 1-2-м этапах внедрения; надбавки за непрерывный 20-летний стаж и надбавки за пенсионный стаж – на 3-м этапе; уровня пенсий в нормах *Закона-90* предполагается достичь на последнем (5-м) этапе. Внедрение можно произвести за счет средств на текущее повышение ТП в темпах инфляции. Для этого этапы внедрения нужно совмещать с периодами повышения ТП в темпах инфляции, но повышать не всем поровну, а каждому по его коэффициенту трудового вклада (КТВ).

3. 15 апреля 1993 г. Р.И. Хасбулатов подписал постановление ВС №3, согласно которому в исчислении ТП началась другая крайность. Зарботки, взятые после февраля 1993 года, перед исчислением ТП завышали в 2-4 раза и всем подряд назначали завышенные трудовые пенсии, превышая нормы *Закона-90* и *Закона-56* в 2 и более раза, растрачивая пенсионные средства.

Министр социальной защиты населения Российской Федерации Л.Ф.Безлепкина, выступая в ГД, сказала, что «сторож и министр получают одинаковые пенсии». Но никто не сказал, что все ТП исчислены с нарушением *Закона-90* и завышены в среднем в 2 раза. Выступая в г.Екатеринбурге перед пенсионерами, министр сказала, что поиском решения проблемной ситуации занимаются многие, но решения до сих пор так и не нашли. Кто-то спросил, почему не рассматривается предложение Р.И. Варнавской, на что министр ответила: «у нас все министерство, несколько социальных институтов не могут найти решение, а какая-то пенсионерка знает, что нужно делать. Не смешите меня!». В 1994 году Безлепкина через газету «Российские вести», отвечая на запросы исполнителей из региональных отделений, учила, как надо исчислять ТП на одном примере: стаж 45/40 лет, заработок за 12 месяцев – с сентября 1993 по август 1994 следующий: – 3 месяца по 50 тыс. руб., – 6 месяцев по 70 тыс. руб. и 3 месяца по 100 тыс. руб. Очевидно, что заработок был дважды проиндексирован. Сумма заработка 870 тыс. руб., среднемесячный – 72,5 тыс.руб. Министр полагала, что заработок нужно умножить на все пенсионные индексы за тот же период. В результате повторного «осовременивания» сумму увеличили с 870 тыс. руб. до 1296 тыс. руб., среднемесячный заработок – увеличили с 72,5 тыс. руб. до 108 тыс. руб. (1296/12= 108). Зарплата тогда была 50-100 тыс. руб., а ТП – от 78,6 до 112,8 тыс. руб., то есть если по *Закону-56* пенсия составляла 50%, по *Закону-90* – не более 75%, а по Указу министра 1994 г. – от 108 до 155%! На заработок, завышенный в 2-4 раза всем подряд, назначали завышенные ТП, что подтверждает

профнепригодность пенсионных «специалистов» и некомпетентность социальных министров, которым была доверена судьба пенсионеров России. Министров, правда, время от времени меняли, но «специалисты» продолжают до сих пор уродовать пенсионное законодательство, под видом «совершенствования», выдумывая реформы и формулы. «Специалисты» разрушили пенсионную систему, довели заслуженное поколение до униженной нищеты и вымирания из-за несправедливости в трудовых пенсиях.

Пенсионный фонд России (ПФР) уже растратил к тому времени все сэкономленные средства – отчисления в ПФР снизили с (31,6+1)% до (28+1)%, «отколов» 3,6% для фонда медицинского страхования; частники научились уходить от налогов и отчислений; иные снижали налоги до 80%, зарегистрировав свое предприятие в оффшорах РФ; ПФР по согласованию с Минсоцзащиты открывал «социальные» банки, вкладывая в качестве уставного капитала средства, но, в конце концов, ПФР не выдержал лавины завышенных ТП, повсеместно начались многомесячные задержки трудовых пенсий.

4. Ноябрь 1993 г. На основании субъективной аргументации г-на Воронина Ю.В., что «цены для всех пенсионеров растут одинаково», законную индексацию ТП подменяли надуманными «компенсациями». Повторив подмену за 4 года 7 раз, рост ТП к 1998 году сократили в 3 раза. *Индексацию ТП подменяли, начиная с ноября 1993 года, а поправку в ст. 7 Закона-90 «Пенсии раз в три месяца подлежат индексации или компенсации» внесли 5 мая 1994 года.*

5. Февраль 1998 г. Ввели ФЗ-113 и новый порядок исчисления ТП по ИКП. ТП по ИКП были выше, и неработающим пенсионерам стали пересчитывать ТП по ИКП. Но чтобы занизить ТП задним числом, с октября 1997 года «среднюю зарплату» умышленно занизили с 1040 до 760 руб. и сохраняли в таком размере в течение 19 месяцев. Занижали и все последующие средние зарплаты. Затем придумали «специальную среднюю» для исчисления ТП. К сожалению, нелепости с ИКП приняла ГД и СФ и, не вникая, утвердил Б.Н.Ельцин.

По ФЗ-113 из общего трудового стажа исключили учебу, уход за ребенком, службу в армии, участие в ВОВ, особый (некалендарный) стаж за подземный, горячий и вредный труд, за работу на Крайнем Севере, практически свели на нет государственное стимулирование образованности и рождаемости в России. От этого закона пострадали шахтеры, сталевары, метростроители, северяне, участники ВОВ, врачи и учителя, инженеры, ученые, многодетные матери и многие другие. Было дискриминировано порядка 15 миллионов работающих пенсионеров: их максимальные ТП отстали от пенсий неработающих пенсионеров к началу 2002 г. в два раза. (767 руб. против 1503 руб.).

6. Январь 2002 г. Ввели Реформу – 2002 М.Ю. Зурабова. В нарушение Конституции РФ ввели два пенсионных стандарта – ФЗ-166 и ФЗ-173 – узаконив тем самым прогрессирующее социальное неравенство в пенсиях в Российской Федерации. В стаж вернули службу в армии и уход за ребенком, но только до 1,5 лет. В ПФР принудительно насадили «накопительный учет», содержание которого обходится уже в 50 млрд пенсионных рублей. Сократили отчисления в ПФР с (28+1)% до (20-6)% с 29% до 14%.

В результате в ПФР искусственно создали дефицит. Средств на финансирование ТП в ПФР осталось не более 1/3 от требуемого количества. За 12 лет из общих средств ПФР, а значит у трудовых пенсионеров, изъято около 3,5

трлн рублей. Государство было вынуждено компенсировать дефицит ПФР из ФБ, увеличивая его дефицит. Около миллиарда пенсионных рублей уже унаследовали те, кто к общим средствам ПФР не имеет отношения. Только по одной этой причине трудовые пенсионеры в среднем за 13 лет недополучили по 100 тыс. руб., в т.ч. с 2008 года – по 12 тыс. руб. или по 1 тыс. руб. в месяц.

Вопреки принципу накопительного компонента работающим пенсионерам стали выплачивать накопительную часть (НЧ), тем самым дискриминировали около 18 млн неработающих пенсионеров, для кого «ущербная» ТП – единственный источник существования. Их ТП отстали от ТП работающих пенсионеров за счет НЧ в зависимости от количества лет до 2-3 раз. Зурабов разделил ТП на 2 части – БЧ и СЧ и одновременно повысил инфляционную планку для повышения ТП до 6%. В результате этого рост ТП с 4 раз в год сократил до 2-х, повышая по очереди то БЧ, то СЧ.

7. Был введен закон ФЗ-122 «О монетизации льгот» (инициированный правительством). Но с октября 2007 года Правительство перестало индексировать ЕДВ инвалидам в том же порядке, что и БЧ (п. 4 ст. 28 ФЗ-122).

8. Январь 2010 г. Правительство РФ провело валоризацию трудовых пенсий: с целью восстановления справедливости к ТП добавили от 300 до 1500 руб. за стаж. Несправедливость состояла не только в занижении стажа, но и зарплаты до 57%, отъеме надбавки за непрерывный 20-летний стаж и за пенсионный стаж по 1 рублю за год. Положительным моментом здесь было признание того, что ТП исчислялись несправедливо, отрицательным – что справедливость ТП не восстановили и утратили такой системный показатель, как *минимальная трудовая пенсия (МТП)*.

9. Январь 2015 г. Не устранив причин, породивших проблемную ситуацию, не решив ни одну из пенсионных проблем, под видом реформы ввели новую формулу и новые способы сокращения затрат на трудовые пенсии.

О новой формуле Минтруда или для чего были придуманы «баллы». Честную формулу можно проверить вручную, чтобы убедиться в ее справедливости. Предложенная формула Минтруда непрозрачная, ее нельзя ни проверить, ни оспорить. При этом разработчики изобрели новые способы сокращения затрат на трудовые пенсии. М.О.Дмитриев сказал: *«придется полагаться на честность инспекторов ПФР, которые будут назначать вам трудовую пенсию».*

1) Трудовая пенсия определяется в баллах, но «фишка» заключается в их переменной цене. Хотя реформаторы заявляют, что пенсий нынешних пенсионеров формула не коснется, это совсем не так: ТП нынешних пенсионеров будут конвертировать. При переводе пенсии в рублях в баллы цена балла составит 65 руб., а для выплаты пенсий баллы снова переведут в рубли, но уже по цене 59 руб., таким образом, ТП уменьшится примерно на 10%. Цена зависит от многих факторов; играя на разнице в цене балла, будут снижать затраты (вот для чего придуманы баллы).

2) Стимулируется поздний выход на пенсию. Но если кто-то и отложит свой выход на пенсию на 5-10 лет, нет никакой гарантии, что он доживет до большой пенсии и будет её долго получать. Кстати, это уже было по *Закону-56*, и теперь пенсионеры вместо 40 руб. получают копейки.

3) У нынешних пенсионеров при прочих равных пенсия меньше на фиксированную (базовую) часть – БЧ. Это очередная дискриминация пенсионеров:

в сравнении с трудовыми пенсиями по формуле нынешние пенсионеры из-за отсутствия в пенсии БЧ недополучат более 50 тыс. руб. в год.

В 2015 г. условная базовая часть (БЧ) = 4359 руб. или за год: $4359 \cdot 12$ месяцев = 52,3 тыс. руб. Чтобы не допустить дискриминации, фиксированную часть (или БЧ) следует добавить к ТП всем нынешним пенсионерам. $4359 \cdot 38$ млн = 165,6 млрд руб. * 12 мес. = 1 987 млрд руб. в год (можно не добавлять тем, кто уже получает БЧ и тем, кто получает две пенсии, работающим пенсионерам, если их НЧ равна или больше БЧ).

Пути решения проблем по проекту автора и по формуле Минтруда приведены в таблице 1.

10. Таким образом, проект Р.А. Варнавской представляет собой альтернативу действующему пенсионному законодательству и предлагаемыми пенсионными реформам. Внедрение авторского проекта в полном объеме позволит решить, наконец, все застарелые пенсионные проблемы и сопряженные социально-экономические проблемы, накопившиеся в РФ за тот же период: восстановить заработанные справедливые ТП; повысить эффективность использования пенсионных средств примерно в 2 раза; снизить нищету среди пенсионеров; снизить спровоцированную ею преступность; снизить смертность; повысить продолжительность, уровень и качество жизни большинства россиян; повысить социальные показатели в РФ и ее субъектах.

Цель проекта – создать достоверную, социально справедливую, доступную каждому, малозатратную, легко контролируемую пенсионерами не выходя из дома, математически выверенную, экономически эффективную, адаптированную к инфляции, приемлемую для всех лет и периодов и много десятилетий вперед – единую государственную пенсионную систему.

В области пенсионной системы нужно:

– сбалансировать системы исчисления ТП и основной гарантированной зарплаты, которая должна повышаться при каждом повышении зарплат в России /разработано/;

– ввести плавно нарастающий подоходный налог от 12% с месячного заработка до 100 т.р. до 35% с заработка от 2500 т.р. (1-й вар.) или до 50% – от 4500 т.р. (2-й вар) /разработано/;

– создать Накопительный банк России (НБР) для многолетних накоплений россиян – на накопительную пенсию, детям на учебу, на свадьбу, на жилье /разработано на уровне идеи/;

– создать Фонд будущих пенсионеров России (ФБПР) по разным видам пенсий: трудовые, военные, социальные /разработано на уровне идеи/;

– использовать длинные деньги НБР и ФБПР в текущее время на определенные кредиты малообеспеченным семьям для решения жилищных и демографических проблем в России;

– высвободившиеся из ПФР после внедрения Методики лишние штаты после требуемой аттестации перевести во вновь создаваемые НБР и ФБПР;

– для стимулирования накоплений отчисления в НБР и ФБПР на накопления и за кредиты, производимые через бухгалтерию предприятия, не облагать подоходным налогом;

– восстановить доверие россиян к государству и государственным гарантиям.

Таблица 1

Решение проблем по проекту Р.А.Варнавской и по формуле Минтруда

N	Перечень проблем в пенсионном обеспечении России	По проекту Варнавской	По новой формуле
Будет ли решена следующая проблема? ▼		Ответ ▼	Ответ ▼
1.	Все трудовые пенсии (ТП) с мая 1992 г. исчислены с нарушением норм Закона №340-1 от 20.11.90 г. (Закон-90). <i>Будут ли ТП заработанными и справедливыми?</i>	ДА	НЕТ
2.	С мая 1992 г. пенсионеров лишили заработанных надбавок. <i>Будут ли восстановлены заработанные надбавки к ТП?</i>	ДА	НЕТ
3.	С 1998 г. исключили учебу, уход за ребенком до 3 лет. <i>Будет ли включена учеба, уход за ребенком до 3 лет?</i>	ДА	НЕТ
4.	При индексации ТП более половины с рубля шло (и идет) не на те пенсии. При перераспределении средств по регионам $\approx 1/3$ шло (и идет) не в те регионы. <i>Повысится ли эффективность использования средств?</i>	ДА	НЕТ
5.	Дефицит в ПФ создали искусственно: отчисления снизили с 29% до 14%; облагаемый заработок ограничили в 415 т.р.; работодатели белую зарплату платят на уровне МРОТ. <i>Будут ли ТП обеспечены необходимыми отчислениями?</i>	ДА	НЕТ
6.	«Зурабовской» реформой узаконено 2 стандарта и неравенство. <i>Будут ли исключены двойные и тройные стандарты?</i>	НЕТ	ДА
7.	Количество особо отмеченных пенсионеров и количество несоизмеримо больших пенсий возрастает в прогрессии. <i>Сократят ли разрывы между ТП и пенсиями чиновников?</i>	ДА	НЕТ
8.	«Бедные» налогоплательщики содержат весь госаппарат, армию, большие пенсии, пенсионеров частных предприятий. <i>Будет ли прогрессивный подоходный налог в ФБ и ПФ?</i>	ДА	НЕТ
9.	Многие дети страдали в ВОВ, стали сиротами, а надбавок не имеют. <i>Будет ли установлены им надбавки за страдания?</i>	ДА	НЕТ
10.	Россияне накопили на старость и инвестировали государству. <i>Будут ли они получать свою накопительную пенсию?</i>	ДА	НЕТ
11.	Пенсионная система не адаптирована к инфляции. При назначении ТП пенсионеры находятся в несопоставимых условиях. <i>Будет ли пенсионная система адаптирована к инфляции?</i>	ДА	НЕТ
12.	О.Ю.Голодец сказала, что формула «приемлема для всех». <i>Значит ли это, что по ней будут исчислять все пенсии?</i>	НЕТ	
13.	В 2002 г. выделили из ТП по 450 р. и назвали БЧ, а остаток СЧ. <i>Будут ли добавлять БЧ к пенсиям нынешним пенсионерам?</i>	НЕТ	
14.	Если формула касается ограниченной части пенсионеров, <i>зачем реформа, которая не решает ни одну из проблем? *</i>	НЕТ	
* По формуле 2015 г. трудовые пенсии определяют в баллах, но их цена переменна. При конвертации ТП нынешних пенсионеров их тоже переведут в баллы, при этом пенсионеры утратят до 10% от пенсии. Новая «реформа» не решает ни одну из пенсионных проблем, причем принимают нелепые формулы те, кто сам по ним получать пенсию вовсе не собирается.			

Для борьбы с бедностью:

- установить единую норму для оплаты ЖКХ одиноко проживающим пенсионерам и инвалидам для однокомнатных квартир – 40 м², для 2-комнатных и более – 50 м²;
- ограничить неработающим пенсионерам оплату ЖКХ+ЖКУ до 10% от дохода;
- вернуть инвалидам недоплату ЕДВ из-за нарушения п. 4 статьи 28 ФЗ-122;

– выплачивать пенсионерам накопительную пенсию (НП) из их собственных накоплений, инвестированных в государственную экономику до 1 апреля 1991 года. Для этого с помощью самих вкладчиков собрать все их вклады прошлых лет, ценные бумаги, сертификаты, казначейские билеты и др. + наследованные и завещанные вклады на единый персонифицированный совокупный вклад (ПСВ) и осовременить по экономной схеме. Вычесть по номиналу все ранее выплаченные суммы по вкладам, включенным в ПСВ. Ежемесячно выплачивать пенсионерам с 60 лет НП в размере МТП (МЗП), наследникам – родителям пособие на ребенка в размере НМТП. Чем больше размер ПСВ, тем дольше будут производиться выплаты. Указанные выплаты нужно включать в доход получателей.

Схема осовременивания ПСВ на 2014 и 2015 годы.

СКО = МЗП/70=5554/70 = 79,343:

Сумма ПСВ до 3 т. р. $3*80=240$ тыс. руб. *2 за 30 лет инвестирования или *3 за 40 лет
От 3 до 6 т.р. $3*70=210 + 240 = 450$ тыс. руб. *2 за 30 лет инвестирования или *3 за 40 лет
От 6 до 9 т.р. $3*60=180+450 = 630$ тыс. руб. *2 за 30 лет инвестирования или *3 за 40 лет
От 9 до 12 т.р. $3*50=150+630=780$ тыс. руб.
От 12 до 15 т.р. $3*40=120+780=900$ тыс. руб.
От 15 до 18 т.р. $3*30=90+900=990$ тыс. руб.
От 18 до 20 т.р. $2*20=40+990=1030$ тыс. руб. Свыше 20 т.р. 1:1.

Учитывая, что государство удваивает вклады населения при софинансировании, предлагается удвоить вклады ПСВ, пролежавшие к моменту осовременивания не менее 30 лет или утроить пролежавшие не менее 40 лет, но ограниченно по сумме до 6 тыс. руб. или до 9 тыс. рублей.

Это выгодно и государству и россиянам: государственный долг реструктурируется на 20-30 и более лет; снизится бедность среди пенсионеров; высвободится до 250-300 млрд рублей, расходуемых на доплаты, субсидии по ЖКХ, содержание части соцзащиты, надобность в которых отпадет; восстановится доверие к государству и к государственным гарантиям.

Нужно назначить, наконец, пенсионерам заработанные долгим трудом справедливые ТП в нормах *Закона-90*.

За инфляционный период несопоставимый заработок заменяется сопоставимым эквивалентом заработка – Эз, таким образом, все пенсионеры при назначении ТП будут в сопоставимых условиях.

Принцип определения Эз на примере условной заработной платы:

май 1990 МЗП-70 руб. **Зарплата = 210 руб.** Соотношение зарплаты к МЗП=**3** (210/70)

май 1991 МЗП-100 руб. **Зарплата = 300 руб.** Соотношение – « – к МЗП=**3** (300/100)

май 1992 МЗП-900 руб. **Зарплата = 2700 руб.** Соотношение – « – к МЗП=**3** (2700/900)

И хотя зарплаты разные, они равнозначны, так как все они в 3 раза превышают соответствующий им размер минимальной заработной платы.

Основные постулаты проекта.

1. Никто не получит ТП меньше правовых норм *Закона-56* и правовых норм *Закона-90*. Никто не получит пенсию ниже прожиточного минимума (ПМ) по месту своего проживания.

2. Уровень обеспечения определяет отношение МТП и max ТП к средней зарплате в РФ (в её субъектах).

3. Устанавливается единая единица измерения – минимальная трудовая пенсия (МТП).

4. МТП априори равна минимальной заработной плате (МЗП) и 1,5 прожиточным минимумам (ПМ).

5. Все государственные пенсии ограничены соотношением к МТП в 1:6 или до 6 МТП: ТП на общих основаниях до 3 МТП; военные пенсии до 4,5 МТП, что в 1,5 раза выше; ТП за подземный, горячий и вредный труд: летчикам и диспетчерам ГА – до 3,5 МТП.

6. Выход на пенсию на общих основаниях мужчин в 60 лет, женщин в 55 лет (60/55). ТП на общих основаниях за трудовой стаж 25/20 лет назначается в размере 55%.

7. Досрочная ТП по списку–1 назначается в 50/45 лет, по списку–2 – в 55/50 лет. Необходимый трудовой стаж по списку–1 и 2 приравнивается к 25/20 годам на общих основаниях.

8. Максимальная ТП за общий стаж 45/40 лет назначается в размере 75% заработка или Эз.

9. В общий стаж включаются: учеба ≤ 5 лет (искл. мединститут ≤ 7 лет); аспирантура и т.п. не более 3 лет; уход за ребенком до 3 лет, но всего не более 9 лет; служба в армии.

10. К 55% добавляется: за один трудовой год свыше 25/20 лет и приравненный к нему + 2%; за особый год и/или за льготный год, включаемый в общий стаж + 1%.

11. Социальная пенсия (СП) назначается в 65/60 лет в размере 2/3 МТП и равна ПМ.

12. За точку отсчета и для сопоставления принимаются:

– минимальная пенсия в размере 70 руб. в рублях 1980-х гг., равная минимальной зарплате МЗП (МРОТ);

– соответствующий ей заработок – 127,27 рублей, исходя из 55% ($127,27 * 0,55 = 70$);

– средняя зарплата за последний доперестроечный период 1985-1986 гг. – 200 рублей;

– уровень пенсионного обеспечения по отношению к средней зарплате – 200 рублей.

Адаптация к инфляции.

13. Три временных периода: П-1 «стабильный», П-2 «переходный», П-3 «инфляционный».

14. Вводится основной критерий – коэффициент трудового стажа (КТВ) и вторичный – пенсионный коэффициент (ПК), исчисляемый от КТВ и от П: $ПК = КТВ / 3,6$ и $ПК = П / 70$.

15. ТП поэтапно будут приведены в соответствие с коэффициентом трудового вклада (КТВ).

16. За периоды 2 и 3 несопоставимый заработок заменяется его сопоставимым эквивалентом – Эз.

17. КТВ исчисляется: за П-1 от заработка (З) и/или от Эз; за П-2 и за П-3 исчисляется от Эз.

18. Вводится сквозной коэффициент осовременивания (СКО) равный произведению всех индексаций, начиная с марта/апреля 1991 года. СКО исчисляется: $СКО = МТП / 70$ или $СКО = МЗП / 70$.

19. Вводится коэффициент адекватности $Ка(3,6)$. К П-1 применять коэф. $Ка(3,6)$, к П-2 – $Ка(1,8)$.

Восстановление социальной справедливости.

20. Надбавки, заработанные по советскому законодательству, восстановить на 2 и 3 этапах.

21. Вводится 2 новые надбавки за лишения во время ВОВ тем, кто не получал других: «Н-ДВ» дети до 1946 г.р. и «Н-СВ» дети погибших на фронте и пропавших без вести.

22. Виновным в преступлениях и/или в коррупции ТП ограничить в размере до 2 МТП.

23. Досрочные ТП и ТП работающим пенсионерам выплачивать в размере МТП (МЗП).

24. Неработающие военные пенсионеры получают ТП за стаж от 6 до 20 лет в 60 лет.

25. На районный коэффициент (РК) повышается зарплата, ограниченная до 6 МЗП, предельные размеры минимальной и максимальной ТП повышаются на $RK \leq 1,5$.

26. Звание «Ветеран труда» присваивается автоматически за трудовой стаж 35/30 лет на общих основаниях и за приравненный к нему необходимый трудовой стаж по спискам 1 и 2.

Стабилизация в материальном обеспечении.

27. Первое повышение производить:

- всех основных гарантированных зарплат – в марте;
- всех пенсий, стипендий и пособий – в апреле;
- ограниченно раз в год ЖКХ – в мае;
- контролируемое повышение цен продуктовой корзины – в июне.

28. При необходимости 2-е повышение производить:

- всех основных зарплат – в сентябре;
- всех пенсий, стипендий и пособий – в октябре;
- цен продуктовой корзины – в ноябре.

Модернизация ПФР.

29. Признать ПФР общественной собственностью трудовых пенсионеров России.

30. Дифференцировать отчисления для ТП до 3; 3,5 МТП, финансируемых из ПФР:

- для ТП на общих основаниях с 60/55 лет – до 3 МТП – 25% от ФОТ+ 1% с зарплаты;
- для досрочных ТП с 55/50 лет – по списку–2 до 3,5 МТП – 28% от ФОТ+ 1% с зарплаты;
- для досрочных ТП с 50/45 по списку–1 до 3,5 МТП – 31% от ФОТ+ 1% с зарплаты.

При этом подоходный налог с месячного заработка до 100 тыс. руб. должен быть 12%.

31. Ограничить зарплату в ПФР твердым процентом от местной пенсионной потребности (МПП).

32. Назначать ТП работникам ПФР и Минсоцзащиты на общих основаниях – до 3 МТП.

33. Сохранить в ПФР персонифицированный учет поступлений от ФОТ + с зарплаты.

34. Отменить в ПФР принудительные накопления в ущерб и за счет нынешних пенсионеров.

35. Отменить наследование пенсионных накоплений из пенсионных общих средств ПФР.

36. Отменить выплату из ПФР накопительной части работающим пенсионерам.

37. Снизить в 2 раза льготное налогообложение в оффшорах России. При этом льготное налогообложение не должно распространяться на отчисления от ФОТ в ПФР.

Против Методики «Исчисление пенсий по коэффициенту трудового вклада – КТВ» в нормах Закона «О государственных пенсиях в РФ» №340-1 от 20 ноября 1990 года (*Закон-90*) сразу же ополчились «специалисты» Минсоцзащиты и ПФР. Потому что признать законность Методики – значит признаться в своей несостоятельности.

Вопреки «специалистам» Минсоцзащиты и ПФР Методику Варнавской поддержали:

- Институт экономики УрО РАН (отзыв ученого совета);
- правовые и экономические кафедры УрФУ, УрГЭУ (отзывы);
- УрГЮА (отзыв зав. кафедрой В.Ш. Шайхатдинова);
- Уральский институт управления - филиал РАНХиГС (включил Методику в учебное пособие «Социальная защита населения»),
- Ассоциация независимых профсоюзов по образованию, науке, культуре и здравоохранению;
- Правительство Свердловской области, председатель А.П. Воробьев (в поддержку проекта принято Постановление №984-п от 25 сентября 1998 г.);
- обе палаты Областного ЗС (постановления от октября и ноября 1998 г. законопроект был направлен в ГД в порядке законодательной инициативы);
- ОО Союз «Тыл-Фронту» (г. Каменск-Уральский) направила 16 тыс. подписей в ГД и Правительство РФ;
- тысячи пенсионеров Екатеринбурга и области своими подписями;
- общественные организации Твери, Магадана, Сыктывкара, Новосибирска, Нижнего Новгорода и др.

Такие крупные проекты со многими инновациями нужно апробировать правовым государственным экспериментом и лучше всего по месту проживания автора, чтобы не допустить вольных или невольных искажений (что уже имело место), доработать формулировки, исправить возможные ошибки, пробелы или упущения.

© Варнавская Р.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Варнавская Римма Александровна (г. Екатеринбург, Россия) – руководитель общественного объединения «За достойную старость» (620014, г. Екатеринбург, ул. А. Валека, 12; e-mail: vra36@yandex.ru).

Varnavskaya R.A.

THE ANALYSIS OF PENSION LAWS FOR THE SOVIET AND RUSSIAN PERIODS

Abstract. *Alternatively to the current pension legislation and proceeding pension reforms in our country the author offers socially fair, available, low expensive, mathematically reasona-*

ble, economically efficient, inflation adapted, accepted for any period of time one single state pension system based on the author's original technique.

Keywords: pension accumulation, labor pensions, reform, legislation, power, technique, social justice.

Information about the author

Varnavskaya Rimma Aleksandrovna (Yekaterinburg, Russia) – Head of Public Association «For Worthy Old Age» (12, 620014, Yekaterinburg, A. Valek St.; e-mail: vra36@yandex.ru).

УДК 331.5

Коровкин А.Г., Единак Е.А., Королев И.Б.

ПОВЫШЕНИЕ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА, РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА И СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ*

Аннотация. *Обсуждаются предполагаемые последствия повышения пенсионного возраста для российского рынка труда и системы образования, в том числе с точки зрения процесса согласования спроса на рабочую силу и ее предложения. Дается оценка возможного изменения величины предложения рабочей силы.*

Ключевые слова: рынок труда, пенсионный возраст, занятость, предложение рабочей силы, система образования.

1. В последнее время в обществе и профессиональной среде активизировались дискуссии о необходимости повышения пенсионного возраста. В связи с этим целесообразно рассмотреть основные последствия такого решения для российского рынка труда с точки зрения динамики его основных параметров, поскольку речь идет не только о количественном изменении показателей сферы занятости и рынка труда, но и структурных изменениях, затрагивающих процесс согласования спроса на рабочую силу и ее предложения. Отдельный заслуживающий, по нашему мнению, внимания вопрос состоит в новых аспектах взаимодействия рынка труда и системы образования (исследуемых нами в рамках проекта РГНФ № 13-02-00269), которые появятся в связи с повышением пенсионного возраста. Очевидно, что границы пенсионного возраста – один из ключевых макроэкономических параметров, и его изменение найдет свое отражение далеко за рамками собственно рынка труда и даже экономической сферы. В рамках представленного ниже анализа не рассматриваются подробно эти вопросы (например, сокращение дефицита пенсионного фонда, уменьшение расходов бюджета, изменение потребительских предпочтений, рост макроэкономической стабильности и т.д.). Соответственно, не учитываются те косвенные эффекты, которые вследствие этих изменений проявятся в том числе в сфере занятости и на рынке труда.

2. Проблема повышения пенсионного возраста в контексте смягчения нехватки рабочей силы рассматривалась нами, например, в работе [3]. Усиливающийся дефицит рабочей силы уже фактически сдвинул возрастные границы на рынке труда. Конъюнктурные опросы предприятий показывают, что

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-02-00269).

речь идет, прежде всего, о дефиците квалифицированной рабочей силы [4]. В 2000-2014 гг. численность работающих старше трудоспособного возраста увеличилась практически в 1,5 раза. Только за 2010-2014 гг. численность этой категории занятого населения увеличилась почти на 23%, с 5,3 до 6,5 млн человек. Значимость работающих лиц старше трудоспособного возраста как источника формирования трудовых ресурсов растет: в 2013 г. они составляли почти 7% от численности трудовых ресурсов и более 9% численности всего занятого населения (в 2000 г. – соответственно 5 и 7%). В самом общем случае количественная оценка увеличения предложения рабочей силы может быть осуществлена следующим образом. Очевидно, что уровень экономической активности пенсионеров значительно ниже, чем лиц трудоспособных возрастов. Данные Росстата позволяют оценить величину этих различий (рис. 1). При этом уровень экономической активности населения в возрасте 60-72 года растет (за 2004-2014 гг. рост на 5,4 п. п. – с 16,6 до 22 %).

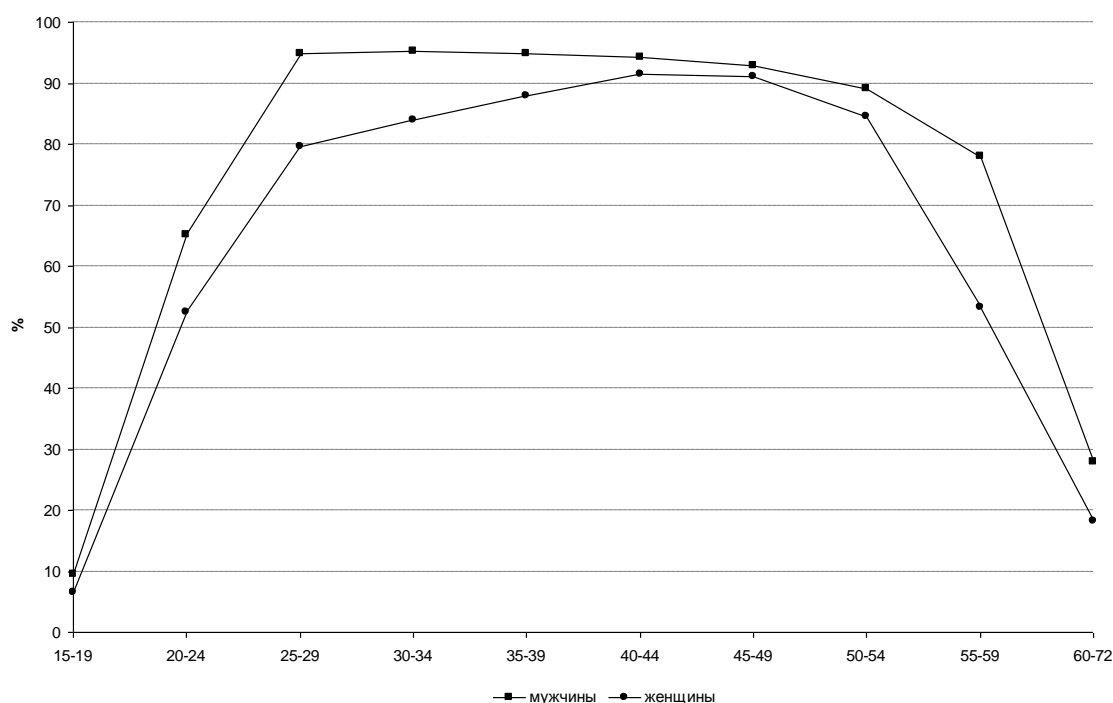

Рисунок 1. Уровень экономической активности населения в РФ по возрастам в 2014 г. [5]

Предположим, что повышение пенсионного возраста стимулирует рост экономической активности населения соответствующего возраста до уровня, сопоставимого с уровнем экономической активности лиц предпенсионного возраста. Рассмотрим гипотетический сценарий, при котором пенсионный возраст увеличивается для обоих полов до 65 лет. Будем также предполагать, что возраст выхода на пенсию повышается на общих основаниях без изменения других правил (например, по досрочному получению пенсии). Пусть экономическая активность составит для женщин 55-59 лет и мужчин в возрасте 60-64 года 80%, для женщин в возрасте 60-64 года – 70%, для лиц обоих полов старше 65 лет – 20 %. Тогда в 2014 г. (численность и возрастная структура населения – по данным на 1 января 2014 г.) условный прирост предложения рабочей силы составил бы около 6,5 млн человек. Соответствующий прирост почти на 70% обеспечивался бы увеличением

предложения женской рабочей силы. Если рассмотреть вариант увеличения возраста выхода на пенсию только для женщин (до 60 лет), то при сохранении основных принятых ранее предпосылок это могло бы привлечь на рынок труда свыше 3 млн человек.

Вместе с тем очевидно, что повышение пенсионного возраста, если и будет реализовано, будет происходить более плавно и, соответственно, адаптация населения к этим изменениям тоже будет растянута во времени. Кроме того, увеличение предложения рабочей силы может быть не таким значительным, поскольку некоторые факторы могут действовать в сторону ее уменьшения. Так, может снизиться экономическая активность молодежи. Возможно также и сокращение экономической активности женщин молодых возрастов за счет более продолжительных отпусков по уходу за ребенком. Это тем более вероятно при сохранении проблем с доступностью учреждений дошкольного образования. Несмотря на рост числа мест в дошкольных образовательных организациях, численность детей, состоящих на учете для определения в дошкольные организации, не снижается. Кроме того, примерно в половине учреждений фактическое число воспитанников превышает нормативное, то есть потребность в дополнительных местах в дошкольных организациях еще выше [6].

3. Увеличение предложения рабочей силы при недостаточном спросе на нее может привести к росту безработицы. При этом, с нашей точки зрения, актуально говорить не только о возможном росте уровня безработицы в старших возрастных группах, но и возможном негативном воздействии повышения пенсионного возраста на молодежный рынок труда. Уровень безработицы среди молодежи достаточно высок (в 2014 г. в возрасте 20-24 года было 12,4% безработных при среднем уровне в РФ 5,2%), с ростом предложения рабочей силы риск безработицы будет выше у наименее конкурентоспособных и опытных, то есть опять же у молодежи. Усиление конкуренции за рабочие места также может обострить проблему трудоустройства молодых специалистов по специальности (по данным обследования населения по проблемам занятости Росстата, у 40% выпускников учреждений профессионального образования основная работа не связана с полученной специальностью), особенно с учетом недостаточной интенсивности создания новых высокопроизводительных рабочих мест. Их создание могло бы (при условии соответствующей подстройки системы образования) способствовать решению проблемы обеспечения молодых кадров рабочими местами. Повышение пенсионного возраста сократит возможности для участия молодежи в процессе ротации кадров, ограничит темпы карьерного роста. Кроме того, вероятно, произойдет еще большее усиление напряженности на рынке труда ряда регионов, возможно усиление региональной дифференциации по показателям рынка труда.

4. Одним из следствий нехватки рабочей силы стали высокие темпы роста заработной платы в 2000-х годах (пусть отчасти это и было связано с ее изначально невысоким уровнем). Увеличение предложения рабочей силы будет способствовать снижению цены труда, что, вероятнее всего, будет проявляться в невысоких темпах ее роста, особенно для отдельных категорий работников. В частности, следует ожидать корректировки в сторону уменьшения зарплатных предложений для молодых специалистов (как в связи с общим ростом предложения рабочей силы, так и усилением конкуренции в молодежном сегменте российского рынка труда).

5. Увеличение срока выхода на пенсию означает увеличение продолжительности трудового стажа, у оставшихся на рынке труда работников появляется необходимость в повышении квалификации. Следовательно, возрастает нагрузка на систему дополнительного профессионального образования. В настоящее время обучение лиц старше трудоспособного возраста по дополнительным профессиональным программам и образовательным программам профессионального обучения ожидаемо носит ограниченный характер: в общем числе прошедших обучение их доля составляет менее 5%. Кроме того, у работодателей и работников возникнет необходимость в дополнительных расходах на оплату повышения квалификации и переподготовки.

6. Увеличение пенсионного возраста изменит структуру предложения рабочей силы и приведет к другим структурным изменениям на рынке труда, которые могут носить как позитивный, так и негативный характер. К позитивным изменениям, вероятно, можно будет отнести увеличение числа и доли более опытных работников в сфере занятости и на рынке труда. Будет меняться гендерный состав рабочей силы в сторону увеличения доли занятых женщин. Но при сохранении существующих тенденций очевидным образом возрастает риск консервации существующей структуры занятости, усиления структурных диспропорций в распределении занятого населения по видам экономической деятельности (которые и так заметно различаются, например, по среднему возрасту занятого населения) и по регионам.

В XXI веке прослеживается устойчивая тенденция увеличения среднего возраста занятого и безработного населения. При этом при среднем возрасте всех занятых 40,4 года у женщин он заметно выше – 41,0 лет против 39,9 у мужчин. Для безработного населения половозрастные различия не столь характерны: средний возраст безработных мужчин на полгода выше. Но он также имеет тенденцию к росту, пусть и не такую выраженную, как для занятого населения. В некоторых сферах народного хозяйства работающие пенсионеры играют особенно большую роль. Например, в структуре профессионально-квалификационного состава образовательных организаций высшего профессионального образования люди старше 60 лет в 2013 г. составляли 27%, в структуре численности преподавателей профессиональных образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования (программы подготовки специалистов среднего звена) – более 20% [6].

С нашей точки зрения, требует дополнительной проработки вопрос, в какой мере повышение пенсионного возраста и, следовательно, увеличение среднего возраста занятого населения, увеличение доли пожилых работников на рынке труда согласуется с задачей создания и модернизации высокопроизводительных рабочих мест (ВПРМ)? В условиях активизации сил по созданию в экономике ВПРМ и повышению производительности труда может сложиться ситуация, когда для лиц предпенсионного возраста (в новом понимании) не будет адекватного количества рабочих мест, особенно в отдельных регионах и секторах экономики (см., например, [1]), что внесет свой вклад в общий объем и динамику структурной безработицы (региональной, отраслевой, профессиональной). В случае отсутствия достаточного количества современных высокопроизводительных рабочих мест повышение пенсионного возраста может также стимулировать дальнейшее расширение занятости в неформальном секторе экономики.

К структурным изменениям можно отнести и возможные изменения в уровне миграционной активности населения страны, которая во многом определяется его возрастной структурой [2]. В России наибольший удельный вес внутренних миграций приходится на население трудоспособного возраста. Так, в 2013 г. на его долю приходилось чуть менее трех четвертей всех внутренних мигрантов по РФ (доли населения младше и старше трудоспособного возраста составляли соответственно 16% и 10%). Это соотношение весьма устойчиво во времени и характерно также для 2000 г. Рассматривая возрастную структуру населения в разрезе пятилетних возрастных групп, можно убедиться, что наиболее высокая миграционная активность свойственна населению активных возрастов (20-24 и 25-29 лет). Чуть меньшая (но более высокая по сравнению со всеми оставшимися возрастными группами) миграционная активность наблюдается у соседних групп населения: 15-19 и 30-34. На рис. 2 представлены структура внутренних мигрантов в России по возрасту и возрастные интенсивности внутренней миграции в России за 2013 г. (данные рассчитаны по прибывшему населению).

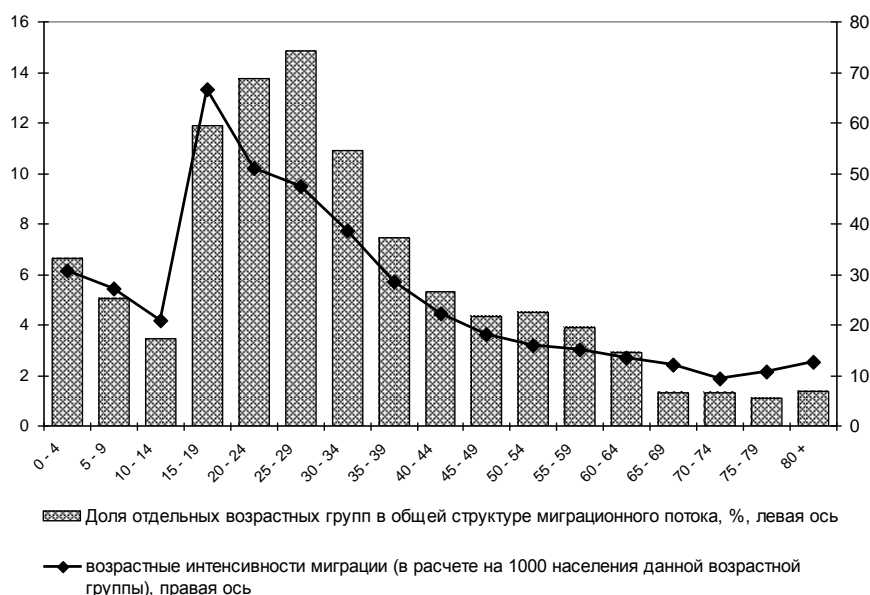

Рисунок 2. Интенсивность и структура миграции по возрастам (расчеты авторов, Росстат)

Наиболее высокий коэффициент интенсивности миграции наблюдается у населения в возрасте 15-19 лет, для которого характерна активная учебная миграция в этом возрасте. Движение мужского населения этого возраста определяется также призывом в армию. Для более старших возрастных групп характерно планомерное снижение соответствующих коэффициентов. Для населения старше трудоспособного возраста характерны высокие коэффициенты закрепления по территориям. Дороговизна переезда в условиях отсутствия жилья в другой местности, а также сформировавшаяся привычка к среде (инфраструктурной, социальной, природной) во многом определяет высокую степень оседлости населения пенсионного возраста. На фоне этого мотивами смены территории проживания лицами пенсионного возраста могут служить следующие факторы: переезд к детям и внукам, уехавшим ранее в связи с учебой или в поисках работы в другой регион, смена климата на более подходящий, в

условиях наличия свободного от работы времени ведение личного подсобного хозяйства. При наличии работы у соответствующей категории лиц повышение пенсионного возраста, скорее всего, приведет лишь к еще большему закреплению лиц этой возрастной категории (55-59 для женщин и 60-64 для мужчин) к территории проживания.

Таким образом, повышение пенсионного возраста, по всей видимости, не пройдет незамеченным для российского рынка труда и системы образования, что повышает актуальность дальнейшей проработки этого вопроса, в частности, в направлении оценки возможных изменений. Для смягчения негативных последствий (структурных изменений), вероятно, потребуется корректировка реализуемой государственной политики, разработка и реализация дополнительных мер в области политики занятости, политики доходов. На начальном этапе, как представляется, целесообразно говорить, прежде всего, о выравнивании срока выхода на пенсию для лиц обоих полов, не столько по фискальным основаниям, сколько для устранения дискриминации женщин на рынке труда в связи с их более ранним выходом на пенсию по возрасту.

Библиографический список

1. Волкова И. «Академик РАН Виктор Ивантер: Из-за введения санкций экономической катастрофы в России не будет» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pnp.ru/news/detail/81233>.
2. Единак Е.А., Коровкин А.Г. Оценка структуры межрегиональных потоков населения РФ по трем возрастным группам // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 110-134.
3. Korovkin A.G., Dolgova I.N., Korolev I.B. Labor shortage in the Russian Economy: A Macroeconomic Estimate // Studies on Russian Economic Development. 2006. Vol. 17. No 4. pp. 365-376.
4. Кувалин Д.Б., Моисеев А.К. Российские предприятия весной 2014 г.: деятельность в условиях замедления экономического роста [Электронный ресурс]. URL: www.ecfor.ru/
5. Федеральная служба государственной статистики. Обследование население по проблемам занятости – 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766.
6. Образование в Российской Федерации: 2014: статистический сборник. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014.

© Коровкин А.Г., Единак Е.А., Королев И.Б., 2015. Текст.

Информация об авторах

Коровкин Андрей Германович (г. Москва, Россия) – доктор экономических наук, заведующий лабораторией прогнозирования трудовых ресурсов, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (117418, Москва, D-418, Нахимовский проспект, 47; e-mail: akor@ecfor.ru)

Единак Екатерина Александровна (г. Москва, Россия) – научный сотрудник лаборатории прогнозирования трудовых ресурсов, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (117418, Москва, D-418, Нахимовский проспект, 47; e-mail: ecfor1809@mail.ru).

Королев Иван Борисович (г. Москва, Россия) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории прогнозирования трудовых ресурсов, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (117418, Москва, D-418, Нахимовский проспект, 47; e-mail: ecfor1809@mail.ru).

Korovkin A.G., Edinak E.A., Korolev I.B.

RAISING THE RETIREMENT AGE, RUSSIAN LABOR MARKET AND EDUCATIONAL SYSTEM

Abstract. *In the article the authors discuss expected implications of raising the retirement age for Russian labor market and education system, also from the point of view of labour demand and labor supply adjustment process. Estimates of labor supply possible changes are given.*

Keywords: labour market, retirement age, employment, labour supply, education system.

Information about the authors

Korovkin Andrey Germanovitch (Moscow, Russia) – Doctor of Economic Sciences, Head of the Laboratory of Labour Resources Forecasting, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky pr., Moscow, D-418, 117418, Russia; e-mail: akor@ecfor.ru).

Edinak Ekaterina Alexandrovna (Russia, Moscow) – Researcher of the Laboratory of Labour Resources Forecasting, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky pr., Moscow, D-418, 117418, Russia; e-mail: ecfor1809@mail.ru).

Korolev Ivan Borisovitch (Russia, Moscow) – Candidate Of Economic Sciences, Head Of The Laboratory Of Labour Resources Forecasting, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky pr., Moscow, D-418, 117418, Russia; e-mail: ecfor1809@mail.ru).

УДК 369:314.47

Соловьев А.К.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Проблема повышения пенсионного возраста в нашей стране обсуждается уже четверть века, с первых шагов рыночных преобразований пенсионного обеспечения, но без сколько-нибудь видимого продвижения к ее решению. В нынешних социально-экономических условиях проблема повышения пенсионного возраста в России приобрела особую остроту. Все цивилизованные страны уже выработали четкую программу действий по ее решению, хотя и с разными социальными и экономическими последствиями: одни повысили пенсионный возраст «шоковыми» инструментами за один-два года, другие растянули этот процесс на несколько десятилетий, третьи отказались от возрастного регулятора страховых пенсионных прав. По какому пути должна пойти Россия? Вот главный вопрос сегодняшних реалий.*

Ключевые слова: пенсионная реформа, пенсионный возраст, пенсионные права, страховая пенсия, трудоспособное население.

Повышение пенсионного возраста рассматривается его сторонниками как главный фактор экономии бюджетных средств, поскольку в результате реализации этой меры будет сокращаться численность новых назначений страховой пенсии.

Однако возможность и правомерность решения финансовых проблем российской пенсионной системы через повышение пенсионного возраста определяется, с одной стороны, с позиций застрахованных лиц – наличием/отсутствием демографических и социально-трудовых предпосылок для повышения пенсионного возраста, с другой, с позиции государства – последствиями реализации этой меры для бюджета ПФР и макроэкономики в целом.

Начиная с последней четверти прошлого века проводятся активные научные обсуждения и агрессивная критика законодательно установленного возраста выхода на пенсию в России, который был и все еще остается самым низким из всех стран, имеющих общегосударственную систему обязательного пенсионного обеспечения. В то же время пенсионные системы всех развитых стран (в первую очередь ОЭСР) давно перешли 65-летний рубеж пенсионного возраста, причем в абсолютном большинстве государств даже без символических гендерных различий (с льготным понижением возраста для женщин) (табл.1).

Таблица 1

Установленный возраст выхода на государственную пенсию на общих основаниях в странах ОЭСР [1, 2, 3]

Страна	Нормативный возраст	
	Мужчины	Женщины
Германия	65	65
Греция	65	64
Испания	65	65
Франция	65	65
Италия	66	62
Финляндия	65	65
Швеция	65	65
Великобритания	65	61
Норвегия	67	67

Более того, в начале XXI века многие из стран ОЭСР приступили к очередному этапу демографической корректировки общегосударственных пенсионных программ в направлении дальнейшего повышения возраста выхода на пенсию до 67 и даже до 70 лет. Однако надо учитывать, что во все времена повышение пенсионного возраста осуществлялось предельно осторожно, т.е. постепенно: от 1-2 месяцев за календарный год в начале и до 3-4 мес. в конце переходного периода. В результате процесс перехода на новый возрастной порог растягивался в среднем на 20-25 лет. Так, в частности, как известно из аналитических обзоров ОЭСР, все страны должны завершить переход на рубеж 67-летнего выхода на трудовую пенсию на общих основаниях не позднее 2020-х гг. Одновременно некоторые страны уже отработывают схемы перехода на 70-летний возрастной уровень – к середине 2030-х годов.

Почему же наша пенсионная система отстает от этого процесса?

Апологеты повышения возраста приводят следующие аргументы необходимости безотлагательного повышения пенсионного возраста в России:

– рост числа работающих пенсионеров – с 6 млн в начале 2000-х гг. до 14 млн в настоящее время;

– существенное изменение демографических тенденций, в частности, рост общей продолжительности жизни при рождении, особенно за последние 5 лет;

- увеличение демографической нагрузки на экономику, что проявляется в росте соотношения нетрудоспособного и трудоспособного населения;
- усиление разбалансированности бюджета пенсионной системы и, соответственно, увеличение риска субсидиарной ответственности по трансфертному финансированию бюджета ПФР на покрытие дефицита;
- увеличение пенсионной нагрузки на «бизнес» в форме неизбежного повышения размера страховых тарифов для всех участников пенсионного процесса или отдельных видов трудовой деятельности (в первую очередь это касается самозанятого населения и малого бизнеса).

Актuarный анализ демографических предпосылок и условий повышения пенсионного возраста показывает, что численность работающих пенсионеров неуклонно увеличивается, но принципиально важно выяснить, кто и почему работает после назначения трудовой пенсии. Увеличение численности работающих пенсионеров часто трактуется как наглядное свидетельство увеличения продолжительности жизни. Это в первую очередь «досрочники» и низкодоходные категории населения, которые вынуждены работать для выживания опять на тех же низкозарплатных рабочих местах, на которые никто и не претендует, кроме, может быть, временных трудовых мигрантов.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) в России существенно возросла и в 2013 г. составила у женщин 76,3 года, у мужчин – 65,13 года (рис. 1). Однако она ниже, чем в более-менее развитых странах Америки, Азии и Европы (в т.ч. в Чехии, Словакии, Словении, Польше, Греции, прибалтийских странах, не говоря о США, Франции, Германии, Японии и т.д.).

Таблица 3

Динамика ожидаемой продолжительности жизни при достижении пенсионного возраста в России в XIX-XXI вв., лет [4]

Показатель	1896-1897 гг.	1926-1927 гг.	1958-1959 гг.	2000 г.	2012 г.	2013 г.
ОПЖ мужчин в возрасте 60 лет	13,9	14,5	15,9	13,21	15,38	15,73
ОПЖ женщин в возрасте 55 лет	17,2	20,7	24,2	22,53	25,05	25,36

Однако в соответствии с экономической и социальной функцией государственной пенсии ОПЖ при рождении не является показателем, на который можно ориентироваться при установлении пенсионного возраста.

Рост ОПЖ достигается, в первую очередь, за счет повышения ОПЖ детей и в меньшей степени лиц трудоспособного возраста. У детей она выросла за 11 лет на 6 лет (у мальчиков) и на 4 года (у девочек), а у лиц старше трудоспособного возраста – всего на 1,46 и 1,36 года соответственно у мужчин и женщин.

У населения, дожившего до общеустановленного пенсионного возраста (т.е. до 55 и 60 лет соответственно для женщин и мужчин), прирост ожидаемой продолжительности жизни составил в 2013 г. к уровню 2002 г. для женщин – 3,1 года, для мужчин – 2,9 года.

Ожидаемая продолжительность жизни при достижении общеустановленного пенсионного возраста составляет у женщин 25,36 года, у мужчин – 15,73 года. Значение этого показателя только недавно вышло на уровень 50-х годов прошлого века (в начале 2000-х гг. мы находились на уровне 1896-1897 гг.) (см. табл. 3).

Статистика показывает, что, как и столетием раньше, до нормативно установленного пенсионного возраста не доживут, т.е. не смогут даже начать реализовывать свои пенсионные права, около 10% женщин и 34% мужчин.

В странах Западной Европы, а также в США, Мексике и др. пенсионный возраст уже повышен до 65 лет и начато повышение до 67 лет (Австралия, Израиль, Греция, Норвегия, Франция). Однако главным движущим фактором такого повышения послужило именно устойчивая тенденция повышения ОПЖ в этих странах для 65-летних, которая принципиально выше, чем в России. Например, в Финляндии для женщин она составляет 21,6 года, для мужчин – 17,8 года, во Франции – 23,4 и 19,1 года соответственно.

Страны Восточной Европы также стали повышать пенсионный возраст, хотя продолжительность жизни в них ниже, чем в Западной Европе. Но причины такого повышения заключаются в геополитических обязательствах государств, входящих в ЕС. В Эстонии в 2014 г. пенсионный возраст составлял 63 и 61 года для мужчин и женщин соответственно (дожитие в 65 лет составляет 14,8 и 20,3 года). Чехия повышает возраст ежегодно на 2 месяца без установления верхнего предела. В 2014 г. он составлял 62,67 года для мужчин и 61,33 года для женщин. ОПЖ для 65-летних в этой стране – 15,7 и 19,2 года соответственно.

Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет в России ниже, чем во всех странах Евросоюза: женщины – 17,36 года, мужчины – 13,08 года. Не доживут от рождения до этого возраста 18% женщин и 44% мужчин. Из числа 20-летних женщин до 60 лет не доживут 12%, и в течение последующих 5 лет умрут еще 5,6% из оставшихся 60-летних женщин. Из числа мужчин, доживших до 60 лет, не доживут до 65-летнего возраста 15%.

Это означает, что в случае перехода на общеевропейский пенсионный возраст абсолютное большинство населения России будет практически лишено права получения своего страхового возмещения, что противоречит нормативным документам МОТ по «гарантии охвата и доступности» населения социальными формами материального обеспечения.

В настоящее время гипотетически можно говорить лишь о наличии демографических предпосылок повышения пенсионного возраста только для женщин, и то с очень большой натяжкой. По прогнозу, разработанному на основе параметров, установленных Концепцией демографического развития России, 60-летние мужчины достигнут текущей ожидаемой продолжительности жизни в странах ОЭСР для 65-летних мужчин не ранее 2040-х гг. Только тогда повышение пенсионного возраста станет сопоставимым с западными параметрами, и пенсионеры будут иметь период предстоящей жизни, достаточный для реализации своих пенсионных прав. Для женщин это можно сделать несколько раньше – в 2025-2030 гг.

Численность населения трудоспособного возраста будет превышать численность населения в возрасте старше трудоспособного возраста на всем прогнозном интервале не менее чем в 1,5 раза (табл. 4).

Это означает, что даже сегодня объективно существует демографический резерв для увеличения соотношения численности лиц, уплачивающих страховые взносы в ПФР, и пенсионеров. Граждане трудоспособного возраста, которые по объективным основаниям не могут участвовать в легальном трудовом процессе при достижении установленного возраста, потребуют от государства реализации своих

конституционных прав как минимум в форме социальной пенсии, которая, как известно, ненамного ниже страховой пенсии.

Таблица 4

Прогноз численности трудоспособного и нетрудоспособного населения в РФ

Численность населения	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.	2040 г.	2050 г.
Всего, млн чел.	143,9	144,5	144,2	143,3	141,6	141,5
в том числе:						
в трудоспособном возрасте	83,6	79,7	78,3	78,6	75,4	70,5
старше трудоспособного	34,9	38,0	39,6	40,4	42,8	45,0
моложе трудоспособного возраста	25,4	26,8	26,4	24,3	23,3	26,0

Источник: расчеты автора.

Анализ социально-демографических аспектов повышения пенсионного возраста в России показывает, что этот процесс не может и не должен быть стихийным. Он должен быть подготовлен адекватным развитием всей социально-экономической системы государства. В первую очередь, должны быть созданы соответствующие рабочие места как для пожилых людей, которые попадут под повышение возраста, так и для молодежи, чтобы избежать роста молодежной безработицы.

Кроме того, должны быть изменены тенденции роста незанятости населения трудоспособного возраста, которые усугубляются на протяжении всего периода реформирования пенсионной системы.

На сегодняшний день необходимые условия на рынке труда отсутствуют. В 2014 г. численность застрахованных лиц трудоспособного возраста, зарегистрированных в системе персонифицированного учета ПФР, составила 88,1 млн чел. Из них были заняты и уплачивали страховые взносы лишь 57 млн человек. Более трети застрахованных лиц трудоспособного возраста – 31 из 88 млн – не были заняты деятельностью, подлежащей обязательному пенсионному страхованию (16,9 млн мужчин и 13,1 млн женщин). Потери доходов ПФР от незанятости в 2014 г. составили 1173,8 млрд руб. (почти треть от объема поступивших страховых взносов на страховую и накопительную части трудовой пенсии).

В 2002 г. уровень занятости застрахованных трудоспособного возраста составлял 74,3%, в 2014 г. он снизился до 64,7% (т.е. на 9,6 п.п.). Причем доля занятых среди мужчин трудоспособного возраста уменьшилась значительно больше, чем среди женщин (соответственно на 11 и 8 п.п.). Наиболее сильно снизился удельный вес занятых среди мужчин в наиболее работоспособных возрастных группах: 35-39 лет – снижение на 11,9 п.п., 40-44 года – на 13,2, 45-49 лет – на 12,4 п.п. Вероятно, этот факт свидетельствует не столько о полной незанятости, сколько об уходе в «теневую экономику».

Незанятость застрахованных лиц трудоспособного возраста надо рассматривать в двух аспектах: как текущую и хроническую.

Текущая незанятость подразумевает, что за застрахованное лицо в течение всего рассматриваемого года не начислялись и не уплачивались страховые взносы. Текущая незанятость оказывает негативное влияние, в первую очередь, на объемы текущего поступления страховых взносов в ПФР. Хроническая незанятость означает, что за застрахованное лицо на протяжении ряда лет не начислялись и не

уплачивались взносы. За рассматриваемый нами 10-летний период максимальная продолжительность хронической незанятости составит соответственно 10 лет. Хроническая незанятость наиболее негативно сказывается на объемах пенсионных прав застрахованных лиц. Численность застрахованных лиц трудоспособного возраста, не формировавших пенсионные права в отчетном году (т.е. величина текущей незанятости), возросла с 19 млн чел. в 2002 г. до 31 млн чел. в 2014 г., или на 62,5%.

Доля незанятых в численности зарегистрированных в СПУ застрахованных лиц трудоспособного возраста увеличилась за 10 лет с 25,6% до 35,3%.

Из общего числа застрахованных лиц трудоспособного возраста около 14,4 млн за период с 2002 по 2014 гг. официально не были заняты и не уплачивали взносы. Их доля в численности зарегистрированных в СПУ лиц этого возраста составила 16,4%.

За вычетом неработающих получателей трудовой пенсии по инвалидности численность лиц трудоспособного возраста, не имеющих страхового стажа с 2002 г. (т.е. незанятых в течение 10 лет из 10 рассматриваемых), составила в 2011 г. 12,7 млн чел.

Не имеют ни одного дня стажа за период 2002-2011 гг. 14,4% мужчин и 11,6% женщин, которым до достижения пенсионного возраста осталось 10-15 лет и 15,2% мужчин и 12,1% женщин, которым до пенсии не более 5 лет.

Эти лица в оставшееся время, учитывая изменения, внесенные в условия назначения пенсии Федеральным законом «О страховых пенсиях», вероятнее всего, не успеют выработать необходимый стаж и станут получателями социальных пенсий по государственному пенсионному обеспечению спустя 5 лет после достижения общеустановленного пенсионного возраста. В долгосрочной перспективе это приведет к росту числа бедных пенсионеров.

Еще один аспект незанятости, который является потенциальным резервом увеличения доходов бюджета ПФР – это занятость в течение года.

Из числа наемных работников полный год заняты только 68% женщин и 60% мужчин. Остальные работают менее года. 9% работавших в 2011 г. женщин и 12% мужчин в течение года были заняты менее 6 месяцев. Средняя продолжительность периода работы у женщин составила 10,5 месяцев, а у мужчин – 10,0 месяцев. У первых она сокращалась, у вторых – росла.

Среди работников сельскохозяйственных организаций заняты полный год были лишь 53,4% женщин и 47,3% мужчин (ниже уровня 2002 года на 8,3 п.п. и 12,0 п.п.). При этом доля отработавших менее 6 месяцев значительно больше, чем среди наемных работников: у женщин 21,6%, у мужчин – 23,7%. Комплексный статистический анализ проблемы повышения пенсионного возраста показывает, что экономические результаты от потенциального повышения пенсионного возраста ограничены для нашей страны по «внешним» к пенсионной системе макроэкономическим и демографическим факторам, а негативные социальные результаты обусловлены особенностями исторически сложившейся пенсионной системы.

Повышение пенсионного возраста не охватит огромное число получателей досрочных (льготных) пенсий по условиям труда (список 1, список 2 и «малые» списки), за выслугу лет, специфического контингента пенсионеров в связи с работой в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях и пенсий по

государственному пенсионному обеспечению. Повышать пенсионный возраст этим категориям застрахованных лиц теми же темпами, что и общий, нельзя, необходима оценка влияния условий труда на их здоровье и трудоспособность. Кроме того, значительный объем накопленных за период действия прошлых (до 2015 года) законодательных норм «нестраховых» государственных обязательств в рыночных условиях не обеспечивается адекватными страховыми источниками финансирования. В целом в настоящее время 44,3% (15,8 млн чел.) получателей трудовых пенсий составляют пенсионеры, на назначение пенсий которым пенсионный возраст не влияет, включая 10,3 млн чел. получателей досрочных пенсий по старости (в том числе работников, проработавших на работах с тяжелыми условиями труда – 2,7 млн чел., лиц, работавших в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, – 2,5 млн чел., работников, проработавших на подземных работах, работах с вредными условиями труда и в горячих цехах – 1,98 млн чел.), а также 3,9 млн чел. получателей пенсий по инвалидности и 1,7 млн чел. – по случаю потери кормильца. В структуре новых назначений трудовых пенсий перечисленные категории получателей составляют примерно столько же – 42,5%.

В любом случае повышение пенсионного возраста должно быть направлено исключительно на экономическое стимулирование формирования пенсионных прав застрахованных лиц в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Social Security Programs throughout the World: Europe, 2012.
2. Social Security Programs throughout the World: Asia and the Pacific, 2012.
3. Social Security Programs throughout the World: The Americas, 2013.
4. Народнонаселение России за 10 лет (1987-1997): стат. сб. Росстат, М., 1998.

© Соловьев А.К., 2015. Текст.

Информация об авторе

Соловьев Аркадий Константинович (г. Москва, Россия) – доктор экономических наук, Начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования, Пенсионный фонд Российской Федерации (119991, Москва, ул. Шаболовка, 4; e-mail: sol26@100.pfr.ru).

Solovyov A.K.

DEMOGRAPHIC CONDITIONS OF A RETIREMENT AGE INCREASE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The problem of a retirement age increase in our country is discussed for a quarter of the century, from the first steps of market transformations of provision of pensions, but without a little visible advance to its decision. In present social and economic conditions of the problem of a retirement age increase in Russia increased radically. All civilized countries already developed the accurate action program according to its decision, though with different social and economic consequences: some of them raised a retirement age with "shock" tools in one-two years, other countries prolonged this process for several decades, the thirds refused an age regulation of the insurance pension rights. On what way Russia has to go? It is the main issue of today's realities.*

Keywords: pension reform, retirement age, pension rights, insurance pension, able-bodied population.

Information about the author

Solovyov Arkadiy Konstantinovich (Moscow, Russia) – Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of actuarial and strategic planning of the Pension Fund (4, Shabolovka St., Moscow, 119991, Russia; e-mail: sol26@100.pfr.ru).

Научное издание

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРОСТРАНСТВЕННО-
ВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ**

VI Уральский демографический форум
(г. Екатеринбург, 15-16 июня 2015 г.)

Сборник материалов

Том II

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол № 6 от 16.07.2015 г. Рег. № 23 (15)

Подписано в печать Формат 60x84/16
Усл. п.л. 27,8 Уч.-изд. л. 39 Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии Института экономики
Уральского отделения Российской академии наук
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29.